МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жюль Верн

ШКОЛА РОБИНЗОНОВ
ДВА ГОДА КАНИКУЛ
МАЯК НА КРАЮ СВЕТА

АЗБУКА

Школа робинзонов. Два года каникул. Маяк на краю света

Жюль Габриэль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Школа робинзонов. Два года каникул. Маяк на краю света
Школа робинзонов
Глава первая,. в которой читатель, если захочет, сможет купить по случаю остров в Тихом океане
Глава вторая,. в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско состязается с Таскинаром из Стоктона
Глава третья,. в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом сопровождается игрой на фортепьяно
Глава четвертая,. в которой читателю по всем правилам представляют Т. Артелетта, называемого Тартелеттом
Глава пятая,. которая начинается со сборов к путешествию и кончается благополучным отбытием
Глава шестая,. в которой читателю придется познакомиться с новым персонажем
Глава седьмая,. в которой читатель сможет

убедиться, что Уильям Кольдеруп не напрасно застраховал свои корабль

Глава восьмая,. в которой Годфри предается печальным размышлениям относительно мании путешествий

Глава девятая,. в которой доказывается, что не все прекрасно в профессии робинзона

Глава десятая,. в которой Годфри делает то, что сделал бы на его месте каждый человек, потерпевший кораблекрушение

Глава одиннадцатая,. в которой герои озабочены поисками убежища и решают этот вопрос так, как его можно было решить

Глава двенадцатая,. в которой очень кстати разражается удар молнии

Глава тринадцатая,. в которой Годфри снова замечает легкий дымок, но теперь на другом конце острова

Глава четырнадцатая,. в которой Годфри находит подарок, выброшенный морем, и принимает его с большой радостью

Глава пятнадцатая,. в которой происходит то, что по крайней мере хоть раз должно произойти в жизни настоящего или воображаемого робинзона

Глава шестнадцатая,. в которой рассказывается

об одном неожиданном происшествии
Глава семнадцатая,. в которой ружье учителя танцев Тартелетта поистине творит чудеса
Глава восемнадцатая,. в которой описывается моральное и физическое воспитание уроженца Полинезии
Глава девятнадцатая,. в которой положение, и без того весьма серьезное, все более и более осложняется
Глава двадцатая,. в которой Тартелетт повторяет на все лады, что хочет покинуть остров
Глава двадцать первая,. которая заканчивается удивительной репликой Карефиноту
Глава двадцать вторая,. в которой объясняется все, что казалось до сих пор необъяснимым
Два года каникул
Часть первая
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая

Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Часть вторая
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Маяк на краю света
Глава первая. Маяк
Глава вторая. Остров Штатов
Глава третья. Три сторожа

Глава четвертая. Шайка Конгра
Глава пятая. Шхуна «Мол»
Глава шестая. Бухта Эльгор
Глава седьмая. Пещера
Глава восьмая. Исправление повреждений шхуны
Глава девятая. Васкес
Глава десятая. После кораблекрушения
Глава одиннадцатая. Грабители выброшенных морем остатков кораблекрушений
Глава двенадцатая. Выход из бухты
Глава тринадцатая. Три дня
Глава четырнадцатая. Рассыльное судно «Санта-Фе»
Глава пятнадцатая. Развязка
Словарь морских терминов, встречающихся в книге

Аннотация

Жанр робинзонады в приключенческой литературе намного старше произведения, подарившего ему название. Задолго до того, как Даниель Дефо написал «Робинзона Крузо», тему выживания на необитаемом острове поднимали многие писатели, начиная с древнеегипетского автора «Сказания о потерпевшем кораблекрушение». И конечно же, один из основоположников приключенческой литературы, великий французский писатель Жюль Габриель Верн не мог не отдать должное сюжету, позволяющему поместить героев в экстремальные условия и показать пути спасения. Самым знаменитым произведением Жюля Верна на эту тему, безусловно, стал «Таинственный остров». Но при всей своей популярности этот роман не исчерпал возможностей жанра, и Жюль Верн продолжил их развивать в других произведениях.

В настоящее издание вошли три романа жюль-верновской робинзонады.

События «Школы робинзонов» разворачи-

ваются в несколько водевильном ключе, на необитаемый остров попадают скучающий молодой месье и его наставник в искусстве танцев.

Роман «Два года каникул» повествует о борьбе за выживание группы мальчишек – учеников новозеландского пансиона, которых унесло в океан на яхте, потерпевшей крушение возле одного из островков в Магеллановом проливе. Разные по возрасту и характеру, они вынуждены по-взрослому решать внутренние разногласия, противостоять и дикой природе, и нагрянувшим на остров бандитам.

Там же, в Магеллановом проливе, на островке архипелага Огненная Земля происходит действие романа «Маяк на краю света». Вскоре после того, как отчалил военный корабль, доставивший на остров троих смотрителей маяка, в живых остается лишь один из них…

Жюль Верн
Школа робинзонов. Два года каникул. Маяк на краю света

Jules Verne
L’ÉCOLE DES ROBINSONS
DEUX ANS DE VACANCES
LE PHARE DU BOUT DU MONDE

Перевод с французского
Ивана Аксенова, Нины Брандис, Евграфа Киселева

Иллюстрации
Леона Бенетта, Виктора Дютёртра, Жоржа Ру

© Н. М. Брандис (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жюль Верн

Школа робинзонов

◆

Два года каникул

◆

Маяк на краю света

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Школа робинзонов

JULES VERNE
L'ÉCOLE DES ROBINSONS
DESSINS PAR L. BENETT

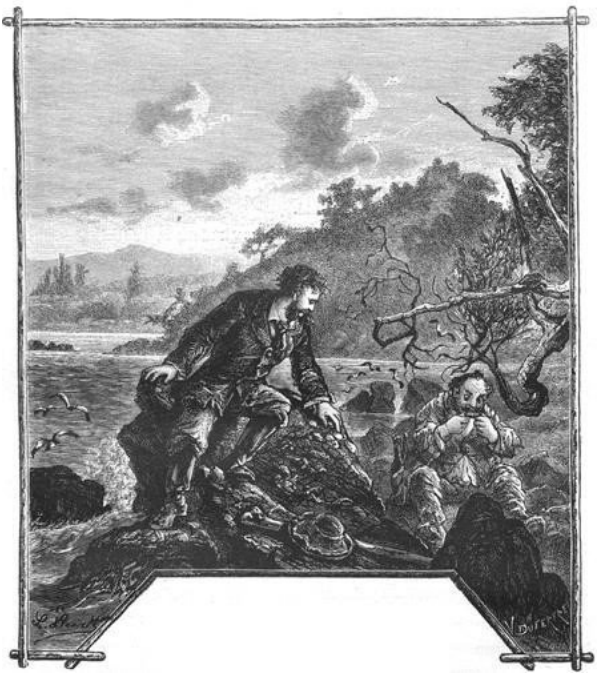
Глава первая, в которой читатель, если захочет, сможет купить по случаю остров в Тихом океане

— Продается остров, за наличные! Издержки за счет покупателя! Достанется тому, кто даст больше! — выкрикивал, не переводя дыхания, Дин Фелпорг, оценщик на аукционе, где обсуждались условия этой странной продажи.

— Продается остров! Продается остров! — еще громче подхватывал его помощник, Джинграс, расхаживая взад и вперед по битком набитому залу.

Действительно, в большом аукционном зале, в доме № 10 по улице Сакраменто, народу собралось видимо-невидимо. В этой возбужденной толпе были не только американцы из штатов Калифорния, Орегон и Юта, но и некоторые из тех французов, что составляют добрую шестую часть населения этих мест, и мексиканцы, завернутые в свои сарапы, и китайцы в халатах с широкими рукавами, в башмаках с заостренными носами, с конусообразными шляпами на голове, и канаки

с островов Океании, даже несколько индейцев с острова Тринидад.



Поспешим добавить, что сцена эта происходила в Сан-Франциско, столице Калифорнии, но не в 1849–1852 годах — пору открытия золотых

россыпей, привлекавших сюда золотоискателей обоих полушарий, а значительно позднее, когда он перестал уже быть караван-сараем, пристанью, где могли найти приют на одну ночь всякие авантюристы, стекавшиеся со всех концов света на золотоносные земли к западному склону Сьерра-Невады.

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как на месте никому не известной Эрба-Буэны вырос этот единственный в своем роде город с его стотысячным населением, построенный на склоне двух холмов (не хватило места на морском побережье), город, затмивший Лиму, Сантьяго, Вальпараисо, а также всех соперников в Западной Америке, город, превращенный американцами в звезду Тихого океана, в «славу Западного побережья».

В день аукциона — 15 мая — было еще холодно. В этой стране, непосредственно подверженной влиянию полярных течений, первые недели мая скорее напоминают конец марта в Средней Европе. Однако в аукционном зале на холод жаловаться не приходилось. Колокольчик своим непрестанным звоном привлекал все новые и новые толпы людей, и там стояла такая жара, что на лицах присутствующих выступали крупные капли пота.

Только не подумайте, что все, толпившиеся в зале аукциона, пришли сюда с целью совершить покупку. Больше того, не будет преувеличением, что там были одни любопытные. И в самом деле, какой чудак, будь он даже богат, как Крез, захотел бы купить остров в Тихом океане, по безумной затее правительства ставший предметом торгов? Поговаривали, что никто не даст назначенную цену, что не найдется любителя, который позволит втянуть себя в игру на повышение. Однако в этом нельзя было обвинить оценщика Фелпорга и его помощника Джингграса, которые с помощью жестов, восклицаний и неумеренных похвал пытались завлечь покупателей.

Кругом смеялись, но никто не двигался с места.

— Остров! Продается остров! — повторял Джингграс.

— Продается, но не покупается, — заметил какой-то ирландец, карман которого не был отягощен даже мелочью.

— Остров, земля которого обойдется дешевле шести долларов за акр! — выкрикивал оценщик Дин Фелпорг.

— Но который не принесет и цента на доллар, — возразил толстый фермер, как видно большой

знаток сельского хозяйства.

— Остров не менее шестидесяти четырех миль в окружности, а площадью в двести двадцать пять тысяч акров!

— Достаточно ли устойчиво его основание? — спросил мексиканец, старый завсегдатай баров, чья устойчивость в данную минуту была более чем сомнительна.

— Остров с девственными лесами, с лугами, холмами и реками, — не унимался оценщик.

— С гарантией? — спросил какой-то француз, видно не очень склонный поддаться на приманку.

— Вот именно, с гарантией, — ответил Фелпорг, слишком привыкший к своей профессии, чтобы обращать внимание на насмешки публики.

— На два года?

— До конца дней.

— И даже больше?

— Остров в полную собственность! — выкрикивал аукционист. — Остров, где нет ни вредных животных, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся…

— И пляж? — спросил какой-то весельчак.

— И нет насекомых? — задал вопрос другой.

— Предлагаем остров! — снова завелся Дин

Фелпорг. — Ну-ка, граждане! Давайте, раскошеливайтесь! Кто хочет получить во владение остров? Остров в прекрасном состоянии, почти не бывший в употреблении! Кому остров? Остров в Тихом океане, этом океане из океанов! Продается за бесценок! Всего лишь миллион сто тысяч долларов!.. Кто покупает?.. Кто хочет сказать свое слово?.. Это вы, сударь?.. Или вы?.. Что же вы качаете головой, как фарфоровый мандарин?.. Предлагаю остров!.. Есть остров!.. Кому остров?

— Позвольте взглянуть! — крикнул кто-то из толпы, словно речь шла о картине или о китайской вазе.

В зале раздался дружный хохот, но никто не прибавил и полдоллара сверх назначенной цены.

Однако, если невозможно было взглянуть на самый остров, то план его был вывешен для всеобщего обозрения. Продавался не кот в мешке. Любители могли увидеть, что представляет собой этот идущий с молотка кусок земли. Никаких неожиданностей, никакого разочарования опасаться не следовало. Географические очертания, местоположение, рельеф, водную систему, климат, средства сообщения — все это легко было выяснить заранее. Можете мне поверить, тут

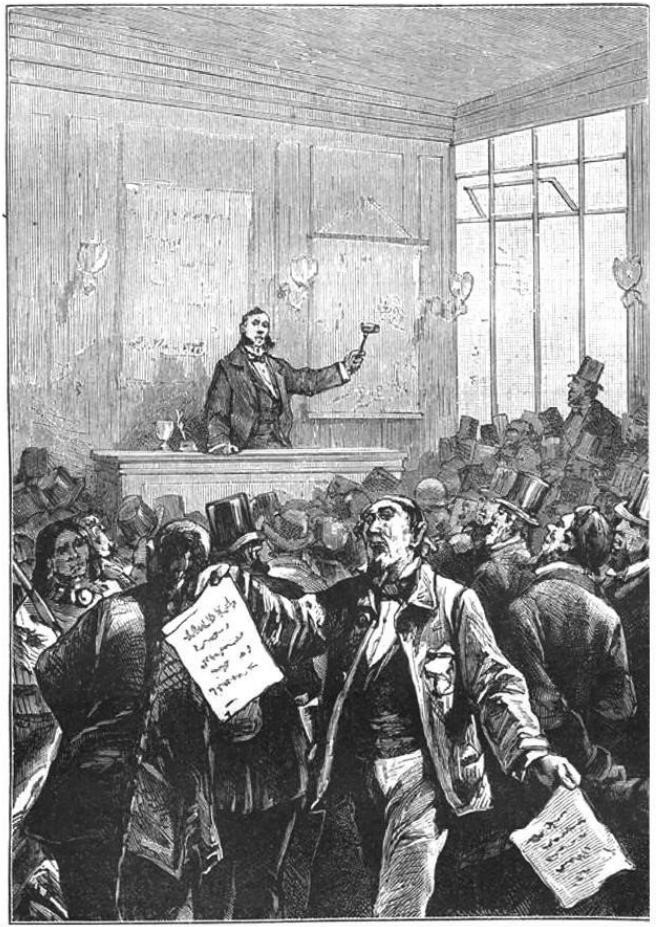
не было никакого подвоха! Кроме того, журналы и газеты Соединенных Штатов, а особенно Калифорнии, выходящие ежедневно, дважды в неделю, еженедельно, два раза в месяц и ежемесячно, вот уж почти полгода привлекали внимание публики к этому острову, продажа которого с аукциона была утверждена Конгрессом.

Речь шла об острове Спенсер, лежащем к западо-юго-западу от Сан-Франциско, в четырехстах шестидесяти милях от калифорнийского берега, под 32°15′ северной широты и 142°18′ западной долготы по Гринвичу.

Хоть остров Спенсер и был расположен довольно близко от побережья и даже, можно сказать, находился в американских водах, трудно представить себе место более уединенное, более изолированное от всяких пассажирских и товарных морских путей. Постоянные морские течения, отклоняясь к северу или к югу, образовали вокруг него нечто вроде озера с тихими водами, иногда обозначаемого на карте как «Глубина Флерье».

В центре этого бассейна и лежал остров Спенсер. Редко-редко проходило мимо него какое-нибудь судно. Главные тихоокеанские пути, связывающие Новый Свет со Старым — будь то Япония или

Китай, — лежат гораздо южнее. Парусные суда встретили бы здесь полный штиль, а паровым не было никакого смысла бороздить эти воды. Итак, ни те, ни другие близ острова Спенсер почти никогда не показывались, и он возвышался средь моря подобно одинокой вершине, которыми увенчиваются в Тихом океане многие подводные скалы.



— Предлагаем остров! — снова завелся Дин Фелпорг. — Ну-ка, граждане! Давайте раскошеливайтесь! Кто хочет получить во владение остров?

Правда, для человека, уставшего от городского шума, мечтающего о покое, что может быть лучше этой «Исландии», затерянной в нескольких сотнях лье от берега! Идеал для добровольного робинзона! Но за этот идеал нужно было выложить кругленькую сумму!

Почему же, однако, Соединенные Штаты захотели отделаться от этого острова? Не было ли это вздорной фантазией? Нет, большая нация не может поддаваться капризам, как какое-нибудь частное лицо. Истинная причина заключалась в следующем: остров Спенсер давно уже стал совершенно бесполезным. Колонизовать его не имело смысла — все равно никто бы там не поселился. И с военной точки зрения он не представлял интереса, так как господствовал над абсолютно пустынной частью Тихого океана. Что же касается интересов коммерческих, то и здесь от него не было бы никакого проку. Продукция острова не оправдала бы фрахтовых издержек по ввозу и вывозу. Устроить там исправительную колонию? Для этого остров находился слишком

близко от берега. Занять же его просто так было бы слишком дорогим удовольствием.

С незапамятных времен остров Спенсер оставался необитаемым, и Конгресс, состоявший из людей «в высшей степени практичных», принял решение продать его с аукциона, но только с условием, чтобы покупатель был гражданином свободной Америки.

Однако дешево отдавать остров государство не хотело. Была назначена сумма в миллион сто тысяч долларов, которая для какой-нибудь акционерной компании представляла бы сущую безделицу.

Такая компания могла бы обеспечить акциями покупку и эксплуатацию острова, но только в том случае, если бы знала, что сможет извлечь из него хоть какую-нибудь выгоду. Однако, как мы уже говорили, никакой выгоды здесь ожидать не приходилось, и деловые люди обращали на остров Спенсер не больше внимания, чем на какой-нибудь айсберг в полярных морях. Для частного лица эта сумма была достаточно высокой. Нужно было обладать крупным состоянием, чтобы позволить себе роскошь так дорого заплатить за причуду, которая в лучшем случае не принесла бы и одного процента прибыли.

Остров продавался только за наличные, а известно, что даже в Соединенных Штатах найдется немного людей, которые, не раздумывая, могут бросить на ветер миллион сто тысяч долларов без всякой надежды получить с них прибыль.

Итак, Конгресс твердо решил не уступать. Один миллион сто тысяч долларов! Ни цента меньше! Пусть уж лучше остров Спенсер останется тогда собственностью государства!

При этом условии заранее можно было предположить, что вряд ли найдется безумец, который пойдет на такую авантюру.

Кроме того, было оговорено, что человек, купивший остров Спенсер, получит не права суверена, а только президента, что он не сможет, подобно королю, иметь подданных. Сограждане будут выбирать его как президента республики на определенный срок, а затем переизбирать снова. И так будет продолжаться до конца его дней. Во всяком случае, он, при всем желании, не сможет стать родоначальником династии. Соединенные Штаты никогда бы не согласились на образование в американских водах королевства, каким бы маленьким оно ни было.

Очевидно, эта оговорка была предусмотрена с целью устранения от торгов какого-нибудь че-

столюбивого миллионера или лишенного власти набоба, если бы тому захотелось соперничать с туземными правителями Сандвичевых[1] или Маркизских островов, Помоту[2] или других архипелагов Тихого океана.

Короче говоря, по той или иной причине, но покупатель не объявлялся. Время шло. Оценщик надрывался, пытаясь добиться надбавки. Помощник тоже кричал что было мочи, но никто из присутствующих даже не кивнул головой, — жест, который эти прожженные аукционисты не преминули бы заметить, — и о цене тем более никто не заикался.

Надо сказать, что если молоток Фелпорга неутомимо поднимался над конторкой, то и собравшимся не лень было ждать. Со всех сторон доносились насмешливые возгласы и довольно плоские шутки. Одни предлагали за остров два доллара вместе с издержками. Другие требовали возмещения расходов по покупке.

Дин Фелпорг продолжал выкрикивать:

— Продается остров! Продается остров!

Но покупателя все не находилось.

---

[1] Notes: 1
Старое название Гавайских островов.

[2] Notes: 2
Новое название — Туамоту.

— А вы гарантируете, что там есть золотоносные жилы? — спросил лавочник Стемпи с Мерчент-стрит.

— Нет, — ответил аукционист, — но если они там окажутся, государство предоставляет владельцу все права на эти участки.

— А есть ли там, по крайней мере, вулкан? — спросил Окхерст, трактирщик с улицы Монтгомери.

— Вулкана там нет, — ответил Дин Фелпорг. — Иначе остров стоил бы дороже.

Эти слова были встречены громким смехом.

— Остров продается! Продается остров! — понапрасну надрывался оценщик. — Только один доллар, только полдоллара надбавки, и он будет ваш!.. Раз… Два…

Но никто не отзывался.

— Если не найдется желающий, торги будут сейчас же прекращены. Раз… Два…

— Миллион двести тысяч долларов!

Эти четыре слова прогремели в зале, как четыре револьверных выстрела.

Толпа на мгновение смолкла. Все повернули головы, чтобы взглянуть на смельчака, отважившегося назвать такую цифру.

Это был Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско.

Глава вторая, в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско состязается с Таскинаром из Стоктона

Жил на свете поразительно богатый человек, ворочавший миллионами долларов с такой же легкостью, как другие тысячами. Звали его Уильям Кольдеруп.

Ходили слухи, что он даже богаче самого герцога Вестминстерского, чей годовой доход достигает восьмисот тысяч фунтов и который в состоянии тратить пятьдесят тысяч франков ежедневно; иначе говоря, тридцать шесть франков в минуту. Поговаривали, что он богаче сенатора Джона из Невады, владельца тридцатипятимиллионной ренты, богаче Мак-Кея, получающего от своего капитала два миллиона семьсот семь тысяч восемьсот франков в час, или два франка и несколько сантимов в минуту.

Нечего говорить уже ни о таких мелких миллионерах, как Ротшильд, Ван дер Билт, герцог Нортумберлендский или Стюарт, ни о директорах мощного калифорнийского банка и других

капиталистах Старого и Нового Света, которым Уильям Кольдеруп мог бы подавать милостыню. Ему легче было бросить на ветер миллион, чем нам с вами каких-нибудь сто су.

Этот ловкий делец положил начало своему сказочному состоянию эксплуатацией золотых россыпей в Калифорнии в качестве главного компаньона швейцарского капитана Зуттера, на чьей земле в 1848 году была открыта первая золотоносная жила. Смело бросаясь в торговые и коммерческие авантюры, Кольдеруп, благодаря смекалке и везению, вскоре становится соучастником чуть ли не всех крупных предприятий Старого и Нового Света. На его неистощимые средства были построены сотни заводов, продукция которых экспортировалась на его же кораблях во все части света. Богатство Кольдерупа возрастало не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Говорили, что он из тех миллиардеров, которые даже не могут сосчитать свой капитал. На самом же деле он знал, чем располагает с точностью до одного доллара, только, в отличие от других, не кичился своим богатством.

В то время, когда мы представили его читателям, Уильям Кольдеруп был владельцем двух тысяч торговых контор, учрежденных чуть ли не

во всех странах мира, флотилии из пятисот кораблей, беспрестанно бороздивших моря для его вящей выгоды. У него было сорок тысяч конторских служащих, триста тысяч корреспондентов, и на одни только марки и почтовые расходы он тратил не меньше миллиона в год.

Короче говоря, он выделялся своим богатством среди всех богачей Фриско — так американцы фамильярно называют столицу Калифорнии.

Надбавка, сделанная Уильямом Кольдерупом, была очень значительной. И вот, когда присутствовавшим на аукционе стало известно имя того, кто только что накинул к цене на остров Спенсер сто тысяч долларов, по залу пронесся трепет. Шуточки мгновенно прекратились. Вместо насмешек послышались восторженные возгласы, раздались крики «ура».

Затем воцарилась тишина. Толпа замерла. Никому не хотелось упустить ни малейших подробностей волнующей сцены, которая могла бы разыграться, если бы кто-нибудь отважился вступить в борьбу с Уильямом Кольдерупом.

Но могло ли такое случиться?

Нет! Стоило только взглянуть на Кольдерупа, чтобы убедиться, что он никогда не отступит от принятого решения, особенно если дело касается

его финансовой репутации.

Это был высокий, сильный человек с крупной головой, широкими плечами и массивным телосложением. Ни перед кем он не опускал своего решительного взгляда. Его седеющая шевелюра была такой же пышной, как и в юные годы. Прямые линии носа образовывали геометрически очерченный треугольник. Усы он сбривал. Подстриженная на американский манер бородка с проседью, очень густая на подбородке, доходила до уголков губ, а затем тянулась к вискам, переходя в бакенбарды. Ровные белые зубы симметрично окаймлял тонко очерченный, в ту минуту сжатый рот. Ничего не скажешь, — голова командора, готового противостоять любой буре. В разыгравшейся битве на повышение каждое движение этого человека, малейший кивок головы могли означать надбавку в сто тысяч долларов.

Бороться с ним было невозможно.

— Миллион двести тысяч долларов! Миллион двести тысяч долларов! — выкрикивал Дин Фелпорг, и в голосе его чувствовалось удовлетворение профессионала, почувствовавшего наконец, что старается он не напрасно.

— Есть покупатель за миллион двести тысяч

долларов! — повторял за ним Джинграс.

— Теперь можно набавлять без страха, — пробормотал трактирщик Окхерст, — все равно Кольдеруп не уступит.

На них зашикали. Раз уже дошло до надбавок, нужно было соблюдать тишину. Все боялись пропустить какую-нибудь захватывающую подробность. Сердца присутствовавших учащенно бились. Осмелится ли кто-нибудь выступить против Уильяма Кольдерупа? А тот стоял с гордым видом, не шелохнувшись, и был так спокоен, будто дело его и не касалось. Только находившиеся рядом с ним могли заметить, что глаза его метали искры, как два пистолета, заряженные долларами и готовые в любой момент выстрелить.

— Никто не дает больше? — крикнул Дин Фелпорг.

Все молчали.

— Раз!.. Два!..

— Раз!.. Два!.. — повторял за ним Джинграс, привыкший к этому диалогу с оценщиком.

— Я присуждаю…

— Мы присуждаем…

— За миллион двести тысяч долларов!

— Все видели?.. Все слышали?..

— Никто потом не будет раскаиваться?

— Остров Спенсер за миллион двести тысяч долларов!

Волнение публики возрастало. Сдавленные груди сотен людей судорожно вздымались и опускались. Неужели в самую последнюю минуту кто-нибудь решится набавить?

Дин Фелпорг, вытянув правую руку над столом, размахивал молотком из слоновой кости. Один удар, один-единственный удар, и остров будет продан.

Даже при учинении самосуда, который именуется в Америке судом Линча, толпа не могла быть более возбужденной.

Молоток медленно опустился, почти коснувшись стола, поднялся снова, несколько мгновений трепетал в воздухе, как рапира в руках фехтовальщика, готового сделать неотразимый выпад, потом быстро опустился.

— Миллион триста тысяч долларов!

Раздался единодушный возглас удивления, а вслед за ним — крики ликования. Желающий сделать надбавку все-таки нашелся!

Итак, состязание продолжается.

Но кто же был этот смельчак, вступивший в поединок за доллары с самим Уильямом Кольдерупом из Сан-Франциско?

Им оказался Таскинар из Стоктона.

Таскинар был не только богат, но к тому же еще и очень толст. Он весил около двухсот килограммов и если на последнем конкурсе толстяков завоевал только вторую премию, то лишь потому, что ему не дали закончить обед и он потерял в весе не менее пяти килограммов.

Этот колосс, который мог сидеть только на специально сделанном для него стуле, жил в Стоктоне на улице Сан-Иохим. Стоктон — один из значительных городов Калифорнии, один из центров, куда свозится добыча с рудников Юга, тогда как в соперничающем с ним Сакраменто сосредоточена продукция рудников Севера. В этом же городе производится самая крупная погрузка на суда калифорнийского хлеба.

Свое огромное состояние Таскинар нажил не только эксплуатацией рудников и торговлей хлебом. Помимо этого он был азартным, притом удачливым, игроком в покер, заменяющий в Соединенных Штатах рулетку. Таскинар был богат, но хорошими человеческими качествами не отличался, и его, не в пример Кольдерупу, никто не назвал бы «почтенным коммерсантом». Однако, что бывает нередко, злословили о нем больше, чем он того заслуживал. Впрочем, слухи

о том, что Таскинар при малейшем поводе не постесняется пустить в ход дерринджер — так называется калифорнийский револьвер, — вовсе не были преувеличенными.

Таскинар ненавидел Уильяма Кольдерупа. Он завидовал его состоянию, положению, репутации. Он презирал его так, как только может толстяк презирать тощего. И не впервые коммерсант из Стоктона пытался из чувства соперничества взять верх над богачом из Сан-Франциско, если это даже шло в ущерб его выгоде. Уильям Кольдеруп прекрасно это знал и всякий раз при встрече выказывал достаточно пренебрежения, чтобы вывести из себя соперника.

Особенно Таскинар не мог простить своему конкуренту последнего успеха, когда тот буквально разбил его на выборах. Несмотря на все усилия, угрозы, клевету — не говоря уже о тысячах долларов, напрасно истраченных им на предвыборных маклеров, — в Законодательном совете Сакраменто сидел не он, Таскинар, а Уильям Кольдеруп.

И вот Таскинару удалось пронюхать, что Уильям Кольдеруп задумал приобрести остров Спенсер. По правде сказать, остров этот был ему так же не нужен, как и его сопернику. Но это не

имело значения. Представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Потому он и оказался в то утро в зале аукциона, замешавшись в толпе любопытных. Почему же Таскинар так долго собирался? Почему не вступал в борьбу, а выжидал, пока соперник не увеличит и без того высокую цену?

И только в ту минуту, когда Уильям Кольдеруп мог уже считать себя обладателем острова, Таскинар выкрикнул оглушительным голосом:

— Миллион триста тысяч долларов!

Все обернулись. Раздались голоса:

— Толстяк Таскинар!

И это имя переходило из уст в уста.

Еще бы! Ведь толстяк Таскинар был известной персоной. Его комплекция дала пищу не одной газетной статье! Какой-то математик даже доказал с помощью дифференциальных вычислений, что масса Таскинара оказывала заметное влияние на массу спутника Земли и даже значительно нарушала лунную орбиту.

Но не комплекция Таскинара в этот момент интересовала собравшихся на аукционе. Все были взбудоражены тем, что он вступил в открытую борьбу с Уильямом Кольдерупом. Это была реши-

тельная схватка, битва, движимая долларами, и трудно было предугадать, на который из этих двух денежных мешков стоило ставить любителям пари. Оба соперника были чертовски богаты, и это был уже вопрос самолюбия.

После первого волнения в зале снова наступила такая тишина, что можно было услышать, как паук ткет свою паутину. Тягостное молчание нарушил голос Дина Фелпорга.

— Миллион триста тысяч долларов за остров Спенсер! — крикнул он, вставая, чтобы лучше следить за игрой на повышение.

Уильям Кольдеруп повернулся в сторону Таскинара. Все расступились, чтобы освободить место соперникам. Богач из Сан-Франциско и богач из Стоктона могли сколько угодно смотреть друг на друга. Однако справедливость заставляет нас заметить, что ни один из них не согласился бы первым опустить глаза.

— Миллион четыреста тысяч! — сказал Кольдеруп.

— Миллион пятьсот тысяч! — произнес в ответ Таскинар.

— Миллион шестьсот тысяч долларов!..

— Миллион семьсот тысяч долларов!..

Представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Не походило ли это на историю с двумя капиталистами из Глазго, соревновавшимися из-за того, чья заводская труба будет выше, рискуя даже навлечь этим катастрофу? Только в данном случае трубы состояли из золотых слитков.

Между тем, услышав последнюю надбавку Таскинара, Уильям Кольдеруп призадумался, не решаясь снова вступить в борьбу. Таскинар же, напротив, рвался в бой и не хотел и минуты тратить на размышление.

— Миллион семьсот тысяч долларов! — повторил оценщик. — Продолжайте, господа. Ведь это сущая безделица.

Можно было предположить, что, следуя своей профессиональной привычке, он не преминет добавить:

— Вещь стоит гораздо дороже!

— Миллион семьсот тысяч! — орал Джинграс.

— Миллион восемьсот тысяч! — вдруг заявил Уильям Кольдеруп.

— Миллион девятьсот тысяч! — не унимался Таскинар.

— Два миллиона! — тут же, не задумываясь,

крикнул Кольдеруп.

При этом лицо его немного побледнело, но всем видом своим он давал понять, что борьбу так легко не прекратит.

Таскинар был вне себя. Его огромное лицо напоминало красный железнодорожный диск, который служит для остановки поездов. Но, видно, его соперник не считался с сигнализацией и продолжал раздувать пары. Таскинар это почувствовал. Кровь еще больше прилила к его апоплексическому лицу.

Толстыми пальцами, унизанными бриллиантами, он теребил массивную золотую цепочку от часов. Глянув на своего противника, он на минуту закрыл глаза и снова открыл. Такой ненависти до сих пор не было в его взгляде.

— Два миллиона пятьсот тысяч! — изрек наконец толстяк, надеясь этим маневром устранить дальнейшую надбавку.

— Два миллиона семьсот тысяч! — спокойно заявил Уильям Кольдеруп.

— Два миллиона девятьсот тысяч!

Тем временем, сопровождаемый криками «ура», Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит.

— Три миллиона!

Да! Это было так! Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско действительно назвал цифру в три миллиона долларов!

Его слова были встречены аплодисментами публики. Однако они сразу же смолкли, когда оценщик, повторив последнюю цифру, поднял молоток и, того и гляди, готов был его опустить. Даже Дин Фелпорг, искушенный аукционист, привыкший ко всяким неожиданностям, на этот раз не мог больше сдерживаться.

Взгляды всех собравшихся в аукционном зале обратились к Таскинару. Толстяк явно ощущал их тяжесть. Но еще больше тяготели над ним три миллиона долларов. Они буквально раздавили его.

Он, без сомнения, хотел говорить, прибавить цену, но не мог… Хотел пошевелить головой… Не тут-то было…

Наконец его голос совсем слабо, но достаточно внятно произнес:

— Три миллиона пятьсот тысяч!

— Четыре миллиона! — заявил Уильям Кольдеруп.

Нанесен был последний, ошеломляющий удар. Таскинар сдался. Молоток в последний раз глухо ударился о мраморный стол.

Остров Спенсер был присужден за четыре миллиона долларов Уильяму Кольдерупу из Сан-Франциско.

— Я отомщу! — злобно прошипел Таскинар.

И, бросив испепеляющий взгляд на противника, он зашагал по направлению к Западной гостинице.

Тем временем, сопровождаемый криками «ура», Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит. Энтузиазм американцев был так велик, что они даже забыли пропеть «Янки Дудл»![3]

[3] Notes: 3

«Янки Дудл» — национальная песня северо-восточных штатов США.

Глава третья, в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом сопровождается игрой на фортепьяно

Итак, Уильям Кольдеруп возвратился в свой особняк на улице Монтгомери. Эта улица для Сан-Франциско все равно что Риджент-стрит для Лондона, Бродвей для Нью-Йорка, Итальянский бульвар для Парижа. Вдоль всей громадной артерии, пересекающей город параллельно набережной, кипит оживление. Множество трамваев, кареты, запряженные мулами или лошадьми, деловые люди, спешащие по каменным тротуарам вдоль витрин бойко торгующих магазинов, а еще больше любителей хорошо провести время — у дверей баров.

Трудно описать особняк этого набоба из Фриско. Миллионер окружил себя ненужной роскошью. Больше комфорта, чем вкуса. Меньше эстетического чутья, чем практичности. Ведь то и другое вместе не уживается.

Пусть читатель узнает, что в особняке этом был великолепный салон для приемов, а в салоне

стояло фортепьяно, звуки которого донеслись до Уильяма Кольдерупа, когда он переступил порог своего дома.

«Вот удача! — подумал он. — Оба они здесь. Дам только распоряжение кассиру и сразу к ним».

И Кольдеруп направился к своему кабинету, собираясь тут же покончить дело с покупкой острова Спенсер, чтобы больше к нему не возвращаться. Нужно было только реализовать несколько ценных бумаг и уплатить за покупку. Четыре строчки биржевому маклеру, и делу конец, после чего Уильям Кольдеруп сможет заняться другой операцией, не менее приятной, но совсем в другом жанре.

Действительно, молодые люди находились в салоне. Она сидела за фортепьяно, а он, полулежа на диване, рассеянно слушал мелодию, которую извлекали из инструмента ее пальцы.

— Ты слушаешь мою игру? — спросила она.

— Конечно, Фина!

— Да, но слышишь ли ты хоть что-нибудь?

— Как же, все слышу. Никогда еще ты так хорошо не играла этих вариаций из «Auld Robin

gray»[4].

— Но ведь это совсем не «Auld Robin gray», Годфри, это «Гретхен за прялкой» Шуберта.

— Так я и думал, — равнодушным тоном ответил Годфри.

Молодая девушка подняла обе руки и несколько мгновений держала их над клавишами, словно собираясь взять аккорд. Потом, повернувшись вполоборота, посмотрела на Годфри, который, казалось, избегал встречаться с ней взглядом.

Рано потеряв родителей, Фина Холланей воспитывалась в доме своего крестного, Уильяма Кольдерупа, который любил ее, как родную дочь.

Фине исполнилось шестнадцать лет. Это была миловидная блондинка с решительным характером, отражавшимся в кристальной голубизне ее глаз. У молодой девушки было доброе сердце, но не меньше практического ума, ограждавшего ее от грез и иллюзий, свойственных этому возрасту.

— Годфри? — произнесла она.

— Что, Фина?

— Где витают сейчас твои мысли?

---

[4] Notes: 4

«Auld Robin gray» — «Старый Робин Грей» *(англ.)* — опера, написанная по мотивам одноименной шотландской баллады Анн Линдсей, которую приписывают американскому композитору Александру Рейналу (1756–1804).

— Как «где»? Возле тебя… Здесь…

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь… Они далеко, далеко… За морями… Не правда ли?

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь… Они далеко-далеко… За морями… Не правда ли?

Рука Фины невольно упала на клавиши. Прозвучало несколько минорных аккордов, грустный тон которых, видимо, не дошел до племянника Кольдерупа.

Сын родной сестры богача из Сан-Франциско, рано потерявший родителей, Годфри Морган, как и Фина Холланей, получил воспитание в доме своего дядюшки, слишком увлеченного делами, чтобы подумать о собственной семье.

Годфри было двадцать два года. К этому времени он успел закончить образование, а теперь вел праздную жизнь. Хоть он и удостоился университетского диплома, но ученей от этого не стал. Жизнь открывала перед ним большие возможности, широкую дорогу. Он мог следовать по ней направо, налево и в конце концов пришел бы туда, где бы ему улыбнулось счастье.

К тому же Годфри был хорошо сложен, воспитан, элегантен, никогда не носил колец или запонок с драгоценными камнями. Одним словом, не питал пристрастия к товарам ювелирных магазинов, до которых так падки его сограждане.

Никто не удивится, если я сообщу, что Годфри Морган должен был жениться на Фине Холланей. Да и как могло быть иначе? Все шло к тому. Прежде всего, этого хотел Уильям Кольдеруп. Он ничего так не желал, как сделать наследниками своего состояния двух молодых людей, к которым питал отеческие чувства, не говоря уже о том, что его воспитанник и воспитанница нежно любили друг друга. Помимо всего прочего, а может быть, с этого нужно было начинать, предстоящее супружество имело прямое отношение к делам фирмы. С самого рождения Годфри на его имя был открыт один счет и на имя Фины — другой. Теперь оставалось только подытожить обе суммы и завести новый общий счет супругов. Почтенный коммерсант нисколько не сомневался, что это в конце концов произойдет и что итог будет подведен без пропусков и ошибок.

Однако в то время, когда начинается наш рассказ, сам Годфри еще не чувствовал себя подготовленным к браку. Впрочем, его мнения никто не спрашивал и уж во всяком случае дядюшке было безразлично, что он думает.

Закончив образование и проводя свои дни в праздности, Годфри преждевременно пресытился жизнью, дарившей ему все блага, каких только

он мог пожелать. Ему захотелось повидать свет. Он вбил себе в голову, что изучил все науки, кроме путешествий. И действительно, из всех земель Старого и Нового Света он знал лишь одну географическую точку, Сан-Франциско, свой родной город, с которой расставался только во сне.

Да разве может уважающий себя молодой человек, особенно если он американец, не совершить двух или трех кругосветных путешествий? Как иначе испытать ему свои способности? Где еще встретятся ему приключения, в которых он проявит мужество и находчивость? Кроме того, преодолеть несколько тысяч лье, чтобы видеть, наблюдать, расширять свои знания, — разве это не полезное дополнение к хорошему образованию?

И вот произошло следующее. Примерно за год до начала нашего рассказа Годфри стал с увлечением читать многочисленные книги о путешествиях. Вместе с Марко Поло он открывал Китай, с Колумбом — Америку, с капитаном Куком — Тихий океан, с Дюмон д'Юрвилем — земли у Южного полюса. С тех пор Годфри загорелся желанием посетить все эти места, где побывали до него прославленные путешественники. Он готов был ради этих экспедиций пойти на любой

риск — встретиться лицом к лицу с малайскими пиратами, участвовать в морских сражениях, потерпеть кораблекрушение и высадиться на необитаемом острове, где он вел бы жизнь подобно Селкирку[5] или Робинзону Крузо. Робинзон! Стать робинзоном! Чье молодое воображение не воспламенялось этой мечтой при чтении романов Даниэля Дефо или Висса?[6] В этом смысле Годфри ничем не отличался от своих сверстников.

И как раз в то время, когда он грезил о путешествиях, необитаемых островах и пиратах, дядюшка задумал связать его, как говорится, брачными узами. Путешествовать вместе с Финой после того, как она станет миссис Морган? Нет, это было бы безумием! Либо нужно отправиться в путь одному, либо вовсе отказаться от своих дерзновенных планов.

---

[5] Notes: 5

Селкирк — шотландский моряк, проведший несколько лет на необитаемом острове. Биографы Даниэля Дефо утверждают, что Селкирк был прототипом Робинзона Крузо, героя знаменитого романа Дефо.

[6] Notes: 6

В романе немецко-швейцарского писателя Иоганна Давида Висса «Швейцарский Робинзон» (1812) изображена трудовая жизнь на необитаемом острове не одного человека, как в «Робинзоне Крузо» Дефо, а целой семьи: отца и четырех сыновей с разными характерами и наклонностями. В 1900 г. Жюль Верн опубликовал роман «Вторая родина», задуманный как продолжение «Швейцарского Робинзона» Висса.

Годфри созреет для подписания брачного контракта не раньше, чем осуществит свои замыслы. Можно ли думать о семейном счастье, когда ты еще не побывал ни в Японии, ни в Китае, ни даже в Европе? Нет! Нет! И еще раз нет!

Вот почему был так рассеян Годфри, вот почему он с таким безразличием внимал словам песни, был так безучастен к игре, которую когда-то не уставал расхваливать.

Фина, девушка серьезная и сообразительная, быстро все заметила. Сказать, что это не доставило ей некоторой досады, смешанной с огорчением, значило бы незаслуженно ее оклеветать. Но, привыкнув искать во всем положительную сторону, она решила: если Годфри так необходимо путешествовать, то лучше пусть он поездит до женитьбы, чем после.

Вот почему она ответила молодому человеку так просто, но многозначительно:

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь, не возле меня, они далеко-далеко, за морями!

Годфри поднялся, не глядя на Фину, сделал несколько шагов по комнате и, подойдя к фортепьяно, машинально ударил по клавише указательным пальцем.

Раздалось *ре-бемоль* самой нижней октавы,

печальная нота, выразившая его душевное состояние.

Фина все поняла и без долгих колебаний сначала решила припереть своего жениха к стенке, а потом уже помочь ему устремиться туда, куда его влекла фантазия. Но в эту самую минуту дверь салона отворилась.

В комнату вошел, как всегда, немного озабоченный Уильям Кольдеруп. Покончив с одной операцией, он собирался приступить к другой.

— Итак, — изрек коммерсант, — остается лишь окончательно наметить день.

— День? — вздрогнув, спросил Годфри. — Какой день, дядюшка, вы имеете в виду?

— Ну, разумеется, день вашей свадьбы, — ответил Кольдеруп. — Надо полагать, что не моей.

— Пожалуй, это было бы более кстати, — заметила Фина.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивился Кольдеруп. — Итак, назначаем свадьбу на конец месяца. Решено?

— Но, дядя Виль. Сегодня нам предстоит наметить не день свадьбы, а день отъезда.

— Отъезда? Какого отъезда?

— Очень просто, дату отъезда Годфри, который, перед тем как жениться, хочет совершить

небольшое путешествие.

— Значит, ты в самом деле хочешь уехать? — воскликнул Уильям Кольдеруп, схватив племянника за руку, будто для того, чтобы тот от него не сбежал.

— Да, дядя Виль, — бодро ответил Годфри.

— И надолго?

— На восемнадцать месяцев или, самое большее, на два года, если…

— Если?..

— Если вы мне разрешите, а Фина будет ждать моего возвращения.

— Ждать тебя! Нет, вы только поглядите на этого жениха, который только и думает, как бы сбежать, — воскликнул Кольдеруп.

— Пусть Годфри поступает так, как хочет, — сказала девушка. — Дядя Виль! Ведь я на этот счет много передумала. Хоть годами я и моложе Годфри, но в знании жизни гораздо старше его. Путешествие поможет ему набраться жизненного опыта, и, мне кажется, не стоит его отговаривать. Хочет путешествовать — пусть едет. Ему самому захочется спокойной жизни, а я буду его ждать.

— Что! — воскликнул Уильям Кольдеруп. — Ты соглашаешься дать свободу этому вертопраху?

— Да, на два года, которые он просит.

— И ты будешь его ждать?

— Если бы я была неспособна его ждать, это бы означало, что я его не люблю.

Произнеся эту фразу, Фина возвратилась к фортепьяно, и ее пальцы, сознательно или невольно, тихо заиграли очень модную в те времена мелодию «Отъезд нареченного». Хоть песня и была написана в мажорной тональности, Фина, сама того не замечая, исполнила ее в миноре.

Смущенный Годфри не мог вымолвить ни слова. Дядя взял его за подбородок и, повернув к свету, внимательно на него посмотрел. Он спрашивал его без слов, и слова для ответа тоже не понадобилось.

А мелодия «Отъезд нареченного» становилась все печальнее.

Наконец Уильям Кольдеруп, пройдя взад и вперед по комнате, направился к Годфри, который походил на подсудимого, стоящего перед судьей.

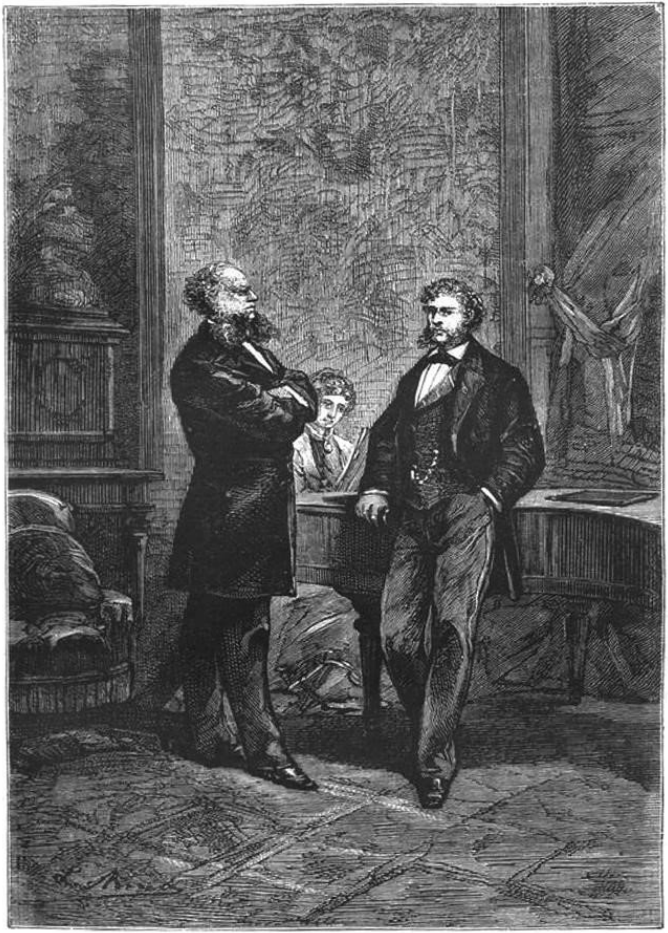
— Это серьезно? — спросил он у племянника.

— Очень серьезно! — ответила за жениха Фина, не прерывая музыки, тогда как Годфри лишь утвердительно качнул головой.

— All right, — произнес Кольдеруп, окинув племянника странным взглядом.

Затем сквозь зубы добавил:

— Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Будь по-твоему, племянник!



— Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Будь по-твоему, племянник!

И, сделав еще два-три шага, остановился перед Годфри, скрестил руки и спросил:

— Итак, где бы ты хотел побывать?

— Повсюду, дядюшка.

— А когда ты собираешься в путь?

— Как вам будет угодно, дядя Виль.

— Ладно! Это произойдет очень скоро.

При этих словах Фина внезапно оборвала игру. Быть может, девушке немного взгрустнулось. Так или иначе, решение ее оставалось непоколебимым.

Глава четвертая, в которой читателю по всем правилам представляют Т. Артелетта, называемого Тартелеттом

Если бы Т. Артелетт был французом, соотечественники не преминули бы шутливо окрестить его Тартелеттом[7]; так как это имя ему очень подходит, мы, не колеблясь, и будем впредь его так называть.

В своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Шатобриан упоминает маленького человека, «напудренного и завитого, в зеленом костюме, дрогетовом жилете с муслиновыми[8] манжетами и жабо, который пиликал на своей скрипке, заставляя плясать ирокезов»[9].

Калифорнийцы, ясное дело, не ирокезы, но Тартелетт был учителем танцев и изящных манер в Калифорнии. Хоть в уплату за уроки он и не

---

[7] Notes: 7

Тартелетт — сладкий пирожок *(фр.)*.

[8] Notes: 8

Дрогет, муслин — ткани.

[9] Notes: 9

Ирокезы — группа индейских племен, широко распространенных в XVI–XIX веках на равнинах Северной Америки.

получал, как его предшественник, бобровыми шкурами и медвежьими окороками, зато ему платили долларами. Во всяком случае, он ничуть не меньше способствовал цивилизации своих учеников, чем тот француз, обучавший хорошим манерам ирокезов.

В ту пору, когда мы представили его читателю, Тартелетт был холост и говорил, что ему сорок пять лет. Но за десять лет до этого он чуть было не вступил в брак с одной перезрелой девицей.

Ради такого события его попросили в нескольких строках изложить свою биографию, что он и не преминул сделать. Эти данные помогут нам воспроизвести его портрет с двух точек зрения: моральной и физической.

Родился 17 июля 1835 года в три часа пятнадцать минут утра.

Рост — пять футов, два дюйма, три линии.

Объем выше бедер — два фута, три дюйма.

Вес, увеличившийся за последний год на шесть фунтов, — сто пятьдесят один фунт, две унции.

Форма головы — продолговатая.

Волосы — каштановые с проседью, редкие на макушке.

Лоб — высокий.

Лицо — овальное.

Цвет лица — здоровый.

Зрение — отличное.

Глаза — серо-карие.

Брови и ресницы — светло-каштановые.

Веки — запавшие.

Нос — средней величины, на краю левой ноздри выемка.

Щеки — впалые, без растительности.

Уши — большие, приплюснутые.

Рот — средний. Гнилых зубов нет.

Губы — тонкие, немного сжатые, обрамлены густыми усами и эспаньолкой.

Подбородок — круглый.

Шея — полная. На затылке родинка.

Когда купается, можно заметить, что тело белое, немного волосатое.

Жизнь ведет правильную, уравновешенную.

Не обладая крепким здоровьем, сумел его сохранить благодаря воздержанности.

Бронхи слабые. По этой причине лишен дурной привычки курить табак.

Не употребляет ни спиртных напитков, ни кофе, ни ликеров, ни виноградных вин.

Короче говоря, избегает всего, что может оказывать пагубное воздействие на нервную систему.

Легкое пиво, вода, подкрашенная вином, — вот

единственные напитки, которые употребляет без всяких опасений. Благодаря своему благоразумию ни разу от рождения не обращался к врачу.

Жесты оживленные, походка быстрая, характер открытый и искренний. Деликатен до крайности — до сих пор не решился соединить свою судьбу с женщиной из страха сделать ее несчастной.

Такой была характеристика, составленная самим Тартелеттом и, безусловно, заманчивая для девицы определенного возраста. Тем не менее брак этот не состоялся, учитель по-прежнему жил холостяком и продолжал давать уроки танцев и изящных манер.

В этом амплуа он и появился в доме Уильяма Кольдерупа, а с течением времени, когда ученики стали мало-помалу отсеиваться, остался приживальщиком в семье богача.

Несмотря на все странности, человек он был очень славный и все домочадцы к нему привязались. Он любил Годфри, любил Фину, и они отвечали ему взаимностью. Теперь у него в жизни было только одно честолюбивое стремление: передать молодым людям все тонкости своего искусства, сделать их образцом хороших манер.

И вот представьте себе, что именно учителя

танцев Тартелетта и выбрал Уильям Кольдеруп в спутники своему племяннику для предстоящего путешествия. Впрочем, у него были некоторые основания предполагать, что Тартелетт в какой-то мере способствовал желанию Годфри побродить по свету для полного завершения образования. Раз так, пусть едут оба! На следующий день, 16 апреля, он вызвал учителя танцев к себе в кабинет.

Просьба набоба была для Тартелетта равносильна приказу. Учитель вышел из своей комнаты, на всякий случай прихватив с собой карманную скрипку, поднялся по широкой лестнице, правильно расставляя ноги, как и подобает учителю танцев, деликатно постучал в дверь и с приятной улыбкой на лице вошел в кабинет, склонившись и округлив локти.

Затем он встал в другую позицию, скрестив нижние части ног таким образом, что пятки касались друг друга, а носки смотрели в противоположные стороны.

Любой другой на месте учителя танцев Тартелетта не смог бы удержаться на ногах в таком неустойчивом положении, но он выполнил это с большим знанием дела.

— Мсье Тартелетт, — обратился к учителю Уильям Кольдеруп. — Я пригласил вас, чтобы

сообщить одну новость. Надеюсь, она вас не поразит.

— К вашим услугам, — ответил Тартелетт.

— Свадьба моего племянника откладывается на год или на полтора года. Годфри решил сначала побывать в разных странах Старого и Нового Света.

— Мистер Кольдеруп, — ответил учитель, — мой ученик с честью будет представлять страну, в которой родился.

— А равно и наставника, который обучил его хорошим манерам, — добавил почтенный коммерсант. Но простодушный Тартелетт не усмотрел в его голосе никакой иронии.

Вслед за этим учитель танцев, убежденный, что он должен проделать все требуемые позиции, сначала наклонил ноги вбок, будто собираясь кататься на коньках, затем, легко согнув колено, поклонился Уильяму Кольдерупу.

— Я подумал, — продолжал коммерсант, — что вам не совсем приятно будет расставаться со своим учеником.

— О, крайне неприятно, — сказал Тартелетт, — но если это нужно…

— Совсем это не нужно, — возразил Уильям Кольдеруп, нахмурив густые брови.

— Тогда как же? — произнес Тартелетт.

Слегка взволнованный, он отступил назад, чтобы перейти из третьей в четвертую позицию, потом расставил ноги, видимо не сознавая, что делает.

— Вот так! — безапелляционно заявил коммерсант. — Мне пришло в голову, что будет действительно очень жестоко разлучить учителя и ученика, достигших такого взаимопонимания.

Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев почувствовал, как дрожат мускулы его искушенных тридцатипятилетними упражнениями ног.

— Конечно, путешествия... — пробормотал Тартелетт, казалось, не желавший ничего понимать.

— Да, конечно... — подхватил Уильям Кольдеруп. — Во время путешествия раскроются не только таланты моего племянника, но и учителя, которому он обязан умением так хорошо себя держать...

Никогда этому большому ребенку и в голову не приходило, что в один прекрасный день ему придется покинуть Сан-Франциско, Калифорнию, даже Америку, чтобы отправиться бороздить моря. Этого никак не мог понять человек, больше занятый хореографией, чем путешествиями, и не выезжавший из города на расстояние свыше десяти миль. И вот теперь ему предлагали, нет, ему дали понять, что, хочет он или не хочет, он вынужден покинуть свою страну, чтобы испытать все трудности и неудобства переездов, которые он сам же рекомендовал своему ученику! Было от чего волноваться такому не слишком тренированному мозгу, каким обладал Тартелетт. Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев

почувствовал, как дрожат мускулы его искушенных тридцатипятилетними упражнениями ног.

— Может быть, — сказал он, пытаясь вызвать на губах шаблонную улыбку танцовщика, которая только на мгновение исчезла. — Может быть, я не гожусь для…

— Привыкнете! — ответил Кольдеруп тоном, не терпящим возражений.

Отказаться? Нет, это было невозможно. Тартелетт о таком даже не подумал. Кем он был в доме богача? Вещью, тюком, грузом, который можно было отправить на все четыре стороны. Однако предстоящее путешествие его порядком взволновало.

— И когда же состоится отъезд? — спросил он, снова пытаясь стать в академическую позицию.

— Через месяц.

— А по какому бурному морю решил мистер Кольдеруп отправить нас с Годфри?

— Сначала по Тихому океану.

— А в какой точке земного шара должна ступить моя нога?

— В Новой Зеландии, — ответил коммерсант. — Я заметил, что новозеландцы не умеют толком округлять локтей! Вы их подучите!

Вот при каких обстоятельствах учитель тан-

цев Тартелетт был назначен в спутники Годфри Моргану.

Одного знака Кольдерупа было учителю достаточно, чтобы понять, что аудиенция окончена. Он удалился в таких растрепанных чувствах, что грация, обычно сопровождавшая его уход, на этот раз оставляла желать много лучшего.

И в самом деле, впервые за свою жизнь учитель танцев Тартелетт, забыв от волнения элементарные правила своего искусства, вышел из кабинета, не выворачивая ног.

Глава пятая, которая начинается со сборов к путешествию и кончается благополучным отбытием

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Перед тем как начать вдвоем долгое путешествие по жизни, именуемое супружеством, Годфри должен был совершить путешествие вокруг света, что бывает иногда намного опасней. Но наш герой рассчитывал на успех своего предприятия. Он вернется домой не зеленым юнцом, а зрелым мужем, он многое сможет повидать, будет наблюдать и сравнивать, удовлетворит свое любопытство, а потом со спокойной совестью станет наслаждаться семейным счастьем. И тогда уже никакие искушения не заставят Годфри покинуть свой дом, отказаться от оседлой, спокойной жизни.

Правильно рассуждал он или нет? Окажется ли предстоящий урок для него полезным? Это покажет будущее.

Годфри сиял от радости, а Фина, не выдавая своей тревоги, смирилась с предстоящим испы-

танием.

Учитель танцев Тартелетт, всегда так твердо стоявший на ногах, такой искушенный во всех поворотах и позициях, на этот раз утратил свою обычную уверенность и тщетно пытался вновь ее обрести. Он качался даже на паркетном полу в своей комнате, словно в каюте корабля во время бортовой или килевой качки.

Что касается Уильяма Кольдерупа, то, приняв решение, невозмутимый коммерсант стал еще менее общительным, особенно с племянником. По его сжатым губам и полузакрытым глазам можно было определить, что в его практичную голову, в которой обычно роились сложнейшие финансовые комбинации, засела навязчивая мысль.

— Итак, тебе захотелось путешествовать, — бормотал он сквозь зубы, — путешествовать вместо того, чтобы жениться и сидеть дома, — что ж! Ты попутешествуешь!

Вскоре начались приготовления.

Прежде всего, следовало обсудить и взвесить все вопросы, связанные с выбором маршрута.

В какую сторону отправится Годфри — на юг, на восток или на запад? Это предстояло решить в первую очередь.

Если бы он сначала отправился на юг, то пароходные компании «Панама—Калифорния—Британская Колумбия», а затем «Саутгемптон—Рио-де-Жанейро» помогли бы ему добраться до Европы.

Если бы он взял курс на восток, то мог бы достичь берегов Старого Света, воспользовавшись сначала трансконтинентальной тихоокеанской железной дорогой, которая доставила бы его до Нью-Йорка, а потом — любым пакетботом американской или французской трансатлантической судоходной компании.

Если бы ему вздумалось сначала ехать на запад, то, прибегнув к услугам трансокеанской пароходной компании «Золотой Век», он легко попал бы в Мельбурн, а оттуда на каком-нибудь судне, принадлежащем «Восточной пароходной линии», добрался бы до Суэца. Благодаря математически точной координации расписаний пароходов и поездов, путешествие вокруг света превращалось в обычную туристскую поездку. Но совсем не так предстояло путешествовать племяннику набоба из Фриско!

Для своих коммерческих операций Уильям Кольдеруп располагал целой флотилией паровых и парусных судов. Почему бы миллионеру не

предоставить одно из них в распоряжение Годфри Моргана, как если бы он был принцем крови и путешествовал ради собственного удовольствия на средства подданных своего отца?

Сказано — сделано.

По приказанию Кольдерупа стали снаряжать «Dream»[10] — солидный пароход водоизмещением в шестьсот тонн, с двигателем в двести лошадиных сил, под командованием капитана Тюркота, испытанного морского волка, избороздившего все океаны под всеми широтами. Отважный моряк, привыкший к торнадо, тифонам и циклонам[11], он из пятидесяти лет своей жизни сорок отдал навигации. Лечь в дрейф во время шторма и смело идти навстречу урагану этому храбрецу было легче, чем выдерживать «земную болезнь» в редкие недели отпуска. От вечного потряхивания на капитанском мостике он приобрел привычку постоянно раскачиваться вправо и влево, вперед и назад — это был своего рода «качечный» тик.

Помощник капитана, механик, четыре ко-

---

[10] Notes: 10

Мечта, сновидение *(англ.).*

[11] Notes: 11

Торнадо, тифоны, циклоны — название сильных морских бурь с вихревым движением воздуха.

чегара и двенадцать матросов вместе с боцманом — вот восемнадцать человек, составлявших экипаж «Дрима», который при спокойном ходе, то есть не более восьми миль в час, мог сойти за образцовое судно. А то, что он был не в состоянии развивать достаточную скорость во время бури, — это сущая правда. Но зато его не заливала волна — несомненное преимущество, компенсирующее тихоходность, особенно в том случае, когда некуда спешить. К тому же «Дрим» был оснащен как шхуна, и при благоприятном ветре пятьсот квадратных ярдов парусов всегда могли облегчить работу паровой машины.

Однако не подумайте, что плавание на «Дриме» должно было стать только увеселительной прогулкой. Уильям Кольдеруп был человек достаточно практичный, чтобы не воспользоваться для своих дел переездом в пятьдесят-шестьдесят тысяч миль по всем морям земного шара. Правда, отчалить от гавани предстояло без груза, но устойчивость легко было сохранить, наполнив водобалластные отсеки, что позволило бы в случае необходимости погрузиться ниже ватерлинии, хотя бы до самой палубы. Погрузка должна была производиться в промежуточных портах, где находились торговые конторы

богатого негоцианта. В этом не было ничего необычного: капитану Тюркоту и не придется понапрасну гонять судно! Фантазия Годфри Моргана не уменьшит ни на один доллар дядюшкину кассу! Вот как совершаются сделки в хороших торговых домах!

Все подробности были обговорены на долгих и секретных совещаниях между Кольдерупом и капитаном Тюркотом. Но, как видно, несложное на первый взгляд дело оказалось не таким уж легким, если капитану пришлось несколько раз наведываться в кабинет коммерсанта. Когда он оттуда выходил, наиболее прозорливые из домочадцев Уильяма Кольдерупа могли бы заметить, что вид у него был довольно странный: взъерошенные, растрепанные волосы словно вздымались ветром, туловище еще больше, чем обычно, раскачивалось во все стороны. Во время этих переговоров из кабинета иногда доносились раскаты громких голосов, из чего можно было заключить, что беседы носили далеко не миролюбивый характер. Капитан Тюркот, человек по природе прямой, никогда не гнул спину перед Уильямом Кольдерупом. А богач настолько любил и ценил капитана, что даже позволял ему себе противоречить.

Наконец как будто все уладилось. Кто же уступил, Уильям Кольдеруп или Тюркот? Трудно было решить, не зная предмета споров. Но вряд ли это был капитан.

Так или иначе, после восьмидневных переговоров коммерсант и моряк, как видно, все же пришли к соглашению, несмотря на то, что Тюркот продолжал недовольно ворчать:

— Пусть меня унесут пятьсот тысяч чертей, если я когда-нибудь ожидал такой работы!

Между тем снаряжение «Дрима» быстро продвигалось вперед, и капитан прилагал все усилия к тому, чтобы в первой половине июня судно могло выйти в море. Все было сделано наилучшим образом: подводная часть выкрашена суриком и резко отличалась коричневато-красным цветом от черной верхней части корпуса.

В порт Сан-Франциско заходит множество судов под разными флагами. Городская гавань, раскинувшаяся вдоль побережья, давно уже стала бы помехой для погрузки и выгрузки товаров, если бы инженерам не удалось возвести искусственные сооружения. В воду вбили прочные сваи из красной ели, а сверху положили дощатый настил, образующий широкую платформу в несколько квадратных миль. И хотя она заняла бóльшую

часть бухты, места еще оставалось достаточно. На стапелях для разгрузки громоздились подъемные краны и множество тюков с товарами. К стапелям в образцовом порядке, не задевая друг друга, причаливали одно за другим океанские суда и речные пароходы, клипера из всех стран и американские рыбачьи баркасы.

У одной из таких искусственных пристаней, в конце Уорф-Мишн-стрит, снаряжался по всем правилам «Дрим», уже прошедший в особом доке килевание[12].

Короче говоря, было сделано все, чтобы приготовленный для Годфри пароход мог пуститься в долгий путь: провиант и необходимые припасы были вовремя заготовлены, к оснастке не придрался бы лучший из знатоков, котел был тщательно проверен, машина и винты не оставляли желать лучшего. Для надобности экипажа и большей легкости сообщения с землей на палубу «Дрима» была установлена быстроходная и устойчивая паровая шлюпка, необходимая во время плавания.

К 10 июня все было готово. Оставалось лишь выйти в море.

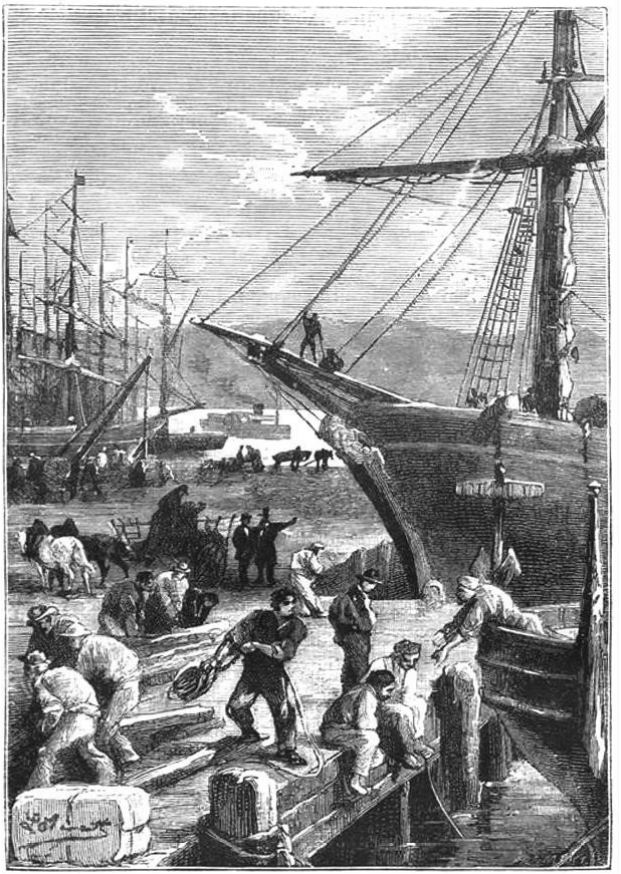
---

[12] Notes: 12

Килевание — ремонт подводной части судна.

Люди, поставленные капитаном Тюркотом для наблюдения за машиной и парусами, были специалистами своего дела, и лучших найти было трудно. На нижней палубе в загонах поместили скот и птицу: агути[13], баранов, коз, петухов и кур. Кроме того, заготовили изрядное количество ящиков с отборнейшими консервами.

[13] Notes: 13
Агути — род зайцевидных грызунов.



Между тем снаряжение «Дрима» быстро про-

двигалось вперед, и капитан прилагал все усилия к тому, чтобы в первой половине июня судно могло выйти в море.

Что касается маршрута «Дрима», то он, вероятно, и вызвал разногласия Уильяма Кольдерупа и капитана Тюркота. Пока было только известно, что первую остановку решили сделать в Окленде, столице Новой Зеландии, если только потребность в угле или противные ветры не заставят до этого посетить какой-нибудь из тихоокеанских архипелагов или какой-нибудь китайский порт.

Впрочем, все эти подробности не имели для Годфри никакого значения с того момента, как он узнал, что путешествие состоится, и еще меньше интересовали Тартелетта, чье больное воображение с каждым днем все больше увеличивало предстоящие опасности.

Нужно было выполнить еще одну формальность: сняться у фотографа.

Какой жених позволит себе отправиться в кругосветное путешествие, не взяв с собой портрета своей невесты и не оставив ей своего?

Поэтому Годфри в костюме туриста предстал перед Стефенсоном, фотографом с Монтгомери-стрит. Его сопровождала Фина в строгом костюме для прогулок, доверившая солнцу запечатлевать

черты своего миловидного, слегка опечаленного лица.

Обмен фотографиями был иллюзорным способом не разлучаться во время долгой разлуки. Портрет Фины должен был стоять в каюте Годфри, а портрет Годфри в комнате его невесты.

Несмотря на то что Тартелетт не был женихом и быть им никогда не собирался, решили и его черты запечатлеть на сверхчувствительной бумаге. Но при всем своем таланте фотограф не мог получить удовлетворительного снимка. На снимке проступал какой-то смутный туман, в котором невозможно было узнать учителя танцев и изящных манер. А происходило это оттого, что во время фотографирования, не слушаясь указаний ассистентов знаменитого фотографа, Тартелетт не переставал ерзать. Испробовать другие, более быстрые методы — моментальную съемку? Бесполезно! Тартелетт заранее начинал раскачиваться, совсем как капитан «Дрима».

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта, и пароход стал медленно отчаливать.

Пришлось отказаться от мысли увековечить черты этого замечательного человека — непоправимое несчастье для будущих поколений, если — мы, конечно, далеки от этой мысли — если Тартелетт вместо того, чтобы попасть, как он предполагал, в Старый Свет, отправится на тот свет, откуда уже нет возврата.

Итак, приготовления закончились, оставалось лишь сняться с якоря. Все нужные бумаги, записи о владении кораблем, страховой полис — все было в полном порядке. Еще за два дня до этого поверенный торгового дома Уильяма Кольдерупа прислал последние подписи.

Девятого июня в особняке на Монтгомери-стрит был дан прощальный завтрак. Пили за счастливое путешествие Годфри и за его скорое возвращение.

Молодой человек был очень взволнован и даже не старался этого скрыть. Фина держалась гораздо спокойнее. Что касается Тартелетта, то он потопил свои волнения в нескольких стаканах шампанского, действие которого сказывалось на нем до самого отъезда. Он даже забыл захватить

с собой карманную скрипку, и ему принесли ее в ту минуту, когда на «Дриме» уже были отданы концы.

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта, и пароход стал медленно отчаливать.

— Прощай, Фина!

— Прощай, Годфри!

— Счастливого пути! — крикнул Уильям Кольдеруп.

— А еще важнее — благополучного возвращения! — крикнул в ответ учитель танцев и изящных манер.

— Смотри, Годфри, — добавил Кольдеруп, — никогда не забывай девиза, начертанного на корме «Дрима»: «Confide, recte, agens!»[14]

— Никогда не забуду, дядя Виль! Прощай, Фина!

— Прощай, Годфри!

Пароход отошел. С борта и с пристани махали платками до тех пор, пока с той и другой стороны можно было хоть что-нибудь разглядеть.

Вскоре «Дрим» оставил позади бухту Сан-Франциско, едва ли не самую большую в мире, затем

---

[14] Notes: 14
Действуй смело и верь! *(лат.)*

миновал узкий канал «Golden Gate»[15] и наконец очутился в водах Тихого океана, будто и в самом деле ворота за ним только что закрылись.

[15] Notes: 15
Золотые ворота *(англ.)*.

Глава шестая, в которой читателю придется познакомиться с новым персонажем

Путешествие благополучно началось. Впрочем, читатели охотно согласятся, что отчалить от гавани куда легче, чем возвратиться.

Учитель танцев Тартелетт любил часто повторять со свойственной ему неоспоримой логикой:

— Путешествие всегда имеет свое начало. Важнее, где и когда оно кончится.

Дверь от каюты Годфри выходила в полуют, расположенный в кормовой части «Дрима» и служивший столовой. Наш юный герой устроился со всем возможным комфортом. Портрету Фины было предоставлено место на самой светлой стене. Койка, умывальник, несколько шкафчиков для одежды и белья, рабочий стол, удобное кресло — что еще нужно путешественнику двадцати двух лет?

В таких условиях можно и двадцать два раза объехать вокруг света! Не обладал ли Годфри тем возрастом, здоровьем и хорошим настроением, которые дают человеку наилучшую практиче-

скую философию?

Ах, молодые люди, молодые люди! Путешествуйте, если можете, а если не можете… все равно путешествуйте!

А вот Тартелетту было совсем невесело. Его каюта, находившаяся рядом с каютой Годфри, казалась ему слишком узкой, койка — невозможно жесткой, а свободное пространство в шесть ярдов явно недостаточным, чтобы проделывать там всевозможные па.

Мог ли турист подавить в нем хоть на время призвание учителя танцев и хороших манер? Нет! Оно было у него в крови, и надо думать, что даже в предсмертный час его ноги будут находиться в первой танцевальной позиции: пятки вместе, носки врозь.

Трапезы решили проводить сообща. Годфри и Тартелетт получили места друг против друга, а капитан и его помощник — на противоположных концах так называемого «качечного стола». Это ужасное наименование «качечный стол» или «стол боковой качки» не вызывало сомнений, что место учителя танцев часто будет пустовать.

Девятого июня, в день отъезда, погода стояла прекрасная. Дул легкий северо-восточный бриз. Чтобы набавить скорость, капитан Тюркот

приказал поднять паруса, после чего «Дрим» перестал раскачиваться с боку на бок. А поскольку волна набегала теперь сзади, меньше беспокоила и килевая качка. Лица пассажиров не изменили своего выражения: не было ни зажатых носов, ни запавших глаз, ни посиневших губ, ни бледных щек. Плавание проходило пока вполне сносно. Пароход шел в юго-западном направлении, по спокойному, только слегка пенящемуся морю, и американский берег скоро исчез за горизонтом.

В течение двух следующих дней ничего значительного не произошло. «Дрим» шел по-прежнему хорошим ходом.

Начало путешествия было благоприятным, хотя капитан Тюркот иногда проявлял беспокойство, не укрывшееся от его пассажиров. Каждый день, как только солнце переходило через меридиан, он с необыкновенной пунктуальностью определял местонахождение корабля. Затем он запирался со своим помощником в каюте, и там они долго что-то обсуждали, словно могло произойти какое-нибудь важное событие. Правда, секретные совещания ускользнули от внимания Годфри, не искушенного в делах навигации, но у некоторых матросов вызывали недоумение.

Недоумение было тем бóльшим, что по ночам,

два или три раза в течение первой недели плавания, «Дрим» без видимой причины менял курс. То, что было бы естественным для парусного судна, зависящего от атмосферных явлений, было непонятно и неестественно для парохода, который мог всегда идти по намеченному курсу, снимая паруса при неблагоприятном ветре.

Утром 12 июня на борту произошел неожиданный инцидент.

В ту минуту, когда капитан Тюркот, его помощник и Годфри как раз собирались приступить к завтраку, на палубе послышался странный шум и на пороге столовой показался боцман.

— Капитан! — обратился он к Тюркоту.

— Что случилось? — воскликнул Тюркот, бывший — как истый моряк — всегда настороже.

— На борту оказался китаец, — ответил боцман.

— Китаец?

— Да. Самый настоящий. Мы только что обнаружили его на дне трюма.

— Тысяча чертей! — вскричал Тюркот. — Бросить его в море.

— All right! — ответил боцман.

Как и многие калифорнийцы, зараженные

презрением к сынам Небесной империи[16], он нашел это приказание как нельзя более правильным и готов был исполнить его без малейших угрызений совести.

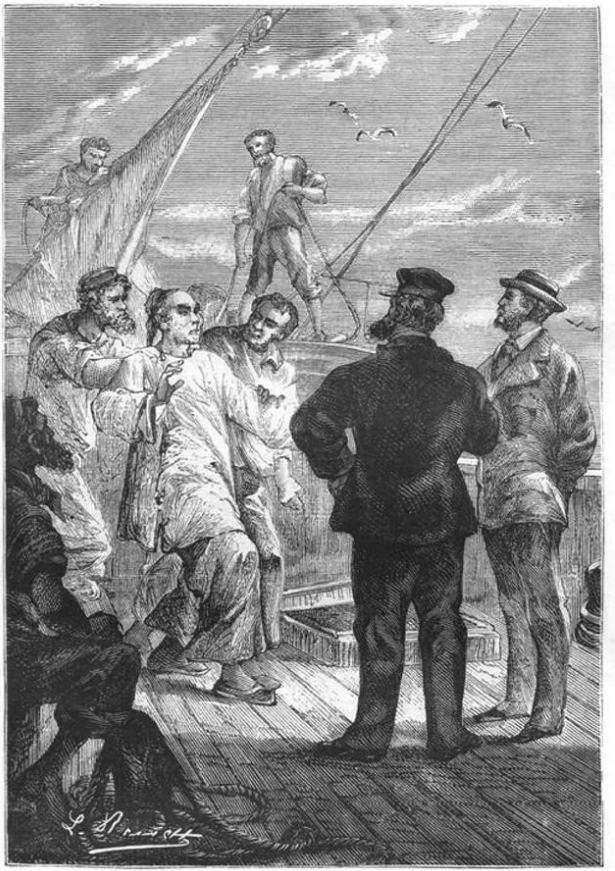
Капитан Тюркот в сопровождении Годфри и своего помощника вышел из столовой и направился к баку.

Они увидели китайца, отбивавшегося от двух или трех матросов, которые скрутили ему руки и награждали ударами. Это был человек лет тридцати пяти — сорока, с умным лицом, щеками, лишенными всяких признаков волосяного покрова, слегка осунувшийся от шестидневного пребывания в спертом воздухе трюма. Найден он был в этом убежище только по чистой случайности.

---

[16] Notes: 16

Небесная империя — название императорского Китая.



Они увидели китайца, отбивавшегося от двух

или трех матросов, которые скрутили ему руки и награждали ударами.

Капитан тут же велел матросам отпустить несчастного.

— Кто ты? — спросил он.

— Сын солнца.

— Как твое имя?

— Сенг-Ву, — ответил китаец.

— Что ты здесь делаешь?

— Плыву, — спокойно ответил китаец, — и при этом не причиняю вам ни малейшего вреда.

— Верно! Ни малейшего вреда!.. А когда ты успел спрятаться в трюме? Незадолго до отхода?

— Так оно и было, капитан.

— Чтобы бесплатно прокатиться из Америки в Китай, на тот берег Тихого океана?

— Да, если вам угодно.

— А если мне это неугодно? Если я предложу тебе добраться до Китая вплавь?

— Попробую, — с улыбкой ответил китаец, — но, скорее всего, я утону по дороге.

— Ах вот как! Сейчас я научу тебя, как экономить деньги на проезд.

И сверх меры рассерженный капитан, вероятно, тут же привел бы свою угрозу в исполнение, если бы не вмешался Годфри.

— Послушайте, капитан, — обратился он к Тюркоту. — Лишний китаец на борту «Дрима» — это значит одним китайцем меньше в Калифорнии. А там их достаточно…

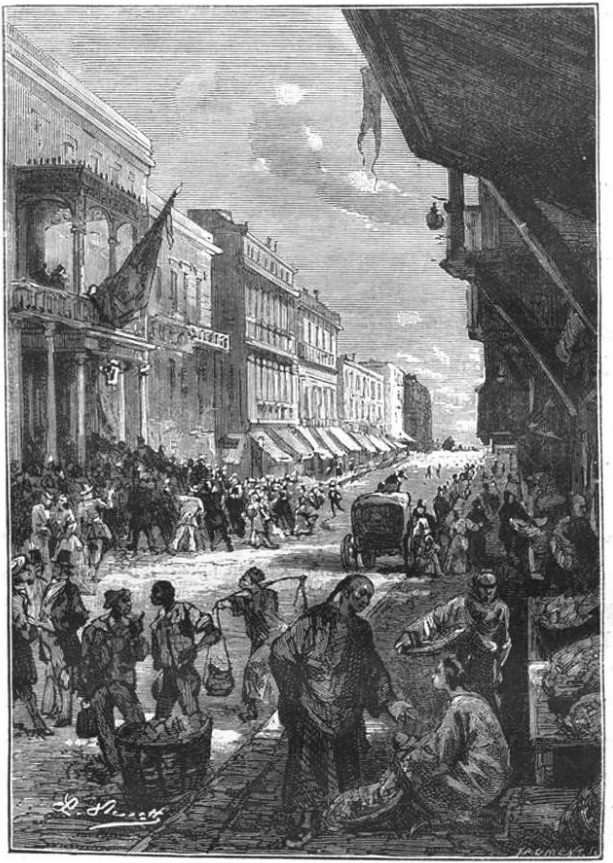
— Даже предостаточно, — заметил немного успокоившийся Тюркот.

— Действительно, их там слишком много, — продолжал Годфри. — Итак, за то, что этот оборванец счел нужным освободить от своего присутствия Сан-Франциско, он заслуживает снисхождения. Давайте лучше высадим его где-нибудь поблизости от Шанхая и забудем об этом.

Говоря, что в штате Калифорния слишком много китайцев, Годфри выражал мнение большинства калифорнийцев. И в самом деле, иммиграция китайцев в Америку, учитывая, что население Китая возросло до трехсот миллионов, а население Соединенных Штатов насчитывало тридцать миллионов[17], становилась серьезной проблемой. Законодатели Западных Штатов — Калифорнии, Орегона, Невады, Юты — и сам Конгресс были в то время озабочены массовым переселением китайцев в Америку.

---

[17] Notes: 17
Эти данные относятся ко второй половине XIX века.



В ту пору в Соединенных Штатах проживало

свыше пятидесяти тысяч китайцев.

В ту пору в Соединенных Штатах проживало свыше пятидесяти тысяч китайцев, не считая Калифорнии. Этот трудолюбивый народ, отличавшийся особым искусством в работах по промыванию золота, народ, который довольствуется щепоткой риса и несколькими глотками чая, легко поддавался эксплуатации, снижая заработную плату в ущерб местным рабочим. По этой причине, вопреки американской конституции, их иммиграция ограничена в Америке особым законом: китайцам отказывают в правах гражданства из опасения, чтобы они не получили голоса в Конгрессе. Относятся к ним ничуть не лучше, чем к индейцам и неграм. Их называют «зачумленными» и чаще всего поселяют в своеобразных гетто, где они стараются сохранить нравы и обычаи своей страны.

В столице Калифорнии они были оттеснены в квартал близ улицы Сакраменто, где красовались китайские вывески и традиционные фонарики. Там их можно встретить тысячами в национальных халатах с широкими рукавами, в шапках конической формы и сапогах с загнутыми носками. Чаще всего они служат в лавках, поступают в садовники или повара, работают в прачечных и

даже входят в состав китайских драматических трупп.

Пора уже сообщить читателям, что Сенг-Ву состоял в одной из таких трупп, на амплуа первого комика, если подобное амплуа вообще может быть применимо к китайскому актеру. Действительно, вид у них всегда такой серьезный, даже когда они шутят, что калифорнийский романист Брет Гарт с полным основанием мог сказать, что никогда не видел на сцене смеющимся ни одного китайского актера. По этой же причине, присутствуя на представлении китайской пьесы, он никак не мог решить, трагедия это или фарс.

Итак, Сенг-Ву был комическим актером.

Закончив сезон с большим успехом и небольшим количеством звонкой монеты, он решил еще при жизни добраться до родной страны[18]. Вот почему он и проскользнул тайком в трюм парохода «Дрим».

Запасшись провизией, он, как видно, надеялся незаметно провести на судне несколько недель, а потом украдкой высадиться где-нибудь на китайском берегу.

---

[18] Notes: 18

По китайскому обычаю, захоронение нужно производить только на родной земле, и существуют специальные суда, занимающиеся перевозкой трупов. — *Примеч. авт.*

План был вполне осуществим. Даже в худшем случае виселица ему не угрожала.

Конечно, Годфри поступил правильно, вступившись за незаконного пассажира, а капитан Тюркот, бывший в сущности не таким грозным, каким хотел выглядеть в глазах окружающих, легко отказался от своего плана выбросить Сенг-Ву за борт.

Теперь китайцу уже не было надобности забиваться в трюм, ведь и на палубе он никого не стеснял. Флегматичный, малообщительный, он особенно избегал матросов, не упускавших случая наградить его тумаками. Впрочем, Сенг-Ву был настолько худ, что от его веса на судне не могло получиться перегрузки, и, хотя он и ехал бесплатно, Уильяма Кольдерупа он не разорил ни на один цент.

Его присутствие, однако, наводило капитана Тюркота на размышления, понятные только его помощнику:

— Как бы нам не помешал этот проклятый китаец, когда дойдет до дела. Впрочем, тем хуже для него!

— Для чего он пролез на «Дрим»? — спросил помощник.

— Чтобы добраться до Шанхая, — сказал капи-

тан. — Вот уж некстати свалился нам на голову этот сын Небесной империи!

Глава седьмая, в которой читатель сможет убедиться, что Уильям Кольдеруп не напрасно застраховал свои корабль

В течение трех следующих дней — 13, 14 и 15 июня — барометр медленно опускался ниже обозначения «переменно». Стрелка колебалась между «дождем» или «ветром» и «бурей».

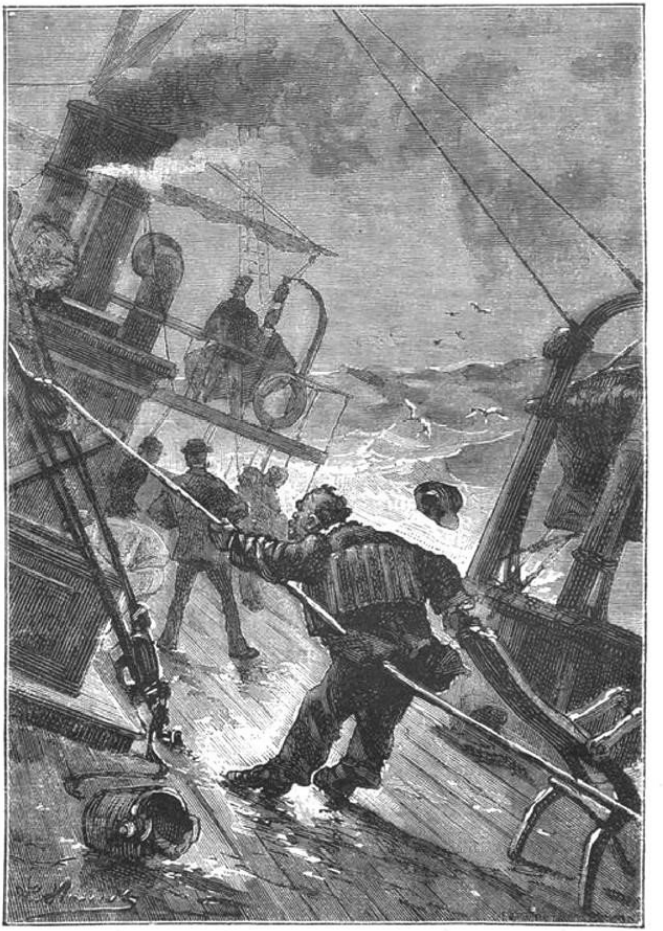
Ветер значительно посвежел при повороте к юго-западу. Для такого судна, как «Дрим», это могло быть пагубно. Пароходу приходилось бороться с высокими волнами, набегавшими на него с носа. Паруса были предусмотрительно убраны; продвигаться вперед помогал только гребной винт, да и то он должен был действовать не в полную силу, во избежание резких толчков.

Годфри легко переносил и бортовую, и килевую качку, не теряя хорошего настроения и завидного аппетита. Можно было поверить, что юноша действительно любил море, чего нельзя сказать о Тартелетте.

Тартелетт моря не любил, и оно платило ему тем же. Надо было видеть несчастного учителя

изящных манер, которому пришлось забыть о собственной грации знаменитого танцмейстера, который должен был выписывать вензеля вопреки всем правилам танцевального искусства! Но ему ничего не оставалось, как делать эти непозволительные па: отсиживаться в каюте, подвергаясь ужасным толчкам, сотрясавшим весь пароход, было еще хуже.

— Воздуху! Воздуху! — стонал бедняга, стараясь подавить тошноту.



Тартелетт моря не любил, и оно платило ему тем же.

Начиналась боковая качка, и его швыряло от одного борта к другому.

Начиналась килевая качка, и его перекатывало от кормы к носу.

Он тщетно хватался за планширы, напрасно цеплялся за шкоты, принимая самые отчаянные с точки зрения современной хореографии позиции!

Ах, если бы он мог взлететь ввысь, как воздушный шар, чтобы не делать этих диких прыжков на вечно движущемся палубном настиле!

И зачем только сумасбродному богачу Уильяму Кольдерупу вздумалось обречь его на такие пытки!

— Долго еще будет продолжаться эта ужасная погода? — по двадцать раз в день спрашивал он у капитана Тюркота.

— Гм… Барометр пока не радует, — неизменно отвечал капитан, хмуря брови.

— А скоро ли мы приедем?

— Скоро, господин Тартелетт!.. Гм… теперь уже скоро. Придется немного потерпеть.

— И этот океан называется Тихим! — повторял несчастный в промежутках между икотой и ак-

робатическими упражнениями.

Надо сказать, что учитель танцев страдал не только от морской болезни, но еще и от страха, который охватывал его при виде громадных катящихся валов, достигавших уровня палубы.

Он был подавлен грохотом машинного отделения, шумом выхлопных клапанов, выпускавших отработанный пар мощными толчками. Он с содроганием ощущал всем телом, как пароход проваливался точно в пропасть и как пробка выскакивал на водяную вершину.

— Нет, тут уж ничем не поможешь, корабль непременно опрокинется, — повторял несчастный страдалец, устремляя на своего ученика бессмысленный взгляд.

— Спокойствие, Тартелетт! — отвечал Годфри. — Кораблю положено качаться на волнах, плавать, а не тонуть. Это достаточное основание, чтобы успокоиться.

— А я не вижу оснований, — твердил Тартелетт. Одержимый маниакальной идеей, учитель танцев надел спасательный пояс, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью. Всякий раз, когда море начинало успокаиваться, он изо всех сил надувал его, но, как ни старался, по-прежнему считал пояс недостаточно надутым.

Страх Тартелетта был вполне понятен. Человеку, не привыкшему к морю, разгул стихии доставляет много беспокойства, а ведь Тартелетт никогда не плавал даже по тихим водам бухты Сан-Франциско. Отсюда, естественно, и морская болезнь, и страхи при сильной качке.

А между тем погода все ухудшалась, угрожая «Дриму» шквальным ветром. Если бы пароход находился в виду берега, на это указали бы семафоры[19].

В течение всего дня корабль, сотрясаемый ужасными волнами, шел только средним ходом, чтобы не портить машину и не сломать винт, который при перемещении судна с одного уровня на другой то погружался в воду, то повисал над ней, работая вхолостую. В эти моменты лопасти поднимались выше ватерлинии и били по воздуху с риском повредить механизм. Из-под кормы «Дрима» слышались тогда как бы глухие выстрелы, и поршни двигались с такой скоростью, что механик едва успевал регулировать машину.

При этом от наблюдательности Годфри не укрылось одно странное обстоятельство, причину которого он сначала никак не мог понять: ночью

---

[19] Notes: 19

Семафоры — сигнальные приспособления, расположенные в опасных местах или указывающие приближение бури.

пароход сотрясало меньше, чем днем. Следовало ли отсюда заключить, что ветер уменьшался после захода солнца, и потому наступало некоторое затишье?

Различие было настолько явственно, что в ночь с 21 на 22 июня Годфри решил разобраться, в чем дело. Как раз в этот день море было особенно неспокойным, ветер еще больше усилился и казалось, что после такого длинного дня никогда не наступит ночь.

Дождавшись, однако, полночи, Годфри поднялся, оделся потеплее и вышел на палубу. Вахту нес капитан Тюркот. Он стоял на мостике, пристально вглядываясь в даль.

И тут Годфри почувствовал, что ветер хотя и не уменьшился, но натиск волн, рассекаемых форштевнем «Дрима», заметно ослабел. Подняв глаза на задернутую черным дымом трубу, он увидел, что дым отлетает не назад, а по ходу судна.

— Значит, ветер переменился, — заметил он про себя.

Очень довольный этим наблюдением, Годфри поднялся на капитанский мостик и подошел к Тюркоту.

— Капитан! — обратился он к моряку.

Тюркот, закутанный в клеенчатый плащ, не

слышал его шагов и не мог скрыть удивления, увидев перед собой молодого человека.

— Это вы, мистер Годфри? Вы… На мостике…

— Да, капитан, я пришел у вас спросить…

— Но о чем? — подхватил Тюркот.

— Разве ветер не переменился?

— Нет, мистер Годфри, к сожалению, нет… И я боюсь, как бы он не перешел в бурю.

— Однако ветер теперь сзади!

— Ветер теперь сзади… В самом деле… Ветер сзади… — повторил капитан, почему-то раздосадованный этим замечанием. — Но это помимо моей воли, — добавил он.

— Что вы этим хотите сказать?

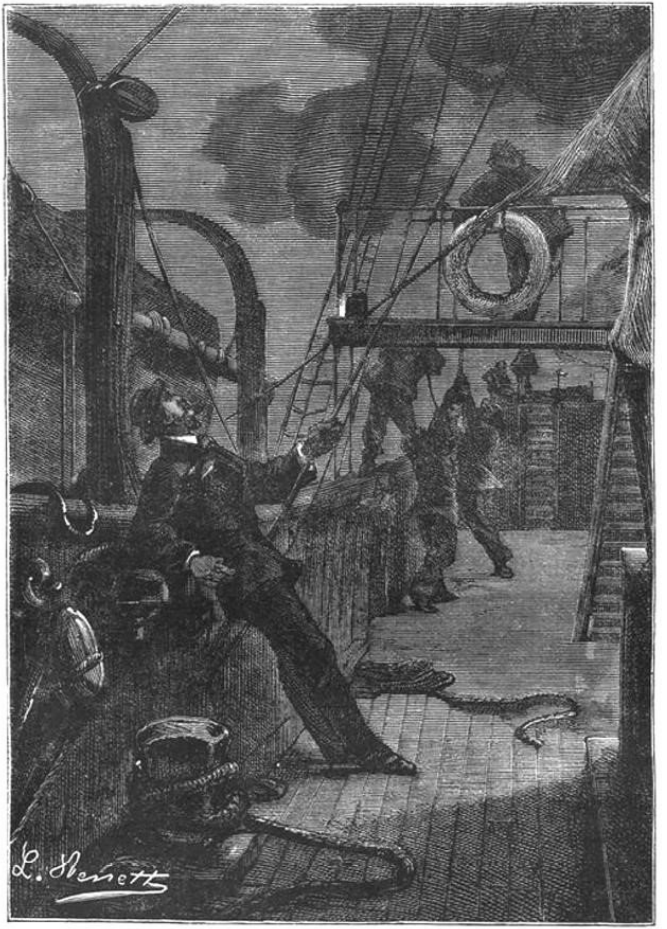
— Я хочу сказать, что для безопасности судна пришлось изменить направление и постараться уйти от бури.

— Досадно, если мы из-за этого опоздаем, — сказал Годфри.

— Да, очень досадно, — ответил капитан Тюркот, — но днем, как только море немного стихнет, я снова поверну на запад. А сейчас советую вам, мистер Годфри, вернуться в каюту. Доверьтесь мне! Постарайтесь уснуть, пока нас качает на волнах. Так вам будет спокойнее.

Годфри в знак согласия кивнул головой и бро-

сил тревожный взгляд на небо, по которому с удивительной быстротой мчались низкие тучи. Затем, покинув мостик, он вернулся в свою каюту и тотчас же погрузился в крепкий сон.


L. Sheriff

Подняв глаза на задернутую черным дымом трубу, он увидел, что дым отлетает не назад, а по ходу судна.

На следующее утро, 22 июня, ветер почти не ослаб, но «Дрим», как и обещал капитан Тюркот, пошел по прежнему направлению.

Это странное плавание — днем на запад, ночью на восток — длилось еще двое суток. Постепенно барометр стал проявлять тенденцию к повышению, и колебания стали не такими резкими. Следовало ожидать, что непогода уйдет вместе с ветрами, повернувшими теперь на север.

Действительно, так и случилось.

Двадцать пятого июня около восьми часов утра, когда Годфри поднялся на палубу, легкий северо-восточный ветерок быстро прогонял по небу облака. Солнечные лучи, играя на снастях судна, отбрасывали огненные блики на всех выступах борта. Море, отсвечивавшее зеленью в глубине, искрилось на поверхности лучезарным светом. Еще не окончательно утихший ветер покрывал пеной гребни волн. Собственно говоря, это были не настоящие морские волны, а легкая морская зыбь, тихо качавшая пароход. Зыбь или волны, затишье или буря — для учителя танцев Тартелетта все было одинаково скверно. В полулежачем

положении он примостился на палубе, открывая и закрывая рот, словно карп, вынутый из воды.

Помощник капитана, стоя на полуюте, глядел на северо-восток в подзорную трубу.

Годфри приблизился к нему.

— Ну что, — сказал он весело, — сегодня, пожалуй, лучше, чем вчера!

— Да, мистер Годфри, — ответил помощник, — море успокоилось.

— А «Дрим» уже взял свой курс?

— Нет еще.

— Нет еще? Но почему же?

— Потому что шквальный ветер отбросил его к северо-востоку, и теперь мы должны снова проложить курс. В полдень мы произведем наблюдения, и капитан даст нам указания.

— А где же он сам? — спросил Годфри.

— Капитана нет на борту.

— Нет на борту?

— Да… ему пришлось уехать. Когда небо прояснилось, наши вахтенные заметили на востоке буруны, не обозначенные у нас на карте. Чтобы узнать расположение рифов, капитан Тюркот приказал спустить шлюпку и вместе с боцманом и тремя матросами отправился на разведку.

— Давно это было?

— Часа полтора назад.

— Как жалко, что меня не предупредили! Я бы с удовольствием к ним присоединился!

— Вы еще спали, мистер Годфри, — сказал помощник, — и капитан не хотел вас будить.

— Досадно. Но скажите, в какую сторону отправилась шлюпка?

— Туда, — показал помощник капитана, — к северо-востоку от правого борта.

— А можно их разглядеть в подзорную трубу?

— Нет, они еще слишком далеко.

— Надеюсь, они скоро вернутся?

— Им нельзя медлить, — ответил помощник, — ведь капитан должен определить месторасположение корабля, а потому ему необходимо быть на борту до полудня.

Поговорив с помощником, Годфри уселся на краю полубака и велел принести морской бинокль. Ему хотелось увидеть возвращающуюся шлюпку. Что же касается морской разведки, предпринятой капитаном Тюркотом, то это его нисколько не удивило. Конечно же, «Дрим» должен обойти подводные рифы, если они действительно окажутся таковыми.

Прошло два часа. Только в половине одиннадцатого на горизонте обозначился тонкий, как

стрелка, дымок.

Очевидно, это и была паровая шлюпка с «Дрима».

Годфри, глядя в бинокль, не выпускал ее из поля зрения. Он видел, как шлюпка, словно вырастая на поверхности моря, постепенно принимала все более ясные очертания, как на светлом фоне неба все резче и резче выделялась струйка дыма, смешиваясь с облачками пара. Шлюпка быстро приближалась. Скоро ее уже можно было разглядеть невооруженным глазом, а затем — различить белую струю воды у носа и длинную пенистую борозду за кормой, расширявшуюся, как хвост у кометы.

В четверть двенадцатого капитан Тюркот причалил и взошел на палубу «Дрима».

— Итак, капитан, какие новости? — спросил Годфри, пожимая ему руку.

— А, здравствуйте, мистер Годфри! Добрый день!

— Эти буруны действительно представляют опасность?

— Одна видимость! — ответил капитан. — Мы не обнаружили никаких рифов. Наши люди ошиблись. По правде говоря, я не очень в это поверил.

— Теперь, значит, нас уже ничто не задержит? — спросил Годфри.

— Да, теперь мы возьмем наш курс. Но прежде я должен определить координаты.

— Шлюпку можно поднять на борт? — спросил помощник.

— Нет, — ответил капитан, — она еще может понадобиться. Возьмите ее на буксир.

Приказание капитана было исполнено, и шлюпка привязана за кормой «Дрима».

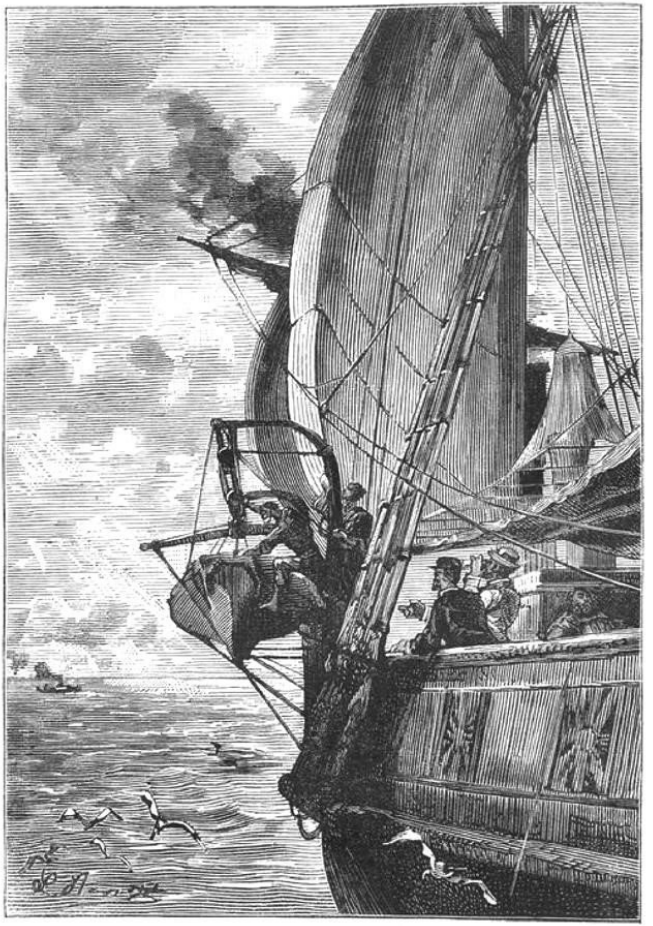
Спустя сорок пять минут капитан Тюркот, с секстантом в руке, измерил высоту солнца и определил курс.

Покончив с этим делом и бросив последний взгляд на горизонт, он позвал своего помощника и увел к себе в каюту, где они довольно долго совещались.

День был прекрасный. «Дрим» мог идти своим ходом, не прибегая к помощи парусов. Ветер так ослабел, что при усиленной работе винта не смог бы их раздувать, а потому они были убраны.

Годфри блаженствовал. Плавание по тихому морю, под ясным небом вселяло в него столько бодрости, укрепляло душу и тело! Однако ничто не могло развеселить бедного Тартелетта. Хотя состояние моря и не внушало теперь непосред-

ственных опасений, учитель танцев потерял уже всякую способность реагировать на погоду. Он заставил себя пообедать, не чувствуя ни вкуса, ни аппетита. Годфри хотел снять с него спасательный пояс, сдавливавший ему грудь, но Тартелетт решительно воспротивился. Разве не могло это соединение дерева и железа, называемое кораблем, треснуть в любую минуту?



Шлюпка быстро приближалась.

Наступил вечер. Туман нависал густой завесой, не достигая, однако, поверхности моря. Судя по этому признаку, ночь будет непроглядно темной.

Хорошо, что хоть рифов не оказалось поблизости! Ведь капитан Тюркот сверил их расположение по карте. Впрочем, столкновения возможны всегда, особенно в такие туманные ночи.

Вскоре после захода солнца были зажжены все фонари: белый — на верху фок-мачты, на вантах — справа — зеленый, слева — красный. Если бы столкновение и произошло, то, во всяком случае, не по вине «Дрима» — утешение, впрочем, довольно слабое. Потонуть, даже при соблюдении всех морских правил, — все равно потонуть. Если кто-либо на «Дриме» приходил к такому заключению, то прежде всего, конечно, Тартелетт.

Однако этот достойный человек, перекатываясь от борта к борту и от носа к корме, добрался все-таки до своей каюты; между тем Годфри прошел в свою. Учитель танцев — по-прежнему с сомнением, а молодой человек с надеждой спокойно провести ночь, так как «Дрим» тихо покачивался на длинной волне.

Капитан Тюркот, передав вахту помощнику, тоже отправился к себе, чтобы отдохнуть несколько часов. Все было в порядке. Судно могло держать курс даже и при тумане, оставлявшем все же достаточную видимость. Похоже на то, что туман не собирался сгущаться. Никакая опасность не угрожала.

Годфри вскоре добрался до большой высокой скалы, где и нашел укрытие от прибоя.

Через двадцать минут Годфри уже крепко спал, а мучимый бессонницей Тартелетт, в одежде и со спасательным поясом, издавал протяжные вздохи.

Вдруг, около часа ночи, Годфри проснулся от ужасных криков.

Вскочив с койки, молодой человек наскоро оделся и натянул сапоги. Но не успел он выскочить из каюты, как на палубе раздались вопли: «Мы тонем! Мы тонем!»

Годфри бросился наверх. В полуюте он наткнулся на бесформенную массу, в которой с трудом распознал Тартелетта.

Весь экипаж находился на палубе. Матросы мгновенно выполняли приказания капитана и помощника.

— Столкновение? — спросил Годфри.

— Не знаю… Ничего не знаю… Такой проклятый туман, — отвечал помощник. — Ясно только, что мы тонем…

— Тонем? — переспросил Годфри.

И действительно, «Дрим», очевидно наскочив на риф, медленно и неотвратимо погружался.

Вода доходила уже до палубы и, без сомнения,

залила уже топку и погасила огонь.

— Бросайтесь в море, мистер Годфри! — вскричал капитан. — Нельзя терять ни минуты! Корабль идет ко дну! Если вы будете медлить, вас затянет водоворот!

— А мой учитель?

— Я о нем позабочусь. Мы находимся всего в полукабельтове от берега.

— А вы, капитан?

— Мой долг — покинуть корабль последним, и я остаюсь! — сказал капитан. — Быстрее! Быстрее! Дорога каждая секунда!

Годфри несколько мгновений колебался, но вода уже стала заливать палубу.

Зная, что Годфри плавает как рыба, капитан схватил его за плечи и толкнул в море…

И как раз вовремя! Если бы не такая тьма, можно было бы увидеть, как возле «Дрима» разверзлась водяная бездна.

Океан был спокойный, и Годфри удалось в несколько взмахов отплыть от водяной воронки, которая втянула бы его в себя, подобно Мальстрему[20].

Все это произошло за какую-нибудь минуту.

---

[20] Notes: 20

Мальстрем — водоворот около берегов Норвегии.

Среди криков отчаяния гасли один за другим корабельные фонари.

Сомневаться не приходилось: «Дрим» пошел ко дну…

Годфри вскоре добрался до большой высокой скалы, где и нашел укрытие от прибоя.

Напрасно взывая из кромешной тьмы, не слыша никакого ответа, не зная, где он находится, на уединенной ли скале или на вершине какого-нибудь рифа, быть может, единственный уцелевший от кораблекрушения, молодой человек стал дожидаться наступления дня.

Глава восьмая, в которой Годфри предается печальным размышлениям относительно мании путешествий

Прошло долгих три часа, прежде чем на горизонте появилось солнце. В подобных обстоятельствах часы ожидания могут показаться вечностью.

Для начала испытание было слишком суровым. Но ведь Годфри пустился в море не ради увеселительной прогулки! Отправляясь в путешествие, он прекрасно сознавал, что счастливая, спокойная жизнь остается позади и не следует ждать ничего хорошего, когда приходится преодолевать всевозможные трудности, встречающиеся на пути. Но что бы ни случилось, путешественник не должен терять мужества!

Пока что он находился в полной безопасности. Волны не достанут его на этой скале, омываемой морским прибоем. А во время прилива? «Нет, — рассудил Годфри, — кораблекрушение произошло при новолунии, когда вода достигает высшего уровня. Значит, волны меня не

коснутся…»

А каково положение этой скалы? Была ли она уединенной или возвышалась над цепью рифов? Что это за берег, который капитан Тюркот разглядел во тьме? Какому он мог принадлежать материку? Очевидно, во время бури, не утихавшей несколько дней, «Дрим» был отброшен со своего пути, а взять прежний курс не удалось. Конечно, так оно и было, иначе капитан Тюркот не стал бы утверждать, что в этом месте на его карте не обозначено никаких рифов. И говорил он это не далее, как два-три часа назад. Кроме того, он же сам ездил на разведку, чтобы проверить утверждение вахтенных, будто бы заметивших на востоке буруны…

Теперь-то уж было совершенно ясно, что, если бы капитан Тюркот еще немного продолжил свою разведку, не случилось бы катастрофы. Но зачем возвращаться к прошлому? Чему быть, того не миновать!

Для Годфри сейчас самое важное — это вопрос жизни и смерти — выяснить, нет ли поблизости какой-нибудь земли. В какой части Тихого океана он очутился, можно будет поразмыслить потом. Как только наступит день, он должен во что бы то ни стало покинуть эту скалу, чья плоская вер-

шина имела не более двадцати шагов в длину и ширину. Но как ее покинуть, если не окажется поблизости ни островка, ни земли? Вполне возможно, что капитана ввел в заблуждение туман, и Годфри ничего вокруг себя не увидит, кроме беспредельного моря…

Увы, он ничего не видел. Не доносилось никаких запахов, которые свидетельствовали бы о близости земли! Уши не улавливали никаких характерных звуков. Ни одна птица не рассекала крыльями темноту. Вокруг ничего не было, кроме водяной пустыни…

Годфри прекрасно сознавал, что на спасение у него один шанс из тысячи, и дело теперь шло не о том, чтобы продолжить кругосветное путешествие, а чтобы без страха глянуть в лицо смерти. Единственное, что от него зависело, — терпеливо ждать наступления дня, а затем покориться судьбе, если спасение окажется невозможным, либо решиться на все, если представится этот единственный шанс из тысячи.

Рассуждая таким образом, он немного успокоился и в задумчивости сел на скалу. Держась наготове, чтобы можно было в любую минуту пуститься вплавь, он снял с себя вымокшую шерстяную куртку и отяжелевшие от воды сапоги.

Но неужели не спасся, кроме него, ни один человек? Неужели никто из экипажа «Дрима» не сможет добраться до земли? Страшно подумать, что всех могло затянуть в водоворот, который образуется на поверхности вокруг тонущего корабля! Последний, с кем говорил Годфри, был капитан Тюркот. Отважный моряк решил покинуть судно последним. Он же предусмотрительно толкнул Годфри за борт, когда палуба начала погружаться…

А как же все остальные: несчастный Тартелетт, на которого Годфри наткнулся, взбегая на палубу, бедный китаец, забившийся в трюм? Что с ними сталось? Неужели только ему одному удалось спастись? Но ведь на буксире была шлюпка! Не мог ли кто-нибудь из команды воспользоваться ею и покинуть тонущий корабль? Нет, скорее всего, и ее затянуло водоворотом и теперь она покоится на дне, на глубине двух или трех десятков морских саженей.

Годфри подумал, что если в этой непроглядной тьме ничего нельзя увидеть, то слышать можно не хуже, чем днем. Ничто не мешало ему средь этой тишины кричать, звать на помощь. Быть может, на его зов откликнется кто-нибудь из спутников?

И вот он стал изо всех сил кричать, чтобы быть услышанным на большом расстоянии.

Напрасно. Никто не отвечал.

Он звал на помощь, повторяя призывы по нескольку раз, поворачиваясь во все стороны.

Полное молчание.

— Один, я совсем один, — в отчаянии шептал юноша.

Никакого ответа. Даже эхо не вторило его крику. Будь поблизости утесы, скалы или высокие берега, его крики, отраженные препятствием, возвратились бы назад. Итак, либо берег на востоке от скалы был так низок, что не мог отражать звуков, либо, что более вероятно, никакой земли поблизости не было. В таком случае риф, на котором нашел убежище Годфри, расположен в море уединенно.

Вот так и прошли три долгих часа. Продрогший от холода, Годфри ходил взад и вперед по вершине скалы, стараясь согреться. Наконец, облака в зените слегка посветлели. Это было отражение первых лучей солнца.

Повернувшись в ту сторону, где могла находиться земля, Годфри пытался разглядеть, не выступит ли из темноты силуэт какого-нибудь утеса. Поднимающееся солнце должно было рез-

ко обозначить его контуры.

Но заря еще только занималась, и ничего нельзя было разглядеть. Море было окутано легким туманом, который не давал различить очертаний прибрежных скал — если, разумеется, поблизости был берег и возле берега рифы.

Да и не стоило вдаваться в иллюзии. Скорее всего, буря выбросила Годфри на уединенную скалу где-то в Тихом океане. А раз так, то его ожидает скорая смерть, смерть от голода, от жажды, или, захоти он этого, смерть в морской пучине, которая будет его последним прибежищем.

Но юноша все еще всматривался вдаль, сосредоточив в своем пристальном взгляде всю силу воли и всю свою еще не погасшую надежду.

Но вот утренний туман стал мало-помалу рассеиваться. Перед глазами Годфри постепенно начали вырисовываться камни и рифы, окружавшие его скалу, точно морские звери. Это было скопление глыб странной формы и всевозможных размеров, обращенных к западу и к востоку. Огромный утес, на вершине которого находился Годфри, выступал к западу от гряды коралловых рифов, приблизительно в тридцати морских саженях от того места, где потерпел кораблекрушение «Дрим». Море там было, по всей

вероятности, очень глубоко, так как от парохода не осталось и следов. Не видно было даже верхушек мачт. Впрочем, подводные течения могли отнести корабль в другую часть моря.

Одного взгляда достаточно было Годфри, чтобы понять все. Ждать спасения с этой стороны было бесполезно. Все его внимание вскоре обратилось на полосу бурунов, постепенно выступивших из тумана. Надо заметить еще, что уровень моря был сравнительно низок, и благодаря отливу над поверхностью проступали многочисленные скалы, разделенные то обширными водяными пространствами, то маленькими проливами. Если бы они примыкали к какому-нибудь берегу, добраться до него не составило бы никакого труда.

Однако ничего похожего на берег нельзя было различить. Никаких признаков, указывающих на близость земли!

Туман между тем все больше рассеивался, расширяя поле зрения Годфри. Теперь он мог уже видеть на расстоянии полумили. Среди скал блестели песчаные отмели, покрытые водорослями. Это было несомненным признаком побережья. Значит, поблизости должен находиться либо материк, либо остров.

Действительно, восточная часть горизонта

вскоре открыла взору ряд низких дюн, усеянных гранитными глыбами. Солнце выпило уже все утренние испарения, и его огненный диск медленно выплывал из воды.

— Земля! Земля! — закричал Годфри.

И, протянув к ней руки, юноша, охваченный неожиданным счастьем, опустился на колени.

И в самом деле, это была земля. Рифы образовывали в этом месте выступ наподобие южного мыса бухты не менее двух миль в окружности. Поверхность его представляла плоскую отмель, окаймленную маленькими дюнами, поросшими невысокой травой. Видно было, как она колыхалась от ветра.

С места, где он стоял, Годфри мог охватить взглядом все побережье.

Ограниченное с севера и с юга неровными выступами, оно было не длиннее пяти-шести миль и, конечно, могло составлять часть какой-нибудь большой земли. Так или иначе, потерпевший кораблекрушение найдет здесь хотя бы временное прибежище.

Годфри вздохнул с облегчением. Скала, на которой он очутился, не была уединенной!

— К земле! К земле! — подбадривал он себя и прежде, чем покинуть утес, еще раз осмотрелся,

окинув взглядом беспредельное море. Не заметит ли он каких-нибудь обломков кораблекрушения, следов «Дрима», кого-нибудь из оставшихся в живых?

Ничего…

Не видно было и шлюпки. Без сомнения, и ее постигла общая участь.

И тут Годфри подумал, что кто-нибудь из его спутников мог, так же, как и он, спастись на одном из рифов и сейчас тоже ожидает наступления дня, чтобы попытаться доплыть до берега.

Но никого не было видно ни на скалах, ни на отмели. Рифы были так же пустынны, как и океан!

Но, если нет живых людей, может быть, море выбросило трупы? А что, если там, среди рифов, покоятся останки кого-нибудь из его спутников?

Нет, ни на одной из скал, отчетливо выступавших из воды после отлива, никого не было — ни живого, ни мертвого.

Итак, Годфри остался в одиночестве! В борьбе с угрожавшими ему опасностями он мог надеяться только на самого себя.

К чести Годфри нужно признаться, что он не пал духом. Прежде всего нужно было достичь земли, от которой его отделяло сравнительно небольшое пространство. Не долго думая, он

спустился с утеса и поплыл к ближайшему рифу.

Когда расстояние между скалами было незначительным, он перепрыгивал или переходил вброд, а когда увеличивалось — снова бросался в воду. Переход по этим скользким камням, покрытым цепкими водорослями, был труден и долог. В таких условиях нужно было одолеть около четверти мили!

И вот наконец ловкий, проворный юноша ступил на землю, где его, может быть, ждала если не скорая смерть, то жалкое прозябание, могущее оказаться хуже смерти: голод, жажда и холод, всевозможные лишения и различные опасности. Ни ружья, чтобы подстрелить дичь, ни теплой одежды — вот в каком жалком положении он теперь находился.

Безрассудный человек! Ты хотел убедиться, способен ли противостоять трудностям! Что ж! Теперь ты сможешь проверить свои силы! Ты завидовал Робинзону? Теперь ты узнаешь, завидна ли его участь!

Вспомнилась счастливая жизнь в Сан-Франциско среди благополучной и любящей семьи, которую он покинул ради приключений, дядя Виль, невеста Фина, друзья… Несомненно, никого из них он больше никогда не увидит. При этой

мысли сердце у него сжалось и, вопреки заранее принятому решению держаться стойко, на глаза навернулись слезы.

Если бы не одиночество, если бы кому-нибудь из потерпевших крушение тоже удалось добраться до этого берега! Пусть это будет не капитан Тюркот или его помощник, а любой из матросов, пусть даже учитель танцев Тартелетт! Правда, этот легкомысленный человек при сложившихся обстоятельствах был бы ему слабой опорой. Все равно! Только не быть одному! Если бы нашелся человек, который разделил бы с ним одиночество, будущее показалось бы ему не таким грозным.

Он хотел надеяться до последней минуты. Правда, на прибрежных скалах никого не оказалось, но, может быть, он кого-нибудь встретит, когда достигнет песчаной косы? Не исключена же возможность, что кто-нибудь добрался до берега и теперь тоже разыскивает товарищей по несчастью?

Годфри еще раз обвел взглядом местность к северу и к югу. Никого. По крайней мере, этот участок земли был необитаем — ни хижины, ни поднимающегося к небу дымка.

— Вперед! Вперед! — подбадривал себя Годфри.

И он зашагал по отмели в северном направ-

лении, решив сначала подняться на песчаный холм, откуда открывалось более широкое пространство.

Полное безмолвие. На песке никаких следов. Только морские птицы — чайки и поморники — резвились среди скал, единственные живые существа в этой пустыне.

Годфри шел около четверти часа и уже начал подниматься на самый высокий склон, поросший тростником и низким кустарником, как вдруг неожиданно остановился.

В пятидесяти шагах от него, среди прибрежных рифов, лежала бесформенная вздувшаяся масса, точно труп какого-нибудь морского животного, выброшенного последней бурей.

Годфри бросился туда.

С каждым шагом сердце у него билось все сильнее. В бесформенной массе, принятой им за останки какого-то зверя, он стал различать человеческие черты.

В десяти шагах от цели Годфри остановился как вкопанный и закричал:

— Тартелетт!

Да, действительно, это был учитель танцев и изящных манер.

Годфри бросился к своему спутнику.

Через минуту он увидел, что надутый до предела спасательный пояс и делал Тартелетта похожим на морское чудовище. Учитель танцев лежал неподвижно. Но, может быть, он еще жив? Спасательный пояс должен был удержать его на волнах, а прилив — прибить к берегу…

Переход по этим скользким камням, покрытым цепкими водорослями, был труден и долог.

Годфри принялся за дело. Став на колени перед Тартелеттом, он расстегнул спасательное снаряжение и с силой стал растирать бесчувственное тело. Наконец, приоткрытые губы слегка зашевелились… Юноша приложил руку к его сердцу… Оно еще билось!

Годфри окликнул его.

Тартелетт покачал головой, потом издал хриплый звук, за которым последовало несколько бессвязных слов.

Годфри схватил его за плечи и сильно потряс.

Тартелетт открыл глаза и провел левой рукой по лбу. Потом приподнял правую, чтобы убедиться, на месте ли его карманная скрипка и смычок.

— Тартелетт! Милый мой Тартелетт! — закричал Годфри, поддерживая голову учителя.

Голова с остатками всклокоченных волос едва заметно кивнула в знак одобрения.

— Это я… Я… Годфри!

— Годфри? — переспросил Тартелетт.

Потом он оглянулся, поднялся на колени, поглядел вокруг, улыбнулся и встал во весь рост… Наконец-то он почувствовал под собой надежную точку опоры! Теперь он понял, что уже нечего

бояться качки: под ногами не уходящая палуба, а верная, твердая земля…

И тут учитель танцев вмиг обрел свой былой апломб, утраченный им со дня отъезда. Ноги его сами приняли правильную позицию, левая рука схватила карманную скрипку, правая взялась за смычок. Протяжный, меланхолический звук сорвался со струн, и Тартелетт произнес, улыбаясь:

— В позицию, сударыня!

Добряк думал о Фине.

V. Duterte

Да, действительно, это был учитель танцев и изящных манер.

Глава девятая, в которой доказывается, что не все прекрасно в профессии робинзона

Тут учитель и ученик бросились друг другу в объятия.

— Дорогой Годфри! — вскричал Тартелетт.

— Милый Тартелетт! — ответил Годфри.

— Наконец-то мы прибились к порту, — воскликнул учитель танцев тоном человека, пресыщенного плаванием и приключениями.

— Снимите же, наконец, ваш спасательный пояс, — посоветовал юноша. — Эта махина душит вас и мешает двигаться.

— А вы думаете, что теперь я действительно могу его снять? — спросил Тартелетт.

— Вне всякого сомнения. Затем положите вашу скрипку в футляр и отправимся на разведку.

— Не возражаю, — ответил учитель танцев. — Но прежде всего, прошу вас, зайдемте в первый попавшийся ресторан. Я умираю от голода. Десяток бутербродов и два-три стаканчика вина сразу поставят меня на ноги.

— Согласен… Зайдем в первый попавшийся…

А если нам там не понравится, пойдем в другой…

— Затем, — невозмутимо продолжал Тартелетт, — спросим у кого-нибудь из прохожих, где здесь поблизости находится телеграф. Необходимо послать депешу вашему дяде Кольдерупу. Надеюсь, что этот превосходный человек не откажется выслать нам денег на обратный путь. Ведь у меня нет ни цента…

— Договорились! Зайдем в первую же телеграфную контору, а если ее поблизости не окажется, то на ближайшую почту. Итак, в дорогу, Тартелетт!

Наконец-то Тартелетт освободился от спасательного пояса, повесил его через плечо, как охотничий рог, и оба путешественника пустились в путь по направлению к окаймлявшим берег дюнам.

Встреча с Тартелеттом придала Годфри некоторую бодрость. Теперь юношу больше всего интересовало, не уцелел ли еще кто-нибудь с «Дрима».

Четверть часа спустя наши исследователи поднимались на дюну высотой от шестидесяти до восьмидесяти футов и уже почти достигли ее вершины. Отсюда открывалась панорама всего восточного берега, ранее скрытого от глаз неровностями почвы.

В двух или трех милях от них возвышалась вторая гряда холмов, замыкавшая линию горизонта.

К северу берег заканчивался выступом, но трудно было утверждать, соединен ли он с каким-нибудь невидимым отсюда мысом. В южной части побережье рассекала глубокая впадина, а дальше расстилался океан. Итак, можно было сделать вывод, что если эта земля оказалась бы полуостровом на побережье Тихого океана, то перешеек, соединяющий ее с другой частью суши, мог находиться на севере или на юго-востоке.

Что бы там ни было, значит земля эта — не бесплодная пустыня, а обширная зеленая долина со светлыми извилистыми ручьями, покрытая густым высоким лесом. Деревья спускались вниз по холмам, как по ступеням. Поистине великолепный пейзаж!

Однако нигде не видно было домов, образующих городок, деревню или поселок. Никаких сельскохозяйственных построек, ни фермы, ни мызы. Из-за деревьев не поднимался дым, по которому легко было бы найти скрытую в чаще хижину. За деревьями не проглядывали ни купол колокольни, ни построенная на возвышенности ветряная мельница. Не видно было не только хижины, но даже шалаша или вигвама. Ничего!

Нигде!

Если в этих неизвестных краях и жили человеческие существа, то только под землей, подобно троглодитам. Нигде глаз не различал ни проложенной дороги, ни дорожки, ни тропинки. Казалось, человеческая нога никогда не топтала ни камешков на этой отмели, ни травинки в этих прериях.

— Никак не пойму, где же находится город, — заметил Тартелетт, вытягиваясь на носках.

— Похоже на то, что в этой местности его и нет, — невозмутимо ответил Годфри.

— Ну а деревня?

— Тоже нет.

— Где же мы находимся?

— Спросите что-нибудь полегче.

— Как! Вы не знаете? Но скажите, Годфри, ведь мы это скоро узнаем?

— Но от кого?

— Что же с нами будет? — вскричал Тартелетт, простирая руки к небу.

— Должно быть, мы станем робинзонами.

При этих словах учитель танцев сделал такой прыжок, какому позавидовал бы любой клоун.

Робинзонами! Они станут робинзонами! Потомками того Селкирка, который долгие годы

провел на острове Хуан-Фернандес! Подражателями воображаемых героев Даниэля Дефо и Висса, приключениями которых они так увлекались! Жить вдали от родных и друзей, за тысячи миль от себе подобных! Влачить жалкое существование в постоянной борьбе с хищниками, быть может даже с дикарями, если им вздумается сюда забрести! Не иметь никаких средств к жизни, даже самых необходимых орудий, ни одежды, ни оружия! Страдать от голода и жажды, быть предоставленными самим себе! Нет! Это невозможно!

— Не говорите мне, Годфри, таких ужасных вещей, — вскричал Тартелетт. — Не шутите так жестоко! Одно представление о подобной жизни способно меня убить! Ведь вы пошутили, не так ли?

Казалось, человеческая нога никогда не топтала ни камешков на этой отмели, ни травинки в этих прериях.

— Да, милый Тартелетт, — ответил Годфри. — Успокойтесь, я пошутил! Но пока что подумаем о ночлеге.

Действительно, прежде всего нужно было найти какое-нибудь убежище — пещеру или грот, чтобы там провести ночь. Затем следовало позаботиться о пище: поискать каких-нибудь съедобных раковин, чтобы утолить голод.

Итак, Годфри и Тартелетт стали спускаться по склону дюн, в сторону рифов: Годфри — возбужденный этими поисками, Тартелетт — растерянный и недоумевающий, вне себя от ужасов, начавшихся задолго до кораблекрушения. Первый внимательно смотрел и вперед, и назад, и по сторонам, второй — неспособен был ясно видеть и в десяти шагах.

Годфри занимала одна мысль: «Если здесь нет людей, то, может быть, есть по крайней мере животные?»

Он, конечно, думал о лесной дичи, а не о диких или хищных зверях, которыми изобилует тропическая зона. С этими он не знал бы, что и делать.

Но ответить на этот вопрос помогут дальней-

шие поиски.

Как бы то ни было, стаи птиц кружили над побережьем: выпи, водяные утки, кулики носились взад и вперед, оглашая воздух своими криками, словно протестуя против вторжения человека в их птичье царство.

Годфри тут же смекнул, что можно будет воспользоваться их яйцами. Раз эти птицы собирались большими стаями, значит в соседних скалах есть множество расщелин, где они гнездятся. Кроме того, Годфри различил вдалеке несколько цапель и бекасов, что указывало на близость болота.

Итак, в пернатых здесь не было недостатка. Трудность заключалась в том, как их поймать, не имея оружия. Но пока можно было довольствоваться яйцами в сыром или печеном виде. Впрочем, надо их еще найти, а если испечь, то как достать огня? Все эти важные вопросы с ходу решить было невозможно.

Годфри и Тартелетт спустились к рифам, над которыми кружились стаи морских птиц.

Здесь их ожидала приятная неожиданность: среди диких птиц, бегавших по песку или рывшихся в морских водорослях, выброшенных прибоем, оказалось около дюжины кур и два-три

петуха американской породы. Нет, это был не обман зрения. Петухи оглашали воздух бодрым «ку-ка-ре-ку».

И еще один сюрприз: среди скал виднелись какие-то четвероногие животные. Они взобрались на дюны, где их, должно быть, привлекали зеленеющие кусты. Нет, Годфри не ошибся! Это были агути, числом не менее дюжины, пять или шесть баранов и столько же коз, которые преспокойно щипали траву.

— Глядите, Тартелетт! — вскричал юноша.

Учитель танцев посмотрел, но ничего не увидел. Бедняга был окончательно подавлен горестной ситуацией, в которой неожиданно очутился.

Годфри пришла в голову мысль, оказавшаяся справедливой. Он вдруг сообразил, что все эти животные плыли вместе с ними на «Дриме». Когда произошло кораблекрушение, куры каким-то образом добрались до рифов, а четвероногим не стоило большого труда достигнуть вплавь первых скал побережья.

— Итак, — с грустью заметил Годфри, — то, что не удалось никому из наших несчастных спутников, совершили животные, руководимые инстинктом. Из всех, кто был на «Дриме», спаслись лишь они.

— Включая сюда и нас, — наивно добавил Тартелетт.

И в самом деле, учитель танцев спасся так же инстинктивно, как и животные, без малейшего морального усилия.

Но это в данном случае значения не имело. Для обоих робинзонов наличие на берегу нескольких животных было большим счастьем. Если пребывание на острове затянется, совсем не худо будет заняться разведением домашнего скота и устроить птичий двор.

А пока Годфри решил ограничиться теми ресурсами, которые предоставляло им побережье: яйцами морских птиц и съедобными ракови-нами. Вдвоем с Тартелеттом они принялись обыскивать щели между камнями и укромные места под водорослями. И не безуспешно. Вскоре они собрали довольно много моллюсков, которых можно было есть в сыром виде.

В высоких скалах, замыкавших бухту с севера, удалось найти несколько десятков утиных яиц. Еды хватило бы и на бóльшую компанию. Измученные голодом, Годфри и Тартелетт не могли, конечно, быть слишком взыскательными.

— А где взять огонь? — спросил один.

— В самом деле, как мы его добудем? — вторил

другой.

Вопрос был чрезвычайно серьезным, и оба стали обследовать содержимое своих карманов.

Карманы учителя были почти пусты. Там нашлось лишь несколько запасных струн для карманной скрипки да кусок канифоли для смычка. Разве с такими предметами добудешь огонь?

У Годфри дело обстояло не лучше. Однако молодой человек с большим удовлетворением вытащил из кармана прекрасный нож в кожаном чехле, предохранявшем лезвие от воды.

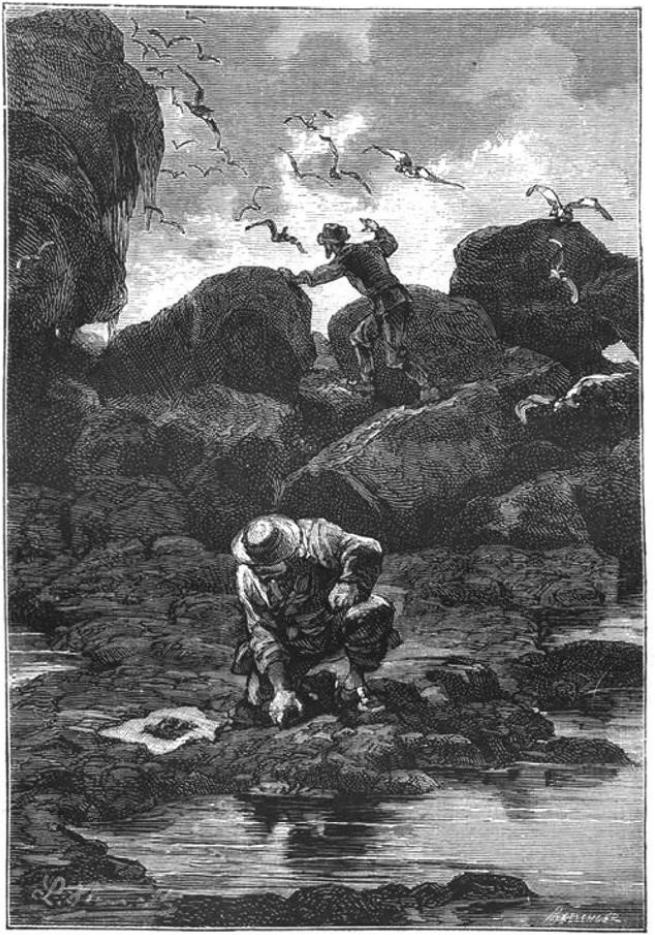
Этот нож — он имел еще дополнительное маленькое лезвие, бурав, пилку и штопор — при сложившихся обстоятельствах оказался очень ценным инструментом. Ничего другого, кроме четырех рук, у них не было.

А много ли сделаешь голыми руками? К тому же руки Тартелетта способны были только играть на скрипке да еще проделывать грациозные движения.

Годфри пришел к неутешительному выводу, что может рассчитывать только на себя. Однако после зрелых размышлений, он решил, что можно будет использовать Тартелетта для добывания огня посредством быстрого трения один о другой двух кусков дерева. Несколько яиц, испеченных

под горячим пеплом, вполне были бы кстати ко второму полуденному завтраку.

И вот, пока Годфри занимался опустошением птичьих гнезд, отбиваясь от их обитателей, защищавших свое будущее потомство, учитель танцев собрал валявшиеся у склона дюн обломки деревьев и снес их к подножью рифа, защищенному от морских ветров. Затем выбрал две самые сухие деревяшки, надеясь путем долгого интенсивного трения добыть огонь.



Годфри занимался опустошением птичьих гнезд.

Неужели то, что с легкостью давалось диким полинезийцам, окажется не под силу учителю танцев и изящных манер, считавшему себя по умственному развитию на много голов выше любого туземца?

И вот он начал тереть куски дерева, не жалея ни рук, ни мускулов. Но, увы, ничего не получалось! То ли порода дерева была неподходящей, то ли сухость недостаточной, а может быть, просто у него не хватало ловкости для подобной операции. Во всяком случае, его собственная температура повысилась куда больше, чем температура деревяшек.

Когда Годфри вернулся с птичьими яйцами, учитель танцев буквально плавал в собственном поту. Он дошел до такого изнеможения, до какого едва ли его доводили когда-нибудь даже самые интенсивные хореографические упражнения!

— Ну что, не ладится? — спросил Годфри.

— Да, Годфри, ничего не выходит. И мне начинает казаться, что все эти открытия дикарей — сплошной обман, придуманный для дурачков.

— Вовсе нет, — возразил Годфри. — Надо только, как и в любом деле, иметь сноровку.

— А как же будет с яйцами?

— Есть еще другой способ их испечь, — сказал Годфри. — Яйцо привязывают к нитке, затем ее быстро вращают, а потом резко прекращают вращение. Механическая энергия может перейти в тепловую, и тогда…

— Яйцо испечется?

— Да, только при быстром вращении и резкой остановке… Но как остановить вращение и не раздавить яйца? Знаете что, мой дорогой Тартелетт, не проще ли поступить вот так?

И, осторожно разбив скорлупу утиного яйца, Годфри без дальнейших околичностей проглотил содержимое.

Но на это Тартелетт уж никак не мог решиться, и ему пришлось довольствоваться одними моллюсками.

Теперь оставалось подыскать какой-нибудь грот или пещеру, чтобы было где переночевать.

— Робинзонам всегда удавалось найти для ночлега пещеру, — заметил учитель танцев. — А потом она становилась их постоянным жилищем.

— Поэтому пойдем и поищем, — ответил Годфри.

Но хотя робинзонам это всегда удавалось, на

сей раз их невольным последователям явно не повезло. Напрасно ходили они среди скал вдоль северной части бухты. Не нашлось ни пещеры, ни грота, даже никакой расщелины, которая могла бы послужить убежищем.

Тогда Годфри решил лучше уяснить себе местоположение и направился к деревьям на границе песчаной отмели.

Поднявшись по склону передних дюн, они направились к зеленеющим прериям, которые разглядели еще раньше.

По странной и одновременно счастливой случайности, за ними добровольно следовали и прочие обитатели «Дрима», спасшиеся от кораблекрушения. Должно быть, эти петухи, куры, овцы, козы, агути, по-прежнему движимые инстинктами, решили, что надо следовать за людьми. По-видимому, они неважно чувствовали себя на песчаной отмели, где не было ни достаточного количества травы, ни земляных червей.

Три четверти часа пути в полном молчании, и наши утомленные робинзоны вышли на опушку леса. Никаких следов человека! Местность совершенно пустынна! Можно было предположить, что нога человеческая не ступала по этой земле.

Прекрасные деревья росли отдельными груп-

пами, а дальше, на расстоянии четверти мили, виднелся довольно густой лес, состоящий из разных древесных пород.

Годфри старался разыскать какое-нибудь старое дупло, чтобы укрыться в нем хотя бы на первую ночь. Но поиски оказались тщетными. Между тем, после долгой ходьбы, путники сильно проголодались. На этот раз и тому и другому пришлось насыщаться моллюсками, предусмотрительно собранными на отмели. Потом, смертельно усталые, они заснули на земле, у первого дерева, под покровом звездной ночи.

Глава десятая, в которой Годфри делает то, что сделал бы на его месте каждый человек, потерпевший кораблекрушение

Ночь прошла без происшествий. Оба путешественника, утомленные волнениями и ходьбой, спали так безмятежно, будто занимали самую комфортабельную комнату в особняке на Монтгомери-стрит.

Утром 27 июня, при первых лучах солнца, их разбудило пение петуха.

Годфри сразу вспомнил все, что с ним приключилось, тогда как Тартелетт долго тер глаза и потягивался, прежде чем вернулся к действительности.

— Наш сегодняшний завтрак будет таким же, как и вчерашний обед? — спросил он наконец.

— Боюсь, что да, — ответил Годфри. — Зато, надеюсь, сегодняшний обед будет удачнее.

Лицо учителя танцев выразило досаду. Где же чай и сандвичи, которые обыкновенно приносили ему прямо в постель? Неужели он не дождется звонка к завтраку и не сможет до этого прогло-

тить даже чашки чая?

Однако нужно было принять решение. Теперь Годфри прекрасно понимал, что все дальнейшее будет зависеть только от него одного. На его спутника ни в чем нельзя положиться. В пустой коробке, заменявшей Тартелетту голову, не могло зародиться ни одной практической идеи. Годфри должен был думать, изобретать, решать за двоих.

И тут он подумал о своей невесте Фине, от которой так безрассудно отказался, отложив женитьбу до возвращения, о дяде Виле, которого так неосмотрительно покинул; затем, повернувшись к Тартелетту, произнес:

— Для разнообразия вот еще несколько ракушек и полдюжины яиц!

— А их никак нельзя испечь?

— Нет! — ответил Годфри. — Но что бы вы сказали, дорогой Тартелетт, если бы у нас и этого не было?

— Я сказал бы, что на нет и суда нет, — сухо ответил учитель танцев.

Пришлось довольствоваться более чем скудной трапезой.

После завтрака Годфри стал обдумывать свое положение и решил продолжить начатое на-

кануне изучение местности. Прежде всего надо было определить, по возможности, в какой части Тихого океана произошла катастрофа с «Дримом», потом — попытаться найти ближайший на побережье населенный пункт и установить на месте, что делать дальше: телеграфировать дяде и ждать его распоряжений или сразу же уехать на родину с попутным кораблем.

Годфри рассуждал достаточно разумно: если перейти второй ряд холмов, живописные очертания которых вырисовывались из-за деревьев, то, может быть, удастся что-нибудь разузнать. И он решил потратить на необходимую разведку час или два, а если понадобится — всю первую половину дня.

Годфри огляделся вокруг. Петухи и куры отыскивали себе корм в высокой траве. Агути, козы и бараны паслись на лугу у кромки леса.

Чтобы удержать на одном месте домашних птиц и животных и не водить их за собой, Годфри решил оставить около них для присмотра Тартелетта. Последнему показалось даже забавным превратиться на несколько часов в пастуха. Однако он все же задал вопрос:

— А что будет со мной, Годфри, если вы погибнете?

— О, этого не бойтесь, милый Тартелетт, — успокоил его юноша. — Я только пройду через лес и сейчас же вернусь на лужайку. Только, пожалуйста, никуда не уходите.

— Не забудьте телеграфировать вашему дяде Вилю, чтобы он поскорее перевел нам сотни три-четыре долларов!

— Ну разумеется! Я тотчас же пошлю телеграмму или, в крайнем случае, письмо, — ответил Годфри, не желая лишать Тартелетта его иллюзий хотя бы до тех пор, пока он сам не узнает толком, где они находятся и на что можно рассчитывать.

Он пожал учителю руку и углубился в чащу леса, определяя направление по солнечным лучам, которые, однако, едва пробивались сквозь густую листву. Он шел к высоким холмам, скрывавшим восточный горизонт.

Не было никаких тропинок. На земле виднелись иногда отпечатки копыт проходивших здесь четвероногих. Два или три раза Годфри даже показалось, будто в чаще промелькнуло несколько животных из породы жвачных — не то оленей, не то лосей, но, к счастью, не было заметно никаких следов хищных зверей вроде тигров или ягуаров.

Вокруг, в густой заросли деревьев, порхали сотни диких голубей, в чаще скрывались орланы

и тетерева. Оглашали воздух пронзительными криками пестрые попугаи, а высоко в небе парили ягнятники с пучками щетинистых перьев под клювом, похожих на какаду. Однако ни одна из пород пернатых не была достаточно специфичной, чтобы определить, на какой широте находилась эта местность.

То же самое можно было сказать и о породах деревьев. Это были примерно те же разновидности, что и в той части Соединенных Штатов, которая включает в себя Нижнюю Калифорнию, залив Монтрей и Новую Мексику. Здесь росли земляничники[21], цветущие кусты кизила, клены, березы, дубы, пять или шесть разновидностей магнолии и сосна, вроде той, какая встречается в Южной Каролине, а на лужайке — оливковые деревья, каштаны, кусты тамаринда, мастики и мирты — все, что можно встретить на юге умеренной зоны. Между стволами было достаточно пространства, чтобы пройти, не прибегая ни к огню, ни к топору. Легкий морской ветерок колыхал верхушки деревьев, а на земле то здесь, то там блестели солнечные блики.

Годфри, одержимый желанием побыстрее до-

[21] Notes: 21

Земляничное дерево — растение семейства вересковых. Известно 25 видов земляничников в Европе и Северной Америке.

стигнуть высот, окаймлявших с востока лесную чащу, пересекал ее наискосок, не думая ни о каких предосторожностях. Определяя путь по направлению солнечных лучей, он прямо шел к своей цели и даже не замечал выпархивающих из-под ног птиц-гидов, названных так оттого, что они летят впереди путешественников. Птицы то задерживались, то отлетали назад, то снова устремлялись вперед, будто желая указать путнику дорогу. Но ничто не могло его отвлечь и, конечно, такая сосредоточенность была вполне понятна. Не пройдет и часа, как должна будет решиться его судьба! Еще немного терпения, и он узнает, легко ли отсюда добраться до первого поселка или города, есть ли здесь люди и можно ли с ними сговориться.

Размышляя о маршруте, проделанном «Дримом» за время семнадцатидневного плавания и невольных отклонений от курса, Годфри пришел к выводу, что земля эта вряд ли могла быть японским или китайским побережьем. Кроме того, солнце, всегда находившееся на юге по отношению к судну, показывало, что «Дрим» не выходил за пределы Южного полушария.

За два часа пути Годфри прошел около пяти миль, иногда из-за густоты леса отклоняясь от

принятого направления. Тем не менее он был уже недалеко от второй линии холмов. Деревья постепенно редели, сбивались в отдельные группы, солнце свободно просвечивало через высокие ветви. Поверхность почвы все повышалась, и вскоре начался крутой подъем.

Годфри сильно устал, но был полон решимости и не замедлял шага. Не будь такой кручи, он, не задумываясь, пустился бы бежать. Вскоре он поднялся выше зеленой полосы леса, выше самых высоких деревьев. Юноша не оглядывался назад, его глаза по-прежнему были устремлены на оголенный участок земли, видневшийся вверху, в четырех– или пятистах футах впереди. Эта вершина все еще загораживала восточную часть горизонта.

Из неровной цепи холмов выступал как бы срезанный сверху маленький конус, вознесшийся выше всей стальной гряды.

— Туда! Туда! — подбадривал себя Годфри — Надо добраться до этой высшей точки! Гребень уже близок! Но что я оттуда увижу? Город? Деревню?.. Пустыню?..

В крайнем возбуждении он продолжал взбираться, сжимая руками грудь, чтобы успокоить биение сердца. Он сильно запыхался, но не мог

позволить себе хоть немного передохнуть. До вершины оставалось не больше сотни футов! Еще несколько минут — и он у цели!

Подъем сделался еще круче и шел теперь под углом в тридцать или тридцать пять градусов. Пришлось карабкаться, цепляясь и руками, и ногами. Годфри хватался за траву, за кусты мастики и миртов, росшие в изобилии до самой верхушки гребня.

Вот он сделал последнее усилие! Голова его поднялась над ровной площадкой конуса, и он упал навзничь, пожирая глазами восточную линию горизонта…

Перед ним простиралось море, сплошное море, сходящееся с небом на расстоянии приблизительно двух десятков миль.

Годфри обернулся…

Везде только море — и с запада, и с севера, и с юга — со всех сторон бесконечное море!

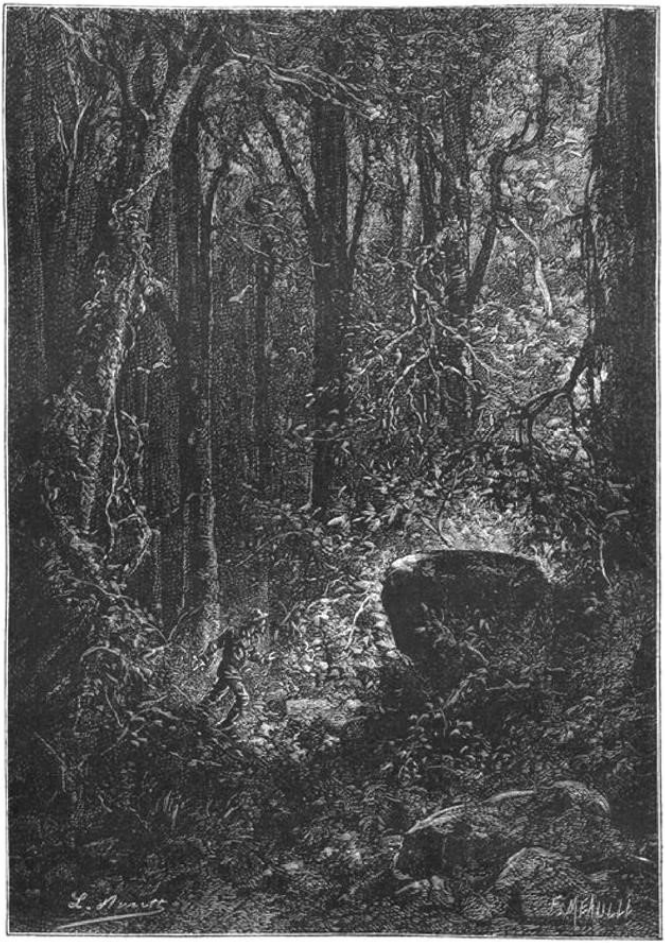
— Остров…

От одного этого слова можно было прийти в отчаяние. Мысль о том, что он находится на острове, до сих пор не приходила ему в голову. Но это было так! Воображаемый перешеек, который мог связать эту землю с материком, внезапно исчез. Годфри чувствовал себя, как человек, который

заснул в лодке, а пробудившись, увидел себя в океане — без руля и без ветрил…

И все же Годфри быстро овладел собой. Ничего не оставалось, как смириться с положением робинзона. В ближайшее время рассчитывать на спасение не приходилось. Нужно было надеяться только на себя, на свою находчивость и терпение.

Теперь надо было определить как можно точнее, где находится остров, открывавшийся взору со всех четырех сторон. Неправильная окружность его, по-видимому, не превышала шестидесяти миль: с юга на север он имел около двадцати миль, а с востока на запад — не более двенадцати.



Годфри, одержимый желанием побыстрее достигнуть высот, окаймлявших с востока лесную чащу, пересекал ее наискосок, не думая ни о каких предосторожностях.

Центральная часть, вплоть до гребня холмов, увенчанного плоским конусом, покрыта была сплошным лесом. Отсюда можно было сойти по откосу к самому побережью — на другую сторону острова.

Остальное пространство было занято прерией, где виднелись группы деревьев, и песчаными отмелями, над которыми громоздились скалы, образуя далеко уходящие в море мысы. Берег был прорезан несколькими заливчиками и бухтами, в которых могли укрыться по две или по три рыбачьих лодки, и только бухта, в которой потерпел крушение «Дрим», занимала от семи до восьми миль в ширину. Она походила на открытый рейд с береговой линией наподобие тупого угла. Но никакое судно не могло бы там укрыться от ветра — разве только от восточного.

Что же это был за остров? Каково его географическое положение? Относился ли он к какому-нибудь архипелагу или лежал уединенно в этой части Тихого океана?

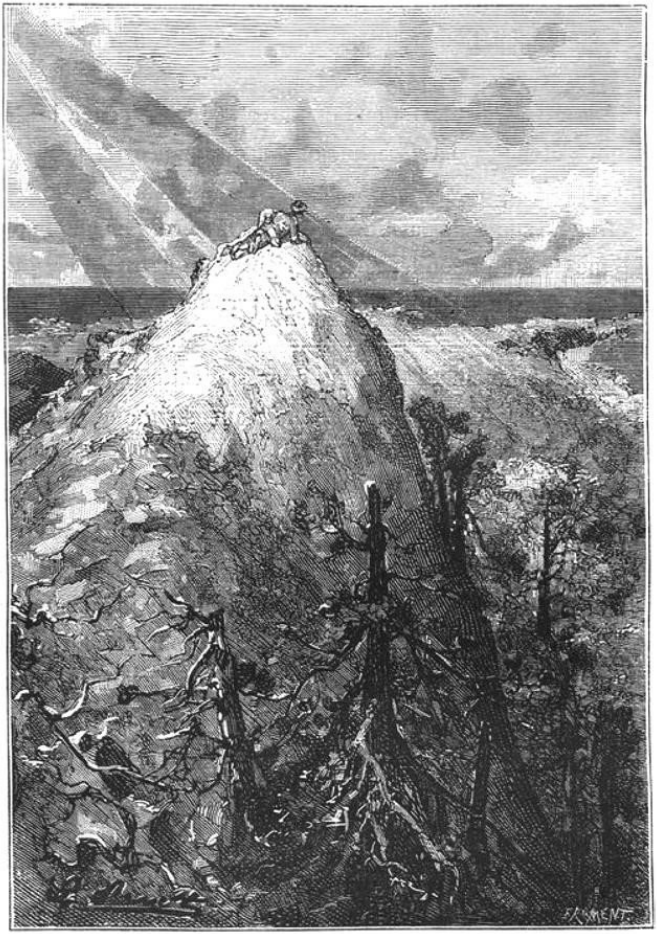
Во всяком случае, насколько хватало глаз, во-

круг не видно было никакого другого острова: ни большого, ни маленького, ни низменного, ни гористого.

Годфри еще раз приподнялся и внимательно осмотрел горизонт, но на линии, соединяющей небо с землей, по-прежнему ничего не увидел. Если с подветренной стороны и находился остров или берег материка, то где-то очень далеко.

Тогда, призвав на помощь все свои знания по географии, юноша попытался определить примерные координаты этого острова. Рассуждал он таким образом.

В течение семнадцати дней «Дрим» почти не уклонялся от направления на юго-запад. При скорости в сто пятьдесят или сто двадцать миль в сутки он должен был пройти около ста пятидесяти градусов. С другой стороны, было очевидно, что экватор он перейти не успел. Следовательно, остров или архипелаг, частью которого мог быть этот остров, находился на 16° или 17° северной широты.



Перед ним простиралось море, сплошное море, сходящееся с небом на расстоянии приблизительно двух десятков миль.

Если Годфри не изменяла память, в этой части Тихого океана не было другого архипелага, кроме Сандвичевых островов. Но ведь по океану, вплоть до берегов Китая, рассеяно множество небольших островов. Поди знай, на котором ты находишься!

Да впрочем, это не имело никакого значения. При всем желании Годфри не мог отправиться на поиски другой, более гостеприимной земли.

— Ну что ж, — сказал он себе, — раз мне неизвестно его название, то пусть он называется островом Фины, в память той, которую я покинул, пускаясь бродить по свету.

Теперь надо было узнать, не населен ли остров в той части, которую Годфри еще не посетил.

С вершины конуса нельзя было заметить никаких признаков туземного населения: ни жилищ где-нибудь среди прерий, ни домиков на краю леса, ни рыбачьих хижин на берегу.

Море было таким же пустынным, как и остров: ни одного корабля не появлялось в широком поле зрения, открывавшемся Годфри с вершины конуса.

Расследование было закончено, и Годфри ни-

чего больше не оставалось, как спуститься к подножью холма и вернуться на лесную опушку, где его ожидал Тартелетт. Когда он уже приготовился к спуску, его внимание привлекла группа громадных деревьев у северного края прерии. Это были настоящие гиганты, каких ему еще не приходилось видеть до сих пор.

— Пожалуй, там стоит поселиться, — подумал он вслух. — Именно там мы и поищем подходящее место для жилья, тем более, что я, кажется, вижу отсюда ручеек. Он вытекает из центральной цепи холмов и вьется по всей долине. Нужно будет посвятить завтрашний день обследованию этой части острова…

На юге был несколько иной пейзаж. Леса и прерии занимали здесь небольшое пространство, вытесненное широким песчаным ковром, на котором кое-где попадались живописные скалы.

Но каково же было удивление Годфри, когда он вдруг заметил легкий дымок, поднимавшийся из-за скал!

— Неужели там кто-нибудь из наших спутников? — вскричал он. — Нет! Это невозможно! Не могли же они со вчерашнего дня забраться так далеко, на много миль от рифа. Быть может, это рыбацкий поселок или какая-нибудь туземная

деревушка?

Годфри напряженно вглядывался. В самом деле, был ли это дым или только легкое облачко, относимое ветром к западу? Здесь можно было ошибиться. Во всяком случае, оно быстро рассеялось в воздухе и через несколько минут совсем исчезло.

Еще одна погибшая надежда!

Юноша в последний раз посмотрел на море и, окончательно убедившись, что там ничего не видно, стал спускаться по склону холма; потом углубился в чащу леса и еще через час вышел на лужайку.

Там поджидал его Тартелетт среди своего двуногого и четырехногого стада. Чем же занимался все это время учитель танцев? Все тем же: изо всех сил тер один о другой два куска дерева, стараясь добыть огонь. Работал с упорством, достойным лучшего применения.

— Ну как? — спросил он издалека, заметив Годфри. — Удалось вам найти телеграфное отделение?

— Оно закрыто, — ответил Годфри, все еще не решаясь открыть учителю всей правды.

— Ну а почта?

— И почта оказалась закрытой… Но сначала

пообедаем… Я умираю от голода!.. Позже я вам все расскажу…

В это утро Годфри и его спутнику пришлось довольствоваться той же скудной трапезой, состоявшей из еще не иссякших запасов сырых яиц и моллюсков.

— Очень здоровый режим! — уверял Годфри Тартелетта. Однако учитель танцев придерживался другого мнения.

Глава одиннадцатая, в которой герои озабочены поисками убежища и решают этот вопрос так, как его можно было решить

День был на исходе, и Годфри решил отложить до завтра поиски места, удобного для жилья. На настойчивые вопросы учителя о результатах разведки он в конце концов должен был признаться, что они попали на остров, остров Фины, и прежде чем подумать, как отсюда выбраться, нужно обеспечить хотя бы на первое время средства к жизни.

— Остров? — воскликнул Тартелетт.

— Да… остров.

— Значит, он со всех сторон окружен морем?

— Разумеется, а как же иначе?

— Что же это за остров?

— Я уже сказал вам… Остров Фины… Конечно, вы понимаете, почему я его так назвал.

— Фи… Фи… — произнес Тартелетт с недовольной гримасой, — не вижу никакого сходства… Мисс Фина, окруженная водой!..

После этого печального разговора нашим ро-

бинзонам ничего не оставалось, как провести вторую ночь в столь же плачевных условиях. Годфри отправился к скалистому мысу, чтобы снова запастись птичьими яйцами и раковинами. Ни на что другое пока рассчитывать не приходилось. Утолив кое-как голод, он свалился под тем же деревом и, сломленный усталостью, крепко заснул, тогда как Тартелетт все еще не мог примириться со своим новым положением и долго ворочался с боку на бок, предаваясь грустным мыслям.

На другой день, 28 июня, потерпевшие кораблекрушение встали ни свет ни заря. Скромный завтрак был таким же, как накануне. К счастью, воду из ручья удалось заменить небольшой порцией молока от одной из коз, позволившей себя подоить.

Ах, достойнейший Тартелетт! Куда девались всевозможные мятные гроги, портвейны, ликеры, хересы и коктейли, которых он, правда, не пивал, но всегда мог заказать в любом из ресторанов или баров Сан-Франциско! А теперь ему придется завидовать курам и козам, которые никогда не знавали ни спиртных, ни прохладительных напитков и лишь скромно довольствовались пресной водой! Да, он будет завидовать животным, которые живут на подножном корму, не

испытывая потребности ни в вареной, ни в горячей пище! Ведь этим счастливцам достаточно кореньев, зерен и трав; завтрак всегда накрыт для них на зеленой скатерти.

— Итак, в путь! — скомандовал Годфри, прервав размышления Тартелетта.

И оба зашагали, сопровождаемые эскортом домашних животных, решительно не желавших от них отставать.

План Годфри состоял в том, чтобы исследовать ту часть северного берега, где он заметил вчера группу гигантских деревьев. Быть может, прилив выкинул на отмель мертвые тела кого-нибудь из экипажа «Дрима»? Предать земле покойников — его первейший долг. Не исключено, что там найдутся и какие-нибудь обломки погибшего корабля. Но встретить живого человека Годфри теперь и не надеялся. Ведь после катастрофы прошло уже тридцать шесть часов.

Первая линия дюн вскоре осталась позади. Годфри и учитель танцев достигли скалистого мыса, но он был таким же пустынным, как и накануне. Здесь они запаслись провизией, так как на северном побережье могло не оказаться ни яиц, ни раковин, а затем снова двинулись в путь, жадно всматриваясь в берег, устланный

бахромой морских водорослей, выброшенных последним приливом.

Ничего! Нигде ничего!

Нельзя не согласиться с тем, что злая судьба, превратив в робинзонов двух пассажиров «Дрима», обошлась с ними куда более жестоко, чем с их многочисленными предшественниками. Тем всегда перепадало хоть что-нибудь из корабельного имущества. Кроме предметов первой необходимости, робинзоны могли воспользоваться даже обломками самого судна. Им доставались и съестные припасы, и орудия труда, и одежда, и оружие — словом, все необходимое для удовлетворения элементарных жизненных потребностей. Здесь же не было ничего похожего! Темной ночью корабль бесследно исчез в пучине моря, не оставив после себя ни малейших следов! Ничего не удалось спасти, не было даже спичек, которые сейчас больше всего пригодились бы…

Какой-нибудь славный господин, сидя в своей уютной комнате перед пылающим камином, скажет вам с милой улыбкой:

— Но ведь нет ничего легче, как добыть огонь! Для этого существует тысяча способов! Например, два камня!.. Немного сухого мху или любой другой горючий материал! Взять хотя бы тряпицу…

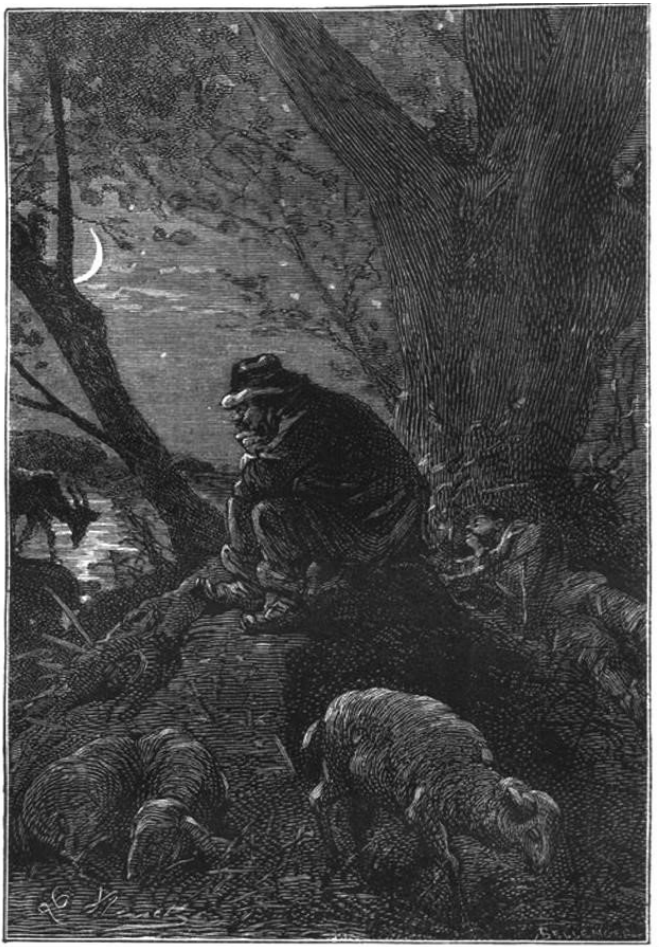
Да, но как ее зажечь?.. На худой конец, вместо огнива можно воспользоваться ножом… либо двумя кусками дерева, если будете энергично тереть их друг о друга, как это делают полинезийцы!..

— Пожалуйста, что ж, попробуйте сами!

Так размышлял Годфри, продолжая свой путь. В те минуты для него не было ничего более важного. В самом деле, как он добудет огонь?

Когда-то, сидя у камина в своей уютной комнате, он рассеянно помешивал угли, читая увлекательные книжки о путешествиях, и сам думал так же, как этот славный господин, который любит давать советы. Но теперь, очутившись на необитаемом острове, он убедился, что на деле все обстоит иначе и даже добывание огня превращается в сложную проблему.

Он шагал, погруженный в свои мысли, а сзади плелся Тартелетт, взявший на себя заботу о стаде. Время от времени учитель танцев подзывал домашнюю птицу и, как настоящий пастух, подгонял следовавших за ним баранов, агути и коз.



Да, он будет завидовать животным, которые живут на подножном корму, не испытывая потребности ни в вареной, ни в горячей пище!

Вдруг Годфри заметил кустарник с ветвями, усеянными маленькими яркими яблочками. Сотни таких же плодов валялись на земле у подножья дюн. Юноша вспомнил, что это так называемая манзанилла, которую охотно употребляют в пищу индейцы в некоторых местностях Калифорнии.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Теперь у нас будет и другая пища, кроме яиц и моллюсков!

— Разве это можно есть? — спросил Тартелетт, по привычке скорчив гримасу.

— А почему бы и нет? — сказал Годфри и, срывая с веток манзаниллы спелые плоды, стал с удовольствием их поедать.

Это были дикие яблоки, довольно терпкие, но все же приятные на вкус. Учитель танцев тут же последовал примеру юноши и, кажется, остался доволен. А Годфри пришло в голову, что из этих плодов можно приготовить напиток, который, во всяком случае, будет приятнее простой воды.

Отдав дань яблокам, путники отправились дальше. Песчаные дюны скоро сменились прерией, которую пересекал маленький ручеек с

проточной водой. Годфри видел его еще вчера с вершины конуса. А поодаль возвышались гигантские деревья, заинтересовавшие юношу накануне. Чтобы добраться до них, нашим путешественникам, утомленным четырехчасовым переходом, пришлось проделать не менее девяти миль. И только после полудня они достигли долины.

Уголок этот был удивительно живописен. Здесь все восхищало и радовало глаз. Можно было не колебаться относительно выбора места для жилья!

На обширном лугу, среди зарослей манзаниллы и других кустарников, вздымалось к небу десятка два гигантских деревьев: тех же родственных елям хвойных пород, что растут в лесах Калифорнии. Расположены они были полукругом, а у подножия расстилался зеленый ковер. На протяжении нескольких сотен шагов он покрывал берег ручья и затем переходил в большую песчаную площадку, усеянную скалами, утесами и глыбами камней, которая с северной стороны вытягивалась длинным выступом в море.

Громадные хвойные деревья принадлежали к породе мамонтовых, или секвой. Англичане называют их веллингтониями, а американцы —

вашингтониями.

Разница очевидна для всех. Однако напоминает ли их название флегматичного победителя в битве при Ватерлоо[22] или знаменитого основателя американской республики[23] — в том и в другом случае это самые гигантские представители растительного мира Калифорнии и Невады.

В разных частях этих штатов встречаются целые леса, состоящие из таких деревьев. Например, в Марипоза и Калавера окружность стволов иногда достигает от шестидесяти до восьмидесяти футов при высоте в триста футов, а в Иоземитской долине известно одно дерево, которое имело в обхвате не менее сотни футов. Верхние ветви этой, теперь уже поверженной секвойи достигали высоты Мюнстерского собора в Страсбурге, иначе говоря — вздымались до четырехсот футов. Упоминаются и другие феномены растительного царства. Основание ствола одной из спиленных секвой послужило

---

[22] Notes: 22

Веллингтон Артур (1769–1852) — английский полководец, командовал войсками в битве при Ватерлоо, в которой Наполеон потерпел поражение.

[23] Notes: 23

Вашингтон Джордж (1732–1799) — американский деятель периода борьбы североамериканских колоний Англии за независимость. Первый президент США.

для местных жителей танцевальной площадкой, где могли одновременно кружиться от восьми до десяти пар. Но настоящий гигант из гигантов, составляющий гордость штата, это «Мать леса» — старая секвойя — в пятнадцати милях от Мерфи, достигшая четырехтысячелетнего возраста. Высота этого исполина — четыреста пятьдесят два фута. Он вздымается выше собора Святого Петра в Риме, выше пирамиды Гизеха, выше железной колоколенки на одной из башен Руанского собора, самого высокого здания в мире[24].

Странный каприз природы забросил в незапамятные времена на этот остров семена гигантских деревьев. Самые большие из них были здесь высотою примерно в триста футов, самые «маленькие» — в двести пятьдесят. Некоторые из деревьев, прогнившие внутри от старости, образовали у основания гигантскую арку, через которую легко мог проехать целый отряд всадников.

Годфри был потрясен великолепием этих феноменов природы, обычно растущих на высоте трех — трех с половиной километров над уровнем

---

[24] Notes: 24

Это утверждение устарело. Более высокие здания, чем Руанский собор, появились уже через несколько лет после выхода «Школы робинзонов».

моря. Он подумал даже, что ради этого бесподобного пейзажа стоило совершить такое далекое путешествие. В самом деле, с чем можно было сравнить стройные светло-коричневые колонны, которые вздымались, почти не уменьшаясь в диаметре от корня до первых разветвлений! Эти цилиндрические стволы, высотою от восьмидесяти до ста футов, переходили в огромные ветви, почти такие же толстые, как и сами стволы, образуя целый лес, висящий в воздухе.

Одна из гигантских секвой — самая большая из всех — особенно привлекала внимание Годфри. У основания ее зияло дупло шириною от четырех до пяти и высотою в десять футов, внутрь которого легко было проникнуть. Сердце гиганта исчезло, ядро древесины превратилось в мягкую белую пыль, дерево держалось только на своей толстой коре, скрепленной заболонью[25], но могло простоять еще целые века.

— За неимением пещеры или грота, — вскричал Годфри, — пусть это дупло станет нам жилищем! У нас будет деревянный дом и высоченная башня, каких не найдешь и в обжитых местах. Здесь мы сможем укрыться от непогоды. Пойдемте же,

---

[25] Notes: 25

Заболонь — наружные слои древесины, отличающиеся от внутренних меньшей плотностью.

Тартелетт, пойдемте!

И, схватив за руку своего спутника, юноша увлек его за собой внутрь секвойи.

Почва в диаметре не менее десяти английских футов была покрыта слоем растительной пыли. Высоту же, где закруглялся свод, мешала определить темнота. Сквозь стенки, образованные корой, не проникало ни одного луча света. Отсюда легко было заключить, что в стенках не было ни щелей, ни трещин, сквозь которые пробивался бы дождь или ветер. Итак, наши робинзоны оказались в довольно сносных условиях, и теперь могли не бояться любой непогоды. Вряд ли какая-нибудь пещера могла быть более прочной, более сухой или более укрытой. Ничего не скажешь, лучшего места им было не найти!

L. Benett
T. DELANGLE

Некоторые из деревьев образовали у основания гигантскую арку, через которую легко мог проехать целый отряд всадников.

— Ну, Тартелетт, какого вы мнения об этом естественном убежище? — спросил Годфри.

— Оно великолепно, но где камин?

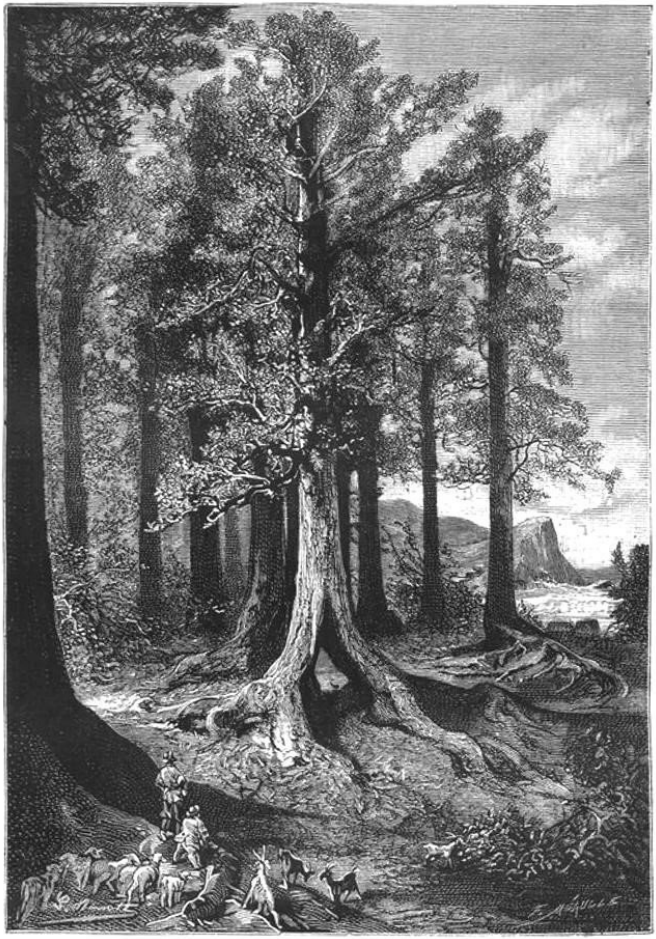
— Прежде, чем говорить о камине, нужно еще добыть огня!

На этот логичный ответ возражения не последовало.

Годфри пошел знакомиться с окрестностями. Как мы уже говорили, почти вплотную к секвойям подступала прерия, образуя перед ними как бы опушку леса. Извилистый ручеек, пересекая зеленый ковер, приносил в эти удушливые места благодатную свежесть. По краям его росли кустарники различных пород: мирты, мастика, манзаниллы, которые должны были обеспечить наших робинзонов запасом диких яблок.

Поодаль виднелись отдельные группы деревьев: дубы, буки, сикоморы, выглядевшие кустами рядом с гигантами растительного мира, которые при восходе солнца отбрасывали свою тень до самого моря. Вся прерия была покрыта зеленеющим кустарником, который Годфри решил завтра же исследовать.

Этот живописный уголок понравился не только юноше, но и домашним животным. Агути, козы и бараны охотно вступили во владение пастбищами, изобилующими травой и кореньями. Что касается кур, то они тут же стали жадно клевать зерна и червей на берегу ручья. Безмолвие этих пустынных мест нарушилось кудахтаньем, мычанием, блеянием, топотом. Жизнь заявляла свои права! Годфри вернулся к секвойям и еще раз внимательно осмотрел дерево, в котором решил поселиться. Первые ветки росли так высоко над землей, что до них невозможно было добраться, по крайней мере снаружи.



— Оно великолепно, но где камин?

«Быть может, туда удастся влезть изнутри, если дупло простирается на такую высоту?» — подумал юноша. — В этой густой кроне, соединенной с огромным стволом многочисленными ветвями, можно было найти надежное убежище в случае опасности, да и само дупло послужило бы хорошим укрытием.

Тем временем солнце уже довольно низко опустилось над горизонтом, и окончательное устройство жилища пришлось отложить на завтра.

После ужина, с десертом из диких яблок, наши путники расположились на ночлег. Что могло быть удобнее для сна, чем эта растительная пыль, покрывавшая почву в дупле внутри секвойи?

В честь дядюшки Виля, пославшего его в путешествие, Годфри решил назвать это гигантское дерево «Вильтри»[26], невзирая на то, что граждане Соединенных Штатов присвоили подобным деревьям имя одного из великих граждан амери-

[26] Notes: 26
Will-Tree — дерево Виля *(англ.)*.

канской республики[27].

[27] Notes: 27

Родовое название секвойям дал австрийский ботаник Штефан Эндлихер в 1847 году — в честь вождя индейского племени чероки Джорджа Гесса Секвойя.

Глава двенадцатая, в которой очень кстати разражается удар молнии

Обстоятельства сильнее нас. Годфри, прежде такой веселый, беззаботный, беспечный, все получавший от жизни, в новом положении сделался другим человеком. Его спокойное существование никогда не нарушали заботы о завтрашнем дне. В роскошном особняке на Монтгомери-стрит ни одна тревожная мысль не смущала его сна, продолжавшегося по десяти часов.

Теперь все резко изменилось. Очутившись на необитаемом острове, отрезанный от всего мира, предоставленный самому себе, вынужденный столкнуться лицом к лицу с суровой действительностью, он оказался в таких условиях, при которых растерялся бы и не такой непрактичный человек…

Прежде всего, надо было узнать, что сталось с «Дримом». Но что могли сделать два беспомощных человека, заброшенные на остров, столь же незаметный в необозримом океане, как булавка в стоге сена или песчинка на дне морском? Даже

неисчислимые богатства дядюшки Кольдерупа в данном случае были бессильны!

Хотя убежище вполне себя оправдывало, Годфри провел беспокойную ночь. Его мозг лихорадочно работал: мысли об утраченном прошлом, которого было до боли жаль, переплетались в мозгу с неопределенным настоящим и переносились в будущее, которое страшило больше всего! Перед этими суровыми испытаниями его ленивая прежде мысль, скованная безмятежным существованием, мало-помалу просыпалась от дремоты. Годфри твердо решил всеми силами бороться с обрушившимися на него трудностями, сделать все возможное, чтобы найти выход из создавшегося положения. Если это ему удастся, такой урок не пройдет бесследно.

Юноша встал на рассвете с намерением заняться устройством более удобного жилья. Кроме того, следовало наконец как-то решить вопрос с пищей и связанной с ней проблемой огня. Затем позаботиться о предметах первой необходимости — орудиях, оружии и одежде, которая в скором времени так обветшает, что оба робинзона должны будут подражать моде полинезийских островитян.

Тартелетт между тем спал крепким сном. Тем-

нота мешала его разглядеть, но он заявлял о своем присутствии громким храпом. Бедняга, переживший кораблекрушение, оставался в свои сорок пять лет таким же легкомысленным, каким был до случайной катастрофы его ученик, и, конечно, в этих условиях он был не только бесполезен, но скорее даже обременителен. Ведь Годфри постоянно приходилось заботиться о своем учителе. Но что поделаешь? Не бросать же товарища по несчастью на произвол судьбы? Во всяком случае, это было живое существо, хотя, по правде говоря, проку от него было меньше, чем от любой дрессированной собаки, послушно исполняющей приказания своего хозяина и готовой отдать за него жизнь. Но даже с Тартелеттом, при всей его бесполезности, можно было перебросить несколькими словами, разумеется, только по пустякам, а иногда и посетовать вместе с ним на судьбу. Как-никак Годфри мог слышать человеческий голос! Все же учитель танцев был поумнее робинзонова попугая! С Тартелеттом Годфри чувствовал себя не таким одиноким, а в его положении не могло быть ничего ужаснее перспективы одиночества!

«Робинзон без Пятницы и Робинзон с Пятницей! Какое тут может быть сравнение!» — думал

Годфри.

Однако в это утро, 29 июня, юноша с удовольствием остался один и прежде всего решил заняться обследованием той местности, где возвышались секвойи. Быть может, ему посчастливится обнаружить какие-нибудь плоды или съедобные корни, которым обрадуется, как ребенок, учитель танцев. Итак, предоставив Тартелетту спать сколько ему вздумается, Годфри пустился в путь.

Легкий туман еще окутывал берег и море, но на севере и востоке воздух уже становился прозрачным под воздействием солнечных лучей. День обещал быть прекрасным.

Срезав себе толстую палку, Годфри направился к той незнакомой ему части берега, которая мысом выдавалась в море. Пройдя около двух миль, он решил сделать привал и приступил к первому завтраку, состоявшему из великолепных устриц и других съедобных моллюсков, которые были здесь в изобилии.

— Во всяком случае, с голоду тут не умрешь, — сказал он самому себе. — Здесь десятки тысяч устриц, а такая еда не противопоказана для самого изнеженного желудка! Если Тартелетт недоволен, то только потому, что он вообще не

любит никаких моллюсков! Ничего, стерпится — свыкнется и даже полюбит! — утешал себя Годфри.

«Можно предположить, — думал он, — что устрицы в должном количестве не менее питательны, чем хлеб и мясо. Перевариваются они легко и вполне безопасны, конечно если ими не злоупотреблять, как и всякой другой пищей».

Окончив завтрак, Годфри взял свою палку и пошел к юго-востоку по правому берегу ручья. Этот маршрут через прерию должен был вывести его к длинной линии кустарников, а затем к отдельным группам деревьев, которые он заметил накануне и хотел осмотреть поближе.

Юноша прошел в этом направлении еще около двух миль, ступая по густой траве, покрывавшей землю зеленым бархатистым ковром. Стаи водяных птиц с шумом летали вокруг незнакомца, вторгшегося в их владения. В прозрачной воде ручья виднелись рыбы разных пород. В этом месте ширина его была около четырех или пяти ярдов.

Наловить рыбу здесь было бы совсем нетрудно. Но как ее изжарить? Проблема по-прежнему оставалась неразрешенной!

Благополучно добравшись до первой линии кустарников, Годфри, к своей великой радости,

обнаружил два вида плодов или кореньев, из которых одни были съедобны, правда только в вареном виде, зато другие годились в пищу и в сыром. Эти растения — довольно распространенное средство пропитания у американских индейцев.

Первые из них, называемые «камас», произрастают на какой угодно почве, даже на столь бесплодной, где больше ничего не растет. Из этих корней, по форме напоминающих луковицу, приготовляют муку, богатую клейковиной и вполне питательную. Кроме того, в жареном или печеном виде камас может заменить картофель.

Другой род корнеплодов, ямс[28], хотя и не обладает такими питательными свойствами, как камас, но имеет перед ним явное преимущество: ямс можно употреблять в сыром виде.

Довольный своим открытием, Годфри не замедлил отведать великолепного ямса, затем, нарвав пучок для Тартелетта, перебросил его через плечо и пустился в обратный путь.

Увидев аппетитные луковицы, учитель танцев встретил молодого человека распростертыми объятиями и с такой жадностью набросился на

---

[28] Notes: 28

Ямс — растение, корни которого богаты крахмалом и используются в пищу, подобно картофелю. Растет главным образом в тропиках.

еду, что Годфри пришлось сдерживать своего воспитателя.

— Не мешайте мне, Годфри! — взмолился Тартелетт. — Сегодня у нас есть эти корешки, а кто знает, будут ли завтра?

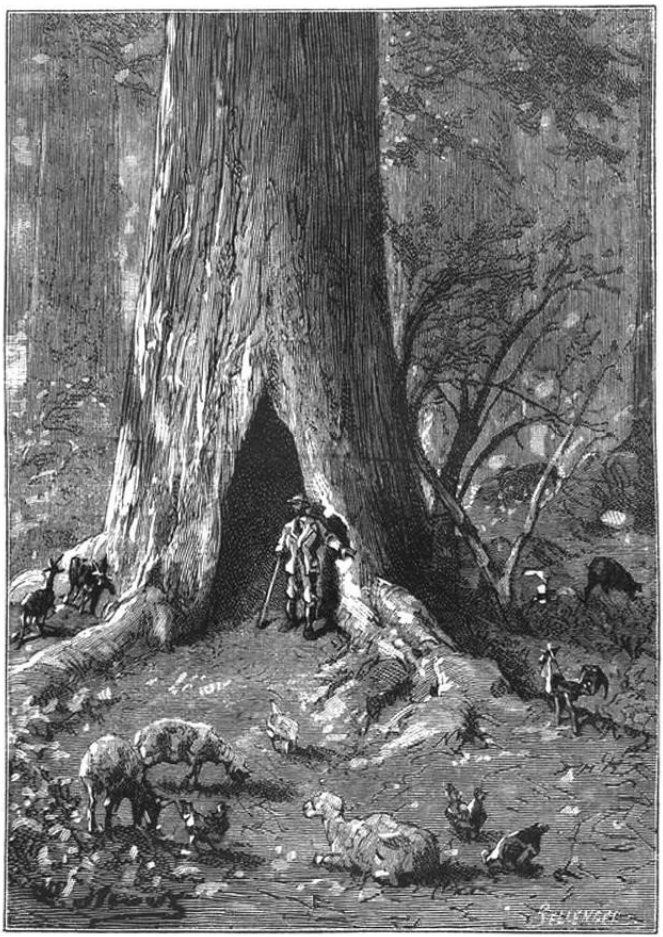
— И завтра, и послезавтра, в любой день и час! Стоит только пойти и нарвать их.

— Прекрасно, Годфри! Но что делать с этими камасами?

— Из камасов мы приготовим муку и хлеб, когда у нас будет огонь.

— Огонь! — воскликнул учитель танцев, сокрушенно покачав головой. — Огонь! А как его достать?

— Пока еще не знаю, — ответил Годфри, — но так или иначе, мы его добудем!



Срезав себе толстую палку, Годфри направился к той еще не изведанной части берега, что выдавалась в море.

— Увы, мой дорогой Годфри! Я впадаю в бешенство, как только подумаю, что другим людям стоит лишь чиркнуть спичкой, чтобы сразу появился огонь. Вот уж никогда не предполагал, что окажусь в таком дурацком положении! На Монтгомери-стрит достаточно попросить спичку у какого-нибудь джентльмена с сигарой во рту, и он немедленно протянет вам коробок… А здесь?

— Здесь не Сан-Франциско и не Монтгомери-стрит, дорогой Тартелетт, и на любезность прохожих рассчитывать не приходится…

— Но почему же нужно непременно печь хлеб или жарить мясо? Почему природа не устроила, чтобы мы могли питаться одним воздухом?

— Когда-нибудь дойдем и до этого, — сказал Годфри, улыбаясь.

— Вы думаете?

— Да. Ученые, во всяком случае, занимаются этим вопросом.

— Неужели? Но на чем они основываются в изысканиях этого нового вида пищи?

— На том соображении, что пищеварение и дыхание — функции близкие, а потому, веро-

ятно, могут заменить одна другую. В тот день, когда химикам удастся достигнуть того, чтобы питательные вещества усваивались через дыхание, задача будет решена. Весь вопрос в том, как изобрести питательный воздух: если ученые добьются успеха, можно будет вдыхать свой обед вместо того, чтобы съедать его. Вот и все.

— Какая жалость, что это ценное открытие все еще не сделано! — воскликнул учитель танцев. — С каким удовольствием я вдохнул бы в себя полдюжины сандвичей и хороший бифштекс!

И предавшись сладкой мечте о воздушных обедах, Тартелетт невольно открыл рот и стал дышать полной грудью, забыв, что с грехом пополам может насытить себя и обычным способом.

Годфри вернул его к действительности.

Нужно было заняться устройством жилища в дупле секвойи: прежде всего очистить его от мусора и удалить несколько центнеров растительной пыли, в которой нога утопала по щиколотку. За два часа они едва управились с этой малоприятной работой, но зато комната теперь была немного прибрана, хоть пыль и поднималась столбом при малейшем движении.

Толстые корни секвойи, переплетающиеся на поверхности, образовали хоть и неровный, но

удобный пол. В двух противоположных углах были устроены постели. Тюфяками служили высушенные на солнце пучки травы. Со временем наши робинзоны рассчитывали изготовить необходимую мебель: деревянные кровати, скамейки и столы. Сохранившийся у Годфри прекрасный нож с пилкой и буравом в этих условиях окажет несомненную помощь. Нечего было жаловаться и на отсутствие света: он вливался волнами в широкое входное отверстие. В дурную погоду можно было есть и работать, не выходя из дупла. Если для большей безопасности придется впоследствии закрыть этот вход, Годфри рассчитывал проделать в коре секвойи одну или две скважины, которые могли бы заменить окна.

Что касается высоты свода, то без внутреннего освещения определить ее было невозможно. Во всяком случае, длинный шест — от десяти до двенадцати футов, — который Годфри поднимал над головой, не встречал никакого препятствия. Значит, «потолок» находился на неопределенной высоте. Предстояло еще установить, как далеко простирается пустота. Но заняться этим можно будет позднее — вопрос не из срочных.

Весь день незаметно прошел в работе. Годфри и Тартелетт настолько устали, что им показалось

великолепным ложе из сухой травы, к счастью заготовленной впрок в большом количестве. Но из-за нее пришлось вступить в борьбу с курами, пожелавшими устроить себе насест внутри того же дупла. Ничего не оставалось, как наломать веток и загородить ими вход, подыскав для курятника более подходящее место — в дупле другого дерева. К счастью, ни бараны, ни козы, ни агути не испытывали подобного искушения. Домашним животным нравилось пастись на воле, и они даже не пытались переступить установленный барьер. Забор из сухих веток кустарника не стал бы для них преградой.

Следующие дни ушли на устройство и оборудование жилища, а также на заготовку провизии. Нужно было набрать побольше яиц и моллюсков, корней ямса и плодов манзаниллы. Каждое утро приходилось совершать походы на побережье за устрицами. Все это отнимало много часов, а ведь известно, как быстро летит время, когда у человека забот полон рот.

Посуда, состоящая из нескольких двустворчатых раковин, заменявших чашки и тарелки, была вполне достаточной для той простой пищи, какую употребляли наши робинзоны. Пока что лучшей посуды им и не требовалось. Стирка белья в ру-

чье входила в обязанность Тартелетта, который легко справлялся с этим нехитрым делом, так как весь гардероб потерпевших кораблекрушение сводился к двум рубашкам и двум парам штанов, если не считать еще двух носовых платков и двух пар носков. Во время стирки Годфри и Тартелетт оставались в чем мать родила, но солнце было таким палящим, что белье высыхало быстро.

Так они прожили до 3 июля, не страдая ни от дождя, ни от ветра.

Жилье было вполне сносным. Ни на что лучшее и не могли рассчитывать Годфри и Тартелетт, выброшенные кораблекрушением на этот необитаемый остров.

Разумеется, нельзя было пренебрегать ни малейшими шансами на спасение. Годфри ежедневно ходил к северо-западному мысу и внимательно осматривал все открывающееся оттуда морское пространство, но ни разу не видел на горизонте ни парусного корабля, ни рыбачьего баркаса, ни дыма проходящего парохода. Очевидно, остров Фины лежал в стороне от путей торговых и пассажирских судов. Приходилось запастись терпением и дожидаться счастливого случая.

И только в редкие часы досуга Годфри, пробуж-

даемый Тартелеттом, возвращался к важной и до сих пор не решенной проблеме огня.

Прежде всего он попробовал подыскать что-нибудь похожее на трут — вещество, абсолютно сухое и легко воспламеняющееся. Подходящими показались ему грибные наросты, которые обычно появляются в старых дуплах. После долгой просушки они могли бы, вероятно, послужить горючим материалом. Найдя несколько таких грибов, Годфри разломал их на мелкие куски и сушил на солнечной поляне, где они лежали до тех пор, пока в конце концов не превратились в порошок. Затем Годфри тупым краем ножа стал высекать из камня искры, пытаясь направить их на легковоспламеняющийся материал. Но, несмотря на все его усилия, порошок не загорался.

После этого Годфри проделал такие же опыты над древесной трухой, накопившейся за много веков в дупле большой секвойи, потом над тщательно просушенной морской губкой, росшей между скалами, но ни в том, ни в другом случае ничего не получалось. Искра, высеченная из камня ударом ножа, тотчас же гасла, не воспламеняя этого заменителя трута.

От этого можно было прийти в отчаяние! До

каких же пор они будут обходиться без огня? Годфри и Тартелетт с трудом уже выносили пищу, состоявшую из плодов, кореньев и моллюсков, и не без основания опасались желудочных заболеваний. При виде пасшихся баранов, коз и агути они, особенно учитель танцев, начинали чувствовать острый голод и пожирали глазами это живое мясо.

Так дальше продолжаться не могло!

И вдруг им на помощь пришла сама природа.

В ночь с 3 на 4 июля, после нескольких дней изнурительной жары, которую не в силах был умерить даже дувший с моря ветер, разразилась давно собиравшаяся страшная гроза.

Годфри и Тартелетт были разбужены в первом часу ночи зловещими ударами грома, сопровождавшимися ослепительными вспышками молнии. Дождя еще не было, но с минуты на минуту должен был разразиться ужасный ливень.

Годфри встал и пошел взглянуть на небо. Оно пламенело гигантским заревом, будто охваченное пожаром, и на огненном фоне проступала ажурная хвоя деревьев, напоминая четкий рисунок китайских теней.

Вдруг среди раскатов грома небесное пространство прорезал яркий и резкий зигзаг молнии. По

Вильтри сверху донизу пробежала электрическая искра.

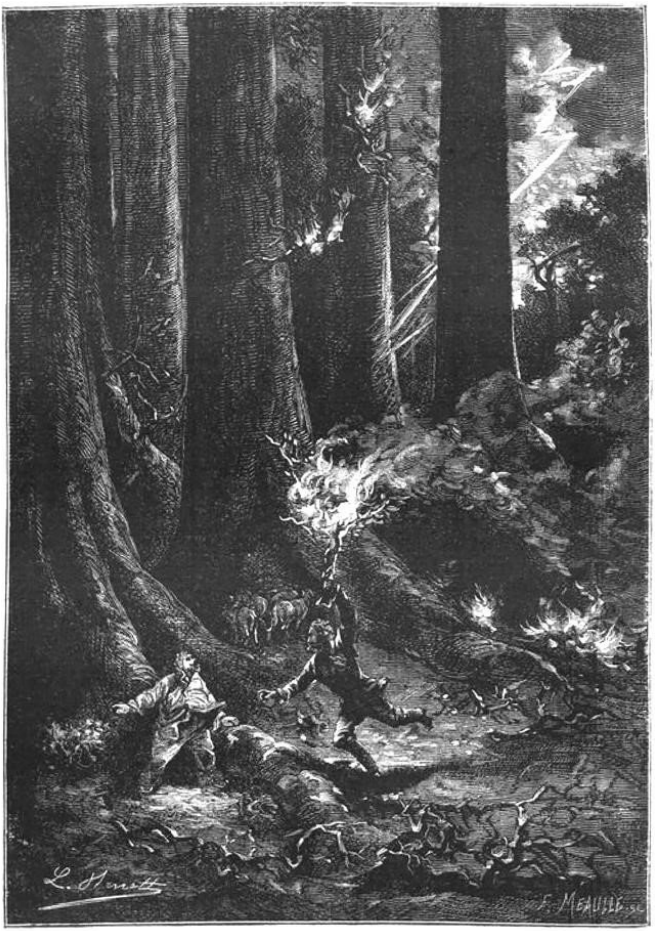
Годфри, брошенный сильным толчком на землю, поднялся на ноги среди бушующего огненного дождя: молния воспламенила сухие ветки на вершине дерева, и на землю падали раскаленные добела угли…

Годфри тут же закричал Тартелетту:

— Огонь! Огонь!

— Огонь! — подхватил Тартелетт. — Да будет благословенна молния, которая его нам принесла!

И оба они тотчас бросились к пылающим углям, часть которых уже тлела без огня, и сложили их в кучу вместе с сухими ветками, собранными тут же, у подножья дерева. Потом вернулись в свое темное жилище как раз в ту минуту, когда дождь хлынул с новой силой и потушил пожар, угрожавший верхушке Вильтри.


L. Hermitte
F. Méaulle

— Огонь! Огонь!

Глава тринадцатая, в которой Годфри снова замечает легкий дымок, но теперь на другом конце острова

Гроза разразилась как нельзя более кстати! Теперь нашим героям не нужно будет изощряться подобно Прометею, чтобы похитить небесный огонь. Само небо, как выразился Тартелетт, оказалось настолько любезным, что прислало им огонь вместе с молнией. Теперь остается лишь позаботиться о его сохранении!

— Нет, мы не дадим ему погаснуть! — вскричал Годфри.

— Тем более, что топлива тут вдоволь и можно будет без конца подбрасывать! — ответил Тартелетт, выражая свое удовольствие радостными возгласами.

— Верно, — ответил юноша, — но кто будет этим заниматься?

— А это уж предоставьте мне! Если понадобится, я буду бодрствовать и днем, и ночью, — сказал учитель танцев, размахивая горящей головней.

И он действительно просидел у огня до восхода

солнца.

Сучьев и хвороста возле больших деревьев было в изобилии. Как только рассвело, Годфри и Тартелетт, собрав топливо в большую кучу, стали подбрасывать его в костер. Яркое пламя вспыхивало с веселым треском, пожирая новые порции горючего. Для костра было выбрано удобное место в промежутке между толстыми корнями одной из соседних секвой. Тартелетт, задыхаясь от натуги, все время раздувал костер, хотя этого совсем не требовалось — огонь и не собирался гаснуть. При этом танцмейстер принимал самые рискованные позы, следя за серым дымом, завитки которого вздымались вверх и терялись в густой листве.

Но пора было приниматься за дело! Ведь наши робинзоны мечтали о благословенном огне совсем не для того, чтобы им любоваться или просто греть руки у костра. В жарком климате в этом не было нужды. С помощью огня они получат здоровую и разнообразную пищу. Теперь можно будет покончить со скудным, достаточно надоевшим рационом. На обсуждение этого важного вопроса они потратили часть утра.

— Перво-наперво мы зажарим пару цыплят! — воскликнул Тартелетт, от вожделения

пощелкивая зубами. — Затем добавим к этому окорок агути, жаркое из барашка, козью ножку, несколько куропаток или рябчиков, которые водятся в прерии, а на закуску выловим двух-трех пресноводных и несколько морских рыб.

— Не торопитесь, Тартелетт, — заметил Годфри, чье настроение заметно улучшилось от такого обильного меню. — Не стоит рисковать желудками и сразу накидываться на пищу после длительного недоедания! Кроме того, нужно приберечь кое-что и про запас! Остановимся пока на паре цыплят. Каждому по штуке. Ведь это совсем неплохо! А вместо хлеба используем корни камаса. При умелом приготовлении они вполне его могут заменить.

Этот разговор стоил жизни двум ни в чем не повинным курам, которых учитель танцев старательно ощипал, выпотрошил, насадил на вертел и зажарил на слабом огне.

А тем временем Годфри приготовлял корни камаса, припасенные для первого настоящего завтрака на острове Фины. Чтобы сделать их съедобными, он применил индейский способ, известный также американцам в прериях Западной Америки.

Вот что придумал Годфри.

Сначала он набрал на отмели мелких и плоских камней и бросил их в горящие угли, чтобы сильно раскалить. Быть может, Тартелетт находил, что незачем жарить камни на таком добром огне, но, поскольку это не мешало приготовлению кур, он не стал выражать недовольства.

Пока камни раскалялись, Годфри наметил участок приблизительно в квадратный ярд и вырвал оттуда всю траву; затем с помощью больших раковин он сделал выемку дюймов десять глубиной, положил на дно сухих веток и зажег их; таким образом земля под ними должна была сильно нагреться.

Когда сучья прогорели, Годфри удалил пепел и принес в углубление очищенные корни камаса, прикрыл их травой, положил на нее раскаленные камни, а сверху развел новый костер.

Получилось нечто вроде хлебной печи. Довольно скоро — не прошло и получаса — все было готово.

Корни, испеченные под слоем камней и дерна, приобрели новые свойства. Теперь их можно было превратить в муку, пригодную для выпечки хлеба, либо употреблять вместо картофеля.

Мы предоставляем читателю самому вообразить, с каким восторгом наши робинзоны уселись

за завтрак, состоявший из двух жареных цыплят, которых они проглотили чуть ли не с костями, и чудесных камасов, заменивших гарнир из картофеля. Природа о них позаботилась: луг, где росли камасы, находился совсем недалеко и стоило только нагнуться, чтобы собирать их сотнями.

Покончив с завтраком, Годфри занялся приготовлением муки, которая могла очень долго сохраняться. Теперь в любую минуту легко было при желании испечь из нее хлеб.

День прошел в непрерывных трудах. Костер все время заботливо поддерживался. Особенно много топлива положили на ночь. Тем не менее Тартелетт несколько раз срывался со своего ложа, чтобы помешать угли, потом снова укладывался спать, но затем ему начинало казаться, что огонь все-таки погас, и опять он в страхе вскакивал и начинал шевелить угли. И так до самого утра…

Ночь прошла спокойно.

Этот разговор стоил жизни двум ни в чем не повинным курам, которых учитель танцев старательно ощипал, выпотрошил, насадил на вертел и зажарил на слабом огне. А тем временем Годфри приготовлял корни камаса.

Треск костра и пение петуха разбудили Годфри и его спутника. Проснувшись, юноша очень удивился, почувствовав сильную струю воздуха. Это навело его на мысль, что дупло доходит до первого разветвления, а может быть, тянется еще выше, и что где-то там, наверху, образовалось отверстие.

«Отверстие непременно нужно заделать, — подумал Годфри. — Но почему же я не чувствовал тока воздуха в прошлые ночи? Неужели это произошло из-за молнии?»

И он решил внимательно осмотреть со всех сторон ствол секвойи. Обследование показало, что ударом молнии расщепило всю нижнюю часть ствола Вильтри от веток до корней. Если бы электрическая искра проникла внутрь дерева, то Годфри и Тартелетта не было бы уже в живых. Лишь благодаря счастливой случайности они избежали верной смерти.

«Во время грозы, — продолжал размышлять Годфри, — не рекомендуется спать под дере-

вьями. Эти советы хороши для тех, кто может укрыться под надежной кровлей. Но как избежать опасности тем, кому дерево служит домом? Посмотрим!»

Он оглядел длинный след, оставленный на стволе молнией.

— По-видимому, самый сильный удар все же пришелся по верхушке, где могло образоваться отверстие, — сказал Годфри. — Но раз через него возникла тяга, значит дерево насквозь пустое и живет только корой? Так ли это, нужно проверить!

Выбрав сосновую ветку, покрытую просочившейся смолой, он тут же зажег ее, и она загорелась ярким пламенем.

С факелом в руке Годфри вошел в свое жилище. Темноту внезапно сменил яркий свет и теперь легко было рассмотреть, как далеко простирается дупло.

Футах в пятнадцати над землей внутри дерева образовалось нечто вроде свода. Приподняв факел, Годфри разглядывал узкое трубчатое отверстие, уходящее до самого верха. Значит, сердцевина дерева была пустой от основания до верхушки, если только местами не сохранилась еще не поврежденная древесина. В таком случае

можно будет, цепляясь за эти уцелевшие куски заболони, подняться по ступеням до первого разветвления или даже еще выше.

Помышляя о будущем, Годфри решил, что ни в коем случае нельзя медлить. У него была двойная цель: прежде всего — как можно плотнее закрыть отверстие, благодаря которому дупло Вильтри, подвергаясь действию дождя и ветра, становилось непригодным для жилья; затем — разведать, нельзя ли добраться до верхних ветвей, которые послужили бы убежищем при нападении животных или дикарей. Мало ли что могло случиться?

Попытка не пытка. Если во время подъема в этой узкой трубе встретится какое-нибудь препятствие, он всегда сможет спуститься вниз, только и всего.

Укрепив свой факел между двумя толстыми корневищами, Годфри стал взбираться по внутренним выступам еще не прогнившей древесины. Легкий, сильный и ловкий, привыкший, как все американцы, к гимнастике, он делал это без всякого напряжения и вскоре достиг узкой части отверстия. Согнувшись в дугу, Годфри полз на манер трубочиста, опасаясь, как бы дальнейшее сужение дупла не заставило его вернуться назад. Но пока еще можно было продвигаться

вперед, задерживаясь на ступенчатых выступах, чтобы перевести дыхание. Через три минуты он был уже на высоте шестидесяти футов. Еще каких-нибудь двадцать футов — и он у цели!

Годфри чувствовал уже дуновение свежего воздуха и жадно вдыхал его из своего душного дупла.

Переведя дух и отряхнув труху, падавшую со стенок дупла, Годфри продолжал подниматься; между тем отверстие все больше сужалось.

Вдруг его внимание привлек подозрительный шум. В верхней части дупла слышалось царапанье, а затем раздался свист.

Годфри замер.

«Что бы это могло быть? — подумал он. — Какое-нибудь животное, укрывшееся в пустом стволе? А может быть, это змея?.. Нет! Змеи здесь не попадались… Должно быть, залетела сюда какая-нибудь птица…»

Годфри не ошибся. Продолжая подниматься, он услышал сердитый клекот и хлопанье крыльев. Очевидно, он нарушил покой какой-то ночной птицы, гнездившейся в этом дереве.

Громогласные «Кыш! Кыш!» вспугнули незаконно вторгшееся существо, которое оказалось всего-навсего огромной галкой, не замедлившей

вылететь через отверстие и скрыться в зеленой чаще Вильтри.

Через несколько минут голова Годфри показалась из того же отверстия, и вскоре он удобно устроился у начала главного разветвления секвойи, в восьмидесяти футах над землей.

Громадные ветви простирались на этой высоте наподобие настоящего леса, поддерживаемого снизу гигантским стволом. Причудливо ветвящиеся поперечные стволы образовывали непроницаемую чащу. Густая хвоя почти не пропускала света. Было такое впечатление, будто ты находишься в дремучем бору.

Годфри, хотя и не без труда, удалось, перелезая с ветки на ветку, добраться до верхушки этого феноменального дерева. Стаи птиц с криками поднимались при его приближении, перелетая на соседние деревья, намного уступавшие по высоте гиганту Вильтри.

Годфри поднимался все выше и выше — до тех пор, пока верхние ветви не стали прогибаться под его тяжестью.

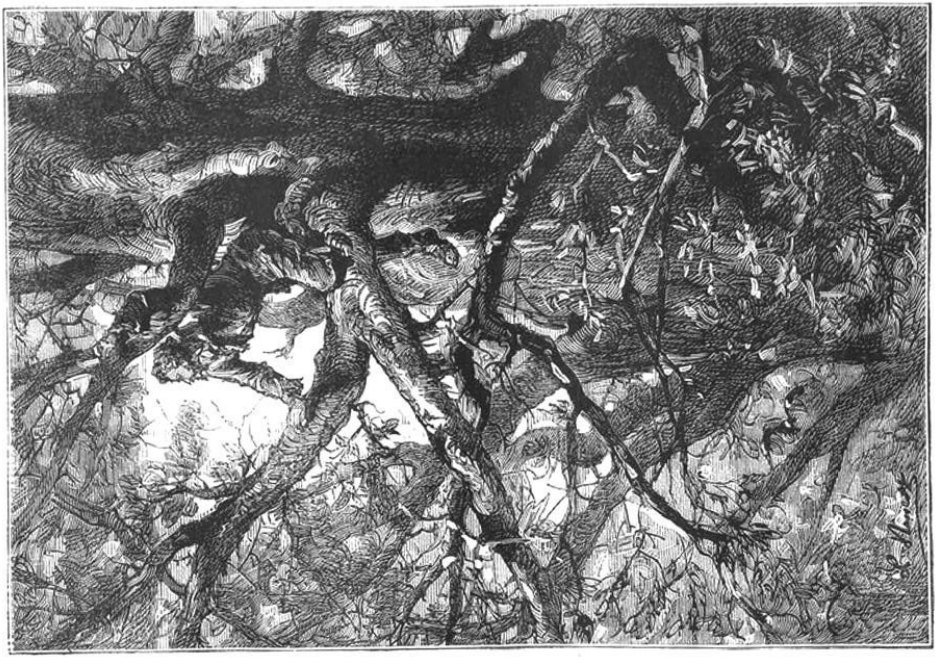
С высоты, точно на рельефной карте, перед ним расстилался широкий водный горизонт, окружавший остров Фины.

Годфри жадно всматривался в морскую даль.

Увы, все вокруг по-прежнему оставалось пустынным!

Он мог только лишний раз убедиться, что остров лежал в стороне от торговых путей Тихого океана.

Годфри глубоко вздохнул и опустил глаза на ту землю, где судьба предназначила ему жить, вероятно, очень долго, а может быть, и до конца дней.



Причудливо ветвящиеся поперечные стволы образовывали непроницаемую чащу. Густая хвоя почти не пропускала света.

Но каково же было его удивление, когда он снова заметил дым, правда на этот раз не в южной, а в северной части острова. Годфри стал пристально вглядываться.

Тонкий, темно-синий дымок спокойно струился в тихом, прозрачном воздухе.

— Нет! Двух мнений тут быть не может! — вскричал Годфри. — Я вижу дым. Но недаром же говорится — нет дыма без огня! Только откуда ему взяться? Кто мог его зажечь?

Годфри старался точнее определить положение места, откуда поднимался дым.

Он поднимался с северо-востока, из-за высоких скал, окаймлявших берег, приблизительно в пяти милях от Вильтри. Ошибки здесь быть не могло! Чтобы добраться до этих скал, нужно было пересечь прерию по направлению к северо-востоку, а потом пройти еще по берегу… Это совсем недалеко!..

Дрожа от волнения, Годфри стал спускаться. Добравшись до нижнего разветвления, он на минутку остановился, набрал мху и хвои, затем, спустившись в отверстие, тщательно, как только

мог, заткнул его. Добравшись наконец до земли, Годфри бросил на ходу несколько слов Тартелетту, чтобы тот не беспокоился, и быстрым шагом направился к побережью.

Сначала он шел по зеленеющей прерии, среди разбросанных групп деревьев и длинных живых изгородей из дрока, потом вдоль берега и наконец через два часа достиг последней цепи скал.

Напрасно искал он дымок, который отчетливо видел с верхушки дерева. Однако он не сомневался, что определил ориентиры правильно и что ошибки не могло произойти. Тогда Годфри начал поиски. Он тщательно обследовал эту часть побережья, кричал, звал… Но тщетно. Никто ему не ответил. Ни одно живое существо не появилось на отмели. Среди скал не видно было никаких следов погасшего костра или пепла сгоревших водорослей.

— Нет, я не мог ошибиться, — повторил Годфри. — Я отчетливо видел дым. Я видел. Это не обман зрения!

Оставалось предположить, что на острове существовал гейзер с горячей водой и что действие его не было постоянным.

В самом деле, разве на острове не могли быть естественные источники? В таком случае появле-

ние дыма — обычный геологический феномен.

Годфри пошел обратно. По дороге он внимательно разглядывал местность, на которую почти не обращал внимания, когда шел к берегу, движимый желанием побыстрее найти тех, кто зажег этот таинственный огонь. Несколько раз перед ним промелькнули животные из породы жвачных, среди них — вапити, называемые иначе канадскими оленями. Но мчались они с такой быстротой, что их нельзя было даже внимательно разглядеть.

Когда Годфри к четырем часам подходил к Вильтри, до него донеслись нежные звуки карманной скрипки, а затем он увидел и самого учителя танцев. Славный Тартелетт в позе весталки бережно охранял священный огонь, который ему был поручен.

Глава четырнадцатая, в которой Годфри находит подарок, выброшенный морем, и принимает его с большой радостью

Стойко переносить лишения, когда это неизбежно, — принцип практической философии, которая, правда, не вдохновляет на подвиги, но для жизни весьма полезна. Годфри решил следовать этому принципу: раз уж он очутился на необитаемом острове, то сделает все возможное, чтобы прожить как можно лучше, пока не представится случая его покинуть.

Поэтому он прежде всего занялся благоустройством жилища в дупле Вильтри. При отсутствии элементарных удобств приходилось особенно заботиться о гигиене: часто менять подстилки из травы и следить за тем, чтобы раковины, которые служили посудой, мылись не менее тщательно, чем блюда и тарелки в лучших американских ресторанах. Справедливости ради следует заметить, что Тартелетт справлялся с этой задачей безупречно. С помощью своего ножа Годфри сделал настоящий стол: вбил в землю четыре ножки

и покрыл их широким плоским куском коры, затем приволок чурбаки, вполне заменившие табуретки. Таким образом, если погода мешала устраивать трапезы на открытом воздухе, обитатели Вильтри могли обедать у себя в дупле с полным комфортом.

Еще предстояло решить не менее важный вопрос — как быть с одеждой. Конечно, под этими широтами смело можно было расхаживать в легких штанах и рубахе. Но ведь такая одежда недолговечна! Чем же заменить ее, когда она совсем износится? Можно будет по примеру Робинзона Крузо сшить штаны и куртки из козьих и бараньих шкур, предварительно воспользовавшись мясом. Это вполне реально. А пока была еще старая одежда, Тартелетт с не меньшим успехом справлялся с обязанностями прачки.

Еще предстояло решить не менее важный вопрос — как быть с одеждой.

Годфри же занимался хозяйством и добыванием пищи. Каждый день по нескольку часов уходило у него на сбор съедобных корней и плодов манзаниллы, затем на ловлю рыбы с помощью верш, сплетенных из тростника, которые он устанавливал либо поперек ручья, либо между вдававшимися в море скалами. Но даже и при таких примитивных средствах на столе у наших героев нередко появлялись разные виды ракообразных, а иногда и крупные рыбы, не говоря уже о моллюсках, которые сами шли в руки.

Однако Годфри и Тартелетт все еще были лишены самой необходимой вещи — обыкновенного котелка, — и его ничем нельзя было заменить. Ведь без него не приготовишь ни бульона, ни вареного мяса, ни рыбы! Приходилось есть одно только жареное. Тартелетт горько жаловался, что даже забыл вкус настоящего супа. Но как ему можно было помочь?

Кроме добывания пищи, у Годфри были и другие заботы. Внимательно осмотрев соседние деревья, он обнаружил еще одну исполинскую секвойю с таким же большим дуплом и решил устроить там курятник. Куры быстро привыкли к новому

жилищу, исправно неслись и высиживали цыплят. По вечерам дупло тщательно закладывалось, чтобы оградить курятник от нападения хищных птиц, которые, сидя на деревьях, подстерегали добычу и легко могли уничтожить весь выводок.

Домашние животные паслись на воле и до наступления сезона дождей в крове не нуждались. Корма у них было вдоволь, и самого отборного — эспарцета[29] и сочных трав, которыми изобиловала прерия.

Несколько коз успели уже принести потомство, и теперь их нельзя было доить: молоко требовалось козлятам.

Одним словом, в окрестностях Вильтри жизнь била ключом. В часы сильного зноя домашние животные укрывались от солнца в тени секвойи. Далеко от Вильтри они не удалялись, так что Годфри мог о них не беспокоиться, да и хищные звери на острове Фины как будто не водились.

Так проходило время. Настоящее начинало казаться довольно сносным, но будущее внушало опасения. И вдруг случилось одно неожиданное событие, благодаря которому жизнь наших робинзонов заметно скрасилась.

---

[29] Notes: 29

Эспарцет — многолетнее кормовое растение семейства бобовых.

Это произошло 29 июля.

Годфри бродил по отмели, прилегающей к заливу, названному им в память о погибшем корабле — Дримбей[30]. Ему хотелось узнать, так же ли богата эта бухта моллюсками, как северная, но втайне он надеялся встретить тут какие-нибудь следы крушения «Дрима», пусть даже обломки, выброшенные прибоем.

И вот, когда он дошел до песчаного мыса, образуемого отмелью с северной стороны, его внимание вдруг привлек большой камень очень странной формы, лежащий среди водорослей и морских трав.

Необъяснимое предчувствие заставило Годфри ускорить шаг. Каково же было его удивление и радость, когда он обнаружил, что это вовсе не камень, а наполовину занесенный песком сундук!

Был ли это один из сундуков, находившихся на «Дриме»? Неужели он тут лежал с самого кораблекрушения? А может быть, это след другой, более поздней катастрофы? Трудно было ответить определенно. Во всяком случае, откуда бы он ни взялся и каково бы ни было его содержимое, от такого подарка отказываться не приходилось.

---

[30] Notes: 30
Dream-Bay — бухта «Дрима» *(англ.).*

Годфри внимательно осмотрел сундук. Снаружи на нем не было ничего похожего на металлическую пластинку с именем владельца, фамилией или инициалами адресата. Такие пластинки обычно прикрепляются к чемоданам американцев. А не найдутся ли какие-нибудь указания внутри? Если окажутся бумаги, которые позволяют определить, откуда взялся сундук и кто его владелец, то можно надеяться, что эти документы, как и все остальное, будут в хорошем состоянии. Ведь сундук закрывается герметически и не должен пропускать воды! Он был крепкий, деревянный, обитый толстой кожей, с металлическими уголками и затягивался широкими толстыми ремнями.

Как ни велико было желание Годфри узнать, что находится в сундуке, он все же решил, что не стоит его взламывать, а лучше попытаться открыть. О том, чтобы перенести такую тяжесть из Дримбея в Вильтри — не могло быть и речи. Сундук был слишком громоздким.

«Хорошо, — подумал Годфри, — откроем его здесь, а потом перенесем содержимое по частям».

От этой бухты до группы секвой расстояние было не менее четырех миль. Переноска потребует

много времени и будет очень утомительной. Но на отсутствие свободного времени жаловаться не приходилось, а усталость в таком деле не помеха.

«Что же все-таки в нем лежит?» — ломал себе голову Годфри.

Перед тем как пуститься в обратный путь и порадовать учителя танцев, он решил попытаться открыть сундук.

Сначала юноша развязал ремни, затем, расстегнув пряжку, стащил с замка кожаный клапан. Теперь оставалось только отомкнуть замок. Но как?

Задача оказалась нелегкой. Что бы использовать в качестве рычага? Нож? Нет, Годфри ни за что не рискнул бы испортить свое единственное орудие, неоценимое в жизни робинзона. Быть может, поискать камень потяжелее и сбить скобу?

Годфри так и сделал. Выбрав на отмели крепкий булыжник величиной с кулак, он ударил им изо всей силы по медной скобе.

Его внимание вдруг привлек большой камень очень странной формы, лежащий среди водорослей и морских трав.

И вдруг, оттого ли, что сломалась скоба, или замок не был заперт на ключ, к великому удовольствию Годфри, задвижка сама отскочила.

С бьющимся от волнения сердцем он поднял крышку сундука и тотчас убедился, что, если бы его пришлось ломать, это стоило бы громадных усилий.

То был даже не сундук, а настоящий сейф, обитый изнутри листами цинка, предохраняющими содержимое от влаги. Следовательно, все, что там находилось, было в полной сохранности.

И что это были за вещи! При виде их Годфри не мог удержать крика радости. Без сомнения, этот сундук или сейф, как его ни назови, принадлежал очень практичному путешественнику, который, должно быть, отправлялся в такую страну, где нельзя приобрести даже самых необходимых вещей.

Прежде всего, там было белье: рубашки, полотенца, простыни и одеяла. Затем одежда: шерстяные куртки, шерстяные и нитяные носки, полотняные панталоны, бархатные брюки, трикотажные жилеты, прекрасные сюртуки, две

пары ботинок, охотничьи сапоги с высокими голенищами и в придачу ко всему две фетровые шляпы.

Во-вторых, там оказались предметы, необходимые для хозяйства, и туалетные принадлежности: котелок — да-да! вожделенный котелок! — чайник, кофейник, несколько ложек, ножей и вилок, маленькое зеркальце, щетки всех видов, три фляги с водкой вместимостью по пятнадцать пинт[31], набор всевозможных гвоздей, лопаты, топор, молоток, долото, железные крючки.

В-третьих — оружие: два охотничьих ножа в кожаных футлярах, карабин, два пистонных ружья, три шестизарядных револьвера, фунтов десять пороху, несколько тысяч патронов, порядочный запас свинца и пуль — все, по-видимому, американского происхождения.

Наконец, в сундуке имелась небольшая дорожная аптечка, подзорная труба, компас, хронометр, несколько английских книг, писчая бумага, карандаш, чернила, перья, календарь, Библия нью-йоркского издания и вдобавок ко всему — «Руководство по кулинарному искусству».

Нельзя не согласиться, что в данных обстоя-

---

[31] Notes: 31

Пинта — единица объема в системе английских мер, равняется приблизительно 0,5 дм^3.

тельствах это были неоценимые сокровища.

Годфри прыгал от радости. Если бы понадобилось специально подобрать предметы, необходимые для потерпевших кораблекрушение, трудно было бы составить более полный список.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии разложить все эти сокровища на песке и рассмотреть каждую вещь в отдельности. Но никаких бумаг, которые помогли бы установить имя владельца или название корабля, там не оказалось.

На берегу вокруг никаких других обломков кораблекрушения заметить тоже не удалось. Ни на песке, ни среди камней ничего не было видно. Должно быть, сундук довольно долго держался на воде, прежде чем прилив выбросил его на берег.

Теперь обоим жителям острова Фины надолго были обеспечены все средства к существованию. Счастливый случай подарил им орудия и необходимую одежду, оружие и домашнюю утварь.

Само собой разумеется, Годфри и помышлять не мог о том, чтобы немедленно перенести все эти богатства к Вильтри. Сделать это можно было вместе с Тартелеттом, да и то в несколько приемов. Однако следовало торопиться. Ведь в любой день мог хлынуть тропический ливень.

Уложив бóльшую часть вещей обратно в сун-

дук, Годфри решил захватить с собой только ружье, револьвер, немного пороху и пуль, котелок и подзорную трубу.

Затем, тщательно закрыв сундук и затянув ремни, он пустился в путь к своему жилью.

С каким восторгом встретил его час спустя Тартелетт! Как был счастлив учитель танцев, когда ученик рассказал ему о всех богатствах, найденных в сундуке! Один только котелок доставил ему такую радость, что маэстро тут же проделал целую серию сногсшибательных па, завершившихся эффектным прыжком.

Было только двенадцать часов дня. Годфри решил сразу же после обеда снова отправиться в Дримбей. Ему не терпелось перенести в Вильтри все подаренные судьбой сокровища.

На этот раз Тартелетт без всяких возражений согласился отправиться вместе с ним. Теперь незачем было сторожить огонь. В любую минуту его можно было получить с помощью пороха. Но все же, для большей уверенности, учитель танцев решил оставить маленький огонек и заодно сварить на нем бульон.

В одну минуту славный Тартелетт налил в котелок воды, положил туда мясо агути и дюжину корешков ямса, заменивших овощи, всыпал

щепотку соли, которую добыл из щелей в прибрежных камнях.

— Он сварится и без меня! — торжественно изрек Тартелетт, видимо очень довольный своей идеей.

Затем оба направились в Дримбей, выбрав самый короткий путь.

Сундук стоял на прежнем месте. Осторожно откинув крышку, Годфри стал сортировать содержимое под радостные возгласы Тартелетта.

По первому заходу Годфри и Тартелетт, нагрузившись, как вьючные мулы, перенесли оружие, боеприпасы и часть одежды.

Вернувшись к Вильтри, усталые и измученные, они присели отдохнуть перед столом, на котором дымился бульон из агути. Наши герои нашли его великолепным, а что касается мяса, то, по словам учителя танцев, это была пища богов. Вот до чего могут довести лишения!

На другой день, 30 июля, Годфри и Тартелетт, поднявшись на рассвете, тут же отправились в путь и в три приема перенесли все содержимое сундука. Еще до наступления сумерек вся утварь, одежда, орудия и оружие находились в дупле Вильтри.

Осторожно откинув крышку, Годфри стал сортировать содержимое под радостные возгласы Тартелетта.

Наконец, 31 июля, хоть и не без труда, они перетащили и самый сундук, который предназначался для хранения белья.

Тартелетт, теперь видевший все в розовом свете, взял карманную скрипку, подозвал своего ученика и сказал ему самым серьезным тоном, как если бы они находились на Монтгомери-стрит, в доме богача Кольдерупа:

— А что, дорогой Годфри, не возобновить ли нам уроки танцев?

Глава пятнадцатая, в которой происходит то, что по крайней мере хоть раз должно произойти в жизни настоящего или воображаемого робинзона

Итак, будущее становилось менее безотрадным. Но если Тартелетт, живя только сегодняшним днем, надеялся с помощью всех этих инструментов, орудий и оружия скрасить одинокое существование, то Годфри уже подумывал о возможности покинуть остров Фины. Нельзя ли будет построить достаточно прочное судно, чтобы добраться до ближайшей земли или встретить какой-нибудь проходящий корабль?

Но прежде чем приступить к реализации этого плана, юноша в течение нескольких недель действовал по программе, намеченной Тартелеттом.

Теперь гардероб квартирантов Вильтри был в полном порядке, но, не зная, как еще сложатся обстоятельства, они решили менять одежду только по мере необходимости. Впрочем, так решил Годфри, а Тартелетт недовольно ворчал:

— К чему такая бережливость? Мы ведь не ди-

кари, чтобы ходить полуголыми!

— Простите меня, Тартелетт, но чем мы отличаемся от дикарей?

— Ну это уж слишком! Вы увидите, что ко времени отъезда у нас останется еще не ношенная одежда.

— В этом я не уверен, — возражал Годфри. — Пусть лучше будет лишнее, чем совсем ничего!

— Но по воскресеньям-то, я думаю, мы можем хоть немножечко принарядиться?

— Ну это другое дело. По воскресеньям и в праздничные дни — пожалуйста! — отвечал Годфри, не желая слишком огорчать своего легкомысленного спутника. — Но так как сегодня только понедельник, то впереди у нас целая неделя.

Следует сказать, что со времени своего появления на острове Годфри аккуратно отсчитывал день за днем, и теперь, найдя в сундуке календарь, убедился, что сегодня действительно был понедельник.

Теперь, когда положение несколько улучшилось, наши робинзоны поделили между собой по способностям ежедневные работы. Тартелетт, которому больше не нужно было приглядывать за огнем, без особого сожаления расстался со своими обязанностями весталки, поглощавшими

все его внимание. На его долю выпало другое занятие, с которым он справлялся, впрочем, с не меньшим успехом: собирание корней ямса и камаса, особенно последних, служивших, как мы знаем, для выпечки хлеба. Учителю танцев ежедневно приходилось проделывать путь до кустарников, окаймлявших прерию, что составляло не менее двух миль. Сначала он жаловался на усталость, но вскоре привык и преодолевал это расстояние без труда. В свободное время Тартелетт занимался также сбором устриц и других моллюсков, которые по-прежнему, несмотря на прибавление пищевых ресурсов, потреблялись в большом количестве.

Годфри взял на себя заботы о домашнем скоте и птице. Обязанности мясника были ему совсем не по душе, но пришлось перебороть отвращение, и теперь, благодаря его усердию, нередко подавались к столу бульон и жареное мясо. Что же касается охоты на лесную дичь, которая здесь водилась в изобилии, то Годфри решил с этим немного повременить. Когда будут выполнены первоочередные работы, он сможет бродить по лесам и с успехом использовать имеющиеся в его арсенале ружья, порох и дробь.

С помощью ниспосланных ему судьбой орудий

он сколотил несколько скамеек и поставил их внутрь дупла и возле дерева. Хорошо обструганный стол также приобрел более приличный вид, вполне подходящий для настоящих тарелок и столовых приборов, которые расставлял на нем Тартелетт. Вместо кроватей были сделаны деревянные лежаки, а покрытая одеялом травяная подстилка стала больше походить на обычную постель. Кухонная утварь уже не валялась на полу: для нее была прибита полка. Кроме деревянного сундука, в дупле Вильтри появился и самодельный стенной шкаф, а на больших гвоздях развесили инструменты и оружие, украсившие стены наподобие рыцарских доспехов.

Теперь Годфри задумал сделать настоящую дверь, опасаясь, как бы домашние животные не нарушали по ночам их покой. Но как он мог изготовить доски единственной ручной пилой? Поэтому вместо досок он воспользовался большими кусками древесной коры. Дверь получилась достаточно прочной и плотно закрывала вход в Вильтри. В то же время в двух противоположных частях внутренней стенки дупла Годфри прорубил два маленьких окошка и приделал к ним ставни. В комнату поступало теперь достаточно света и воздуха. На ночь ставни закрывались,

а днем было так светло, что наши робинзоны перестали зажигать факел, от которого в жилище всегда стоял сильный чад.

Каким будет освещение в длинные зимние вечера, Годфри еще не решил. Быть может, удастся изготовить несколько свечей из бараньего сала или, что гораздо проще, приспособить древесную смолу? Об этом придется подумать.

Предстояло решить и другой, не менее важный вопрос — как построить дымовую трубу. Пока стояла хорошая погода, для приготовления пищи во всех отношениях был удобен очаг, устроенный снаружи, в щели одной из секвой. Но что делать, когда начнется сезон дождей и наступят холода? Очевидно, придется разводить огонь в самом жилище, а дым выпускать наружу. Впрочем, и с этим еще можно повременить!

Сейчас у Годфри были другие заботы. Прежде всего он занялся постройкой моста, чтобы соединить оба берега речки, протекавшей неподалеку от гигантских секвой. Ему удалось, правда не без труда, забить в песчаное русло несколько свай и настелить на них бревна. Благодаря мосту легко было теперь добираться до северного побережья кратчайшим путем, тогда как прежде приходилось делать обход в две мили вверх по течению,

чтобы перейти речку вброд.

Всеми силами стараясь скрасить существование на затерянном островке Тихого океана — на тот случай, если им придется жить здесь очень долго или даже всегда, — Годфри, однако, не терял надежды на спасение.

Теперь им было ясно, что остров Фины лежал в стороне от морских путей. На острове не было промежуточного порта, он не мог снабжать проходящие пароходы провизией. Однако мог же какой-нибудь военный или торговый корабль пройти когда-нибудь в виду его берегов? Поэтому надо было подумать, как привлечь к себе его внимание, дать ему знать, что на острове находятся люди.

С этой целью Годфри решил поставить на вершине северного мыса мачту, а для флага пожертвовать одной из простыней, найденных в сундуке. Но так как белый флаг мог оказаться на большом расстоянии незаметным, то пришлось окрасить его соком росших у подножья дюн алых ягод. Вскоре на мачте уже развевался ярко-красный флаг. Правда, окрашен он был примитивно, без помощи стойких химикалий, и легко мог выгореть на солнце или вылинять от дождя. Но это не беда! Его всегда можно будет перекрасить

заново!

В таких работах незаметно пролетело время до 15 августа; обе недели небо было безоблачным, если не считать двух или трех сильных гроз, проливших на иссохшую землю целые потоки воды.

Теперь Годфри решил заняться охотой. Однако если сам он стрелял довольно хорошо, то никак не мог рассчитывать на Тартелетта, который никогда не брал в руки ружья.

Отныне несколько дней в неделю Годфри посвящал охоте за четвероногой и пернатой дичью, которой тут было вполне достаточно, чтобы обеспечить жителей Вильтри. Куропатки и бекасы внесли некоторое разнообразие в обычное меню. Кроме того, пулями юного охотника были убиты две антилопы, и учитель танцев, хоть и не принимал никакого участия в их добыче, с большим аппетитом уничтожал их в виде бифштексов или котлет.

L. Benett
66. BARBANT

Нередко подавались к столу бульон и жареное мясо.

Во время охоты Годфри все больше и больше знакомился с островом. Он исходил вдоль и поперек весь лес, занимавший центральную часть острова, поднимался вверх по течению речки до самого ее истока — ручейка у западного склона, снова взбирался на вершину конуса и спускался оттуда с противоположной стороны, которую еще не исследовал.

«Изо всех моих разведок, — рассуждал про себя Годфри, — можно сделать вывод, что на острове Фины нет ни хищных зверей, ни ядовитых змей, ни других пресмыкающихся! Будь они здесь, их, без сомнения, вспугнули бы ружейные выстрелы и я бы их заметил. Нам просто посчастливилось! Не знаю, как бы мы с ними справились, если бы им вздумалось напасть на Вильтри?»

На ходу он продолжал размышлять:

«Можно также заключить, что остров Фины необитаем. Иначе туземцы или потерпевшие крушение давно бы прибежали на выстрелы. Только вот этот непонятный дым, который, как мне кажется, я видел дважды!..»

В самом деле, это было непонятно. Ведь Годфри до сих пор не обнаружил следов разведенного

кем-либо костра. Что же касается теплых источников, за счет которых он пытался было объяснить появление дыма, то остров Фины, не будучи вулканическим по происхождению, едва ли мог их иметь. Очевидно, в обоих случаях это было оптической иллюзией.

Впрочем, дым больше не показывался. Годфри снова поднимался на вершину конуса, опять влезал на верхушку Вильтри, но ни разу больше не заметил никакого подобия дыма. Мало-помалу он вовсе перестал об этом думать.

За домашними работами и охотой прошло еще несколько недель. Каждый день приносил хоть какое-нибудь улучшение, делая жизнь наших робинзонов менее однообразной.

По воскресеньям Тартелетт наряжался, как индейский петух, и прогуливался под деревьями, наигрывая на своей карманной скрипке. При этом он выделывал самые замысловатые па, давая уроки самому себе, так как его ученик решительно от них отказался.

— А к чему они? — отвечал Годфри на настойчивые просьбы танцмейстера. — Неужели вы можете себе представить робинзона, берущего уроки танцев и изящных манер?

— А почему бы и нет? — серьезно возражал

Тартелетт. — Разве робинзону помешают хорошие манеры? Ведь нужны они не для других, а для себя!

Хотя Годфри и не знал, что на это ответить, он все же не сдавался, и бедный Тартелетт только зря терял время на уговоры. Тринадцатого сентября Годфри испытал самое тяжелое разочарование, какое только может испытать человек, выброшенный кораблекрушением на необитаемый остров.

В этот день, около трех часов, когда он прогуливался возле Флагпункта — так был назван мыс, на котором возвышалась мачта с флагом, — внимание его вдруг привлекла длинная полоска дыма на горизонте. Посмотрев в подзорную трубу, Годфри убедился, что это действительно дымок, относимый к острову западным ветром.

Сердце учащенно забилось.

— Корабль! — воскликнул юноша.

Но пройдет ли он так близко от острова Фины, чтобы заметить или услышать сигналы с берега? Неужели этот дым, едва появившись, исчезнет вместе с судном на северо– или юго-западе?

В течение двух часов Годфри находился во власти самых противоречивых чувств и мыслей.

Дым увеличивался, сгущался — очевидно,

судно набирало скорость, — потом вдруг почти совсем исчез. Однако пароход заметно приближался, и к четырем часам на границе неба и моря показался корпус большого судна, шедшего на северо-восток. Годфри это точно определил. Если бы оно продолжало двигаться в этом направлении, то непременно приблизилось бы к острову Фины.

Сначала Годфри решил бежать к Вильтри и предупредить Тартелетта, но передумал. Ведь на таком расстоянии один человек, дающий сигналы, будет не менее заметен, чем двое. Потому он остался на месте с подзорной трубой перед глазами, боясь пропустить малейшее движение корабля.

Пароход медленно приближался к острову, хотя и не успел еще повернуться к нему носом. К пяти часам линия горизонта была уже выше его корпуса, и можно было заметить три мачты. Годфри даже разглядел цвета флага, развевавшегося на гафеле.

Флаг был американским.

«Но если я различаю флаг корабля, — подумал Годфри, — то и оттуда должны были заметить мой флаг, который при таком ветре, как сейчас, нетрудно увидеть в подзорную трубу! Может

быть, надо им помахать, и тогда они поймут, что жители острова хотят установить с ними контакт? К делу! Нельзя терять ни минуты!»

Он подбежал к мачте и, раскачивая шест, стал размахивать флагом, как бы для приветствия, потом приспустил флаг, что у моряков означает просьбу о помощи.

Пароход приблизился еще мили на три, но флаг на борту оставался неподвижным и не отвечал на сигналы с берега.

Годфри почувствовал, как его сердце сжалось… Очевидно, его не заметили.

Шел уже седьмой час. Пароход был не более чем в двух милях от берега, когда солнце стало скрываться за горизонтом и начали сгущаться сумерки. С наступлением темноты пришлось оставить всякую надежду быть замеченными.

Годфри снова принялся поднимать и опускать свой флаг, но безуспешно…

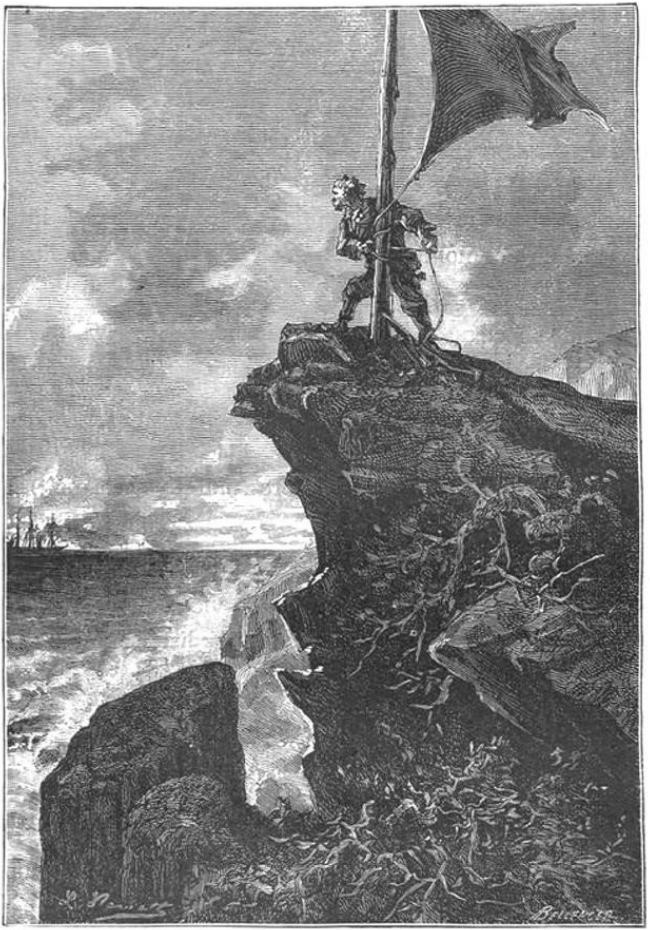
Тогда он выстрелил несколько раз из ружья. Ответных выстрелов не последовало. Расстояние было слишком велико, да и ветер дул с моря.

Между тем опускалась ночь. Скоро нельзя будет разглядеть даже корпуса корабля. Не пройдет и часа, и он начнет удаляться от острова Фины.

В волнении Годфри стал зажигать ветки смо-

листых деревьев, росших позади Флагпункта. Сухая сосновая хвоя скоро запылала огромным пламенем.

Но, так и не дождавшись ответных сигналов с корабля, Годфри грустно поплелся в Вильтри, чувствуя, как никогда прежде, всю тяжесть одиночества.



На границе неба и моря показался корпус большого судна, шедшего на северо-восток.

Глава шестнадцатая, в которой рассказывается об одном неожиданном происшествии

Эта неудача потрясла Годфри. Да как тут было не огорчаться! Когда еще может представиться подобный шанс на спасение! С таким же равнодушием будут проходить мимо острова и другие суда, если они случайно окажутся в этой части Тихого океана. К чему бы и другим кораблям поступать иначе, если остров не является ни портом, ни просто надежным и нужным для них убежищем?

Годфри провел тревожную ночь, просыпаясь каждую минуту. Ему чудилось, что он слышит в море пушечные выстрелы, и он начинал надеяться, что корабль все же заметил еще не погасший огонь на берегу и отвечает на сигнал.

Годфри напрягал слух и убеждался, что все это было только игрой больного воображения. А с наступлением дня он почти убедил себя, что никакого корабля вообще не было, что все это сон, начавшийся накануне в три часа дня.

Но нет! Он же отчетливо помнил, что пароход

был в двух милях от острова и прошел мимо, не обратив внимания на сигналы.

О постигшем его разочаровании Годфри ни слова не сказал Тартелетту. Да и незачем было рассказывать! Беспечный ум учителя танцев не в состоянии был рассчитывать дальше двадцати четырех часов. Тартелетт даже не задумывался о случайностях, которые помогли бы им покинуть остров. Сан-Франциско стал постепенно стираться из его памяти. У него не осталось там ни невесты, которая дожидалась его с нетерпением, ни дяди Виля, которого он хотел бы снова увидеть. Если бы здесь, на краю света, Тартелетт мог открыть танцкласс хотя бы для одного ученика, он был бы на верху блаженства.

Однако, не помышляя ни о каких опасностях, могущих помешать его спокойной жизни на острове, где не было ни хищных зверей, ни туземцев, танцмейстер делал большую ошибку. Скоро его оптимизму пришлось выдержать суровое испытание.

Было четыре часа пополудни. Тартелетт, как обычно, отправился собирать устриц и моллюсков на берегу близ флагпункта, но тут же прибежал обратно, испуганный, с развевающимися по ветру волосами. При этом было видно,

что он боится оглянуться назад.

— Что случилось? — вскричал обеспокоенный Годфри, выбежав навстречу своему спутнику.

— Там… Там… — ответил Тартелетт, показывая пальцем на северную часть моря, видневшуюся между гигантскими секвойями.

— Что там? — спросил Годфри, уже готовый броситься к лужайке.

— Лодка!

— Лодка?

— Да… Дикари… Целая флотилия дикарей!.. Должно быть, людоеды…

Годфри посмотрел в ту сторону.

Это была, однако, не флотилия, как показалось обезумевшему от страха Тартелетту, а всего лишь небольшая лодка, тихо скользившая по морю в полумиле от берега. Казалось, она огибала Флагпункт.

— Почему вы думаете, что это людоеды? — обратился Годфри к учителю танцев.

— Потому что рано или поздно, но только на острова всех робинзонов обязательно являлись людоеды.

— Быть может, это шлюпка с торгового судна?

— С торгового судна?

— Да… С парохода, который вчера прошел близ

нашего острова.

— И вы мне ничего об этом не сказали! — воскликнул Тартелетт, в отчаянии вздымая руки к небу.

— К чему было говорить, — ответил Годфри. — Ведь я решил, что судно исчезло бесследно. Но вполне возможно, что лодка спущена с этого корабля. Сейчас мы узнаем…

И, сбегав в Вильтри за подзорной трубой, Годфри выбрал удобную позицию на лужайке возле деревьев. С этого наблюдательного пункта можно было отчетливо разглядеть лодку, а находившиеся в ней люди непременно должны были заметить флаг на мачте, развевавшийся на ветру.

Вдруг подзорная труба выпала из рук Годфри.

— Дикари… Да!.. Несомненно, это дикари! — вскричал он.

Тартелетт почувствовал дрожь в ногах и затрясся всем телом.

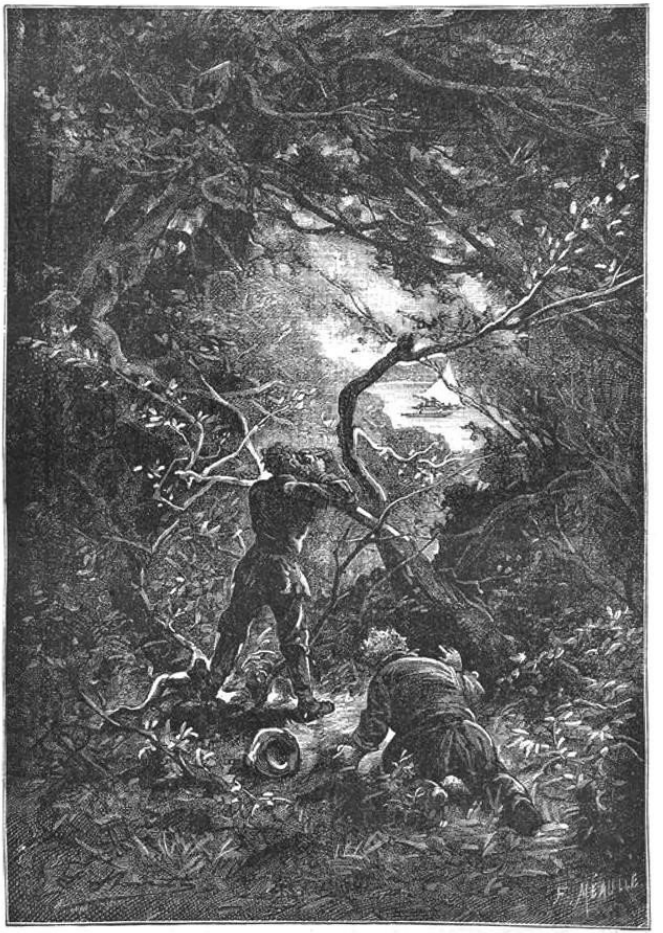
В самом деле, в лодке сидели люди не европейского типа, и направлялись они прямо к острову. Построенная на манер полинезийской пироги, лодка шла под большим парусом из плетеного бамбука…

Годфри ясно различал форму пироги. Это была

так называемая «прао», из чего можно было заключить, что остров Фины находился недалеко от Малайского архипелага. Но в пироге сидели не малайцы, а чернокожие полуголые люди. Их было не менее десяти.

Конечно, они не могли не заметить признаков наличия на острове обитателей Вильтри, так легкомысленно поднявших свой флаг, на который, правда, не обратили внимания на корабле. Спускать флаг уже не имело никакого смысла.

Ничего не скажешь, положение не из приятных! По-видимому, эти люди прибыли сюда с каких-нибудь ближайших островов, нисколько не сомневаясь в том, что этот островок необитаем, — таким он и был до катастрофы с «Дримом». Но теперь реявший по ветру флаг указывал на присутствие людей… Следовательно, надо было придумать, как укрыться от незваных гостей, если они пристанут к берегу.


F. MEAULLE

С этого наблюдательного пункта можно было отчетливо разглядеть лодку.

Годфри не мог прийти ни к какому решению. Во всяком случае, сначала нужно было выяснить, каковы намерения туземцев.

С помощью подзорной трубы он продолжал следить за лодкой. Сначала она прошла вдоль мыса, потом обогнула его и появилась с другой стороны. И наконец пристала к устью речки, милях в двух от Вильтри.

Следовательно, если бы аборигенам вздумалось подняться вверх по течению, они очень скоро достигли бы группы секвой и помешать их продвижению было бы невозможно.

Годфри и Тартелетт, не мешкая, вернулись к Вильтри. Прежде всего, надо было принять срочные меры, чтобы скрыть, по возможности, следы своего пребывания и приготовиться к защите. Этим всецело был поглощен Годфри… Что же касается Тартелетта, то его мысль работала совсем в другом направлении.

«Ах! — повторял он про себя. — Какая печальная участь! И ее нельзя избежать! Как может робинзон ни разу не повстречаться с пирогой людоедов! В один прекрасный день они должны непременно высадиться на острове! И вот… Не

прошло и трех месяцев, а они тут как тут! Действительно, ни господин Дефо, ни господин Висс ни на йоту не отступали от правды. Вот и делайтесь после этого робинзоном!»

Достойный Тартелетт! Робинзоном не делаются, а становятся! Но вы были недалеки от истины, когда сравнивали свое положение с положением героев английского и швейцарского романистов.

Вернувшись в Вильтри, Годфри тотчас же принял меры предосторожности: погасил огонь внутри секвойи, дупло которой служило им местом для очага, и разбросал золу, чтобы не осталось никаких следов костра; заложил кустарником вход в курятник, где куры, петухи и цыплята уже устроились на ночь; скот, за неимением стойла, угнал в прерию, а орудия и домашнюю утварь перенес в жилище, чтобы ничто не указывало на присутствие человека. Покончив со всем этим, Годфри вошел вместе с Тартелеттом в дупло Вильтри и плотно закрыл за собой дверь. Сделанная из коры секвойи, она была не очень заметна даже и вблизи, так как по цвету не отличалась от дерева. Оба окошка столь же плотно закрывались ставнями. И вот, наконец, Вильтри погрузилось в полный мрак.

Какой бесконечно длинной показалась им эта

ночь! Годфри и Тартелетт прислушивались к малейшему шороху. Шум упавшей ветки или порыв ветра приводили их в трепет. Им слышались чьи-то шаги, им казалось, что вокруг Вильтри кто-то ходит. Кончилось тем, что Годфри, поднявшись к одному из окошек, приоткрыл ставни и стал со страхом вглядываться в темноту.

Нет, никого не было!..

А потом он услышал шаги. На этот раз слух не мог его обмануть. Он поглядел еще раз и увидел, что под деревом бродит коза.

Между тем решение уже было принято. Если аборигенам удастся обнаружить их жилище внутри большой секвойи, они с Тартелеттом поднимутся по внутренней трубе дерева до верхних ветвей и оттуда окажут сопротивление туземцам. С ружьями, револьверами и боеприпасами они, может быть, даже одержат победу над дюжиной дикарей, лишенных огнестрельного оружия. Если те задумают стрелять снизу из лука, нападение можно будет отразить ружейными выстрелами. А если они взломают дверь помешать им подняться по узкому внутреннему дуплу до верхних ветвей тоже будет нетрудно.

Но об этой опасности Годфри не стал рассказывать Тартелетту. Бедняга и так был порядочно

напуган прибытием дикарей; мысль о возможном переселении на верхушку дерева его не слишком обрадовала бы. Годфри решил в случае необходимости увлечь за собой учителя танцев — даже силой, не дав ему времени на размышление.

Ночь прошла в непрерывном чередовании надежд и опасений. Однако на Вильтри никто не пытался нападать. Быть может, дикари не дошли еще до группы больших секвой? Быть может, они ожидают наступления дня, чтобы отправиться вглубь острова?

— Вероятно, так они и сделают, — произнес Годфри. — Ведь флаг показывает, что на острове есть люди. А туземцев не больше дюжины, и они сами должны опасаться нападения. Откуда им знать, что на острове только двое бедняг, потерпевших кораблекрушение? Ночью идти они не рискнут… Если только…

— Если только не уплывут обратно, когда наступит день, — закончил Тартелетт.

— Обратно? Но зачем же тогда они явились на остров Фины? Неужели лишь для того, чтобы провести здесь одну ночь?

— Не знаю… не знаю… — пролепетал учитель танцев, который от страха потерял всякую способность соображать и мог объяснить причину

прибытия дикарей только желанием полакомиться человеческим мясом.

— Как бы там ни было, — заметил Годфри, — если туземцы завтра не пожалуют в Вильтри, мы сами отправимся на разведку.

— Мы?

— Да, мы! Разлучаться друг с другом в такой момент было бы крайне неблагоразумно. Кто знает, не придется ли нам скрываться в лесу, в центральной части острова… Быть может, даже несколько дней… до отъезда незваных гостей! Нет, Тартелетт, мы должны быть только вместе!

— Тсс!.. — произнес дрожащим голосом учитель танцев. — Мне кажется, что я слышу шаги…

Годфри снова поднялся к окошку и тут же спустился вниз.

— Нет! — заявил он. — Пока ничего подозрительного… Это вернулись наши козы, бараны и агути…

— Преследуемые дикарями? — воскликнул Тартелетт.

— Вряд ли. Они совершенно спокойны, — ответил Годфри. — Скорее всего, просто хотят укрыться от утренней росы.

— Ах так, — пробормотал Тартелетт таким жалобным голосом, что при менее серьезных

обстоятельствах Годфри не удержался бы от смеха. — Подобного никогда бы не случилось в особняке Уильяма Кольдерупа на Монтгомери-стрит! — добавил учитель танцев.

— Скоро поднимется солнце, — произнес Годфри. — Подождем еще час, и, если туземцы не придут, оставим Вильтри и отправимся на разведку в северную часть острова. Способны вы держать ружье, Тартелетт?

— Держать?.. О да!..

— А стрелять в определенном направлении?

— Не знаю! Никогда не пробовал… Но можете не сомневаться, Годфри, что моя пуля не попадет в цель…

— Кто знает, быть может, достаточно и выстрела, чтобы вспугнуть туземцев?

Через час стало уже так светло, что можно было разглядеть местность позади больших секвой.

Годфри осторожно открыл обе ставни. С южной стороны все было как обычно. Тихо и спокойно паслись домашние животные. Годфри старательно закрыл окошко и стал глядеть в другое, из которого просматривалась северная часть бухты. Юноша отчетливо разглядел мачту с флагом, возвышавшуюся на расстоянии двух миль от Вильтри, но устья речки, близ которого накануне

высадились дикари, рассмотреть отсюда было невозможно.

Тогда он взял подзорную трубу и обвел взглядом весь берег до выступа Флагпункта. Никого. Быть может, как предсказывал Тартелетт, дикари, проведя ночь на суше, действительно — хотя это было необъяснимо — отправились дальше, так и не разузнав, обитаем ли этот остров?

Глава семнадцатая, в которой ружье учителя танцев Тартелетта поистине творит чудеса

Вдруг у Годфри вырвался такой отчаянный крик, что танцмейстер подскочил на месте. Вне всякого сомнения, туземцы узнали о присутствии на острове людей: флаг, развевавшийся на мачте Флагпункта, исчез.

Нельзя было медлить с выполнением задуманного плана — отправиться на разведку, чтобы выяснить, здесь ли еще туземцы и что они делают.

— Итак, в путь! — сказал Годфри своему компаньону.

— В путь? Но… — прошептал Тартелетт.

— Может быть, вы предпочтете остаться?

— С вами, Годфри, да!

— Нет, без меня.

— Быть одному? Ни за что на свете!

— Тогда пошли!

Прекрасно понимая, что Годфри не отступится от своего плана, Тартелетт решился все же сопровождать его. Да, у него не хватило бы мужества

остаться одному в Вильтри.

Перед тем как отправиться в путь, Годфри еще раз проверил оружие, зарядил оба карабина и один вложил в руки Тартелетта, который поглядел на ружье с таким растерянным видом, словно какой-нибудь абориген Помоту, впервые увидевший незнакомую вещь. Кроме того, бедняге пришлось привесить к своему поясу патронташ и охотничий нож. В последнюю минуту он надумал захватить с собой еще и карманную скрипку, надеясь, должно быть, ублажать дикарей ее скрипучими звуками, но Годфри, хоть и не без труда, отговорил его от этой глупой затеи.

Было около шести часов утра. Верхушки секвой весело поблескивали под первыми лучами солнца.

Годфри приоткрыл дверь и вышел из дупла, чтобы осмотреть окружающую местность.

Царила полная тишина.

Животные уже паслись в прерии не более чем в четверти мили от Вильтри. Видно было, как они спокойно щиплют траву, и ничто в их поведении не обнаруживало ни малейшей тревоги.

Годфри подозвал к себе Тартелетта. Учитель танцев нерешительно подошел, обремененный своим вооружением.

Тогда юноша плотно закрыл дверь и, убедившись, что она полностью слилась с корой дерева, набросал вокруг кучу веток, а сверху привалил несколько больших камней. Затем он направился к речке, чтобы в случае необходимости спуститься по берегу до самого устья.

Тартелетт плелся сзади, беспокойно озираясь по сторонам. Сидеть одному в дупле было бы еще страшнее, и он изо всех сил старался не отставать.

Дойдя до лужайки у больших секвой, Годфри остановился, вытащил подзорную трубу и стал с напряженным вниманием вглядываться в каждую точку на берегу от мыса Флагпункта до северо-восточного угла острова.

Ни одно живое существо не попадало в поле зрения и не видать было ни малейшего дымка, который указывал бы на стоянку туземцев.

Конец мыса также был совершенно пустынен, хотя на нем и виднелись многочисленные следы босых ног. Да, Годфри не ошибся: мачта стояла на том же месте, а флаг исчез! Очевидно, туземцы, прельщенные красным цветом, сорвали полотнище и возвратились к своей пироге, укрытой в устье реки.

Годфри окинул взглядом западное побережье.

От флагпункта до Дримбея все было пусто и безлюдно. Пустынной была и водная гладь — никакое судно не бороздило поверхности моря. Значит, если туземцы продолжали двигаться вдоль берега на своей прао, то теперь они должны были скрыться от взора среди береговых скал.

Годфри мучила проклятая неизвестность. Во что бы то ни стало он хотел выяснить, находятся ли еще незваные гости на острове или убрались восвояси. Хочешь не хочешь, нужно было дойти до того места, где они высадились накануне — прокрасться к бухте, образованной устьем реки.

На ее берегах на протяжении двух миль склонялись к воде зеленые купы деревьев и тянулись заросли кустарника, а дальше, на пятьсот — шестьсот ярдов, оставалось свободное пространство, с открытыми до самого моря берегами. Характер местности позволял, таким образом, незаметно приблизиться к устью, если только туземцы не поднимутся вверх по реке. Во избежание неожиданностей нужно было действовать очень осторожно.

Но вряд ли в столь ранний час туземцы, уставшие от вчерашнего длинного перехода, успели уже покинуть свой лагерь. Скорее всего, они еще спят в пироге или рядом с ней на земле. В таком

случае, подумал Годфри, их можно будет застигнуть врасплох.

Только не надо торопиться! В присутствии возможного противника важнее всего остаться незамеченным. Преимущество на стороне нападающего. В более выгодном положении тот, кто делает первый выстрел. Проверив курки карабинов и револьверов, Годфри и Тартелетт стали спускаться по левому берегу речки.

Все было спокойно. Тишину раннего утра нарушали лишь птицы, безмятежно порхавшие среди деревьев с берега на берег.

Годфри шел впереди, а спутник его тащился сзади, понуря голову и, видимо, выбиваясь из сил. Они миновали подлесок и выбрались на открытую местность, поросшую высокой травой, которая, однако, скорее могла выдать присутствие человека, чем густой кустарник, окаймленный деревьями. На этом участке приходилось продвигаться с крайней осмотрительностью. Малейшая оплошность — и в голову полетят камни и стрелы! Но учитель танцев, как назло, несколько раз спотыкался, несмотря на предостережения Годфри, и падал со всей своей амуницией; при этом он пыхтел, отдувался и производил столько шума, что был для Годфри только обузой. Как он

раньше не догадался оставить его в Вильтри или укрыть где-нибудь в лесу! Но теперь было поздно об этом думать.

Прошел уже час, как наши робинзоны покинули гигантскую секвойю. Они проделали большую часть пути, не обнаружив пока ничего подозрительного.

Годфри остановился, окинул взглядом прерию. Речка несла свои мелкие воды среди открытых песчаных берегов. Нигде никаких признаков пришельцев… Конечно, нельзя было не учитывать и того, что туземцы, зная теперь о присутствии на острове людей, сами, вероятно, приняли меры предосторожности. Вполне возможно, что тем временем, пока Годфри с Тартелеттом шли берегом вниз по течению, незваные гости могли подняться вверх по реке, могли засесть тут же неподалеку в миртовых и мастиковых зарослях, могли бродить по лесу или устроить засаду.

Странная черта характера: по мере того как они продвигались вперед, не встречая «свирепых» дикарей, Тартелетт мало-помалу успокаивался, избавляясь от своих страхов, и даже начинал отзываться с пренебрежением об этих «смешных людоедах». Годфри же, наоборот, все больше и больше беспокоился и, перейдя с открытого места

в лесок, удвоил предосторожность.

Прошел еще час. Берега снова обнажились. Их покрывали только небольшие заросли кустарника. Ветер пригибал траву, указывая на близость моря. В таких условиях трудно было укрыться. Ничего не оставалось, как лечь плашмя и продвигаться ползком. Годфри так и сделал, предоставив Тартелетту последовать своему примеру.

Но тому не хотелось ложиться на землю.

— Дикарей больше нет! Людоеды ушли! — возражал учитель танцев.

— Они здесь, — тихо и решительно сказал Годфри. — Они должны быть здесь, — повторил он. — Ложитесь на живот, Тартелетт! Живее, живее, и будьте готовы в любую минуту спустить курок! Следите за мной и не стреляйте без моего приказания!

Годфри произнес это таким суровым голосом, что ноги танцмейстера подогнулись сами собой, и он оказался в требуемой балетной позе.

И хорошо сделал.

Годфри действительно имел все основания говорить так настойчиво.

С занятой им позиции не было видно ни берега моря, ни устья речки — кругозор закрывала возвышенность, находившаяся не более чем в ста

шагах. Но за этим замкнутым горизонтом, из-за гряды холмов, поднимался в синее небо густой столб дыма.

Лежа на траве и приложив палец к спусковому крючку карабина, Годфри терпеливо выжидал.

«Третий раз, — говорил он самому себе, — я вижу на острове дым. Не значит ли это, что туземцы уже высаживались и разводили костры на северной и южной стороне острова? Нет, это невозможно! Ведь я ни разу не находил никаких следов, ни углей, ни пепла! Но сейчас я узнаю, что здесь происходит, и решу, как поступить!»

Сделав несколько скользящих движений, которые тут же скопировал Тартелетт, Годфри добрался до возвышенности, откуда легко было наблюдать за той частью морского побережья, где речная излучина непосредственно примыкала к устью.

Юноша едва удержался от крика. Опустив руку на плечо учителя танцев, он дал ему понять, что дальше двигаться нельзя. Тартелетт замер, уткнувшись головой в землю, а Годфри увидел все, что ему хотелось увидеть…

На берегу, среди скал, пылал громадный костер, посылая к небу черные клубы дыма. Вокруг огня ходили те самые чернокожие туземцы, что

прибыли вчера на остров, и непрерывно подбрасывали топливо, сложенное рядом в большую кучу. Неподалеку от них колыхалась на волнах привязанная к камню пирога.

L. Benett
E. BARBANT

Лежа на траве и приложив палец к спусковому крючку карабина, Годфри терпеливо выжидал.

Начинался прилив.

Годфри, не прибегая к подзорной трубе, видел невооруженным глазом все, что происходило на берегу. От костра его отделяли какие-нибудь двести шагов. Он даже отчетливо слышал, как трещали в огне сухие ветки. Прежде всего ему стало ясно, что засады можно не опасаться, так как все туземцы были сейчас в сборе.

Из двенадцати человек десять занимались работой: одни энергично поддерживали огонь, другие забивали колья для вертела, как это делают обычно полинезийцы. Одиннадцатый, казавшийся начальником, с важным видом прогуливался по отмели и часто поглядывал вглубь острова, словно опасаясь нападения.

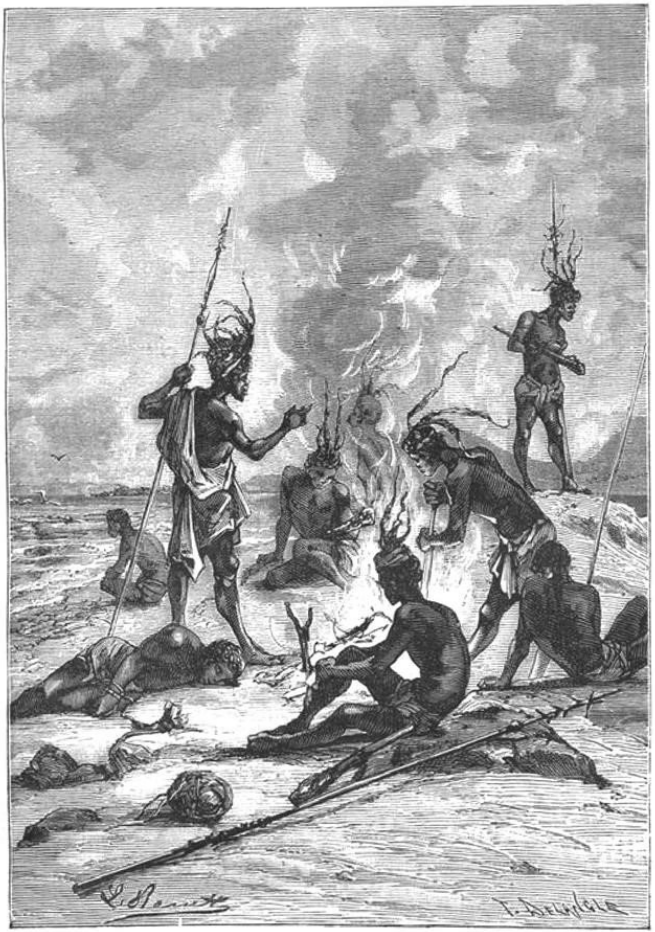
На плечах его Годфри увидел красное полотнище флага, служившее дикарю украшением.

Двенадцатый же, крепко привязанный к столбу, лежал на земле.

Легко было догадаться, какая участь грозила несчастному. Вертел и огонь, конечно, предназначались для того, чтобы его изжарить… Выходит, что Тартелетт не ошибся, назвав этих людей каннибалами!

Нельзя было также не согласиться с учителем, уверявшим своего ученика, что приключения всех робинзонов, настоящих или воображаемых, не отличаются одно от другого. Ведь в самом деле, Годфри с Тартелеттом оказались в том же положении, что и герой Даниэля Дефо, когда на его острове высадились дикари. И, подобно Робинзону Крузо, теперь они должны были присутствовать при ужасной сцене людоедства!

Годфри решил брать пример с бесстрашного Робинзона. Нет, он ни за что не допустит, чтобы каннибалы зарезали пленника и насытились человеческим мясом! И вооружен он нисколько не хуже, чем Робинзон в эпизоде спасения Пятницы! Два ружья — четыре выстрела! Два револьвера — двенадцать выстрелов! Этого будет вполне достаточно, чтобы подействовать на одиннадцать дикарей, которых может вспугнуть и один выстрел. Придя к такому решению, Годфри стал хладнокровно выжидать момента, когда сможет громогласно заявить дикарям о своем присутствии.



Вокруг огня ходили те самые чернокожие туземцы, что прибыли вчера на остров.

Ждать ему пришлось недолго.

Не прошло и двадцати минут, как начальник приблизился к огню и недвусмысленным жестом указал на пленника своим подчиненным, которые только и ждали его приказаний.

Годфри поднялся. Поднялся и Тартелетт, сам не зная почему. Бедный учитель танцев даже не догадывался, что собирается сделать его спутник, ничего ему не сказавший о своих намерениях.

Годфри, должно быть, представил себе, что при одном его появлении среди дикарей поднимется паника: либо они бросятся к пироге, либо побегут врассыпную.

Но не случилось ни того, ни другого. Казалось, они его даже не заметили.

Как раз в эту минуту начальник снова указал на пленника. Трое чернокожих подскочили к нему, отвязали от столба и потащили к огню.

Это был еще молодой человек. В ожидании близкой смерти, он, как видно, решил дорого продать свою жизнь и стал отчаянно отбиваться. Но туземцы скоро с ним справились, повалили на землю, и тут подоспел их начальник с каменным топором в руке, чтобы размозжить ему голову.

Годфри громко закричал и спустил курок. Пуля просвистела в воздухе и, казалось, насмерть сразила начальника: он упал, как подкошенный.

При звуке выстрела туземцы замерли, словно от удара грома, и те, что держали пленника, невольно выпустили его из рук. Воспользовавшись случаем, бедняга тотчас же бросился бежать в том направлении, откуда явился неожиданный спаситель, на которого с изумлением смотрели теперь все дикари.

Годфри поднялся.

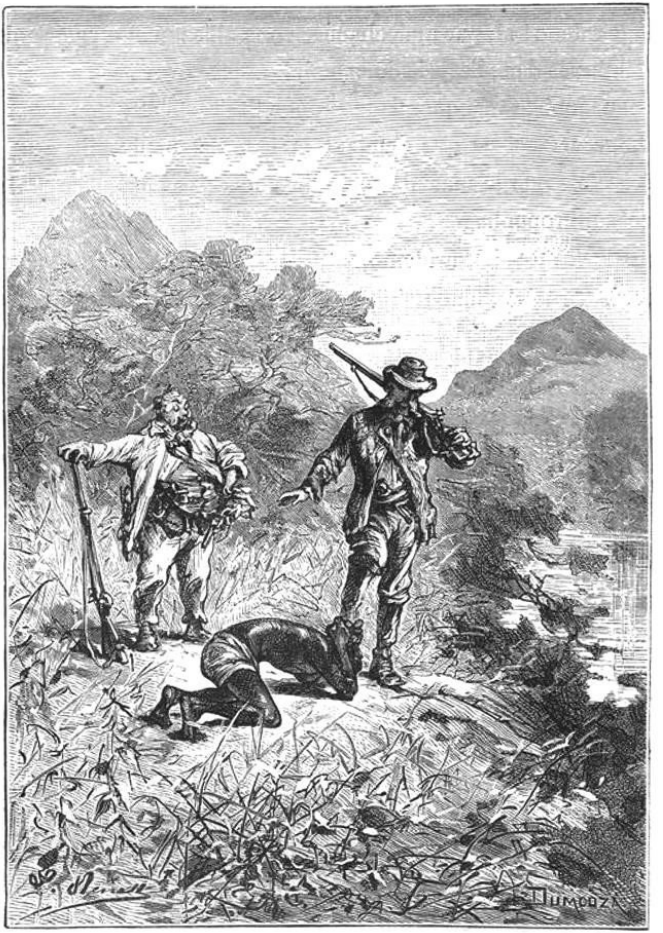
В ту же минуту раздался второй выстрел.

Тартелетт нажал на спусковой крючок с зажмуренными от страха глазами и долго потом потирал правую щеку, ушибленную прикладом. Подобной пощечины ему в жизни не приходилось получать! Однако — бывают же такие удачные выстрелы! — он даже не промахнулся: один из дикарей свалился замертво рядом со своим начальником.

Туземцы потерпели сокрушительное поражение. Быть может, они решили, что их атакует многочисленное враждебное племя и побоялись принять бой? А может быть, их напугали двое белых людей, извергавших громы и молнии? Как бы то ни было, но чернокожие дикари, подхватив своих убитых и раненых, пустились наутек: вскочили в лодку, изо всех сил стали грести, затем развернули парус и быстро обогнули Флагпункт.

Тем временем пленник подбежал к своему спасителю. Сначала он остановился в нерешительности, из страха перед этими высшими существами, затем приблизился к белым людям, опустился перед ними на колени, взял ногу Годфри в свои руки и поставил себе на голову в знак того, что признает себя его рабом.

Можно было подумать, что этот уроженец Полинезии тоже читал «Робинзона Крузо».



Тем временем пленник подбежал к своему спасителю.

Глава восемнадцатая, в которой описывается моральное и физическое воспитание уроженца Полинезии

Годфри поднял несчастного, лежавшего у его ног, и посмотрел ему в лицо. Этому человеку было лет тридцать пять, не больше. Наготу его прикрывала лишь набедренная повязка. По чертам лица и цвету кожи он напоминал африканского негра. И правда, в нем не было никакого сходства с жалкими аборигенами полинезийских архипелагов, заметно отстающими по своему развитию от большинства африканских племен.

Бывали случаи, когда суданские или абиссинские негры попадали в руки к туземцам Полинезийских островов, и не пришлось бы особенно удивляться, если бы этот негр умел говорить по-английски или на каком-нибудь другом европейском языке, известном Годфри. Но скоро стало ясно, что несчастный лопочет на каком-то совершенно непонятном наречии, вероятно на языке местных туземцев, к которым он, должно быть, попал в раннем детстве.

Сначала Годфри заговорил с ним по-английски, но, увы, это было напрасно — он не получил никакого ответа. Тогда он постарался объяснить ему знаками, что хочет знать его имя.

После нескольких бесплодных попыток негр, у которого, впрочем, было умное и открытое лицо, произнес одно слово:

— Карефиноту.

— Карефиноту! — воскликнул Тартелетт. — Вы слышали что-нибудь подобное?.. Я предлагаю назвать его Пятницей. Ведь сегодня пятница, как это было на острове Робинзона. На островах, где живут робинзоны, дикарей всегда называют по тому дню недели, когда он был спасен. Подумать только, как можно носить такое нелепое имя — Карефиноту?

— Если это его имя, то почему он не может сохранить его? — возразил Годфри.

В эту минуту рука Карефиноту коснулась его груди, и на лице негра был написан вопрос: «А тебя как?»

— Годфри, — ответил юноша.

Чернокожий попытался произнести это имя, и хотя Годфри повторил его несколько раз, туземцу так и не удалось внятно воспроизвести столь непривычное для него сочетание звуков.

Потом Карефиноту повернулся к учителю танцев, давая понять, что хочет знать и его имя.

— Тартелетт, — ответил танцмейстер с любезной улыбкой.

— Тар-те-летт! — повторил Карефиноту.

Очевидно, сочетание этих слогов соответствовало устройству его голосовых связок, ибо произнес он их очень отчетливо.

Учитель танцев казался крайне польщенным. Да и было отчего!

Тогда Годфри, желая воспользоваться сообразительностью туземца, объяснил ему знаками, что хочет узнать название острова. Он указал на лес, прерию, холмы, потом обвел рукой берег моря и горизонт и наконец вопросительно поглядел на негра.

Карефиноту, не сразу уразумев, что от него хотят, повторил жест Годфри и обернулся, окидывая взглядом все окружающее пространство.

— Арнека, — сказал он, подумав.

— Арнека? — повторил Годфри, топая ногой по земле, чтобы яснее выразить свой вопрос.

— Арнека! — подтвердил негр.

Но это ничего не говорило Годфри, не указывало ни на географическое название острова, ни на его положение в Тихом океане. Он не мог при-

помнить ничего похожего. Быть может, это было туземное название, неизвестное картографам.

Между тем Карефиноту с нескрываемым любопытством продолжал рассматривать обоих белых, переводя взгляд с одного на другого, словно устанавливая разницу между ними. Его губы улыбались, обнаруживая ряд великолепных белых зубов, на которые Тартелетт поглядывал с некоторой опаской.

— Пусть сломается в моей руке карманная скрипка, — воскликнул он, — если эти зубы никогда не жевали человеческого мяса.

— Во всяком случае, — ответил Годфри, — наш новый компаньон теперь не походит на человека, которого собираются изжарить и съесть, а это самое главное!

Больше всего привлекало внимание Карефиноту оружие Годфри и Тартелетта: карабины, которые они держали в руках, и револьверы, заткнутые за пояс.

Годфри сразу понял причину этого любопытства. Очевидно, дикарь никогда не видел огнестрельного оружия. Да и понимал ли он, что обязан своим освобождением одной из этих трубок, выбрасывающих молнию? Вряд ли.

Годфри решил дать туземцу представление о

своем могуществе. Зарядив ружье, он показал Карефиноту на красную куропатку, летевшую шагах в пятидесяти от них над прерией, затем быстро прицелился и выстрелил: птица упала.

При звуке выстрела негр сделал великолепный прыжок, который Тартелетт тут же оценил глазом хореографа. Затем, оправившись от страха, Карефиноту с быстротой охотничьей собаки подбежал к птице, ковылявшей по траве с перебитым крылом, и принес ее своему господину, радостный и изумленный.

После этого и Тартелетту захотелось показать туземцу, что он тоже обладает молниеносной силой. Заметив близ ручья спокойно сидящего на старом стволе рыболова, он поднял ружье и прицелился.

— Не нужно, Тартелетт! — остановил его Годфри. — Не стреляйте!

— Почему?

— Подумайте только, если вам не повезет и вы промахнетесь, как много мы потеряем в глазах этого туземца.

— Но почему бы мне не попасть? — возразил Тартелетт не без досады. — Не я ли во время сражения, впервые взяв в руки ружье, на расстоянии ста шагов поразил прямо в грудь одного из

людоедов?

— Вы в него определенно попали, раз он упал. Но послушайте меня, Тартелетт! Ради наших общих интересов не испытывайте судьбу дважды.

Учитель танцев, хоть и с некоторым разочарованием, все же поддался уговорам. Перекинув ружье за спину, он вместе с Годфри и Карефиноту направился в Вильтри.

Жилище, оборудованное внутри секвойи, вызвало новое изумление дикаря. Прежде всего, ему пришлось объяснять и показывать, как надо обращаться с разными орудиями, инструментами и домашней утварью. По-видимому, Карефиноту жил среди туземцев, стоящих на самой низкой ступени развития, так как даже железо, казалось, ему было неизвестно. Когда поставили на горячие угли котелок, туземец тут же хотел его снять, думая, что он сгорит, чем вызвал неудовольствие Тартелетта, занятого священнодействием — приготовлением бульона. Но больше всего Карефиноту поразило зеркало: он вертел его так и сяк, чтобы убедиться, нет ли на другой стороне его собственной персоны.

— Но он же ничего не смыслит, этот черномазый, — с презрительной гримасой воскликнул учитель танцев.

— Нет, Тартелетт, вы ошибаетесь, — возразил Годфри. — Он смотрит на оборотную сторону зеркала, значит — рассуждает, на что способно только мыслящее существо.

— Хорошо! Согласен! Допустим, что он способен мыслить, — сказал Тартелетт, с сомнением покачав головой. — Но будет ли он нам чем-нибудь полезен?

— Я в этом уверен! — ответил Годфри.

Между тем Карефиноту очутился за столом, уставленным разными кушаньями. Сначала он их обнюхал, потом попробовал на зубок и наконец стал с жадностью поглощать все подряд, одно за другим: суп из агути, убитую Годфри птицу, баранью лопатку с гарниром из камаса и ямса.

— Кажется, наш гость обладает завидным аппетитом, — заметил Годфри.

— Да, — ответил Тартелетт. — Нужно будет глядеть за ним в оба. Как бы не разыгрались его каннибальские инстинкты!

— Успокойтесь, Тартелетт! Мы заставим его забыть вкус человеческого мяса, если только он его когда-нибудь пробовал.

— За это я не поручусь! — ответил учитель танцев. — Уж если он раз отведал…

Карефиноту с напряженным вниманием слу-

шал разговор обоих собеседников. По его умным глазам было видно, что ему очень хотелось бы узнать, о чем они говорят в его присутствии. Неожиданно у него развязался язык, и он начал им что-то объяснять. Но это был ряд лишенных смысла звукоподражательных междометий, с преобладанием гласных «а» и «у», как в большей части полинезийских наречий.

Годфри размышлял. Как бы то ни было, этот негр, которого он чудом спас от смерти, станет теперь его новым товарищем. Без сомнения, он будет хорошим слугой. Он силен, ловок, деятелен. Его не испугает никакая работа. Его удивительная способность к подражанию всему, что он видит, поможет Годфри построить систему его воспитания.

И Годфри не ошибся. Уход за скотом, сбор корней и плодов, убой баранов или агути, которые составляли основную пищу, приготовление сидра из диких яблок манзаниллы — все это Карефиноту быстро научился делать и старательно выполнял после того, как ему показали.

Что бы ни думал Тартелетт, Годфри относился к дикарю без всякого недоверия и никогда не раскаивался, что спас его от смерти, рискуя собственной жизнью. Если его что-то и тревожило,

то только возможность возвращения дикарей, которым теперь стало известно местоположение острова Фины.

С первого же дня для Карефиноту была устроена постель в дупле секвойи. Но чаще всего, если не было дождя, он предпочитал спать на открытом воздухе, превратясь таким образом в верного стража.

В течение следующих двух недель Карефиноту несколько раз сопровождал Годфри во время охоты. Его главным удовольствием было глядеть, как падают птицы, убитые на далеком расстоянии. При этом он с большой готовностью нес службу охотничьей собаки, выполняя свои обязанности с таким рвением, что его не останавливали никакие препятствия: ни завалы, ни кусты, ни ручьи.

Мало-помалу Годфри стал привязываться к новому товарищу. Карефиноту разделял с нашими робинзонами все трудности. Одного только он не мог постичь — английского языка. Несмотря на все усилия, туземец не способен был произнести даже самых употребительных слов, которые ему так старательно втолковывали Годфри и учитель танцев.

Так проходило время. Однако, если настоящее благодаря счастливому стечению обстоятельств

было сносным, если никакая непосредственная опасность им не угрожала, Годфри все же не мог не задуматься над тем, удастся ли ему когда-нибудь покинуть остров, и что он сможет предпринять, чтобы вернуться на родину. Дня не проходило, чтобы он не вспоминал свою невесту Фину и дядюшку Виля! Не без тайного страха поджидал он наступления холодов, которые воздвигнут между ним и его близкими еще более непреодолимые препятствия.

Двадцать седьмого сентября, благодаря чрезвычайному происшествию, Годфри и его спутники смогли обеспечить себя новым запасом пищи, что стоило им, правда, немалых усилий.

В тот день Годфри и Карефиноту, занимаясь во время прилива сбором моллюсков у выступа Дримбея, вдруг заметили множество маленьких плавучих островков, подгоняемых к берегу ветром. Это был целый архипелаг, над которым кружили так называемые морские ястребы — птицы с широким размахом крыльев.

Откуда взялись эти странные островки, плывшие по воле волн, и что они собой представляли?

Пока Годфри стоял в растерянности, не зная, что и подумать, Карефиноту бросился на землю

животом вниз, потом, подобрав голову в плечи и двигая руками и ногами, начал воспроизводить движения медленно ползущего животного.

Годфри уставился на него, ничего не понимая, и вдруг сообразил:

— Черепахи! — воскликнул он.

Карефиноту не ошибся. Действительно, это были черепахи — мириады черепах! — усеявшие всю водную поверхность на пространстве, по крайней мере, квадратной мили. Саженях в ста от берега большинство из них погрузилось в воду, и морские ястребы, потеряв точку опоры, поднялись в воздух, делая большие спирали. Но не менее сотни черепах были выброшены приливной волной.

Годфри и Карефиноту быстро побежали по отмели к этой морской дичи, давшейся им прямо в руки. Каждая особь имела не менее трех-четырех футов в диаметре! Чтобы не дать им уйти в море, нужно было их только перевернуть на спину. Эта нелегкая работа заняла не один час.

Следующие несколько дней пришлось повозиться с добычей. Мясо черепахи, великолепное на вкус, может сохраняться и в сыром, и в законсервированном виде, если его хорошенько просолить.

Приближался сезон дождей, и Годфри решил заготовить впрок побольше черепашьего мяса. И все же некоторое время к столу подавался превосходный свежий бульон, которым с удовольствием насыщался не один только Тартелетт!

Кроме этого из ряда вон выходящего случая, жизнь наших островитян, в общем, не отличалась разнообразием. Ежедневно в одни и те же часы производились одни и те же работы. Годфри не без страха думал, что с наступлением холодов жизнь станет, пожалуй, еще тягостней. Но что можно было придумать?

BELLANGER

Чтобы не дать им уйти в море, нужно было их только перевернуть на спину.

Пока погода не испортилась, он продолжал бродить по острову, посвящая все свободное время охоте. Обычно его сопровождал Карефиноту, а Тартелетт предпочитал хозяйничать в Вильтри. Природа не наделила учителя танцев никакими охотничьими талантами, хотя его первый выстрел и оказался таким виртуозным.

Во время одной экскурсии случилось неожиданное происшествие, не на шутку встревожившее обитателей большой секвойи.

Годфри охотился с Карефиноту в центральной части лесного массива, покрывавшего подножье главного гребня острова Фины. С самого утра им встретились лишь две или три антилопы, промелькнувшие в глубине чащи на таком расстоянии, что стрелять в них было бесполезно.

За мелкой дичью Годфри не гонялся: пищи у них было вдоволь, а убивать с единственной целью убивать не входило в его планы. Антилопы же его привлекали не мясом, а шкурами, которые сейчас бы очень пригодились. Но на этот раз приходилось возвращаться домой с пустыми руками.

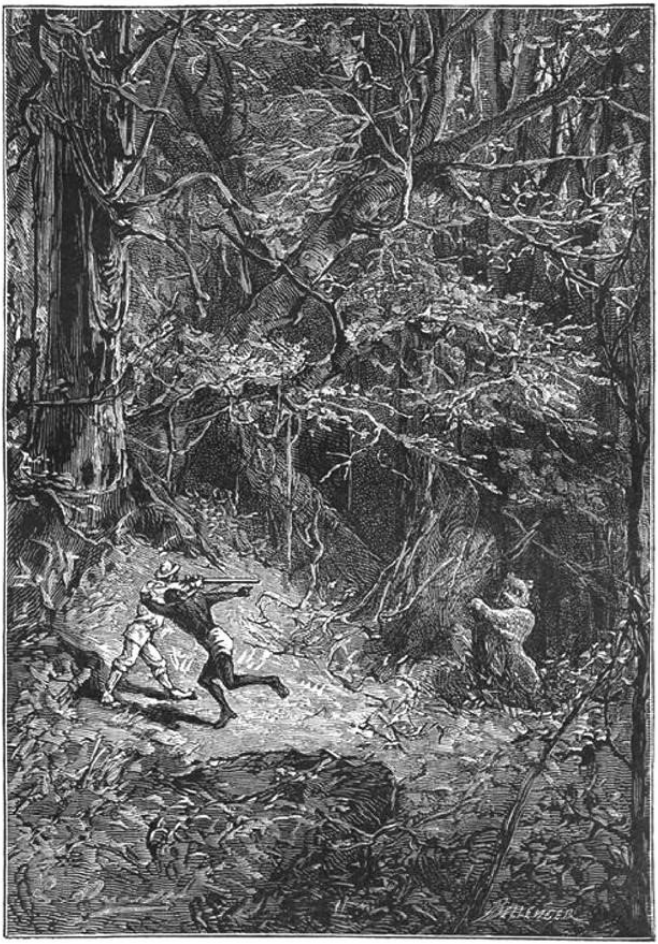
Было около трех часов пополудни. После зав-

трака, съеденного на привале, охота не стала удачнее, и потому Годфри решил больше не задерживаться, чтобы поспеть к обеду в Вильтри. Они уже пересекали опушку леса, как вдруг Карефиноту резко обернулся, подскочил к Годфри и схватил его с такой силой за плечи, что тот не мог сопротивляться.

Пробежав шагов двадцать, Годфри, наконец, смог остановиться и, отдышавшись, вопросительно поглядел на Карефиноту.

Негр с испуганным видом показал ему рукой на зверя, неподвижно стоявшего от них шагах в пятидесяти.

Это был бурый медведь. Обхватив лапами ствол дерева, он зловеще качал головой сверху вниз, будто собирался броситься на охотников.


WILLEMSEN

Это был бурый медведь.

Годфри, не задумываясь, поднял ружье и выстрелил, раньше чем Карефиноту успел его удержать.

Сразила ли пуля зверя? Вполне возможно. Был ли он убит? Утверждать это было трудно. Во всяком случае, широко расставив лапы, медведь рухнул к подножью дерева.

Нельзя было медлить ни минуты. Борьба с этим страшным животным могла привести к плачевным результатам. Известно, что в лесах Калифорнии даже лучшие охотники рискуют жизнью при встрече с бурым медведем.

Поэтому Карефиноту, как видно знавший повадки хищников, схватил Годфри за руку и потащил к Вильтри, а тот, понимая, что осторожность здесь необходима, не стал сопротивляться.

Глава девятнадцатая, в которой положение, и без того весьма серьезное, все более и более осложняется

Присутствие на острове дикого зверя заставило серьезно призадуматься. Какие еще испытания будут уготованы людям, заброшенным сюда по прихоти судьбы?

Годфри не счел возможным скрыть от Тартелетта это последнее происшествие и, кажется, поступил опрометчиво.

— Медведь! — воскликнул учитель танцев, с таким ужасом озираясь по сторонам, будто целая стая зверей уже осаждала Вильтри. — Но откуда взялся медведь? Ведь до сих пор их не было на нашем острове! А раз уж появился один, то, несомненно, появятся и другие и, может быть, не только медведи, но и ягуары, пантеры, гиены, львы!

Воспаленному воображению Тартелетта остров Фины представлялся теперь сплошным зверинцем с вырвавшимися из клеток хищниками.

Годфри спокойно возразил, что не следует

ничего преувеличивать. Он видел пока только одного медведя, и это факт! Но почему медведь не попадался ему раньше, объяснить трудно, а вернее сказать, невозможно. Во всяком случае, рано еще делать вывод, что остров наполнен кровожадными хищниками, которые рыщут в лесах и прериях. Тем не менее нужно быть начеку и не выходить без оружия.

Несчастный Тартелетт! С этого дня все его существование состояло из сплошных ужасов, волнений и бесконечных страхов, к которым примешивалась еще тоска по далекой Калифорнии.

— Нет уж, спасибо! — повторял он. — Ко всем удовольствиям еще и звери в придачу! Довольно! Хватит! Я требую, чтобы меня отправили домой!

Если бы только это было возможно!

Годфри и его спутники стали теперь осторожнее. Звери могли появиться не только со стороны берега или прерии, но и притаиться где-нибудь поблизости среди группы больших секвой. Нужно было заранее принять серьезные меры для защиты жилища на случай внезапного нападения. Прежде всего наши герои укрепили дверь, чтобы она могла выдержать удары когтей хищного зверя. Для скота Годфри решил устроить хлев, где козы, агути и бараны могли бы находиться

в безопасности хотя бы ночью. Но это было делом нелегким. Ограда получилась не слишком прочной и не такой высокой, чтобы помешать медведю свалить ее или гиене перепрыгнуть.

Карефиноту возложил на себя ночные дежурства возле Вильтри, что давало, по крайней мере, гарантии от всяких неприятных неожиданностей. И хотя он подвергался опасности, но хорошо сознавал, что оказывает эту услугу своим освободителям, и продолжал стоять на часах, несмотря на то, что Годфри уговаривал его дежурить с ним поочередно.

Прошла еще неделя, а страшные гости так и не показывались в окрестностях Вильтри. Теперь Годфри без особой необходимости далеко от дома не уходил. За баранами, козами и агути, пасшимися на соседнем лугу, учредили строгий надзор, и чаще всего обязанности пастуха исполнял Карефиноту. Ружья он с собой не брал, так как до сих пор не научился с ним обращаться, зато за поясом у него всегда был заткнут охотничий нож, а в правой руке он сжимал топор. С таким вооружением ловкий и сильный негр мог, не колеблясь, броситься не только на медведя, но, если бы пришлось, и на тигра.

Однако ни медведь, ни тигр и никакой другой

зверь в Вильтри до сих пор не пожаловали. Малопомалу Годфри начал успокаиваться, возобновил свои прогулки по острову и даже стал ходить на охоту, хотя и не забирался в самую чащу леса. Когда его сопровождал Карефиноту, Тартелетт, тщательно заперев дверь, забивался в дупло, и ничто не заставило бы его оттуда выйти, даже если бы нужно было давать уроки танцев! Когда же Годфри уходил один, танцмейстер оставался с туземцем и с большой настойчивостью занимался его воспитанием.

Тартелетт сначала решил научить его самым употребительным английским словам, но голосовой аппарат негра был настолько неприспособлен к английской фонетике, что от уроков пришлось отказаться.

— Хорошо! — решил Тартелетт. — Раз я не могу быть его учителем, то буду его учеником.

И он стал заучивать междометия, которые произносил туземец.

Напрасно Годфри внушал ему, что от этих занятий не будет никакого проку: Тартелетт настаивал на своем. Учителю танцев хотелось знать полинезийские названия предметов, на которые он указывал Карефиноту.

Очевидно, Годфри недооценивал талантов

своего учителя. Тартелетт оказался способным учеником и по истечении пятнадцати дней запомнил пятнадцать слов. Например, он твердо усвоил, что на языке Карефиноту «бирси» означает огонь, «араду» — небо, «мервира» — море, «дура» — дерево и так далее. Он так восторгался своими успехами, будто получил первый приз на конкурсе лучших знатоков полинезийских наречий.

В благодарность за это он решил обучить Карефиноту хорошим манерам и основным правилам европейской хореографии.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии от души посмеяться! Однако, чтобы скоротать время, он и сам, по воскресеньям, когда был свободен, охотно присутствовал на уроках знаменитого танцмейстера Тартелетта из Сан-Франциско.

Действительно, зрелище было презабавным. Несчастный туземец, обливаясь потом, с невероятным трудом проделывал элементарные танцевальные экзерсисы. Но при всем его прилежании и покорности, не так-то просто было превратить полинезийца, с его неуклюжими плечами, отвислым животом, вывернутыми внутрь коленями и ногами, в нового Вестриса

или Сен-Леоне[32].

Тартелетт доходил до неистовства, а Карефину, кротко страдая, учился изо всех сил. Трудно вообразить, каких ему стоило усилий встать в первую позицию! А когда дело доходило до второй, а потом и до третьей — мучениям не было конца!

— Гляди на меня, тупица! — кричал Тартелетт, больше всего ценивший в занятиях наглядность. — Ноги врозь! Еще больше врозь! Носок одной ноги приставить к пятке другой! Раздвинь колени, болван! Убери плечи, дубина! Голову прямо!.. Руки округлить!..

— Но вы требуете от него невозможного, — вступался Годфри.

— Для умного человека нет ничего невозможного! — неизменно отвечал Тартелетт.

— Но его телосложение к этому не приспособлено…

— Приспособится! Отлично приспособится! Потом этот дикарь будет мне бесконечно признателен за то, что я научил его, как нужно входить в салон.

— Но ведь ему никогда не представится случай

---

[32] Notes: 32

Огюст Вестрис, Артюр Сен-Леоне — выдающиеся французские танцовщики и балетмейстеры XIX века.

попасть в салон!

— Кто знает, Годфри! — невозмутимо возражал учитель.

Тем и кончались разговоры с Тартелеттом. Затем учитель танцев брал свою карманную скрипку и смычок и начинал наигрывать короткие пронзительные мелодии, приводившие Карефиноту в буйный восторг. Теперь уж его не приходилось уговаривать. Не думая о правилах хореографии, туземец с уморительными ужимками выделывал всевозможные коленца, прыгал, кувыркался, скакал.

А Тартелетт, глядя на неистовства этого сына Полинезии, предавался размышлениям. «Может быть, — думал он, — эти энергичные па, хотя и противоречащие всем принципам хореографического искусства, более естественны для рода человеческого, чем отработанные веками движения?»

L. Manet
V. Duveau

Учитель танцев брал свою карманную скрипку и смычок и начинал наигрывать короткие пронзительные мелодии, приводившие Карефиноту в буйный восторг.

Но оставим учителя танцев и изящных манер наедине с его философскими раздумьями и вернемся к вопросу более практическому и более злободневному.

Годфри во время своих последних экскурсий, когда он один или в сопровождении Карефиноту бродил по лесу, не встречал больше никаких других зверей и даже не видел их следов. Берега речки, куда хищники должны были бы ходить на водопой, не сохраняли никаких подозрительных отпечатков. По ночам тишина ни разу не нарушалась воем или рычанием, и домашние животные по-прежнему были спокойны.

«Как странно, — говорил себе Годфри. — Ведь ни я, ни Карефиноту не могли ошибиться. Нет сомнения в том, что он показал мне медведя, а я в него стрелял. Если предположить, что я убил зверя, то неужели этот медведь был единственным представителем на нашем острове?»

Это было совершенно необъяснимо! Если медведь действительно был убит, то куда же тогда делось его тело? Годфри повсюду искал, но оно

бесследно исчезло. Смертельно раненное животное могло, конечно, добраться до своей берлоги и там околеть. Но тогда у подножья дерева остались бы пятна крови…

«Во всяком случае, — думал Годфри, — и впредь нужно будет остерегаться!»

С первых дней ноября наступил холодный сезон. Часами напролет лили промозглые дожди. Позднее, вероятно, должны были начаться ливни, которые в этих широтах не прекращаются неделями. Так здесь проходит зима. Теперь Годфри должен был осуществить свое намерение устроить очаг в самом дупле, чтобы обогревать жилище и готовить еду, не боясь ни ветров, ни ливней.

Подходящим местом для очага показалась ему одна из внутренних стенок секвойи. Он решил положить туда несколько камней — плашмя и на ребро, которые и будут служить очагом. Сложнее было сконструировать дымоход. Выпускать дым по длинному дуплу внутри секвойи Годфри считал непрактичным, да и как бы он соорудил такую трубу!

Наконец он смекнул, что в качестве дымовой трубы можно приспособить длинный толстый бамбук, росший кое-где по берегам речки.

В этой работе ему усердно помогал Карефиноту, понявший, хотя и не без некоторых усилий со стороны Годфри, что от него требуется. Вместе они прошли около двух миль, пока не выбрали достаточно толстые экземпляры тростниковых растений. Вместе занялись они и постройкой очага. Камни были разложены на земляном полу в глубине комнаты, напротив двери. Стебли бамбука очистили от сердцевины и, подровняв у краев, вставили одна в другую несколько трубок. Таким образом, получилась довольно длинная дымовая труба, приделанная выходным концом к отверстию в коре секвойи.

Такой очаг их вполне устраивал и требовал только присмотра, чтобы не загорелся бамбук.

В дупле Вильтри вскоре весело запылал огонь — к тем большей радости Годфри, что в комнате совсем не чувствовалось дыма.

Сделано все было своевременно, так как с 3 по 10 ноября лили, не переставая, дожди. Разводить огонь под открытым небом было бы теперь невозможно. Эту грустную неделю Годфри и его товарищи провели взаперти, выходя из дому только для присмотра за скотом и курами.

И вдруг в один прекрасный день оказалось, что полностью иссяк запас камасов, заменявших

нашим робинзонам хлеб. Так как отсутствие мучнистых корней становилось все более ощутимым, Годфри заявил Тартелетту, что с наступлением более сносной погоды он отправится вдвоем с Карефиноту за камасами. Учителя танцев не слишком прельщала перспектива плестись две мили по мокрой траве, и он охотно согласился караулить дом.

Вечером 10 ноября небо, затянутое серыми тучами, которые еще в начале месяца нагнал западный ветер, постепенно стало очищаться. Дождь начал утихать, и в сумерках проглянуло солнце. Все говорило за то, что следующий день обещает быть безоблачным и можно будет воспользоваться хорошей погодой.

— Завтра на рассвете, — сказал Годфри, — мы с Карефиноту отправляемся в путь.

— Желаю удачи, — ответил учитель танцев.

Ближе к ночи разошелся туман и высыпали звезды. Карефиноту тотчас же после ужина снова занял свой сторожевой пост, оставленный им на время дождей. Напрасно Годфри убеждал его вернуться в комнату, говоря ему, что теперь вовсе не обязательно сторожить Вильтри, так как ни один зверь с тех пор не показывался. Но Карефиноту не поддавался никаким уговорам, и Годфри должен

был отступиться.

На другой день погода действительно благоприятствовала островитянам. Когда около семи часов утра Годфри вышел из Вильтри, первые лучи солнца уже золотили густые вершины секвой.

Карефиноту был по-прежнему на посту. Он простоял здесь всю ночь и наконец дождался Годфри. Оба вооружились до зубов и захватили с собой по большому мешку. Простившись с Тартелеттом, они направились к речке, чтобы затем пройти по левому берегу до того места, где росли камасы.

Не прошло и часа, как они без всяких приключений добрались до своей цели…

Примерно три часа наши островитяне работали, не разгибая спины, и только около одиннадцати пустились в обратный путь с мешками, полными камасов.

Шли они рядом, весело переглядываясь, так как поддерживать разговор не могли. Вот они достигли речной излучины. В этом месте деревья живописно склонялись над водой, образуя своеобразный полог, сходящийся над обоими берегами.

Вдруг Годфри остановился. На этот раз он первым заметил и показал Карефиноту неподвижно стоящего у подножья дерева зверя, глаза которого

как-то странно светились.

— Тигр! — воскликнул Годфри.

И он не ошибся. В самом деле, это был громадный тигр. Изогнувшись в дугу, он обхватил когтями ствол дерева, готовясь к могучему прыжку.

В одно мгновение Годфри, бросив на землю свой мешок, прицелился и выстрелил.

— Ура! Ура! — закричал он.

На этот раз результат выстрела был бесспорен: раненный пулей тигр отскочил назад. Неизвестно только, была ли рана смертельной и как поведет себя разъяренный зверь.

Годфри поднял ружье, чтобы выстрелить во второй раз.

Но тут Карефиноту, прежде, чем юноша мог его удержать, метнулся с ножом вслед за тигром.

Напрасно Годфри кричал, требуя, чтобы он остановился, напрасно звал его… Негр ничего не слышал или не хотел слышать, поглощенный мыслью добить зверя, хотя бы с риском для жизни.

Годфри бросился к реке. Добежав до берега, он увидел Карефиноту в яростной схватке с тигром. Сначала негр сдавил зверю горло, потом нанес ножом страшный удар в сердце. Тигр скатился в

речку, полноводную от долгих дождей. Бурный поток подхватил мертвое животное и с необычайной стремительностью унес в море.

Медведь! Тигр! Теперь уже не могло быть сомнений: на острове водились хищные звери…

Подойдя к Карефиноту, Годфри убедился, что тот отделался лишь несколькими легкими ссадинами. Подобрав свои камасы, они двинулись в обратный путь, размышляя о новых превратностях, которые им готовило будущее.

Глава двадцатая, в которой Тартелетт повторяет на все лады, что хочет покинуть остров

Когда Тартелетт узнал, что на острове, кроме медведей, водятся еще и тигры, он задрожал от ужаса и долго не осмеливался высунуть носа из дупла. Ведь рано или поздно хищники узнают дорогу в Вильтри! Не осталось и уголка, где можно было чувствовать себя в безопасности! Охваченный страхом, Тартелетт требовал возведения укреплений, каменных стен с эскарпами[33] и контрэскарпами, куртинами и бастионами, которые должны были обеспечить безопасность жителям большой секвойи. А за невозможностью осуществить фортификационные сооружения, он хотел или, вернее, хотел бы поскорее покинуть остров.

— И я тоже, — спокойно отвечал ему Годфри.

И в самом деле, условия жизни на острове теперь уже были не те, что прежде. Благоприятные обстоятельства помогали бороться с лишениями, удовлетворять насущные потребности, выдер-

---

[33] Notes: 33

Эскарп — выложенный камнем крепостной ров.

живать непогоду, переносить тяготы зимы. Но защищаться от лютых зверей, каждую минуту ждать нападения — это было просто невыносимо.

Положение становилось все более серьезным, и в недалеком будущем могло стать критическим.

— Но как объяснить тот факт, — спрашивал себя Годфри, — что в течение четырех месяцев мы не видели на острове ни одного зверя, а за последние две недели пришлось столкнуться и с медведем, и с тигром? Что бы это значило?

Действительно, факт был необъясним, но настолько очевиден, что нельзя было с ним не считаться!

Годфри, однако, не пал духом. Превратности судьбы только увеличивали его хладнокровие и мужество. Если звери стали опасностью, то он примет против этой опасности самые решительные меры.

Но какие можно было принять меры?

Прежде всего, сократить до предела экскурсии в лес и прогулки на побережье; выходить из дому с оружием в руках и только в случае крайней необходимости.

— При первой и второй встречах, — внушал своим спутникам Годфри, — мы отделались легким

испугом, но третья может кончиться плачевно. Не будем зря рисковать.

Суровая необходимость заставляла не только сократить экскурсии, но и усилить охрану жилища, скота и домашней птицы, которых хищники могли полностью уничтожить.

Годфри серьезно задумался о возможности укрепления Вильтри, хотя от гениального проекта Тартелетта — возвести вокруг пояс оборонительных сооружений, — разумеется, пришлось отказаться. Было бы достаточно и того, если бы удалось устроить высокий и прочный забор между стволами нескольких ближайших секвой, иначе говоря окружить Вильтри так называемой надежной оградой, которая обеспечила бы относительную безопасность и гарантировала бы от внешнего нападения.

Годфри прикинул. Сделать такой забор было возможно, хотя и очень трудно. Он убедился в этом, внимательно осмотрев местность. Нелегко было даже сосчитать, сколько придется отобрать, срубить и обработать стволов, чтобы воздвигнуть подобное заграждение.

Но Годфри не страшила никакая работа. Он посвятил в свои планы Тартелетта, тот их одобрил и обещал свое содействие. Более того, учитель

танцев сумел растолковать суть замысла Карефиноту, и тот, как всегда, готов был прийти на помощь по первому зову.

Они немедленно принялись за дело.

В одной миле от Вильтри, вверх по течению речки, находилась небольшая рощица, состоявшая из корабельных сосен. Наши робинзоны не смогли бы напилить досок даже не из очень толстых стволов. Но заостренные с одного конца, а затем вбитые в землю бревна должны были образовать достаточно прочный забор.

И вот, 12 ноября, на рассвете, Годфри со своими спутниками направился к этому леску. Вооружены они были до зубов и продвигались с крайней осторожностью.

Тартелетт, удрученный треволнениями, то и дело повторял:

— Не по душе мне эта вылазка в лес! Как хотелось бы мне расстаться с островом!

Но Годфри на этот раз не стал его утешать или вступать с ним в споры. Больше того, он даже призвал учителя танцев к благоразумию. Сейчас ради общей пользы нужно было действовать не словами, а руками. Приходилось, хочешь не хочешь, сделаться на какое-то время вьючными животными.

Впрочем, на всем пути от Вильтри до сосновой рощи ничего подозрительного не оказалось, хотя все трое внимательно оглядывали прерию от одного горизонта до другого. Пасшийся на лугу скот не выказывал ни малейшей тревоги. Птицы беспечно щебетали среди ветвей или порхали в воздухе.

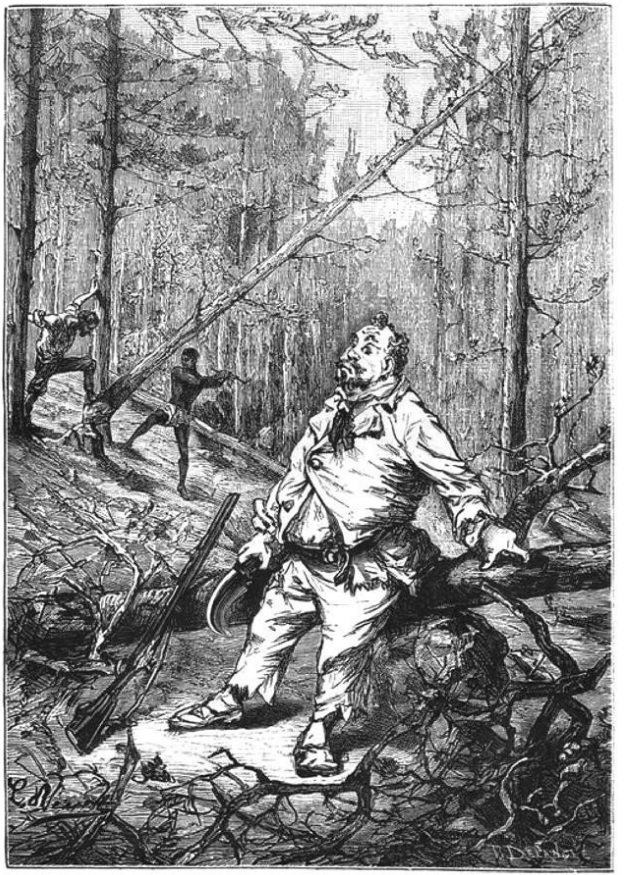
Достигнув рощицы, путники тотчас же приступили к работе. Годфри счел более разумным сначала свалить столько деревьев, сколько может понадобиться, а потом уже переправить их в Вильтри. Обрабатывать стволы на месте казалось ему более удобным.

Карефиноту, как и следовало ожидать, научился ловко обращаться с топором и пилой и стал незаменимым помощником. Благодаря физической силе, он не прерывал работы даже в те промежутки, когда Годфри останавливался передохнуть, а Тартелетт в изнеможении лежал на траве, вытянув руки и ноги, не в силах даже вытащить карманную скрипку.

Заметим, однако, что учителю танцев и изящных манер, поневоле ставшему лесорубом, Годфри дал самую легкую работу — очистку стволов от мелких ветвей. Если бы за это платили хотя бы полдоллара в день, то учитель танцев зараба-

тывал бы, наверное, не более десяти центов![34]

[34] Notes: 34
В одном долларе сто центов.



— Не по душе мне эта вылазка в лес!

Так они работали шесть дней подряд, с 12 по 17 ноября. Приходили на участок рано утром, в полдень съедали захваченный из дому обед, поздно вечером возвращались и ужинали в Вильтри. Погода стояла переменная, часто набегали тучи, то парило, то лил дождь. Наши робинзоны спасались от дождя под деревьями, а чуть только прояснялось, снова принимались за дело.

Восемнадцатого ноября отобранные для ограды деревья лежали на земле: все верхушки уже были отрублены и стволы очищены от ветвей.

В эти дни возле речки не появлялось ни одного дикого зверя. Может быть, их вообще не осталось на острове, если допустить, что убитые медведь и тигр были единственными представителями этих пород. Увы, предположение было бы совершенно невероятным!

Поэтому Годфри и не думал отказываться от своего плана — отгородить Вильтри высоким прочным забором, который мог бы их защитить от всяких неприятных неожиданностей.

К тому же было сделано самое трудное. Оставалось лишь переправить бревна к месту постройки.

Да, самое трудное было позади! И как бы они справились с переноской бревен, если бы Годфри

не пришла в голову блестящая мысль сплавить лес по реке? После обильных дождей речка стала полноводной и стремительной. Без особых затруднений можно будет составить из бревен плоты и пустить их вниз по течению. У мостика они сами остановятся и будут разобраны, а от мостика до Вильтри шагов двадцать.

Больше всех радовался учитель танцев: усердная работа восстанавливала его поколебленное достоинство.

Девятнадцатого ноября первые плоты, пущенные вниз по течению, благополучно прибыли на место и были задержаны перегородившим реку мостом. Меньше чем за три дня удалось таким образом переправить весь заготовленный лес.

Двадцать первого ноября часть бревен была уже забита в землю фута на два в глубину. Столбы с заостренными верхушками скреплялись между собой гибкими, но крепкими прутьями. Забор получился что надо!

Видя, как быстро продвигается дело, Годфри испытывал большое удовлетворение и говорил Тартелетту, что скоро они действительно будут как в крепости.

— Действительно как в крепости мы будем только на Монтгомери-стрит, в особняке вашего

дядюшки Кольдерупа, — сухо отвечал учитель.

Попробуй возразить на это замечание!

Двадцать шестого ноября забор на три четверти был готов. Вильтри оказалось в центре ограды, внутри которой было еще несколько секвой, среди них и та, где находился курятник. Сама собой напрашивалась мысль отвести часть огороженного пространства под хлев — устроить его здесь было бы совсем нетрудно.

Еще три-четыре дня, и забор будет закончен. Останется только приделать прочную дверь, и обитатели Вильтри почувствуют себя в безопасности.

Но на следующий день, 27 ноября, работу прервало одно неожиданное обстоятельство, столь же необъяснимое, как и многое другое, что происходило на острове Фины. В этот день, около восьми часов утра, Карефиноту, взобравшись на дерево по узкой трубе дупла, чтобы законопатить верхнее отверстие на случай сильного дождя или ветра, вдруг закричал во весь голос.

Годфри, занятый устройством забора, поднял голову и увидел, что негр решительными жестами подзывает его к себе наверх. Понимая, что туземец не стал бы его беспокоить по пустякам, юноша, захватив подзорную трубу, быстро

поднялся по внутренним стенкам дупла, пролез через верхнее отверстие, достиг главного разветвления и вскоре уже сидел верхом на одной из громадных веток.

Карефиноту показал ему рукой на округлый выступ, образуемый с северо-востока береговой линией острова. Там поднимался к небу густой столб дыма.

— Опять! — вскричал Годфри.

И, наведя подзорную трубу, он убедился, что на этот раз никакого обмана зрения быть не могло: дым, очевидно, шел от большого костра, так как виден был отчетливо на расстоянии примерно пяти миль.

Годфри повернулся к негру, который взглядами, возгласами и всем своим существом выражал крайнее удивление. Но и сам Годфри удивлен был ничуть не меньше.

Взору открывалась морская гладь, чистая и спокойная. Ни корабля, ни паруса, ни туземной прао — ничего, что могло бы напомнить о недавней высадке дикарей.

— Ну, на этот раз меня не проведут! Теперь уж я узнаю, от какого огня исходит дым! — воскликнул Годфри.

И указав негру на северо-восток, потом на

нижнюю часть секвойи, дал ему понять, что немедленно хочет отправиться к тому месту.

Карефиноту его не только понял, но даже одобрил этот план кивком головы.

«Если там скрывается человек, — размышлял Годфри, — я разузнаю, кто он и откуда! Нужно выяснить, почему он там прячется! Прежде всего, это необходимо знать для нашей же безопасности!»

Спустившись с дерева, Годфри рассказал Тартелетту о том, что увидел и что решил предпринять; затем предложил ему отправиться вместе с ними.

Но до северного побережья было не менее десяти миль, а Тартелетт превыше всего на свете ценил свои ноги, считая, что они предназначены только для благородных упражнений. Именно по этой причине он предпочел бы остаться в Вильтри.

— Хорошо! — сказал Годфри. — Мы пойдем одни! Но не ждите нас раньше вечера.

Захватив с собой немного провизии, чтобы позавтракать на привале, Годфри и Карефиноту простились с Тартелеттом, не преминувшим заметить, что все равно они ничего не найдут, только утомятся без надобности.

Годфри взял ружье и револьвер, а негр — топор

и свой любимый охотничий нож. Они перешли по мостику на правый берег и направились через прерию на противоположный конец острова — к тому месту, где из-за скал поднимался дым.

Это было восточней скалистого мыса, куда Годфри ходил в первый раз. Оба они шли быстрым шагом, с тревогой озираясь по сторонам и боясь, чтобы нападение зверя, притаившегося где-нибудь в кустах, не застало бы их врасплох; но нигде никого не было.

В полдень они сделали короткий привал и затем, продолжая свой путь, вскоре достигли переднего ряда прибрежных скал. До места, откуда по-прежнему поднимался дым, оставалось еще не менее четверти мили.

Годфри и Карефиноту еще быстрее пошли вперед, все время держась настороже, чтобы сохранить за собой преимущество неожиданного нападения и вместе с тем избежать опасности.

Но не прошло и двух-трех минут, как дым полностью рассеялся, будто кто-то внезапно погасил костер.

Тем не менее Годфри хорошо запомнил место, откуда поднимался дым. Это был выступ скалы, напоминавшей по форме усеченную пирамиду. Пройдя еще около четверти мили, они преодо-

лели скалистую гряду и, очутившись шагах в пятидесяти от цели, пустились бежать… Никого! Но на этот раз не совсем погасший огонь и тлеющие угли были самыми вескими доказательствами…

— Кто-то здесь был! — воскликнул Годфри. — Был только сейчас!.. Надо разузнать, кто это!..

Он подал голос… Никакого ответа!.. Карефиноту испустил оглушительный крик… Никто не отозвался!

Годфри и его спутник облазили все окрестные скалы, исследуя, нет ли поблизости какой-нибудь пещеры или грота, где мог бы спрятаться потерпевший кораблекрушение или притаиться туземец, внимательно осмотрели даже самые узкие щели и выемки. Все было напрасно: никакого подобия жилища, ни следов человеческих ног…

— Во всяком случае, — повторял Годфри, — нам теперь ясно, что дым этот не от горячего источника, а от горящего костра. Сам собою, конечно, огонь загореться не мог!

Около двух часов пополудни, утомленные напрасными поисками, разочарованные и встревоженные, Годфри и Карефиноту пустились в обратный путь к Вильтри.

Годфри шел, погруженный в свои думы. Ему ка-

залось, что остров находится во власти какой-то таинственной силы. Появление дыма, присутствие зверей — все это было крайне загадочно.

Часом позже он окончательно убедился в справедливости своих предположений, когда услышал под ногами какой-то странный шум, напоминающий шелест опавших листьев. В ту же минуту Карефиноту оттолкнул Годфри, и змея, уже готовая броситься на него, зашуршала в траве.

— Змея! — воскликнул он. — Ко всему прочему еще и змеи! Разве мало нам медведей и тигров?

Да! Это была змея — из тех, которые выдают себя специфическим шумом. Гремучая змея — гигант среди ядовитых пресмыкающихся.

Карефиноту бросился за рептилией, успевшей уже проскользнуть в густые заросли, догнал и ударом топора отсек ей голову. Обезглавленное туловище змеи билось в агонии на окровавленной земле.

Множество ядовитых змей попадалось им и на подходе к дому — в той части прерии, которая отделялась ручьем от Вильтри. По-видимому, остров Фины подвергся нападению ползучих гадов. Откуда они взялись? Почему их не было раньше? В эти тревожные минуты Годфри вспомнился

легендарный Тенос, получивший известность в древнем мире благодаря змеям, которых там было видимо-невидимо. Отсюда даже происходит название одного из видов гадюк.

— Поспешим! — крикнул Годфри Карефиноту, жестом давая понять, что нужно ускорить шаг.

L. Benett
V. Duterte

Годфри взял ружье и револьвер, а негр — топор и свой любимый охотничий нож.

Юношей овладело беспокойство. Не зная, какие еще могут случиться беды, он хотел побыстрее возвратиться в Вильтри. Предчувствие его не обмануло. Только он вступил на мостик, как послышались отчаянные вопли и мольбы о помощи.

— Это Тартелетт! — воскликнул Годфри. — Он в опасности! Бежим!

Миновав мост и пробежав еще шагов двадцать, они увидели Тартелетта, бегущего опрометью им навстречу. За ним с разинутой пастью гнался громадный крокодил, появившийся, очевидно, из реки. Несчастный учитель танцев, вне себя от страха, несся напрямик вместо того, чтобы свернуть направо или налево. Расстояние между ним и чудовищем неумолимо сокращалось… Вдруг учитель танцев споткнулся и упал. Все кончено… Он погиб…

Годфри замер, но тут же, со свойственным ему хладнокровием, не думая об опасности, сорвал с плеча карабин и прицелился крокодилу в глаз.

Хорошо направленный выстрел сразил чудовище. Крокодил прыгнул в сторону и упал без движения.

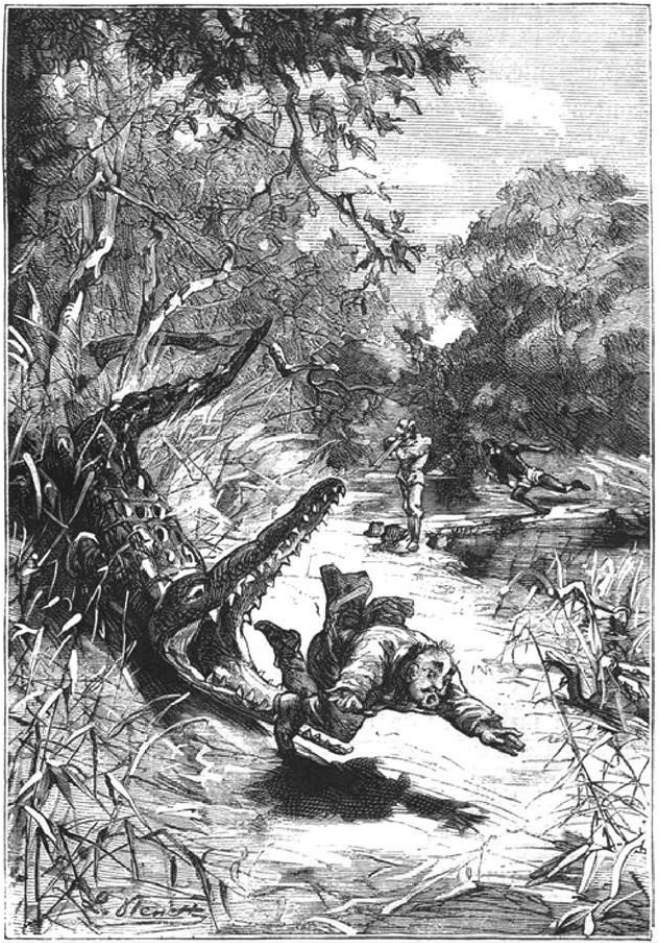
Карефиноту подбежал к учителю танцев и помог ему подняться. Тартеллет отделался одним страхом. Но каким страхом!

Было шесть часов вечера. Минутой позже Годфри и его спутники достигли большой секвойи.

Какие грустные мысли приходили им в голову за ужином! Сколько долгих бессонных ночей предстояло им провести на злополучном острове Фины, где, казалось, сама природа ополчилась на бедных робинзонов?

Учитель танцев все время повторял одни и те же слова:

— Ах, как бы я хотел отсюда уехать!.. Как хотел бы я отсюда уехать!..



За ним с разинутой пастью гнался громадный крокодил.

Глава двадцать первая, которая заканчивается удивительной репликой Карефиноту

Наступила зима, под этими широтами все же достаточно суровая. Давали себя чувствовать первые холода, и следовало ожидать дальнейшего понижения температуры. Годфри правильно поступил, перенеся очаг внутрь жилища. Работы по возведению ограды к тому времени уже закончились, а прочная дверь обеспечивала безопасность жителям Вильтри.

В течение шести недель, то есть до середины января, на острове свирепствовали такие ураганы, что уходить далеко от дома было просто невозможно. Стволы гигантских секвой раскачивались от сильного ветра, срывавшего сухие ветки, которые тут же подбирались и складывались про запас: огонь в очаге не затухал, пожирая много топлива.

Наши островитяне должны были закутаться во все теплое, что нашлось в сундуке. Во время походов за камасами больше всего выручали куски шерстяной материи, но, так как погода с каждым

днем ухудшалась, и эти экскурсии пришлось сократить до минимума. Об охоте нечего было и думать: намело столько снегу, словно остров Фины находился не в тропической зоне, а где-то у полярного круга.

Северная Америка, благодаря дующим с севера ветрам, — одна из самых холодных стран земного шара. Зима в ней длится до середины апреля, и с морозами приходится выдерживать настоящую борьбу. Поневоле напрашивался вывод, что остров Фины, вопреки предположениям Годфри, лежал примерно на тех же широтах — севернее Сан-Франциско.

Нужно было как можно лучше приспособить жилище к зиме. Правда, ветер туда не проникал, но сырость и холод ощущались. Поэтому наши робинзоны, пока хватало провизии, заботились главным образом об утеплении Вильтри. Когда стало подходить к концу засоленное черепашье мясо, пришлось принести в жертву желудку несколько коз, агути и овец, поголовье которых почти не увеличивалось с тех пор, как они попали на остров.

Было от чего предаваться грустным размышлениям!

Как раз в это время Годфри заболел сильной ли-

хорадкой, не отпускавшей его около двух недель. Не будь в его распоряжении лекарств, найденных в том же сундуке, вряд ли бы он быстро поправился. В отличие от Тартелетта, не способного оказать больному никакой помощи, Карефиноту ухаживал за ним так самоотверженно, что во многом способствовал его выздоровлению.

Трудно передать, какие Годфри испытывал муки, как он сожалел о прошлом и винил себя за все случившееся, за то ужасное безвыходное положение, в котором очутился по своей же вине! Сколько раз в лихорадочном бреду он звал свою невесту Фину и дядюшку Виля, которые находились за сотни миль, и, казалось, были для него навсегда потеряны! Как проклинал он теперь жизнь робинзона, которая так пленяла его юношеское воображение и представлялась непостижимым идеалом! И вот суровая действительность заставила его, городского жителя, испытать все трудности существования на лоне природы и даже отнять надежду вернуться когда-нибудь в родной дом…

Так прошел самый грустный из всех месяцев — декабрь, и только перед новым годом Годфри стал понемногу поправляться.

Что касается Тартелетта, то он, по милости

судьбы, чувствовал себя превосходно, хотя и не переставал охать и стонать. И подобно тому, как грот нимфы Калипсо после отъезда Одиссея «перестал оглашаться веселыми звуками», так и в Вильтри больше не звучала карманная скрипка: ее струны затвердели от холода.

Годфри тревожило не только присутствие хищных зверей, но и возможное появление туземцев: раз уж им стало известно, что на острове находятся люди, ничто им не помешает сюда вернуться, а бревенчатый забор вряд ли от них защитит. Придя к такому заключению, Годфри решил, что самым надежным убежищем будут ветви секвойи, и поэтому следует позаботиться о более быстром и удобном способе подъема, а также о защите входного отверстия от непрошеных гостей, если бы они попытались проникнуть внутрь дупла.

С помощью Карефиноту Годфри устроил в стенках секвойи ступеньки и соединил их веревкой, свитой из волокнистых растений. Таким образом в жилище робинзонов появилась лестница.

— Ну вот! — с улыбкой сказал Годфри, кончив работу. — Теперь у нас два дома: внизу — городской, а сверху — загородный.

— Я предпочел бы погреб, но только на Монтго-

мери-стрит, — ответил Тартелетт.

Наступили рождественские праздники, которые всегда так весело встречают в Соединенных Штатах Америки. Первый день нового года, наполненный радостными детскими воспоминаниями, был дождливым, снежным, холодным и мрачным.

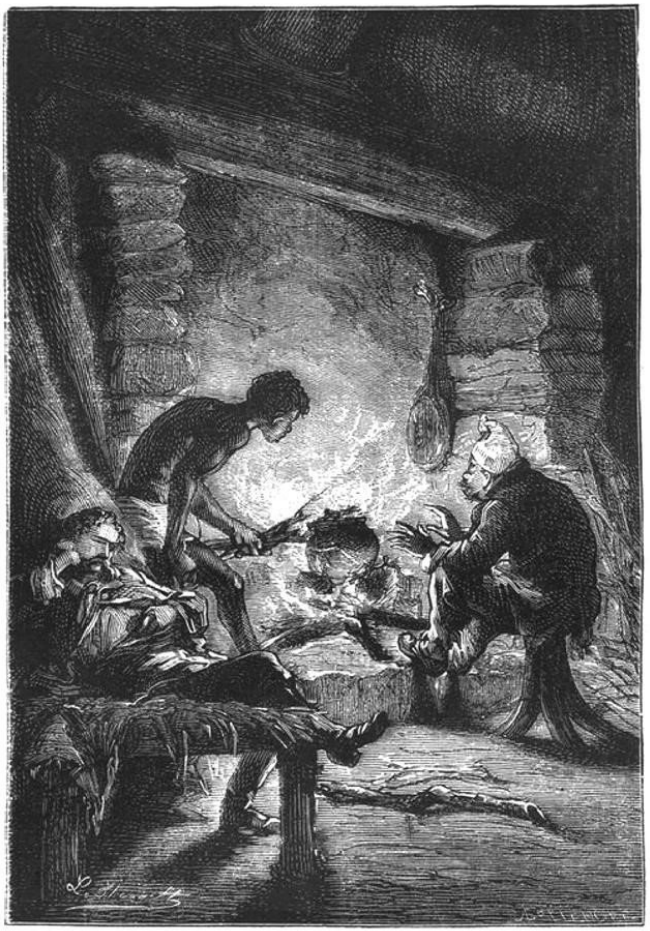
Вот уже пять месяцев, как потерпевшие крушение на «Дриме» были отрезаны от всего мира.

Начало года не только не казалось счастливым, но сулило еще более суровые испытания.

Снег шел, не переставая, до 17 января. В этот день Годфри выпустил животных на луг, чтобы они сами позаботились о пропитании.

К вечеру опять стало холодно и сыро. Остров и темные очертания секвой вскоре погрузились в глубокий мрак.

Годфри и Карефиноту, вытянувшись на своих постелях, напрасно старались заснуть. Около десяти часов они услышали доносившийся с севера отдаленный шум, который постепенно становился все отчетливее.



Так прошел самый грустный из всех месяцев — декабрь...

Ошибки быть не могло. Поблизости бродили хищные звери. К страшным завываниям тигра и гиены присоединилось дикое рычание пантеры и льва. Какой это был ужасный концерт!

Годфри, Тартелетт и негр немедленно вскочили, охваченные неописуемым страхом. Надо заметить, что Карефиноту выказывал не только страх, но и крайнее удивление.

Так в отчаянной тревоге прошло два долгих часа. Рычание слышалось все ближе и ближе и вдруг сразу прекратилось, как если бы стая диких зверей, не зная местности, по которой проходила, вдруг подалась в другую сторону. Быть может, Вильтри избежит нападения?

«Так или иначе, — думал Годфри, — если нам не удастся уничтожить всех этих зверей до последнего, покоя на острове не будет».

Вскоре после полуночи возобновился яростный рев. Хищники теперь находились в непосредственной близости от Вильтри.

Но откуда здесь взялись дикие звери? Ведь не могли же они приплыть по морю на остров Фины? Значит, они были здесь раньше, еще до появления Годфри! В таком случае, что побуждало

их так старательно прятаться и почему во время экскурсий по острову и охоты в самых отдаленных местах, если не считать случайной встречи с медведем и тигром, он ни разу не напал на их след? И где находится таинственное логово, в котором скрывались все эти львы, гиены, пантеры и тигры? Из всего непонятного, что творилось до сих пор на острове, внезапное нападение зверей было самой необъяснимой загадкой.

Карефиноту, казалось, не верил ушам своим, содрогаясь от грозного рева. При свете очага можно было заметить, как на его черном лице появлялись странные гримасы.

Тартелетт то жалобно хныкал, то причитал в своем углу. Он забрасывал Годфри вопросами, но тот не имел ни желания, ни возможности ему отвечать. Перед лицом страшной опасности юноша измышлял средства, как ее предотвратить.

Он не раз выходил с Карефиноту к бревенчатой ограде, чтобы убедиться, крепко ли заперта дверь.

Вдруг, откуда ни возьмись, стадо домашних животных со страшным шумом бросилось к Вильтри.

Козы, бараны и агути, испуганные рычанием хищных зверей и чуя их приближение, покинули

пастбище и в панике устремились к большим секвойям.

— Нужно открыть дверь! — крикнул Годфри.

Карефиноту кивнул головой в знак согласия и молча выполнил приказание.

В ту же минуту стадо ринулось внутрь загородки, а вслед за ним в глубокой темноте метнулись неясные тени и фосфорическим блеском сверкнули зловещие глаза.

Нельзя было терять ни секунды. Годфри не успел опомниться, как Карефиноту втолкнул его в дупло и закрыл дверь Вильтри. Все это туземец проделал в мгновение ока.

Но калитка забора осталась незапертой, и хищники прорвались за ограду. Снова раздался дикий рев, к которому примешивалось жалобное блеяние скота.

Годфри и Карефиноту, прильнув к окошкам, прорубленным в коре секвойи, с трепетом следили за кровавой оргией хищников.

Тигры или львы, пантеры или гиены — в темноте нелегко было разобрать, какие именно звери, — накинулись на домашних животных.

Тартелетт, в припадке безумного страха, схватил ружье и, просунув его наружу, собирался спустить курок.

Годфри успел его удержать.

— Остановитесь! — сказал он учителю. — В такой темноте почти невозможно попасть в цель, а у нас не так много зарядов, чтобы тратить попусту. Нужно подождать до рассвета!

И он был прав. Скорее, чем хищных зверей, пули могли сразить домашних животных, которых было значительно больше. Спасти их теперь казалось совершенно невозможно. Пожалуй, даже благоразумнее было ими пожертвовать, чтобы дикие звери, насытившись, убрались еще до рассвета из Вильтри. Тогда будет время поразмыслить, как уберечься от нового нападения.

«Лучше всего, — думал Годфри, — воспользоваться ночным мраком, чтобы не выдать хищникам своего присутствия и не дать им повода предпочесть людей домашним животным».

Но обезумевший от ужаса Тартелетт не способен был внимать ни просьбам, ни уговорам. И тогда Годфри без лишних слов отобрал у него ружье. Учитель танцев в отчаянии упал на свою постель, проклиная и путешествия, и путешественников, и вообще всех маньяков, которым не сидится дома.

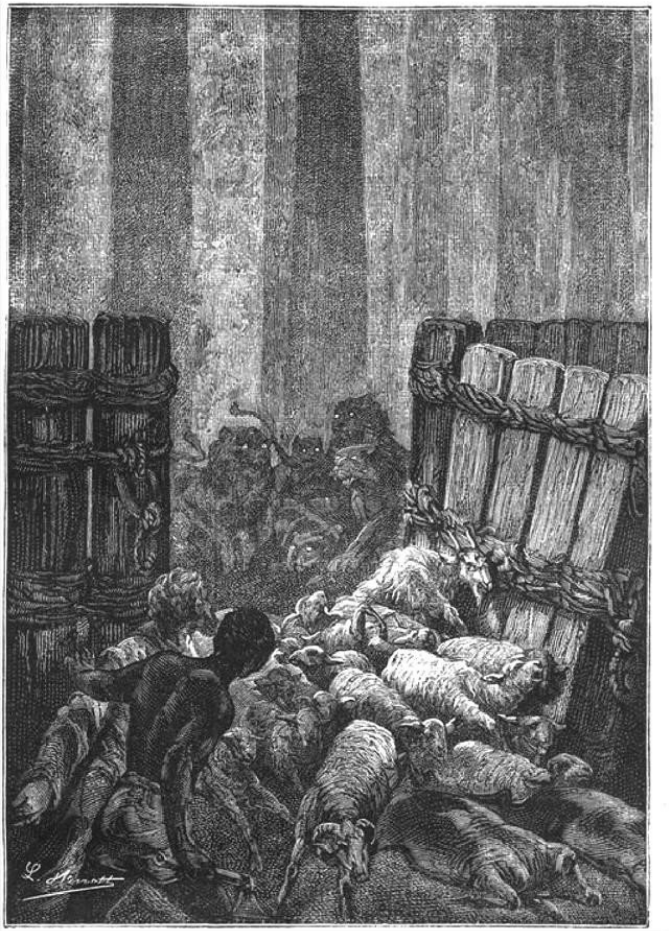
Тем временем Годфри с Карефиноту снова заняли наблюдательные посты, не в силах помешать

ужасной резне, происходившей в нескольких шагах от Вильтри. Блеяние коз и баранов мало-помалу стихло. По-видимому, часть стада звери уже успели растерзать, а уцелевшие животные выбежали за ограду — навстречу неминуемой смерти. Гибель домашнего скота была невосполнимой потерей для маленькой колонии. Но будущее сейчас мало занимало Годфри, все его мысли были поглощены настоящим.

Около часа ночи рычание и вой хищников на несколько минут прекратились, но Годфри и Карефиноту продолжали стоять у окошек: им казалось, что в ограде Вильтри мелькают огромные тени. Доносился неясный шум.

Должно быть, прибежали и другие звери, привлеченные запахом крови. Они обнюхивали гигантское дерево и сновали вокруг него с сердитым рычанием. Некоторые из этих прыгающих теней напоминали огромных кошек. Очевидно, одного стада им было мало: хищников дразнили запахи человеческого жилья.

Годфри и его товарищи боялись пошевельнуться. Сохраняя полное молчание, они надеялись избежать вторжения зверей внутрь секвойи.



В ту же минуту стадо ринулось внутрь загородки, а вслед за ним в глубокой темноте метнулись неясные тени и фосфорическим блеском сверкнули зловещие глаза.

Но злосчастный поступок Тартелетта открыл хищникам присутствие людей и свел на нет все предосторожности.

Одержимый галлюцинациями, учитель танцев схватил револьвер и выстрелил наугад, воображая, что на него набросился тигр. Раньше, чем Годфри и Карефиноту успели ему помешать, пуля прошла через дверь Вильтри.

— Несчастный! Что вы сделали! — воскликнул Годфри, подбегая к Тартелетту, в то время как Карефиноту успел отобрать у него оружие.

Но было уже поздно. В ответ на выстрелы раздалось рычание… Хищники бросились в атаку. Громадные когти раздирали кору секвойи, трясли дверь, недостаточно прочную, чтобы противостоять подобному натиску.

— Надо защищаться! — крикнул Годфри.

Схватив ружье и привесив к поясу патронташ, он снова занял свой пост у одного из окошек.

К его удивлению, Карефиноту сделал то же самое. Да! Туземец схватил другой карабин — оружие, которым они никогда до этого не поль-

зовались, — наполнил карманы патронами и тут же устроился у второго окошка.

И вот сквозь амбразуру загремели выстрелы. При свете вспышек Годфри и Карефиноту смогли разглядеть своих врагов.

Внутри ограды, воя от ярости, беснуясь от выстрелов, прыгали и падали под пулями львы и тигры, гиены и пантеры — не менее двух десятков зверей! Их оглушительный рев разносился так далеко, что ему вторили хищники, бродившие в окрестностях Вильтри. Уже можно было расслышать завывания, доносившиеся из леса и прерии. Звери выли все громче, с каждой минутой все ближе подбираясь к Вильтри. Не иначе как на остров Фины кому-то вздумалось выпустить целый зверинец!

Не обращая внимания на Тартелетта, который в эти критические минуты терял голову, Годфри и Карефиноту хладнокровно продолжали стрельбу. Чтобы не терять даром патронов и бить без промаха, они выжидали появления какой-нибудь тени, затем прицеливались и стреляли в нее. Раздался дикий рев, показавший, что пуля сделала свое дело.

Не иначе как на остров Фины кому-то вздумалось выпустить целый зверинец!

Через четверть часа вой прекратился, потому ли, что звери устали от непрерывных атак, стоивших многим из них жизни, или потому, что ждали рассвета, чтобы возобновить нападение в более благоприятных условиях.

Что бы там ни было, ни Годфри, ни Карефиноту не отходили от смотровых окошек. Негр стрелял так же хорошо, как и Годфри, и если им руководил только инстинкт подражания, то нужно признаться, что этот инстинкт был у него поразительно развит.

Около двух часов ночи хищники в удвоенном количестве и с удвоенной яростью ринулись в новую атаку. Опасность была неминуемой, защищаться становилось почти невозможно. У подножья секвойи раздался яростный рев. Годфри и Карефиноту со своих наблюдательных постов продолжали бить по метущимся теням. Звери трясли и царапали когтями дверь. В любой момент она могла рухнуть… Через щели доносилось горячее дыхание хищников, стремящихся прорваться в Вильтри.

Годфри и Карефиноту пытались укрепить дверь кольями, на которых держались топчаны, но это

была напрасная попытка: дверь сотрясалась от натиска и трещала от могучих толчков.

Годфри понимал, что дальнейшая борьба бесполезна. Если звери ворвутся в Вильтри, огнестрельное оружие не поможет. Юноша стоял, скрестив руки, и с ужасом глядел, как сотрясалась сверху донизу дверь. Больше ничего он не мог предпринять.

В отчаянии он провел рукой по лбу, но тут же овладел собой и крикнул:

— Наверх! Все наверх!

И указал рукой на узкий проход в дупле, выходивший к разветвлению большой секвойи.

Не медля ни минуты, они с Карефиноту, захватив ружья, револьверы и боеприпасы, стали искать Тартелетта, чтобы силой заставить его последовать за ними. До сих пор учитель танцев никак не мог решиться влезть на такую высоту.

Но Тартелетта нигде не оказалось. Пока его товарищи стреляли, напуганный учитель танцев, по-видимому, забрался туда по внутренней лестнице.

— Наверх! — повторил Годфри.

Это было последнее убежище, где можно было чувствовать себя в безопасности. В любом случае, если тигр или пантера вздумают подняться

до разветвления Вильтри, можно будет отбить нападение, обстреляв выходное отверстие, через которое они должны будут проникнуть.

Не успели еще Годфри и Карефиноту подняться на тридцать футов, как внутри секвойи послышалось рычание. Очевидно, дверь была сорвана. Опоздай они на несколько минут, их ждала бы неминуемая гибель.

Ускорив подъем, они быстро достигли верхнего отверстия дупла. Вдруг раздался душераздирающий крик. Бедный Тартелетт вообразил, что к нему взбирается пантера или тигр. Несчастный танцмейстер висел на тонкой ветке, вцепившись в нее руками и ногами; ветка сгибалась под его тяжестью и готова была обломиться.

Карефиноту протянул ему руку, заставил спуститься пониже и привязал к дереву своим поясом. Затем Годфри и туземец расположились с разных сторон у развилки, чтобы держать выход из дупла под перекрестным огнем.

Прошло несколько минут тягостного ожидания.

По-видимому, в этих условиях осажденные были в полной безопасности.

Годфри старался разглядеть, что происходит внизу, но в кромешной тьме ничего нельзя было

различить. Он начал прислушиваться. Судя по тому, что рычание не прекращалось, звери не собирались покинуть Вильтри.

Вдруг около четырех часов утра внизу, у подножья дерева, мелькнул яркий свет. Это засветились окна, и в то же время из отверстия дупла повалил едкий дым, поднимавшийся к верхним ветвям.

— Что там случилось? — воскликнул Годфри. И тут же догадался, что это такое.

Звери, проникнув внутрь Вильтри, раскидали уголь из очага. Загорелись деревянные топчаны, стол, табуретки, а затем воспламенилась и высохшая кора дерева. Гигантская секвойя горела на самом основании ярким пламенем.

Положение сделалось еще ужаснее, чем прежде. Пламя пожара осветило все вокруг, и можно было видеть, как испуганные звери метались у подножья секвойи.

Почти в ту же минуту раздался оглушительный взрыв, потрясший до основания весь ствол гигантского дерева. Сильный напор воздуха вырвался из верхнего отверстия дупла, как при выстреле из оружейного дула.

Это взорвался хранившийся в Вильтри остаток пороха.

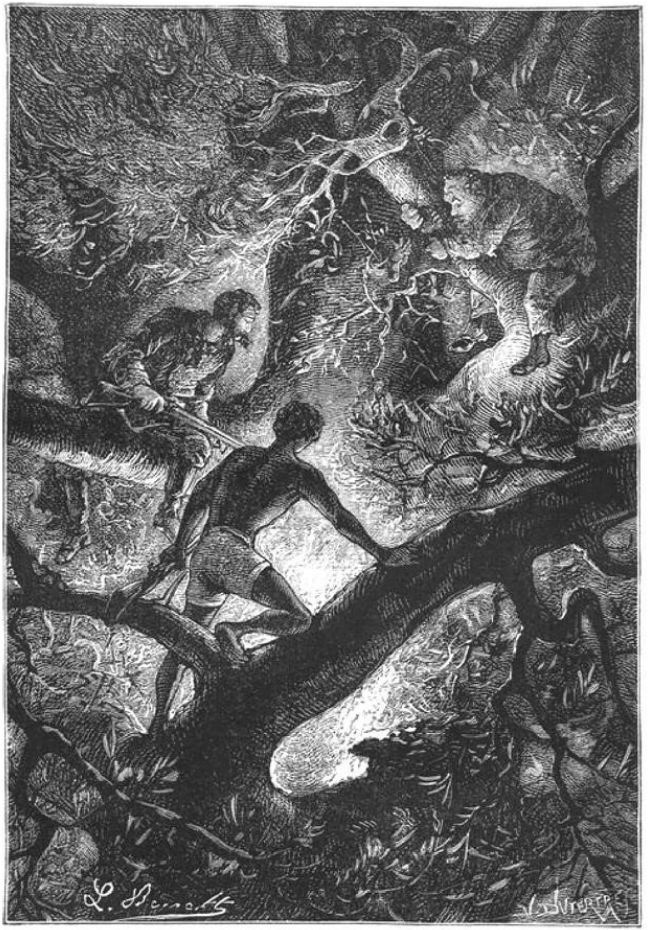
Годфри и Карефиноту чудом удержались на ме-

сте, а Тартелетта спасло то, что он был привязан к ветвям.

Испуганные звери бросились наутек. Благодаря вспышке пороха, дерево загорелось с еще большей силой. Огонь поднимался внутри огромного ствола, как по вытяжной трубе. Громадные языки пламени лизали внутренние стенки секвойи и доходили до самого разветвления. Сухая кора лопалась с треском, подобно револьверным выстрелам. Зарево пожара освещало не только группу секвой, но и все побережье, от Флагпункта до южного мыса Дримбея.

Огонь быстро распространялся и доходил уже до первого разветвления Вильтри, угрожая Годфри и его спутникам. Неужели им суждено погибнуть в этом огне, против которого они бессильны? Неужели у них остался только один выход — броситься отсюда на землю? Но и в этом случае их ждала верная смерть!

Годфри мучительно соображал, нельзя ли найти какое-нибудь средство для спасения, но придумать ничего не мог. А между тем загорались уже нижние ветви, и густая пелена дыма, обволакивая все вокруг, закрывала от взоров проблески утренней зари.



Огонь быстро распространялся.

Вдруг раздался ужасный треск. Сгоревшая у основания секвойя подломилась и стала медленно падать.

Годфри и его спутники считали себя уже погибшими. Но, к счастью, большая секвойя при падении уперлась в ветви соседних деревьев и осталась в наклонном положении, образуя над поверхностью земли угол в сорок пять градусов.

— Девятнадцатое января! — прозвучал чей-то голос, показавшийся Годфри удивительно знакомым.

Неужели это сказал Карефиноту?.. Да, Карефиноту! Это он, не понимавший до сих пор по-английски, заговорил на английском языке!

— Ты говорил по-нашему? — воскликнул Годфри, спускаясь к нему по веткам.

— Да, я хочу сказать, — ответил Карефиноту, — что сегодня, девятнадцатого января, сюда на остров должен приехать ваш дядя Виль, и если он не приедет — мы пропали!

Глава двадцать вторая, в которой объясняется все, что казалось до сих пор необъяснимым

Прежде чем Годфри успел ответить, неподалеку от Вильтри прогремели ружейные выстрелы.

В ту же минуту хлынул грозовой дождь, настоящий ливень, загасивший пламя, грозившее уже перекинуться на соседние деревья, к которым, падая, прислонилась большая секвойя.

После всех необъяснимых явлений на Годфри обрушилась новая лавина загадок: Карефиноту, вдруг заговоривший, как истый лондонец, на чистейшем английском языке, сообщение о скором прибытии дядюшки Виля и, наконец, эти неожиданные ружейные выстрелы.

Годфри казалось, что он сходит с ума, но у него не было времени проверить свои ощущения. Не прошло и пяти минут после того, как раздались выстрелы, когда из-за деревьев показалось несколько матросов во главе с капитаном Тюркотом.

Годфри и Карефиноту тут же стали спускаться по наклонному стволу, хотя внутренние стенки

секвойи были еще охвачены огнем.

Не успел Годфри сойти на землю, как его окликнули два радостных голоса, которые нельзя было не узнать.

— Племянник Годфри! Честь имею кланяться!

— Годфри!.. Дорогой Годфри!..

— Дядя Виль!.. Фина!.. Это вы?.. — отозвался окончательно сбитый с толку юноша.

Еще через несколько секунд он обнимал их обоих.

Между тем два матроса, по команде капитана Тюркота, быстро влезли на секвойю, отвязали злополучного Тартелетта и спустили его вниз со всеми предосторожностями и подобающим его персоне почтением.

И тут посыпались вопросы, ответы, объяснения…

— Дядя Виль! Неужели это вы?

— Да! Как видишь!

— Но как вам удалось открыть остров Фины?

— Остров Фины? — переспросил Кольдеруп. — Ты хочешь сказать остров Спенсер? О, это не составило большого труда, так как я купил его шесть месяцев назад.

— Остров Спенсер?

— И ты назвал его моим именем, милый Годф-

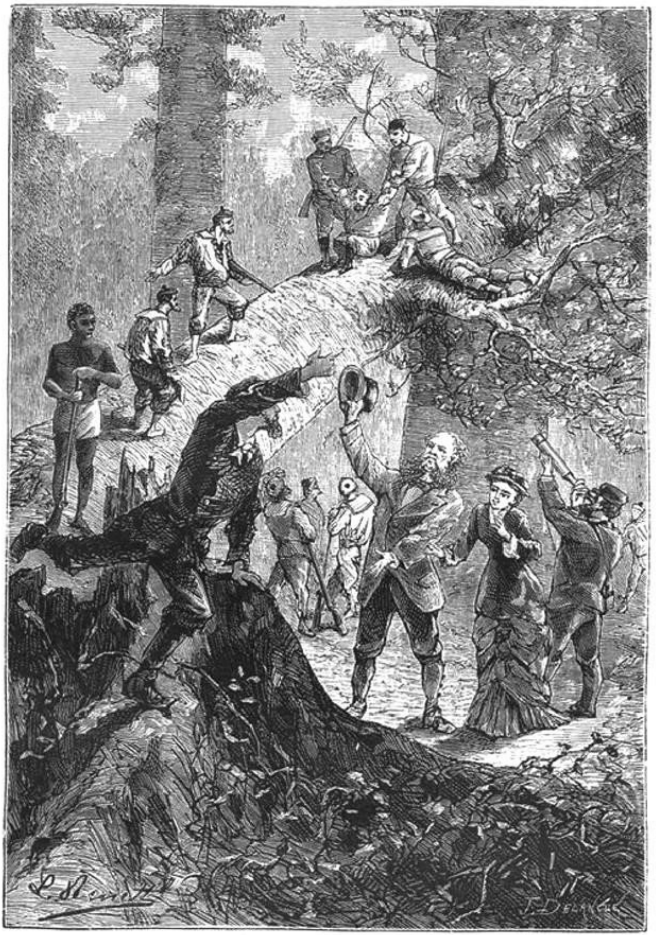
ри? — спросила Фина.

— Ну и что ж! Это имя мне нравится, так и будем впредь его называть! — заметил Уильям Кольдеруп. — Но до сих пор для географов это был остров Спенсер; он находится в трех днях пути от Сан-Франциско. Я счел полезным отправить тебя сюда, чтобы ты познал на собственном опыте, что такое жизнь робинзона.

— Что вы говорите, дядя? — воскликнул Годфри. — Если это правда, то, конечно, мне воздано по заслугам. Но как же тогда объяснить кораблекрушение «Дрима»?

— Это была инсценировка! — засмеялся Уильям Кольдеруп, бывший в самом благодушном настроении, в каком его когда-либо видели. — По моему указанию капитан Тюркот наполнил водобалластные отделения, и судно немного опустилось. Поэтому ты и вообразил, что корабль тонет. Но как только капитан убедился, что вы с Тартелеттом выбрались на берег, он дал задний ход и через три дня преспокойно вернулся в Сан-Франциско. И на «Дриме» же в назначенный мною день мы вернулись за тобой на остров Спенсер.

— Значит, никто из экипажа не погиб при кораблекрушении? — спросил Годфри.



— Племянник Годфри! Честь имею кланяться!

— Никто… Разве тот несчастный китаец, который прятался в трюме. По крайней мере, его нигде не нашли.

— А пирога?

— Фальшивая. Ее построили по моему указанию.

— А дикари?

— Тоже фальшивые. К счастью, ты никого из них не убил.

— А Карефиноту?

— Такой же, как и все остальные. Это мой верный Джип Брасс, который, как я вижу, великолепно сыграл назначенную ему роль Пятницы.

— Да! — проговорил Годфри. — Он дважды спас мне жизнь: при встрече с медведем и с тигром.

— С поддельным медведем и искусственным тигром, — сказал Кольдеруп, надрываясь от смеха. — Оба чучела были привезены на остров незаметно для тебя Джипом Брассом и его спутниками.

— Но ведь звери ворочали головой и лапами…

— При помощи пружины, которую Джип заводил ночью, за несколько часов до твоих встреч с хищниками, которые он же и подстраивал.

— Так вот оно что! — пробормотал Годфри,

немного сконфуженный, что дал себя так легко провести.

— Да, дорогой племянник, на твоем острове все было слишком благополучно, и потому я доставил тебе несколько случаев поволноваться.

— Тогда, — ответил Годфри, не в силах удержаться от смеха, — раз уж вам захотелось дать мне такой урок, то зачем же было присылать сундук со всеми необходимыми вещами?

— Сундук? — удивился Кольдеруп. — Какой сундук? Я не посылал тебе никакого сундука! Уж не ты ли это постаралась?..

И он выразительно взглянул на Фину, которая от смущения опустила глаза и потупила голову.

— Теперь мне понятно, — продолжал Кольдеруп. — В таком случае у Фины должен быть соучастник... — И дядюшка резко повернулся к капитану Тюркоту, который разразился звонким смехом.

— Как вам угодно, мистер Кольдеруп, — сказал капитан, — с вами я еще могу не соглашаться... но слишком трудно было бы отказать мисс Фине. И вот... четыре месяца назад, когда вы послали меня проверить, что делается на острове, я отправил туда шлюпку с этим самым сундуком.

— Фина! Моя милая Фина! — произнес растро-

ганный Годфри, протягивая девушке руку.

— Но капитан Тюркот! Вы же обещали мне держать все в секрете, — сказала, зардевшись, Фина.

Дядюшка Кольдеруп, укоризненно покачав головой, напрасно пытался скрыть волнение.

Но если Годфри слушал все эти объяснения с веселой улыбкой, то Тартелетт совсем не смеялся! Ему было не до смеха! То, что он только что узнал, потрясло его до глубины души, буквально уничтожило! Как это он, известнейший учитель танцев и изящных манер, стал жертвой подобной мистификации?

Он вышел вперед с видом оскорбленного достоинства и спросил:

— Может быть, вы будете утверждать, мистер Кольдеруп, что гнавшийся за мной крокодил тоже был заводной и сделан из картона?

— Крокодил? — удивился дядюшка.

— Да, мистер Кольдеруп, — заметил Карефину, которому пора уже возвратить его настоящее имя — Джип Брасс. — За господином Тартелеттом действительно гнался живой крокодил.

Тогда Годфри рассказал обо всем, что случилось за последнее время: о внезапном нападении огромного количества хищников — львов, тигров, пантер, затем о нашествии змей, которые до

этого, за все четыре месяца, ни разу на острове не показывались.

Тут уже пришла очередь удивляться Уильяму Кольдерупу. Он ничего не мог понять. Ведь доподлинно было известно, что на острове Спенсер не водилось ни хищных зверей, ни ядовитых пресмыкающихся. Это даже специально оговаривалось в продажном реестре. В равной степени он не мог понять, кто разводил костры, которые тщетно пытался обнаружить Годфри в разных концах острова, наблюдая за появлением дыма. Итак, выходило, что многие события, происходившие на острове, не были предусмотрены программой.

Что же касается Тартелетта, то он был не из тех людей, которых можно поймать на удочку. Он не поверил ни одному слову Кольдерупа. По его мнению, все было настоящее: и кораблекрушение, и дикари, и хищные звери. И никто бы его не разуверил в подлинности того эпизода, когда он проявил недюжинную храбрость, с первого же выстрела сразив наповал предводителя отряда полинезийцев. Нет, он не мог допустить, что это был один из служащих Кольдерупа, который только притворился убитым и в настоящее время наслаждался таким же отменным здоровьем, как

и сам учитель танцев.

Итак, всему нашлось объяснение, кроме непонятного нашествия зверей и загадочного появления дыма. Даже Уильяму Кольдерупу поневоле пришлось призадуматься. Но, будучи человеком практичным, он решил на некоторое время отложить эти вопросы и обратился к племяннику с такими словами:

— Годфри, ты с детства любил необитаемые острова, и, я думаю, тебе будет приятно услышать, что я дарю тебе этот остров! Ты можешь здесь жить, сколько хочешь. Я не собираюсь увозить тебя отсюда насильно. Если хочешь быть робинзоном, будь им хоть до конца дней своих, если тебе это доставляет удовольствие…

— Быть робинзоном?.. Всю жизнь?.. — произнес озадаченный Годфри.

— Ты в самом деле, Годфри, хочешь остаться на острове? — спросила Фина.

— Нет, уж лучше умереть, чем остаться здесь! — воскликнул Годфри, не на шутку испуганный такой перспективой. Но затем он отступил назад и взял руку Фины.

— Пожалуй, — сказал он с лукавой улыбкой, — я остался бы здесь, но только на следующих условиях: во-первых, чтобы и ты осталась вместе со

мной, дорогая Фина, во-вторых, чтобы дядюшка Виль согласился жить с нами, и, наконец, чтобы священник с «Дрима» сегодня же нас обвенчал.

— На «Дриме» нет священника, и ты это прекрасно знаешь, — возразил племяннику Уильям Кольдеруп, — но в Сан-Франциско, надеюсь, они еще есть. Полагаю, что любой пастор согласится оказать нам такую услугу. Итак, завтра мы отправимся в путь!

Фина и дядюшка Виль выразили желание осмотреть остров, и Годфри сначала подвел их к секвойям, а потом вдоль речки до мостика.

Увы! От жилища в Вильтри не осталось никаких следов! Пожар полностью уничтожил их квартиру, устроенную в дупле дерева. Если бы не своевременный приезд Уильяма Кольдерупа, наши робинзоны погибли бы от голода, холода и диких зверей.

— Дядя Виль, — сказал Годфри. — Если острову я дал имя Фины, то дерево, в котором мы обитали, я назвал в вашу честь — Вильтри.

— Хорошо! — сказал Кольдеруп. — Мы захватим с собой семена этой секвойи и посеем их в моем саду во Фриско.

Во время прогулки они видели в отдалении несколько хищных зверей, которые, однако, не

решались напасть на такую многочисленную и шумную компанию.

Но откуда все же взялись эти звери?

После прогулки все отправились на пароход, причем Тартелетт попросил разрешения захватить с собой в качестве вещественного доказательства убитого крокодила.

Вечером все собрались в рубке «Дрима» и за веселым ужином отпраздновали благополучное завершение испытаний Годфри Моргана и его обручение с Финой Холланей.

На другой день, 20 января, «Дрим» под командованием капитана Тюркота пустился в обратный путь. В восемь часов утра Годфри не без грусти заметил, как на западе исчезли туманные очертания острова, на котором он провел шесть месяцев и получил жизненные уроки, которых никогда не забудет.

Во время переезда море было спокойно, и ветер благоприятствовал нашим путешественникам. На этот раз «Дрим» шел прямо к цели, никого не вводя в заблуждение отклонениями от курса, как в первое плавание. Теперь не было необходимости терять ночью то, что приобреталось днем.

Двадцать третьего января в двенадцать часов пополудни судно прошло через Золотые Ворота

в бухту Сан-Франциско и пришвартовалось у набережной Мерчент-стрит.

И вот что тогда произошло.

Из глубины трюма вдруг вышел человек, который вплавь добрался до «Дрима» с острова Фины и остался незамеченным во время всего переезда.

Кто же был этот человек?

Не кто иной, как китаец Сенг-Ву, проделавший на том же корабле обратный путь в Сан-Франциско.

Китаец подошел к Уильяму Кольдерупу и вежливо сказал:

— Простите меня, мистер Кольдеруп, я сел на ваше судно в полной уверенности, что оно отправится в Шанхай. Но поскольку корабль возвратился в Сан-Франциско, мне приходится здесь с вами расстаться.

Удивленные появлением этого человека, глядевшего на них с улыбкой, пассажиры «Дрима» не знали, что ответить ему и стояли в растерянности.

Первым нарушил молчание Кольдеруп.

— Но, полагаю, что не в трюме же ты скрывался все эти шесть месяцев?

— Нет, — ответил Сенг-Ву.

— Так где же ты был?

— На острове!

— На острове? — переспросил Годфри.

— Да, — ответил китаец.

— Значит, этот дым?..

— Был от моего костра…

— Почему же ты не пришел к нам, чтобы жить вместе с нами?

— Китайцу лучше быть одному, — серьезно ответил Сенг-Ву. — Ему достаточно самого себя и больше никого не нужно.

Сказав это, чудак поклонился Уильяму Кольдерупу, сошел с парохода и исчез в толпе.

— Вот кто был настоящим робинзоном! — воскликнул дядя Виль. — Как тебе кажется, Годфри, похож ли ты на него?

— Ладно! — ответил Годфри — Дыму мы нашли объяснение, но откуда все-таки взялись дикие звери?

— И главное, мой крокодил! — прибавил Тартелетт. — Надеюсь, что мне наконец объяснят, как он туда попал?

Уильям Кольдеруп, чувствуя себя окончательно сбитым с толку, провел рукой по лбу, как бы отгоняя набежавшее на него облако.

— Это мы узнаем позже, — сказал он. — Нет

ничего тайного, что не стало бы явным.

Через несколько дней с большой торжественностью была отпразднована свадьба племянника Уильяма Кольдерупа и его воспитанницы. Можете не сомневаться, что многочисленные друзья коммерсанта сердечно их поздравили и пожелали всяческих благ.

Во время церемонии Тартелетт блестяще продемонстрировал свое искусство держаться в обществе: манеры его были самые изысканные, обращение самым утонченным. Ученик ни в чем не уступал ему и вел себя настолько безупречно, что еще больше повысил репутацию учителя танцев и изящных манер.

После свадьбы Тартелетт занялся своим крокодилом. Так как его нельзя было наколоть на булавку, о чем танцмейстер очень сожалел, оставалось только одно — сделать из него чучело с расправленными лапами и полураскрытой пастью; крокодил будет подвешен к потолку и послужит прекрасным украшением комнаты учителя танцев.

Крокодила отослали к знаменитому чучельнику, который через несколько дней доставил его в лучшем виде в особняк на Монтгомери-стрит.

Все удивлялись величине чудовища, едва не

проглотившего Тартелетта.

— Знаете, откуда этот крокодил? — спросил чучельник у Кольдерупа.

— Понятия не имею, — ответил дядя Виль.

— К его чешуе была прикреплена этикетка.

— Этикетка? — удивился Годфри.

— Да, вот она! — сказал мастер.

И он протянул кусок кожи, на котором несмываемыми чернилами были написаны следующие слова:

От Гагенбека из Гамбурга
Дж. Р. Таскинару, Стоктон, США.

Прочитав эту надпись, мистер Кольдеруп разразился громовым хохотом.

Он все понял.

Итак, это была месть со стороны его побежденного соперника Таскинара. Это он накупил у Гагенбека — владельца всемирно известного зоологического сада — хищных зверей, пресмыкающихся и других животных и отправил их на остров Спенсер. Конечно, такая затея стоила недешево, но зато он нанес вред врагу. Если верить легенде, точно так же поступили англичане с Мартиникой, прежде чем сдать ее французам.

Теперь стало ясно все, что происходило на ост-

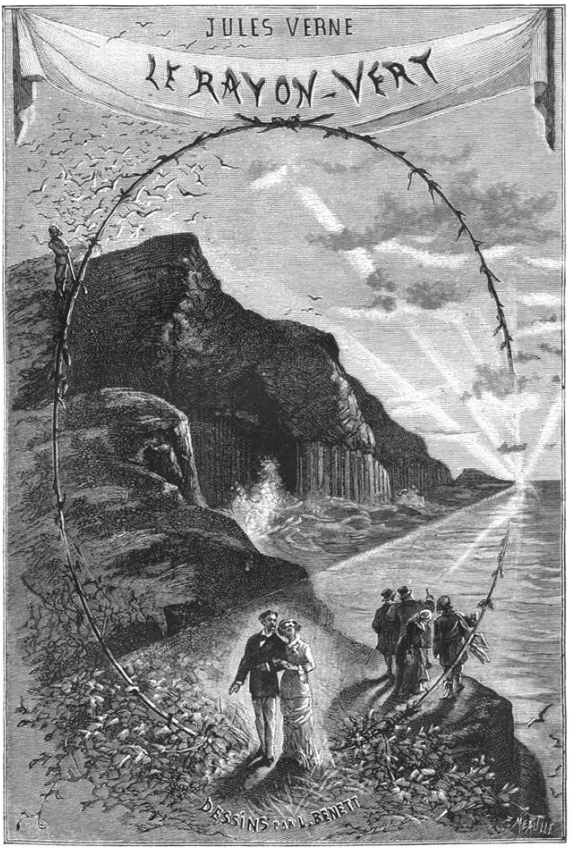
рове Фины.

— Ловко сыграно! — воскликнул Кольдеруп. — Даже я не сумел бы выдумать лучше, чем этот старый плут Таскинар.

— Но теперь из-за этих ужасных зверей остров Спенсер… — начала Фина.

— Остров Фины, — поправил ее Годфри.

— …остров Фины, — продолжала, улыбаясь, молодая женщина, — снова станет необитаемым.


JULES VERNE
LE RAYON-VERT
DESSINS PAR L. BENETT

— Что ж, — заметил дядюшка Кольдеруп. — Придется подождать, пока последний лев не съест последнего тигра.

— И тогда, дорогая Фина, ты не побоишься провести там со мной лето? — спросил Годфри.

— С тобой, мой Годфри, я готова ехать куда угодно, — ответила Фина, — а так как тебе все же не удалось совершить кругосветное путешествие…

— То мы его совершим вместе! — воскликнул Годфри. — А если волей судьбы мне придется стать настоящим робинзоном…

— То возле тебя всегда будет преданная робинзонша!

Два года каникул

JULES VERNE
DEUX ANS
DE VACANCES
DESSINS PAR L. BENETT

Часть первая
Глава первая

Буря. – Неоснащенная яхта. – Четыре мальчика на палубе «Слау». – Изорванный фок. – Осмотр внутреннего помещения яхты. – Полузадушенный юнга. – Кормовая волна. – Вид берега в утреннем тумане. – Подводные скалы.

Ночью 9 марта 1860 года тучи, сливаясь с морем, заслоняли горизонт.

Среди бушующих волн с синеватым отблеском неслось легкое судно почти без парусов. То была яхта водоизмещением в сто тонн.

Эта яхта носила название «Слау», но слово это нельзя было разобрать на корме, так как часть ее над гакабортом была оторвана волной.

Было одиннадцать часов вечера. На этой широте в начале марта ночи еще коротки. Рассветает в пять часов утра. Но уменьшится ли опасность, угрожающая «Слау», когда взойдет солнце? Не

останется ли хрупкое судно во власти волн? Разумеется, только прекращение шквала могло спасти его от ужасного крушения посреди океана, вдали от земли, где бы оставшиеся в живых могли найти себе спасение.

На корме «Слау» у рулевого колеса стояли три мальчика, одному из них было 14 лет, а двум другим по 13 лет. На палубе был еще юнга, двенадцатилетний негр. Они употребляли все силы, чтобы отражать натиск волн, которые могли опрокинуть яхту. Это было очень трудно, так как колесо, вертевшееся вопреки их усилиям, могло выбросить их за борт. Около полуночи в борт яхты ударила такая сильная волна, что только чудом не снесло руль. Мальчики, упавшие на палубу, вскочили.

— Действует ли руль, Бриан? — спросил один из них.

— Да, Гордон, — ответил Бриан, снова заняв свое место с прежним хладнокровием.

— Держись крепко, Донифан, и не будем терять присутствия духа! Кроме нас, есть еще другие, кого надо спасти.

Эти слова были сказаны по-английски, хотя выговор Бриана обнаруживал его французское происхождение.

Бриан спросил у юнги:

— Ты не ушибся, Моко?

— Нет, господин Бриан, — ответил тот. — Нужно употребить все усилия, чтобы не дать яхте накрениться, иначе мы перевернемся.

В эту минуту открылся люк, ведущий в кают-компанию. На уровне палубы показались две маленькие головки и раздался лай выскочившей собаки.

— Бриан, Бриан! — кричал девятилетний мальчик. — Что случилось?

— Ничего, Айверсон, — ответил Бриан. — Отправляйся вниз с Долем, да поскорей.

— Нам очень страшно, — добавил другой мальчик, поменьше первого.

— А другие что? — спросил Донифан.

— Другие также боятся, — отвечал Доль.

— Ступайте все прочь, — сказал Бриан. — Запритесь, спрячьтесь под одеяло, закройте глаза, и вам не будет страшно. Опасности нет.

— Осторожнее, волна! — воскликнул Моко.

Вал с силой ударился о корму яхты, но на этот раз, к счастью, не залил «Слау», иначе вода проникла бы внутрь через люк на лестницу, и отяжелевшая яхта не смогла бы удержаться на поверхности воды.

— Уходите прочь! — закричал Гордон. — Уходите, иначе вы будете иметь дело со мной.

— Ну, ступайте, детки, — добавил Бриан более ласковым тоном.

Обе головки исчезли в ту минуту, когда третий мальчик, показавшийся в люке, спросил:

— Не помочь ли, Бриан?

— Нет, Бакстер, — ответил Бриан. — Кросс, Феб, Сервис, Уилкокс и ты, оставайтесь с детьми. Нас четверых будет достаточно на палубе.

Бакстер запер дверь.

На этой яхте, уносимой ураганом, были только дети. Их было пятнадцать, считая Гордона, Бриана, Донифана и юнгу. Как же случилось, что

они пустились в плавание? Об этом мы узнаем позже.

На яхте не было никого из взрослых. Ни капитана, чтобы распоряжаться, ни матросов, чтобы исполнять приказания, ни рулевого, чтобы управлять в такую бурю. Никого!

Никто не мог определить точного положения яхты.

Что же случилось? Погиб ли экипаж яхты? Не захватили ли его малазийские пираты, оставив только юных пассажиров, предоставленных самим себе? Старшему из них было только четырнадцать лет. Для яхты водоизмещением в сто тонн необходимо по крайней мере иметь капитана, пять или шесть матросов, а из всей команды остался только юнга! Откуда же шла эта яхта и куда?

На все эти вопросы, которые мог бы предложить капитан встретившегося судна яхте «Слау», дети, без сомнения, могли бы ответить; но нигде не было видно ни судна, ни океанских пароходов, ни торговых, ни парусных судов, которые Европа или Америка посылают сотнями к портам Тихого океана. Если бы даже и встретилось парусное или паровое судно, то из-за бури оно не могло бы помочь яхте, которую море подбрасывало, как

легкую щепку.

В это время Бриан и его товарищи делали все, чтобы яхта не накренилась в какую-нибудь сторону.

— Что делать? — спросил Донифан.

— Все, чтобы только спастись! — ответил Бриан. — Будем работать с Божьей помощью.

Это говорил юноша при таких обстоятельствах, когда самый энергичный человек мог потерять голову.

Буря усиливалась. Ветер дул «с быстротой молнии», как выражаются моряки, и это очень верно, потому что шквал легко мог разбить яхту. Кроме того, уже двое суток грот-мачта была лишена снастей и сломана в четырех футах над партнерсом, так что нельзя было прикрепить паруса, чтобы увереннее управлять судном. Фок-мачта без флагштока еще держалась, но, ослабленная, могла каждую минуту рухнуть на палубу. На носу остатки маленького кливера, хлопая, производили звук, похожий на выстрелы из ружья, а парус фок-мачты грозил разорваться, так как у юношей не хватило сил убрать его. Если бы это случилось, яхта не могла бы держаться под ветром, волны опрокинули бы ее и она вместе с пассажирами исчезла в бездне.

Нигде не было видно ни острова, ни материка. Пристать к берегу было бы опасно, и, однако, это не остановило бы мальчиков, их больше страшило бескрайнее море. Каков бы ни был берег, какими бы ни были глубина, прибой, зыбь, буруны около скал, все-таки они считали бы это спасением для себя — это была бы твердая земля, а не океан, готовый их поглотить.

Они высматривали, не покажется ли какой-нибудь огонек, на который могли бы направить яхту, но в эту темную ночь ничего не было видно.

В первом часу ночи страшный треск заглушил рев шквала.

— Фок-мачта сломалась! — воскликнул Донифан.

— Нет, — ответил юнга. — Это оторвался парус от ликтросов.

— Его нужно убрать совсем, — заметил Бриан. — Гордон, оставайся у руля с Донифаном, а ты, Моко, иди мне помогать.

Если Моко в качестве юнги имел некоторое понятие о морском деле, то и Бриан не совсем был невеждой в этом отношении, так как он немного познакомился с устройством судна, когда плыл из Европы в Океанию по Атлантическому и Тихому

океанам. Вот почему другие мальчики, ничего не понимавшие в морском деле, должны были положиться на Моко и на Бриана и вверить им командование яхтой.

Бриан и юнга смело бросились на нос яхты.

Для того чтобы она могла свободно двигаться, надо было постараться освободиться от фок-мачты, которая не только мешала свободному ходу яхты, но и подвергала ее опасности перевернуться и оказаться на мели. Случись это, она не смогла бы подняться, разве только им удалось бы сломать металлические ванты и срубить фок-мачту у самого основания. Но едва ли дети могли справиться с такой работой.

В данном случае Бриан и Моко проявили необыкновенную ловкость. Решив сохранить парус, чтобы во время шквала держать яхту под фордевиндом, они ослабили фал реи, понизившейся на четыре или пять футов над палубой. Оборванные лоскутья паруса были отрезаны ножом, а нижние части ошвартованы, причем оба мальчика рисковали быть сброшенными в бездну. В таком состоянии яхта могла еще держаться своего прежнего направления, и она быстро неслась по гребням волн.

Покончив с этим, Бриан и Моко вернулись к

Гордону и Донифану, чтобы помочь им управлять рулем. В эту минуту снова отворился люк и высунулась детская головка. Это был Жак, брат Бриана, моложе его на три года.

Бриан и юнга смело бросились на нос яхты.

— Что тебе надо, Жак? — спросил Бриан.

— Поди сюда, скорее, — ответил Жак. — Вода доходит до салона.

— Неужели? — воскликнул Бриан и быстро спустился вниз.

В салоне тускло горела лампа. На диванах и кушетках лежали десять детей. Самые маленькие — от восьми до девяти лет — в ужасе прижимались друг к другу.

— Опасности нет, — успокаивал их Бриан. — Мы здесь. Не бойтесь!

Взяв зажженный фонарь, он осмотрел пол и смог убедиться, что вода текла от одного борта яхты до другого. Откуда появилась эта вода? Может, она проникла в какую-нибудь трещину обшивной доски? Это нужно было узнать.

Перед салоном находились большие каюты, столовая и кубрик для матросов. Бриан обошел все каюты и заметил, что вода не проходила ни над грузовой ватерлинией, ни под ней. Вода влилась через люк, когда волны затопили нос яхты, и проникла во внутренние помещения. Таким образом, с этой стороны опасности не было.

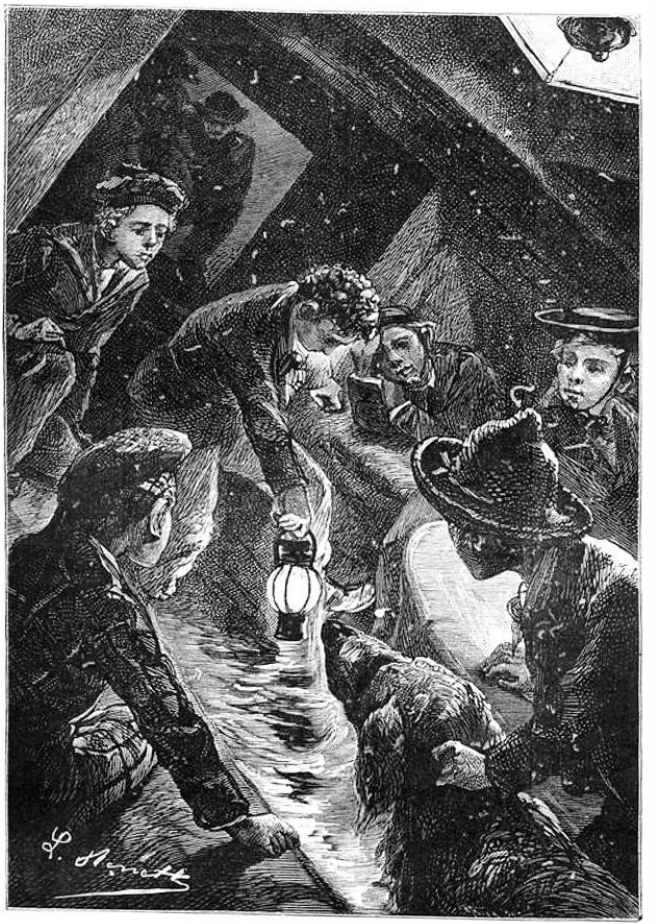
Бриан, вернувшись в салон, успокоил своих товарищей и пошел к рулю. Прочно построен-

ная яхта не текла и была в состоянии бороться с волнами.

Пробило час ночи. От нависших туч становилось еще темнее. Шквал разразился со всей силой. В воздухе раздавались резкие крики буревестников. Можно ли было заключить по их появлению, что земля близка? Нет, потому что их часто можно встретить за несколько сот миль от берега.

Через час на палубе снова раздался треск. Остатки фок-мачты были уничтожены, и клочки парусов разлетелись в пространство, точно огромные чайки.

— У нас нет больше паруса, — воскликнул Донифан, — а поставить другой нельзя!



Взяв зажженный фонарь, он осмотрел пол.

— Ничего, — ответил Бриан. — Будь уверен, что от этого мы не поплывем медленнее.

— Хороший ответ, — возразил Донифан. — Если это твой способ управлять…

— Берегитесь волн с кормы! — крикнул Моко. — Нужно крепче держаться, иначе нас унесет.

Не успел юнга произнести эти слова, как через борт хлынула огромная волна. Бриан, Донифан и Гордон были отброшены к люку, за который им удалось уцепиться. Но юнга был смыт волной, которая прокатилась через палубу, от кормы до носа, смыв часть плота, две шлюпки и ялик, несколько жердей и подставку компаса.

— Моко… Моко!.. — закричал Бриан, как только у него появилась способность говорить.

— Не выбросило ли его в море? — заметил Гордон, наклоняясь через борт.

— Надо его спасти… бросить ему буй… веревки! — кричал Бриан.

Его голос громко разнесся среди наступившей вдруг тишины:

— Моко! Моко!

— Ко мне… сюда!.. — отозвался юнга.

— Он не в море, — сказал Гордон. — Его голос раздается с носа яхты.

— Я его спасу! — воскликнул Бриан и пошел по палубе, стараясь, насколько возможно, не ушибиться о блоки, болтающиеся на концах полуослабленных снастей, и не упасть на скользкой палубе, что было почти невозможно при боковой качке.

Снова раздался голос юнги. Затем все смолкло.

Наконец Бриану удалось с большими усилиями достичь люка, ведущего в служебные каюты.

Он позвал Моко.

Ответа не было.

Может быть, его унесло в море новой волной, после того как он крикнул в последний раз? В таком случае несчастный мальчик должен быть теперь далеко от яхты и, вероятно, погиб.

Но нет! До Бриана донесся слабый стон, и он бросился к бушприту. Там бился юнга, запутавшийся в снастях. Фал, все более натягиваясь от усилий, сжимал ему горло. Этот фал и задержал его в ту минуту, когда огромная волна настигла его.

Бриан вынул нож и с трудом перерезал веревку, душившую юнгу.

Моко перенесли на корму, и, придя в себя, он произнес:

— Благодарю вас, господин Бриан, благодарю.

Он занял свое место у руля, и все четверо сно-

ва приготовились бороться с бурей. Вопреки предположению Бриана, скорость яхты немного уменьшилась, так как не было фок-мачты, и это представляло новую опасность. Действительно, волны, перегонявшие яхту, могли залить ее с кормы.

Но снабдить судно новым парусом было невозможно.

В Южном полушарии март соответствует сентябрю Северного полушария и имеет ночи средней долготы. Так как было четыре часа утра, то горизонт должен был уже посветлеть на востоке, то есть над той частью океана, к которой буря гнала яхту. Может быть, с наступлением дня шквал уменьшится? Может быть, покажется суша и судьба этих детей решится через несколько минут? С зарей все будет видно.

В половине пятого на горизонте показался проблеск света. К несчастью, из-за тумана нельзя было видеть далеко. Облака мчались с ужасной быстротой. Ураган не ослабевал, и море было покрыто пеной бушевавших волн. Яхта, то приподнимаясь на самый гребень волны, то опускаясь в бездну, могла несколько раз опрокинуться, если бы была обращена боком к ветру.

Четверо смотрели на этот хаос бушующих волн.

Они хорошо сознавали, что если не утихнет буря, то их положение станет безнадежным. Яхта не сможет бороться еще сутки с волнами, и кончится тем, что она будет разнесена в щепки.

Вдруг раздался крик Моко:

— Земля!.. Земля!

Сквозь туман в бледном просвете юнге показалось, что он видит на востоке очертания берега.

Не ошибался ли он? В таком тумане облака легко принять за неясно очерченные берега.

— Земля? — переспросил Бриан.

— Да, — ответил Моко, — на востоке земля.

Он указал на линию горизонта, скрывавшуюся в тумане.

— Ты уверен? — спросил Донифан.

— Да!.. да!.. конечно, — ответил юнга. — Когда туман рассеется, смотрите сюда… немного правее фок-мачты. Вот она!

Туман, начиная редеть, отделился от моря и поднялся вверх. Через некоторое время горизонт прояснился впереди яхты на расстоянии нескольких миль.

— Да, действительно, это земля! — воскликнул Бриан.

— И очень низменная! — прибавил Гордон, внимательно рассматривая замеченный берег.

На этот раз нечего было сомневаться: в пяти или шести милях от яхты обрисовалась земля: материк или остров. Благодаря направлению, по которому следовала яхта, и невозможности отклониться от него, она могла добраться до этой земли менее чем через час. Можно было опасаться, что яхта будет разбита, особенно если прибой остановит ее прежде, чем она достигнет земли. Но дети об этом не думали. В этой земле они видели только свое спасение.

Ветер подул сильнее. Яхту несло, как перышко, к берегу, который на беловатом фоне неба ясно обрисовывался черной, точно проведенной чернилами полосой. На заднем плане возвышалась скала, высотой до двухсот футов. Впереди тянулся желтоватый плоский песчаный берег, как будто покрытый лесом с правой стороны. Если яхте удастся достигнуть этого песчаного берега, миновав подводный риф, если устье реки примет их судно, то, может быть, молодые путешественники останутся невредимы.

В то время как Донифан, Гордон и Моко стояли у руля, Бриан пошел на нос яхты и смотрел на приближающуюся землю. Но напрасно он искал какое-нибудь место, куда бы они могли пристать при более благоприятных условиях. Не было

видно ни устья реки или ручья, ни песчаной отмели.

Бриан решил, что все его товарищи должны быть на палубе в ту минуту, когда яхта сядет на мель, и, открыв люк, закричал:

— Все наверх!

Тотчас же выскочила собака, за ней около десяти детей. Самые маленькие, увидя волны, закричали от ужаса.

Около шести часов утра «Слау» подошла к передней линии бурунов.

— Крепче держитесь! Крепче! — кричал Бриан.

Сбросив половину одежды, он был готов помочь каждому, кого подхватит прибой, потому что имелась вероятность того, что яхта наскочит на подводный риф. Вскоре почувствовался первый толчок. Яхта ударилась об утес кормой, но вода не проникла сквозь обшивную доску.

Вторая волна приподняла ее и отнесла на пятьдесят футов вперед, так что яхта не коснулась скал, торчащих из воды. Затем она накренилась левым бортом и остановилась среди клокочущих волн прибоя. Хотя она теперь была не в открытом море, но до песчаного берега оставалось еще с четверть мили.

Глава вторая

Среди бурунов. – Бриан и Донифан. – Виднеющийся вдали берег. – Приготовления к спасению. – Спор из-за ялика. – С верхушки фок-мачты. – Смелая попытка Бриана. – Действие высокого прилива.

Туман рассеялся, и теперь можно было видеть вокруг яхты на значительное расстояние. Тучи неслись с той же быстротой, шквал не утихал. Может быть, это были его последние порывы в незнакомых частях Тихого океана?

Нужно было надеяться на это, потому что и теперь опасность была не меньше, чем ночью, когда яхте пришлось выдержать бурю в открытом море. Дети, прижимаясь друг к другу, считали себя погибшими, когда волна переливалась через борт и покрывала их пеной. Удары были еще сильнее оттого, что яхта не могла заслониться парусами. Несмотря на то что она вздрагивала и ударялась задней частью киля о гребень рифа, пробоины еще не было. Бриан и Гордон, спустившись вниз, убедились, что вода не пройдет

в трюм, и успокаивали, насколько могли, своих товарищей, особенно малышей.

— Не бойтесь, — постоянно повторял Бриан. — Яхта прочная. Берег близко… Подождите, и мы постараемся добраться до него.

— Зачем же ждать? — спросил Донифан.

— Да, зачем? — прибавил Уилкокс, мальчик лет двенадцати. — Донифан прав… Зачем ждать?

— Потому что море еще неспокойно и мы можем наскочить на скалы, — ответил Бриан.

— А если яхта разобьется?! — воскликнул третий мальчик, по имени Феб, почти одного возраста с Уилкоксом.

— Не думаю, чтобы можно было этого опасаться, — возразил Бриан, — пока прилив уменьшается. Когда же наступит отлив и стихнет ветер, мы будем пытаться спастись.

Бриан был прав. Разница в уровне прилива и отлива в Тихом океане довольно значительна. Имело смысл подождать несколько часов, особенно если стихнет ветер. Может быть, после отлива часть рифа выступит из воды. Тогда не так будет опасно оставить яхту и достичь берега, находящегося в четверти мили от них.

Хотя это и был благоразумный совет, но Донифан и некоторые другие мальчики не хотели

следовать ему. Они отошли в сторону и обсуждали создавшееся положение.

Ясно было, что Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс не соглашались с Брианом. Во время долгого плавания «Слау» они потому только повиновались Бриану, что у него было больше навыка, чем у них, и решили, что, как только сойдут на сушу, снова будут пользоваться свободой действий — особенно Донифан, считавший себя умнее и способнее Бриана. Кроме того, Донифан давно завидовал Бриану, а так как последний был француз, то молодые англичане неохотно повиновались ему.

Можно было опасаться, что это настроение увеличит трудность положения, и без того тревожного.

Донифан, Уилкокс, Кросс и Феб смотрели на пространство, покрытое пеной водоворота. Самый искусный пловец не мог бы бороться с отливом. Совет подождать несколько часов был вполне основателен. Донифану и его товарищам пришлось в этом убедиться, и они вернулись на корму, где находились самые маленькие. В это время Бриан говорил Гордону и окружавшим его мальчикам:

— Мы не должны разлучаться… Иначе мы по-

гибнем.

— Не намереваешься ли ты и теперь командовать нами?! — воскликнул Донифан, услышав его слова.

— Ничего подобного, — ответил Бриан, — но для общего нашего спасения надо действовать согласно.

— Бриан прав! — прибавил Гордон, хладнокровный, серьезный мальчик, никогда не говоривший необдуманно.

— Да!.. Да!.. — закричали еще двое или трое мальчиков, которых тайное предчувствие заставляло быть на стороне Бриана.

Донифан не возражал; со своими товарищами он отошел в сторону, дожидаясь удобного момента для высадки на берег.

Что это была за земля? Был это какой-нибудь остров Тихого океана или материк? Этот вопрос можно было решить только тогда, когда яхта приблизится к берегу и можно будет его рассмотреть. Впадина, образующая большой залив, оканчивалась двумя мысами — один довольно возвышенный и отвесный к северу, другой к югу. Что было за этими двумя мысами, Бриан не мог рассмотреть в подзорную трубу.

Если это остров, то как им покинуть его, ес-

ли нельзя будет снять яхту с мели и во время прилива она разобьется о рифы? А если этот остров еще и необитаем — в Тихом океане есть и такие, — то как они будут поддерживать свое существование?

На материке было больше возможности спастись, так как это могла быть Южная Америка и во владениях Чили или Боливии они нашли бы помощь если и не сейчас, то по крайней мере через несколько дней, хотя опять-таки поблизости были бы пампасы и могли встретиться разные опасности. Но в данную минуту важен был только вопрос, как добраться до суши.

Видимость была настолько хорошая, что можно было разглядеть впереди песчаное побережье, за ним утес и группу деревьев посередине. Бриан даже указал на устье реки по правую сторону берега.

Хотя этот берег не представлял ничего привлекательного, но зелень деревьев указывала на известное плодородие почвы. Вероятно, за утесом растительность, защищенная от ветра, была еще лучше.

Донифан

Не было заметно, чтобы в этой части берега жил кто-нибудь. Не видно было ни дома, ни хижины, даже при устье реки. Может быть, туземцы, если и были таковые, предпочитали жить внутри страны, где они были более защищены от резких ветров.

— Я совсем не вижу дыма, — сказал Бриан, опуская подзорную трубу.

— И около берега нет ни одной лодки, — заметил Моко.

— Их и не может быть, ведь там нет гавани, — возразил Донифан.

— Ее и не нужно для этого, — заметил Гордон. — Рыбачьи лодки могли остановиться в устье реки, если бы буря заставила их уйти из открытого моря.

Замечание Гордона было справедливо.

По той или по другой причине, но не было видно лодок, и эта часть берега казалась необитаемой. Можно ли на нем жить, если потерпевшим крушение детям придется там остаться на несколько недель? Вот что главным образом должно было их занимать.

Между тем начинался отлив, хотя очень медленно, благодаря ветру, становившемуся слабее.

Нужно было быть наготове к тому моменту, когда образуется удобный проход между рифами.

Было около семи часов. Каждый старался принести на палубу яхты самые необходимые вещи, а остальные собрать, когда яхту прибьет к берегу. И маленькие, и большие принялись за дело. На яхте был довольно большой запас консервов, галет, соленого и копченого мяса. Их упаковали в тюки, рассчитанные по силам старших мальчиков.

Но чтобы перевезти все на берег, необходимо, чтобы скалы показались из-под воды. Обнажатся ли скалы до берега при отливе?

Бриан с Гордоном старательно наблюдали за морем. По мере того как ветер стихал, оно становилось тише, стихал и рев буруна; таким образом, легко было заметить убывание воды по выдающимся верхушкам скал. Яхта накренилась на левую сторону, и можно было опасаться, что она опрокинется набок.

В таком случае вода зальет палубу прежде, чем они покинут яхту, и их положение станет очень серьезным. Как было жаль, что шлюпки унесло во время бури. На них Бриан и его товарищи могли бы теперь добраться до берега, и было бы легко устроить сообщение между берегом

и яхтой, чтобы перевезти необходимые вещи, которые пришлось оставить на судне. А теперь, если она будет разбита в следующую ночь, куда будут годны оставшиеся вещи? Провизия вся испортится. Потерпевшим крушение придется ограничиться одними дарами этого берега. Вдруг на носу раздались крики. Бакстер только что сделал важное открытие. Одна из лодок яхты находилась между ватерштагами. В этом ялике не могло поместиться пять-шесть человек, но так как он был цел — что было освидетельствовано, едва они втащили его на палубу, — то им можно было воспользоваться. Надо было только подождать, чтобы вода спала больше. В это время возник спор, в котором приняли участие Бриан и Донифан. Дело в том, что Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс, завладев яликом, собирались спустить его за борт, когда Бриан подошел к ним.

— Что вы хотите делать? — спросил он.

— Ехать в этом ялике, — ответил Уилкокс.

— Да, — возразил Донифан, — и ты не посмеешь нам помешать!

— Нет, посмею, — сказал Бриан, — я и все те, которых ты хочешь покинуть.

— Покинуть? С чего ты это взял? — надменно возразил Донифан. — Я никого не хочу покидать,

слышишь? Добравшись до берега, один из нас приведет ялик обратно.

— А если его нельзя будет вернуть! — воскликнул Бриан, едва сдерживаясь. — Если он разобьется об эти скалы!

— Садитесь, едем! — сказал Феб, отталкивая Бриана.

С помощью Уилкокса и Кросса он поднял ялик, чтобы спустить его на воду.

Бриан схватил ялик за борт.

— Вы не поедете, — сказал он.

— Это еще посмотрим, — возразил Донифан.

— Вы не поедете, — повторил Бриан, твердо решив сопротивляться для общей пользы. — Прежде всего, ялик надо оставить для самых маленьких, если во время отлива останется много воды и можно будет доплыть до берега.

— Не мешай нам! — воскликнул Донифан, вне себя от гнева. — Повторяю тебе, Бриан, ты не смеешь мешать нам.

— А я тебе, Донифан, повторяю, — закричал Бриан, — что смею.

Юноши были готовы броситься друг на друга. В этой ссоре Уилкокс, Феб и Кросс, конечно, взяли бы сторону Донифана, тогда как Бакстер, Сервис и Гарнетт стояли бы за Бриана. Могли произойти

неприятности, если бы не вмешался Гордон. Он был самый старший, умел владеть собой, понимал, как теперь опасна ссора, и заступился за Бриана.

— Донифан, — сказал он, — подожди немного. Ты видишь, море еще волнуется, и мы можем лишиться ялика.

— Я не хочу, — воскликнул Донифан, — чтобы Бриан командовал нами, как он это начал делать с некоторого времени!

— Нет! И мы этого не позволим, — возразили Кросс и Феб.

— Я не намереваюсь командовать, — ответил Бриан, — но и не позволю другим, если это касается общей пользы.

— Мы так же заботимся о других, как и ты, — возразил Донифан. — Теперь, когда мы у берега…

— К сожалению, еще нет, — заметил Гордон. — Донифан, не упрямься и подожди спускать ялик до более удобного момента.

Гордону часто приходилось быть посредником между Донифаном и Брианом, и теперь было кстати, что он вмешался и отвел их ссору.

Прилив понизился на два фута. Было бы очень полезно узнать, нет ли фарватера между бурунами. Бриан, решив рассмотреть положение скал с

фок-мачты, пошел на нос яхты, схватился за ванты штирборта и на руках поднялся до бар. Через весь риф шел свободный проход, направление которого обозначали торчащие из воды, словно вехи, верхушки скал. Но в данную минуту море еще волновалось и нельзя было даже думать спустить ялик на воду. Он неизбежно наскочил бы на камни и разбился в одну минуту. Во всяком случае, лучше было подождать.

Забравшись наверх, Бриан с помощью подзорной трубы смог увидеть весь берег до скалы, и на девятимильном пространстве между двумя мысами берег казался ему необитаемым.

Через полчаса, закончив наблюдения, Бриан спустился и дал своим товарищам отчет о виденном. Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс молча выслушали его, но Гордон отнесся иначе и спросил:

— Бриан, яхта, кажется, села на мель около шести часов утра?

— Да, — ответил Бриан.

— А сколько времени надо ждать отлива?

— Я думаю, часов пять. Не правда ли, Моко?

— Да… от пяти до шести часов, — ответил юнга.

— Значит, около одиннадцати часов, — про-

должал Гордон, — будет самое удобное время попробовать добраться до берега.

— Я так и рассчитывал, — сказал Бриан.

— Ну, — продолжал Гордон, — приготовимся же к этому времени и подкрепимся. Если нам придется добираться вплавь, то пусть это будет через несколько часов после еды.

Совет был хорош, как и нужно было ожидать от этого благоразумного юноши. Сели за завтрак, состоявший из консервов и сухарей. Бриан главным образом заботился о маленьких. Дженкинс, Айверсон, Доль, Костар со свойственной их возрасту беспечностью успокоились и могли объесться, так как сутки ничего не ели, но все сошло благополучно, и для подкрепления они выпили воды с коньяком.

После завтрака Бриан пошел на нос яхты и там, облокотившись о борт, начал рассматривать риф.

Вода убывала медленно. Однако было заметно, что уровень моря понижается, так как наклон яхты увеличивался. Моко, бросив лот, узнал, что над рифом еще оставалось по крайней мере футов на восемь воды. Можно ли было надеяться, что вода уйдет настолько, что риф выйдет из воды? Моко не думал, что это так будет, и считал необ-

ходимым сказать об этом Бриану потихоньку, чтобы никого не напугать. Бриан посоветовался с Гордоном. Оба хорошо понимали, что ветер, хотя и немного дул к северу, но все же мешал воде понизиться до обычного уровня.

— Что делать? — спросил Гордон.

— Не знаю, не знаю! — ответил Бриан. — Какое несчастье не знать, что делать… быть только детьми, когда нужно было быть взрослыми!

— Нужда нас научит! — возразил Гордон. — Не надо отчаиваться, Бриан, и будем действовать благоразумно.

— Хорошо, Гордон! Но если мы не сойдем с яхты до следующего прилива, если еще придется провести ночь на яхте, то мы погибли.

— Это ясно, так как яхта будет вся разбита. Во что бы то ни стало мы должны сойти с нее.

— Верно, Гордон.

— Не построить ли какой-нибудь плот и не протянуть ли веревку от берега к яхте?

— Я об этом уже думал, — ответил Бриан. — К несчастью, все слеги унесены волнами. У нас нет времени ломать палубу и из досок делать плот; остается ялик, которым нельзя воспользоваться, потому что море бурно. Но вот что можно попробовать, это протянуть канат через риф и

закрепить его конец за выступ одной из скал. Может быть, тогда удастся перебраться на берег.

— Кто потащит канат?

— Я, — ответил Бриан.

— Я тебе помогу, — заметил Гордон.

— Нет, я один! — возразил Бриан.

— Воспользуйся яликом.

— Могу попортить его, Гордон, лучше сохранить ялик как последнее средство.

Однако прежде чем привести в исполнение этот опасный план, Бриан хотел принять полезную предосторожность, чтобы быть готовым ко всякой случайности. На яхте было несколько спасательных поясов, и он заставил маленьких надеть их на случай, если им придется сходить с яхты прежде, чем вода спадет; эти пояса их поддержат, а старшие будут толкать их к берегу, цепляясь сами за канат.

Было четверть одиннадцатого, три четверти часа оставалось до окончания отлива. Вода была не выше четырех или пяти футов и еще могла понизиться только на несколько дюймов. В шестидесяти ярдах, действительно, глубина заметно увеличивалась — что можно было узнать по темному цвету воды и по многочисленным торчавшим верхушкам скал. Трудность состояла

в том, чтобы переплыть глубокое место около яхты.

Во всяком случае, если бы Бриану удалось протянуть канат в этом направлении, прочно прикрепить его к одной из скал, то он мог бы добраться до того места, где можно достать ногами дно. Кроме того, спустив по канату тюки с провизией и необходимые инструменты, они бы благополучно добрались до суши.

Как ни была опасна его попытка, Бриан не хотел, чтобы его кто-нибудь заменил. На яхте было почти сто футов буксирного каната. Бриан выбрал канат средней толщины и, раздевшись, один конец его обмотал вокруг пояса.

— Эй, вы, — закричал Гордон, — идите травить канат!

Донифан, Уилкокс, Кросс и Феб не могли отказаться от участия в деле, пользу которого они понимали, и приготовились разматывать канат, который надо было понемногу отпускать, чтобы сберечь силы Бриана. В ту минуту, когда Бриан собирался кинуться в воду, его брат подбежал, крича:

— Бриан, Бриан!

— Не бойся за меня, Жак, — ободрил его Бриан.

Еще минута — и он показался на поверхности

воды, быстро плывя, в то время как канат разматывался сзади него. Плыть было бы трудно и при спокойном море, потому что прибой сильно ударял о скалы. Встречные и поперечные течения мешали смелому юноше держаться прямой линии, и, когда волны его подхватывали, ему было чрезвычайно трудно выбраться. Однако Бриан мало-помалу приближался к берегу, в то время как его товарищи постепенно отпускали канат. Становилось заметно, что его силы начинали истощаться, хотя он отплыл от яхты всего только на пятьдесят футов. Перед ним кипел водоворот от встречи двух разнонаправленных волн. Если бы удалось его миновать, то, может быть, он достиг бы своей цели, потому что за водоворотом море было спокойнее. Он с большим усилием попробовал броситься влево, но попытка ни к чему не привела. Здесь даже сильный взрослый пловец ничего бы не мог сделать. Подхваченного течением Бриана понесло в самый центр водоворота.

— Помогите!.. Тащите! — успел он прокричать.

На яхте все пришли в ужас.

— Тащите! — хладнокровно распорядился Гордон.

В одну минуту Бриан был вытащен назад на палубу; он был в обмороке, но скоро пришел в себя.

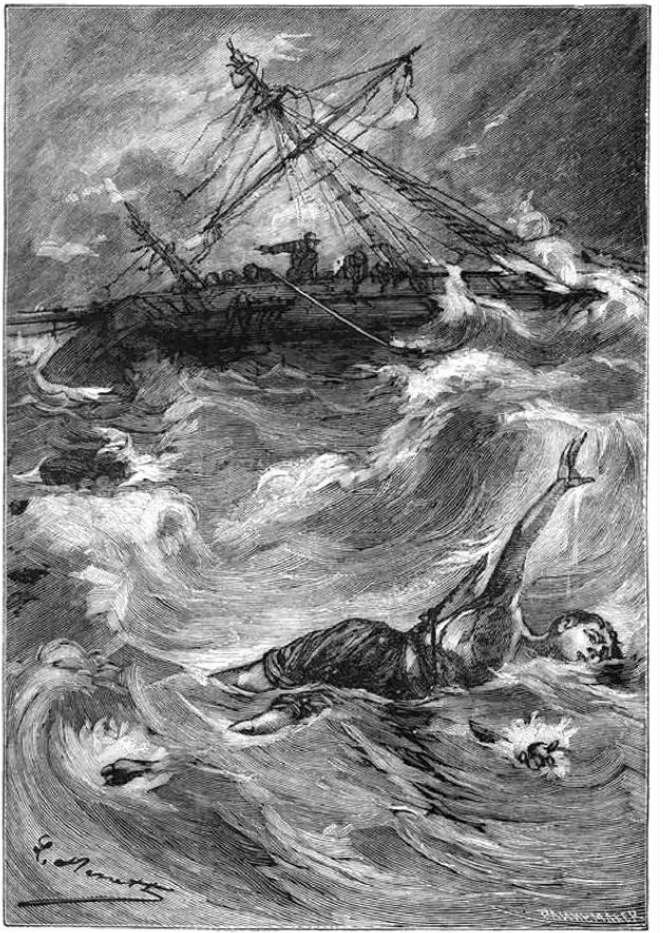
Попытка протянуть канат между яхтой и скалами не удалась. Никто не решался повторить ее. Несчастные дети были вынуждены ждать… Но чего? Помощи? Откуда и от кого?

Был уже первый час пополудни. Начинался прилив, и прибой усиливался. Так как было новолуние, то надо было ждать более сильного прилива.

Если ветер с моря не прекратится, то он может снести яхту с ее каменистого ложа, она будет ударяться о риф, и волны ее опрокинут. Никто не переживет этой развязки. Сделать ничего было нельзя.

Все стояли на корме, старшие окружили маленьких и смотрели, как увеличивался прилив и заливал верхушки скал одну за другой. К несчастью, ветер дул с запада и, как накануне, со страшной силой проносился над самой землей. Когда станет глубже, высокие волны покроют яхту своими брызгами и с силой будут ударяться о нее. Только чудо могло помочь юным мореплавателям. Они молились и плакали. К двум часам яхта, приподнятая волнами, больше уже не кренилась на левую сторону, но вследствие килевой качки нос начал ударяться о камни. Толчки все увеличивались, и яхта качалась из стороны в

сторону. Дети вынуждены были держаться друг за друга, чтобы не быть выброшенными за борт. В эту минуту в двух кабельтовых от яхты набежала с открытого моря пенящаяся громадная волна выше двадцати футов. Как бешеный поток, она покрыла весь каменный риф, приподняла яхту и пронесла ее над скалами, не задев ни одну из них.



Подхваченного течением Бриана понесло в самый центр водоворота.

В одну секунду яхта очутилась среди колокочущей воды, ее пронесло почти до середины песчаного берега, и она ударилась об отмель в двухстах футах от деревьев, находящихся у подножия скалы. Под ней была твердая земля, и волны, отхлынув, оставили берег.

Глава третья

Пансион Черман в Окленде. – Взрослые и дети. – Каникулы в море. – Яхта «Слау». – Ночь на 15 февраля. – По течению. – Абордаж. – Буря. – Поиски в Окленде. – Что осталось от яхты.

Пансион Черман был в то время в большой славе в Окленде, столице Новой Зеландии, главной английской колонии Тихого океана. В нем обучалось до ста мальчиков, принадлежащих к лучшим семьям. Детей маори — туземцев этого архипелага — в пансион не принимали; для них были другие школы. В этом пансионе воспитывались только дети англичан, французов,

американцев, немцев, сыновья землевладельцев, купцов, капиталистов, местных должностных лиц. Они получали такое же законченное образование, как во всех подобных учебных заведениях Англии.

Архипелаг Новой Зеландии состоит из двух главных островов: на севере Ика-Намауи, или остров Рыбы, на юге — Таваи-Пупаму, или Земля Нефрита. Отделенные друг от друга проливом Кука, они лежат между 34° и 45° южной широты — такое же положение занимает в Северном полушарии Франция и север Африки. Остров Ика-Намауи, сильно изрезанный в южной своей части, образует подобие неправильной трапеции, тянущейся к северо-западу по кривой линии, оканчивающейся мысом Ван-Димена.

Почти в начале этой кривой линии, в том месте, где остров имеет только несколько миль, находится город Окленд. По положению он похож на греческий город Коринф, почему и получил название Южного Коринфа. В нем две открытые гавани, одна на западе, другая на востоке. Восточная гавань в заливе Гаураки неглубока, и пришлось построить несколько длинных пристаней (мол), как у англичан, куда бы могли причаливать суда средней тоннажности. Одна из

них называется Коммерческой, к ней примыкает Королевская улица, одна из главных в городе.

На этой улице находился пансион Черман.

15 февраля 1860 года днем из названного пансиона вышла толпа учеников, сопровождаемых родителями. Мальчики были веселы и радостны, как птички, только что выпущенные из клетки.

Это было начало летних каникул. Два месяца самостоятельности, два месяца свободы! Для некоторых учеников предстояло морское путешествие, о котором давно шли толки в пансионе Черман. Нечего и говорить о той зависти, которую возбуждали счастливцы, имевшие возможность отправиться на яхте «Слау» и совершить плавание вокруг берегов Новой Зеландии. На этой красивой яхте, зафрахтованной родителями учеников, предполагалось плавать шесть недель. Она принадлежала отцу одного из учеников, мистеру Уильяму Гарнетту, бывшему начальнику коммерческого флота, на которого вполне можно было положиться. Подписка, сделанная между родителями, должна была покрыть путевые издержки и предоставить детям полный комфорт. Это было большой радостью для юношей, и трудно было придумать лучший способ для проведения каникул.

В английских пансионах система воспитания не похожа на принятую во французских учебных заведениях. Ученикам дают больше самостоятельности, а следовательно, и относительной свободы, что так хорошо влияет на их будущее. Они меньше остаются на положении детей. Словом, воспитание идет рука об руку с образованием.

Здесь дети по большей части вежливы, услужливы, с хорошими манерами и, что особенно важно, мало склонны к скрытности или лжи, даже когда им грозит справедливое наказание. Надо также заметить, что в этих учебных заведениях реже живут в общей комнате. Обыкновенно дети занимают отдельные спальни, где имеют право пить чай. Когда они едят в столовой, то могут разговаривать совершенно свободно. В зависимости от возраста ученики распределяются по отделениям, которых в пансионе Черман было пять. В первом и во втором отделениях были маленькие дети — они целовали своих родителей; а в третьем — подростки, которые заменяли сыновний поцелуй пожатием руки взрослого человека. За ними уже не было постоянного присмотра, чтение романов и журналов было им дозволено, у них было больше свободных дней,

и часы уроков были ограничены. Физическое воспитание в пансионе было хорошо поставлено: гимнастика, бокс, различные игры. Но как исправительное средство при такой самостоятельности, которой ученики редко злоупотребляют, введены были и телесные наказания, главным образом розги. Надо заметить, что быть высеченным у молодых англичан не считалось позором, и они покорялись этому наказанию без ропота, если сознавали, что заслужили.

Англичане, как всем известно, уважают традиции как частной, так и общественной жизни, и этих традиций, хотя бы они и были нелепы, придерживаются и в учебных заведениях. Если старшие ученики покровительствуют новеньким, то с условием, чтобы эти последние в обмен непременно оказывали им домашние услуги, состоящие в том, чтобы утром приносить завтрак, чистить платье и сапоги, исполнять мелкие поручения. Этот обычай называется «фаггизм», и дети в этом положении называются «фаггами». Эти услуги обыкновенно исполняют ученики первых отделений для старших учеников, и в случае отказа им грозит тяжелая жизнь. Но отказов почти не бывает, и это приучает их к дисциплине, которую нельзя встретить у учеников других

стран. К тому же традиция требует этого, и если существует страна, которая больше всего сохраняет ее, то это Соединенное Королевство, где она одинаково относится как к простым обывателям, так и к пэрам палаты лордов.

Ученики, собиравшиеся путешествовать на яхте «Слау», принадлежали к различным отделениям пансиона Черман.

Мы уже знаем, что на палубе яхты находились дети от восьми до четырнадцати лет. Их было пятнадцать, считая юнгу.

Необходимо познакомиться с возрастом каждого из них, с их способностями, характером, общественным положением семьи, а также с отношениями, которые существовали между ними в училище.

Исключая двух французов, Бриана и его брата, и американца Гордона, все остальные были англичане. Донифан и Кросс — двоюродные братья, и оба из пятого отделения — принадлежали к одной из богатых семей Новой Зеландии. Им было лет по тринадцати с небольшим.

Донифан, изящный, заботящийся о своей наружности, был, бесспорно, самым знатным учеником. Умный и прилежный, он учился из любви к самообразованию и желания быть вы-

ше своих товарищей. Его манера держать себя вызвала насмешливое прозвище Лорд Донифан, и благодаря своему надменному характеру он хотел главенствовать повсюду. Между ним и Брианом возникло соперничество, начавшееся несколько лет тому назад и обострившееся с тех пор, как, благодаря обстоятельствам, увеличилось влияние Бриана на товарищей. Что касается Кросса, то это был обыкновенный школьник, проникнутый восторгом ко всему, что думает, говорит или делает его двоюродный брат Донифан.

Бакстер был из того же отделения, тринадцати лет, рассудительный, хладнокровный мальчик, труженик, способный к разным физическим работам, сын купца с довольно скромными средствами.

Феб и Уилкокс, двенадцати с половиной лет, были ученики четвертого отделения. Среднего ума, довольно своевольные и вздорные, они всегда были требовательны к своим «фаггам». Их семьи были богаты, и отцы их занимали важные посты в местном управлении. Гарнетт — сын отставного капитана, Сервис — богатого колониста. Оба они жили в Норд-Шорп на северном берегу порта Уэтемала. Обе семьи были очень дружны, а потому и мальчики были неразлучны. Они

были добродушны и достаточно ленивы. Гарнетт особенно пристрастился к аккордеону, что очень ценилось в английском флоте. Как сын моряка, он играл в свободные минуты на своем любимом инструменте, который не забыл взять с собой и на «Слау». Что касается Сервиса, то это был первый весельчак и шалун, потешавший весь пансион Черман и мечтавший только о путешествиях, начитавшись о Робинзоне Крузо и Швейцарском Робинзоне.

Уилкокс
Кросс
Бакстер
Феб
Сервис
Гарнетт
Дженкинс
Айверсон
Костар
Моко
Доль

Уилкокс
Кросс
Бакстер
Гарнетт
Дженкинс
Феб
Сервис
Айверсон
Костар
Моко
Доль

Кроме этих, были еще два девятилетних мальчика. Дженкинс, сын председателя Новозеландского учебного общества, и Айверсон, сын священника собора Святого Павла. Один был в третьем, а другой во втором отделении, и оба считались в пансионе хорошими учениками.

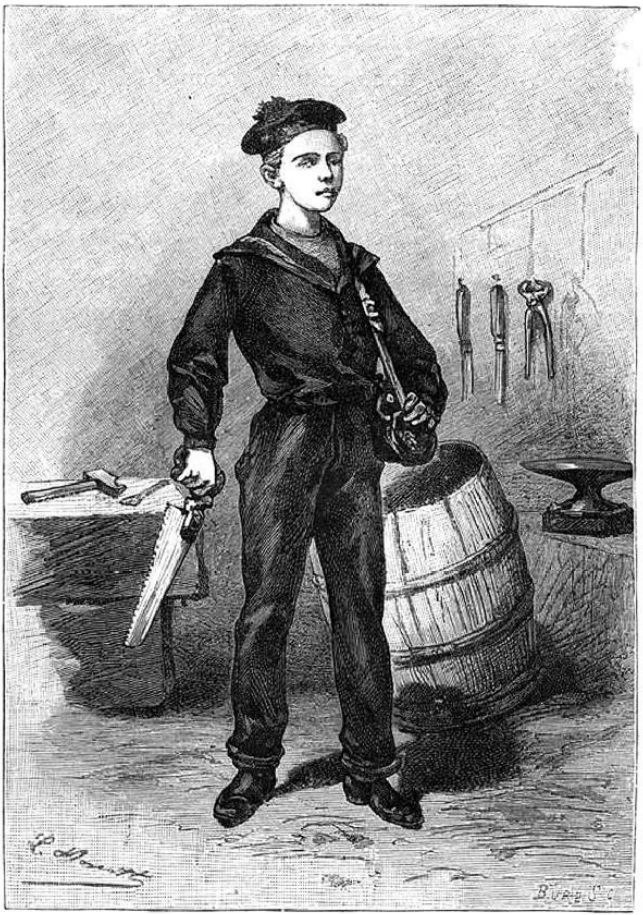
Наконец, еще двое: Доль, восьми с половиной лет, и Костар, восьми лет, оба сыновья офицеров англозеландской армии, живущих в маленьком городе в шести милях от Окленда на берегу гавани Маникаи. Они принадлежат к таким детям, о которых ничего нельзя сказать, разве только, что Доль был очень упрям, а Костар лакомка. Хотя они по успехам не выделялись в первом отделении, но не считались и отстающими, потому что

умели читать и писать.

Итак, все эти дети принадлежали к почтенным семьям, давно поселившимся в Новой Зеландии. Остается рассказать об остальных трех мальчиках.

Американцу Гордону — четырнадцать лет. В его фигуре и манерах проглядывает грубость настоящего янки. Неловкий и тяжеловесный, он, бесспорно, был самым положительным учеником пятого отделения. Если он не так блестящ, как Донифан, то у него есть здравый смысл, практическая сметка, которую он часто обнаруживал в серьезных вещах. У него был наблюдательный ум и холодный темперамент. Педантичный до мелочности, он размещал свои мысли в голове в таком же порядке, как вещи в своем шкафу, где все было распределено по местам, надписано и отмечено в особой памятной книжке. Словом, товарищи его уважали, признавали его качества и хорошо относились к нему, хотя он и не был англичанином. Гордон был родом из Бостона; круглый сирота, которому семью заменил его единственный родственник-опекун, прежде бывший консульским агентом. Несколько лет назад он оставил службу, нажил состояние и жил в красивой вилле, стоящей на возвышенности

около селения Маунт-Сент-Джон.



Бакстер

Два молодых француза, Бриан и Жак, были сыновьями известного инженера, который два года тому назад провел большие работы по осушению болот на острове Ика-Намауи. Старшему было тринадцать лет. С большими способностями, но ленивый, он часто бывал одним из последних учеников пятого отделения. Однако, когда хотел, с его способностями и замечательной памятью, быстро поднимался до первого разряда, чему Донифан больше всего завидовал. Бриан и он никогда не ладили в пансионе Черман, то же самое было и на яхте. Бриан был смелый, предприимчивый и ловкий, находчивый в спорах, а кроме того, услужливый, добрый мальчик, ничего не имеющий общего с Донифаном; он и одевался немного небрежно и не следил за манерами; словом, был совсем француз и этим резко отличался от своих товарищей-англичан. Он часто защищал слабых от старших, злоупотреблявших своей силой, и с первых дней не был «фаггом», а потом и обходился без них. Из-за этого происходили драки, из которых он почти всегда выходил победителем благодаря мужеству и силе. Товарищи любили его, и, когда возник вопрос о том, кому управлять яхтой, большинство из них согласились пови-

новаться ему — тем более было известно, что он приобрел некоторые морские сведения во время переезда из Европы в Новую Зеландию.

Что касается его брата Жака, то его до сих пор считали самым большим шалуном, не хуже Сервиса. Он беспрестанно изобретал новые проказы и приставал к товарищам, за что его нередко наказывали. Но его характер совершенно изменился после отплытия яхты, и причина этой перемены была загадкой для всех. Таковы были мальчики, выброшенные бурей на какую-то землю в Тихом океане.

Бриан и Жак

Во время плавания вдоль берегов Новой Зеландии яхтой должен был командовать ее владелец, отец Гарнетта, один из смелых членов яхт-клуба австралийских морей. Много раз его яхта показывалась около берегов Новой Каледонии, Новой Голландии, от пролива Торреса до южных пределов Тасмании, около Моллукских островов, Филиппинских и Целебеса, в местах, опасных даже для крупных судов. Но это была яхта хорошо построенная, очень прочная и великолепно выдерживавшая даже бурю.

Экипаж состоял из боцмана, шестерых матросов, повара и юнги Моко, двенадцатилетнего негра, семья которого была в услужении у новозеландского колониста. Надо еще упомянуть прекрасную охотничью собаку Фанна американской породы. Она принадлежала Гордону и никогда не отходила от своего хозяина.

День отъезда был назначен на 15 февраля. Яхта стояла в конце Коммерческого мола в довольно просторном месте гавани. Экипажа еще не было на яхте, когда 14-го вечером молодые пассажиры явились на ее палубу. Капитан Гарнетт должен был подойти к моменту снятия с якоря. Только боцман и юнга встретили Гордона и его това-

рищей — остальные матросы ушли выпить по стаканчику виски на дорогу. Когда все разместились, боцман решил присоединиться к своему экипажу. Он пошел в один из трактиров, где они собрались, и засиделся до поздней ночи. Что касается юнги, то он лег спать.

Дальше случилось невероятное. Канат, которым яхта была пришвартована к пристани, оказался отвязанным. Неизвестно, был ли это злой умысел или небрежность. На яхте этого никто не заметил.

Густой мрак окутал порт и залив Гаураки. Ветер сильно дул с суши, и яхта, подхваченная отливом, понеслась в открытое море.

Когда юнга проснулся, то яхта качалась от волнения, которое нельзя было принять за обычный прилив. Моко поспешил подняться на палубу. Яхта была далеко снесена ветром. На крик юнги Гордон, Бриан, Донифан и несколько других ребят, соскочив со своих коек, бросились на палубу. Напрасно они звали на помощь. Не видно было огней ни в городе, ни в гавани. Яхта уже была в открытом море, в трех милях от берега.

Прежде всего, по совету Бриана и юнги, мальчики попробовали поставить парус, чтобы, лавируя, вернуться в порт. Но слишком тяжелый парус не

мог хорошо быть уложен и только помогал восточному ветру уносить яхту еще быстрее. «Слау» обогнула мыс Колвилль, дошла до пролива, отделяющего его от острова Грот-Баррьер, и вскоре очутилась далеко от Новой Зеландии.

Положение стало критическим. Бриан и его товарищи не могли надеяться на скорую помощь с земли.

В случае, если какое-нибудь судно из порта отправится за ними, несколько часов пройдет прежде, чем оно догонит их, допуская, что возможно будет найти яхту в такой темноте. Детям приходилось выбираться из этого положения своими собственными силами. Если переменится ветер, им нечего и думать вернуться к берегу.

Правда, оставалась надежда встретить какое-нибудь судно, идущее в один из портов Новой Зеландии. Это предположение было сомнительно, но Моко поспешил поднять фонарь на верх фок-мачты. Оставалось только ждать рассвета.

Маленькие не проснулись от суматохи, и их решили не будить. Они бы испугались и увеличили беспорядок на яхте.

Однако было сделано еще несколько попыток поставить яхту под ветер. Но он ослабевал и быстро уклонялся к востоку.

Вдруг в двух или трех милях показался свет белого фонаря наверху мачты — сигнал идущего парохода. Вскоре показались другие установленные огни — красный и зеленый, и так как они оба были видны сразу, то это значило, что пароход идет прямо на яхту.

Мальчики напрасно кричали. Шум волн, свист выходящего из клапанов пара и усиливавшийся ветер заглушали их крики.

Однако, если они их не слышат, то не увидят ли матросы с вахты фонарь «Слау»? Это была последняя надежда. К несчастью, во время килевой качки фал сломался, фонарь упал в море и нельзя было заметить присутствие «Слау», на которую пароход шел со скоростью 12 миль в час.

В несколько секунд пароход подплыл к яхте и разбил бы ее, но, к счастью, столкновение произошло только у кормы и ограничилось тем, что была содрана обшивка.

В общем, удар был так слаб, что пароход даже не заметил его и, оставив яхту на произвол надвигающегося шквала, продолжал свой путь. Капитаны очень часто не оказывают помощь судну, с которым столкнулись; это считается преступным, но случается очень часто. В данном случае вполне возможно, что на пароходе не

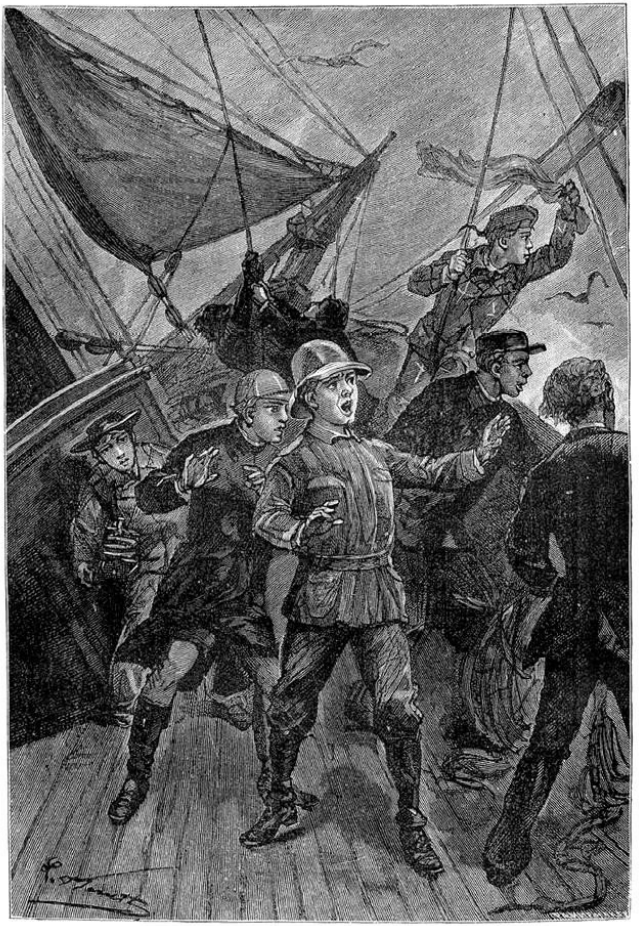
заметили столкновения с легкой яхтой, которой совсем не было видно в темноте.

Ветер гнал яхту, и мальчики сознавали, что им грозит гибель. Настало утро, и на необъятном пространстве ничего не было видно.

В этой части Тихого океана редко встречаются корабли; суда, идущие из Австралии в Америку и обратно, проходят севернее или несколько южнее.

Наступила ночь, еще более худшая, и, хотя шквал утихал, ветер не переставал дуть с запада. Ни Бриан, ни его товарищи не могли себе и представить, сколько времени придется им скитаться по волнам. Напрасно пытались они повернуть яхту в новозеландские воды. У них не хватало ни знания того, как изменить ход, ни силы, чтобы поставить паруса. В этих условиях Бриан, выказывая необыкновенную для своих лет энергию, приобрел такое влияние над своими товарищами, что и сам Донифан подчинился ему. Если с помощью Моко ему не удалось отвести яхту к западу, то, по крайней мере, он мог ее поддерживать, как умел. Он не жалел себя, не спал ни ночью, ни днем, упорно высматривая на горизонте какой-нибудь спасительный знак. Он также позаботился выбросить в море несколько

бутылок с записками об их несчастье. От этой меры многого нельзя было ожидать, но он ею не хотел пренебрегать.



Мальчики напрасно кричали.

Между тем западный ветер продолжал нести яхту по Тихому океану, и нельзя было ни замедлить ее ход, ни увеличить скорость.

Через несколько дней после того, как яхту снесло течением из залива Гаураки, поднялась буря, которая свирепствовала в продолжение двух недель. Яхта несколько раз подвергалась опасности быть разбитой ударами чудовищных волн; это и случилось бы, если бы она не была так прочно построена. Наконец «Слау» причалила к незнакомой земле Тихого океана.

Какова же будет судьба мальчиков, потерпевших кораблекрушение в тысяче восьмистах лье от Новой Зеландии? Откуда придет к ним помощь? Их родители могли думать, что они вместе с яхтой поглощены морем. Вот почему, когда в Окленде стало известно об исчезновении «Слау» в ночь с 14 на 15 февраля, то об этом тотчас известили капитана Гарнетта и родителей несчастных детей; в городе произошел переполох, и всех охватило отчаянье.

Если канат лопнул или оторвался, то яхту могло отнести в залив. Может быть, ее можно было найти, хотя усиливающийся западный ветер внушал страшные опасения. Не теряя ни минуты, началь-

ник порта принял меры для оказания помощи яхте. Два небольших парохода были отправлены на розыски за несколько миль в залив Гаураки. В течение ночи они обошли все опасные места, и, когда вернулись с рассветом, всякая надежда исчезла у родителей, потрясенных этой ужасной катастрофой.

Хотя пароходы и не нашли яхты, однако они подобрали обломки от нее, а именно часть обшивки и борта, отскочивших при столкновении с пароходом «Квито», который даже не заметил несчастной яхты.

На куске борта можно было прочесть три или четыре буквы названия «Слау», и все решили, что яхта была разбита и погибла вместе с пассажирами в двенадцати милях от берегов Новой Зеландии.

Глава четвертая

Первое исследование побережья. – Бриан и Гордон в лесу. – Тщетная попытка найти грот. – Наличное имущество. – Провизия, оружие, одежда, постельные принадлежности, инструменты и снасти. – Первый

завтрак. – Первая ночь.

Берег был пустынный — таким он казался Бриану во время его наблюдения с фок-мачты. Уже прошел час, как яхта села на мель, но не было еще видно ни одного туземца. Ни под деревьями, росшими перед скалой, ни у берегов реки, поднявшейся от прилива, не было видно ни дома, ни хижины, ни палатки. Даже не было заметно человеческого следа на песчаном берегу, окаймленном длинной полосой водорослей. В устье речки не было никаких рыбачьих лодок. На всем протяжении залива между южным и северным мысом не виднелось струйки дыма.

Прежде всего Бриан и Гордон решили отправиться к деревьям и, если возможно, взобраться на скалу.

— Вот мы и на суше, это уже что-нибудь значит! — сказал Гордон. — Но что это за земля? Она кажется необитаемой.

— Нам важно то, чтобы на ней можно было жить, — ответил Бриан, — на некоторое время нам хватит провизии, только бы найти пристанище… хотя бы для маленьких… О них надо позаботиться прежде всего.

— Да! Ты прав, — ответил Гордон.

— Мы успеем еще узнать, куда попали, — возразил Бриан, — прежде надо устроить самое необходимое. Если это материк, то можно надеяться скоро найти помощь. Если это необитаемый остров… ну, мы посмотрим, что тогда делать. Пойдем, Гордон, на поиски.

Они быстро дошли до группы деревьев, росших между скалой и правым берегом реки, шагов на триста или четыреста вверх от устья.

В лесу не было видно никаких следов присутствия человека, ни просеки, ни тропинки. Старые стволы, упавшие от времени, лежали на земле, и Бриан с Гордоном увязали по колено в сухих листьях.

Птицы боязливо разлетались, как будто уже научились остерегаться человека. Может быть, этот берег и был необитаем, но его иногда могли посещать жители соседней земли.

За десять минут оба мальчика прошли через лес, который становился гуще около скал, отвесно возвышавшихся на сто восемьдесят футов от земли. Не найдется ли какой-нибудь пещеры у основания этих скал, где бы они могли приютиться?

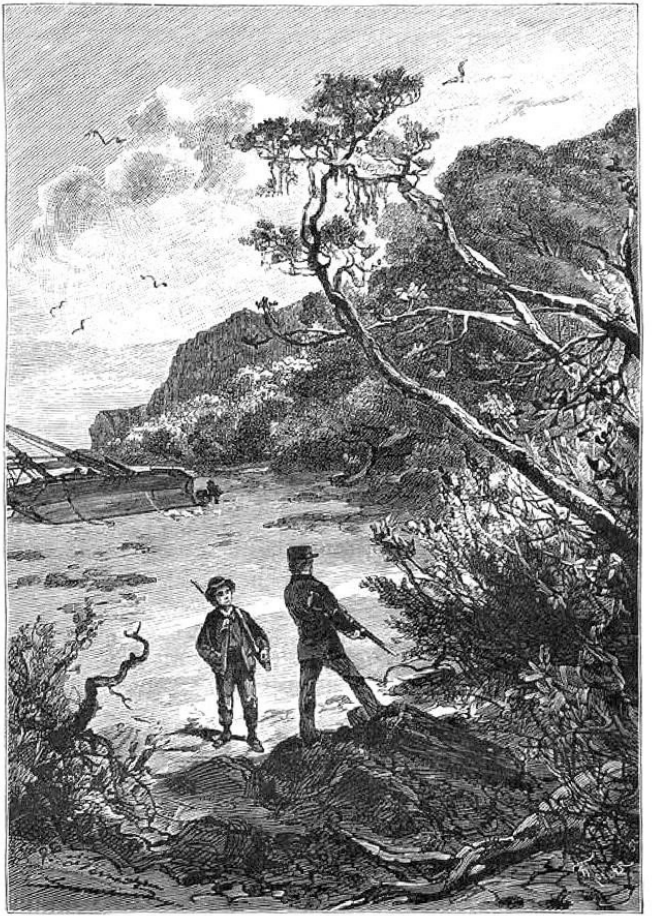
Действительно, если бы там нашлась пещера, которая была бы защищена от ветра деревьями

и куда море не доходило бы даже во время волнения, то это было бы великолепное убежище. Там они могли бы поместиться на время, пока более тщательное исследование берега не позволит им проникнуть внутрь материка. К несчастью, в этой крутой скале Гордон и Бриан не нашли никакого грота, ни малейшей трещины, по которой могли бы взобраться наверх. Чтобы идти вглубь, надо было, вероятно, обогнуть скалу.

С полчаса оба мальчика шли к югу вдоль основания скалы. Они дошли таким образом до правого берега реки, извилисто направлявшейся к востоку. Этот берег был покрыт прекрасными деревьями, другой же был совершенно ровный и без зелени, так что его можно было принять за большое болото.

Надежда мальчиков не оправдалась. Не имея возможности добраться до верха скалы, откуда, без сомнения, им бы можно было видеть местность на несколько миль в окружности, Бриан и Гордон вернулись на яхту.

Донифан и другие ходили на скалы, в то время как Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар играли и собирали раковины.



Но что это за земля? Она кажется необитаемой.

Бриан и Гордон рассказали старшим о результатах своего исследования. В ожидании дальнейших изысканий решили не покидать яхты.

Хотя она была разбита в нижних своих частях и дала сильную трещину на бакборте, однако могла служить временным пристанищем на том месте, где села на мель.

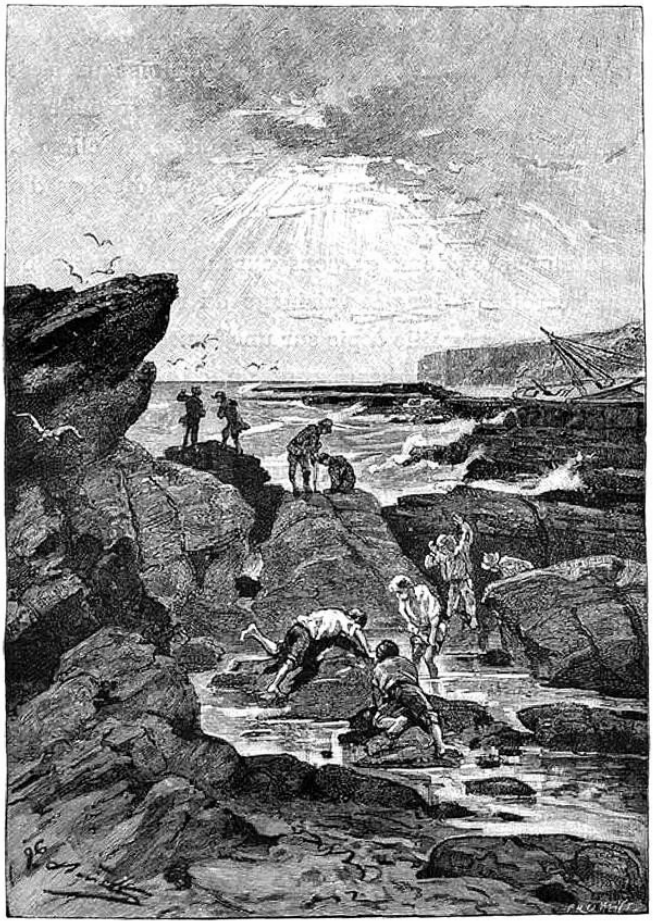
Так как каюты и салон уцелели, то в них можно было укрыться от шквала. Камбуз также не пострадал от ударов о скалы — к большому удовольствию маленьких, которых главным образом интересовал вопрос еды.

Счастьем было, что мальчикам не пришлось переносить на берег предметы, необходимые для жизни. Допустив даже, что это им удалось бы, каким трудностям, какому утомлению они бы тогда подверглись? Если бы яхту продолжали разбивать волны, то как бы они могли спасти ее части? Море быстро бы разрушило яхту, и погибли бы все вещи, консервы, оружие, запасы, одежда, постельные принадлежности, инструменты. К счастью, прилив выбросил «Слау» за каменный риф! Если на ней нельзя было больше плавать, зато можно было жить, потому что ее подводные

части выдержали шквал и она так крепко засела в песке, что прилив не мог ее сдвинуть. Конечно, постепенно от солнца и дождя она бы разрушилась и перестала бы годиться для убежища.

Самым лучшим было на первое время остаться на яхте. Так они и сделали. По веревочной лестнице, повешенной на штирборте, как большие, так и маленькие могли дойти до дверей в каюты. Моко, в качестве юнги умевший немного готовить, и Сервис, любивший хорошо покушать, принялись за стряпню. Все ели с аппетитом, и даже Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар развеселились. Только Жак, бывший в пансионе первым весельчаком, продолжал держаться в стороне. Все заметили такую перемену в характере Жака, но он угрюмо уклонялся от вопросов, предлагаемых ему товарищами.

Все утомились после такой ужасной бури и захотели спать. Бриан, Гордон и Донифан хотели дежурить по очереди. Они боялись, что появятся дикие животные или туземцы, которые также могли быть опасны. Ничего подобного не случилось. Ночь прошла без тревоги, и, когда солнце взошло, они помолились и принялись за работу.



Донифан и другие ходили на скалы, в то время как Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар играли и собирали раковины.

Прежде всего надо было составить список вещей на яхте: провизии, оружия, инструментов, одежды. Вопрос о пище был самым важным, потому что берег казался совершенно пустынным. Можно было рассчитывать на рыбную ловлю и охоту, если только будет дичь. Донифан был хорошим охотником, но дичи он пока еще не заметил, хотя и видел стаи птиц над поверхностью рифов и береговых скал. Но было бы печально, если бы пришлось питаться морскими птицами. Поэтому нужно было знать, на сколько времени хватит им припасов, находившихся на яхте.

Проверив запасы, они нашли, что только сухарей был значительный запас, а консервов, ветчины, рубленой свинины, говядины, солонины, ящиков с тушеным мясом хватило бы не более чем на два месяца при самой тщательной экономии. Чтобы добраться до прибрежных портов или внутренних городов, им, может быть, придется пройти несколько сот миль; следовательно, надо сохранить провизию и с первого же дня начать пользоваться местными продуктами.

— Только бы не испортились консервы! —

заметил Бакстер. — Ведь морская вода могла проникнуть в трюм.

— Это мы увидим, когда откроем подпорченные ящики, — ответил Гордон. — Может быть, консервы надо переварить, и тогда можно будет их употреблять.

— Я это сделаю, — ответил Моко.

— Принимайся за дело поскорее, — заметил Бриан, — потому что первые дни нам придется питаться тем, что есть на яхте.

— Отчего нам сегодня не пойти на скалы, возвышающиеся на севере залива, и не набрать там яиц, годных для пищи? — спросил Уилкокс.

— Да, да! — воскликнули Доль и Костар.

VINTRAUT. SC.

Мальчики принялись за стряпню.

— Почему нам не наловить рыбы? — добавил Феб. — Разве на яхте нет удочек, а в море рыбы? Кто хочет идти ловить рыбу?

— Я!.. Я!.. — закричали дети.

— Хорошо, хорошо! — заметил Бриан. — Но это не игра, мы дадим удочки только тем, кто умеет ловить.

— Успокойся, Бриан! — ответил Айверсон. — Мы не будем шалить.

— Хорошо, мы начнем осмотр того, что у нас есть на яхте, — сказал Гордон. — Нельзя думать только об одной пище.

— На завтрак можно набрать моллюсков, — заметил Сервис.

— Хорошо, — ответил Гордон, — дети, идите втроем или вчетвером. Моко, ступай с ними.

— Слушаю, господин Гордон.

— Смотри за ними хорошо, — добавил Бриан.

— Не беспокойтесь!

Юнга, на которого можно положиться, был услужливым мальчиком, ловким и храбрым. Он был очень полезен юным мореплавателям. Моко особенно был предан Бриану, который тоже не скрывал своей симпатии к юнге. Подобной симпатии его товарищи-англичане, наверно,

стыдились бы.

— Пойдемте! — воскликнул Дженкинс.

— Разве ты с ними не пойдешь, Жак? — спросил Бриан, обращаясь к своему брату.

— Нет! — ответил Жак.

Дженкинс, Доль, Костар и Айверсон отправились в сопровождении Моко к скалам. Может быть, в скважинах скал они соберут хороший запас моллюсков, ракушек, даже устриц; сырые или вареные, они могли бы составить солидное добавление к утреннему завтраку. Мальчики шли, подпрыгивая, находя в этом больше удовольствия, чем пользы, что вполне было свойственно их возрасту. Они забыли только что пережитые испытания и не беспокоились об угрожающих опасностях.

Дженкинс, Доль, Костар и Айверсон отправились в сопровождении Моко к скалам.

Едва младшие ушли, начался осмотр яхты. Донифан, Кросс, Уилкокс и Феб пересмотрели оружие, запасы, одежду, постельные принадлежности и инструменты. Бриан, Гарнетт, Бакстер и Сервис подсчитали напитки: вина, эль, коньяк, виски, джин, находившиеся на дне трюма в бочонках вместимостью от десяти до сорока галлонов[35]. Каждый осмотренный предмет Гордон записывал в свою памятную книжку. В этой книжке, кроме того, были заметки, относящиеся к каютам и грузу яхты. Методичный американец, можно сказать счетовод от рождения, теперь имел уже общее понятие о хранившихся у них запасах. На яхте был полный набор запасных парусов, различных снастей, канатов и тому подобного. Если бы яхта была еще в состоянии плавать, то ничего не стоило бы ее оснастить, в противном случае новые паруса и веревки пригодятся, когда мальчики будут устраиваться на берегу. Великолепные рыболовные снасти, ручные сети и различные удочки также значились в инвентаре — все это пригодилось, если бы

---

[35] Notes: 35
Английский галлон равняется приблизительно пяти бутылкам.

оказалось много рыбы.

Из оружия было записано в книжке восемь охотничьих ружей центрального боя, длинные, дальнобойные ружья и двенадцать револьверов, триста патронов, два бочонка пороху, по двадцать пять фунтов в каждом, и довольно большое количество свинца, дроби и пуль. Этот запас, предназначенный для охоты во время стоянки яхты у берегов Новой Зеландии, будет здесь употреблен с большей пользой для охраны жизни — дай бог, чтобы не пришлось ее защищать. В пороховой камере нашлось несколько сигнальных ракет, около тридцать ядер — метательных снарядов для двух маленьких пушек яхты, которыми, надо надеяться, не придется воспользоваться, чтобы отражать нападения туземцев.

Одежды и кухонных принадлежностей хватило бы надолго. Если часть посуды была разбита от удара яхты о риф, то все-таки осталось еще достаточное количество. Нашлась и различная одежда: фланелевая, драповая, бумажная и парусиновая, в таком количестве, что годилась для всякой температуры.

Если эта земля находилась под одной широтой с Новой Зеландией — что весьма возможно, так

как после отхода яхты из Окленда дул западный ветер, — то нужно было ожидать сильной жары летом и больших холодов зимой. К счастью, на яхте было много необходимой одежды. Так, в сундуках экипажа были панталоны, шерстяные куртки, клеенчатые шинели, вязаное белье, которое впору было и большим, и маленьким, так что суровость зимы легко можно было перенести. Если обстоятельства позволят переменить яхту на более удобное пристанище, то каждый перенесет свою койку с хорошими матрасами, простынями, наволочками, одеялами, и всех этих вещей могло хватить надолго.

Надолго… А может быть, и навсегда!

Из морских инструментов Гордон записал в своей книжке два барометра-анероида, спиртовый стоградусный термометр, двое морских часов, несколько медных рожков, которые употребляются во время тумана и далеко слышны, три подзорные трубы, компас, штормовой указатель, обозначающий приближение бури, и несколько флагов Соединенного Королевства, не считая различных сигнальных флажков. Нашлась еще маленькая каучуковая лодка, которую можно было складывать как чемодан и употребить для переправы через реки или озера.

Что касается инструментов, то в столярном ящике был целый набор их, не говоря уж о мешках с гвоздями, винтах, железе для небольших починок в яхте и тому подобного. Не было недостатка и в пуговицах, нитках, иголках, потому что матери этих детей предвидели частую починку. Имелся большой запас спичек.

На палубе нашлись также географические карты, но они относились только к берегам Новозеландского архипелага и были бесполезны в этой незнакомой местности. К счастью, Гордон взял с собой один из общих атласов, заключающих в себе карты Старого и Нового Света; это был атлас Штилера, считающийся современными географами одним из лучших. В библиотеке на яхте было несколько хороших английских и французских сочинений, главным образом о путешествиях, и несколько старых научных книг, не говоря о «Робинзоне», которого Сервис спас, как некогда Комоэнс спас свою «Луизиаду»; Гарнетт спас свой знаменитый аккордеон, оставшийся невредимым после крушения. Кроме книг, были все необходимые письменные принадлежности: перья, карандаши, чернила, бумага и календарь 1860 года, в котором Бакстеру было поручено вычеркивать каждый прожитый день.

— Наша бедная яхта выброшена на берег десятого марта! Я вычеркиваю десятое марта, а также все предыдущие дни тысяча восемьсот шестидесятого года, — объявил он.

В денежном сундуке на яхте нашли пятьсот фунтов стерлингов золотой монетой. Может быть, эти деньги пригодятся, если им удастся достигнуть какого-нибудь порта, откуда они бы могли отправиться на родину.

Гордон начал тщательно осматривать бочки, сложенные в трюме. У многих из них — с джином, элем и вином — было вышиблено дно при столкновении и содержимое разлилось. Это была незаменимая потеря, и надо было принять меры к сохранению оставшегося.

В общем, в трюме яхты находилось сто галлонов красного вина и хереса, пятьдесят галлонов джина, коньяку и виски, сорок бочонков эля по двадцать пять галлонов и более тридцати бутылок различных ликеров, упакованных в солому и хорошо сохранившихся.

Итак, материальная жизнь этих юных путешественников была обеспечена, по крайней мере на некоторое время. Оставалось исследовать берег — не найдется ли каких-нибудь средств для сбережения запасов. Если мальчики были

выброшены на остров, то нечего было надеяться уехать отсюда, разве только, если бы зашло сюда какое-нибудь судно, которому они дали бы знать о своем присутствии. Чинить яхту, поправить тамберсы, переделать борт было невозможно, так как у них не было ни сил, ни инструментов. Новое судно нельзя было построить из остатков яхты; кроме того, не зная искусства навигации, они не могли бы пересечь Тихий океан, чтобы добраться до Новой Зеландии. На лодках можно было бы приблизиться к какому-нибудь материку или острову. Но они все были унесены волной, и на яхте остался только один ялик, годный для плавания вдоль берега.

Около двенадцати часов младшие мальчики и Моко вернулись на яхту. Они принесли большой запас ракушек, которые юнга начал приготовлять для еды.

Моко видел множество съедобных голубей, гнездившихся в верхних углублениях скалы, так что можно было достать на берегу много яиц.

— Это хорошо! — заметил Бриан. — Как-нибудь утром мы отправимся охотиться.

— Наверно, — подтвердил Моко, — от трех или четырех выстрелов из ружья к нам попадают голуби дюжинами. А до гнезд можно добраться

по канату!..

— Отлично, — заметил Гордон. — Не пойдет ли Донифан завтра охотиться?

— Согласен! — ответил Донифан. — Феб, Кросс и Уилкокс, хотите идти со мной?

— С удовольствием, — ответили все трое в восторге.

— Однако, — заметил Бриан, — я вам советую не убивать много голубей; когда понадобится, мы опять пойдем на охоту. Не надо тратить понапрасну дроби и пороха.

— Хорошо, хорошо! — ответил Донифан, не терпевший замечаний, особенно когда они исходили от Бриана. — Мы еще не начали стрелять, а нам уже дают советы.

Через час Моко объявил, что завтрак готов. Все поспешили на яхту и разместились в столовой. Вследствие наклонного положения яхты стол заметно скривился на левую сторону. Но дети, привыкшие к боковой качке, не обратили на это внимания. Моллюски, главным образом раковины, особенно им понравились, хотя приготовить их можно было и лучше. Но в этом возрасте не требовательны. Печенье, хороший кусок говядины, пресная вода, взятая в устье реки во время отлива и разбавленная несколькими каплями

коньяку, составили довольно сносный завтрак.

Днем они приводили в порядок каюты и трюм, разбирали записанные вещи. В это время Дженкинс и его товарищи занялись рыбной ловлей в реке, изобиловавшей рыбой. После ужина все легли спать, исключая Бакстера и Уилкокса, которые должны были дежурить до утра.

Так прошла первая ночь на этом берегу.

В общем, положение молодежи было сносным: многие мореплаватели терпели крушение при гораздо худших обстоятельствах. На их месте люди здоровые и ловкие сумели бы выйти из затруднения. Но так как старшему из них было четырнадцать лет, то можно было сомневаться, хватит ли у них сил и умения бороться за свое хрупкое существование.

Глава пятая

Остров или материк? – Экскурсия. – Бриан отправляется один. – Амфибии. – Пингвины. – Завтрак. – На мысе. – Три островка в открытом море. – Голубая линия на горизонте. – Возвращение на яхту.

Остров или материк? Этот вопрос главным образом занимал Бриана, Гордона и Донифана, которые благодаря характеру и уму стали во главе своих товарищей. Думая о будущем, в то время как младшие думали только о настоящем, они часто обсуждали этот вопрос. Во всяком случае, земля эта не лежала в тропическом поясе. Это было видно по растительности: здесь росли дубы, буки, березы, ольха, ели и сосны различных пород, мирты, а эти деревья не встречаются в центральных частях Тихого океана. Казалось даже, что эта земля по широте лежала немного выше Новой Зеландии, следовательно, ближе к Южному полюсу. Можно было опасаться, что зима будет очень суровой. Облетевшие с деревьев листья покрывали землю в лесу, расположенном у подножия скалы. Только ели и сосны сохранили свои ветви, постепенно обновляющиеся и никогда не опадающие.

— Мне кажется, — заметил Гордон на другой день после того, как яхта была превращена в жилище, — будет благоразумнее не устраиваться окончательно на этом берегу.

— По-моему, тоже, — ответил Донифан, — когда настанет плохая погода, то будет поздно отыскивать какое-нибудь жилое место, да и то для этого

придется сделать несколько сотен миль!

— Имей терпение, — возразил Бриан. — У нас еще только половина марта!

— Ну, — возразил Донифан, — хорошая погода может продлиться до конца апреля, и в шесть недель можно много пройти…

— Когда есть дорога, — возразил Бриан.

— А почему ей не быть?

— Конечно, — ответил Гордон. — Но если и есть, знаем ли мы, куда она нас приведет.

— Я только одно знаю, — ответил Донифан, — что будет нелепо оставаться на яхте до холодов и дождей и видеть затруднения на каждом шагу.

— Лучше их видеть, — возразил Бриан, — чем безумно пускаться в неизвестность!

— Легче всего, — заметил Донифан, — называть безумцами тех, кто с вами не согласен!

Может быть, ответ Донифана вызвал бы новые возражения со стороны товарища и разговор перешел в ссору, если бы не вмешался Гордон.

— Спор ни к чему не приведет, — заметил он, — и чтобы помочь делу, нам надо согласиться. Донифан прав, говоря, что если мы вблизи обитаемой страны, то немедля надо добраться до нее. Но прав и Бриан, утверждающий, что нельзя идти, не зная дороги.

— Гордон, — возразил Донифан, — если мы пойдем к северу, к югу или востоку, мы можем прийти куда-нибудь…

— Да, если мы на материке, — сказал Бриан, — но не на острове, да еще необитаемом.

— Вот почему, — возразил Гордон, — и надо это исследовать. Что касается того, чтобы покинуть яхту, не убедившись, есть на востоке море или нет…

— Она нас сама покинет! — воскликнул Донифан, всегда упрямо отстаивавший свои идеи. — Она не сможет бороться с бурями, которые будут здесь свирепствовать!

— Согласен, — возразил Гордон, — однако, прежде чем пуститься в путь, необходимо знать, куда идешь!

Гордон был, очевидно, прав, и Донифан волей-неволей должен был уступить.

— Я готов идти, — сказал Бриан.

— Я также, — ответил Донифан.

— И мы все готовы, — добавил Гордон, — но так как было бы неблагоразумно брать с собой младших на экскурсию, которая может быть длинна и утомительна, я предлагаю отправиться нам двоим или троим.

— Очень жаль, — заметил тогда Бриан, — что

здесь нет высокого холма, с вершины которого можно было бы осмотреть местность. Кажется, кроме скалы, нет больше никакой возвышенности на берегу. За ней, вероятно, идут леса, равнины, по которым протекает эта река.

— Было бы полезно осмотреть эту местность, — заметил Гордон, — прежде чем пытаться обогнуть скалу, где мы с Брианом напрасно искали пещеру.

— Почему не направиться к северу бухты? — заметил Бриан. — Мне кажется, поднявшись на мыс, можно далеко увидеть.

— Я то же самое думаю, — ответил Гордон. — Этот мыс может иметь от двухсот пятидесяти до трехсот футов высоты и быть выше скалы.

— Я предлагаю идти туда, — сказал Бриан.

— К чему это, — спросил Донифан, — и что там увидишь сверху?

— Да то, что есть, — ответил Бриан.

В самом деле, в конце бухты громоздились скалы вроде небольшой горы. С одной стороны они отвесно спускались к морю, а с другой соединялись с утесом. Расстояние от яхты до этого мыса было не более семи или восьми миль, если идти по извилинам берега, а напрямик не более пяти миль. Гордон ненамного ошибся, считая, что мыс

на триста футов выше поверхности моря.

Достаточно ли было этой высоты, чтобы рассмотреть окрестность? Не встретится ли какого-нибудь препятствия на востоке, за мысом, то есть продолжается ли этот берег далее к северу или там находится океан? Следовательно, надо было отправиться в конец бухты и подняться на эти скалы. Если местность открыта с востока, то можно будет рассмотреть ее на протяжении нескольких миль.

Решили отправиться. Хотя Донифан считал это предприятие бесполезным, вероятно потому, что эта мысль пришла первому Бриану, а не ему, но все-таки от нее можно было ожидать хороших результатов.

В то же время они твердо решили оставаться на яхте до тех пор, пока не узнают наверно, что берег, куда выбросило яхту, — материк.

Однако эту экскурсию можно было предпринять только через пять дней. Наступили туманы и дожди. Если бы не поднявшийся ветер, который разгонял туман, закрывший горизонт, пришлось бы отказаться от экскурсии. Но они не теряли времени и употребили его на разные работы. Бриан занимался с маленькими мальчиками и относился к ним с отеческой любовью. Он главным

образом заботился, чтобы они были постоянно под присмотром, насколько это позволяли обстоятельства. Когда температура стала падать, он заставил их надеть более теплую одежду, достав ее из сундуков матросов. Многое пришлось перекроить, перешить с помощью Моко, который в качестве юнги все умел делать и выказал большое искусство. Нельзя было сказать, чтобы Костар, Доль, Дженкинс, Айверсон были изящно одеты — панталоны и куртки были широки, — но они все-таки охотно переоделись.

Мальчики никогда не оставались без дела. Под присмотром Гарнетта или Бакстера они чаще всего ходили к морю собирать ракушки или на реку ловить рыбу сетями и удочками. Для них это было забавой, а для всех пользой. Кроме того, занятые приятным для них делом, они не думали о своем положении, опасности которого не могли понять. Конечно, они скучали без родителей, так же как и старшие мальчики. Но мысль, что они, может быть, никогда их не увидят, не приходила им в голову.

Гордон и Бриан совсем не покидали яхты, которую взялись приводить в порядок. Веселый Сервис иногда тоже оставался с ними и был полезен. Он любил Бриана и никогда не брал сторону

друзей Донифана. Бриан также очень любил его.

— Ничего, — повторял добродушно Сервис. — Право, наша яхта была очень кстати выброшена на берег любезной волной, которая ее не очень повредила… Подобного случая не было ни с Робинзоном Крузо, ни со Швейцарским Робинзоном на их воображаемом острове!

А что делал Жак? Он помогал брату во всех работах, но едва отвечал на предложенные ему вопросы, стараясь не смотреть прямо в лицо своего собеседника.

Бриана очень тревожило поведение брата. Будучи старше Жака на три года, он всегда имел на него хорошее влияние. Со времени отплытия яхты казалось, что Жака мучили угрызения совести, как будто он совершил какой-нибудь проступок, в котором не смел признаться своему старшему брату. По его красным глазам можно было видеть, что он часто плакал.

Бриан начал думать, что Жак болен, и забота о лечении беспокоила его, так что он решил спросить брата, что с ним; на это Жак только повторил:

— Ничего!.. ничего!..

Другого ответа нельзя было от него добиться.

С 11 по 15 марта Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс

охотились на птиц, гнездившихся в скалах. Они всегда ходили вместе и, видимо, хотели составить отдельную партию, что очень беспокоило Гордона. Как только представлялся случай, он подходил то к одним, то к другим, стараясь внушить им, как необходимо действовать сообща.

Но Донифан принимал его слова так холодно, что тот решил более не настаивать. Однако он не отчаивался устранить этот разлад, грозящий быть пагубным, а может быть, и сами обстоятельства помогут там, где он не мог добиться этого своими увещеваниями.

В эти туманные дни, когда нельзя было отправиться на исследование берега, охота шла успешно. Донифан, большой любитель спорта, хорошо владел ружьем. Гордясь своим искусством, он относился с пренебрежением к западням, сетям или силкам, тогда как Уилкокс отдавал им предпочтение. При тех обстоятельствах, в которых они находились, возможно, что Уилкокс окажет бóльшие услуги, чем Донифан. Феб стрелял хорошо, но и сам сознавал, что его нельзя сравнивать с Донифаном. Кросс не годился в охотники и ограничивался тем, что восхвалял искусство своего двоюродного брата. Много также помогала собака Фанн, смело бросаясь в волны,

чтобы принести дичь.

В числе пернатых, убитых молодыми охотниками, находились морские птицы, которых Моко не знал как приготовить. Но в изобилии было голубей, гусей, уток, мясо которых очень вкусно. Донифан настрелял также устрицеедов, питающихся моллюсками и ракушками. В общем, было из чего выбрать, но эта дичь требовала особого приготовления для того, чтобы исчез ее маслянистый вкус, и, несмотря на все свое желание, Моко не всегда мог выйти из этого затруднения и угодить всем. Однако мальчики не имели права быть требовательными, что часто и повторял предусмотрительный Гордон; нужно было экономно пользоваться запасами яхты, кроме сухарей, которых было в изобилии.

Очень важно было поскорее подняться на мыс и решить вопрос, материк это или остров. От решения вопроса зависело, будет ли стоянка на этом берегу временная или постоянная.

Пятнадцатого марта погода, казалось, благоприятствовала осуществлению этого намерения. Ночью небо очистилось от туч. Ветер с суши рассеял их в несколько часов. Яркие лучи солнца золотили гребень скалы. Можно было надеяться, что когда в полдень она будет освещена, то го-

ризонт на востоке ясно обозначится. Если вдоль берега будет тянуться бесконечная линия воды, значит эта земля — остров и помощь может появиться в этих водах.

Бриан снова вспомнил о предполагаемой экскурсии на север залива и решил пойти один. Конечно, он охотнее согласился бы отправиться вместе с Гордоном, но нельзя было оставить товарищей без присмотра.

В этот же день, вечером, справившись с барометром, который показывал «ясно», Бриан предупредил Гордона, что назавтра на рассвете он отправится в путь. Пройти расстояние в десять или одиннадцать миль, считая туда и обратно, не должно было затруднить здорового мальчика, не обращавшего никакого внимания на усталость. Ему, наверно, будет достаточно одного дня для исследования, и Гордон может быть уверен, что к ночи он вернется.

Много также помогала собака Фанн, смело бросаясь в волны, чтобы принести дичь.

Рано утром Бриан отправился в путь, причем никто из товарищей, кроме Гордона, не знал об этом. Он взял с собой палку и револьвер на случай встречи с каким-нибудь зверем, хотя никаких следов не было видно в предыдущие экскурсии.

Кроме того, Бриан запасся подзорной трубой, чтобы осмотреть все, когда взойдет на вершину, и положил в сумку сухарей, кусок солонины, фляжку коньяку пополам с водой, так что, если он почему-либо запоздает вернуться на яхту, то будет чем позавтракать и пообедать.

Бриан отправился скорым шагом вдоль берега, на котором после отлива лежали еще сырые водоросли. Через час он дошел до того места, до которого Донифан со своими товарищами доходили во время охоты на голубей. Этим птицам теперь нечего было бояться его. Он хотел дойти до подножия мыса как можно скорее. Погода была ясная, небо прозрачное, и надо было этим воспользоваться. Если днем соберутся облака на востоке, то исследование не удастся.

Первый час Бриан мог идти быстро и пройти половину пути.

Если не представится никакого препятствия,

то он рассчитывал дойти до мыса к восьми часам утра.

Но вот берег стал менее удобопроходимым. Полоса песка уменьшилась благодаря приливу. Вместо упругой и твердой почвы, простиравшейся между лесом и морем по соседству с рекой, Бриану пришлось пробираться по скользким скалам и липким водорослям, обходить лужи, шаткие камни, не дающие достаточной точки опоры. Вследствие этого идти было трудно, и он с сожалением понял, что опоздает часа на два.

«Мне нужно непременно дойти до мыса прежде, чем начнется прилив, — думал Бриан. — В последний прилив эта часть берега была покрыта водой до утеса; вероятно, то же будет и во время следующего прилива. Если придется идти в обход, то я очень опоздаю. Во что бы то ни стало надо дойти до прилива!»

И храбрый мальчик, не желая поддаваться усталости, от которой у него члены стали неметь, решил идти кратчайшей дорогой. Во многих местах ему приходилось разуваться, чтобы перейти большие лужи, когда встречались скалы, он взбирался на них и не падал только благодаря своей ловкости и быстроте.

В этой части бухты водные птицы стали попа-

даться в изобилии; много было голубей, устрицеедов и уток. Два или три тюленя подплыли к берегу; при виде человека они не выказали беспокойства и не старались скрыться под водой. Из этого можно было заключить, что эти животные еще не боялись людей; следовательно, охотники по крайней мере несколько лет не появлялись в этих местах.

Обдумав, Бриан пришел к заключению, что присутствие этих тюленей доказывает, что берег находится южнее архипелага Новой Зеландии и яхта значительно уклонилась к юго-востоку.

Это предположение еще более подтвердилось, когда Бриан дошел до подножия мыса и увидел стаю пингвинов, встречающихся в южном поясе. Они сотнями переваливались, неуклюже махая подобием крыльев, служивших им исключительно для плавания. Их горькое жирное мясо не годится для еды.

Было десять часов утра. Бриан употребил много времени, чтобы пройти последние мили. Измученный, голодный, он решил отдохнуть и подкрепить свои силы, прежде чем подняться на мыс, возвышавшийся на триста футов над поверхностью моря.

Бриан сел на утес. До него не доходили волны

прилива, покрывавшие уже подводные скалы. Очень возможно, что через час ему не пройти между бурунами и нижней частью утеса. Об этом ему теперь не надо было беспокоиться, и после полудня, когда начнется отлив, он свободно пройдет в это место.

Хороший кусок говядины, несколько глотков воды с коньяком утолили его голод и жажду, и он смог отдохнуть от ходьбы.

В то же время он начал спокойно обдумывать положение, в котором находились он и его товарищи, решив заботиться об общем спасении и остаться верным этой цели до конца. Поведение Донифана и некоторых других мальчиков не переставало беспокоить его, потому что раздор мог повредить общему делу. Он твердо решил противиться всему, что могло повредить товарищам. Затем он вспомнил о своем брате Жаке, нравственная перемена которого очень тревожила его. Ему казалось, что Жак совершил какой-то проступок до отъезда, и решился употребить все влияние, чтобы заставить брата сознаться.

Отдохнув час, Бриан встал. Он поднял свою сумку, перебросил ее за спину и начал подниматься на первые скалы.

Остроконечный мыс, находившийся на самом

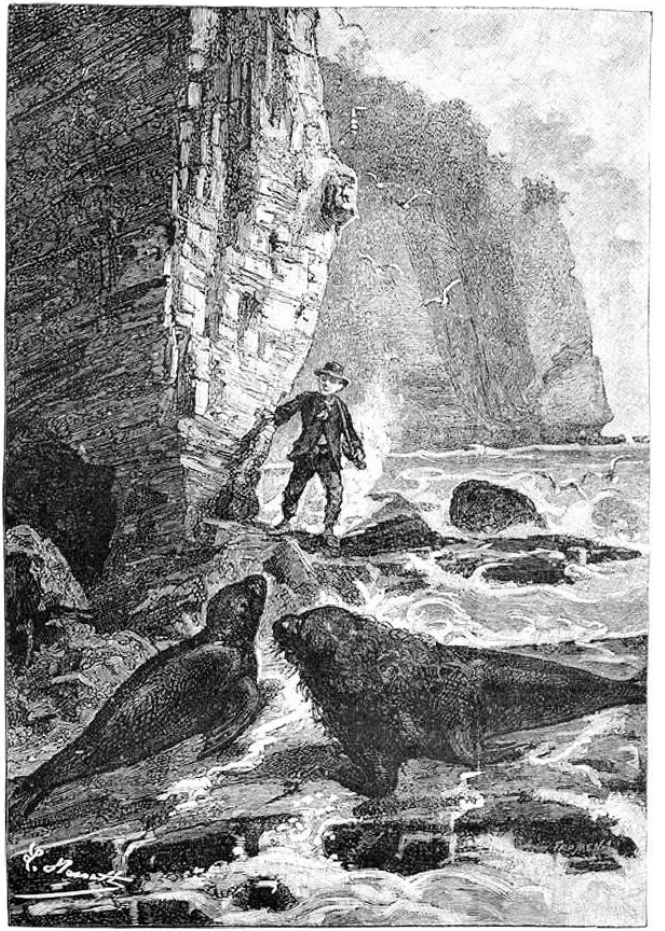
краю бухты, представлял очень странное наслоение. Можно было принять эту кристаллизацию за образовавшуюся от действия вулканической силы.

Эта горка совсем не примыкала к утесу, как казалось издали. Она была совершенно иного характера, состояла из гранитных скал, — а не известкового слоя, — похожих на скалы, встречающиеся в Ла-Манше на западе Европы.

С этой горки Бриан мог заметить и узкий проход, отделявший мыс от берега. К северу берег тянулся до бесконечности. Так как эта горка была выше остальных на сто футов, то с нее можно было видеть на большое расстояние, что было очень важно.

Подъем был довольно труден. Надо было взбираться с одной скалы на другую. Но так как он очень хорошо лазил и с детства любил этим заниматься, и у него развилась необыкновенная смелость, гибкость и проворство, то ему удалось достичь вершины утеса, избегнув опасного падения.

Прежде всего Бриан навел подзорную трубу на восток.



Два или три тюленя подплыли к берегу.

Местность была плоская на всем расстоянии. Утес был самым высоким местом, и плоскость его слегка понижалась внутрь.

За ней виднелись пригорки, не изменявшие общего характера местности. Далее шли леса, за густой, но пожелтевшей осенью зеленью прятались речки, впадавшие в море. Это плоское пространство, сливающееся с горизонтом, тянулось на десять миль. Нельзя было определить, ограничивалась ли эта равнина морем, и чтобы решить вопрос, материк это или остров, надо было организовать новую экспедицию далее на запад.

Бриан не видел на севере границы берега, который тянулся прямой линией на семь или восемь миль, загибался удлиненным новым мысом и делался песчаным, похожим на обширную пустыню.

К югу, за другим мысом на краю бухты, берег расходился на северо-восток и юго-запад, ограничивая собой обширное болото, и резко отличался от пустынного северного берега.

Бриан старательно наводил свою трубу на все стороны этой большой окружности и все-таки не мог определить, остров это или материк. Во

всяком случае, если это остров, то можно было предположить, что очень большой.

Затем он обернулся на запад. Море блестело под косыми лучами солнца, медленно склонявшегося к горизонту.

Вдруг Бриан поднес трубу к глазам и направил ее на море.

— Корабли... — воскликнул он, — корабли плывут!

Действительно, вдали на море показались три черные точки почти в пятнадцати милях от берега.

Бриан был взволнован. Не обман ли зрения? Действительно ли это три корабля?

Он опустил трубу, протер запотевшие стекла и снова навел ее вдаль...

Эти три точки были похожи на корабли, но не было видно ни мачт, ни дыма.

Бриану пришла мысль, что эти суда были на таком большом расстоянии, что нельзя различить сигналов. Очень возможно, что его товарищи не видят их; тогда надо было скорее пойти на яхту и после захода солнца развести большой огонь на берегу.

Обдумывая все это, Бриан не переставал наблюдать за тремя черными точками, удивляясь, что

они не двигаются.

Вскоре он различил, что это были три маленьких острова, расположенных к западу от берега, мимо которых должна была проходить яхта, когда буря несла ее к берегу, но которых из-за тумана не было видно.

Это было большим разочарованием для Брианa.

Было два часа дня. Начался отлив, берег освободился от воды. Бриан, находя, что пора вернуться на яхту, приготовился спускаться с горки.

Однако ему хотелось еще раз окинуть взором горизонт с востока. Может быть, благодаря новому положению солнца он увидит какую-нибудь новую точку, которую до сих пор не мог заметить.

С величайшим вниманием Бриан начал наблюдать в этом направлении, и небезрезультатно.

Действительно, вдали за леском он ясно заметил синеватую полосу, тянувшуюся на протяжении нескольких миль с севера на юг, концы которой терялись за деревьями.

Он с еще бóльшим вниманием поглядел в трубу.

— Море!.. Да… Это море!

Труба от волнения едва не выпала у него из рук. Если на востоке море, то нет никакого сомнения,

что яхта была выброшена не на материк, а на уединенный остров Тихого океана, с которого нет возможности выбраться.

Все предстоящие опасности быстро промелькнули в воображении мальчика. Сердце у него тревожно сжалось. Но, поборов этот невольный упадок духа, он решил, что не должен унывать, как бы печальна ни была будущность.

Четверть часа спустя Бриан спустился на берег и пошел по прежней дороге. Не было еще пяти часов, когда он вернулся на яхту, где товарищи с нетерпением ждали его возвращения.

Глава шестая

Спор. – Задуманная и отложенная экскурсия. – Плохая погода. – Рыбная ловля. – Костар и Доль верхом на плохой лошади. – Сборы в путь. – На коленях перед Южным Крестом.

В тот же вечер после ужина Бриан рассказал старшим мальчикам о своей экскурсии. Результаты были следующие: на востоке за лесом ясно была видна полоса воды, шедшая с севера на юг.

Он не сомневался, что это было море, и заключил, что, к несчастью, они были выброшены бурей на остров, а не на материк.

Гордон и другие взволнованно приняли его сообщение. Итак, они были на острове и нельзя было выбраться отсюда. Приходилось ждать до тех пор, пока не покажется корабль около этого берега. Неужели нет другого средства спастись!

— Не ошибся ли Бриан в своем наблюдении? — заметил Донифан.

— Послушай, Бриан, не принял ли ты ряд облаков за море? — прибавил Кросс.

— Нет, — ответил Бриан, — я уверен, что не ошибся. Я действительно видел на востоке полосу воды, закругляющуюся на горизонте.

— На каком расстоянии? — спросил Уилкокс.

— Около шести миль от мыса.

— А за ней не было видно гор или возвышенностей?

— Нет, ничего, кроме неба.

Бриан говорил это так уверенно, что нельзя было сомневаться в справедливости его слов.

Но Донифан, как всегда в спорах с ним, упрямо стоял на своем.

— А я повторяю, — возразил он, — что Бриан мог ошибиться, и пока мы сами не увидим…

— Хорошо, пойдемте, — заметил Гордон, — нам надо знать, как поступать дальше.

— А я нахожу, что нельзя терять ни одного дня, — прибавил Бакстер, — если мы хотим двинуться в путь до плохой погоды, конечно, в том случае, если мы не на материке.

— Завтра, если погода позволит, — продолжал Гордон, — мы отправимся на исследование, которое, вероятно, продолжится несколько дней. Было бы сумасшествием идти в дурную погоду.

— Хорошо, Гордон, — ответил Бриан, — и тогда мы дойдем до противоположного берега острова.

— Если только это остров! — воскликнул Донифан, пожимая плечами.

— Говорю тебе, это остров! — возразил нетерпеливо Бриан. — Я не ошибся! Я ясно видел море на востоке. Донифан, как всегда, любит мне противоречить…

— Ведь ты можешь ошибаться?

— Конечно да! Но вы увидите, ошибся ли я. Я сам пойду еще раз в таком случае, и если Донифан хочет идти со мной…

— Конечно пойду.

— И мы также! — закричали трое или четверо.

— Хорошо! Хорошо! — согласился Гордон. — Успокойтесь. Хотя мы еще дети, но постараемся

вести себя как взрослые. Наше положение серьезно, и неосторожность может сделать его еще тяжелее. Нет! Всем нам нельзя идти в лес. Прежде всего, маленькие не могут идти с нами, а их нельзя оставить одних на яхте. Пусть пойдут Донифан с Брианом и еще кто-нибудь.

— Я! — сказал Уилкокс.

— И я! — заметил Сервис.

— Хорошо, — ответил Гордон. — Довольно четверых. Если вы запоздаете, то кто-нибудь из нас пойдет вам навстречу, а остальные останутся на яхте. Не забудьте, что здесь наша стоянка, наш дом, наш очаг, и мы его можем только тогда покинуть, когда будем наверно знать, что мы на материке.

— Мы на острове, — ответил Бриан. — Я утверждаю это в последний раз.

— Это мы увидим, — возразил Донифан.

Умные советы Гордона прекратили ссору двух мальчиков. Каждый из них, а также и сам Бриан, понимал, что следует осмотреть ту полосу воды, которую Бриан видел издали. Допуская, что на востоке море, разве не может быть в том же направлении других островов, отделенных друг от друга только каналами, через которые нетрудно переплыть? Если на горизонте покажутся возвы-

шенности, то надо их исследовать, прежде чем прийти к решению, от которого могло зависеть спасение. Несомненно, что не было земли на западе от этой части Тихого океана до Новой Зеландии. Итак, они могли только с востока добраться до какой-нибудь обитаемой земли.

Во всяком случае, предпринять подобное исследование можно было только в хорошую погоду. Итак, Гордон верно заметил своим товарищам, что надо рассуждать и действовать как взрослые, а не как дети. Если легкомыслие и естественное непостоянство их возраста одержат верх и, кроме того, возникнут между ними ссоры, то это приведет к гибели. Вот почему Гордон решил сделать все возможное, чтобы поддержать порядок между товарищами.

Донифан и Бриан торопились отправиться в путь, но из-за дурной погоды им пришлось изменить свое намерение. На другой день шел холодный дождь. Барометр стоял на отметке «буря». Было бы слишком смело отправиться в путь при таких неблагоприятных условиях.

Жалеть об этом не стоило. Понятно, что мальчикам хотелось знать, окружает ли их море со всех сторон. Но если бы они убедились, что они на материке, то немыслимо было бы отправиться

вглубь неизвестной им страны в такое холодное время года. Они бы не вынесли, если бы им пришлось пройти сотни миль, едва ли у самого сильного из них хватило сил дойти до конца. Чтобы разумно исполнить подобное исследование, надо было отложить его до наступления длинных дней, пока не прекратится суровая зима.

Однако Гордон сделал попытку определить, в какой части Тихого океана они находились. В атласе Штилера, принадлежащем библиотеке яхты, было несколько карт Тихого океана. На пути, который должна пройти яхта от Окленда до берегов Америки, они нашли на севере за группой островов Помоту остров Пасхи и остров Хуан-Фернандес, на котором Селкирк — прототип настоящего Робинзона — провел часть своей жизни. К югу до океана не было видно никакой земли. На востоке были только острова Чилоэ и Мадреде-Диос, лежащие у берегов Чили, и ниже — острова Магелланова пролива и Огненной Земли, которые омываются бурными волнами мыса Горн.

Если яхта была выброшена около одного из этих необитаемых островов, то надо пройти сотни миль до населенных провинций Чили, Ла-Платы или Аргентинской Республики. Помощи

нельзя было ожидать в ненаселенной местности, где всевозможные опасности угрожают путешественнику.

Ввиду подобных обстоятельств надо было действовать чрезвычайно осторожно, без крайней надобности не подвергаться опасности.

Так думал Гордон. Бриан и Бакстер разделяли его образ мыслей. Вероятно, Донифан со своими сторонниками тоже присоединился к ним.

Однако они не изменили своего намерения пойти исследовать море, замеченное на востоке. Но в продолжение двух недель нельзя было его привести в исполнение: стояла ужасная погода, дождь лил с утра до вечера, море бушевало. Дорога в лесу была непроходима. Необходимо было отложить исследование, несмотря на то что это был важный вопрос.

В эти долгие бурные дни Гордон и его товарищи проводили время на яхте, где они постоянно были чем-нибудь заняты. Им приходилось чинить яхту, которой буря беспрерывно наносила повреждения. Обшивка в надводных частях яхты стала портиться, и палуба протекала. В некоторых местах дождь проходил через дыры, которые надо было законопатить.

Необходимо было отыскать как можно скорее

более надежное убежище. Раньше чем через пять или шесть месяцев на восток нельзя было идти, а яхта не выдержит до тех пор. Если бы им пришлось покинуть яхту в эту погоду, они не могли бы найти себе пристанища, так как в скале, обращенной к западу, не было никакой трещины, которая бы им пригодилась. Надо было искать на противоположном берегу местечко, защищенное от морского ветра, и, когда понадобится, выстроить жилище для всех.

Нужно было чинить яхту и укрепить внутреннюю обшивку. Гордон даже хотел воспользоваться запасными парусами, чтобы покрыть борта, не жалея пожертвовать этим прочным полотном, которое могло бы пригодиться для палатки, если бы пришлось расположиться на открытом воздухе. На палубе натянули просмоленные брезенты. Груз распределили по тюкам, а Гордон пометил номер на каждом тюке и записал его в книжечку.

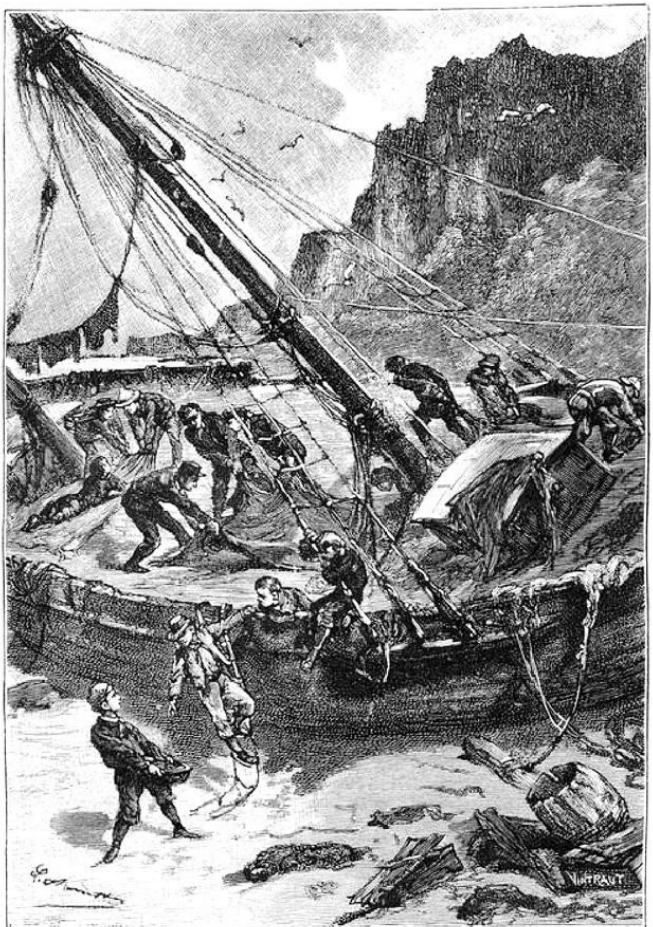
Когда ветер стихал на несколько часов, Донифан, Феб и Уилкокс отправлялись стрелять голубей, которых Моко довольно успешно приготовлял различными способами. В то же время Гарнетт, Сервис, Кросс, маленькие мальчики и иногда Жак по требованию брата занимались

рыбной ловлей. Рыбы было много, и в заливе попадалась между водорослями, зацепившимися за скалы, также крупная треска. Между волокнами этих гигантских водорослей, длиной до ста футов, кишело много маленьких рыбок, которых можно было поймать рукой.

Надо было видеть, с каким радостным криком юные рыболовы вытаскивали свои сети или удочки.

— Какая чудная! — кричал Дженкинс. — Какая крупная!

— А у меня-то еще крупнее! — кричал Айверсон, зовя Доля к себе на помощь.



На палубе натянули просмоленные брезенты.

— Они уйдут! — восклицал Костар.

Тогда остальные бежали к ним на помощь.

— Держите крепче, крепче, — повторяли Гарнетт или Сервис, переходя от одного к другому, — а главное, вытаскивайте скорее ваши сети.

— Но я не могу… не могу!.. — повторял Костар, которого самого сеть тащила в воду.

Общими силами удавалось вытащить сети на песок. Это было сделано вовремя, потому что в прозрачной воде было много хищной рыбы, быстро поглощавшей мелкую, захваченную в сети; хотя много рыбы потеряли таким образом, но все-таки много осталось и для стола. Главным образом была вкусна треска, свежая и соленая.

В реке им попадались только пескари, которых Моко жарил на сковороде.

Двадцать седьмого марта была поймана более ценная добыча, при ловле которой произошел довольно смешной случай.

После двенадцати часов дня дождь перестал, и дети пошли ловить рыбу. Вдруг раздались их крики — это были радостные крики, однако они звали на помощь.

Гордон, Бриан, Сервис и Моко, занятые на яхте, бросили свою работу и поспешили к тому месту,

откуда раздавались эти крики.

— Идите!.. Скорее! — кричал Дженкинс.

— Посмотрите на Костара и на его коня, — сказал Айверсон.

— Скорее, Бриан, а то она от нас убежит! — повторял Дженкинс.

— Довольно! Довольно! Снимите меня!.. Я боюсь!.. — кричал Костар, отчаянно махая руками.

— Ну, ну!.. — погонял Доль, севший верхом сзади Костара на какую-то двигавшуюся массу.

Эта масса была не что иное, как огромная черепаха, одна из тех, которых часто находят спящими.

На этот раз, застигнутая на берегу, она старалась уйти в воду.

BURKE. Sc.

Общими силами удавалось вытащить сети на песок.

Напрасно дети, обмотав веревкой за шею, старались удержать это сильное животное. Черепаха продолжала передвигаться, и, хотя не очень скоро, но тянула веревку с непреодолимой силой, увлекая всех за собой. Из шалости Дженкинс посадил Костара на черепаху, Доль сел верхом сзади него, и теперь маленький мальчик с испуга, не переставая, кричал все сильнее, по мере того как черепаха приближалась к морю.

— Держись крепче, Костар, — говорил Гордон.

— И смотри, чтобы твоя лошадь не понесла! — воскликнул Сервис.

Бриан рассмеялся, потому что не было никакой опасности. Как только Доль выпустит Костара, тот всегда может слезть с черепахи.

Важнее было поймать черепаху. Очевидно, что даже если бы Бриан и все остальные принялись тащить, то и тогда им не удалось бы остановить ее. Надо было придумать другой способ задержать ее, иначе она попадет в воду и там с ней не справиться.

Револьверы, которыми Гордон и Бриан запаслись, уходя с яхты, не могли им пригодиться, потому что нельзя пробить ее крепкий панцирь,

а если ударить ее топором, то она спрячет голову и лапы.

— Единственное средство, — сказал Гордон, — это перевернуть ее на спину.

— А как это сделать? — спросил Сервис. — Она очень тяжелая, и нам никогда не справиться.

— Надо принести жердей, — ответил Бриан и вместе с Моко быстро побежал к яхте.

В эту минуту черепаха находилась не более чем в тридцати шагах от моря. Гордон поспешил снять Костара и Доля, сидевших верхом на черепахе. Все мальчики, схватив веревку, начали тянуть изо всех сил, но не могли остановить черепаху, у которой хватило бы силы тащить на буксире весь пансион Черман.

К счастью, Бриан и Моко вернулись прежде, чем черепаха успела сползти в море.

Из шалости Дженкинс посадил Костара на черепаху.

Просунули под черепаху две жерди, и с помощью этих рычагов им удалось с большими усилиями перевернуть ее на спину. Она была поймана, так как не могла перевернуться.

Кроме того, в тот момент, когда она высунула голову, Бриан ударил ее топором так метко, что убил.

— Ну, Костар, ты все еще боишься этой большой черепахи? — спросил он маленького мальчика.

— Нет, Бриан, она мертвая.

— Хорошо! — воскликнул Сервис. — Я бьюсь об заклад, однако, что ты не решишься ее есть.

— А разве ее едят?

— Конечно.

— Ну, я буду ее есть, если это вкусно! — заметил Костар, облизываясь.

— Это очень вкусно, — подтвердил Моко.

Нечего было и думать перенести черепаху на яхту, надо было на месте разрезать ее на части. Это очень противная операция, но молодежь начинала уже привыкать к неприятностям робинзоновской жизни. Самое трудное было рассечь панцирь, металлическая твердость которого притупила бы острие топора. Им все-таки удалось

всунуть долото между скважинами пластинок. Затем мясо, разрезанное на куски, перенесли на яхту. В этот день все могли убедиться, что бульон из черепахи чрезвычайно вкусен, жаркое тоже очень вкусно, несмотря на то, что Сервис дал ему пригореть на слишком горячих углях. Остатки съел Фанн, и, видимо, мясо черепахи ему понравилось.

Мяса получилось более пятидесяти фунтов, и, таким образом, можно было сохранить припасы, находящиеся на яхте.

Так кончился март. В течение трех недель со времени крушения яхты каждый работал сколько мог, имея в виду продолжительность пребывания на этом берегу. До начала зимы надо было окончательно решить вопрос: материк это или остров?

Первого апреля было видно, что погода начинает улучшаться. Давление медленно поднималось, и ветер становился менее резок. По этим признакам нельзя было не заключить, что наступит затишье и продолжится оно довольно долго. Наконец обстоятельства дадут возможность совершить экскурсию вглубь страны.

Старшие целый день обсуждали этот вопрос и приступили к приготовлениям для экскурсии,

важность которой все осознавали.

— Думаю, — сказал Донифан, — что завтра утром мы можем отправиться, если ничто не помешает.

— Надеюсь, что нет, — ответил Бриан, — надо быть пораньше готовыми.

— Я заметил, — сказал Гордон, — что виденная тобой на востоке полоса воды находится в шести или в семи милях от мыса.

— Да, — ответил Бриан, — но так как бухта глубоко вдается в сушу, то возможно, что от нашей стоянки до этой полосы ближе.

— В таком случае, — добавил Гордон, — ваше отсутствие продолжится не более двух суток.

— Да, Гордон, если нам удастся идти прямо на восток. Но найдем ли мы дорогу через лес, когда завернем за утес?

— Это затруднение не может нас остановить, — заметил Донифан.

— Хорошо, — ответил Бриан, — но другие препятствия могут загородить дорогу: река, болото, еще что-нибудь. Будет благоразумно запастись провизией на несколько дней.

— И патронами к ружьям, — добавил Уилкокс.

— Само собой разумеется, — сказал Бриан, — и условимся, Гордон, что если мы не вернемся через

двое суток, то ты не должен очень беспокоиться.

— Я буду беспокоиться, даже если ваше отсутствие продлится и полдня, — ответил Гордон. — Впрочем, не в этом вопрос. Вам надо не только исследовать синюю полосу, но необходимо также познакомиться с местностью вдоль всего того берега. Здесь мы не нашли никакой пещеры, и когда мы покинем яхту, то свой бивак перенесем в место, защищенное от ветра. По-моему, нельзя провести холодное время года на этом берегу.

— Ты прав, Гордон, — ответил Бриан, — и мы поищем какое-нибудь удобное место, где бы нам разместиться.

— Если только не будет доказано, что наверно можно покинуть этот мнимый остров, — заметил Донифан, упорно возвращаясь к своей мысли.

— Итак, решено, хотя этому вовсе не благоприятствует время года. Все равно постараемся.

Сборы кончились. Было заготовлено провизии на четыре дня и положено в мешки, которые несли на перевязи, четыре ружья, четыре револьвера, два маленьких топора, карманный компас, довольно сильная подзорная труба, одеяла, затем карманные инструменты, трут, огниво, спички — этого казалось достаточно для короткой, но небезопасной экскурсии. Как Бриан, Донифан, так

и Сервис с Уилкоксом, которые сопровождали их, должны идти вперед с большой осторожностью и никогда не отделяться.

Гордон сознавал, что ему надо было бы пойти с Брианом и Донифаном, но благоразумнее было остаться на яхте, чтобы заботиться о маленьких. Отведя Бриана в сторону, он взял с него слово избегать ссор с Донифаном.

Предсказание барометра исполнилось. К концу дня на западе исчезли последние тучи и ясно обозначилось море. Чудные созвездия Южного полушария блестели на небе, и между ними выделялся величественный Южный Крест.

У Гордона и его товарищей накануне разлуки было грустно на душе. Что-то с ними будет! Со взорами, устремленными на небо, они вспомнили своих родителей, семьи, родину, которую они, быть может, никогда не увидят.

Тогда дети встали на колени перед Южным Крестом, как перед крестом часовни, и горячо помолились всемогущему Создателю этих небесных чудес.

Глава седьмая

Березовый лес. – С утеса. – В лесу. – Запруда на речке. – Ночной привал. – Ажупа. – Голубоватая полоса. – Фанн утоляет жажду.

В семь часов утра Бриан, Донифан, Уилкокс и Сервис отправились на исследования. Солнце взошло на чистом небе и обещало один из тех чудных дней, которые бывают иногда в умеренном поясе. Нечего было бояться ни жары, ни холода. Если и могло появиться какое-нибудь препятствие, которое их задержит, то только от рельефа почвы.

Прежде всего мальчики пошли по берегу к подножию скалы; Гордон посоветовал им взять с собой Фанна, инстинкт которого мог им пригодиться.

Через четверть часа все четверо исчезли за лесом, который быстро прошли. Им попадалась дичь. Но так как нельзя было терять времени, то Донифан был настолько благоразумен, что сдержал свои порывы. Даже Фанн понял наконец, что утомительно бегать туда-сюда, и побежал рядом

со своими хозяевами, не отклоняясь в сторону более, чем следовало ему как разведчику.

План состоял в том, чтобы идти вдоль подножия скалы до мыса, расположенного на севере залива. Они хотели идти по направлению полосы воды, замеченной Брианом. Этот путь хотя и был не самым коротким, но зато самым верным. Таким мальчикам, сильным и хорошим ходокам, нетрудно было сделать одну или две лишних мили.

Как только они дошли до скалы, Бриан узнал место, где они с Гордоном останавливались во время своей первой экскурсии. Так как в этой известковой стене не было никакого прохода по направлению к югу, то надо было искать ущелье на севере, хотя бы пришлось снова подняться до мыса.

Бриан объяснил это своим товарищам, и Донифан после неудачных попыток забраться на откос не противоречил ему. Все четверо следовали вдоль подножия скалы, окруженной деревьями.

Они шли около часа, и так как предстояло идти до мыса, то Бриан начал беспокоиться, можно ли там пройти, не начался ли прилив и не покрыт ли берег водой. Придется потерять почти полдня, ожидая, когда настанет время отлива.

— Надо спешить, — сказал он, объяснив, как важно прийти до начала прилива.

— Ну, — возразил Уилкокс, — мы рискуем только замочить ноги.

— Да, сначала ноги, а затем вода дойдет до груди и до ушей! — возразил Бриан. — Вода поднимается по крайней мере от пяти до шести футов, и мне кажется, нам лучше всего прямо отправиться к мысу.

— Это следовало раньше предложить, — заметил Донифан. — Ты, Бриан, наш проводник, и, если мы опоздаем, твоя вина.

— Хорошо, Донифан. Во всяком случае, не надо терять ни одной минуты. Где Сервис?

И он позвал его:

— Сервис! Сервис!

Мальчика не было с ними. Он исчез со своим другом Фанном шагах в ста за выступом скалы.

Почти тотчас же раздались крики и послышался лай собаки. Сервису, вероятно, угрожала какая-то опасность.

В одну минуту Бриан, Донифан и Уилкокс поспешили к своему товарищу, остановившемуся перед старым обвалом в скале. Вследствие просачивания или просто от перемены погоды известковая масса осыпалась и образовала полу-

воронку, шедшую снизу скалы до самого верха. В отвесной стене образовался узкий проход, покатость внутренних стенок его не превышала сорока или пятидесяти градусов. Кроме того, неровности на поверхности воронки представляли точки опоры, и по ним легко можно было взобраться. Проворные и ловкие мальчики могли без особого труда взобраться кверху, если только не произойдет нового обвала.

Они, не колеблясь, решились это сделать. Донифан первый бросился к камням, нагроможденным у входа в воронку.

— Подожди!.. Стой!.. — закричал ему Бриан. — Не надо рисковать!

Но Донифан не слушал его: из самолюбия он хотел опередить своих товарищей, особенно Бриана, и вскоре очутился на середине воронки.

Его товарищи последовали за ним, избегая подниматься сзади него, чтобы в них не попадали куски, отскакивающие от скалы и падающие на землю.

Все прошло благополучно, и Донифан был доволен, что первым взобрался на гребень скалы.

Донифан уже вынул подзорную трубу из футляра и навел ее на леса, которые бесконечно тянулись на восток.

Там виднелась та же зелень и небо, которое Бриан видел с мыса, но менее обширно, потому что мыс был выше скалы на сто футов.

— Ну что, — спросил Уилкокс, — ты ничего не видишь?

— Решительно ничего, — ответил Донифан.

— Теперь моя очередь посмотреть, — сказал Уилкокс.

Донифан с самодовольством передал трубу товарищу.

— Я не вижу никакой водной полосы, — сказал Уилкокс, опуская трубу.

— Вероятно, потому, — ответил Донифан, — что ее нет с этой стороны. Посмотри, Бриан, и я думаю, ты увидишь свою ошибку.

— Мне нечего смотреть, — ответил Бриан, — я уверен, что не ошибся.

— Это уж слишком… Мы ничего не видим.

— Скала ниже мыса — от этого уменьшается расстояние. Если бы мы были так же высоко, как я тогда, то голубая полоса показалась бы на расстоянии шести или семи миль. Вы бы ее тогда увидели там, где и я, и убедились бы, что ее нельзя смешать с облаками.

— Сказать все можно, — заметил Уилкокс.

— Но я могу и доказать, — ответил Бриан. —

Дойдем до плато, пройдем лес и будем идти, пока не дойдем.

— Хорошо, — заметил Донифан, — так мы можем далеко пройти, но, право, не знаю, стоит ли.

— Оставайся, Донифан, — ответил Бриан, следуя совету Гордона и сдерживая себя, несмотря на недоброжелательство своего товарища. — Оставайся, а мы с Сервисом пойдем.

— Мы также пойдем! — возразил Уилкокс. — В путь, Донифан.

— Сначала надо позавтракать, — заметил Сервис.

Действительно, надо было подкрепиться.

Они позавтракали и через полчаса отправились в путь.

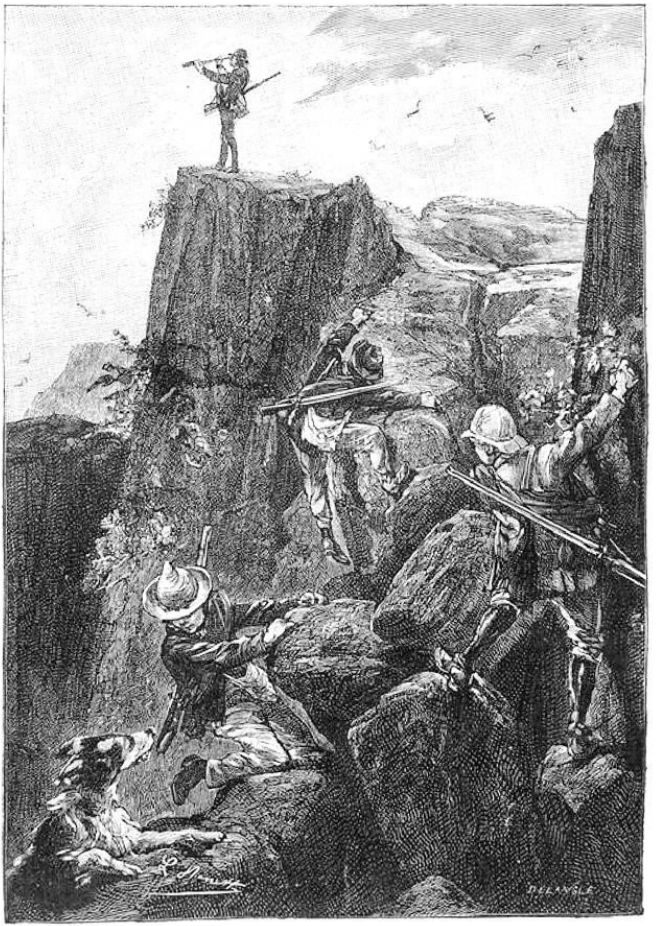
Первую милю прошли быстро. Травянистая почва не представляла никакого затруднения для ходьбы. Мох и лишаи покрывали кремнистые бугорки, кое-где встречались разные кустарники, то папоротники или плауны, то вереск, барбарис, остролист, кустарники с жесткими листьями, которые распространены и в более северных широтах.

Пройдя верхнее плато, Бриан и его товарищи не без труда спустились по противоположному склону, такому же высокому и прямому, как со

стороны бухты. Если бы не дно полувысохшей речки, извилины которой облегчали крутизну, то им пришлось бы вернуться к мысу.

В лесу было труднее идти по земле, покрытой крепкими растениями и высокой травой. Часто упавшие деревья заграждали путь, а кустарники были так густы, что надо было прокладывать дорогу. Мальчики действовали топорами, как пионеры Нового Света.

Все чаще и чаще приходилось делать остановки, причем руки уставали больше ног. Вследствие этого они запоздали и прошли за день, вероятно, не более трех или четырех миль.


DELANGLE

Донифан уже вынул подзорную трубу из футляра и навел ее на леса, которые бесконечно тянулись на восток.

Казалось, ни разу человек не проникал в этот лес. По крайней мере, нигде не было следов. Не было ни малейшей тропинки, которая указывала бы, что по ней ходили люди. Деревья упали от бури или от времени, но не от руки человека. Местами помятая трава указывала только на след каких-нибудь небольших животных; некоторых из них они видели, но не могли узнать, какой они были породы, потому что робкие животные убегали очень быстро.

Нетерпеливому Донифану так и хотелось схватить ружье и выстрелить в этих пугливых четвероногих, но он удерживался благодаря своему благоразумию, так что Бриану не пришлось его останавливать.

Донифан понимал, что не должен стрелять, чтобы не выдать своего присутствия, хотя удобные случаи ему часто представлялись. На каждом шагу взлетали куропатки, очень нежные на вкус, стрижи, дрозды, дикие гуси, тетерева, не считая таких птиц, которых можно было настрелять сотнями.

В случае, если им придется остаться в этих

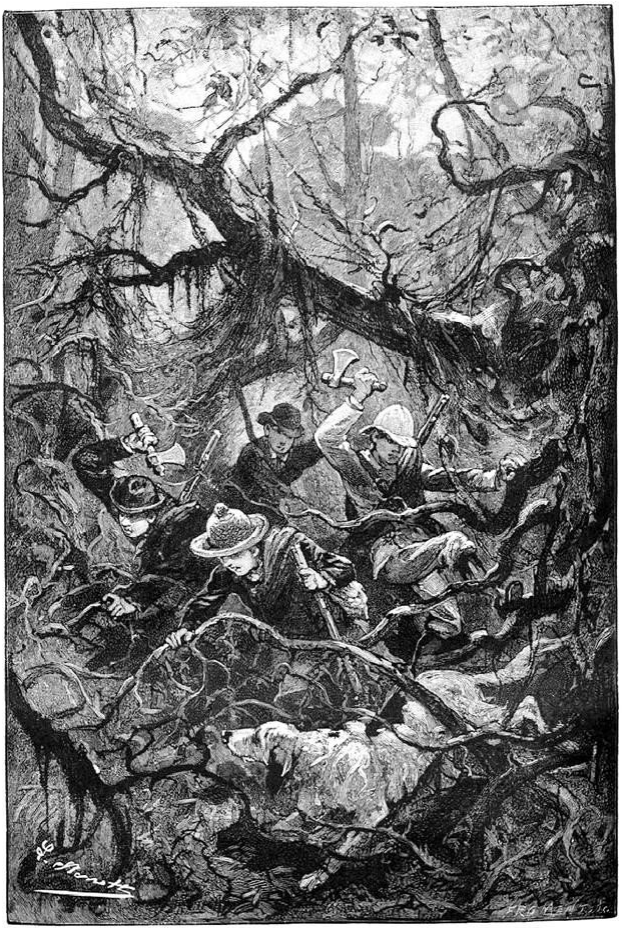
местах, они найдут себе пропитание. В самом начале экскурсии Донифан это заметил, надеясь впоследствии вознаградить себя за вынужденную обстоятельствами сдержанность.

Деревья в лесу главным образом состояли из различных сортов берез и буков. Тут также были высокие и прямые кипарисы, очень густые мирты и чудные группы коричных лавров, кора которых распространяет такой же запах, как и корица.

В два часа они сделали вторую остановку в узкой прогалине, через которую протекала неглубокая река, скорее ручеек. Эта необыкновенно прозрачная река тихо текла по черноватым камням. По тихому, чистому течению незасоренной воды можно было судить, что ее источник недалеко. Перейти через нее было легко по камешкам, которыми она была усеяна. Даже в одном месте гладкие камни лежали симметрично и тем обратили на себя внимание мальчиков.

— Это странно! — сказал Донифан.

Действительно, как будто было проложено шоссе от одного берега до другого.



Казалось, ни разу человек не проникал в этот лес.

— Совсем как плотина! — воскликнул Сервис, собираясь ее перейти.

— Подожди! — остановил его Бриан. — Надо рассмотреть, как лежат эти камни.

— Немыслимо, — прибавил Уилкокс, — чтобы эти камни легли сами по себе.

— Нет, — сказал Бриан, — мне кажется, в этой части реки хотели устроить переправу. Посмотрим поближе.

Мальчики тщательно осмотрели каждый камень этого узкого шоссе, выступающего из воды только на несколько дюймов.

Нельзя было наверно сказать, что эти камни были положены рукой человека, чтобы облегчить переход через реку. Вероятнее всего, что во время половодья они были подхвачены силой потока и образовали естественную запруду. Это был самый простой способ объяснить существование шоссе: к нему пришли Бриан и его товарищи после осмотра камней.

Ни на правом берегу, ни на левом не было видно человеческих следов.

Речка направлялась в противоположную сторону от бухты. Не впадала ли она в море, которое

видел Бриан с мыса?

— Может быть, — сказал Донифан, — это приток более значительной реки.

— Увидим, — ответил Бриан, считавший бесполезным возобновлять разговоры по этому поводу. — Однако, пока она течет к востоку, нам следует идти по ее течению, если она не делает много извилин.

Мальчики отправились вперед, перейдя реку, чтобы потом не переходить ее, может быть, при менее благоприятных условиях.

Было довольно легко идти по крутому берегу, исключая несколько мест, где деревья пускали корни в воду, а ветви перекидывались с одного берета на другой. Речка иногда круто поворачивала, но ее общее направление было всегда к востоку. Устье ее еще должно было быть далеко, потому что течение не становилось быстрее и сама она не делалась шире.

В половине шестого Бриан и Донифан, к сожалению, должны были убедиться, что река переменила направление к северу. Если бы они продолжали идти по реке, то это их отдалило бы от цели путешествия. Они согласились не следовать по берегу, а направиться на восток через чащу берез и буков.

Дорога эта была очень трудная. В густой траве, которая иногда покрывала их с головой, чтобы не потерять друг друга, им приходилось перекликаться.

Они шли уже целый день, но вблизи не было видно полосы воды, и Бриан начал беспокоиться. Неужели это был обман зрения, когда он смотрел с мыса?

«Нет, нет! — повторял он про себя. — Я не ошибся. Этого не может быть. Нет!»

К семи часам вечера они еще не дошли до конца леса, но было уже так темно, что нельзя было отыскать дорогу.

Бриан и Донифан решили сделать остановку и провести ночь под деревьями. Они утолили голод хорошим куском говядины. Теплые одеяла защищали их от холода. Кроме того, можно бы было развести огонь из сухих веток; но эта хорошая защита от зверей могла привлечь какого-нибудь туземца.

— Лучше не рисковать, — заметил Донифан.

Все с ним согласились и стали ужинать. Нельзя было пожаловаться на отсутствие аппетита. Уничтожив значительное количество провизии, они расположились под огромной березой, когда Сервис показал им на густую чащу в нескольких

шагах от них. Из этой чащи, насколько они могли разобрать в темноте, выступало дерево средней величины, низкие ветви которого свисали до земли. Под этим деревом все четверо улеглись на груду сухих листьев, завернувшись в одеяла. Они сразу заснули, и Фанн, который должен был сторожить их, тоже последовал примеру своих молодых хозяев.

Раз или два собака ворчала. Очевидно, какие-то дикие животные бродили по лесу, но не подошли близко.

Около семи часов утра Бриан и его товарищи встали. Косые лучи солнца ярко освещали место их ночевки. Сервис встал первым и закричал от удивления.

— Бриан! Донифан! Уилкокс! Идите… идите сюда!

— Что такое? — спросил Бриан.

— Да в чем дело? — спросил Уилкокс. — У Сервиса привычка кричать, и он нас только пугает.

— Хорошо, хорошо! — ответил Сервис. — Посмотрите, где мы лежали.

Это была не чаща, а шалаш из листьев, так называемая у индейцев «ажупа». Этот шалаш был построен давно, потому что крыша и стены его держались только благодаря тому, что шалаш

был прислонен к дереву, ветви которого покрывали эту хижину, похожую на те, в которых живут туземцы в Южной Америке.

— Значит, здесь есть жители, — сказал Донифан, быстро оглядываясь кругом.

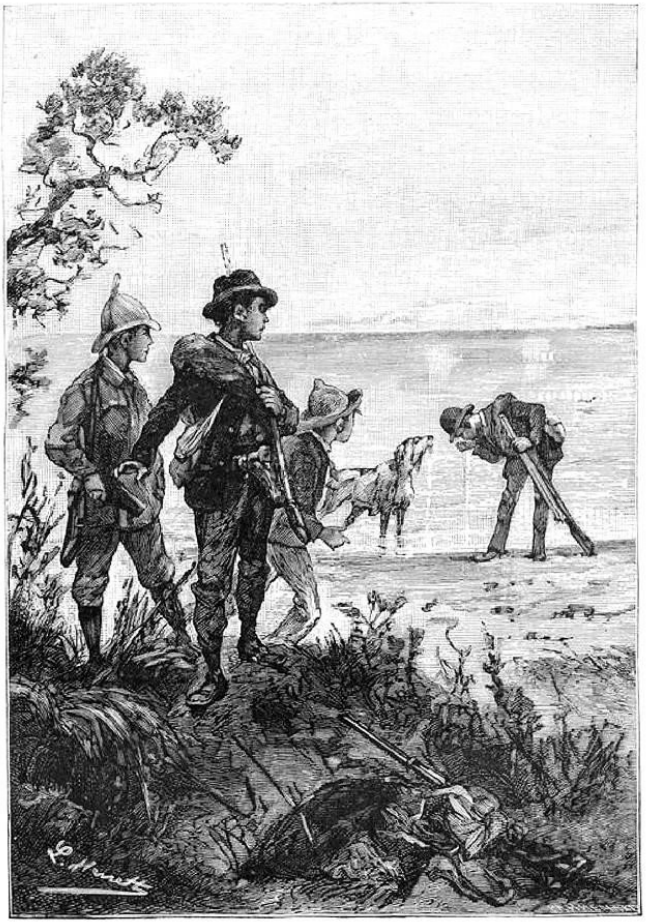
— Или, по крайней мере, были, — ответил Бриан, — эта хижина не могла сама выстроиться.

— Теперь делается понятным существование переправы через реку, — заметил Уилкокс.

— Тем лучше! — воскликнул Сервис. — Если есть жители, то это хорошие люди, потому что они выстроили эту хижину для нас, чтобы мы провели в ней ночь.

Никакого основания не было предполагать, что туземцы хорошие люди, как их называл Сервис, но не видно было, что туземцы посещают или посещали эту часть леса. Это были, вероятно, индейцы, если эта страна примыкала к Новому материку, или полинезийцы и даже людоеды, если это был какой-нибудь из островов Океании. В последнем случае детям грозила опасность, и важно было это выяснить.

Бриан предложил продолжить путь, но Донифан выказал желание осмотреть хижину, в которой, по-видимому, давно не живут.



Вода была пресная!

Может быть, в ней найдутся какие-нибудь вещи, орудия или инструменты, по которым можно будет что-либо узнать об их хозяевах.

Они тщательно перерыли сухие листья, лежавшие на полу хижины. Сервис нашел в углу глиняный черепок от чашки или бутылки; это доказывало, что здесь жил человек, но других указаний они не нашли. Оставалось только продолжать путь.

В половине восьмого мальчики с компасом в руке направились на восток по небольшой впадине. Они шли очень медленно, в течение двух часов пробираясь через густую траву и кустарники; два или три раза им приходилось прокладывать себе дорогу топорами…

К десяти часам горизонт изменился. За лесом тянулась широкая долина, усеянная мастиковыми деревьями, тимьяном, вереском. Восточнее шла полоса песка, омываемая волнами моря, которое видел Бриан.

Донифан молчал. Этому тщеславному юноше тяжело было сознаться, что его товарищ прав.

Бриан, однако, не хотел торжествовать и рассматривал море в подзорную трубу.

На севере берег, ярко освещенный лучами солн-

ца, немного загибал налево.

На юге изгиб был больше заметен.

Сомневаться теперь было нечего: они были не на материке, а на острове, и надо было оставить всякую надежду вернуться домой, если не придет помощь со стороны.

Кроме того, нигде не видно было земли.

Этот уединенный остров казался как бы затерянным в необъятных водах Тихого океана.

Бриан, Донифан, Уилкокс и Сервис пересекли долину, тянувшуюся до берега, и остановились у песчаного холма.

Они хотели позавтракать, а затем идти обратно через лес.

Может быть, если они поторопятся, им удастся к вечеру вернуться на яхту.

Завтрак прошел довольно грустно, они едва обменялись несколькими словами.

Наконец Донифан, подняв свой мешок и ружье, встал и сказал одно только слово:

— Пойдемте.

И все четверо, посмотрев в последний раз на море, собрались в обратный путь, как вдруг Фанн, прыгая, побежал к воде.

— Фанн, сюда!.. — закричал Сервис.

Но собака продолжала бежать, нюхая сырой пе-

сок, приблизилась к воде и начала жадно пить.

— Фанн пьет!.. он пьет!.. — воскликнул Донифан, подбежал к воде и, зачерпнув горсть, попробовал. Вода была пресная!

Это было не море, а озеро!

Глава восьмая

Исследование западной стороны озера. – Вниз по берегу. – Страусы. – Река, вытекающая из озера. – Спокойная ночь. – Выступ утеса. – Плотина. – Обломки лодки. – Надпись. – Пещера.

Важный вопрос, от которого зависело спасение мальчиков, не был окончательно решен. Не было сомнения, что это предполагаемое море являлось озером. Но очень возможно, что это озеро принадлежало острову. Если продолжить исследование, то, может быть, окажется, что за озером лежит настоящее море, которое никаким образом нельзя будет переплыть.

Очевидно, озеро было очень велико, потому что горизонт, как заметил Донифан, касался трех четвертей его окружности и потому очень возможно,

что они были на материке, а не на острове.

— Значит, мы выброшены на американский материк, — заметил Бриан.

— Я все время так думал, — ответил Донифан, — и оказываюсь прав.

— Во всяком случае, — продолжал Бриан, — то, что я видел на востоке, казалось полосой воды.

— Да, но не морем.

В этом возражении Донифана было видно самодовольство.

Надо было тщательно осмотреть окрестности, и для этого пришлось бы опоздать с возвращением на день или два. Конечно, это причинит большое беспокойство Гордону, но Бриан с Донифаном, не колеблясь, согласились исследовать берег. Провизии у них хватит на двое суток; погода, по-видимому, не переменится, и было решено, что они спустятся к югу, вдоль берега озера.

Кроме того, была и другая причина, заставлявшая продолжать исследования.

Несомненно, эта часть территории была если и необитаема, то, во всяком случае, посещаема туземцами. Переправа через речку и шалаш из веток указывали на недавнее присутствие здесь человека, и нужно было проверить эти предположения, прежде чем искать новое пристанище

на зиму.

Может быть, окажутся еще какие-нибудь признаки, по которым можно будет узнать о живших здесь людях. Если не туземец, то какой-нибудь мореплаватель, потерпевший крушение, мог здесь жить до тех пор, пока ему не удалось добраться до какого-нибудь города на материке. Итак, необходимо было продолжать подробное исследование местности вокруг озера.

Оставался один вопрос: пойти на юг или на север? Так как, идя на юг, они приблизятся к яхте, то и решили идти в этом направлении.

Решив так, все четверо в половине девятого отправились в путь по кочкам, покрывавшим равнину, которая заканчивалась на западе зеленым массивом.

Фанн бежал впереди и спугивал стаи птиц, которые прятались в мастиковых деревьях и папоротниках.

Там росли клюква и дикий сельдерей, которые могли быть полезны. Стрелять нельзя было ввиду того, что в окрестностях озера могли оказаться туземные племена.

Приходилось идти то по берегу, то по песку, и без всякого утомления они прошли в этот день около десяти миль.

Нигде не заметили следа туземцев. Из-за леса не было видно ни струйки дыма. На песке — ни следа ноги. Может быть, раньше кто-нибудь и жил на этой территории, но не теперь. Казалось только, что западный берег понижался и к югу был совершенно пустынен.

На горизонте не виднелось ни паруса, ни пироги; ни диких зверей, ни жвачных нигде не было видно. Днем раза два или три показалось несколько птиц на опушке леса, но к ним нельзя было приблизиться, хотя все-таки Сервис закричал:

— Это страусы!

— В таком случае детеныши, потому что малы ростом.

— Если это страусы, — возразил Бриан, — и мы действительно на материке…

— Ты еще все сомневаешься, — насмешливо заметил Донифан.

— …то этот материк американский, там страусы встречаются в большом количестве, — продолжал Бриан. — Вот все, что я хотел сказать.

Около семи часов вечера они устроили привал. На следующий день, если не будет задержек, они отправятся в обратный путь в Слау-Бэй — так они назвали бухту, где разбилась их яхта.

В этот вечер нельзя было идти дальше на юг,

так как в этом месте протекала река, которую пришлось бы переплыть. В темноте казалось, что правый берег этой реки оканчивался скалой.

Бриан, Донифан, Уилкокс и Сервис, поужинав, легли спать не в хижине, а под открытым небом. Звезды ярко сияли.

Все было спокойно на озере и на берегу. Мальчики, расположившись между огромными корнями бука, заснули так крепко, что даже раскаты грома не могли их разбудить.

Ни они, ни Фанн не слышали ни воя шакалов, ни отдаленного рева диких зверей. В этих местностях, где страусы жили в диком состоянии, можно было бояться нападения ягуаров и кугуаров, этих тигров и львов Южной Америки. Ночь прошла спокойно. Около четырех часов утра, когда на горизонте еще не занялась заря, Фанн вдруг проснулся и с глухим ворчанием обнюхал землю, как будто собирался искать кого-то.

В семь часов Бриан разбудил своих товарищей.

Все тотчас же поднялись на ноги, и в то время, как Сервис грыз сухарь, остальные трое пошли осматривать противоположный берег.

— Хорошо, что мы вчера вечером не попробовали перейти эту реку, — воскликнул Уилкокс, — иначе мы попали бы в настоящее болото!

— Да, действительно, — ответил Бриан, — это болото тянется на юг, и ему конца не видно.

— Посмотрите, — воскликнул Донифан, — как много здесь уток, чирков, бекасов! Если здесь поселиться на зиму, то можно быть уверенным, что не будет недостатка в дичи.

— А почему бы нам здесь не устроиться? — ответил Бриан, направляясь к правому берегу реки.

Сзади возвышалась высокая скала, оканчивающаяся отвесным выступом. Две стороны скалы соединялись под прямым углом, одна была обращена к крутому берегу реки, другая выходила на озеро. Не была ли это та скала, которая окаймляла Слау-Бэй на северо-востоке? Это можно было сказать только после подробного исследования местности.

Что касается речки, то ее правый берег шириной в двадцать футов шел до подножия соседних высот, а левый был очень низок, и его едва можно было отличить от болотистой равнины, которая тянулась на юг. Чтобы определить направление реки, нужно было забраться на скалу, и Бриан не хотел без этого возвращаться на яхту.

Прежде всего надо было исследовать речку в том месте, где она вытекала из озера. Там она была не шире сорока футов, но по мере прибли-

жения к устью должна была становиться шире и глубже, так как в нее мог впадать какой-нибудь приток из болота или с верхних плоскогорий.

— Посмотрите, — закричал Уилкокс, подойдя к нижнему выступу скалы и обратив внимание на груду камней в виде плотины вроде той, что они видели раньше в лесу.

— Теперь сомневаться нечего, — сказал Бриан.

— Нечего, — подтвердил Донифан, указывая на деревянные обломки в конце плотины.

Это были обломки лодки; между ними один заросший мхом гнилой обломок был как бы от форштевня; на нем еще висело железное кольцо, покрытое ржавчиной.

— Кольцо!.. кольцо!.. — закричал Сервис.

И все застыли, как бы ожидая появления человека, использовавшего лодку и строившего плотину.

Но никто не появился. Прошло уже много лет с тех пор, как эта лодка была оставлена на берегу реки. Человек, который жил здесь, или вернулся к своим, или прекратил свое несчастное существование.

Легко понять волнение мальчиков, которые убедились, что до них здесь кто-то жил.

Они только тогда обратили внимание на Фан-

на, который вел себя странно, как будто напал на чей-то след. Он навострил уши, усиленно махал хвостом, нюхал землю и рыл траву.

— Посмотрите на Фанна, — сказал Сервис.

— Он почуял что-то, — ответил Донифан, подойдя к собаке.

Фанн стоял, приподняв лапу и вытянув морду. Затем быстро бросился к деревьям, росшим около скалы со стороны озера.

Бриан и его товарищи последовали за Фанном. Через несколько минут они остановились у старого бука, на коре которого были вырезаны буквы и год, расположенные таким образом:

ФБ
1807

Мальчики долго стояли бы безмолвно и неподвижно перед этой надписью, если бы Фанн не исчез за углом выступа.

— Сюда, Фанн, сюда! — позвал Бриан.

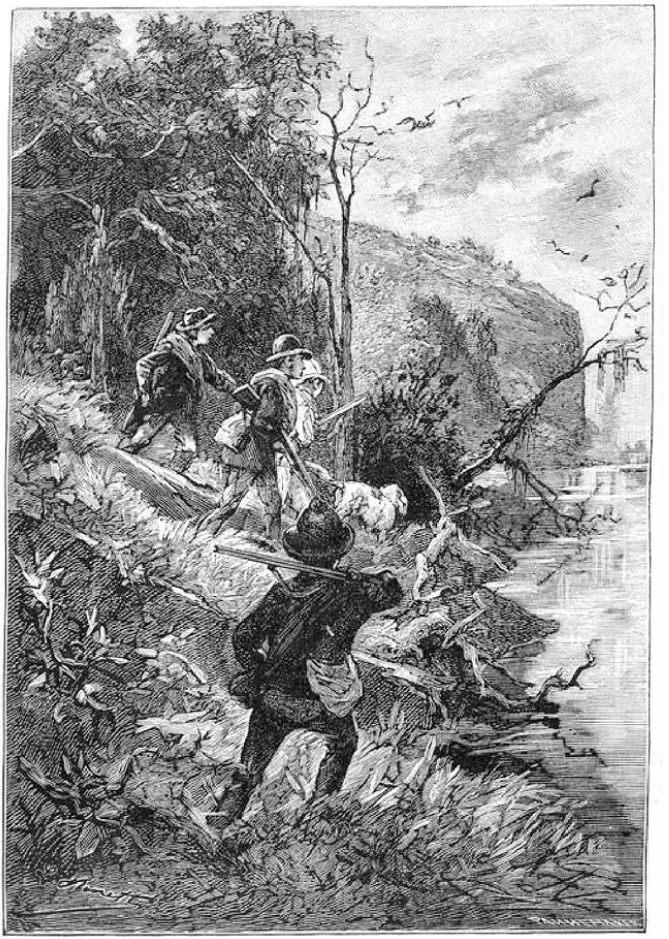
Собака не вернулась, но раздался ее лай.

— Осторожнее, — сказал Бриан. — Давайте держаться вместе и будем настороже.

Надо было действовать с большой осторожностью. Вблизи могли находиться туземцы, и их надо было бояться, особенно если это дикие

индейцы, опустошающие пампасы Южной Америки.

Мальчики взвели курки и с револьверами в руках готовы были защищаться.



Они стали прокрадываться вдоль берега реки.

Они пошли вперед, затем, обогнув выступ, стали прокрадываться вдоль берега реки. Мальчики не сделали и двадцати шагов, как Донифан наклонился, чтобы поднять с земли какую-то вещь.

Это был заступ, железка, которая едва держалась на полусгнившей рукоятке, американского или европейского изготовления, а не грубое произведение диких полинезийцев. Подобно кольцу на лодке, она очень заржавела и, без сомнения, уже несколько лет валялась здесь.

У подножия скалы виднелись следы нескольких неправильно намеченных грядок, заросших и одичавших от недостатка ухода.

Вдруг раздался заунывный вой и тотчас же показался Фанн, еще более возбужденный. Он вертелся, подбегал к своим хозяевам, смотрел на них и, казалось, приглашал идти за собой.

— Наверно, он нашел что-нибудь необыкновенное, — сказал Бриан, напрасно стараясь успокоить собаку.

— Пойдем за ним, — ответил Донифан, делая знак Уилкоксу и Сервису следовать за собакой.

Прошли десять шагов, и Фанн остановился перед кустарниками, ветки которого переплетались у основания утеса.

Бриан подошел посмотреть, не было ли там мертвого тела человека или животного. Раздвинув кусты, он заметил узкое отверстие.

— Нет ли здесь пещеры? — воскликнул он, отходя на несколько шагов.

— Очень возможно, — ответил Донифан. — Но что в этой пещере?

— Мы это узнаем, — сказал Бриан.

И он начал рубить топором ветки, загораживавшие отверстие. В пещере не было слышно никакого звука.

Сервис уже намеревался пробраться через только что открытое отверстие, когда Бриан его остановил и сказал:

— Посмотрим сначала, что будет делать Фанн.

Собака продолжала выть.

Если бы в этой пещере был кто-нибудь, то давно бы уж вышел.

Бриан бросил в отверстие пучок только что зажженной сухой травы.

Надо было узнать, что там. Так как воздух в пещере мог быть испорчен, Бриан бросил в отверстие пучок только что зажженной сухой травы. Эта трава, упав на землю, быстро сгорела, что было доказательством того, что воздух в пещере чист.

— Войдем в пещеру? — спросил Уилкокс.

— Да, — ответил Донифан.

— Осветим прежде, — заметил Бриан.

Отрубив смолистую сосновую ветку, он зажег ее и, сопровождаемый товарищами, полез в отверстие.

При входе отверстие было в пять футов высотой и два шириной, но потом оно быстро расширялось и образовывало углубление высотой в десять футов и шириной в двадцать. Дно пещеры было усыпано очень сухим и мелким песком.

Войдя туда, Уилкокс наткнулся на деревянную скамейку, стоявшую возле стола, на котором была разная посуда: каменная кружка, большие раковины, служившие вместо тарелок, ножик с зазубренным и ржавым лезвием, две или три удочки, жестяная чашка. У противоположной стены стоял сундук, грубо сколоченный из досок

и содержавший лоскутья какой-то одежды.

Нельзя было сомневаться, что в этой пещере кто-то жил. Но когда и кто?

В глубине пещеры стояла жалкая кровать, покрытая шерстяным одеялом, которое было все в лохмотьях. В изголовье на скамейке была другая чашка и деревянный подсвечник, в котором торчала обгорелая свечка. Мальчики отодвинулись от кровати при мысли, что под одеялом лежит покойник.

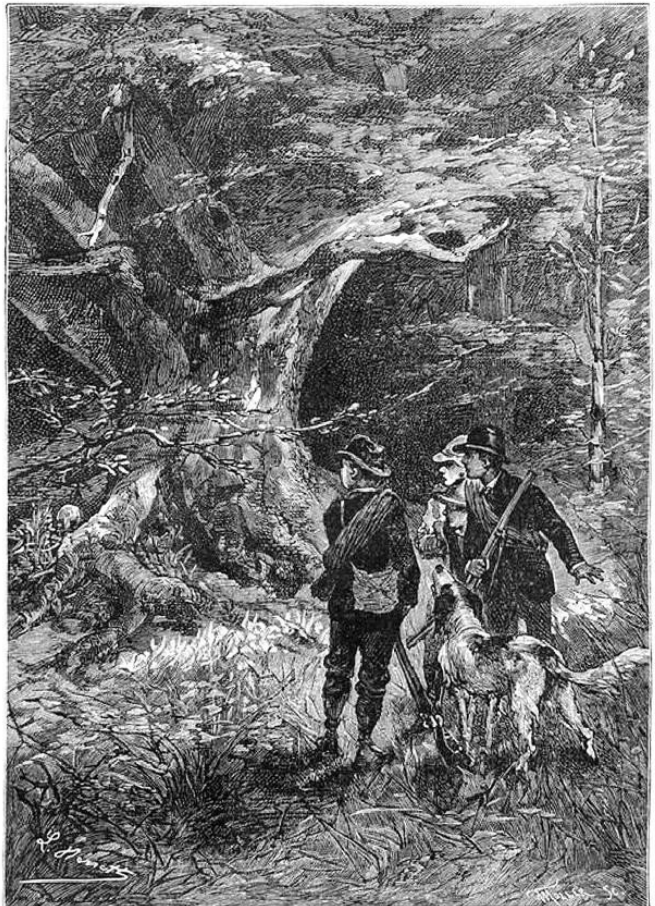
Бриан, поборов свое отвращение, приподнял одеяло.

На кровати никого не было.

Взволнованные, они вышли из пещеры и подошли к Фанну, который оставался наверху, продолжая заунывно выть.

Они спустились по берегу речки еще шагов на двадцать и остановились. Ужас приковал их к месту.

Под буком между его корнями на земле лежал скелет. Итак, вот где умер несчастный обитатель пещеры, проживший в ней, вероятно, несколько лет!



Под буком между его корнями на земле лежал скелет.

Глава девятая

Посещение пещеры. – Обстановка. – Бóла и лассо. – Часы. – Тетрадь потерпевшего крушение. – Возвращение в лагерь. – Правый берег реки. – Трясина. – Сигналы Гордона.

Бриан, Донифан, Уилкокс и Сервис замерли при виде скелета. Кто был умерший? Может быть, он потерпел крушение и не дождался помощи? Какой он был нации? Приехал ли он сюда молодым? Умер ли старым? Как он существовал здесь? Где другие, потерпевшие с ним крушение? Остался ли он один после смерти своих несчастных товарищей? Вещи, найденные в пещере, были ли взяты с затонувшего корабля или сделаны им самим? Масса неразрешимых вопросов. Между ними выступал самый главный: если это материк, то почему этот человек не дошел до какого-нибудь внутреннего прибрежного города? Может быть, это представляло такие трудности, что он не

мог их преодолеть? Может быть, расстояние до города было слишком велико. Достоверно только то, что этот несчастный, ослабев от болезни или от старости, не имел силы добраться до пещеры и умер под этим деревом. Если у него не хватило сил найти себе помощь, то, может быть, то же самое будет и с ними!

Во всяком случае, необходимо осмотреть пещеру самым тщательным образом. Может быть, найдется какой-нибудь документ, который разъяснит, кто этот человек, каково его происхождение и продолжительность его пребывания. Кроме того, надо было узнать, нельзя ли им поселиться на зиму в этой пещере.

— Пойдемте, — сказал Бриан.

В сопровождении Фанна они вошли в отверстие пещеры при свете другой смолистой ветки.

Первое, что они увидели на полке, прикрепленной к правой стене, была пачка свечей, грубо сделанных из сала. Сервис поспешил зажечь одну из этих свечей, вставив ее в деревянный подсвечник, и все продолжали осматривать пещеру.

Прежде всего надо было понять расположение пещеры, так как они убедились, что в ней можно жить. Пещера представляла большое углубление в скале древних геологических формаций. В ней

не было заметно никакой сырости, хотя воздух проходил только через сделанное отверстие, выходящее на берег озера. Стены были сухие, точно из гранита, не было просачивания тех капелек, от которых в базальтовых гротах образуются сталактиты. Кроме того, по своему положению она была защищена от морских ветров. По правде сказать, свет едва проникал в пещеру, но можно было исправить это неудобство, проделав одно или два отверстия в стене.

Пещера имела двадцать футов в ширину и тридцать в длину, так что не могла служить спальней, столовой, кладовой и кухней. Но мальчики собирались провести в ней пять или шесть зимних месяцев, после чего хотели отправиться в какой-нибудь город Боливии или Аргентинской Республики. Очевидно, если бы было необходимо поселиться на более продолжительное время, то можно бы было устроиться удобнее, увеличив пещеру, так как известь была довольно мягкая. Такой, как она была теперь, можно было довольствоваться до начала лета.

Бриан тщательно осмотрел находящиеся здесь вещи. Их было мало. Этот несчастный, вероятно, был совершенно одинок. После кораблекрушения он мог только собрать обломки, из которых

сделал кровать, стол, сундук, скамейку, — единственную мебель этого бедного помещения. Еще нашли несколько инструментов, заступ, топор, две или три вещи из кухонной утвари, маленький бочонок, в котором, вероятно, была водка, молоток, долото, пилу. Эти вещи, видимо, были спасены на лодке, остатки которой были найдены около плотины на речке.

Но кто же был этот человек? Какого он был происхождения? Много лет прошло с тех пор, как он умер. Это было видно по состоянию скелета, найденного у дерева. Кроме того, железо заступа и кольцо лодки были заржавлены, кустарники загораживали вход в пещеру.

Продолжая поиски, нашли еще некоторые вещи: несколько ножей, лезвия которых были сломаны, компас, котелок, железный драек (инструмент, употребляемый матросами). Но не было никакого морского инструмента: ни подзорной трубы, ни компаса, не было огнестрельного оружия, чтобы охотиться на дичь и защищаться от зверей и туземцев.

Однако ему надо было чем-то питаться, и он, вероятно, ловил дичь силками. Вскоре этот вопрос был выяснен, после того как Уилкокс вскричал:

— Что это такое?

— Шары какие-то, — ответил Сервис.

— Шары? — спросил удивленно Бриан.

Вскоре догадались, для какого употребления служили оба каменных шара, только что поднятых Уилкоксом. Это был охотничий снаряд, называемый «бола» и состоящий из двух шаров, соединенных между собой веревкой, они употребляются индейцами в Южной Америке. Если искусно бросить эти шары, они обматываются вокруг ног животного, движения которого становятся затруднительными, и оно легко делается добычей охотника.

Несомненно, что обитатель пещеры сам сделал эти шары, а также и лассо — длинный кожаный аркан, употребляющийся, как и шары, но только для более короткого расстояния.

Таков был перечень вещей, найденных в пещере, и в этом отношении Бриан со своими товарищами был несравненно богаче.

Был ли то простой матрос или образованный офицер, который мог воспользоваться своими познаниями и развитием? Это трудно было решить, не имея никаких данных.

В изголовье кровати, когда Бриан откинул одеяло, Уилкокс нашел часы, висевшие на гвозде, вбитом в стену. Часы более изящные, чем обык-

новенные матросские, тонкой работы, глухие, серебряные, с ключиком, висевшим на серебряной цепочке.

— Посмотри, который час! — воскликнул Сервис.

— Это нам ничего не объяснит, — ответил Бриан, — вероятно, эти часы остановились задолго до смерти несчастного.

Бриан с трудом открыл крышку, так как петли крышки заржавели, и увидел, что стрелки показывали двадцать минут четвертого.

— Но, — заметил Донифан, — на этих часах есть надпись… Это может нам указать…

— Ты прав, — ответил Бриан.

Взглянув внутрь крышки, ему удалось прочесть следующую надпись: *Дельпейх, Сен-Мало,* имя часового мастера и его адрес.

— Он француз, мой соотечественник! — воскликнул с волнением Бриан.

Не было никакого сомнения, что в этой пещере жил француз, пока смерть не избавила его от всех несчастий.

К этому доказательству прибавилось другое, не менее важное, когда Донифан, двигая кровать, поднял с полу тетрадь, пожелтевшие страницы которой были исписаны карандашом.

К сожалению, большую часть написанного нельзя было прочесть. Однако несколько слов можно было разобрать и между прочим слова: *Франсуа Бодуэн*.

Начальные буквы этого имени умерший вырезал на дереве. Эта тетрадь служила дневником несчастному жителю пещеры со дня, когда его выбросило на берег. Бриану удалось прочесть еще следующие слова: «Дюгэ-Труэн» — очевидно, название корабля, который погиб в этой отдаленной части Тихого океана.

В начале тетради был поставлен тот же год, который был вырезан под инициалами; вероятно, это была дата кораблекрушения.

Уже прошло пятьдесят три года с тех пор, как Франсуа Бодуэн пристал к этому берегу. Во время всего своего пребывания здесь он не получил ни от кого помощи.

Франсуа Бодуэн не мог уйти куда-нибудь из этого места, вероятно потому, что ему мешали непреодолимые препятствия.

Теперь мальчики поняли более чем когда-либо опасность своего положения. Как они справятся с тем, чего не мог преодолеть взрослый моряк, привыкший к труду и усталости? Последняя находка убедила их, что всякая попытка покинуть

эту землю будет напрасна.

Перелистывая тетрадь, Донифан заметил между страницами сложенную бумагу. То была карта, начерченная особого рода чернилами, вероятно составленными из воды и сажи.

— Карта! — воскликнул он.

— Вероятно, Франсуа Бодуэн сам нарисовал ее, — прибавил Бриан.

— Если это так, то он не был простым матросом, — заметил Уилкокс, — скорее всего, он офицер с «Дюгэ-Труэна», потому что сумел начертить карту.

— Неужели это карта? — воскликнул Донифан.

Да, карта изображала ту землю, на которой находились мальчики. С первого взгляда они узнали залив Слау-Бэй, подводные скалы, отмель, на которой был лагерь, озеро, к которому Бриан и его товарищи только что спускались по западному берегу, три островка, расположенных в море, скалу, закругляющуюся к берегу реки, леса, которыми была покрыта вся центральная часть местности.

За противоположным берегом озера были еще леса, тянувшиеся до другого берега, омываемого со всех сторон морем…

Итак, напрасно было идти на восток отыски-

вать спасение. Бриан был прав. Этот мнимый материк был окружен со всех сторон водой… Это был остров, и вот почему Франсуа Бодуэн не мог отсюда выбраться.

Общие начертания острова были довольно точно воспроизведены. Расстояние, конечно, было определено не по тригонометрическим измерениям, а по времени, которое нужно было, чтобы его пройти; но ошибки были не очень большие.

Бодуэн исследовал весь остров, так как он нанес на карту все подробности, и, наверно, лиственную беседку и плотину через речку он сделал сам.

Вот какой вид имел остров по чертежу Франсуа Бодуэна.

Он был продолговатый и походил на огромную бабочку с распущенными крыльями. Он суживался в центральной части между Слау-Бэй и другой бухтой, на востоке; на юге была третья, более открытая бухта, в середине громадных лесов находилось большое озеро, длиной в восемнадцать миль и шириной в пять — вот почему мальчики, придя к озеру с запада, не увидели противоположного берега. Вот почему с первого раза они приняли его за море! Много рек вытекало из этого озера, и одна из них, протекая мимо пещеры, впадала в Слау-Бэй.

Единственной возвышенностью этой местности были скалы, шедшие наискось от мыса к правому берегу реки. Северная часть острова обозначалась на карте бесплодной и песчаной, а за рекой шли болота, оканчивавшиеся к югу острым мысом. На северо-востоке и юго-востоке шли дюны, придававшие этой части берега совсем другой вид, нежели берег Слау-Бэй.

Если принимать во внимание начерченную внизу карты шкалу, остров должен был иметь в длину пятьдесят миль с севера на юг и в ширину двадцать пять с востока на запад. Принимая во внимание все неправильности его очертания, озеро имело пятьдесят миль в окружности.

Нельзя было точно определить, к какой группе Полинезийских островов принадлежал этот остров.

По всей вероятности, мальчикам придется остаться здесь надолго.

И так как пещера предоставляла прекрасное убежище, то следовало перенести в нее все принадлежности до зимы, пока буря окончательно не разрушит яхту.

Надо было скорее вернуться к яхте. Гордон должен был очень беспокоиться, уже прошло три дня с тех пор, как Бриан ушел со своими

товарищами.

По совету Бриана, решили отправиться в путь в тот же день, в одиннадцать часов утра. Подниматься на утес не надо было, так как по карте было видно, что ближе идти по правому берегу реки, протекавшей с востока на запад. До залива оставалось семь миль, и они могли их пройти в несколько часов.

Но до отхода мальчики хотели отдать последний долг несчастному Франсуа Бодуэну. Они вырыли заступом могилу под тем деревом, на котором Франсуа Бодуэн вырезал свое имя, и поставили деревянный крест.

После этого благочестивого обряда они вернулись к пещере и заткнули отверстие, чтобы животные не могли туда проникнуть. Перекусив, они спустились по правому берегу реки, вдоль основания утеса. Через час они пришли к тому месту, где скала отвесно шла к северо-западу.

Пока они шли вдоль реки, путь был легким, потому что берег был покрыт деревьями, кустарниками и травой.

Предвидя, что река служила сообщением между озером и заливом, Бриан внимательно наблюдал за ней. Ему казалось, что в верхней части ее течения можно было тянуть бечевой или багром

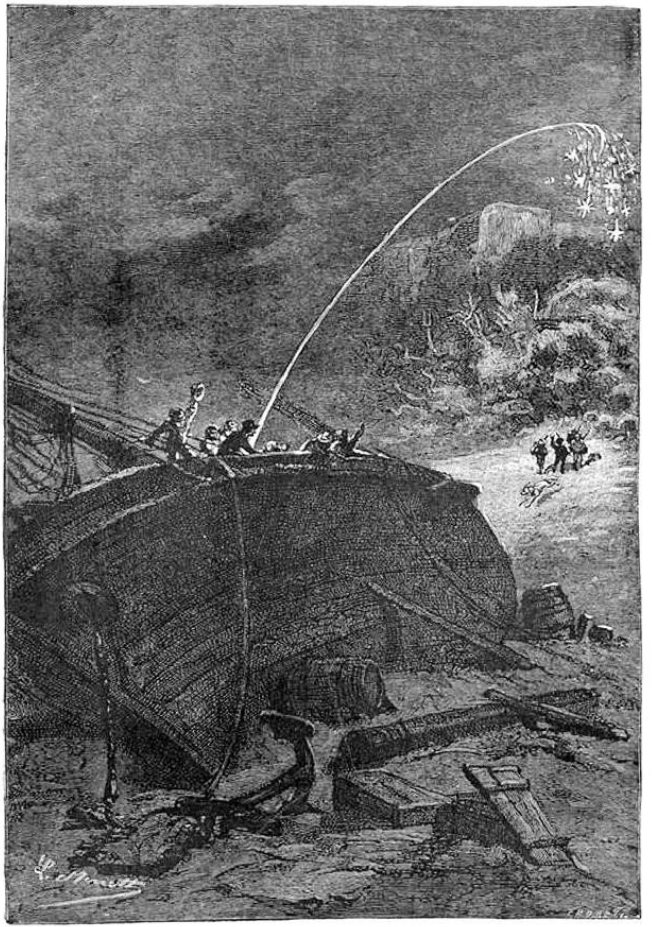
лодку или паром — это бы облегчило перевоз вещей, — стараясь воспользоваться приливом, который доходил до озера. Важно то, что на этой речке не было порогов, она была глубока и широка. На протяжении трех миль с ее истока река представляла удобные условия для плавания.

В четыре часа дня они должны были свернуть с дороги. Правый берег был покрыт трясиной, по которой опасно было идти.

Самым благоразумным было идти через лес.

С компасом в руке Бриан направился по самой короткой дороге. Из-за высокой, густо росшей травы произошла значительная задержка. Кроме того, от густого свода берез, сосен и буков темнота наступила до захода солнца.

В таких трудных условиях они прошли две мили. Лучше, конечно, было бы снова идти по течению реки, так как, судя по карте, она впадала в Слау-Бэй. Но обход был бы слишком длинен, а Бриан с Донифаном не хотели терять времени. Они продолжали углубляться в лес, и к семи часам вечера стало ясно, что сбились с дороги.



Гордон, боясь, что они заблудятся, придумал пустить несколько ракет, чтобы указать местонахождение яхты.

Может быть, им придется провести ночь в лесу. Это было бы полбеды, если бы была провизия, а они уже начали ощущать голод.

— Пойдемте дальше, — сказал Бриан. — Идя по направлению к западу, мы должны прийти к бухте.

— Если только эта карта не врет, — заметил Донифан, — и если это именно та река, которая впадает в бухту.

— Почему ты думаешь, что она врет? — спросил Бриан.

Донифан, как видно, не мог перенести свою неудачу и не доверял карте француза. Он был не прав, потому что нельзя было отрицать, что знакомую часть острова Франсуа Бодуэн точно изобразил на карте.

Бриан считал бесполезным спорить, и они решительно отправились в путь.

В восемь часов настала такая темнота, что ничего нельзя было разглядеть. Кругом был бесконечный лес.

Вдруг сквозь деревья показался яркий свет.

— Что это такое? — спросил Сервис.

— Падающая звезда, я думаю, — ответил Уилкокс.

— Нет, это ракета, — возразил Бриан, — пущенная с яхты.

— Это сигнал Гордона! — воскликнул Донифан и, в свою очередь, ответил выстрелом из ружья.

Вскоре в темноте показалась вторая ракета, Бриан с товарищами направились на нее и через три четверти часа пришли домой.

Действительно, Гордон, боясь, что они заблудятся, придумал пустить несколько ракет, чтобы указать местонахождение яхты.

Это была чудная идея, благодаря которой Бриан, Донифан, Уилкокс и Сервис могли эту ночь отдохнуть на яхте после утомительной экскурсии.

Глава десятая

Рассказ об исследовании. – Решение покинуть «Слау». – Разгрузка и разрушение яхты. – В палатке. – Постройка плота. – Нагрузка и отплытие. – Две ночи на реке. – Прибытие в Френ-ден.

Можно себе представить, как были встречены

Бриан и три его спутника. Большие встретили их с распростертыми объятиями, а дети бросились на шею; раздавались радостные крики, все пожимали друг другу руки. Фанн громким лаем выразил свое участие в дружеском приеме.

Каким долгим казалось их отсутствие!

Оставшихся на яхте волновали следующие вопросы.

Не заблудились ли они? Не попали ли в руки туземцев? Не напали ли на них людоеды?

Теперь, когда они вернулись, должны были все рассказать о своей экспедиции. Но так как путешественники очень устали после целого дня ходьбы, то рассказ был отложен до следующего дня.

— Мы на острове!

Вот все, что сказал Бриан, и этого было достаточно, чтобы будущее представилось им тревожным. Гордон принял эту новость спокойно, как будто хотел сказать:

— Я этого ждал, и это меня не страшит.

На следующий день рано утром Гордон, Бриан, Донифан, Бакстер, Кросс, Уилкокс, Сервис, Феб, Гарнетт и Моко собрались на носу яхты, в то время как остальные еще спали. Бриан и Донифан рассказали своим товарищам, как по плотине из

камней, положенных поперек речки, по остаткам хижины, спрятанной под густой чащей, они заключили, что местность была обитаема.

Они объяснили, как это обширное водное пространство, которое они приняли за море, оказалось озером, как они дошли до пещеры около того места, где река вытекала из озера, как нашли скелет француза Франсуа Бодуэна, как, наконец, карта, составленная французом, убедила их, что они на острове. Все было передано подробно, ничего не было пропущено ни Брианом, ни Донифаном. Все теперь хорошо понимали, что спасение может прийти только со стороны.

Будущность представлялась в самых мрачных красках, и оставалось только уповать на Бога. Надо заметить, что оно менее всех пугало Гордона: у него не было семьи, которая бы ждала его в Новой Зеландии. Кроме того, с его практичным умом и организаторскими способностями он охотно примется за устройство маленькой колонии. Гордон старался подбодрить своих товарищей, обещая им устроить сносное житье, если только они захотят ему помогать.

Так как остров был довольно большой, то его можно было отыскать на карте Тихого океана по соседству с материком Южной Америки. После

тщательного рассматривания карты они заметили, что в атласе Штилера не было обозначено никакого острова вне архипелагов, как, например, острова Королевы Аделаиды, Кларенские и так далее. Если бы их остров составлял часть этих архипелагов, отдаленных от материка узкими каналами, то Франсуа Бодуэн, наверно, обозначил бы их на своей карте, а он этого не сделал.

Итак, это был уединенный остров, и следовало решить, находился ли он ближе к северу или к югу. Но без достаточных данных, без необходимых географических инструментов нельзя было определить его положения в Тихом океане.

Оставалось только устраиваться на зиму, пока стоит хорошая погода.

— Лучше всего поселиться в пещере, которую мы нашли на берегу озера, — сказал Бриан. — Она нам даст отличное убежище.

— Достаточно ли она велика, чтобы мы все могли там поместиться? — спросил Бакстер.

— Очевидно, нет, — ответил Донифан, — но я думаю, ее можно увеличить, выдолбив другое углубление в скале: для этого у нас есть инструменты.

— Пока займем ее так, как она есть, — возразил Гордон, — даже если нам будет и тесно.

— А главное, — прибавил Бриан, — постараемся как можно скорее туда перебраться.

Действительно, это было важно. Гордон был прав, заявляя, что яхта с каждым днем становилась все менее пригодна для жилья. Последние дожди, сопровождаемые сильной жарой, расшатывали борта и палубу. Воздух и вода проходили вовнутрь через разорванные паруса. Кроме того, волны подмывали под яхтой песок, и она видимо оседала, так как почва сделалась очень зыбкой. Если шквал разразится, как это часто бывает во время равноденствия, то яхта в несколько часов обратится в щепки. Следовательно, не только надо было уйти с яхты, но и разобрать ее, для того чтобы взять все, что может пригодиться — бревна, доски, железо, медь, — и перенести в Френ-ден (Грот француза) — название, данное пещере в память потерпевшего кораблекрушение.

— А пока где мы будем жить? — спросил Донифан.

— В палатке, — ответил Гордон, — которую раскинем на берегу речки под деревьями.

— Это самое лучшее, что мы можем сделать, не теряя времени, — заметил Бриан.

На разрушение яхты, разгрузку вещей и провизии, на постройку плота для перевоза этого груза

потребуется по крайней мере месяц, так что им придется покинуть Слау-Бэй в первых числах мая, что соответствует первым числам ноября в Северном полушарии, то есть началу зимы.

Для нового лагеря Гордон намеренно выбрал берег реки, потому что вещи можно было перевозить по воде. Никакой другой путь не был бы удобнее и короче. Здесь же, воспользовавшись приливом, можно было свободно пустить плот по реке.

Верхнее течение реки, по словам Бриана, не представляло никакого препятствия для плавания: ни водопадов, ни порогов, ни запруд. Исследование нижнего течения от трясины до устья совершили на ялике. Бриан и Моко смогли убедиться, что и эта часть реки была также судоходна. Итак, сообщение между Слау-Бэй и Френ-ден вполне определилось.

В следующие дни мальчики устраивали палатку на берегу реки.

Низкие ветви двух буков, привязанные длинными жердями к ветвям третьего, служили опорой большому парусу яхты, полотнища которого спустились до земли. В эту палатку были перенесены постели, необходимая посуда, оружие, одежда, тюки с провизией. Так как плот

надо было сделать из остатков яхты, то пришлось ждать ее окончательного разрушения.

Погода стояла сухая. Если дул ветер, то с суши, и работать довелось в хороших условиях.

К 15 апреля на яхте оставались только очень тяжелые вещи, которые можно было перенести после полного разрушения яхты; там были слитки олова, служащие балластом, брашпили, кухня. Такелаж, фок-мачты, реи, ванты и железные фордуны и бакштаги, цепи, якоря, канаты, веревки и прочее — все это было уже перенесено к палатке.

Несмотря на спешную работу, Донифан, Феб и Уилкокс уделяли несколько часов охоте на голубей и на других птиц, прилетавших с болота. Маленькие собирали моллюсков, как только подводные скалы обнажались после прилива. Жак также работал со своими маленькими товарищами, но никогда не принимал участия в их шалостях.

Работа шла успешно и методично, в чем было видно влияние Гордона, отличавшегося практичностью. Очевидно, то, что Донифан позволял ему, он никогда бы не позволил ни Бриану, ни кому другому. Словом, мир и согласие царили в этой маленькой колонии.

Однако необходимо было торопиться. Вторая

половина апреля уже не была такой хорошей. Температура значительно понизилась. Несколько раз рано утром она падала до нуля. Чувствовалось приближение зимы и наступление периода града, снега, шквалов, особенно страшных в Тихом океане.

В следующие дни мальчики устраивали палатку на берегу реки.

Из предосторожности все должны были теплее одеваться, надеть толстое трико, толстые панталоны, шерстяные матросские куртки, взятые на случай суровой зимы. Нужно было только справиться по записной книжке Гордона, чтобы знать, где найти эту одежду, разложенную по тюкам по качеству и по росту. Бриан главным образом заботился о младших. Он следил, чтобы у них не зябли ноги, чтобы они разгоряченные не выходили на воздух. При малейшем насморке он приказывал им лежать у жаровни, которая поддерживалась день и ночь. Несколько раз Долю и Костару приходилось оставаться в палатке, и Моко не жалел травяных сборов, бывших в аптеке на яхте.

Выбрав из яхты всю движимость, принялись разламывать ее борта, которые треснули во многих местах.

Листы медной обшивки были осторожно сняты. С помощью клещей, щипцов и молотка отодрали обшивку, прикрепленную гвоздями к тамберсам. Это было очень трудное дело для неопытных и еще несильных рук. Разрушение шло медленно, но к 25 апреля буря помогла труженикам.

Ночью, хотя уже наступило холодное время года, поднялась очень сильная гроза, как и предсказывал барометр. Молния сверкала по всему пространству, раскаты грома не умолкали всю ночь, к ужасу маленьких. К счастью, не было дождя, но раза два или три пришлось укреплять палатку из-за порывов ветра.

Она держалась благодаря деревьям, к которым ее прикрепили, но яхта стояла на открытом месте, и огромные бушующие волны ударялись о нее, унося с собой часть обломков, а оставшиеся зацеплялись за верхушки подводных скал.

Обломки железа легко можно было найти под слоем песка. Этим все и занялись в последующие дни. Бревна, доски, чугунные слитки — все то, что волны не могли унести, лежало разбросанным повсюду. Оставалось все это перенести на правый берег реки, в нескольких шагах от палатки.

Это была трудная работа.

Это была трудная работа, и хотя она потребовала много времени, но все же была доведена до конца. Вместо рычагов пользовались жердями, а чтобы было легче, перекатывали круглыми деревяшками. Тяжелее всего было перенести брашпиль, кухонную печь, ящики для воды из листового железа, которые были очень тяжелы. Как жаль, что с ними не было взрослого практичного человека, который бы им помогал. Если бы с Брианом был его отец, с Гарнеттом также, то инженер и капитан сумели бы избежать тех ошибок, которые дети делали и которые они еще могли совершить.

Однако Бакстер, способный к механике, выказал много ловкости и усердия. По совету Моко, он прикрепил к кольям тали, благодаря чему тяжесть груза уменьшилась в десять раз.

Двадцать восьмого апреля вечером все, что оставалось на яхте, было перенесено к месту погрузки. Самое трудное было сделано, так как теперь предполагалось плыть по реке к Френ-ден.

— Завтра, — сказал Гордон, — мы начнем строить плот.

— Да, — сказал Бакстер, — и чтобы не трудиться его спускать, я предлагаю построить его прямо

на реке.

— Это будет неудобно, — заметил Донифан.

— Ничего, попробуем, — ответил Гордон, — зато не придется его спускать на воду.

На этом порешили и со следующего дня укрепили основание плота — его надо было сделать довольно большим, чтобы поместить на него тяжелый груз.

Бревна с яхты, разломанный надвое киль, фок-мачта, обломок грот-мачты, бушприт, фок-рея были отнесены к тому месту берега, которое заливалось водой во время сильного прилива. Ждали этой минуты, и, когда бревна были приподняты водой, их толкнули в реку. При этом длинные бревна прочно скреплялись поперечными маленькими.

Получилось, таким образом, прочное основание, длиной почти в тридцать футов, а шириной в пятнадцать. Работали без остановки весь день и кончили к ночи. Бриан привязал плот к деревьям, росшим на берегу, чтобы ни приливом, ни отливом не могло его унести.

Гвоздями и веревками прочно закрепили плот.

Изнемогая от усталости после такого трудного дня, они поужинали с отличным аппетитом и проспали до утра.

На следующий день с зарей все принялись за дело.

Теперь надо было устроить пол на плоту. Для этого употребили доски с палубы и обшивку бортов яхты. Плотно вбитыми гвоздями и веревками прочно закрепили плот.

На эту работу ушло три дня, хотя они и торопились, потому что нельзя было терять ни одного часа, так как уже поверхность луж между подводными скалами по берегам реки начала слегка замерзать. Палатка недостаточно защищала от холода. Гордон и его товарищи едва могли согреться, прижимаясь друг к другу и заворачиваясь в одеяла. Следовательно, необходимо было начать устраиваться в пещере. Там, по крайней мере, они надеялись, что смогут бороться с зимой, которая так сурова в этих широтах. Пол, конечно, был сделан насколько возможно прочнее, чтобы не расшатался дорогой, — тогда весь груз утонул бы в реке. Решили отложить переезд на сутки.

— Однако, — заметил Бриан, — нам надо перевезти вещи не позднее шестого мая.

— Почему так? — спросил Гордон.

— Потому что послезавтра новолуние, — ответил Бриан, — и прилив увеличится в течение нескольких дней. Чем сильнее он будет, тем легче нам будет подниматься по течению реки. Подумай об этом, Гордон. Если бы пришлось тянуть плот бечевой или толкать багром, нам никогда не справиться с течением…

— Ты прав, — ответил Гордон, — и надо отправиться не позднее чем через три дня.

Решили не отдыхать до окончания постройки плота.

Третьего мая принялись за погрузку вещей; это надо было делать осторожно, чтобы сохранить равновесие. Каждый по мере своих сил принимал участие в работе. Дженкинс, Айверсон и Доль переносили на плот небольшие вещи: посуду, инструменты, а Бриан с Бакстером раскладывали их. Более тяжелые вещи: печку, бочки для воды, брашпиль, слитки из чугуна, листы обшивки и тому подобное перетаскивали старшие. Они также перенесли тюки с провизией, бочонки с вином, элем и спиртом и несколько мешков с солью, собранной между скалами залива. Чтобы облегчить погрузку, Бакстер поставил две жерди, поддерживаемые четырьмя снастями.

В конце этого подъемного крана устроили тали, снабженные одним из роуленсов — маленький горизонтальный ворот яхты, — так что можно было брать вещи с земли, поднимать их и, не роняя, класть на плот.

Благодаря тому что все работали так усердно и разумно, погрузка закончилась к 5 мая.

Может быть, мальчики воображали, что, окончив работу, они смогут до вечера наслаждаться заслуженным отдыхом. Но этого не случилось, Гордон предложил им еще работу.

— Друзья мои, — сказал он, — так как мы удаляемся от бухты, то не будем в состоянии следить за морем, и, если с этой стороны покажется какой-нибудь корабль, мы не сможем подать ему сигнал. Потому надо, я думаю, поставить на утесе мачту и вывесить флаг. Этого достаточно, я думаю, для того, чтобы привлечь внимание корабля.

Предложение Гордона было принято; оставшуюся марсовую мачту притащили к подножию утеса и, втащив на вершину, прочно водрузили ее. Бакстер вывесил английский флаг, а Донифан приветствовал это выстрелом из ружья.

— А! — заметил Гордон Бриану. — Донифан именем Англии завладел островом.

— Да, если он ей уже не принадлежал, — отве-

тил Бриан.

Гордон не мог не обидеться, потому что, когда он говорил о «своем острове», то казалось, что он считает его американским.

На другой день все встали с восходом солнца. Поспешили убрать палатку и вместе с постелями перенесли ее на плот, накрыв парусами. Хотя нельзя было ожидать перемены погоды, но при малейшем изменении в направлении ветра дождь мог пойти.

В семь часов все приготовления были окончены. Плот устроили так, что на нем можно было пробыть два или три дня. Что касается пищи, то Моко отложил на время переезда провизию, для которой не надо было разводить огонь.

В половине девятого все разместились на плоту. Старшие стояли впереди, снабженные баграми и жердями; это был единственный способ управлять им, так как при таком течении руль был бы не нужен.

Около девяти часов можно было чувствовать прилив по тому, как плот трещал от напора воды. Если только плот выдержит этот первый напор, то нечего опасаться за его надежность.

— Слушайте! — воскликнул Бриан.

— Слушайте! — воскликнул Бакстер.

Оба стояли у канатов, сдерживавших груз спереди и сзади.

— Мы готовы! — закричал Донифан, стоявший с Уилкоксом в передней части плота.

Убедившись, что прилив поднял плот, Бриан закричал:

— Отчаливайте!

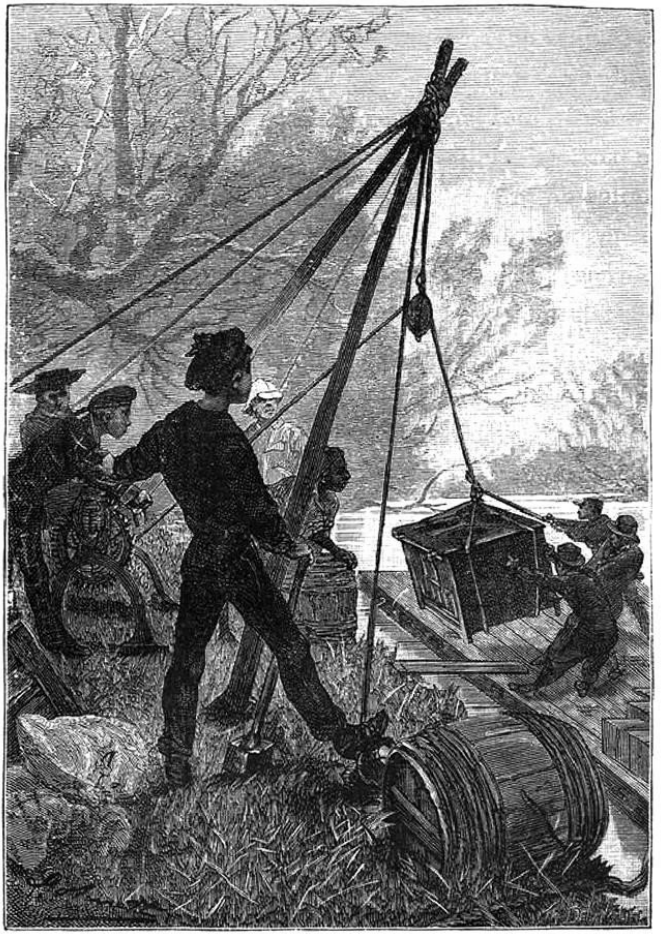
Приказание тотчас же было исполнено, и плот медленно стал продвигаться, таща за собой на буксире ялик.

Все радовались, видя это.

Если бы им удалось построить корабль с высоким бортом, то и тогда бы их радость была не меньше; подобное тщеславие, конечно, простительно.

Как известно, правый лесистый берег был значительно выше болотистого левого. Бриан, Бакстер, Донифан, Уилкокс и Моко употребили все свои силы на то, чтобы оттолкнуть плот, боясь сесть на мель, — глубина реки позволяла свободно держаться противоположного берега.

В первые два часа сделали около мили, не испытав ни одного толчка, и могли надеяться благополучно добраться до грота.



Чтобы облегчить погрузку, Бакстер поставил две жерди, поддерживаемые четырьмя снастями.

По вычислению Бриана, длина реки от истока до устья равнялась шести милям, и так как они могли проходить только две мили во время прилива, то, чтобы доплыть до места назначения, им пришлось ждать приливов.

Около одиннадцати часов начался отлив, и мальчики постарались отшвартовать плот, чтобы он не ушел в море.

Можно было снова отчалить вечером, когда начнется прилив, но в темноте опасно было рисковать.

— Мне кажется, это неблагоразумно, — заметил Гордон, — так как плот может разрушиться от толчков. Я согласен подождать до завтрашнего дня, чтобы воспользоваться утренним приливом.

Это предложение было очень разумно и получило всеобщее одобрение. Лучше пожертвовать временем, чем подвергать опасности такой драгоценный груз.

В этом месте предстояло пробыть полдня и целую ночь. Донифан и его товарищи по охоте в сопровождении Фанна поспешили высадиться

на правом берегу.

Гордон советовал им не удаляться от берега. Так как они принесли несколько жирных дроф, то их самолюбие было удовлетворено. По совету Моко, эту дичь надо было приберечь на первый завтрак, обед или ужин в гроте.

Во время охоты Донифан не нашел никаких следов человека в этой части леса. Он видел птиц, улетавших в чащу, но не мог разглядеть, что это за птицы.

День кончился, и всю ночь Бакстер, Феб и Кросс не спали, готовые по необходимости закрепить канаты на плоту или ослабить их.

Ночь прошла спокойно. На другой день, без четверти девять, начался прилив, и они снова поплыли при тех же условиях, что и накануне.

Нельзя было плыть раньше прилива, и также нельзя было плыть во время отлива; они не могли проходить более одной мили в полтора часа, хотя это была еще средняя скорость. В час дня остановились близ трясины, которую Бриан должен был обойти, возвращаясь в бухту.

Воспользовались случаем исследовать это прибрежье. Моко, Донифан и Уилкокс сели в ялик и проплыли полторы мили по направлению к северу, до мелководья. Это болото было как бы

продолжением того, которое тянулось по левому берегу реки и, казалось, изобиловало птицей.

Донифан настрелял бекасов и тем пополнил запасы.

Ночь была тихая, но морозная, с резким ветром. В некоторых местах река слегка замерзла, так что при малейшем толчке лед ломался и таял. Несмотря на принятые предосторожности, на этом плоту было неудобно, хотя каждый приютился под парусами. Некоторые дети, особенно Дженкинс и Айверсон, жалели, что ушли с яхты. Несколько раз приходилось успокаивать их.

На другой день благодаря тому, что прилив продолжался до трех дня, они доплыли до озера, и плот причалил у самого входа в грот.

Глава одиннадцатая

Первые распоряжения во Френ-дене. – Разгрузка плота. – Посещение могилы Бодуэна. – Гордон и Донифан. – Кухонная печка. – Пушной зверь и дичь. – Американский страус. – Приближение зимы.

Разгрузка сопровождалась радостными кри-

ками детей, для которых каждая перемена в жизни была забавой. Доль прыгал по берегу, как молодой козленок; Айверсон и Дженкинс бегали около озера, а Костар, отведя Моко в сторону, сказал ему:

— Ты обещал нам приготовить хороший обед, юнга!

— Обойдетесь и без него, господин Костар, — возразил Моко.

— Почему?

— Потому что мне некогда сегодня готовить вам обед.

— Как, обеда не будет?

— Нет, но будет ужин, дрофа вполне годится для ужина.

Моко смеялся, показывая свои чудесные белые зубы.

Костар, дружески хлопнув его по плечу, отправился к своим товарищам. Бриан не позволил уходить далеко и велел, чтобы они все время были на глазах.

— Разве ты с ними не пойдешь? — спросил он своего брата.

— Нет, я хочу остаться здесь, — ответил Жак.

— Тебе бы следовало немного оживиться, — продолжал Бриан. — Я недоволен тобой, Жак…

Ты что-то скрываешь от меня... может быть, ты болен?

Разгрузка сопровождалась радостными криками детей.

— Нет, ничего.

Все один и тот же ответ, не удовлетворявший Бриана, который решил выяснить, в чем дело, хотя бы и вышла неприятность с молодым упрямцем.

Однако нельзя было терять времени, если хотели провести ночь в пещере.

Прежде всего пещеру должны были осмотреть те, кто ее еще не видел. Как только плот привязали к берегу, Бриан позвал своих товарищей за собой. Юнгу снабдили фонарем, который ярко освещал дорогу.

Они направились к отверстию грота. Ветки лежали так, как были положены Брианом и Донифаном. Ни человек, ни зверь не пытался проникнуть в грот.

Расчистив вход, все прошли в узкое отверстие. Фонарь осветил пещеру гораздо лучше, чем смолистые ветки или толстые свечи француза.

— Нам здесь будет тесно, — заметил Бакстер, измерив пещеру.

— Ничего! — воскликнул Гарнетт. — Можно разместить койки одна над другой, как в каюте.

— Зачем? — возразил Уилкокс. — Достаточно

места, чтобы их поставить в ряд на полу.

— Тогда нельзя будет пройти, — возразил Феб.

— Нечего ходить, вот и все, — ответил Бриан. — Не можешь ли предложить чего-нибудь получше, Феб?

— Нет, но…

— Но, — перебил Сервис, — важно то, что у нас все-таки есть пристанище. Не думаю, чтобы Феб рассчитывал найти здесь помещение с залом, столовой, спальней, передней, курительной и ванной.

— Нет, — сказал Кросс, — но нужно также помещение, где бы можно было готовить.

— Я буду готовить на воздухе, — ответил Моко.

— В плохую погоду это будет очень неудобно, — заметил Бриан. — Завтра же, мне кажется, мы должны здесь поставить плиту с яхты.

— Плиту в пещере, где мы будем есть и спать! — возразил Донифан с видимым отвращением в голосе.

— Ну, ты можешь прибегать к нюхательной соли! — воскликнул Сервис, разразившись смехом.

— Да, если мне это понадобится! — возразил гордый мальчик, нахмурив брови.

— Хорошо, хорошо! — поспешил сказать Гордон. — Приятно это или нет, но этот вопрос надо

сейчас же решить. Плита будет служить не только для того, чтобы готовить, но и для отопления. Чтобы расширить помещение и сделать новые комнаты, если только это возможно, у нас впереди целая зима. А пока поселимся в этой пещере.

До обеда принесли койки и разместили их на песке; они стояли очень близко одна к другой, но дети уже привыкли к узким каютам и не обратили на это внимания.

До вечера все были заняты устройством пещеры. Большой стол яхты был поставлен посредине, и Гарнетт с помощью маленьких, приносивших ему различную посуду с плота, накрыл на стол.

Между двумя большими камнями у подножия утеса развели огонь из сухих веток, набранных Фебом и Уилкоксом. Около шести часов разносился уже приятный запах кипящего супа. Кроме того, на противне жарилось двенадцать птиц, нанизанных на железный прутик, так что Костара очень соблазняло обмакнуть туда кусок сухаря. В то время как Доль и Айверсон добросовестно поворачивали вертела, Фанн следил за их движениями с видимым интересом.

К семи часам все собрались в единственной комнате грота, служившей им и столовой, и спальней. Табуретки, стулья были принесены

с плота. Молодые хозяева хорошо пообедали. Горячий суп, кусок говядины, жаркое, сухари вместо хлеба, свежая вода, разбавленная коньяком, кусок сыра и несколько рюмок хереса на десерт вознаградили их за скудную еду последних дней. Как ни опасно было их положение, но маленькие развеселились, и Бриан не сдерживал их радость.

День был утомительный. После еды все захотели отдохнуть. Но прежде всего Гордон, побуждаемый религиозным чувством, предложил своим товарищам посетить могилу Франсуа Бодуэна, в жилище которого они теперь находились.

Уже темнело, и в воде не отражались догоравшие лучи солнца. Обогнув выступ скалы, мальчики остановились у небольшого возвышения, на котором стоял деревянный крест. И маленькие, встав на колени, а старшие, склонясь перед этой могилой, помолились за упокой души умершего.

В девять часов легли спать и, завернувшись в одеяла, заснули крепким сном. Только Уилкокс и Донифан, которым вышла очередь дежурить, поддерживали у входа в пещеру огонь, который должен был защищать их от зверей, а также согревать грот.

На другой день, 9 мая, и следующие три дня все были заняты разгрузкой плота. Западный ветер не мог разогнать сгущавшиеся пары, и это указывало, что наступает период дождей или даже снега. Действительно, температура не поднималась выше нуля, и верхние слои должны были быть очень холодными. Необходимо было спрятать в грот все, что могло испортиться: одежду, провизию, напитки.

В течение нескольких дней ввиду важности работы охотники не уходили далеко от грота. Но так как всякой птицы было в изобилии на озере и в болоте на левом берегу реки, то у Моко никогда не было недостатка в провизии. Донифану несколько раз предоставлялся случай пострелять.

Однако Гордон заботливо следил, чтобы не уходило много свинца и пороха на охоту, хотя бы и удачную. Он главным образом старался беречь боевые запасы, точное количество которых записал в свою книжку, и всегда советовал Донифану экономно стрелять.

— Это в интересах нашей будущности, — сказал он ему.

— Согласен, — ответил Донифан, — но также надо беречь и консервы. Мы будем раскаиваться,

когда их не будет, если когда-нибудь мы будем в состоянии покинуть остров.

— Покинуть остров? — сказал Гордон. — Разве мы в состоянии построить корабль, годный для плавания по морю?

— А почему же нет, Гордон, если есть вблизи какой-нибудь материк? Во всяком случае, я вовсе не хочу умереть здесь, как сделал соотечественник Бриана.

— Хорошо, — ответил Гордон. — Однако, прежде чем мечтать об отъезде отсюда, освоимся с мыслью, что, может быть, нам придется здесь жить годами.

— Как это похоже на нашего Гордона! — воскликнул Донифан. — Я убежден, что он был бы счастлив основать здесь колонию…

— Конечно, если нельзя сделать ничего другого.

— Гордон, не думаю, чтобы ты приобрел много сторонников, даже твой друг Бриан…

— У нас еще будет время обсудить это, — ответил Гордон. — Кстати, позволь мне тебе сказать, Донифан, что ты не прав относительно Бриана. Он хороший товарищ, доказавший нам свою преданность.

— Как же, Гордон! — возразил Донифан тем

насмешливым тоном, от которого не мог избавиться. — Ведь это само совершенство! Это герой…

— Нет, Донифан, у него есть недостатки, как и у каждого из нас. Но твое отношение к нему может вызвать разлад, который еще более ухудшит наше положение. Бриана все уважают.

— Как же, все!

— По крайней мере большая часть его товарищей. Не знаю, почему Уилкокс, Кросс, Феб и ты ни в чем не хотите согласиться с ним.

Гордон видел, что гордый мальчик не был расположен принять во внимание его советы, и это его огорчало, так как он предвидел в будущем большие неприятности.

Полная разгрузка плота заняла три дня. Оставалось только разобрать плот, доски которого могли пригодиться.

К несчастью, нельзя было поместить все вещи в пещеру, и если не удастся ее расширить, то придется построить навес, где можно было бы сохранять тюки в плохую погоду, а до тех пор, по совету Гордона, эти вещи были сложены около выступа утеса и прикрыты просмоленными брезентами.

Тринадцатого мая Бакстер, Бриан и Моко бы-

ли заняты установкой кухонной печи, которую нужно было вкатить на колесах внутрь грота. Ее приставили к правой стене около входа так, чтобы тяга была сильнее. Трубу, через которую должен был проходить дым, удалось поставить после долгих усилий. Так как стена была не очень крепка, то Бакстеру удалось пробить отверстие, в которое была вделана труба, и дым мог выходить наружу. Днем, когда юнга затопил плиту, он с удовольствием увидел, что она действует хорошо.

В следующие недели Донифан, Феб, Уилкокс и Кросс, к которым присоединились Гарнетт и Сервис, могли удовлетворить свою охотничью страсть. Однажды они охотились в березовом лесу в полумиле от грота. В некоторых местах были видны следы работы человека. Это были ямы, вырытые в земле, покрытые сплетенными ветками и настолько глубокие, что если животные падали, то уже не могли вылезти из них. Состояние ям указывало, что они вырыты несколько лет тому назад, а в одной из них сохранились еще останки животного, породу которого трудно было установить.

— Во всяком случае, это кости большого животного, — заметил Уилкокс, быстро вскочив в яму и вытащив оттуда кости, побелевшие от времени.

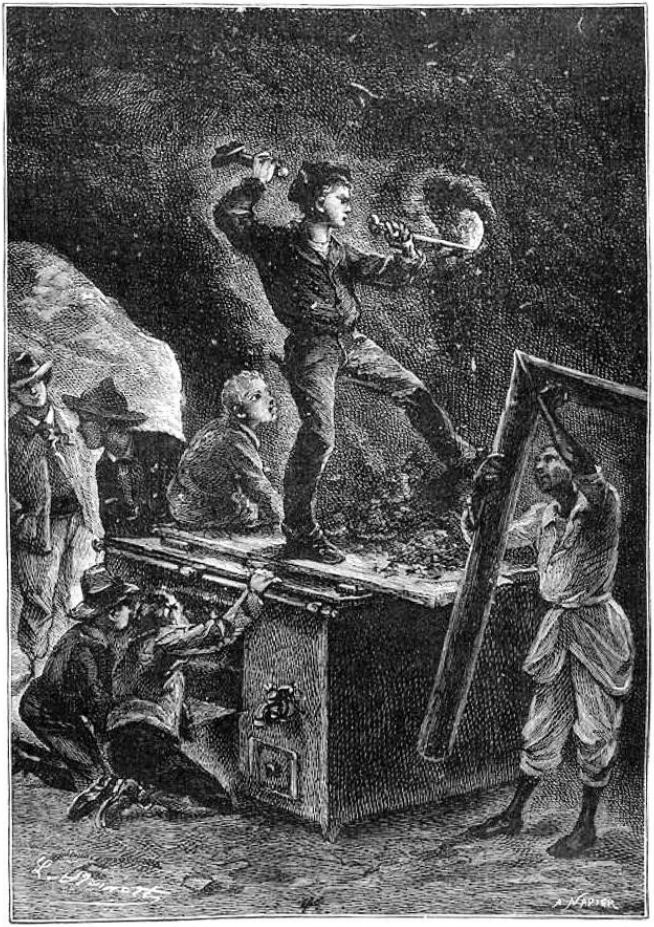
— Это было четвероногое животное, потому что вот кости четырех лап, — прибавил Феб.

— Если только здесь нет животных о пяти ногах, — заметил Сервис, — может быть, это феноменальный баран или бык!

— Вечные шутки, Сервис, — сказал Кросс.

— Смеяться не запрещается, — возразил Гарнетт.

— Это, наверно, очень сильное животное, — продолжал Донифан. — Посмотрите на величину его черепа и на челюсть с сохранившимися клыками. Пусть Сервис смеется сколько ему угодно! Но если бы это четвероногое воскресло, то не думаю, чтобы у него хватило храбрости смеяться!



Бакстеру удалось пробить отверстие, в которое была вделана труба, и дым мог выходить наружу.

— Молодец! — воскликнул Кросс, всегда приходивший в восторг от замечаний своего двоюродного брата.

— Ты думаешь, — недоверчиво спросил Феб Донифана, — что это плотоядное?

— Да, без сомнения.

— Лев? Тигр? — спрашивал Кросс.

— Если не тигр и не лев, — ответил Донифан, — то по крайней мере ягуар или кугуар.

— Надо быть настороже! — заметил Феб.

— И не уходить очень далеко, — прибавил Кросс.

— Слышишь, Фанн, — сказал Сервис, обращаясь к собаке, — здесь есть большие звери!

Фанн ответил радостным лаем, не выказывая ни малейшего беспокойства.

Молодые охотники решили вернуться в грот.

— Вот идея, — сказал Уилкокс. — Не покрыть ли нам эту яму новыми ветками? Может быть, какое-нибудь животное попадет в нее!

В этих словах сказался охотник, но, в общем, Уилкокс со своей природной страстью расставлять западни был практичнее Донифана.

Товарищи помогли ему срубить ветви с соседних деревьев; самые длинные положили поперек ямы и таким образом совершенно скрыли отверстие. Очень первобытная западня, но часто с успехом употребляемая североамериканскими охотниками в пампасах.

Чтобы узнать место, где была вырыта яма, Уилкокс сделал несколько заметок на деревьях до лесной прогалины, и все возвратились в грот.

Охота была очень удачна. Дичи было в изобилии; не считая дрофы, было много каменных стрижей с белыми точками на перьях, как у цесарки, стаи лесных голубей, гусей, которых можно есть в том случае, когда после жарения они теряют свой жирный вкус. Между зверьками встречались tucutucas — род грызунов, которые свободно могут заменить кролика в фрикасе, рыжие зайцы с черными хвостиками, похожие вкусом на агути, pichis из породы броненосцев, млекопитающие с костяной оболочкой, мясо которых очень вкусно, pecaris — маленькие кабаны, и guaculis из рода оленей.

Донифан мог бы убить какого-нибудь из этих животных, но так как они не подпускали к себе близко, то результаты охоты не окупили бы потраченного пороха. Гордон опять сделал заме-

чание, которое неохотно приняли Донифан и его товарищи.

В одну из этих экскурсий они запаслись двумя прекрасными растениями, найденными Брианом во время первой экспедиции к озеру. Это дикий сельдерей, росший в изобилии на сырых местах, и кресс, молодые побеги которого представляют хорошее средство от цинги. Эта зелень ради гигиены подавалась за каждым кушаньем.

Кроме того, так как озеро и река еще не совсем замерзли, то удочками можно было ловить форелей и вкусную рыбу, похожую на щуку. Наконец, однажды Айверсон вернулся в восторге, неся довольно большого лосося, с которым ему долго пришлось бороться. В то время, когда рыба устремляется к устью реки, ее можно было много наловить и запастись ею на зиму.

Они несколько раз ходили к яме, устроенной Уилкоксом, но никакое животное не попадало в нее, хотя туда и положили большой кусок говядины, который мог привлечь какое-нибудь плотоядное животное.

Однако 17 мая положение изменилось.

В этот день Бриан и несколько других ребят отправились в лес близ утеса. Они хотели поискать вблизи грота какую-нибудь пещеру, которая

могла бы им служить местом для склада остальных вещей.

Подходя к яме, они услышали хриплые крики.

Бриан направился в ту сторону, и к нему вскоре присоединился Донифан, не допускавший, чтобы его опередили. Остальные следовали за ними в нескольких шагах, с ружьями наготове, в то время как Фанн бежал, навострив уши и вытянув хвост.

Они были в двадцати шагах от ямы, когда крики снова повторились. Среди сплетенных веток оказалась большая дыра, образовавшаяся, вероятно, от падения в яму какого-нибудь животного.

Что это было за животное, нельзя было сказать. Во всяком случае, надо было быть наготове.

— Пиль, Фанн! — закричал Донифан.

Собака тотчас бросилась, не обнаруживая беспокойства.

Бриан и Донифан подошли к яме и, нагнувшись, закричали товарищам.

— Идите, идите!

— Это не ягуар? — спросил Феб.

— И не кугуар? — прибавил Кросс.

— Нет, — ответил Донифан. — Это двуногий зверь, страус!

Действительно, это был страус, и можно было

порадоваться, что в лесу есть такие птицы, потому что их мясо очень вкусно, особенно жирная часть на груди.

Нельзя было сомневаться, что это страус; по его среднему росту, по голове, похожей на гусиную, и по светло-серым перьям можно было его отнести к породе нанду, встречающихся в изобилии в пампасах Южной Америки. Хотя нанду нельзя сравнивать с африканским страусом, однако он все-таки делает честь фауне острова.

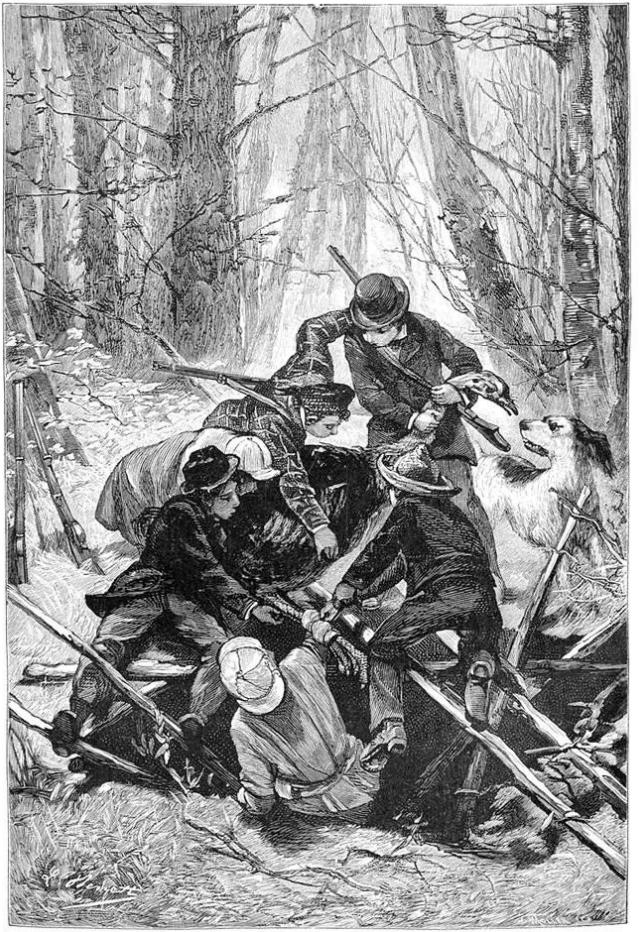
— Надо его взять живым! — сказал Уилкокс.

— Непременно! — воскликнул Сервис.

— Это будет неудобно! — ответил Кросс.

— Попробуем, — сказал Бриан.

Сильная птица не могла выбраться из ямы, потому что крылья не позволяли ей подняться на поверхность, а ногам упереться в стены. Уилкокс вынужден был спуститься в глубь ямы, рискуя получить несколько ударов клювом. Однако ему удалось набросить свою куртку на голову птице, так что страус не мог повернуть головы. Теперь было легко перевязать лапы двумя или тремя связанными платками и общими силами вытащить его из ямы.



Это двуногий зверь, страус!

— Наконец-то он попался! — воскликнул Феб.

— А что мы с ним будем делать? — спросил Кросс.

— Очень просто, — возразил Сервис, который никогда ни над чем не задумывался. — Мы его отведем в грот, приручим и будем ездить на нем. Он приручится, подобно его другу Жаку из «Швейцарского Робинзона».

В том, что мальчики сумеют приручить страуса, можно было сомневаться, несмотря на ссылку Сервиса.

Когда Гордон увидел американского страуса, он испугался того, что придется кормить еще один лишний рот. Но сообразив, что травы и листьев для него хватит, обрадовался. Маленькие с восторгом любовались этой птицей, привязанной на длинной веревке, но подходить к ней боялись. Когда они узнали, что Сервис намеревался его приручить, то взяли с него обещание покатать их.

— Да, если вы будете послушны, — ответил Сервис, которого маленькие считали героем.

— Будем! — воскликнул Костар.

— Как, и ты, Костар, — улыбнулся Сервис, — ты решишься сесть на страуса?

— Сзади тебя… и крепко держась за тебя… да!

— Вспомни, как ты боялся, сидя на черепахе!

— Это не одно и то же, — возразил Костар. — Страус, по крайней мере, не пойдет в воду.

— Нет, но может полететь, — сказал Доль.

Оба мальчика призадумались над этим.

Со дня переселения в грот Гордон и его товарищи составили распорядок дня. Когда они окончательно устроятся, то Гордон предполагал найти занятие каждому, а главное, заботиться о том, чтобы дети не оставались одни. Дети по мере своих сил принимали участие в работе, но Гордон думал о том, что следует продолжать и уроки, начатые в пансионе Черман.

— У нас есть книги, по которым мы можем продолжать учиться, — сказал Гордон, — и тем, что мы выучили, будет справедливо поделиться с нашими маленькими товарищами.

— Да, — ответил Бриан, — если нам удастся покинуть этот остров, если мы увидим наши семьи, то пусть они убедятся, что мы не теряли времени понапрасну.

Условились составить программу, и, как только она получит всеобщее одобрение, следить, чтобы она точно исполнялась.

С наступлением зимы будут такие дни, когда

нельзя будет выходить, и важно, чтобы эти дни не пропадали. В данное время их очень стесняла теснота единственной комнаты, где все должны были поместиться. Надо было немедленно придумать, как расширить грот.

Глава двенадцатая

Расширение Френ-дена. – Подозрительный шум. – Исчезновение Фанна. – Его возвращение. – Устройство зала. – Плохая погода. – Остров Черман. – Начальник колонии.

Во время последних экскурсий молодые охотники несколько раз осматривали утес, надеясь найти в нем другие углубления. Если бы они что-нибудь нашли, то новое помещение могло бы служить общим складом. Но, окончив свои поиски, им пришлось вернуться к первоначальному плану — увеличить грот, выдолбив в нем несколько углублений, смежных с пещерой Франсуа Бодуэна.

В граните, конечно, мальчики ничего подобного не могли бы сделать, но в известняке, который

легко можно было рассечь киркой или заступом, это не представляло никакой трудности. Продолжительность работы не имела значения. В длинные зимние дни было бы чем заняться.

Взрывать породу не было надобности, и достаточно будет тех инструментов, которыми они сверлили стену для проведения трубы кухонной печки. Бакстер расширил отверстие грота, приделав одну из дверей яхты. Кроме того, направо и налево от входа были просверлены в стене два узких окна, или, скорее, два пролета, чтобы было больше доступа света и воздуха.

Уже с неделю продолжалась плохая погода. Сильный шквал пронесся над островом, но благодаря своему положению на юго-востоке Френ-ден был в стороне. Дождь и снег со страшным шумом разражались над утесом. Охотники стреляли дичь только вблизи озера. Если озеро и река не замерзли еще, то скоро они могут покрыться льдом, как только после шквалов наступят первые холода.

Принужденные оставаться в гроте, ребята могли начать увеличивать свое помещение и принялись за работу 27 мая. Начали с правой стены.

— Если мы будем пробивать наискось, — заме-

тил Бриан, — мы, может быть, выйдем к озеру и устроим другой вход в грот. Это даст нам возможность лучше наблюдать за окрестностями, и если погода помешает нам выйти с одной стороны, мы, по крайней мере, сможем выйти с другой.

Сорок или пятьдесят футов отделяли пещеру от восточной стороны. Следовало только проделать галерею в этом направлении, разыскав его с помощью компаса. Во время этой работы нужно было стараться избегать обвалов. Бакстер предложил сверлить узкое отверстие до известной глубины, а затем расширить его. Оба углубления грота были бы тогда соединены коридором, который можно бы было запирать по обоим концам, а по бокам можно было устроить один или два темных погреба.

По своей легкости это был лучший план, и он имел то преимущество, что если обнаружится внезапное просачивание, то можно вовремя прекратить работу.

В течение трех дней с 27 по 30 мая работа проходила при благоприятных условиях. Легкий известняк поддавался даже ножу, и выдолбленные куски тотчас же выносились из грота. По недостатку места не все были заняты работой одновременно и нашли себе другое дело. Так,

когда дождь и снег переставали идти, Гордон и остальные были заняты разборкой плота. Они также наблюдали за вещами, сложенными в углу выступа, потому что просмоленные брезенты плохо защищали от шквалов.

Работы продвигались, и коридор был уже вырыт длиной от четырех до пяти футов, как вдруг произошло неожиданное происшествие. Это было днем 30 мая.

Бриан, работая согнувшись как рудокоп в копи, вдруг услышал внутри глухой шум. Он перестал работать. Гул снова донесся до его слуха.

В одно мгновение он вышел из пробитой трубы, вернулся к Гордону и Бакстеру, находившимся у отверстия, и рассказал им о происшедшем.

— Обман слуха! — ответил Гордон. — Тебе показалось.

— Ступай на мое место, Гордон, — ответил Бриан, — приложи ухо к стене и слушай.

Гордон поместился в узком проходе и через несколько минут вышел оттуда.

— Ты не ошибся, — сказал он. — Я слышал там словно отдаленный гром.

Бакстер, в свою очередь, тоже влез в проход и вернулся, говоря:

— Что бы это могло быть?

— Не могу себе представить, — ответил Гордон. — Надо предупредить Донифана и других.

— Только не маленьких, — прибавил Бриан. — Это их напугает.

Донифан, Уилкокс, Феб и Гарнетт один за другим лазили в отверстие, но гул прекратился, они ничего не услышали и решили, что их товарищи ошиблись.

Во всяком случае, решили не прекращать работы и по окончании обеда снова принялись за нее.

Вечером не было слышно никакого шума, но к девяти часам за стеной раздался новый гул.

В эту минуту Фанн, забравшийся в проход, выскочил, весь ощетинившись, с оскаленными зубами, громко лая, как будто желая ответить на рычание, раздающееся внутри грота.

Маленькие пришли в ужас. Воображение всякого английского мальчика постоянно наполнено легендами северных стран с их гномами, домовыми, валькириями, сильфидами, ундинами.

Доль, Костар и даже Дженкинс дрожали от страха, их ничем нельзя было успокоить, и хотя Бриан заставил их лечь спать, но они долго не могли уснуть. Им снились привидения, духи, которые водились в скале, — словом, ужасы и кошмары.

Гордон и другие продолжали тихо обсуждать это странное явление. По временам они слышали шум, и Фанн продолжал странно волноваться.

Усталость одержала верх, и все пошли спать, исключая Бриана и Моко. Глубокая тишина царила в гроте до начала дня.

Утром все встали очень рано. Бакстер и Донифан дошли до конца трубы. Не было слышно никакого шума. Собака спокойно ходила взад и вперед, не бросаясь на стену, как накануне.

— Давайте работать, — сказал Бриан.

— Хорошо, — ответил Бакстер. — Мы можем остановиться, если послышится какой-нибудь подозрительный шум.

— Может быть, — заметил Донифан, — этот гул происходит от потока, пробивающегося сквозь скалу.

— Мы бы его и теперь слышали, — заметил Уилкокс.

— Верно, — ответил Гордон, — я, скорее, думаю, что это ветер, проникший в какую-нибудь трещину наверху скалы.

— Пойдемте на плоскую вершину скалы, — сказал Сервис, — и там мы что-нибудь найдем…

Предложение было принято.

В пятидесяти шагах от спуска с берега по изви-

листой тропинке они могли дойти до вершины скалы. Через несколько минут Бакстер и двое или трое других поднялись наверх как раз над гротом. Это был напрасный труд. На поверхности этого ската, покрытого малорослой травой, они не нашли никакой трещины, через которую могли проникнуть ветер или струя воды. Итак, они ничего не узнали об этом странном явлении, которое маленькие принимали за что-то сверхъестественное.

Они снова начали сверлить и продолжали работать до конца дня. Вчерашнего шума не было слышно, но по наблюдению, сделанному Бакстером, звук уже был не тот; казалось, что за стеной была пустота. Может быть, в этом направлении была естественная пещера, к которой примыкал ход, и в ней-то и происходил тот необъяснимый шум. Предположение о существовании другого смежного пещерного углубления было возможно, это даже было желательно, так как тогда не пришлось бы увеличивать помещения.

Все работали с необыкновенным усердием, и до сих пор не было еще такого утомительного дня. Однако он прошел без особых приключений, только вечером Гордон заметил, что его собака пропала.

Обыкновенно во время еды Фанн садился на скамейку около своего хозяина, но в этот вечер его место было пусто.

Стали звать Фанна. Но он не появился…

Гордон пошел к выходу и снова позвал Фанна. Полная тишина. Донифан побежал на берег реки, а Уилкокс к озеру… Собаки нигде не было.

Напрасно искали Фанна вблизи грота, его нигде не могли найти. Очевидно, собака убежала далеко, иначе она бы ответила на голос Гордона. Возможно, что она заблудилась. Может быть, ее растерзал какой-нибудь зверь, и это предположение, пожалуй, было вернее.

Было девять часов вечера. Глубокий мрак покрывал скалу и озеро. Пришлось отказаться от каких-либо поисков и вернуться в грот.

Они все были встревожены и даже опечалены при мысли, что умное животное, может быть, навсегда пропало.

Никто не мог заснуть. Им казалось, что они еще более одиноки, покинуты и удалены от своей родины и родных.

Вдруг среди тишины послышался гул. На этот раз он был похож не то на ворчание, не то на вой.

— Это оттуда! — воскликнул Бриан, бросаясь

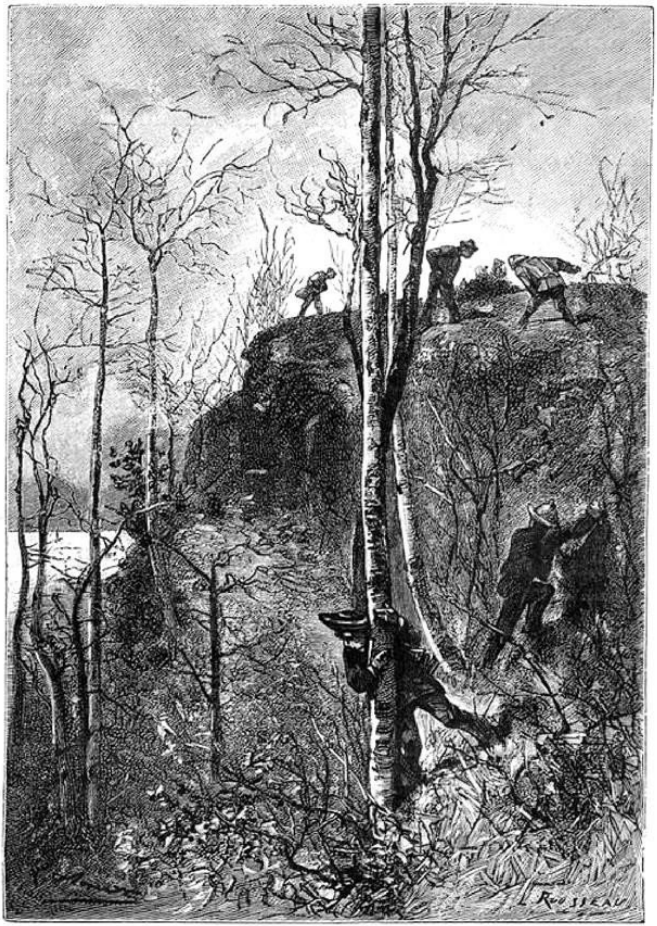
к коридору.

Все в ожидании чего-то встали. Ужас охватил маленьких, и они попрятались под одеяла.

Бриан сказал:

— Там должно быть углубление, вход в которое находится у подножия скалы.

— И в него-то, вероятно, звери прячутся на ночь! — прибавил Гордон.


ROUSSEAU

На поверхности этого ската, покрытого малорослой травой, они не нашли никакой трещины, через которую могли проникнуть ветер или струя воды.

— Наверно, — ответил Донифан. — Завтра мы отправимся на поиски.

В эту минуту раздался лай.

— Не Фанн ли там, — воскликнул Уилкокс, — не схватился ли он с каким-нибудь зверем?!

Бриан, прислонив ухо к стене, прислушивался, но все смолкло.

Из того, что Фанн попал туда, было видно, что существовало другое углубление, в которое можно было проникнуть, вероятно, через какое-нибудь отверстие, скрытое между переплетающимися кустарниками у подножия утеса.

Ночью не было слышно ни воя, ни лая.

С рассветом предпринятые поиски около реки и озера привели к тем же результатам, что и накануне на вершине утеса.

Несмотря на поиски, Фанна нигде не могли найти. Бриан и Бакстер работали по очереди без перерыва. В течение утра проход достиг двух футов глубины. Время от времени останавливались, прислушивались, но ничего не слышали.

В полдень позавтракали и в час снова приня-

лись за работу.

Были приняты все предосторожности в случае, если стена будет пробита и из углубления выбежит какое-нибудь животное. Маленьких отвели на берег. Донифан, Уилкокс и Феб стояли с ружьями и револьверами в руках, готовые ко всякой неожиданности.

Около двух часов раздался крик Бриана. Его лом прошел насквозь, известь обсыпалась, и открылось довольно большое отверстие.

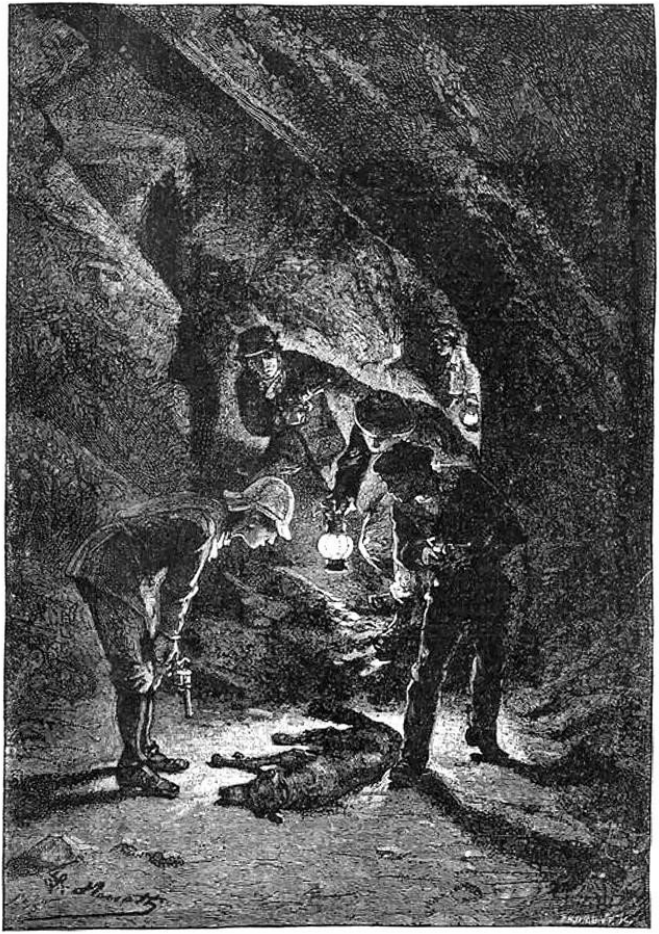
Бриан тотчас же пошел к своим товарищам, которые не знали что и подумать.

Но не успел он произнести ни слова, как какое-то животное одним прыжком очутилось в пещере.

Это был Фанн.

Он прежде всего бросился к ведру с водой и начал жадно пить.

Затем, махая хвостом, стал прыгать вокруг Гордона. Бояться было нечего.



Это шакал!

Бриан взял тогда фонарь и полез в пещеру. Гордон, Донифан, Бакстер и Моко последовали за ним. Через пробитое отверстие они прошли в темное углубление, в которое не проходил свет.

По размеру это была такая же пещера, как и Френ-ден, но гораздо глубже, и земля была покрыта топким песком на пространстве пятисот ярдов. Можно было предположить, что в этой пещере были вредные газы. Но раз лампа горела, то это означало, что воздух туда проникал через какое-нибудь отверстие. Кроме того, Фанн не мог бы попасть туда.

В эту минуту Уилкокс на что-то наткнулся и, дотронувшись рукой, почувствовал что-то холодное.

Бриан поднес фонарь.

— Это шакал! — воскликнул Бакстер.

— Да, шакал, которого загрыз наш храбрый Фанн, — ответил Бриан.

— Так вот объяснение того, чего мы не могли понять, — прибавил Гордон.

Если один или несколько шакалов проникли в эту пещеру, то надо было найти, через какое отверстие они туда попадали.

Выйдя из грота, Бриан стал обходить скалу

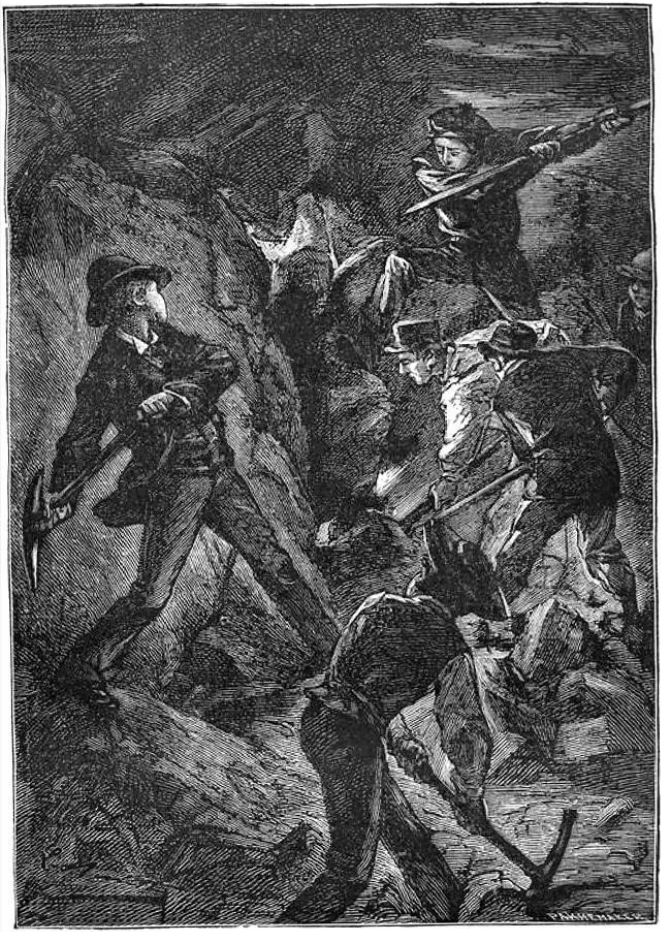
со стороны озера, перекликаясь с товарищами, которые ему отвечали. Таким образом он открыл узкое отверстие между кустарниками, через которое влезали в углубление шакалы. Но после того, как Фанн полез туда же, часть стены обрушилась и загородила вход.

Таким образом все выяснилось: и рев шакалов, и лай собаки, которая в продолжение двадцати четырех часов не могла выйти.

Как все это было удачно! Не только Фанн вернулся к своим молодым хозяевам, но и они были избавлены от большого труда. Оказалась «совершенно готовая», как сказал Доль, большая пещера, о существовании которой Бодуэн не подозревал. Все мальчики, собравшись в новой пещере, огласили ее радостными криками, а Фанн — своим веселым лаем.

С каким усердием они принялись за работу, чтобы сделать из прохода удобный коридор. Вторая пещера, которую назвали «зал», по своим размерам оправдывала название. Пока будут устраивать кладовые по бокам коридора, весь материал перенесут в этот зал. Он может служить спальней и рабочей комнатой, а первая пещера будет отведена под кухню, буфет и столовую. Но так как рассчитывали все в ней складывать, то

Гордон предложил назвать ее складом; это предложение было принято.



С усердием они принялись за работу.

Прежде всего перенесли в новую пещеру койки и симметрично поставили их на песчаном полу. Затем разместили мебель с яхты: диваны, кресла, столы, шкафы, затем печи, которые могли нагревать это большое помещение. Потом к выходу из пещеры на озеро Бриан с большим трудом приделал двери с яхты. Кроме того, прорубили два новых окна по обеим сторонам двери, так что свет достаточно проходил в зал, а вечером он освещался фонарем.

На это устройство употребили две недели. Пора было кончать, так как после затишья погода стала меняться. Хотя не было еще очень холодно, но шквалы становились такими сильными, что было запрещено предпринимать экскурсии.

Ветер был такой сильный, что, несмотря на защищавший утес, вода в озере поднималась так же высоко, как и в море. Волны с шумом разбивались, и, наверно, ни одна лодка их не выдержала бы. Надо было вытащить ялик на берег, иначе его могло унести.

В пещере было тепло благодаря сухим дровам, хорошо нагревавшим печи.

Это было истинным счастьем, что они нашли помещение для всего, что им удалось спасти с

яхты.

Гордон и его товарищи не выходили из-за плохой погоды и могли устроить помещение как можно удобнее. Они расширили коридор и вырыли два отделения, в одном из которых было заперто оружие.

Так как охотники не могли уходить далеко, то приходилось довольствоваться водными птицами, хотя все роптали, потому что Моко не мог уничтожить их болотного привкуса. В углу кладовой было устроено временное помещение для страуса, потому что сарай не был еще готов.

Гордону пришла мысль составить программу, которой все должны подчиниться после того, как она будет одобрена.

Надо было позаботиться и о нравственном воспитании. Неизвестно было, долго ли продлится их пребывание на острове. Если удастся уехать, то как им будет приятно, что они употребили время с пользой. Из книг библиотеки яхты они могли увеличить свои знания и посвятить себя обучению маленьких; таким образом, долгие зимние дни можно было проводить полезно и приятно.

Вечером 10 июня после ужина все собрались в зале вокруг топившихся печей, и разговор коснулся вопроса, какое название дать главным

географическим пунктам острова.

— Это было бы очень полезно и практично, — заметил Бриан.

— Да, — воскликнул Айверсон, — главное, выберем получше названия!

— Так, как делали настоящие или воображаемые робинзоны, — заметил Феб.

— В действительности мы ведь тоже робинзоны, — сказал Гордон.

— Пансион Робинзонов! — воскликнул Сервис.

— Когда мы, — продолжал Гордон, — дадим название заливу, рекам, лесам, озеру, утесу, болотам, мысам, нам легче будет ориентироваться.

Это предложение было принято, и оставалось только придумать подходящие названия.

— У нас уже есть бухта Слау, где разбилась наша яхта, — сказал Донифан, — и я думаю оставить это название, к которому мы так привыкли.

— Конечно, — ответил Кросс.

— Мы также оставим название Френ-ден, — прибавил Бриан, — в память погибшего француза, место которого мы заняли.

Никто этого не оспаривал, даже Донифан, хотя предложение было сделано Брианом.

— А как мы назовем реку, впадающую в бухту Слау?

— Зеландской рекой, — предложил Бакстер. — Это название напомнит нам нашу страну.

— Хорошо!.. хорошо!.. — раздались голоса.

— А озеро как назвать? — спросил Гарнетт.

— Назовем его в честь наших семейств Family lake — Семейным озером, — продолжал Донифан.

Это название было принято с рукоплесканием.

Скала была названа Окленд-хилл (холм Окленда). Мыс, с которого Бриан думал, что видел на востоке море, был назван по его предложению False-Sea-point (мыс Ложного Моря).

Остальные названия были следующие.

Лес, где были найдены западни, — Fraps-woods (лес Западни), другая часть леса между заливом и утесом — Bog-woods (лес Топи); болота, покрывавшие южную часть острова, — South-moors (Южные болота), ручей, перегороженный каменной запрудой, — Dike-creek (ручей Запруды), берег, у которого яхта села на мель, — Wreckcoast (берег Крушения), наконец, Sport-terrace (терраса Спорта) — лужайка между рекой и озером, предназначенная для упражнений, предусмотренных по программе.

Что касается других частей острова, то их будут называть по мере знакомства с ними и согласно

с теми событиями, которые там произойдут.

Нашли нужным также назвать главные мысы, обозначенные на карте Франсуа Бодуэна. На севере острова — Норд-Кап, на юге — Сауф-Кап. По общему согласию остальные три мыса, выдающиеся на западе, были названы: Французским, Британским и Американским мысами, в честь трех наций — представительниц этой маленькой колонии. Эти названия были даны по инициативе Гордона, который был более занят устройством этого нового владения, чем стремлением выбраться отсюда. Мальчики уже больше не были потерпевшими крушение на «Слау», но поселенцами острова.

Надо было назвать сам остров.

— Слушайте! Я придумал, как его назвать! — воскликнул Костар.

— Ты придумал? — спросил Донифан.

— Молодец Костар! — воскликнул Гарнетт.

— Наверно, он назовет его островом Бэби, — заметил Сервис.

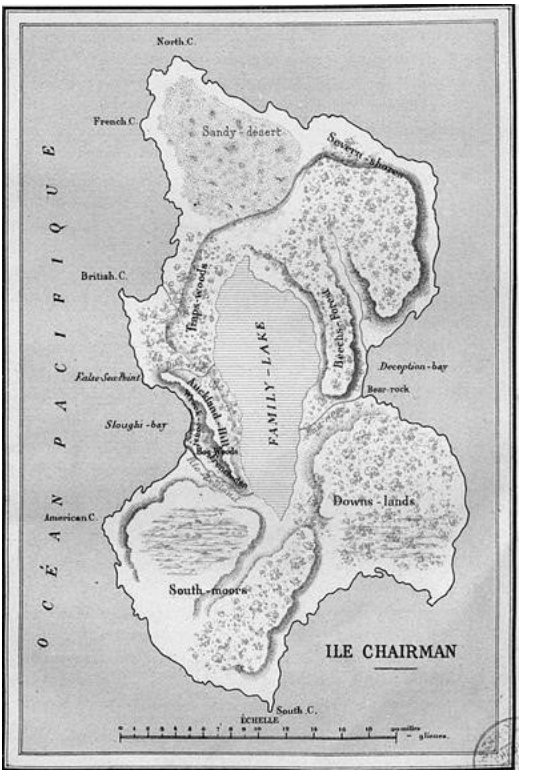
— Не смейтесь над Костаром, — сказал Бриан, — и выслушаем его.

Смущенный, мальчик замолчал.

— Говори, Костар, — произнес Бриан, подбодряя его. — Я уверен, что ты хорошо придумал.

— Так как мы ученики пансиона Черман, то и назовем его островом Черман, — сказал Костар.

Лучшего названия нельзя было и придумать. Все зааплодировали.



«Черман» похоже было на географическое название, и оно в будущем могло перейти в атлас.

Наступил час отдыха, Бриан обратился к мальчикам:

— Раз мы дали название нашему острову, то не следует ли выбрать начальника, который бы управлял им?

— Начальника? — переспросил Донифан.

— Да, — ответил Бриан, — мне кажется, было бы лучше, если бы кто-нибудь из нас пользовался авторитетом. Пусть будет на острове Черман так, как в других странах.

— Да! Да!.. Выберем начальника, — сказал тогда Донифан, — но с условием, чтобы это было на определенный срок, например на год.

— И чтобы его можно было снова выбрать, — добавил Бриан.

— Хорошо!.. Кого же мы выберем? — спросил Донифан тревожным тоном.

Честолюбивый мальчик боялся, что вместо него товарищи выберут Бриана, но в этом отношении он ошибся.

— Кого выбрать? — сказал Бриан. — Самого благоразумного и умного из нас всех… нашего товарища Гордона.

— Да! да! Да здравствует Гордон! — закрича-

ли все.

Гордон сначала хотел отказаться от чести быть избранным, предпочитая организовать дело, чем управлять им. Однако рассудил, что его власть не будет бесполезна ввиду общего разлада.

Таким образом Гордон был провозглашен начальником маленькой колонии на острове Черман.

Да здравствует Гордон!

Глава тринадцатая

Программа занятий. – Соблюдение воскресенья. – Комья снега. – Донифан и Бриан. – Сильные холода. – Вопрос о топливе. – Экскурсия в залив Слау. – Тюлени и пингвины. – Публичное наказание.

С мая зима окончательно установилась на острове Черман. Она продолжится по крайней мере пять месяцев, если остров лежит выше Новой Зеландии. Гордон принял меры предосторожности от сильных холодов.

Молодой американец во время своих метереологических наблюдений заметил следующее: зима началась в мае, то есть за два месяца до июля, который соответствует январю Северного полушария. Можно было заключить, что она кончится через два месяца после июля, то есть в середине сентября. Надо было также иметь в виду бури, которые часто бывают во время равноденствия. Очень возможно, что мальчикам придется не выходить из пещеры до первых чисел октября

и нельзя будет предпринять никакой экскурсии вокруг острова Черман.

Чтобы обставить внутреннюю жизнь лучшими условиями, Гордон начал разрабатывать программу ежедневных занятий. Само собой разумеется, что «фаггизм» не мог быть применим на острове. Все усилия Гордона были направлены на то, чтобы мальчики приучили себя к мысли, что они почти взрослые, и сообразно с этим будут поступать. Было решено, что «фаггов» не будет, это значит, что младшие не должны прислуживать старшим. Все остальное было устроено по традиции, которая, по словам автора статьи «Школьная жизнь в Англии», укоренилась в английских школах.

Программа делилась на две очень неравные части: для маленьких и для больших. Научных книг в библиотеке, за исключением путешествий, было ограниченное число, поэтому старшие не могли расширить своих познаний. Но трудность существования, борьба за удовлетворение своих нужд серьезно знакомили их с жизнью. Старшие должны были не только воспитывать младших, но и обучать их.

Маленьких не обременяли непосильной работой и старались пользоваться всяким случаем,

чтобы развивать у них не только тело, но и ум. Как только погода позволяла, они выходили, тепло одетые, работать на открытом воздухе и заниматься спортом. Эта программа была составлена, руководствуясь принципами, которые служат основанием англосаксонского воспитания:

— Если вас что-нибудь пугает, делайте это.

— Никогда не теряйте случая сделать возможное усилие.

— Не пренебрегайте усталостью, потому что она никогда не бывает бесполезна.

Если исполнять эти предписания, то можно закалить себя и телом, и душой.

Вот что было одобрено и постановлено маленькой колонией. Два часа утром и два часа вечером будет общая работа в зале. По очереди Бриан, Донифан, Кросс и Бакстер из пятого отделения, Уилкокс и Феб из четвертого будут заниматься со своими товарищами из третьего, второго и первого отделений. Они будут учить их математике, географии, истории, пользуясь некоторыми руководствами из библиотеки, а также своими прежними познаниями; таким образом они не могли забыть того, что раньше знали. Кроме того, два раза в неделю по воскресеньям и четвергам

будут беседы по какому-нибудь научному вопросу или на тему из обыденной жизни. Большие будут обсуждать и спорить как в целях самообразования, так и для общего развлечения.

Гордон как начальник будет следить за исполнением этой программы и допускать изменения только в случае крайней необходимости.

Для того чтобы вести счет дням, надо было вычеркивать каждый день в календаре и правильно заводить часы.

Уилкоксу были поручены часы, а Бакстеру календарь.

Барометр и термометр были поручены Фебу, который взялся делать ежедневные наблюдения над ними.

Было решено вести журнал, то есть записывать все, что произошло и произойдет во время их пребывания на острове Черман. Бакстеру предложили заведовать журналом, и он точно исполнял это.

Надо было еще позаботиться о стирке белья, для которой, к счастью, не было недостатка в мыле. Дети, несмотря на замечания Гордона, пачкались, играя на лужайке или ловя рыбу на берегу реки. Стирки было много, и Моко стирал хорошо, но ему одному было не справиться. Старшим маль-

чикам приходилось помогать Моко стирать.

Известно, как строго соблюдается воскресный день в Англии и Америке. Жизнь как бы останавливается в городах, окрестностях и селах. В этот день запрещается всякое развлечение. Такова сила традиции.

Однако на острове Черман согласились смягчить немного эту строгость, и даже в это воскресенье мальчикам было позволено совершить экскурсию на берег Семейного озера. Но так как было очень холодно, то гуляли два часа и с удовольствием вернулись в теплую пещеру, где и пообедали.

Вечер закончился концертом; аккордеон Гарнетта заменял оркестр. Мальчики пели. У Жака был довольно хороший голос. Но вследствие его необъяснимого настроения он не принимал участия в развлечениях товарищей и в этот день; несмотря на просьбы, отказался даже пропеть детские песенки, которых он так много знал в пансионе Черман.

Это воскресенье началось словом «отца Гордона», как его назвал Сервис, и закончилось общей молитвой. К десяти часам все спали крепким сном, охраняемые Фанном, на которого в случае нападения можно было положиться.

В июне холода все усиливались, Феб заявил, что барометр средним числом держится на двадцати семи дюймах, тогда как стоградусный термометр показывал от 10° до 12° ниже точки замерзания. Как только начинал дуть западный ветер, температура немного поднималась и окрестности покрывались толстым слоем снега. Мальчики играли в снежки. Кросс попал снежком Жаку в голову, и тот вскрикнул от боли.

— Я это сделал нечаянно, — сказал Кросс, таково обычное извинение неловких.

— Конечно, — ответил Бриан, прибежавший на крик брата. — Все-таки ты виноват, что бросил так сильно.

— Зачем Жак там стоял, если он не хочет играть.

— Сколько слов, — воскликнул Донифан, — из-за пустяшного удара!

— Хорошо… Это не важно! — ответил Бриан, чувствуя, что Донифан только и ищет случая, как бы поссориться. — Только я попрошу Кросса в другой раз так не делать.

— О чем ты просишь? — спросил Донифан насмешливым тоном. — Ведь он это сделал ненарочно.

— Не понимаю, что ты вмешиваешься, Дони-

фан, — возразил Бриан. — Это касается только Кросса и меня.

— А это касается уже меня, Бриан, раз ты принимаешь такой тон, — ответил Донифан.

— Как тебе угодно… и когда угодно, — сказал Бриан, скрестив руки.

— Сейчас! — воскликнул Донифан.

В эту минуту кстати подошел Гордон, чтобы помешать ссоре, которая могла кончиться дракой. Он обвинил Донифана, и тот должен был покориться и, ворча, уйти в грот. Но надо было опасаться, что какой-нибудь другой случай вызовет драку двух соперников.

Снег шел двое суток. Ради забавы Сервис и Гарнетт слепили фигуру из снега, с большой головой, с огромным носом, непомерным ртом, с жердью в руках. И хотя днем Доль и Костар решались бросать в нее снежками, но, когда темнело, они смотрели на нее со страхом, такой она выглядела огромной.

— Ах, трусы! — кричали Айверсон и Дженкинс, храбрясь, хотя побаивались не меньше своих товарищей.

К концу июня пришлось прекратить эти удовольствия.

Снегу выпало на три или четыре фута, и почти

нельзя было ходить. Если уйти на несколько сот шагов от грота, то можно было рисковать не вернуться.

Молодые переселенцы были как бы в заключении две недели до 9 июля. Учение от этого не страдало; напротив, программа дня строго исполнялась. Беседы происходили в назначенные дни. Все находили в этом настоящее удовольствие, и Донифан занимал первое место благодаря своему красноречию и образованию. Но так как он гордился этим, это портило все его блестящие качества. Хотя свободные часы приходилось проводить в зале, общее здоровье мальчиков не страдало от этого благодаря вентиляции из коридора. Этот гигиенический вопрос был одним из важных. Если бы кто-нибудь из детей заболел, то нечем было бы лечить. К счастью, все ограничивалось насморком или болью в горле, что быстро проходило после отдыха и теплого питья.

В это время они были заняты решением другого вопроса. Обыкновенно воду брали из реки во время отлива, чтобы она не имела соленого вкуса. Но когда река совсем замерзнет, то нельзя будет доставать воды. Гордон посоветовался с Бакстером, своим «домашним инженером», о мерах, которые надо принять. Бакстер после некоторого

размышления предложил провести водопроводную трубу в нескольких футах под берегом, так, чтобы она не замерзала, по этой трубе вода будет течь из реки в кладовую. Это была трудная работа, и Бакстеру бы с ней не справиться, если бы у него не было свинцовых труб, бывших в употреблении на яхте.

После многочисленных попыток вода была проведена в кладовую. Что касается освещения, то масла для фонарей был еще достаточный запас, но после зимы необходимо было пополнить его или по крайней мере сделать свечи из сала, которое Моко берег для этого.

Ради забавы Сервис и Гарнетт слепили фигуру из снега, с большой головой, с огромным носом, непомерным ртом, с жердью в руках.

Беспокоил вопрос, как прокормить маленькую колонию, потому что прошло время охоты и рыбной ловли. Голодные шакалы приходили несколько раз на лужайку, Донифан и Кросс прогоняли их выстрелами из ружей. Однажды их пришла целая стая, около двадцати особей, и пришлось прочно закрыть двери зала и кладовой. Нападение этих плотоядных животных, разъяренных от голода, было бы ужасно. Фанн всегда чуял их приближение заблаговременно, и они не могли ворваться в грот.

При таких условиях Моко был принужден как можно меньше тратить провизии с яхты, которую надо было беречь. Гордон неохотно позволял ее использовать и с грустью смотрел в свою записную книжку, где увеличивался столбец расходов, а приход оставался неизменным.

Был еще довольно большой запас вареных уток и дроф, герметически закупоренных в бочонках. Моко мог также пользоваться лососиной, сохраняющейся в рассоле. Но не надо забывать, что в гроте надо было накормить пятнадцать человек, от восьми до четырнадцати лет.

С помощью своих товарищей Уилкокс устроил западни на берегу реки, употребив для этого рыболовные сети, поднятые на высоких жердях. В сети птицы попадались в большом количестве, перелетая с одного берега на другой. Хотя большая часть могла высвободиться из силков, но бывали дни, когда хватало их и на завтрак, и на обед.

Кормить американского страуса было очень трудно. Приручение его не удалось, хотя Сервису было главным образом поручено его воспитание.

— Как он будет быстро бегать, — повторял он часто, хотя не понимал, как сядет на страуса.

Так как страус не ел мяса, то Сервис был принужден запасаться травой и корнями, доставая их из-под снега, на глубине двух или трех футов. Он готов был и не то сделать, чтобы доставить хорошую пищу своему любимцу. Если страус похудеет немного во время этой бесконечной зимы, то это не вина его верного хранителя, и можно было надеяться, что с наступлением весны он примет свой нормальный вид.

Девятого июля, рано утром, Бриан, выйдя из грота, заметил, что стал дуть южный ветер.

Холод сделался таким резким, что он поспешил

в зал и сообщил Гордону о перемене температуры.

— Боюсь, — ответил Гордон, — что нам придется пережить еще несколько очень суровых зимних месяцев.

— Это доказывает, — прибавил Бриан, — что яхту отнесло на юг дальше, чем мы предполагали.

— Наверно, — сказал Гордон, — однако на нашем атласе нет никакого острова на границе южного моря.

— Это необъяснимо, Гордон, и, право, я не знаю, в какую сторону нам отправиться, если бы довелось уехать с острова Черман.

— Уехать с острова! — воскликнул Гордон. — Ты все еще об этом думаешь, Бриан!

— Конечно, Гордон. Если бы мы могли построить лодку, я бы не колеблясь отправился на исследования.

— Хорошо, хорошо! — возразил Гордон. — Торопиться некуда. Подожди по крайней мере, пока мы устроим как следует нашу маленькую колонию.

— Ах, Гордон, — ответил Бриан, — ты забываешь, что у нас дома остались родные.

— Конечно, Бриан, но мы здесь не очень несчастливы. Дело идет на лад, и я даже спраши-

ваю, чего нам недостает.

— Очень многого, — ответил Бриан, находя своевременным не продолжать больше разговора об этом. — Например, у нас нет больше топлива.

— Да, но леса еще много.

— Лес есть! Но запас дров кончается, и надо сделать новый.

— Хоть сегодня! — ответил Гордон. — Посмотрим, что показывает термометр.

Термометр, висевший в кладовой, показывал 5° тепла, хотя печь топилась жарко. Но когда его повесили к внешней стене, он показал 17° ниже точки замерзания.

Холод был сильный, и он, наверно, увеличился бы, если бы погода была ясной и сухой в продолжение нескольких недель.

Несмотря на топку двух печей в зале и печки в кухне, температура чувствительно понижалась внутри грота.

Около девяти часов после первого завтрака решили отправиться в лес за дровами.

Когда тихо, легко можно перенести самую низкую температуру, но трудно выносить резкий ветер, режущий руки и лицо. К счастью, в этот день ветра почти не было, небо было чисто. Там, где накануне еще снег был настолько мягок, что

в него проваливались по пояс, теперь почва была тверда как камень. Можно было ходить как по замерзшему Семейному озеру, так и по Зеландской реке. На лыжах, употребляемых туземцами северных стран или даже на санях, запряженных собаками или оленями, можно было в несколько часов объехать озеро на всем его протяжении с юга на север.

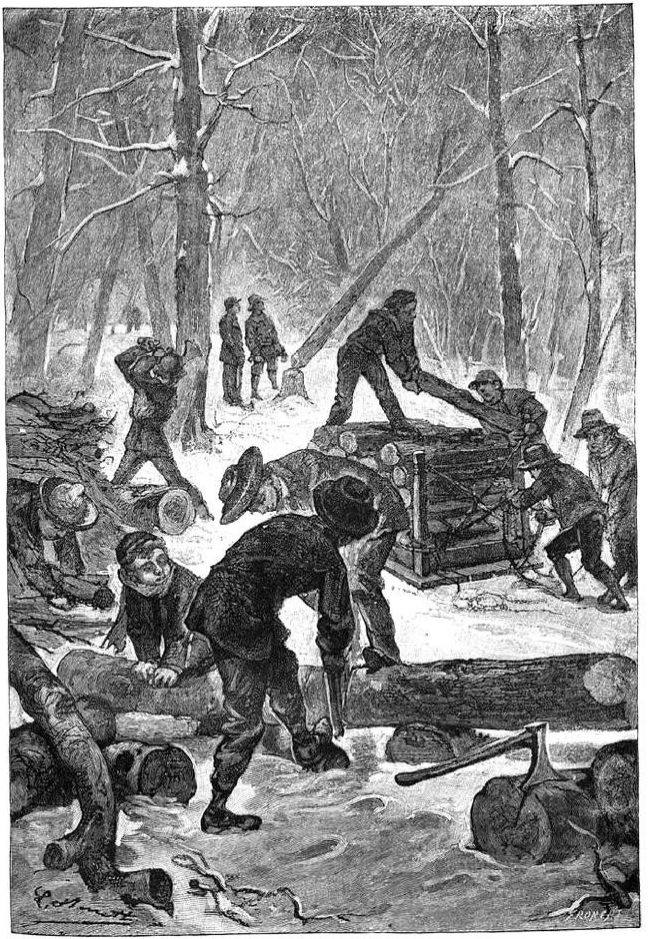
Но в данное время незачем было ехать, соседний лес был близко, и там можно было возобновить запас дров.

Переносить дрова в грот было трудно, потому что приходилось везти их на руках и на спине. Тогда Моко пришла чудная мысль, которую поспешили привести в исполнение. Он предложил перевернуть большой, прочный стол длиной в двенадцать футов и шириной в четыре, доской вниз и тащить по поверхности замерзшего снега, как сани. Это и было сделано. Затем четверо старших впряглись в этот первобытный экипаж и в восемь часов поехали по направлению к лесу.

Маленькие с красными носами и румяными щеками прыгали впереди вместе с Фанном. Иногда они влезали на стол, возились, шлепали друг друга ради удовольствия. Их голоса раздавались необыкновенно гулко в этом холодном и сухом

воздухе. Приятно было видеть этих детей, полных веселья и здоровья.

Холмы между Оклендом и Семейным озером были покрыты снегом и украшены инеем, представляя волшебную картину. Над озером птицы летали стаями. Донифан и Кросс захватили с собой ружья. Это было очень предусмотрительно, потому что заметили подозрительные следы, принадлежавшие каким-то другим животным, но не шакалам, не кугуарам, не ягуарам.



Переносить дрова в грот было трудно.

— Это, может быть, дикие кошки, — сказал Гордон, — которые не менее опасны.

— Если бы это были только кошки! — ответил Костар, пожимая плечами.

— Тигры тоже кошки, — возразил Дженкинс.

— Правда ли, Сервис, — спросил Костар, — что эти кошки злые?

— Правда, — ответил Сервис, — они грызут детей, как мышей.

Этот ответ встревожил Костара.

Они быстро прошли расстояние между гротом и лесом и начали работать. Рубили только средней величины деревья, срезая мелкие ветки, так как поленья лучше прутьев согреют печи. Затем «стол-сани» тяжело нагрузили, но он скользил так легко, и все тащили его так охотно по твердой почве, что до двенадцати часов смогли съездить два раза.

После завтрака принялись за работу, которую кончили к четырем часам, когда стало темнеть. Все очень устали, и так как не надо было торопиться, то Гордон решил больше не ездить.

Если Гордон приказывал, то нельзя было не повиноваться.

По возвращении в грот принялись пилить

поленья, колоть их, складывать, и это продолжалось до вечера.

Шесть дней они возили дрова и сделали запас на несколько недель. Кладовая дров не могла вместить всего запаса, и часть его сложили на открытом воздухе у горы.

Пятнадцатого июля по календарю был день святого Суизена. В Англии святой Суизен пользуется такой же известностью, как святой Медар во Франции.

— Итак, — заметил Бриан, — если сегодня будет дождь, то он будет идти сорок дней.

— Это не важно, — ответил Сервис, — теперь плохое время года. Если бы было лето!

Действительно, жители Южного полушария не должны бояться влияния святого Медара или святого Суизена.

В первых числах августа температура упала до 27° ниже нуля. Без боли нельзя было дотронуться рукой ни до одного металлического предмета. В гроте старались поддерживать сносную температуру.

Две недели пришлось прожить в тяжелых условиях. Все страдали от недостатка движения. Бриан с беспокойством видел, как побледнели лица маленьких, однако благодаря согревающим

напиткам, в которых не было недостатка, все прошло благополучно и ограничилось только насморком и бронхитом.

К 16 августа состояние атмосферы смягчилось, а ветер стал дуть с запада. Термометр поднялся до 12° ниже точки замерзания, и эту температуру можно было переносить.

Донифан, Бриан, Сервис, Уилкокс и Бакстер придумали совершить экскурсию к бухте. Если выйти рано утром, то можно вернуться в тот же вечер.

Надо было узнать, нет ли на берегу тюленей, которых они видели во время остановки, а также заменить флаг, от которого, вероятно, после зимних бурь остались одни клочки.

И еще, по совету Бриана, решили прибить дощечку на сигнальной мачте, обозначающую положение грота в случае, если какие-нибудь моряки увидят флаг и сойдут на берег.

Гордон дал свое согласие, но советовал вернуться до наступления ночи. 19 августа рано утром маленькая компания отправилась в путь. Небо было чистое, и луна слабо светила. Пройти шесть миль для них не представляло трудности.

Они шли скоро. Трясина замерзла, ее не надо было обходить, что сократило путь. К девяти

часам утра вышли на берег.

— Вот стая птиц! — воскликнул Уилкокс.

И он показал на несколько тысяч птиц, сидевших на подводных скалах, похожих на больших уток, с удлиненным клювом и с таким же неприятным, пронзительным криком.

— Точно солдаты перед парадом, — сказал Сервис.

— Это пингвины, — ответил Бакстер, — и их не стоит стрелять.

Эти глупые птицы, которые держались вертикально благодаря слишком откинутым назад ногам, не собирались улететь, и их можно было перебить палкой.

Было много тюленей, жир которых пригодился бы для освещения на будущую зиму.

Они играли, лежали на льду. Чтобы убить их, нужно было перерезать им путь. Как только Бриан и его товарищи приблизились к ним, они бросились в воду и исчезли. Впоследствии надо было организовать особую охоту на них.

После умеренного завтрака из взятой провизии мальчики отправились осматривать бухту.

Тянулась необыкновенно белая скатерть снега. От устья Зеландской реки до мыса Ложного Моря, исключая пингвинов и морских птиц — буре-

вестников, чаек и рыболовов, — не было заметно других птиц. Снег покрыл берег на два или три фута, и остатки яхты исчезли под этим густым покровом.

По оставшимся на берегу водорослям можно было судить, что не было большого прилива. Море было такое же пустынное, как и три месяца тому назад, когда его видел Бриан. А там дальше, за сотни миль, находилась Новая Зеландия, которую он надеялся когда-нибудь увидеть.

Бакстер вывесил на мачте новый флаг и приколотил дощечку, на которой была обозначена дорога к гроту. В половине второго они отправились домой по левому берегу.

Доро́гой Донифан убил пигалиц, летавших над рекой, и в четыре часа, когда начало темнеть, он со своими товарищами вернулся в грот. Гордону сообщили обо всем происшедшем, и решили охотиться на тюленей, как только погода это позволит…

Зима подходила к концу. Последнюю неделю в августе и первую в сентябре ветер дул больше с моря. Температура быстро повышалась. Снег растаял, и лед ломался на озере с оглушительным треском.

Бакстер вывесил на мачте новый флаг.

Те льдины, которые не таяли на месте, плыли по течению реки, громоздясь друг на друга, так что скопилась масса льда, окончательно растаявшая только к 10 сентября.

Таким образом прошла зима. Благодаря принятым предосторожностям маленькая колония не очень пострадала от холодов. Все были здоровы, и уроки шли прекрасно, так что Гордону совсем не приходилось строго наказывать шалунов.

Раз ему пришлось наказать Доля, поведение которого того заслуживало.

Несколько раз упрямец отказывался учить уроки, и Гордон сделал ему выговор, на который Доль не обратил внимания. В англосаксонских школах не принято сажать на хлеб и воду. Доль был приговорен к наказанию розгами.

Молодые англичане, как известно, не чувствуют того отвращения к розге, как французы. Однако в данном случае Бриан протестовал бы против такого наказания, если бы не долг подчиняться постановлениям Гордона. Француз стыдился бы быть наказанным, а англичанин стыдится бояться телесного наказания.

Доля высекли. Уилкокс выполнил эту обязанность, и это произвело такое впечатление, что

больше не приходилось прибегать к этому наказанию.

Десятого сентября исполнилось шесть месяцев, как «Слау» натолкнулась на подводные скалы острова Черман.

Глава четырнадцатая

Последние зимние холода. – Тележка. – Приход весны. – Сервис и его американский страус. – Приготовление к северной экспедиции. – Фауна и флора. – Конец Семейного озера. – Песчаная пустыня.

С началом весны молодые поселенцы смогли привести в исполнение некоторые свои планы, составленные в длинные зимние вечера.

По карте Франсуа Бодуэна было видно, что на севере, юге и востоке не было земли и этот остров не принадлежал ни к архипелагу, ни к группе островов Тихого океана. Все-таки земля около острова могла быть, только Бодуэн не заметил это потому, что у него не было подзорной трубы, а с холма Окленда можно было видеть только на несколько миль. Мальчики, имея лучшие

пособия для исследования, может быть, найдут то, чего не нашел Бодуэн.

Остров Черман имел в центральной своей части двенадцать миль. На противоположной стороне берег был изрезан бухтами, и надо было исследовать его.

Но прежде чем осматривать разные части острова, надо было исследовать пространство между холмом Окленда, Семейным озером и лесами. Надо было узнать, какими богатствами он обладал, много ли было полезных деревьев и кустарников. Для этого была назначена экскурсия на первые дни в ноябре.

По календарю весна уже началась на острове Черман, но этого еще не было заметно. В сентябре и половине октября погода стояла очень плохая.

Во время равноденствия бури свирепствовали с такой силой, как в то время, когда «Слау» унесло в Тихий океан.

Волны яростно ударялись о берег, южный шквал, проносясь над болотами, не представлявшими никакого препятствия, приносил суровый холод, и было очень трудно защитить от него вход в грот. Несколько раз он вышибал дверь, ведущую в склад, и проникал в коридор до зала. От ветра приходилось больше терпеть, чем во время

сильных холодов, когда температура падала до 30° по Цельсию. Нужно было бороться не только со шквалом, но и с дождем и градом.

К тому же дичь совсем исчезла, как будто улетела в защищенную от ветра часть острова, рыба тоже ушла в глубину. Но у обитателей острова время не проходило праздно.

Столом нельзя было пользоваться для перевозки дров, потому что снег растаял, поэтому Бакстер попробовал устроить тележку.

Для этого он воспользовался двумя одинаковыми колесами от брашпиля с яхты. Сведущий человек легко бы справился с этой задачей, а Бакстеру пришлось действовать наугад. Соединив оба колеса железной полосой, приделали к этой оси доску; таким образом, вышла первобытная тележка, но она оказала большие услуги. Так как не было ни лошади, ни мула, ни осла, то самые сильные мальчики впрягались в эту тележку.

Если бы им удалось поймать и приручить какое-нибудь животное, они сохранили бы и время, и силы. На острове Черман больше всего было птиц, но местами замечали следы и плотоядных животных. Кроме того, судя по страусу Сервиса, нельзя было надеяться, что страусы будут пригодны для домашнего обихода.

Страус продолжал оставаться таким же диким. Он не позволял к себе подойти, защищаясь клювом и лапами, старался оборвать веревку, за которую был привязан, и, если бы ему это удалось, он бы убежал в лес. Сервис, однако, не терял надежды приручить его. Он, конечно, по примеру робинзона Жака, дал страусу имя Браузевинд. Но, несмотря на все старания, упрямое животное не становилось ручным.

— Однако Жаку удалось ездить на своем страусе, — сказал однажды Сервис.

— Верно, — ответил ему Гордон. — Но между твоим героем и тобой, Сервис, так же как и между вашими страусами, большая разница.

— Какая, Гордон?

— Очень простая: ты и твой страус существуете в действительности, а Жак выдуман.

— Хорошо, — возразил Сервис. — Я одолею своего страуса…

— Ну конечно, — ответил Гордон, смеясь, — меня меньше удивит, если ты его заставишь говорить, чем если он станет слушаться тебя.

Несмотря на шутки своих товарищей, Сервис решился объездить своего страуса, как только будет хорошая погода.

Продолжая подражать своему литературному

герою, он сделал для страуса упряжь из парусины, с капюшоном и передвижными наглазниками. Жак правил своим страусом, опуская то тот, то другой наглазник на правый или левый глаз. Почему же ему не удастся сделать того же самого? Сервис даже сделал ошейник из троса и надел его на шею страуса, который свободно мог обойтись без этого украшения.

Так проходили дни в работе по устройству грота, где с каждым днем становилось удобнее. Это был лучший способ проводить часы, которыми нельзя было воспользоваться для работы на воздухе, не отнимая времени от часов, посвященных учению.

Время равноденствия подходило к концу. Небо прояснилось. Стояла половина октября. Земля нагрелась, кустарники и деревья начинали зеленеть.

Теперь можно было выходить из грота на целые дни. Теплая одежда, толстые драповые панталоны, шерстяные куртки были вычищены, починены, сложены, записаны Гордоном и спрятаны в сундуки. Молодые поселенцы оделись в более легкие костюмы и приветствовали с радостью возвращение весны. Кроме того, их не покидала надежда сделать какое-нибудь откры-

тие, которое могло бы улучшить их положение. Летом какой-нибудь корабль мог проходить мимо острова Черман и подойти к нему, увидя развевающийся флаг на верхушке холма Окленда.

Во второй половине октября было предпринято несколько экскурсий на расстояние двух миль от грота. Одни охотники принимали в них участие, хотя, по совету Гордона, и нужно было беречь порох и свинец. Уилкокс натянул силки, которыми ловил дроф, а иногда и зайцев, похожих на агути. Часто днем ходили смотреть эти силки, потому что шакалы и другие хищные звери опережали охотников и уничтожали дичь, а некоторые попадали в ловушки, поставленные на прогалине леса.

Донифан убил несколько мексиканских свиней и шакулей — малорослых кабанов и оленей, мясо которых вкусно. Никто не ловил страусов, видя неудачу Сервиса с их приручением.

Утром 26 октября упрямый Сервис хотел прокатиться на страусе, которого с трудом оседлал.

Все пришли на лужайку посмотреть на это интересное событие. Маленькие смотрели на товарища с чувством зависти, но не без тревоги.

В решающую минуту они колебались просить Сервиса посадить кого-нибудь из них сзади себя.

Старшие пожимали плечами, Гордон даже хотел отговорить Сервиса от подобной затеи, но последний заупрямился, и решили не мешать ему.

Гарнетт и Бакстер держали страуса, голова которого была покрыта капюшоном с наглазниками. Сервис после нескольких неудачных попыток вскочил ему на спину и самоуверенным голосом закричал:

— Пускайте!

Страус с наглазниками ничего не видел и стоял не двигаясь, сдерживаемый Сервисом, который сильно сжимал его ногами. Но как только наглазники были приподняты с помощью веревки, служившей в то же время вожжами, он подпрыгнул и побежал по направлению к лесу. Страус летел как стрела, и Сервис, держась за его шею, не мог с ним справиться. Страус, мотнув головой, сбросил капюшон, который сполз на шею. Затем сильным толчком вышиб седока, и Сервис упал на землю, а страус исчез между деревьями.

Страус летел как стрела, и Сервис, держась за его шею, не мог с ним справиться.

Товарищи Сервиса подбежали к нему, но страуса уже не было видно.

К счастью, Сервис упал в густую траву и не ушибся.

— Глупая птица, глупая, — повторял он сконфуженно. — Попадись она мне только!

— Тебе его больше не поймать, — ответил Донифан, который любил посмеяться над товарищем.

— Наверно, — заметил Феб, — твой друг Жак лучше тебя умел ездить.

— Нет, мой страус не был достаточно приручен, — ответил Сервис.

— Ты его и не мог приручить! — возразил Гордон. — Утешься, Сервис, и не забудь, что в рассказе о робинзоне не всему можно верить.

Вот как закончилось приключение со страусом, и маленькие не жалели, что не сели на него.

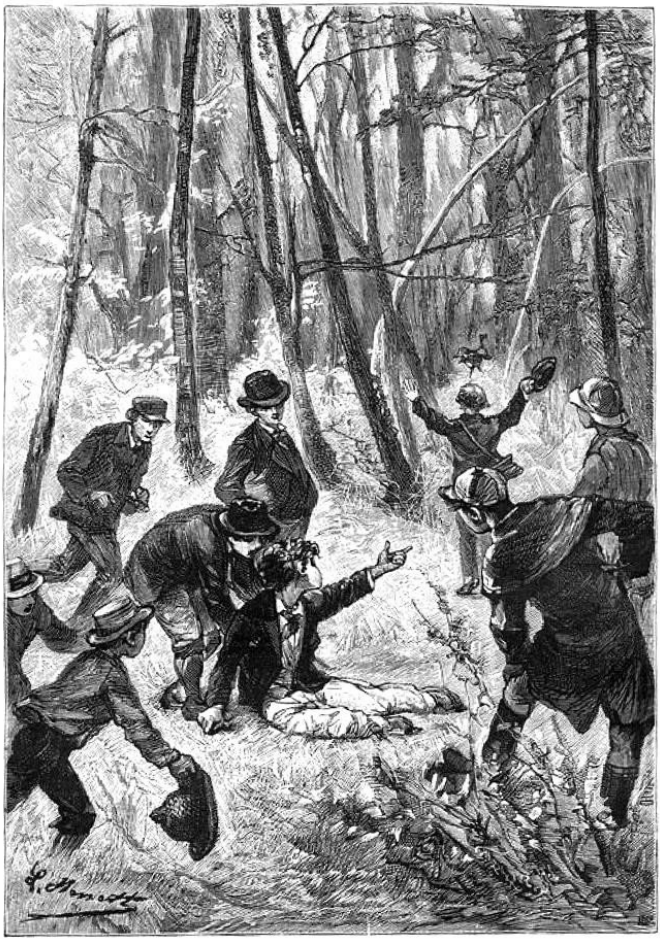
В первых числах ноября погода казалась благоприятной для продолжительной экспедиции. Хотели исследовать западный берег Семейного озера. Небо было чистым, жара умеренная, и можно было провести несколько ночей на открытом воздухе. Все было приготовлено.

Охотники должны были на этот раз принять

участие в этой экспедиции, и Гордон тоже присоединился к ним. Оставшихся товарищей будут охранять Бриан и Гарнетт. В конце весны Бриан сам предпримет другую экспедицию с намерением посетить нижнюю часть озера то в ялике, то пешком, так как, судя по карте, это пространство занимало не более пяти миль вверх от грота. 5 ноября Гордон, Донифан, Бакстер, Уилкокс, Феб, Кросс и Сервис простились со своими товарищами и отправились в путь.

В гроте обычная жизнь нисколько не изменилась. В часы, посвященные для работы на воздухе, Айверсон, Дженкинс, Доль и Костар продолжали, как всегда, ловить рыбу в озере и в реке, что для них было любимым занятием.

Гордон, Донифан и Уилкокс взяли с собой ружья; кроме того, у каждого за поясом было по револьверу; охотничьи ножи и два топора докончили вооружение. Они должны были употреблять заряды только для защиты, если на них нападут, или для того, чтобы убить дичь в тех случаях, если не удастся поймать ее иным способом. Для этого Бакстер нес лассо и бола́; он некоторое время упражнялся во владении ими.



Вот как закончилось приключение со страусом.

Бакстер был очень ловок и быстро научился пользоваться этими снарядами. До сих пор он метил только в неподвижные предметы, и неясно было, сумеет ли он справиться с убегающим животным. Это будет видно на деле.

Гордон захватил каучуковую лодку, которую легко можно было нести. На карте были обозначены две реки, впадающие в озеро, и лодка пригодилась, если бы нельзя было перейти их вброд. По карте Бодуэна, которую Гордон взял с собой для справки или для проверки, смотря по обстоятельствам, западный берег Семейного озера тянулся на восемнадцать миль, считая его изгиб. На дорогу туда и обратно понадобится по крайней мере три дня, если их что-нибудь не задержит.

Гордон и его товарищи с Фанном впереди шли хорошим шагом вправо от леса по песчаному берегу.

Пройдя две мили, они дошли до того места, до которого доходили в своих прежних походах.

В этом месте росла пучками высокая трава, называемая cortaderes, в которой можно было скрыться с головой. Это замедляло шаг, но они

не жалели, потому что Фанн делал стойку перед отверстием нор, прорытых в земле, чуя присутствие там какого-нибудь животного. Донифан уже приготовил ружье, но Гордон его остановил.

— Побереги заряд, Донифан! — сказал он ему. — Прошу тебя.

— Почем знать, Гордон, может быть, мы сможем настрелять что-нибудь к завтраку.

— И также к обеду, — прибавил Сервис, наклоняясь к норе.

— Если там есть что-нибудь, — ответил Уилкокс, — мы сумеем заставить это выйти, не тратя пороха.

— Каким же образом? — спросил Феб.

— Поджечь эти норы, как это делают с хорьками или лисицами.

Местами земля была покрыта сухой травой, которую Уилкокс надергал и зажег у отверстия нор. Через минуту из них выбежали двенадцать грызунов, полузадыхаясь и напрасно пытаясь убежать. Это были кролики tucutucos, часть которых Сервис и Феб поймали с помощью Фанна.

— Вот будет славное жаркое! — сказал Гордон.

Пришлось затратить полчаса, чтобы выйти из этого травяного леса. За ним тянулся берег, покрытый дюнами, песок которых был необыкно-

венно топок и поднимался при малейшем ветре.

Отсюда казалось, что холм Окленда был не более чем в двух милях. Это объяснялось направлением, по которому тянулась скала, от грота к бухте Слау. Вся эта часть острова была покрыта густым лесом, который Бриан с товарищами обошли во время первой экскурсии к озеру и которую орошал ручей, названный ими Дейк-Крик.

На карте значилось, что ручей этот тек к озеру. К устью ручья мальчики пришли около одиннадцати часов утра, пройдя от утеса шесть миль.

Остановились у подножия прекрасной зонтообразной сосны и развели огонь из сухих веток между двумя большими камнями. Несколько минут спустя Сервис выпотрошил двух кроликов и принялся их жарить, а Фанн, сидя на задних лапах около огня, вдыхал этот приятный запах дичи. Завтракали с хорошим аппетитом, не жалуясь на первый опыт кулинарного искусства Сервиса. Кроликов было достаточно, и не пришлось трогать взятой провизии, кроме сухарей. Мясо было очень вкусным благодаря ароматическим растениям, которыми питаются грызуны.

После этого мальчики перешли речку вброд, так что не пришлось прибегать к каучуковой лодке.

Берег озера становился болотистее, и мальчики вынуждены были вернуться к лесной прогалине, чтобы держаться востока. Тот же аромат, те же чудные деревья, буки, березы, дубы, различные сосны. Много птиц летало с ветки на ветку. Вдали в воздухе парили кондоры, американские ястребы и хищные орлы, охотно прилетавшие в южноамериканские моря.

Вспомнив Робинзона Крузо, Сервис пожалел, что в орнитологии острова не было попугаев. Если им не удалось приручить страуса, то, может быть, эта болтливая птица оказалась бы менее упряма. Дичи же было в изобилии, главным образом птиц, похожих на тетеревов. Гордон не мог отказать Донифану в удовольствии убить средней величины свинью, которая пригодится к завтраку или к обеду.

Не было необходимости идти под деревьями, где трудно было проходить. Шли вдоль прогалины до пяти часов вечера, когда им встретилась другая речка шириной в сорок футов. Она вытекала из озера и впадала в Тихий океан за заливом Слау, огибая с севера холм Окленда.

Гордон решил остановиться в этом месте. Они прошли двенадцать миль, и этого было достаточно для первого дня. Надо было дать название

реке, и так как они остановились на ее берегу, то назвали ее Stop-river (река Стоянки). Стоянка была устроена под деревьями. Тетерева были сохранены до следующего дня, кролики составили главное кушанье, и на этот раз Сервис довольно хорошо справился со своим делом. Развели большой огонь, около которого все легли, завернувшись в одеяла. Костер горел ярко, его поддерживали по очереди Уилкокс и Донифан, так что звери не решились бы подойти близко. Ночь прошла спокойно, и рано утром все были готовы отправиться в путь.

Однако недостаточно было дать название реке, надо было ее перейти, а так как вброд этого сделать было нельзя, то воспользовались лодкой. Эта небольшая лодка за один раз могла перевезти только одного человека, так что пришлось переезжать семь раз с левого берега на правый, что отняло у них час. Но зато они не подмочили провизию и сами не вымокли.

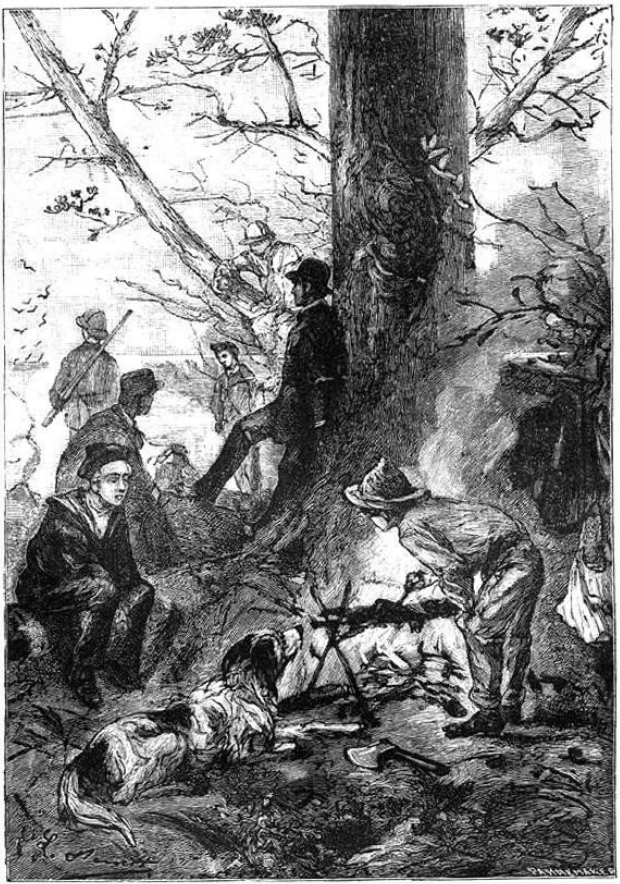
Что касается Фанна, то он, не боясь замочить лапы, бросился вплавь и быстро очутился на другом берегу.

Почва не была болотиста, и Гордон подошел к берегу озера, когда не было еще девяти часов. После завтрака, состоявшего из жареной свинины,

они направились к северу.

Не было еще видно конца озера, когда около полудня Донифан, наведя свою трубу, сказал:

— Вот и другой берег.



Завтракали с хорошим аппетитом.

Все стали смотреть в ту сторону, где над водой показалось несколько деревьев.

— Постараемся дойти туда засветло, — сказал Гордон.

Бесплодная равнина, усеянная длинными дюнами и покрытая камышом и тростником, бесконечно тянулась к северу. Остров Черман в северной части представлял обширные песчаные пространства, составлявшие резкий контраст с зелеными лесами, и Гордон мог справедливо назвать эту местность Sandy-desert (Песчаная пустыня).

Около трех часов противоположный берег, тянувшийся по крайней мере на две мили к северо-востоку, стал ясно виден. В этой местности, казалось, не было живого существа, кроме морских птиц, бакланов, буревестников, нырков, которые прилетали к прибрежным скалам.

Если бы яхта пристала к этому месту, то, увидя такую бесплодную землю, мальчики подумали бы, что они лишены всяких средств к существованию.

Им не следовало теперь идти дальше в этом направлении и исследовать подробно ту часть острова, которая казалась необитаемой. Лучше было бы предпринять вторую экспедицию на

правый берег озера, где в других лесах они могли найти новые богатства. Кроме того, на востоке должна была находиться Америка, если только остров Черман лежит с ней по соседству.

Однако по предложению Донифана решили дойти до конца озера, до которого было недалеко. С наступлением ночи сделали привал в маленькой бухточке в северном углу Семейного озера.

В этом месте не было ни дерева, ни пучка травы, ни мха, ни сухих листьев. За неимением топлива нужно было удовлетвориться взятой из дома провизией, а за неимением убежища — песком, на котором расстелили одеяла.

Эта ночь в песчаной степи прошла спокойно.

Глава пятнадцатая

Обратный путь. – Экскурсия на запад. – Чайное дерево. – Дейк-Крик. – Викунья. – Тревожная ночь. – Гуанако. – Умение Бакстера владеть лассо. – Возвращение во Френ-ден.

В двухстах шагах от бухты находилась дюна высотой в пятьдесят футов. Отсюда Гордон и

его товарищи могли обозревать окрестности на большом расстоянии.

Как только взошло солнце, они поспешили забраться на верхушку дюны и направили подзорную трубу на север.

Если обширная пустыня тянулась до берега, как это было указано на карте, то конца ее нельзя было видеть, потому что море было от них в восемнадцати милях. Идти дальше было бесполезно.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Кросс.

— Вернемся в грот, — ответил Гордон.

— До завтрака, — поспешил возразить Сервис.

— Приготовим завтрак! — ответил Феб.

— Не пойти ли нам по другой дороге? — заметил Донифан.

— Попробуем, — ответил Гордон.

— Мне даже кажется, — прибавил Донифан, — что наша экспедиция будет закончена, если мы обойдем правый берег Семейного озера.

— Это будет далеко, — ответил Гордон. — По карте выходит тридцать или сорок миль, на что потребуется от четырех до пяти дней, предполагая, что не будет никаких препятствий в дороге. Оставшиеся в гроте будут беспокоиться, и, по-мо-

ему, лучше не причинять им этого волнения.

— Однако, — возразил Донифан, — рано или поздно необходимо познакомиться с этой частью острова.

— Конечно, — ответил Гордон, — и я намереваюсь организовать экспедицию с этой целью.

— Однако, — сказал Кросс, — Донифан прав. Интереснее идти по другой дороге.

— Понятно, — возразил Гордон, — но я предлагаю идти по берегу озера до Stop-river, а затем прямо к утесу, который мы обогнем.

— Зачем спускаться по берегу, по которому мы уже шли? — спросил Уилкокс.

— Действительно, Гордон, — добавил Донифан, — почему не идти по этой песчаной равнине, чтобы дойти до леса, находящегося на юго-западе в трех или четырех милях?

— Потому что нам все равно придется переходить Stop-river, — ответил Гордон. — Мы уверены, что можем пройти там, где проходили вчера, тогда как ниже нам будет трудно, если река сделается бурной. Мне кажется благоразумнее не удаляться в лес прежде, чем мы будем на левом берегу реки.

— Ты, как всегда, благоразумен, Гордон! — воскликнул Донифан не без иронии.

— Никогда не мешает быть благоразумным, — ответил Гордон.

Все сошли с дюны, вернулись к месту стоянки, съели по куску сухаря и холодной дичи, свернули одеяла, захватили оружие и отправились хорошим шагом по старой дороге.

Небо было чудесно. Легкий ветерок едва рябил поверхность воды. Можно было рассчитывать на прекрасный день. Гордон только желал, чтобы эта погода продержалась в течение тридцати шести часов, так как он рассчитывал быть дома на другой день к вечеру.

С 6 до 11 часов утра они прошли без труда девять миль, отделявших озеро от Stop-river. Дорогой не было никаких приключений, исключая того, что около реки Донифан убил двух прекрасных дроф, у которых сверху были черные перья, смешанные с рыжими, а внизу белые. Это привело их в приятное настроение, и Сервис, как всегда, с удовольствием готов был ощипать, выпотрошить и изжарить какую угодно птицу, что он и сделал, когда переехали реку в каучуковой лодке.

— Вот мы в лесу, — сказал Гордон, — и я надеюсь, что Бакстеру удастся испытать и лассо, и бола.

— Дело в том, что до сих пор не приходилось

ими пользоваться, — ответил Донифан, признававший только одно ружье.

— Да, но они не годились для птиц, — возразил Бакстер.

— Это все равно, птицы ли, четвероногие ли, Бакстер, я не очень им доверяю.

— И я также, — добавил Кросс, всегда готовый поддержать своего двоюродного брата.

— Подождите решать, прежде чем Бакстеру удастся воспользоваться ими, — ответил Гордон.

— Я уверен, что он хорошо справится. Если у нас не хватит снарядов, то лассо и бола все-таки останутся при нас.

— Увидим, — возразил Гордон, — а пока позавтракаем.

Но для приготовления надо было время, а Сервис хотел, чтобы его дрофа была хорошо изжарена.

Эта птица была очень большая и могла удовлетворить аппетит молодежи. Такая дрофа весит около тридцати фунтов, длиной она от клюва до хвоста три фута и принадлежит к самым крупным видам. Ее съели до последнего куска, даже до последней кости, потому что Фанн, которому достались кости, все уничтожил.

После завтрака мальчики вошли в незнакомый

лес, пересекавший реку до ее впадения в Тихий океан. На карте было обозначено уклонение ее течения к северо-западу и что устье находилось за мысом. Гордон решил отойти от берега реки, иначе они уклонились бы в противоположном гроту направлении.

Ему хотелось как можно скорее дойти до холма Окленда, чтобы спуститься к югу.

Справившись со своим компасом, Гордон смело пошел на запад. Деревья не были здесь очень густы и земля не поросла травой и кустарником, так что свободно можно было пройти. Между березами и буками виднелись просеки, через которые проникали лучи солнца.

Дикие цветы ярко пестрели на кустах и в траве.

Нарвали цветов, и Сервис, Уилкокс и Феб украсили ими себе куртки. Гордон, познаниями которого маленькая колония часто пользовалась, сделал тогда полезное открытие. Он обратил внимание на куст с малоразвитыми листьями, с ветками, покрытыми шипами, и с маленькими красноватыми плодами величиной с горох.

— Это trulcas, если я не ошибаюсь, — воскликнул он, — у индейцев он в большом употреблении!

— Если его едят, — заметил Сервис, — то по-

пробую и я.

И прежде чем Гордон успел его остановить, Сервис раскусил два или три плода.

Он сделал такую гримасу, что его товарищи не могли не рассмеяться.

— А ты еще сказал, что их едят, Гордон, — сказал Сервис.

— Я вовсе не сказал, что их едят, — возразил Гордон. — Индейцы приготовляют из них напиток, который нам очень может пригодиться, когда выйдет весь коньяк, только его надо осторожно употреблять, иначе он ударяет в голову. Наберем этих trulcas и попробуем сделать напиток.

Рвать плоды было очень трудно, потому что кустарники были с шипами, но Бакстер и Феб все-таки наполнили ими свои сумки и пошли дальше.

Пройдя немного, они собрали стручки с другого кустарника, встречающегося главным образом в землях, лежащих близ Южной Америки.

Это были стручки algarrole, плоды которых после брожения тоже дают очень крепкий напиток.

На этот раз Сервис не попробовал, и хорошо сделал; сначала algarrole кажется сладким, но затем во рту быстро ощущается болезненная сухость, и

без привычки нельзя разгрызть зерна.

Днем было сделано еще одно не менее важное открытие в четверти мили от холма Окленда. Вид леса изменился. Воздух и тепло проникали в изобилии в прогалины. Деревья высотой в шестьдесят или восемьдесят футов раскидывали свои ветви, под которыми щебетали массы крикливых птиц. Между деревьями особенно отличался своей красотой южный бук, сохранявший круглый год нежную зеленую листву. Затем, росли не такие высокие, но все-таки роскошные вечнозеленые деревья, кора которых может заменять корицу, что могло пригодиться для приготовления соусов.

Гордон только тогда заметил pernettia — дерево, душистые листья которого дают настой очень здорового питья.

— Вот это может нам заменить чай, — сказал он. — Возьмем несколько горстей листьев, а впоследствии наберем их на всю зиму.

Было почти четыре часа, когда они дошли до северного склона холма Окленда. В этой местности, хотя она оказалась немного выше, чем около грота, нельзя было подняться, так как склон шел вертикально. Это не имело значения, потому что можно было вернуться к Зеландской реке.

Пройдя еще две мили, услыхали шум потока, который, пенясь, мчался по узкому ущелью в скале; перейти его можно было легко немного ниже по течению.

— Это, должно быть, та река, которую мы переходили во время нашей первой экскурсии к озеру, — заметил Донифан.

— Та самая, у которой была каменная запруда? — спросил Гордон.

— Та самая, — ответил Донифан, — которую мы потому и назвали Дейк-Крик.

— Сделаем привал на правом берегу, — возразил Гордон. — Уже пять часов, и так как надо еще провести ночь на воздухе, то лучше расположиться у реки под большими деревьями. Завтра вечером, Бог даст, мы будем спать в своих постелях.

Сервис приготовил обед и зажарил вторую дрофу.

В это время Гордон и Бакстер вошли в лес, один в поисках новых кустарников или растений, другой чтобы пустить в ход лассо и бóла — хотя бы для того, чтобы прекратить шутки Донифана.

Оба сделали несколько шагов, когда Гордон, поманив Бакстера рукой, указал ему на группу резвящихся на траве животных.

— Козы? — спросил Бакстер тихим голосом.

— Да, по крайней мере они похожи на коз, — ответил Гордон. — Постараемся их поймать.

— Живыми?

— Да, Бакстер, живыми, и хорошо, что Донифан не с нами, а то бы он убил из ружья одну, а другие бы разбежались. Подойдем поближе так, чтобы нас не увидели.

Этих грациозных животных было штук шесть, и они нисколько не боялись. Однако, чуя какую-то опасность, одна из коз, вероятно мать, обнюхивала воздух и, держась настороже, была готова броситься бежать со своим стадом.

Вдруг раздался свист. Бакстер, стоявший в двадцати шагах, ловко запустил бола, и оно обмоталось вокруг ног одной из коз, тогда как другие убежали в чащу леса.

Гордон и Бакстер бросились к козе, которая напрасно старалась освободиться от бола… Она была поймана, а с ней были взяты и два козленка, которых инстинкт заставил остаться около своей матери.

— Ура! — закричал Бакстер, который не мог скрыть своей радости. — Разве это козы?

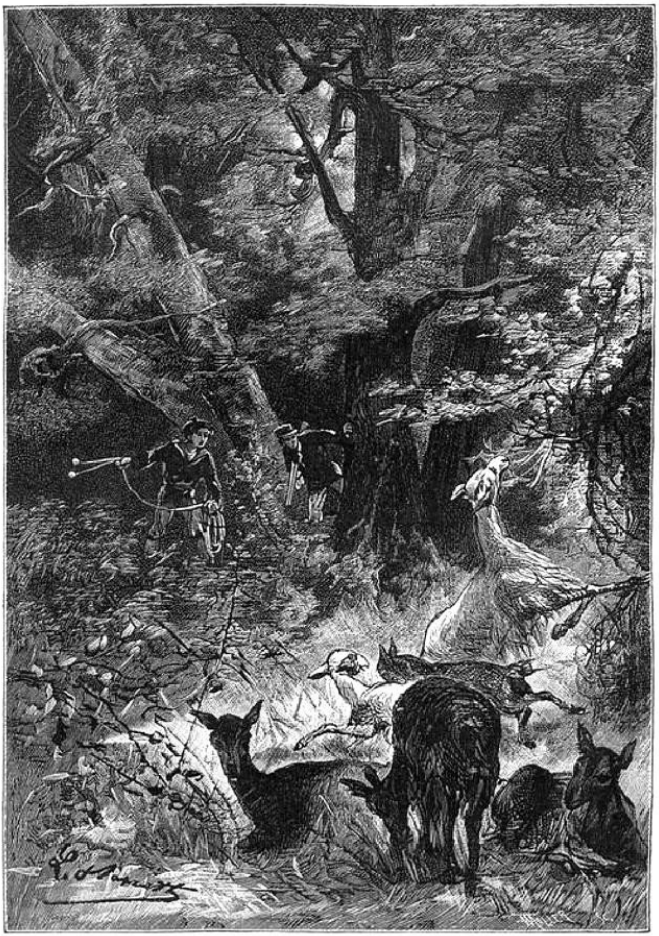
— Я думаю, — ответил Гордон, — что это, скорее, викуньи.

— А они дают молоко?

— Конечно!

— Хорошо, пусть это будут викуньи.

Гордон не ошибся. Действительно, викуньи похожи на коз, но их ноги длинны, шерсть коротка и тонка, как шелк, голова маленькая и без рогов. Эти животные водятся главным образом в американских пампасах и на островах Магелланова пролива.



Бакстер ловко запустил бола.

Можно себе представить, с каким восторгом встретили Гордона и Бакстера, когда они пришли к остальным. Один тащил на веревке викунью, а другой нес козлят. Так как они питались материнским молоком, то их можно было без труда выкормить. Может быть, это начало будущего стада, которое пригодится маленькой колонии. Донифан, конечно, сожалел, что ему не удалось стрелять, хотя он сознался, что в тех случаях, когда надо было брать животных живыми, а не мертвыми, бóла действовало лучше ружей.

Обед или, лучше сказать, ужин прошел оживленно. Викунья, привязанная к дереву, паслась, а козлята резвились около нее.

Ночь, однако, не была такой спокойной, как в равнинах песчаной пустыни. В эту часть леса заходили животные страшнее шакалов, крики которых легко узнать, потому что в них слышатся и вой, и лай. Около трех часов утра поднялась тревога из-за раздавшегося вблизи рычания.

Донифан, сторожа с ружьем у огня, не счел нужным будить своих товарищей. Но рев становился таким громким, что Гордон и другие проснулись.

— Что такое? — спросил Уилкокс.

— Это, вероятно, стая хищных зверей, которые

бродят в окрестностях, — сказал Донифан.

— Это, должно быть, ягуары или кугуары, — ответил Гордон.

— Одни других стоят.

— Не совсем, Донифан, кугуар не так опасен, как ягуар, но, если их много, они очень страшны.

— Мы готовы их встретить, — ответил Донифан.

Он приготовил ружье, в то время как его товарищи вооружились револьверами.

— Стрелять метко, — советовал Гордон. — Мне кажется, огонь помешает этим животным приблизиться.

— Они уже близко! — воскликнул Кросс.

Стая должна была быть близко, судя по ярости Фанна, которого Гордон с трудом сдерживал. Но в темноте нельзя было различить, что это были за звери.

Вероятно, они приходили ночью на это место утолять жажду. Увидев, что их место занято, они теперь выражали свое недовольство страшным воем.

Вдруг почти в двадцати шагах показались яркие двигающиеся точки. Тотчас раздался выстрел. Донифан выстрелил, раздалось громкое рычание.

Бакстер, схватив пылающую головню, бросил ее в ту сторону, откуда показались сверкающие, как уголья, глаза.

Несколько минут спустя звери убежали в чащу леса. В одного из них, вероятно, Донифан попал.

— Они убежали! — воскликнул Кросс.

— Добрый путь! — прибавил Сервис.

— А не вернутся ли они? — спросил Кросс.

— Не думаю, — ответил Гордон, — но будем сторожить до утра.

Подложили дров в костер, который поддерживали до зари.

Утром палатку сняли, и мальчики пошли в чащу посмотреть, не убито ли одно из животных.

В двадцати шагах от них на земле было большое пятно крови. Животное могло убежать, но его легко было найти, пустив Фанна по его следам, если бы Гордон не остановил всех, считая бесполезным углубляться в лес.

Так и не удалось выяснить, что это были за звери. Во всяком случае, важно было то, что Гордон и его товарищи остались здоровы и невредимы.

В шесть часов утра снова отправились в путь. Времени нельзя было терять, если хотели пройти девять миль, отделявших Дейк-Крик от грота.

Сервис и Феб взяли двух детенышей викуньи,

тогда мать охотно пошла за ними на веревке.

В одиннадцать часов они не останавливались для завтрака, чтобы не терять времени, а закусили на ходу. Идти можно было быстро; казалось, ничто не будет задерживать, когда около трех часов дня раздался второй выстрел под деревьями.

Донифан, Феб и Кросс, сопровождаемые Фанном, находились тогда в ста шагах впереди, и товарищи не могли их видеть, когда раздались крики.

— На вас… на вас.

Эти крики предупреждали Гордона, Уилкокса, Бакстера и Сервиса быть настороже.

Из чащи показалось большое животное. Бакстер кинул лассо.

Это было сделано так ловко, что петля обвилась вокруг шеи животного, которое напрасно старалось избавиться от нее. Но так как оно было очень сильное, то увлекло бы и Бакстера, если бы Гордон, Уилкокс и Сервис не схватили также за конец лассо, которое им удалось обвернуть вокруг ствола дерева.

Почти тотчас Феб и Кросс вышли из леса в сопровождении Донифана, который воскликнул недовольным тоном:

— Как это я промахнулся!

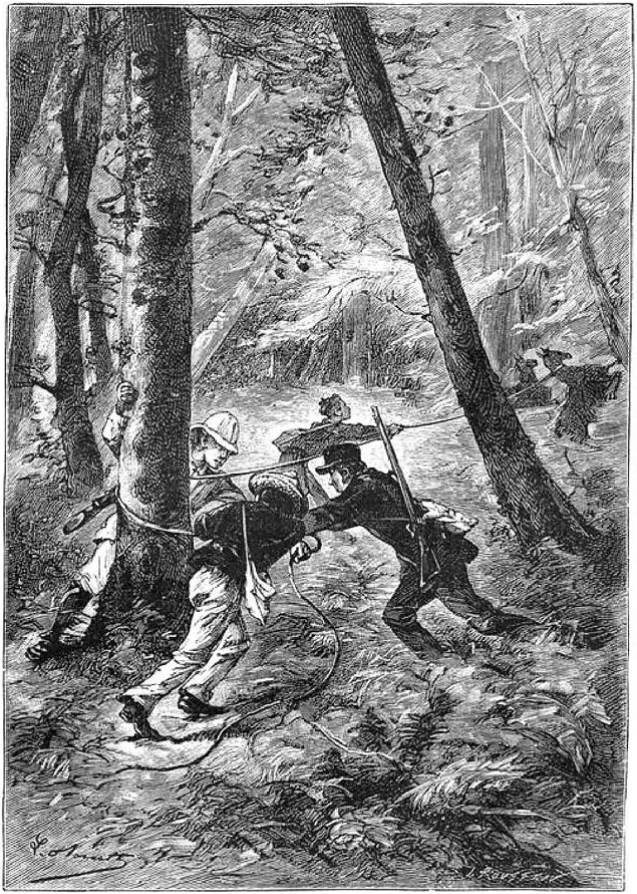
— А Бакстер попал, — ответил ему Сервис, — и он у нас живой.

— Это гуанако, — ответил Гордон, — они встречаются в Южной Америке.

Хотя это животное и было бы им полезно, Донифан все-таки жалел, что не убил его. Но он удержался и, не говоря ни слова, стал его разглядывать.

Хотя в естественной истории гуанако причисляется к семейству верблюдов, но он совсем на них непохож. У него длинная шея, тонкая голова, длинные, немного худые ноги, что указывало на его способность быстро бегать, красноватая шерсть с белыми пятнами, и он свободно мог бы заменить лучшую американскую лошадь. Наверно, его можно было употреблять для быстрой езды, если только сначала приручить, а затем объездить, что легко делается в аргентинских пампасах.

Это животное не пыталось вырваться. Как только Бакстер отпустил затяжную петлю, которая его душила, его легко было вести на лассо, как на аркане.



Бакстер кинул лассо.

Бакстер кинул лассо.

Эта экспедиция на север Семейного озера была выгодна для колонии. Гуанако, викунья с двумя детенышами, открытие чайного дерева, truclas и algarrobe были результатами их экскурсии, и ради всего этого стоило хорошо встретить Гордона, а особенно Бакстера, который, не обладая тщеславием Донифана, не искал случая гордиться своими успехами.

По карте им оставалось пройти еще четыре мили до грота, и они поторопились добраться до наступления ночи.

Сервису очень хотелось сесть верхом на гуанако. Но Гордон не позволил. Лучше подождать, когда это животное будет выдрессировано.

— Думаю, что оно не будет очень брыкаться, — сказал он, — возможно, что оно не позволит сесть на себя, но по крайней мере согласится возить нашу тележку. Итак, терпение, Сервис, и не забудь урока, который ты получил от страуса.

К шести часам показался грот. Маленький Костар, игравший на террасе, дал знать о приближении Гордона. Тотчас Бриан и другие поспешили к ним навстречу и с радостными криками встретили своих товарищей после нескольких дней их отсутствия.

Часть вторая
Глава первая

Бриан беспокоится о Жаке. – Постройка загородки и птичника. – Кленовый сахар. – Истребление лисиц. – Новая экспедиция в бухту Слау. – Запряженная телега. – Истребление тюленей. – Рождественские праздники. – Да здравствует Бриан!

Во Френ-дене все обстояло благополучно во время отсутствия Гордона, и предводителю маленькой колонии оставалось только похвалить Бриана, которого малыши очень любили. Донифан по своему надменному и завистливому характеру не оценил качества своего товарища, и благодаря его влиянию Уилкокс, Феб и Кросс охотно его поддерживали и были против юного француза, так резко отличавшегося по манерам и характеру от своих товарищей-англичан.

Впрочем, Бриан не обращал на него никакого внимания и поступал так, как ему велел долг, нисколько не заботясь о том, что о нем думали. Его больше всего беспокоила непонятная пере-

мена в брате.

Еще не так давно Бриан расспрашивал Жака, но не добился другого ответа, кроме:

— Нет, брат… нет… ничего!

— Ты не хочешь говорить, Жак? — спросил он его. — Ты виноват… Расскажи, что с тобой, это успокоит и тебя, и меня! Я вижу, что ты становишься все более печальным и мрачным. Слушай, я твой старший брат и имею право знать причину твоего горя!.. Что тебя мучит?

— Брат! — проговорил наконец Жак, не имея больше сил противиться тайным угрызениям совести. — Что я сделал? Ты, может быть только ты, меня простил бы, тогда как другие…

— Другие?.. другие?! — воскликнул Бриан. — Что ты хочешь этим сказать, Жак?

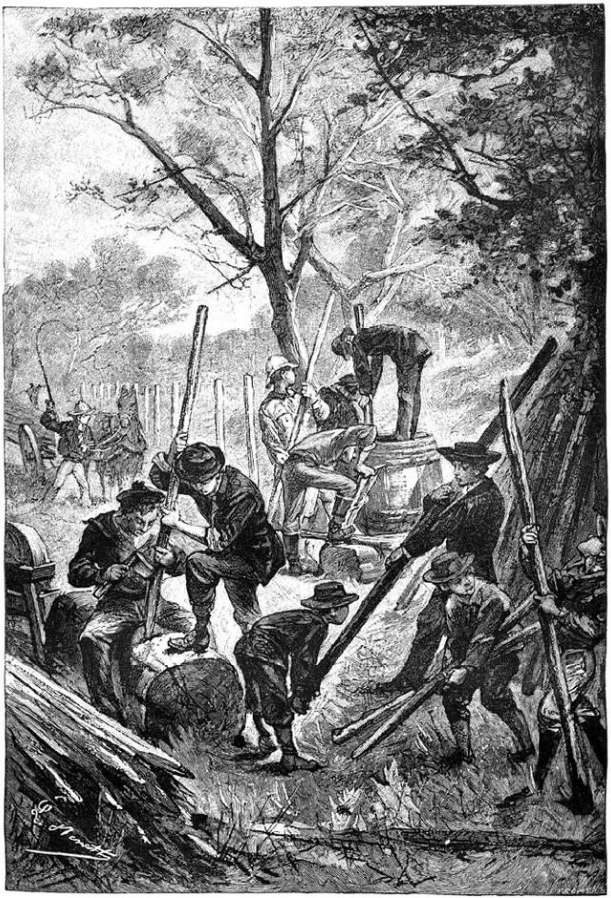
Слезы текли из глаз ребенка, но, несмотря на настойчивость брата, он добавил только следующее:

— После ты узнаешь все!

Понятно, что этот ответ встревожил Бриана, ему хотелось узнать во что бы то ни стало, что могло случиться с Жаком, и, как только вернулся Гордон, Бриан рассказал о вынужденном полупризнании брата, прося его вмешаться в это дело.

— С какой стати, — разумно ответил Гордон, — пусть Жак действует, как подсказывает ему его совесть. А что касается того, что он сделал… без сомнения, это какая-нибудь шалость, важность которой он преувеличивает. Подождем, пока он сам не сознается.

На следующий день, 9 ноября, юные поселенцы принялись за работу, которой было немало. Прежде всего следовало уважить требования Моко, запас провизии которого уже начинал истощаться. Хотя и пользовались силками, протянутыми вдоль берегов Френ-дена, но главным образом ощущался недостаток в крупной дичи.



Образовался настоящий столярный цех.

Образовался настоящий столярный цех.

Поэтому было необходимо подумать о расстановке более прочных ловушек, так, чтобы викуньи и мексиканские свиньи могли туда попадать.

Старшие мальчики и занялись этими работами. Гуанако и викунья со своими двумя детенышами временно были помещены под ближайшими деревьями. Длинные веревки позволяли им двигаться на известном пространстве, и этого было достаточно, пока дни были длинные, но до наступления зимы надо было позаботиться о более подходящем убежище. Вследствие чего Гордон решил немедленно построить сарай с высокой изгородью.

Принялись за работу, и образовался настоящий столярный цех под надзором Бакстера. Приятно было видеть этих усердных мальчиков, довольно искусно владевших столярными инструментами; одни были с пилой, другие с топором. Если порой они и портили работу, то не падали духом.

Деревья средней толщины, срубленные у корня, пошли на загородку, где могли свободно поместиться животные; так крепко были вбиты в землю стволы, соединенные между собой поперечными брусьями, что животные не смогли бы

вывернуть их.

Сарай был выстроен из обшивных досок «Слау», что избавило юных плотников от труда рубить деревья — работа непосильно трудная при этих условиях. Крыша его была покрыта толстым просмоленным брезентом, так что нечего было бояться шквалов. Условия для содержания домашних животных были хорошие: травы, мха и листвы было в изобилии, подстилки можно было часто менять. Гарнетт и Сервис главным образом смотрели за оградой и вскоре были вознаграждены за свои заботы, видя, что гуанако и викунья с каждым днем становятся более ручными.

Впрочем, в загородке появились новые гости: второй гуанако, попавший в одну из западней, расставленных по лесу, пара викуний, самец с самкой, захваченные Бакстером с помощью Уилкокса, который, в свою очередь, начал довольно ловко управляться с бола. Был даже американский страус, которого Фанн затравил на бегу. Но видно было, что с этим будет то же, что и с первым; невзирая на доброе желание Сервиса, который к нему привязался, он ничего с ним не мог поделать.

До окончания постройки сарая гуанако и викуний загоняли каждый вечер вовнутрь. Крики

шакалов, тявканье лисиц раздавались слишком близко от Френ-дена, так что было бы неблагоразумно оставлять животных на воле.

В то время как Гарнетт и Сервис заботились исключительно о пропитании животных, Уилкокс с товарищами продолжали расставлять западни и силки, которые они ежедневно обходили. Нашлось дело и для Айверсона и Дженкинса. Для фазанов, цесарок и тинамаусов потребовался птичий двор, который Гордон устроил в углу ограды, и детям было поручено заботиться о нем, за что они и принялись с большим усердием.

Как видно, у Моко теперь оказалось не только молоко викуньи, но и птичьи яйца, и, наверное, он приготовлял бы какие-нибудь пирожные, если бы не Гордон, советовавший ему быть поэкономнее с сахаром. Только по воскресеньям да в дни рождений появлялось сладкое блюдо, которым досыта угощались Доль с Костаром. Надо было найти вещество, которое могло заменить сахар.

Сервис, с «Робинзоном» в руках, утверждал, что можно отыскать такое вещество. Гордон принялся за поиски и нашел в лесу группу деревьев, которые в начале осени покрываются великолепной пурпурной листвой.

— Это клены, — сказал он, — деревья с саха-

ром.

— Деревья из сахара? — воскликнул Костар.

— Нет, лакомка, — ответил Гордон. — Я сказал — с сахаром.

Это было одно из самых важных открытий, сделанных юными поселенцами со дня их переезда во Френ-ден. Надрезав ствол этих сахарных кленов, Гордон добыл сок, и этот сок, сгущаясь, давал сахаристое вещество, хотя и уступавшее по качеству тростнику и свекловице, тем не менее оно было необходимо и во всяком случае лучше сока, добываемого весной из березы.

Если добудут сахар, можно будет приготовить ликер.

По совету Гордона, Моко воспользовался зернами trulcas. Прежде всего он раздавил их в чане тяжелым пестом, тогда эти зерна дали жидкость, крепкую, как спирт, и за неимением кленового сахара можно было употреблять ее для подслащивания горячих напитков.

Листья, собранные с чайного дерева, по качеству почти не уступали душистому китайскому растению. Поэтому мальчики решили во время своих экскурсий по лесу набрать их как можно больше.

Таким образом, остров Черман доставил своим

обитателям все необходимое. Единственно, чего недоставало и о чем можно было пожалеть, это о свежих овощах. Приходилось довольствоваться консервами, которых сохранилось около сотни ящиков, тщательно приберегаемых Гордоном.

Напрасно пытался Бриан культивировать дикие иньямы, несколько ростков которых Франсуа Бодуэн посеял у подошвы утеса, но эта попытка ни к чему не привела. К счастью, сельдерей рос в изобилии по берегам Семейного озера, и так как его не надо было беречь, то он и заменял собой свежие овощи.

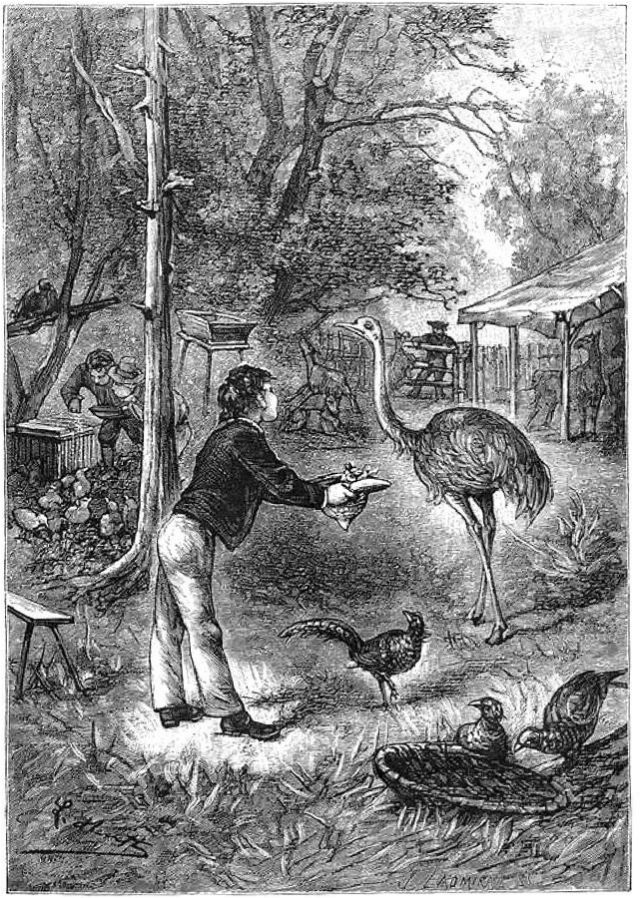
С наступлением весны мальчики расставили силки на левом берегу реки. В них попадали мелкие птицы, небольшие куропатки — турпаны.

Донифану хотелось исследовать огромное пространство южных болот по другую сторону Зеландской реки. Но было бы опасно переходить эти болота, которые занимали часть озера и во время прилива заливались волнами.

Уилкокс и Феб поймали по несколько агути, таких же жирных, как зайцы, белесоватое мясо которых, несколько сухое на вкус, походило на мясо кролика или свиньи.

Конечно, затравить этих подвижных грызунов было трудно, даже при помощи Фанна, но доста-

точно было слегка свистнуть, чтобы заманить их к отверстию и захватить. Кроме того, юные охотники приносили вонючих хорьков, росомах, похожих на куниц, очень красивых, но распространявших зловоние.



Был даже американский страус.

Был даже американский страус.

— Как они могут выносить подобный запах? — спросил однажды Айверсон.

— Ну!.. Дело привычки! — ответил Сервис.

В Семейном озере водились более крупные породы рыб, чем в заливе, например прекрасные форели, которые, несмотря на тщательную варку, сохраняли свой несколько солоноватый вкус. Можно было отправиться в бухту Слау ловить треску, которая укрывалась десятками тысяч в водорослях. Когда же лосось станет подниматься по течению Зеландской реки, Моко советовал запастись этой рыбой, которую прекрасно можно было сохранить в соли и этим обеспечить себя на зиму.

Бакстер по просьбе Гордона занялся выделкой луков из гибких ясеневых ветвей и стрел из камыша с гвоздем вместо наконечника. Благодаря этому Уилкокс и Кросс время от времени могли бить мелкую дичь.

Хотя Гордон и был всегда против того, чтобы тратили заряды, но одно обстоятельство заставило его отказаться от своей обычной скупости.

Седьмого декабря Донифан, отведя его в сторону, сказал:

— Гордон, нас разоряют шакалы и лисицы, они

приходят ночью стаями, разрушают наши силки и поедают дичь, которая туда попадает!.. Надо с этим покончить раз и навсегда!

— Да разве нельзя устроить западни? — заметил Гордон, прекрасно видя, к чему вел его товарищ.

— Западни? — переспросил Донифан, по-прежнему относясь с пренебрежением к этому первобытному способу охоты. — Они еще пригодны для шакалов, которые настолько глупы, что, случается, и попадают туда, но лисицы не таковы, они слишком хитры и осторожны! И, невзирая на все предосторожности Уилкокса, в одну прекрасную ночь наш птичий двор будет опустошен и там не останется ни одной птицы…

— Ну хорошо, так как это необходимо, — ответил Гордон. — Я согласен выдать несколько дюжин патронов. Но смотрите, чтобы они не пропали даром.

— Хорошо, Гордон, ты можешь на это рассчитывать! На следующую ночь мы подкараулим этих животных и устроим такую бойню, что они долго не посмеют показаться.

Подобное истребление было крайне необходимо. Лисицы Южной Америки, кажется, превосходят хитростью европейских, и действительно, они производят беспрерывные опустошения,

выказывая настолько свою смышленость, что перегрызают кожаные ремни, которыми на пастбищах привязывают лошадей или скот.

С наступлением ночи Донифан, Бриан, Уилкокс, Бакстер, Феб, Кросс и Сервис отправились, чтобы засесть у опушки чащи в covert — так называются в Соединенном Королевстве пространства, заросшие кустарниками.

Фанна охотники не взяли с собой, так как он только бы им мешал. Даже и не поднимали вопроса о том, чтобы отыскать след, потому что при быстром беге лисица не оставляет после себя никакого запаха, и если он есть, то настолько слабый, что его не почует и лучшая собака.

В одиннадцать часов Донифан с товарищами засели под ветвистым диким вереском, чтобы подстерегать зверя.

Ночь была очень темная.

Глубокое молчание, не нарушаемое ни малейшим дуновением ветерка, позволяло различать, как скользили лисицы по сухой траве.

В первом часу Донифан указал на приближение стаи этих животных, пересекавших чащу, чтобы утолить жажду в озере.

Охотники терпеливо выжидали, чтобы их собралось до двадцати, на что, конечно, потре-

бовалось время, так как они приближались с осторожностью, как бы предчувствуя засаду. Вдруг по знаку Донифана раздалось несколько выстрелов. Все понеслись. Пять или шесть лисиц попадали на землю, в то время как другие, совершенно обезумев, кидались из стороны в сторону, и большая часть из них была убита наповал. На рассвете в камышах нашли их штук десять. И так как эта бойня последовательно возобновлялась и в следующие три ночи, то маленькая колония скоро совершенно избавилась от этих посещений, которые были так опасны для обитателей загона. Кроме того, это им доставило около пятидесяти превосходных серебристых шкур, которые пошли на ковры и одежды.

Пятнадцатого декабря предприняли большую экспедицию в бухту Слау. Погода стояла прекрасная. Гордон решил, что в этой экспедиции примут участие все, и это решение было встречено с радостью.

Весьма вероятно, что, выступив на рассвете, они смогут вернуться к ночи, и если же почему-либо запоздают, то придется расположиться под деревьями.

Главной целью этой экспедиции была охота на тюленей, посещающих побережье в холодное

время. В эту длинную зиму пришлось потратить много осветительного материала, так что из свечей, заготовленных французом, осталось две или три дюжины, а масло, бывшее в бочонках «Слау» и употреблявшееся для фонарей зала, было почти уже израсходовано; все это серьезно беспокоило предусмотрительного Гордона.

Конечно, Моко мог запастись значительным количеством жира, который он получал от дичи, жвачных животных, грызунов, пернатых, но было очевидно, что весь этот запас быстро израсходуется. Нельзя ли было заменить его веществом, почти приготовленным к употреблению самой природой? Растительное масло можно было заменить жиром животных. Хорошо, если бы охотникам удалось убить несколько тюленей, которые появляются летом на подводных скалах бухты Слау. Следовало даже поторопиться, так как тюлени скоро уйдут в более южные воды Антарктики.

Экспедиция, предпринимаемая с этой целью, должна была иметь важное значение, и по сделанным приготовлениям можно было надеяться на хорошие результаты.

С некоторого времени Сервис и Гарнетт приложили все свое старание на то, чтобы выдрес-

сировать двух гуанако, которые могли теперь заменять собой вьючных животных. Бакстер смастерил недоуздок, и хотя на них еще не ездили верхом, но можно было запрягать их в тележку, а не впрягаться самим, как это делалось раньше!

Охотники терпеливо выжидали.

Охотники терпеливо выжидали.

В этот день повозка была нагружена боевыми снарядами, провизией, различной посудой и, между прочим, большой лоханью и пустыми бочонками, которые намеревались наполнить тюленьим жиром. Конечно, лучше было разрезать на куски этих животных на месте, чем тащить их в Френ-ден, где они своим запахом заразили бы воздух.

Вышли с восходом солнца. Первые два часа прошли без всякого затруднения. Повозка не могла быстро двигаться из-за неровности почвы правого берега Зеландской реки, и гуанако с трудом тащили ее, особенно когда им пришлось объезжать трясину лесом. У Доля и Костара от такого трудного перехода заболели ноги. Тогда Гордон по просьбе Бриана позволил им сесть в тележку.

Около восьми часов, в то время как тележка с трудом тащилась вдоль трясины, до Донифана донеслись крики Кросса и Феба, шедших немного впереди; Донифан побежал к ним, а за ним и все остальные.

В тине на расстоянии ста шагов валялось огромное животное, которое сразу узнали молодые охотники. Это был гиппопотам, тучный и розовый, который, к своему счастью, скрылся в густую

топь, прежде чем в него можно было выстрелить. Да и к чему было стрелять, ведь выстрел из ружья не убил бы его.

— Что это за большое животное? — беспокойно спросил Доль.

— Это гиппопотам, — ответил ему Гордон.

— «Гиппопотам», какое смешное прозвище!

— Или речная лошадь, — уточнил Бриан.

— Да он совсем и непохож на лошадь! — кстати заметил Костар.

— Нет, — воскликнул Сервис, — по-моему, гораздо лучше бы было, если бы его назвали свинопотам!

Замечание, не лишенное справедливости, рассмешило детей.

В начале одиннадцатого Гордон вышел на песчаный берег бухты. Сделали привал на берегу реки на том самом месте, где в первый раз останавливались, когда разламывали яхту.

Сотни тюленей уже были там, лежали между скал, греясь на солнце. Даже нашлись и такие, которые забавлялись на песке по эту сторону подводного рифа.

Присутствие детей не испугало этих животных, может быть, потому, что они никогда и не видели человека, так как прошло двадцать лет с тех пор,

как умер француз. Старые тюлени не сторожили, как это обыкновенно делается в стаях, чтобы известить об опасности. Надо было осторожно подойти к ним, чтобы не напугать, иначе они бы быстро ушли с берега.

Как только мальчики подошли к бухте, все начали вглядываться в горизонт, так широко расстилавшийся между Американским мысом и мысом Ложного Моря.

Море было совершенно пустынно и предоставляло случай убедиться, что этот остров лежит вне морского пути; могло, однако, случиться, что какое-нибудь судно прошло бы мимо острова, и тогда одна из пушек яхты, поставленная на вершине холма Окленда, была бы лучше всякой сигнальной мачты.

Но тогда пришлось бы постоянно кому-нибудь оставаться при ней и, следовательно, быть вдалеке от грота. Гордон нашел, что этого нельзя исполнить. Сам Бриан, так стремившийся на родину, должен был с этим согласиться; оставалось только пожалеть, что грот не находился в этой части бухты.

В то время как знойные лучи полуденного солнца манили тюленей погреться на плоском песчаном бережке, мальчики, наскоро позав-

тракав, приготовились к облаве. Айверсон, Дженкинс, Жак, Доль и Костар под присмотром Моко должны были оставаться в лагере, а Фанна оставили стеречь гуанако, которые паслись у опушки леса.

Все огнестрельное оружие колонии было увезено вместе с запасами, и даже Гордон на этот раз не торговался ввиду общей пользы.

Прежде всего следовало отрезать тюленям путь к морю. Донифан, которому товарищи передали руководство охотой, предложил спуститься по реке до устья под прикрытием высокого берега, чтобы пробраться друг за другом вдоль каменного рифа, окружив берег, что и было выполнено с большой осторожностью. Молодые охотники, стоявшие друг от друга на расстоянии тридцати или сорока шагов, образовали вскоре полукруг между плоским песчаным берегом и морем.

Тогда по сигналу Донифана все сразу поднялись, загремели выстрелы, и каждый из них уложил на месте свою жертву.

Те тюлени, которые не были поражены, выпрямились, двигая хвостом и ластами. Напуганные шумом выстрелов, они бросились, подпрыгивая, к каменным рифам.

Их преследовали выстрелами из револьверов.

Донифан, увлекшись, творил чудеса, тогда как другие изо всех сил подражали ему.

Это продолжалось всего лишь несколько минут, пока тюлени не добрались до скал. Оставшиеся в живых исчезли, на берегу осталось ранеными и убитыми около двадцати тюленей.

Облава удалась, и охотники, вернувшись к лагерю, расположились под деревьями, надеясь пробыть там тридцать шесть часов.

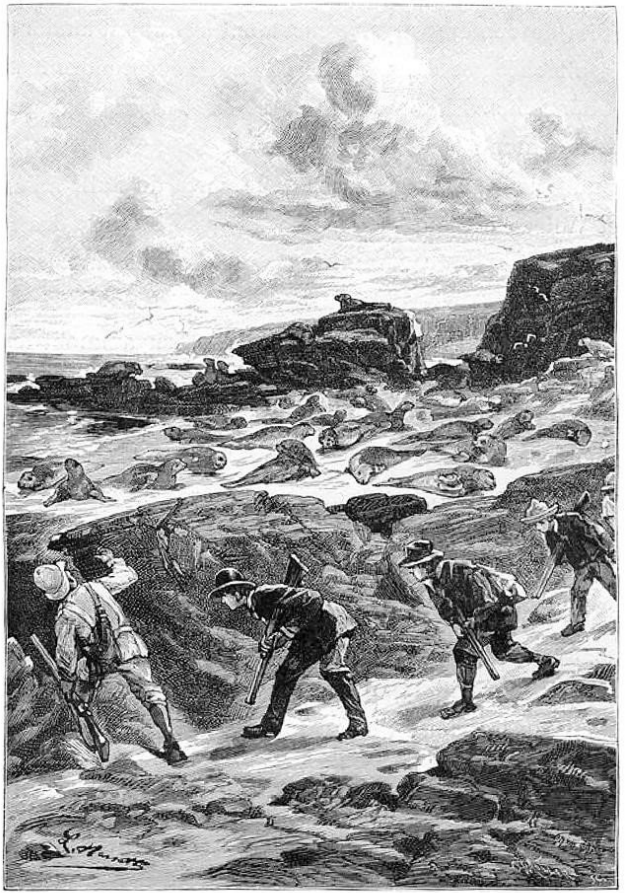
Остальное время было занято самой отвратительной работой, но так как сам Гордон принял в ней участие в силу необходимости, то и все решительно занялись ею. Сначала надо было перетащить на песок тюленей, упавших между рифами, что было довольно трудно, хотя тюлени были средней величины.

В то время Моко, пристроив большой котел над очагом и наполнив его пресной водой, зачерпнутой из реки в час отлива, складывал в него куски тюленьего мяса весом от пяти до шести фунтов каждый. Через несколько минут кипения уже выделялось прозрачное масло, всплывавшее на поверхность, и им наполняли одну бочку за другой.

От мяса шел такой ужасный запах, что все затыкали себе носы, но не уши, так что могли слышать

шутки, вызванные этой неприятной операцией, даже изящный Лорд Донифан не ворчал. На следующий день все принялись за ту же работу.

К концу второго дня Моко собрал несколько сотен галлонов масла. Казалось, этого было достаточно и хватит на всю зиму. Да и тюлени уже более не появлялись ни на каменном рифе, ни на плоском песчаном берегу, и, конечно, от страха они не скоро вернутся в бухту.



Прежде всего следовало отрезать тюленям путь к морю.

Прежде всего следовало отрезать тюленям путь к морю.

На следующий день рано утром, к всеобщему удовольствию, можно было покинуть лагерь; уже накануне вечером телега была нагружена бочонками, оружием, посудой, и так как она на обратном пути, конечно, стала тяжелее, то гуанако не могли тащить ее быстро, тем более что дорога заметно шла в гору по направлению к Семейному озеру.

Не успели они отъехать, как воздух огласился криками хищных птиц, луней или соколов, набросившихся на останки тюленей, которые они быстро собирались уничтожить.

Отсалютовав в последний раз флагу Соединенного Королевства, который развевался на вершине холма Окленда, мальчики взглянули в последний раз на Тихий океан и направились по правому берегу Зеландского залива. По дороге не случилось ничего особенного. Несмотря на трудность пути, гуанако отлично исполняли свои обязанности, им по временам помогали старшие, так что к шести часам вечера вернулись в грот.

Жизнь пошла обычным порядком. Мальчики испробовали на лампах и фонарях тюленье масло и нашли, что, хотя оно и посредственного

качества, но вполне пригодно для освещения комнаты и кладовой. Следовательно, нечего было бояться темноты в долгие зимние месяцы.

Между тем приближался канун Рождества, которое так весело празднуется у англичан. Конечно, Гордону хотелось отпраздновать его с некоторой торжественностью, пусть это будет как бы воспоминанием о далеком отечестве, обращением любящих сердец к отсутствующим семьям. Если бы родители слышали, как дети кричали: «Мы тут живы… совершенно здоровы!.. Вы нас снова увидите! Господь нас возвратит вам!»

Гордон объявил, что Рождество будут праздновать два дня и все работы прекратятся на это время. Первое Рождество на острове Черман совпадет с первым днем Нового года во всех остальных европейских странах. Это объявление было принято с восторгом. Конечно, 25 декабря будет великолепный обед, который Моко обещал приготовить на славу, он не переставал таинственно перешептываться с Сервисом.

Моко превзошел себя.

Моко превзошел себя.

Великий день наступил. Над дверью зала, снаружи, Бакстер и Уилкокс артистически разместили фонарики и флаги, что придавало гроту праздничный вид.

Утром пушечный выстрел возвестил наступление праздника.

Тотчас же маленькие отправились с поздравлениями к старшим, которые их по-отечески отблагодарили. Начальнику острова Костар очень недурно прочел поздравительный привет. Каждый оделся для такого праздника в свое лучшее платье. Погода стояла великолепная. До завтрака и днем прогуливались вдоль озера, играли на лужайке, причем каждый хотел принять участие в игре. С яхты принесли принадлежности для игр: мячи, палки, ракеты. Они играли в гольф, где резиновым мячом надо попадать в ямки, вырытые на большом расстоянии, в футбол, когда кожаный мячик подбрасывается ногой.

Все были заняты. Особенно веселились маленькие. Все прошло хорошо. Не было ни споров, ни ссор. Бриану приходилось забавлять Доля, Костара, Айверсона и Дженкинса, но он не мог заставить своего брата Жака присоединиться к ним. Донифан со своими постоянными това-

рищами Фебом, Кроссом и Уилкоксом ушли от всех, несмотря на замечание Гордона. Наконец, когда новым залпом известили о часе обеда, все собрались в столовой. Среди большого стола, покрытого великолепной белой скатертью, стояла елка, посаженная в большой горшок, окруженная зеленью и цветами. На ветви были навешены маленькие флаги соединенных цветов Англии, Америки и Франции.

Моко превзошел себя в составлении меню и был горд, получая похвалы, так же как и его помощник Сервис. Обед состоял из следующих блюд: тушеные агути, рагу из жареной дичи, жареный заяц, начиненный трюфелями и ароматическими травами, дрофа с поднятыми крыльями и раскрытым клювом, три ящика овощей в консервах, пудинг, приготовленный в виде пирамиды с традиционной коринкой, перемешанной с фруктами, которые уже больше недели мокли в коньяке, несколько стаканов красного шипучего вина, хереса, ликеры, чай и кофе на десерт. Надо признаться, что было чем отпраздновать Рождественский сочельник на острове Черман.

Бриан произнес сердечный тост в честь Гордона, который ответил ему тостом за молодую колонию и отсутствующих родителей.

Под конец, что было всего трогательнее, Костар встал и от имени самых маленьких поблагодарил Бриана за то самоотвержение, которое тот выказал по отношению к пим.

Бриан не мог сдержать охватившего его глубокого волнения, когда раздались громкие крики «ура», которые не нашли отклика только в сердце Донифана.

Глава вторая

Приготовления к будущей зиме. – Предложение Бриана. – Отъезд Бриана, Жака и Моко. – Переезд через Семейное озеро. – Восточная река. – Маленькая гавань в ее устье. – Море на востоке. – Жак и Бриан. – Возвращение во Френ-ден.

Через неделю наступил новый, 1861 год. В этой части Южного полушария он начинается в середине лета.

Прошло уже около десяти месяцев с тех пор, как потерпевшие кораблекрушение были выброшены на остров в двадцати восьми лье от Новой Зеландии.

Их положение за это время мало-помалу улучшилось. Казалось даже, что теперь они были обеспечены, но они по-прежнему были в незнакомой стране. Они не могли рассчитывать на помощь извне. Правда, до сих пор никто не был болен благодаря осторожности Гордона, который держал всех в руках, и, хотя его упрекали в суровости, не произошло никакого несчастного случая. Конечно, приходилось считаться с привязанностями этих детей. Настоящее примиряло с действительностью, но в будущем можно было предвидеть большие беспокойства. Во что бы то ни стало Бриан хотел покинуть остров Черман. Но как отважиться плыть на такой хрупкой лодке — переезд мог затянуться, если остров не принадлежит к островам Тихого океана или находится в нескольких сотнях миль от материка. Даже если бы двое или трое из самых смелых пожертвовали собой и пошли искать землю на восток, то едва ли достигли бы своей цели. Они не могли построить судна, на котором можно было бы переехать эту часть Тихого океана. Это было выше их сил, и Бриан не знал, что еще придумать для всеобщего спасения. Ничего больше не оставалось, как ждать и работать для устройства удобного помещения в гроте. Если теперь

холода помешают исследовать остров, то летом, может быть, им удастся познакомиться с окрестностями.

Каждый принялся за работу. Они знали по опыту, насколько сурова зима в этих широтах. В течение недель, даже месяцев дурная погода заставляла не выходить из грота, благоразумие требовало предохранить себя от холода и голода. Несмотря на кратковременность осени, Гордон собрал дрова, чтобы день и ночь топить печки. Следовало подумать и о домашних животных, находящихся в ограде и на птичьем дворе. Поместить их в кладовой было чрезвычайно стеснительно и даже неосторожно с точки зрения гигиены, значит постоянно надо было протапливать сарай, устроив там очаг и поддерживая такую температуру, которую им можно бы было переносить. Этим занялись Бакстер, Бриан, Сервис и Моко в первый месяц нового года.

Также важно было подумать и о продовольствии в продолжение всего зимнего периода. Донифан с товарищами взялись позаботиться об этом. Ежедневно они обходили западни, сети, силки. Моко с прежним усердием заготовлял запасы, ему приходилось солить и коптить мясо, и таким образом они обеспечили себя пищей

на зиму.

Однако необходимо было исследовать если не весь остров Черман, то по крайней мере восточную часть Семейного озера, точно ознакомившись с устройством его поверхности.

Однажды Бриан в разговоре с Гордоном высказал новый взгляд по поводу исследования острова.

— Хотя карта несчастного Бодуэна довольно точно составлена, в чем мы могли убедиться, — сказал он, — однако нам не мешает ознакомиться с восточной частью Тихого океана. В нашем распоряжении превосходные подзорные трубы, которых не было у нашего земляка, и, может быть, мы увидим те земли, которых он не мог видеть. По его карте остров Черман стоит отдельно, а может быть, на самом деле это и не так.

— Ты все преследуешь мысль, — ответил Гордон, — вернуться домой.

— Да, Гордон, и в глубине души я уверен, что ты и сам хочешь того же. Разве все наши усилия не направлены на то, чтобы возвратиться на родину как можно скорее?

— Пусть будет по-твоему, — ответил Гордон, — и, так как ты на этом настаиваешь, мы организуем экспедицию.

— Экспедицию, в которой мы все примем участие? — спросил Бриан.

— Нет, — ответил Гордон, — шесть или семь человек.

— Это слишком много, Гордон! Им придется обойти озеро с севера или с юга, а на это надо много времени и труда.

— Что же ты предлагаешь, Бриан?

— Я предлагаю двоим или троим переплыть в ялике на противоположный берег.

— А кто будет управлять яликом?

— Моко, — отвечал Бриан. — Он умеет управлять лодкой, и я также в этом немного понимаю. При благоприятном ветре мы пойдем под парусом, а если не удастся, то на веслах, и мы легко таким образом сделаем пять-шесть миль и спустимся к устью реки.

— Понимаю, Бриан, — отвечал Гордон, — и очень одобряю твою идею. А кто будет сопровождать Моко?

— Я, Гордон, потому что я ни разу не принимал участия в экспедиции в северную часть озера. Теперь моя очередь быть полезным, и я заявляю…

— Полезным! — вскричал Гордон. — Да ты оказал уже нам тысячу услуг, мой милый Бриан. Не жертвовал ли ты собой более других, ведь мы

тебе многим обязаны!

— Полно, Гордон, мы все исполняли свой долг. Что же, решено?

— Да, решено, Бриан. Кого ты возьмешь третьим? Я тебе не предлагаю Донифана, так как вы что-то не ладите.

— А я охотно взял бы его с собой, — отвечал Бриан. — У Донифана доброе сердце, он смел, ловок, и, если бы не его завистливый характер, он был бы прекрасным товарищем. Кроме того, со временем он изменится, когда убедится в том, что я не стараюсь поставить себя выше других, и тогда, я уверен, мы сделаемся лучшими друзьями в мире. Но я думаю о другом спутнике для нашего путешествия.

— О ком же?

— О моем брате Жаке, — отвечал Бриан. — Состояние его духа меня беспокоит все более и более, его, вероятно, мучит совесть, а он не хочет сознаться. Может быть, во время нашей экскурсии, оставшись со мной наедине…

— Ты прав, Бриан, возьми Жака и с сегодняшнего дня начинай свои приготовления к отъезду.

— Это займет немного времени, — ответил Бриан, — так как наше отсутствие продлится не более двух или трех дней.

В этот же день Гордон сообщил товарищам о предполагаемой экскурсии. Донифан обиделся, узнав, что он в ней не участвует, и высказал это Гордону. Последний объяснил ему, что в данных условиях они не могут взять с собой более трех человек, и так как идея принадлежала Бриану, то он и выбрал, кого хотел.

— Значит, эта экскурсия только для него, не правда ли? — заметил Донифан.

— Ты несправедлив, Донифан, несправедлив к Бриану, также и ко мне.

Донифан не настаивал и собрал вокруг себя своих друзей — Уилкокса, Кросса и Феба, в обществе которых он мог свободно выказать свое дурное расположение духа. Когда юнга узнал, что его обязанности изменятся и он должен будет управлять яликом, то не мог скрыть своего удовольствия, и мысль, что он поедет вместе с Брианом, увеличила его радость. Вместо него готовить будет Сервис, которого радовала мысль, что можно будет полакомиться сколько угодно. Жак, казалось, тоже был очень рад уехать из грота на несколько дней и сопровождать своего брата.

Ялик был вскоре приведен в порядок, его снабдили маленьким латинским парусом, который Моко привесил к мачте. Они взяли с собой два

ружья, три револьвера, боевые запасы, три дорожных одеяла, провизии, навощенные плащи на случай дождя, запасные весла, копию с карты француза, на которую будут наноситься новые названия по мере открытий.

Четвертого февраля, около восьми часов утра, простившись со своими товарищами, Бриан, Жак и Моко отчалили от берега Зеландской реки. Стояла прекрасная погода, дул легкий юго-западный ветерок. Был поднят парус, и Моко, сидящий позади, схватив багор, предоставил Бриану травить шкот. На поверхности озера показалась легкая зыбь, ялик почувствовал это, только когда вышел на середину. Его скорость увеличилась, и уже через полчаса Гордон и другие, наблюдавшие с берега, вместо ялика видели только черную точку, которая вскоре исчезла.

Моко был на корме, Бриан в середине, Жак на носу у мачты. В течение часа виднелись высокие хребты холма Окленда, но потом и они скрылись за горизонтом, а противоположный берег все еще не показывался, хотя должен был быть близко. К несчастью, как это обыкновенно случается, по мере того как солнце поднималось все выше, ветер ослабевал.

— Досадно, — сказал Бриан, — что ветер не

продержался весь день!

— Было бы еще досаднее, Бриан, — ответил Моко, — если бы он сделался встречным.

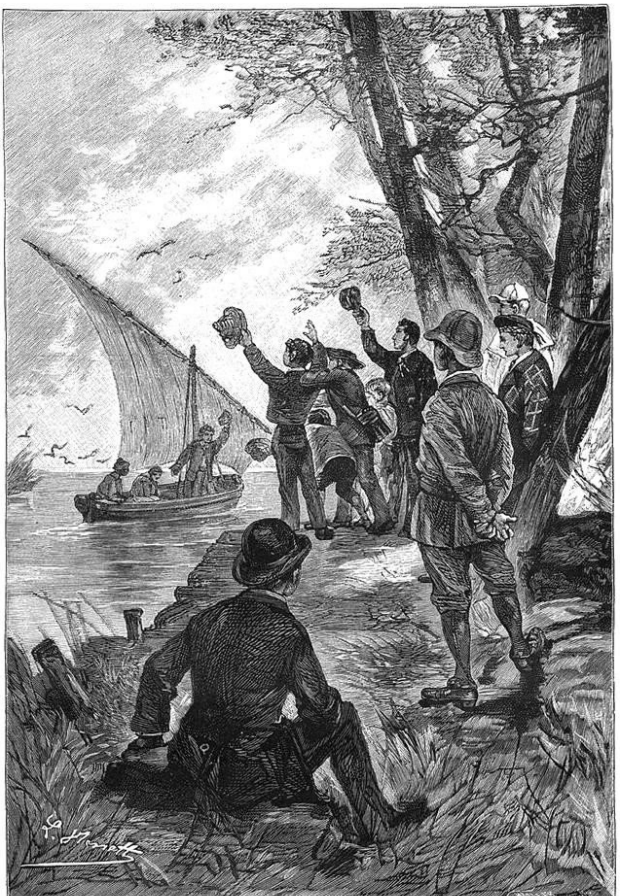
— Ты философ, Моко!

— Я не знаю, что вы подразумеваете под этим словом, — ответил юнга. — Что бы со мной ни случилось, я остаюсь спокойным.

— Это именно и есть философия.

— Пусть будет так, а пока возьмемся за весла. Хотелось бы достичь противоположного берега до наступления ночи. А если не дойдем, то придется покориться.

— Хорошо! Итак, Моко, я сяду на одно весло, ты на другое, а Жак к рулю.



Бриан, Жак и Моко отчалили от берега Зеландской реки.

Бриан, Жак и Моко отчалили от берега Зеландской реки.

— Хорошо, — ответил юнга. — Если Жак будет хорошо управлять рулем, то мы пойдем быстро.

— Ты мне укажешь, Моко, как управлять, и я последую твоим указаниям.

Моко спустил парус, так как ветер стих. Все трое поспешили наскоро закусить, а затем разместились следующим образом: юнга на носу, Жак уселся на корме, Бриан же остался в середине. Ялик, уносимый течением, направился к северо-востоку по компасу. Лодка находилась как раз посередине этого обширного водного пространства. Они будто были в открытом море, так как не было видно берегов.

Жак внимательно глядел на восток, чтобы увидеть, не покажется ли берег на противоположной стороне от грота.

Около трех часов юнга взял подзорную трубу и стал уверять, что видит землю. Немного погодя Бриан подтвердил, что Моко не ошибся.

В четыре часа показались верхушки деревьев, росших на низменном берегу, и стало ясно, почему Бриан не мог видеть этого берега. Значит, на острове Черман не было других возвышенностей, кроме Оклендских, которые шли между Слау и

Семейным озером.

Восточный берег находился от них в двух или трех милях. Бриан и Моко усердно гребли, хотя уже сильно утомились, так как было очень жарко. Поверхность озера была гладкая, как зеркало, и в прозрачной воде на глубине двенадцати или четырнадцати футов видны были водоросли, между которыми плавало бесчисленное множество рыб.

Наконец, около шести часов вечера, ялик пристал к берегу, над которым склонялись густые ветви зеленых дубов и сосен. На этом крутом высоком берегу нельзя было высадиться, и пришлось пройти по крайней мере еще с полмили, все поднимаясь к северу.

— Вот река, отмеченная на карте, — сказал Бриан, указывая на реку, вытекающую из озера.

— Я думаю, нам следует ее как-нибудь назвать.

— Хорошо, Моко, назовем ее Восточной рекой, потому что она течет на восток.

— Отлично, — сказал Моко, — а теперь нам надо спуститься по течению Восточной реки до самого ее устья.

— Это мы успеем и завтра сделать, Моко, а сегодняшнюю ночь лучше проведем здесь. Завтра с рассветом мы отчалим и ознакомимся с

берегами.

— Мы сойдем на берег? — спросил Жак.

— Конечно, — ответил Бриан, — и сделаем привал под деревьями.

Бриан, Моко и Жак выпрыгнули на берег маленькой бухты и, крепко прикрепив к пню ялик, вытащили оружие и провизию. Зажгли костер у подножия большого каменного дуба. Юные путешественники поужинали сухарями и холодной говядиной, расстелили на земле одеяла и заснули сладким сном.

На всякий случай ружья были заряжены, так как слышался вой зверей, но, в общем, ночь прошла без тревоги.

— Тронемся в путь! — воскликнул Бриан, проснувшись в шестом часу утра.

Через несколько минут все трое заняли свои прежние места в ялике и начали спускаться по реке.

Течение было довольно сильное — отлив начался уже полчаса назад, и можно было идти без весел. Бриан и Жак сели на носу, а Моко, расположившийся на корме, действовал одним веслом, стараясь направлять легкую лодку по течению.

— Возможно, — сказал он, — что отливом нас отнесет в море, если Восточная река не более пяти

или шести миль в длину, потому что ее течение быстрее Зеландской реки.

— Это было бы хорошо, — ответил Бриан. — При возвращении, я думаю, нам понадобятся около двух или трех приливов.

— Правда, Бриан, но мы можем, если вы пожелаете, сейчас же вернуться обратно.

— Да, Моко, как только мы увидим хоть какую-нибудь землю к востоку от острова Черман.

Ялик скользил со скоростью более мили в час, по вычислению Моко. Восточная река изменила свое направление к северо-востоку. Ее берега были более укреплены, чем у Зеландской реки, и она была шириной только в тридцать футов, чем и объяснялась быстрота ее течения. Бриан боялся, что покажутся пороги и она окажется непригодной для плавания. Во всяком случае, следовало обдумать, если представится какое-нибудь препятствие.

Они были в чаще густой растительности. Здесь преобладали каменные дубы, пробковые деревья, сосны и пихты. Между ними Бриан узнал дерево, встречающееся в довольно большом количестве в Новой Зеландии. Его ветви распускаются зонтиком на шестьдесят футов от земли и приносят плоды конической формы, величиной в три или

четыре дюйма, заостренные и покрытые чем-то вроде блестящей чешуи.

— Это, должно быть, пиния! — воскликнул Бриан.

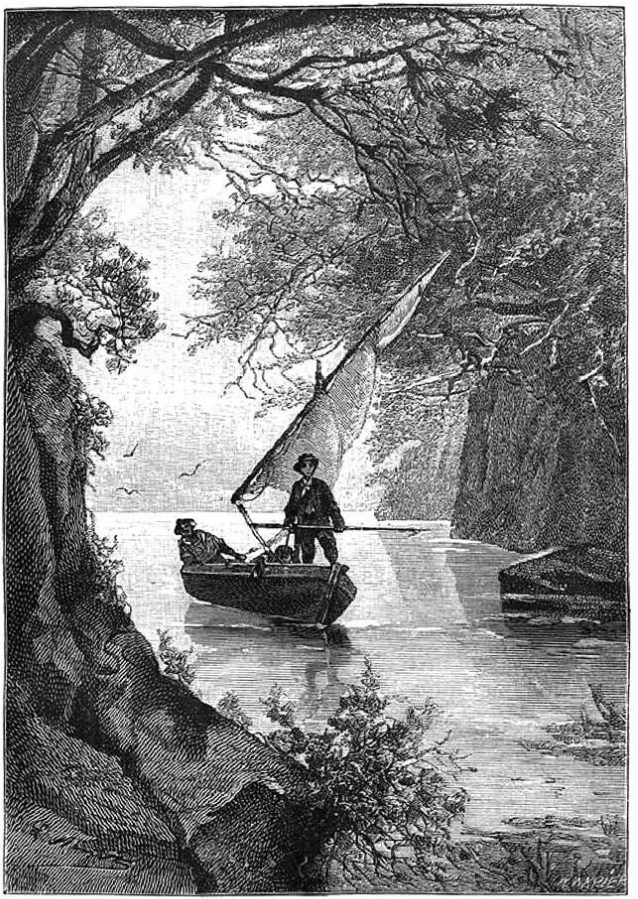
— Не ошиблись ли вы, господин Бриан? — заметил Моко. — Приостановимся на минутку. Право, это стоит того!

Кормовым веслом он направил ялик к левому берегу. Бриан и Жак сошли на берег. Спустя несколько минут они принесли большое количество шишек, по запаху напоминающих лещинный орех. По словам Гордона, это было драгоценной находкой для маленькой колонии, так как из этих плодов добывается превосходное масло. Важно было также узнать, водилась ли в этом лесу дичь в таком изобилии, как в других лесах, лежащих на запад от Семейного озера. Ее оказалось много, потому что Бриан видел испуганных, быстро пробегавших американских страусов, викуний и гуанако. Донифан бы настрелял здесь много птиц, но Бриан воздерживался от бесполезной траты зарядов, так как в ялике было достаточно провизии.

К одиннадцати часам дремучий лес стал редеть, появились прогалины, легкий ветерок был пропитан соленым запахом, что указывало на

близость моря.

Несколько минут спустя за великолепными каменными дубами на горизонте совершенно неожиданно появилась синеющая полоска.



Ялик скользил со скоростью более мили в час.

Ялик скользил со скоростью более мили в час.

Течение относило ялик уже с меньшей быстротой. Прилив давал себя чувствовать в русле Восточной реки, ширина которой в этом месте равнялась сорока или пятидесяти футам.

Подъехав к скалам, Моко направил лодку к левому берегу и причалил к песчаной отмели. Все сошли на берег, но как все это было непохоже на то, что они видели к западу от острова Черман! Здесь тоже была глубокая бухта на одной высоте с бухтой Слау, но вместо плоского песчаного берега, окаймленного подводными скалами и ограниченного утесом, высились скалы, причем в каждой из них можно было насчитать до двадцати пещер.

Этот берег был весьма пригоден для жилья, и если бы яхта села на мель в этом месте, то ее удалось бы снять и поместить в небольшом естественном порту, в котором было много воды даже во время отлива.

Прежде всего Бриан окинул взглядом эту громадную бухту, имеющую пятнадцать миль в окружности и ограниченную двумя песчаными мысами; она вполне заслуживала название залива.

Она была в это время пустынна, вероятно

как и всегда, не было видно ни одного судна, ни земли, ни острова. Моко, привыкший распознавать очертания отдаленных высот, часто сливающихся с облаками, ничего не мог увидеть в подзорную трубу. Остров Черман, казалось, был так же отдален от земли на востоке, как и на западе. Вот почему карта француза не указывала никакой земли в этом направлении. Открытие не очень озадачило Бриана, он этого ожидал и нашел вполне подходящим назвать залив бухтой Обмана.

— Нет, — сказал он, — не по этой дороге вернемся мы на родину!

— Ах, господин Бриан, не все ли равно, по какой дороге нам придется уехать! А пока, я думаю, хорошо бы позавтракать…

— Давайте, — ответил Бриан, — и поскорее. В котором часу ялик может начать подниматься обратно по Восточной реке?

Не было видно ни одного судна, ни земли, ни острова.

Не было видно ни одного судна, ни земли, ни острова.

— Если мы хотим воспользоваться приливом, то надо отчалить сейчас же.

— Это невозможно, Моко! Мне хочется осмотреть горизонт при более благоприятных условиях с одной из высоких скал.

— В таком случае придется ждать следующего прилива, который наступит не раньше десяти часов вечера.

— А ты не боишься плыть ночью? — спросил Бриан.

— Нет, нисколько, — ответил Моко, — потому что будет лунная ночь. Кроме того, река течет так прямо, что достаточно одного кормового весла для управления яликом. Когда прилив прекратится, мы пойдем на веслах, а если он будет слишком сильный, то простоим до следующего дня.

— Хорошо, Моко! Мы так и сделаем. У нас еще впереди около двенадцати часов, воспользуемся ими, чтобы закончить наше исследование.

Время от завтрака до обеда употребили на осмотр берега, защищенного деревьями, росшими у самого подножия скал. Дичи здесь должно было быть не меньше, чем около грота.

Главной особенностью этого берега были ис-

полинские гранитные глыбы, беспорядочно нагроможденные самой природой.

Там встречались глубокие пещеры, называемые в некоторых кельтских странах «каминами», в которых удобно бы было поселиться. Здесь бы нашлось помещения и для зала, и для кладовой. На расстоянии полумили Бриан насчитал до двенадцати подобных пещер.

Понятно, что у Бриана появился вопрос, почему Франсуа Бодуэн не поселился в этой части острова Черман. Что он тут был, в этом не было никакого сомнения, так как главные линии этого берега были точно обозначены на карте. Вероятно, он поселился в гроте прежде, чем исследовать западную часть берега, и, видя, что тут он более защищен от шквалов, решил не покидать грота. Объяснение весьма правдоподобное, и Бриан полагал, что на нем можно остановиться.

Около двух часов солнце перешло зенит, и это было время наиболее удобное для наблюдения моря. Жак и Моко попытались взобраться на скалу, походившую на громадного медведя; она поднималась на сто футов над маленькой бухтой, и они с трудом добрались до вершины. Оглянувшись назад к западу, они увидели, что за густым лесом тянулось Семейное озеро. К югу почва ка-

залась изборожденной желтоватыми дюнами с сосновыми рощицами. К северу очертание бухты заканчивалось низменным мысом, за которым простиралась песчаная равнина. В общем, остров Черман действительно был плодороден только в своей центральной части благодаря различным речкам, вытекавшим из озера.

Бриан навел подзорную трубу на восток, горизонт был чист, и если бы только на расстоянии семи или восьми миль была какая-нибудь земля, то он бы ее увидел.

В этом направлении ничего не было видно! Ничего, кроме необъятного моря, ограниченного непрерывной линией неба.

В продолжение целого часа Бриан, Жак и Моко не переставали внимательно наблюдать и хотели уже спускаться к берегу, когда Моко остановил Бриана.

— Что там такое? — спросил он, указывая на северо-восток.

Бриан навел подзорную трубу на указанную точку.

Там действительно над горизонтом виднелось беловатое пятно, которое можно было принять за облако, если бы небо в эту минуту не было совершенно чисто, и только спустя долгое время

Бриан смог подтвердить, что это пятно стояло на одном месте без малейшего изменения.

— Я не знаю, что это такое, — сказал он, — не гора ли? Но гора не могла бы иметь такого вида.

Спустя несколько минут солнце зашло, а за ним исчезло и беловатое пятно. Была ли то земля или просто световое отражение в воде? Жак и Моко допускали последнее предположение, а Бриан сомневался по поводу этого.

Окончив исследование, все трое вернулись к устью Восточной реки, где стоял их ялик. Жак набрал хворосту под деревьями, разложил костер, в то время как Моко приготовлял жаркое из дрофы.

Около семи часов, пообедав с аппетитом, Жак и Бриан пошли гулять по берегу в ожидании часа прилива, когда можно будет двинуться в обратный путь.

Моко поднялся по левому берегу, чтобы нарвать шишек пиний.

Он вернулся к вечеру. Последние лучи заходящего солнца еще освещали море, но прибрежные места уже были окутаны полумраком.

Бриан и Жак еще не вернулись. Так как они были недалеко, то беспокоиться было нечего. Но вдруг Моко услышал стоны и в то же самое время

чей-то голос.

Он не ошибся, это был голос Бриана.

Не подвергались ли оба брата какой-нибудь опасности?

Юнга не колеблясь бросился к берегу и обошел скалы, замыкавшие маленькую бухту.

Вдруг он увидел то, что заставило его остановиться.

Жак стоял на коленях перед Брианом. Казалось, он его умолял, просил прощения! Эти-то стоны и слышал Моко.

Юнга хотел из скромности вернуться. Но было уже поздно…

Он все слышал и все понял. Он знал теперь, в чем провинился Жак и в чем он признавался брату.

Бриан кричал:

— Несчастный!.. Так это ты!.. Ты это сделал!.. Ты всему причина!

— Прости, брат, прости!..

— Вот почему ты сторонился товарищей!.. Они не должны этого знать!.. Нет!.. Ни слова… Никому!

Много бы дал Моко, чтобы ничего не знать об этой тайне, но притвориться перед Брианом, что ничего не знает, он не мог, и, оставшись с ним

наедине у ялика, сказал:

— Господин Бриан, я слышал…

— Как, ты знаешь, что Жак?..

Жак стоял на коленях перед Брианом.

Жак стоял на коленях перед Брианом.

— Да, господин Бриан… его надо простить…

— А разве другие простят его?

— Может быть! — ответил Моко. — Во всяком случае, лучше им ничего не говорить, и будьте уверены, что я буду молчать.

— Ах, мой милый Моко! — пробормотал Бриан, сжимая руку юнге.

В продолжение двух часов до самого отъезда Бриан ни разу не обратился к Жаку, который сидел у подножия скалы более грустный, чем до признания в своем проступке.

Около десяти часов начался прилив. Бриан, Жак и Моко разместились в ялике, и, как только они отчалили, течение их быстро понесло. Вскоре после захода солнца взошла луна и осветила реку, так что до половины первого можно было плыть, но, как только начался отлив, им пришлось взяться за весла, и в течение часа они не прошли и мили.

Бриан предложил остановиться до следующего утра и дождаться нового прилива, что и было сделано. В шесть часов утра тронулись в путь, и в девять ялик снова вошел в воды Семейного озера.

Тогда Моко поднял парус и при попутном ве-

терке направил ялик к гроту.

В шестом часу вечера после удачного переезда, во время которого Бриан и Жак не сказали друг другу ни слова, ялик был замечен Гарнеттом, ловившим рыбу на берегу озера. Несколько минут спустя он достиг плотины, и Гордон радостно приветствовал возвратившихся товарищей.

Глава третья

Солончак. – Посещение южных болот. – В виду зимы. – Различные игры. – Ссора Донифана с Брианом. – Посредничество Гордона. – Беспокойство за будущее. – Выборы 10 июня.

О своем разговоре с братом, невольным свидетелем которого явился Моко, Бриан решил никому не говорить, даже Гордону. О своем плавании он подробно рассказал товарищам, собравшимся в зале. Описав восточный берег острова Черман, Восточную реку, протекавшую через богатые леса, прилегавшие к озеру, он утверждал, что для житья более удобным был бы восточный берег, но все же прибавил, что незачем теперь покидать

грота. В этой части Тихого океана он не видел земли. Однако Бриан упомянул между прочим о беловатом пятне, которое заметил на горизонте, появления которого не мог объяснить. Весьма вероятно, что это было облако, и это можно было со временем проверить, посетив бухту Обмана. Очевидно, что близ острова Черман не было никакой земли и он находился в нескольких сотнях миль от континента или самого ближайшего архипелага.

Приходилось с новой энергией бороться за существование, ожидая помощи со стороны, так как все надеялись, что когда-нибудь она явится. Все принялись за работу, надо было предохранить себя от холодов наступающей зимы.

Бриан принялся за дело еще с большим усердием, чем прежде, но было замечено, что он стал менее общителен и по примеру брата держался в стороне. Гордон, кроме этой перемены в его характере, заметил, что Бриан выставлял вперед Жака во всех случаях, когда требовалось выказать мужество, подвергнуться какой-нибудь опасности, на что Жак, впрочем, охотно соглашался.

У Гордона не было повода расспрашивать Бриана о происшедшей в нем перемене, хотя он был твердо уверен, что между братьями произошло

объяснение.

Февраль прошел в различных работах. Когда Уилкокс заметил, что лосось идет в озеро, мальчики протянули сети с одного берега реки на другой и наловили большое количество рыбы. Для того чтобы сохранить ее, надо было много соли, поэтому Бакстер с Брианом часто ходили в бухту и устроили там маленький солончак — четырехугольную яму в песке, в нее и осаждалась соль после испарения морской воды.

В начале марта трое или четверо мальчиков отправились исследовать южные болота, расположенные по левому берегу Зеландской реки. Мысль об этом исследовании пришла Донифану, а Бакстер, по его совету, сделал несколько пар ходуль из легких шестов. Так как болото было покрыто в некоторых местах тонким слоем воды, то на ходулях им можно было добраться до твердого грунта.

Семнадцатого апреля утром Донифан, Феб и Уилкокс, переправившись в ялике через реку, высадились на левом берегу. У каждого на перевязи было по ружью, даже Донифан запасся длинным ружьем из френ-денского арсенала, думая, что удастся воспользоваться им.

Высадившись на берег, они отправились на

ходулях по болоту. Фанн бежал за ними, не боясь замочить лапы, прыгая по трясине.

Пройдя таким образом около мили на юго-запад, Донифан, Уилкокс и Феб дошли наконец до твердой земли. Они сняли ходули, чтобы удобнее было охотиться за дичью.

Южные болота бесконечно тянулись, и только на востоке голубоватая полоса оттеняла горизонт.

Там было много различной дичи: бекасов, уток, дергачей, ржанок, чирков и черных уток, последних больше ловили ради пуха, хотя и мясо было вкусно. Донифан с товарищами могли бы настрелять их сотнями, но они были благоразумны и удовольствовались несколькими дюжинами этих пернатых, которых Фанн доставал из болота. Донифана соблазняло подстрелить птиц, которые еще не появлялись за их обеденным столом, — это были цапли с блестящими белыми хохолками и другие голенастые птицы, и только боязнь истратить порох удержала его от стрельбы. Но при виде стаи огненно-красных фламинго, которые очень любят солоноватую воду и мясо которых заменяет мясо куропаток, он не вытерпел. При виде этих великолепных образцов орнитологии острова страсть охотника охватила Донифана. Уилкокс с

Фебом оказались такими же неразумными. Они совершенно напрасно кинулись в сторону, не зная того, что если бы они приблизились незамеченными, то могли бы, к своей великой радости, застрелить этих фламинго, потому что от выстрелов они бы застыли на месте.

Фанн бежал за ними, не боясь замочить лапы.

Фанн бежал за ними, не боясь замочить лапы.

Донифану, Фебу и Уилкоксу не удалось нагнать этих великолепных лапчатых птиц величиной более чем в четыре фута от клюва до хвоста. Предостережение было дано, и стая исчезла, прежде чем можно было напасть на нее.

Тем не менее трое охотников вернулись с достаточным количеством дичи, и им не приходилось сожалеть о своей прогулке по южным болотам. Только один раз пришлось надеть ходули, чтобы добраться до берега реки. Они дали слово повторить эту экскурсию, как только наступят холода, и тогда достигнуть лучших результатов.

До наступления зимы Гордон должен был принять меры к ограждению грота от холодов. Надо было запастись топливом для жилого помещения, хлева и птичьего двора. В течение двух недель телега привозила дрова по нескольку раз в день. Хотя зима и продлится почти шесть с половиной месяцев, но при таком запасе дров и тюленьего масла Френ-дену нечего было бояться зимних холодов и темноты.

Эти работы не мешали учебным занятиям. Поочередно старшие занимались с младшими. По-прежнему на совещаниях, происходивших два раза в неделю, Донифан продолжал выставлять

свое превосходство, что, естественно, отталкивало от него многих, за исключением его обычных приверженцев. И уже за два месяца до того времени, когда Гордон должен был сложить с себя свои обязанности, он рассчитывал сделаться начальником колонии. Он считал несправедливостью, что его не избрали в первую же подачу голосов. Уилкокс, Кросс и Феб неразумно поощряли это желание, подготовляя даже почву для избрания Донифана, не сомневаясь в успехе.

Однако большинство не стояло за Донифана. Особенно маленькие были против него, хотя они и не были за Гордона.

Гордон ясно все это видел, и, хотя он имел право быть избранным во второй раз, он не особенно желал сохранить за собой эту должность. Он чувствовал, что строгость, проявленная им во время его президентства, не могла расположить в его пользу. Его несколько грубые манеры и излишняя практичность часто не нравились, и Донифан надеялся этим воспользоваться. Во время выборов будет интересно следить за борьбой партий. Маленькие главным образом упрекали Гордона в излишней скупости относительно сладких блюд. Кроме того, он их бранил за небрежность в одежде, когда они возвращались

в грот в запачканном или изорванном платье, особенно им доставалось за разорванные сапоги, так как трудно было чинить обувь. Он делал им выговоры за потерянные пуговицы, а иногда и наказывал за это. Это повторялось часто, и Гордон требовал, чтобы каждый вечер проверялось число пуговиц, и в случае потери виновные лишались сладкого блюда или сажались под арест. Тогда Бриан заступался то за Дженкинса, то за Доля и таким образом приобретал популярность. Кроме того, маленькие знали, что Сервис и Моко были преданы Бриану, и если последний будет выбран начальником острова Черман, то у них не будет недостатка в сладких блюдах.

Чего только не бывает на этом свете!

Эта колония мальчиков не была ли изображением общества, и разве эти дети не стремились «стать взрослыми» уже с первых шагов своей жизни.

Эти вопросы нисколько не интересовали Бриана, он работал без остановки, не щадя своего брата, и они оба всегда были первыми в работе, как будто на них обоих была возложена особая обязанность. Однако не весь день был посвящен учебным занятиям. Несколько часов было уделено для игр. Для сохранения здоровья бы-

ли введены гимнастические упражнения. Как маленькие, так и большие лазили по деревьям, взбирались на первые ветки с помощью веревки, обвитой вокруг ствола. Они прыгали, опираясь на длинные шесты. Купались в озере, и неумеющие плавать быстро учились. Устраивали гонки с наградой для победителя. Упражнялись в метании бóла и лассо.

Между мальчиками были распространены такие любимые английские игры, как крокет, мяч, палет, требующие главным образом силы и меткости. Последнюю игру необходимо описать подробно, потому что во время ее произошла ссора между Брианом и Донифаном.

Это было 25 апреля днем. Восемь человек играли в палет на лужайке, они разделились на две партии: Донифан, Феб, Уилкокс и Кросс были в одной, а Бриан, Бакстер, Гарнетт и Сервис — в другой.

На лужайке были воткнуты два железных колышка на расстоянии пятидесяти футов один от другого. У каждого было по два quoits — небольших металлических кружка с отверстием в середине, причем толщина их уменьшалась от центра к окружности.

В этой игре каждый из играющих должен

бросать свои кружки один за другим с такой ловкостью, чтобы они попадали на колышек, сначала на первый, затем на второй. Если удастся насадить кружок на один из колышков, играющий получает два очка, и четыре, если ему удастся насадить кружки на два колышка. Если кружок только ударится о колышек, то играющий получает одно очко.

В этот день игроки были очень оживлены, потому что Донифан и Бриан были в разных партиях и самолюбие каждого было задето.

Для сохранения здоровья были введены гимнастические упражнения.

Для сохранения здоровья были введены гимнастические упражнения.

Две партии уже были сыграны. Бриан, Бакстер, Сервис и Гарнетт выиграли первыми, получив семь очков, в то время как их противники выиграли вторую партию, получив шесть очков.

Теперь была решающая партия.

Каждая сторона получила по пяти очков, и оставалось бросить только два quoits.

— Твоя очередь, Донифан, — сказал Феб, — цельсяхорошенько. Это наш последний quoits, и от этого зависит выигрыш.

— Не беспокойся, — ответил Донифан.

Он встал в известную позицию, выдвинув вперед одну ногу, держа в правой руке кружок, слегка нагнувшись вперед корпусом, чтобы вернее прицелиться.

Видно было, что этот тщеславный мальчик вложил всю свою душу в эту игру; он стиснул зубы, побледнел и нахмурил брови.

Он тщательно прицелился, раскачивая свой кружок, и сильно отбросил его, потому что колышек находился в пятидесяти футах.

Кружок задел краем за колышек и упал на землю — так что команда Донифана в общем выиграла шесть очков.

Донифан не мог сдержать своей досады и сердито топнул ногой.

— Досадно, — сказал Кросс, — но мы еще не проиграли партию, Донифан.

— Конечно нет, — добавил Уилкокс, — твой кружок упал около колышка. — Не думаю, чтобы Бриан сделал лучше.

Если кружок, брошенный Брианом — была его очередь играть, — не попадет на колышек, его партия будет проиграна, так как было невозможно поставить его ближе Донифана.

— Целься хорошенько!.. Целься хорошенько! — воскликнул Сервис.

Бриан ничего не отвечал. Не думая о том, чтобы доставить неприятность Донифану, ему хотелось только одного — обеспечить выигрыш партии больше для своих товарищей, чем для самого себя.

Он встал в позицию и ловко бросил свой кружок, который наткнулся на колышек.

— Семь очков! — победоносно воскликнул Сервис. — Партия выиграна.

Донифан быстро приблизился.

— Нет!.. Партия не выиграна, — сказал он.

— Почему? — спросил Бакстер.

— Потому что Бриан сплутовал.

— Сплутовал? — спросил Бриан, побледнев от подобного обвинения.

— Да, сплутовал! — возразил Донифан. — Бриан не стоял на той черте, на которой он должен был стоять… Он переступил за черту на два шага.

— Это ложь! — воскликнул Сервис.

— Да, ложь! — ответил Бриан. — Допуская даже, что это была правда, я сделал это нечаянно и не позволю, чтобы Донифан обвинял меня в плутовстве.

— Вот как! Ты этого не позволишь! — сказал Донифан, пожимая плечами.

— Нет, — отвечал Бриан, начиная выходить из себя. — И прежде всего я докажу, что стоял на черте.

— Да… да… — подхватили Бакстер и Сервис.

— Нет!.. нет! — возражали Феб и Кросс.

— Посмотрите же на следы моих башмаков на песке! — возразил Бриан. — Ведь должен же Донифан это видеть, следовательно, он солгал.

— Солгал! — вскричал Донифан, медленно подойдя к товарищу.

Феб и Кросс стали позади Донифана, чтобы поддержать его, тогда как сзади Бриана стояли Сервис и Бакстер, готовые оказать помощь, если бы завязалась борьба.

Донифан встал в позу боксера, снял куртку, засучил рукава до локтя и платком обвязал руку.

Бриан, к которому вернулось его обычное хладнокровие, стоял неподвижно, как будто ему противно было бороться с одним из своих товарищей и подавать дурной пример.

— Ты был не прав, оскорбляя меня словами, Донифан, — сказал он, — а теперь ты не прав, вызывая меня.

— Да, — презрительно ответил Донифан, — не следует вызывать тех, кто не умеет отвечать на вызов!

— Если я не отвечаю, — сказал Бриан, — то только потому, что мне не следует отвечать!

— Если ты не отвечаешь, — возразил Донифан, — то только потому, что ты боишься!

— Я!.. Боюсь!

— Ты трус!

Засучив рукава, Бриан решительно бросился на Донифана.

Оба противника стояли теперь лицом к лицу.

У англичан и даже в английских пансионах бокс входит в программу воспитания. К тому же замечено, что мальчики, искусные в этом спорте, выказывают больше доброты и терпения, чем другие, и не ищут случая завязать ссоры из-за

пустяков.

Бриан, как истинный француз, никогда не увлекался этим взаимным обменом кулачных ударов и теперь стоял как бы побежденный перед своим противником, который был очень ловким боксером, хотя оба были одного возраста, одного роста и одинаковой силы.

Уже должна была завязаться борьба, когда Гордон, предупрежденный Долем, поспешил вмешаться.

— Бриан!.. Донифан!.. — закричал он.

— Он меня назвал лжецом!.. — сказал Донифан.

— …после того, как он меня обвинил в плутовстве и обозвал трусом! — ответил Бриан.

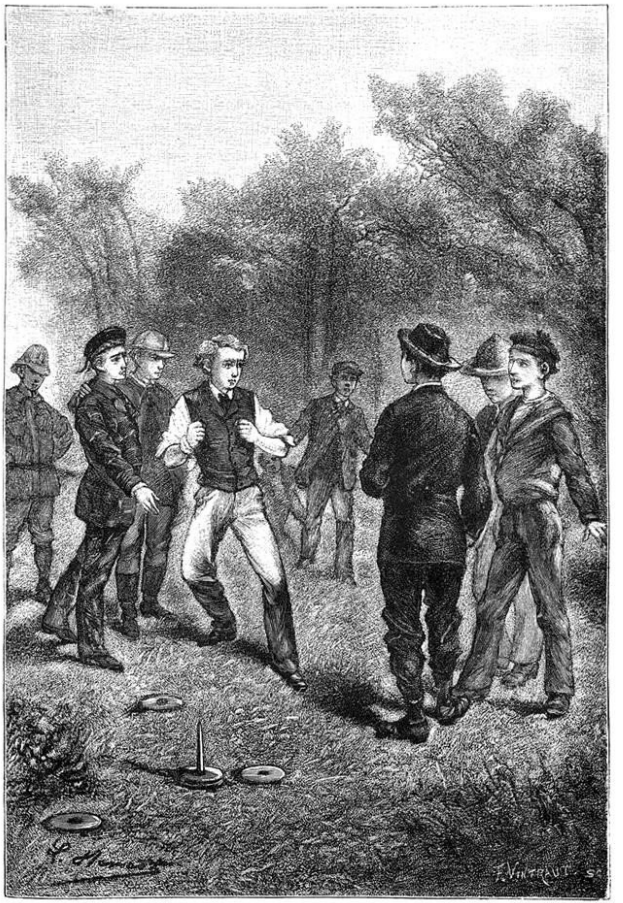
Все собрались вокруг Гордона, и оба противника отступили друг от друга на несколько шагов, Бриан — со скрещенными руками, а Донифан в прежней позе боксера.

— Донифан, — сказал тогда строгим голосом Гордон, — я знаю Бриана! Это не он начал ссору. Ты зачинщик!..

— Конечно, Гордон! — возразил Донифан. — Я тебя узнаю в этом. Ты всегда готов быть против меня.

— Да, когда ты этого заслуживаешь! — ответил

Гордон.



Донифан встал в позу боксера.

Донифан встал в позу боксера.

— Хорошо! — сказал Донифан. — Виноват или Бриан, или я, но если он отказывается драться, то он трус.

— А ты, Донифан, — ответил Гордон, — злой мальчик и подаешь плохой пример своим товарищам. В таком тяжелом положении, как наше, ты вносишь раздор и ссоришься с лучшим из нас.

— Бриан, благодари Гордона! — воскликнул Донифан. — А теперь защищайся.

— Нет! — воскликнул Гордон. — Так как я ваш начальник, то запрещаю вам драться. Бриан, иди во Френ-ден! А ты, Донифан, ступай куда хочешь, перестань сердиться и возвращайся, когда поймешь справедливость моего поступка.

— Да!.. Да!.. — воскликнули все, кроме Феба, Уилкокса и Кросса. — Ура, да здравствуют Гордон и Бриан!

Ввиду такого единогласия оставалось только повиноваться.

Бриан пошел в грот, а вечером, когда Донифан вернулся домой, он, видимо, не хотел продолжать ссору. Однако чувствовалось, что его злоба на Бриана еще увеличилась и что он при случае не забудет урока, данного ему Гордоном. Он отверг все попытки Гордона примирить их.

Действительно, прискорбны были эти раздоры, угрожавшие спокойствию маленькой колонии.

На стороне Донифана были Уилкокс, Кросс и Феб, которые находились под его влиянием и во всем были на его стороне, так что в будущем можно было опасаться за разрыв.

С этого дня никто не сделал ни малейшего намека на то, что произошло между двумя соперниками: обычные работы шли своим порядком.

Зима не заставила себя долго ждать; в первую неделю мая холод был такой сильный, что Гордон приказал топить печи в зале и держать их с дровами день и ночь. Вскоре пришлось отапливать сарай и птичник, что было поручено Сервису и Гарнетту.

В это время начался отлет птиц. Очевидно, они должны лететь в южные страны Тихого океана или к американскому материку, где климат был менее суровый, чем на острове Черман.

Первыми улетали ласточки, способные быстро переноситься через значительные пространства. Придумывая средства вернуться на родину, Бриану пришла мысль воспользоваться отлетом птиц, чтобы оповестить о положении потерпевших кораблекрушение со «Слау». Нетрудно было поймать несколько дюжин этих ласточек, вивших

гнезда почти в самой кладовой. Им надели на шеи по маленькому полотняному мешочку с запиской, в которой обозначалось, в какой части Тихого океана следовало приблизительно искать остров Черман, с настоятельной просьбой дать уведомление в Окленд, столицу Новой Зеландии. Потом ласточки были выпущены, и колония проводила их трогательным криком «до свидания», в то время как они исчезали по направлению к северо-востоку.

Нельзя было надеяться на то, что хоть одна из этих записок будет получена, но Бриан был прав, воспользовавшись и этим случаем.

Двадцать пятого мая выпал первый снег, несколькими днями раньше, чем в прошлом году. Поэтому можно было ожидать суровой зимы.

К счастью, топлива, света и продовольствия во Френ-дене хватит на долгие месяцы, не считая дичи, прилетавшей с южных болот на берега Зеландской реки. Уже несколько недель тому назад было роздано теплое платье, и Гордон наблюдал, чтобы были строго соблюдены все меры гигиены.

В это время в гроте чувствовалось скрытое волнение, охватившее юные головы. Действительно, год избрания Гордона начальником острова Чер-

ман заканчивался 10 июня.

Вследствие этого переговоры, совещания, можно сказать даже интриги, серьезно волновали маленькое сообщество. Гордон оставался безучастным, а Бриану как французу и в голову не приходило управлять колонией мальчиков, большинство которых были англичане.

Донифан больше всех скрытно тревожился предстоящими выборами. Очевидно, благодаря своему уму, храбрости, в которой никто не сомневался, он имел много преимуществ, если бы не его высокомерный характер, властолюбие и зависть.

Может быть, от уверенности, что его выберут вместо Гордона, или от гордости, мешавшей ему выпрашивать себе голоса, он держался в стороне. Но то, чего он не делал открыто, его товарищи делали за него. Уилкокс, Феб и Кросс уговаривали мальчиков подать голос за Донифана, особенно маленьких, поддержка которых имела большое значение. И так как ни о ком больше не говорили, то Донифан мог не без основания считать свое избрание обеспеченным.

Настало 10 июня.

Выборы должны были происходить днем. Каждый должен был на записочке написать имя того, кого хотел избрать. Большинство голосов

решит избрание. Так как колония состояла из четырнадцати членов — Моко в качестве негра не требовал и не мог требовать права голоса, — значит, начальник должен быть избран семью голосами.

Баллотировка открылась в два часа под председательством Гордона и совершилась с той торжественностью, которая свойственна англичанам.

По окончании подсчета голосов результат был следующий:

Бриан — 8 голосов.

Донифан — 3 голоса.

Гордон — 1 голос.

Ни Гордон, ни Бриан не хотели принимать участия в баллотировке. Бриан же голосовал за Гордона.

Узнав о результате, Донифан не мог скрыть своего разочарования и глубокой досады.

Бриан, удивленный исходом выборов, в первую минуту хотел отказаться от предложенной ему чести, но потом ему что-то пришло в голову, и, посмотрев на Жака, он сказал:

— Благодарю вас, я принимаю избрание!

С этого дня Бриан сделался на целый год начальником молодой колонии острова Черман.

Глава четвертая

Сигнальная мачта. – Сильные холода. – Фламинго. – Пастбище. – Проворство Жака. – Неповиновение Донифана и Кросса. – Туман. – Жак в густом тумане. – Пушечные выстрелы из грота. – Черные точки. – Положение Донифана.

Избрав Бриана своим начальником, товарищи хотели отдать справедливость его услужливому характеру, испытанной храбрости, постоянному самоотвержению для общего дела. С того самого дня, как он принял управление яхтой во время переезда из Новой Зеландии на остров Черман, он никогда не отступал ни перед опасностью, ни перед работой. Хотя он и был другой национальности, но все его любили — и маленькие, и большие, особенно маленькие, о которых он беспрестанно заботился и которые единодушно отдали за него голоса. Только Донифан, Кросс, Уилкокс и Феб не признавали достоинств Бриана, хотя в глубине души прекрасно сознавали, что несправедливы к самому достойному из своих

товарищей. Гордон предвидел, что этот выбор внесет еще больший раздор. Однако он от души поздравил Бриана. Во-первых, по справедливости, он не мог не одобрить сделанного выбора, а во-вторых, он предпочитал заниматься только хозяйственными делами.

Однако уже с этого дня было очевидно, что Донифан с друзьями решили не подчиняться Бриану, а Бриан решил не давать им ни малейшего повода к несдержанности.

Жак удивился, что брат согласился быть начальником.

— Итак, ты хочешь? — спросил он, не кончая мысли, которую за него докончил Бриан, отвечая ему шепотом:

— Да, я хочу принести еще больше пользы, чтобы искупить твою вину.

— Благодарю, брат, — ответил Жак, — и не жалей меня.

Снова потянулись длинные зимние дни с их однообразием.

Еще до наступления сильных морозов, когда нельзя было совершать экскурсии в бухту, Бриан решил заменить флаг на сигнальной мачте холма Окленда. Флаг ветром разорвало в клочья. Надо было заменить его предметом, который бы мог

выдержать даже зимнюю вьюгу. По совету Бриана, Бакстер сделал нечто вроде шара, сплетенного из гибких камышей; этот шар мог сохраниться, так как ветер насквозь проникал через него.

Окончив эту работу 17 июня, они предприняли последнюю экскурсию в бухту, и Бриан заменил флаг Соединенного Королевства этим новым сигналом, который был виден за несколько миль.

Наступали холода, Бриан приказал вытащить ялик на берег и накрыть его толстым брезентом. Бакстер и Уилкокс расставили силки близ сарая, вырыли новые ямы на опушке леса и натянули сети вдоль левого берега Зеландской реки.

В свободное время Донифан с двумя или тремя из своих товарищей отправлялись на ходулях на южные болота, откуда они никогда не возвращались с пустыми руками, сберегая по-прежнему патроны, потому что Бриан относительно боевых запасов был таким же скупым, как и Гордон.

В первых числах июля река начала замерзать. Течением льдины относило вниз к Френ-дену, и вскоре вследствие скопления льда на поверхности образовалась ледяная кора. А так как мороз увеличивался и стоградусный термометр падал до 12° ниже нуля, то озеро скоро замерзло. Ветер подул на юго-восток, небо прояснилось, и темпе-

ратура упала до 20° ниже точки замерзания.

Программа зимней жизни была та же, что и в прошлом году, и Бриан следил за ее исполнением, не превышая своей власти. Ему охотно повиновались, причем Гордон первым подавал пример послушания и этим много помогал. Даже Донифан со своими приверженцами не выказывал неповиновения. Они ежедневно расставляли силки, западни и сети, но продолжали держаться в стороне, тихо разговаривая между собой, лишь изредка принимая участие в разговорах за столом или по вечерам. Никто не знал, что они замышляли, но их ни в чем нельзя было упрекнуть, и Бриану не приходилось вмешиваться. Он старался быть справедливым ко всем, часто исполняя самые трудные и тяжелые работы, не избавляя своего брата, который не уступал ему в усердии. Гордон даже заметил, что характер Жака начал меняться, а Моко радовался, видя, что после объяснения с Брианом Жак стал чаще разговаривать и играть с товарищами. Долгие часы, которые благодаря холоду они должны были проводить в пещере, проходили в занятиях. Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар сделали видимые успехи; обучая их, старшие сами приобретали познания. По вечерам читали вслух книги о путешествиях,

которым Сервис, конечно, предпочел бы рассказы о робинзонах. Иногда Гарнетт играл на аккордеоне одну из избитых мелодий, другие пели хором какие-нибудь детские песенки, и по окончании концерта все шли спать.

Бриан не мог отрешиться от мысли вернуться в Новую Зеландию. В этом он расходился с Гордоном, который только и думал о том, как бы устроить колонию на острове Черман. Правлению Бриана суждено было ознаменоваться попытками вернуться на родину. Он все время помнил о том белом пятне, которое видел в бухте Обмана. «Может быть, это земля, — думал он, — в таком случае нельзя ли построить лодку и добраться до нее?» Но когда он говорил об этом с Бакстером, то тот только качал головой, прекрасно понимая, что такая работа была им не по силам.

— Как жаль, что мы дети, — повторял Бриан, — и как бы хорошо было, если бы мы были взрослыми.

Это было для него самым большим горем.

Зимние ночи не обходились без тревоги. Фанн начинал тревожно лаять, когда хищные звери, преимущественно шакалы, бродили вокруг сарая. Тогда Донифан и другие, кидая горящие

головни в этих зверей, обращали их в бегство.

Два или три раза в окрестностях показывались ягуары и кугуары, не подходившие так близко, как шакалы. Их встречали ружейными выстрелами, но так как они были далеко, то ни одного из них не удалось убить. В общем, охранять загон было трудно. 24 июля Моко наконец представился случай снова проявить свое кулинарное искусство в приготовлении дичи, которой все полакомились.

Уилкокс и Бакстер, охотно ему помогавшие, устраивали западни не только для пернатых или грызунов, но и для крупной дичи, для чего сгибали молодые деревца и таким образом устроили настоящие силки с затяжной петлей. Эти западни ставятся обыкновенно в лесу там, где проходят косули. В ночь на 24 июля в один из таких силков попался великолепный фламинго и, несмотря на все свои усилия, не мог выпутаться из затяжных петель. На другой день, когда Уилкокс обходил силки, птица уже была удушена петлей. Фламинго ощипали, выпотрошили и, начинив ароматическими травами, зажарили. Все нашли его мясо вкусным. Кроме большого куска мяса, каждый из мальчиков получил по кусочку языка.

В первой половине августа было четыре морозных дня, и Бриан не без страха видел, как падал термометр до тридцати градусов ниже нуля. Воздух был необыкновенно чист, и, как это часто случается при большом понижении температуры, не было ни малейшего ветерка. В такой холод маленьким было запрещено выходить на воздух, хотя бы на одну минуту. Старшие же выходили в случае крайней необходимости, главным образом чтобы день и ночь топить печи в сарае и на птичьем дворе. К счастью, эти холода стояли недолго. 6 августа ветер опять подул с запада. Над бухтой и берегом пронесся сильный вихрь, но Френ-ден не пострадал; казалось, только землетрясение могло поколебать его крепкие стены. Самые сильные шквалы, те, что выбрасывают корабли на берег и опрокидывают каменные здания, ничего не могли сделать с непоколебимым утесом. А если попадает много деревьев, то это только избавит молодых дровосеков от лишней работы, когда им придется делать новый запас топлива.

Эти шквалы повлияли на изменение температуры, морозы прекратились, и с этого времени температура начала постепенно подниматься, держась в среднем от семи до восьми градусов

ниже точки замерзания.

В один из таких силков попался великолепный фламинго.

В один из таких силков попался великолепный фламинго.

Вторая половина августа была более сносной, и Бриан возобновил работы на воздухе, за исключением рыбной ловли, потому что толстый слой льда еще покрывал поверхность реки и озера. В западни и силки попадалось много болотных птиц, и кладовая не переставала пополняться свежей дичью.

Скотный двор увеличился, птичник тоже, утки и цесарки вывели потомство, а викунья принесла пять детенышей, за которыми ухаживали Сервис с Гарнеттом.

Пользуясь хорошей погодой и твердостью льда, Бриан предложил своим товарищам покататься на коньках. Из деревянного бруска и железной полосы Бакстер смастерил несколько пар коньков. Почти все мальчики умели кататься на коньках, так как на родине в холодные зимы часто пользовались этим удовольствием и теперь были в восторге, что могут показать свое искусство.

Двадцать шестого августа около одиннадцати часов утра Бриан, Гордон, Донифан, Феб, Кросс, Уилкокс, Гарнетт, Сервис, Дженкинс и Жак, оставив Айверсона, Доля и Костара под опекой Моко и Фанна, ушли из Френ-дена отыскивать место,

удобное для катания на коньках.

Бриан захватил с собой сигнальный рожок, чтобы сзывать тех, которые уйдут слишком далеко. Перед отходом позавтракали и рассчитывали вернуться к обеду.

Пришлось подняться по берегу почти на три мили, прежде чем удалось отыскать подходящее место. Озеро было загромождено льдинами около грота, и, только пройдя лес, мальчики остановились перед гладкой поверхностью, однообразно тянувшейся на бесконечное пространство к востоку. Лучшего места для катания не могло быть.

Конечно, Донифан и Кросс захватили с собой ружья, чтобы поохотиться, если представится случай. Что касается Бриана и Гордона, то они не любили кататься на коньках и пошли только присмотреть за товарищами.

Самыми ловкими конькобежцами, бесспорно, были Донифан и Кросс. Жак превосходил их быстротой и искусством проделывать разные фокусы.

Перед началом катания Бриан собрал своих товарищей и сказал им:

— Мне нет надобности советовать вам быть осторожными. Конечно, лед под нами не проломится, но вы можете сломать себе руку или ногу. В случае, если вы далеко отойдете, не забывайте,

что мы с Гордоном будем вас здесь дожидаться. Итак, когда я дам сигнал рожком, каждый из вас должен тотчас же возвратиться.

Выслушав это наставление, конькобежцы пустились по озеру, и Бриан успокоился, видя, что они искусно катаются; если кто-нибудь и падал, то это только вызывало смех.

Жак обращал на себя внимание, то обгоняя, то отставая, катаясь то на одной ноге, то на обеих, описывая необыкновенно правильные круги. Бриан с большим удовольствием смотрел, как его брат принимает участие в общем развлечении.

Возможно, что Донифан, как страстный спортсмен, завидовал успехам Жака, которому аплодировали от всего сердца. Поэтому он удалился от берега, несмотря на настоятельные уговоры Бриана, позвав Кросса следовать за ним.

— Кросс! — крикнул он. — Я вижу стаю уток… там… к востоку!.. Ты видишь их?

— Да, Донифан!

— У тебя есть ружье!.. У меня тоже. Давай охотиться!

— Но Бриан ведь запретил…

— Ах, оставь меня в покое с твоим Брианом! Побежим скорее!

В одну минуту Донифан и Кросс пробежали

полмили, преследуя стаю птиц, летевших к Семейному озеру.

— Куда они бегут? — спросил Бриан.

— Завидели какую-нибудь дичь, — ответил Гордон, — и по страсти охотника…

— Скорее, по духу противоречия, — возразил Бриан. — Это все Донифан…

— Ты думаешь, Бриан, что с ними может что-нибудь случиться?

— Почем знать, Гордон!

— Посмотри, как они уже далеко!

И действительно, Донифан и Кросс виднелись вдали в виде двух точек.

Хотя они и могли вернуться до вечера, но все-таки это было неосторожностью с их стороны; в это время года всегда можно бояться внезапной перемены погоды, достаточно изменения ветра, чтобы нанести шквалы или туманы.

Можно себе представить беспокойство Бриана, когда к двум часам горизонт внезапно исчез за густой полосой тумана.

Кросса и Донифана еще не было видно, а облака, окутав поверхность озера, скрыли западный берег.

— Вот чего я боялся! — вскричал Бриан. — Как они теперь найдут дорогу?

— Дай им сигнал рожком! — быстро ответил Гордон.

Три раза протрубил рожок, и его отзвук раздался по всему пространству. Может быть, они ответят ружейными выстрелами — единственным средством, которым Донифан и Кросс могли дать знать о своем местонахождении.

Но ничего не было слышно.

Между тем туман становился все гуще, разрастался и через несколько минут мог покрыть все озеро.

Бриан созвал ребят, которые были неподалеку.

Несколько минут спустя все собрались на берегу.

— Что делать? — спросил Гордон.

— Все, чтобы только отыскать Кросса и Донифана, прежде чем они окончательно заблудятся в тумане!

— Пусть один из нас отправится по их следам и трубит в рожок.

— Я готов это сделать! — сказал Бакстер.

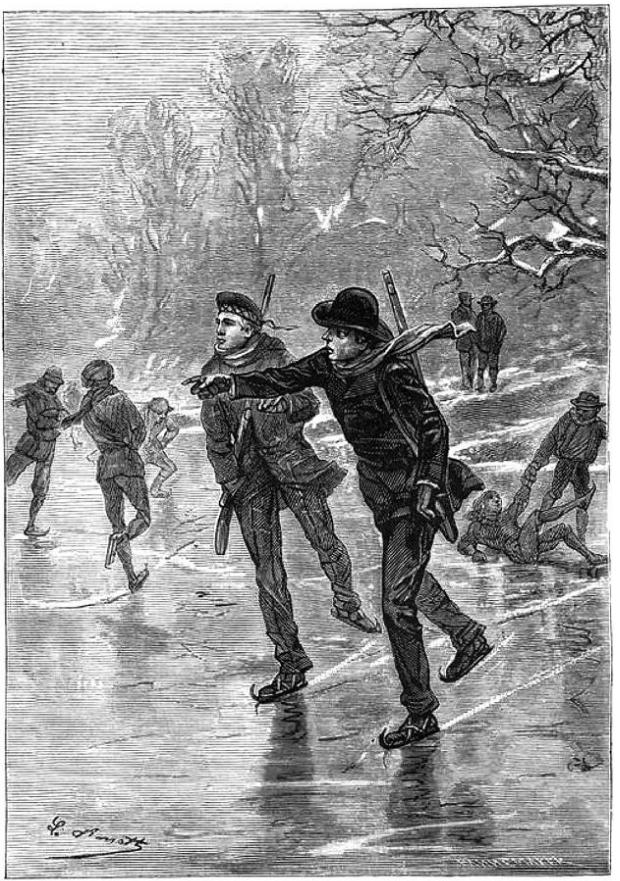
— Мы также! — прибавили двое или трое других.

— Нет, я пойду, — сказал Бриан.

— Пусти меня, Бриан, — просил Жак. — С моим умением я быстро догоню Донифана.

— Хорошо, — ответил Бриан. — Ступай и прислушивайся к выстрелам, захвати с собой рожок, чтобы дать им знать о себе.

Через минуту Жак скрылся в тумане, который все более и более сгущался.



— *У тебя есть ружье!.. У меня тоже. Давай охотиться!*

— У тебя есть ружье!.. У меня тоже. Давай охотиться!

Бриан, Гордон и другие внимательно прислушивались к рожку, в который трубил Жак, но звуки были все слабее, так как Жак был уже далеко.

Прошло полчаса, не было видно ни Кросса, ни Донифана, ни Жака, который пошел за ними.

Что с ними будет, если ночь наступит прежде, чем они успеют вернуться?

— Если бы у нас было еще огнестрельное оружие, — воскликнул Сервис, — тогда, может быть!..

— Оружие? — переспросил Бриан. — В пещере оно есть. Идем!

Это лучшее, что можно было предпринять, потому что прежде всего важно было указать Жаку, Донифану и Кроссу, какого направления держаться, чтобы отыскать берег Семейного озера. Надо было вернуться ближайшей дорогой в грот и стрелять из пушек.

За полчаса Бриан, Гордон и другие мальчики пробежали три мили, отделявшие их от катка.

Нечего было жалеть пороха. Уилкокс с Бакстером выстрелили по направлению на восток.

Никакого ответа не последовало. Ни выстрела,

ни звука рожка.

Было уже половина четвертого. Туман все более сгущался по мере того, как солнце садилось за холм Окленда. Сквозь густой туман ничего нельзя было разглядеть на поверхности озера.

— Давайте стрелять из пушек, — предложил Бриан.

Одну из маленьких пушек вывезли на середину спортивной площадки и навели на северо-восток. Зарядив пушку, Бакстер уже собирался потянуть за шнур фитиля, как вдруг Моко пришло в голову положить сверх пушечного заряда ком травы, обмазанный салом. Он знал, что это придаст выстрелу большую силу, и не ошибся.

Раздался выстрел, заставивший Доля и Костара заткнуть себе уши.

При такой тишине немыслимо было, чтобы выстрел не был услышан на расстоянии нескольких миль.

Прислушались. Та же тишина.

В продолжение часа из маленькой пушки стреляли через каждые десять минут. Не может быть, чтобы Донифан, Кросс и Жак пренебрегли этими выстрелами, указывающими, где находится пещера. Кроме того, эти залпы должны были быть слышны на всем протяжении озера, потому что

туманы способствуют распространению звука и это свойство увеличивается с их плотностью.

Наконец в пятом часу с северо-востока послышались два или три отдаленных ружейных выстрела.

— Это они! — закричал Сервис.

Тотчас же Бакстер ответил последним залпом на сигнал Донифана.

Несколько минут спустя показались две тени в тумане, который у берега не был таким густым, как на озере. Вскоре площадка огласилась криками «ура!».

Это были Донифан и Кросс.

Жака не было с ними.

Можно себе представить, что должен был испытывать Бриан! Его брат не мог разыскать охотников, которые даже не слышали его рожка. Действительно, Кросс и Донифан, стараясь ориентироваться, направились к южной части озера, между тем как Жак все удалялся на восток, пытаясь нагнать их. Впрочем, если бы не выстрелы пушки, то им бы не найти дороги. Бриан, поглощенный мыслью, что его брат заблудился в тумане, даже и не подумал упрекнуть Донифана за непослушание, грозившее важными последствиями. Что, если Жаку придется провести

ночь на озере при температуре, которая может опуститься на пятнадцать градусов ниже нуля; перенесет ли он такой сильный мороз?

— Мне следовало идти вместо него… Мне, — повторял Бриан, которого Гордон и Бакстер тщетно пытались обнадежить.

Снова начали палить из пушки. Очевидно, если Жак бы был неподалеку от грота, он услышал бы и ответил рожком.

Но когда последние перекаты замерли вдалеке, на залпы не последовало никакого ответа.

Начинало смеркаться, и скоро мрак мог окутать весь остров. Но туман как будто начал рассеиваться. Ветерок, поднявшийся при закате, как это бывало почти каждый вечер в тихие дни, отнес туман к восточному берегу, очистив поверхность Семейного озера. Теперь только темнота мешала отыскать грот. Единственно, что оставалось, — это развести большой огонь на берегу, чтобы он служил ориентиром. И уже Уилкокс, Бакстер и Сервис набрали хворосту и складывали его на середине лужайки, когда Гордон их остановил.

— Подождите! — сказал он.

Приставив к глазам подзорную трубу, Гордон внимательно смотрел на северо-восток.

— Мне кажется, что я вижу точку, — сказал

он, — точку, которая перемещается…

Бриан выхватил трубу и, в свою очередь, стал смотреть…

— Слава Богу!.. Это он!.. — воскликнул Бриан. — Это Жак… Я его вижу.

Все стали кричать изо всех сил, как будто их можно было расслышать на расстоянии мили!

Однако расстояние уменьшалось, Жак быстрей стрелы скользил по ледяной поверхности озера, все приближаясь к гроту. Еще несколько минут, и он будет здесь.

— Он как будто не один! — удивленно закричал Бакстер.

Действительно, всматриваясь пристальнее, они увидели, что какие-то две точки двигались за Жаком на расстоянии ста футов.

— Что это такое? — спросил Гордон.

— Люди, — ответил Бакстер.

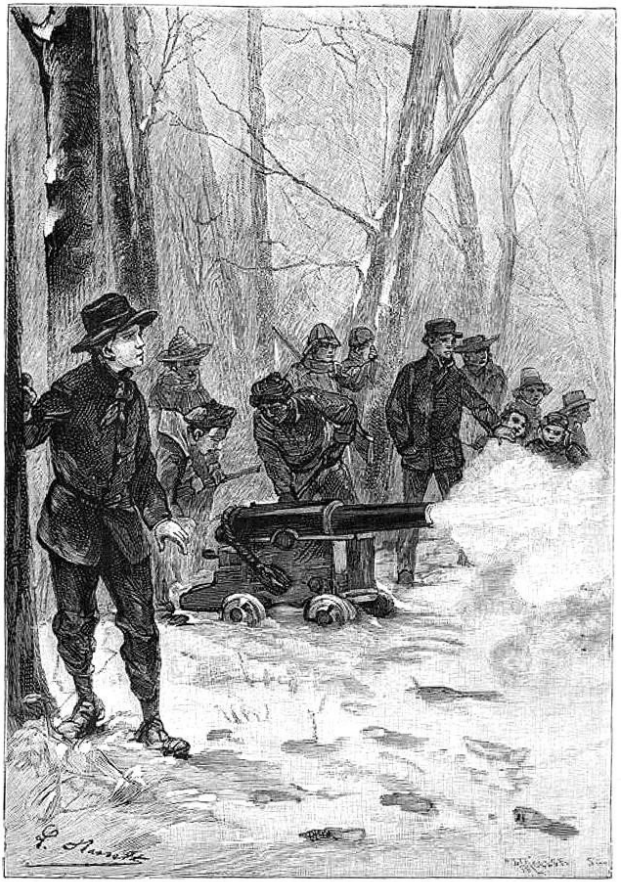
— Нет, скорее звери! — сказал Уилкокс.

— Может быть, хищные! — воскликнул Донифан.

С ружьем в руке, он бросился к озеру навстречу Жаку.

В несколько минут Донифан был подле мальчика и выстрелил два раза в зверей, которые повернули назад и скоро исчезли.

Это были два медведя, которых вовсе не ожидали встретить на этом острове. Если эти страшные животные бродили по острову, как же могло случиться, что охотники до сих пор не напали на их следы? Можно было предположить, что они пришли по льду замерзшего моря или на плавучих льдинах добрались до берега. Это указывало на то, что близ острова Черман находился какой-то материк. Над этим следовало задуматься.



В продолжение часа из маленькой пушки стреляли через каждые десять минут.

В продолжение часа из маленькой пушки стреляли через каждые десять минут.

Как бы там ни было, Жак был спасен, и Бриан заключил его в свои объятия.

Приветствия, поцелуи и рукопожатия щедро сыпались на храброго мальчика. Он не мог дозваться своих товарищей, сам затерялся среди густых туманов и был лишен возможности найти дорогу, когда раздались первые залпы.

«Это, наверное, френ-денская пушка?» — сказал он сам себе, стараясь уловить, откуда шел звук.

Он был тогда в нескольких милях от берега на северо-восточном конце озера и помчался по направлению, откуда неслись сигналы.

Вдруг в тот самый момент, когда туман стал рассеиваться, он увидел перед собой двух медведей, которые шли на него. Несмотря на всю опасность, он ни на минуту не потерял присутствия духа и благодаря своей быстроте мог держаться на некотором расстоянии от этих животных. Но если бы он упал, то погиб бы.

Отведя Бриана в сторону, Жак тихо сказал ему:

— Благодарю, брат, за то, что ты мне позволил.

Бриан молча пожал ему руку.

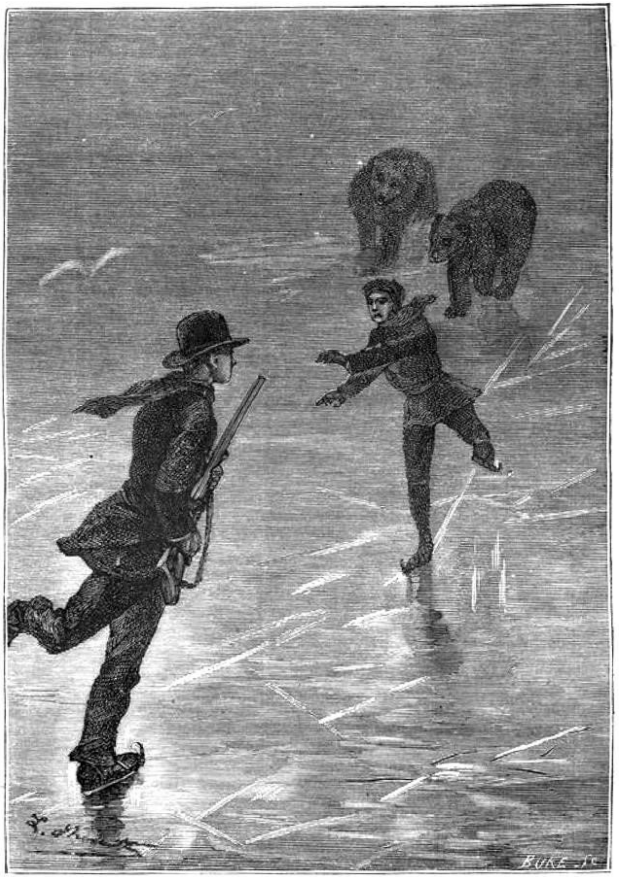
При входе в грот Бриан сказал Донифану:

— Я запретил тебе удаляться, и ты видишь, что

твое непослушание могло причинить большое несчастье! Однако, хотя ты и виноват, Донифан, но мне остается лишь поблагодарить тебя за то, что ты пришел на помощь брату!

— Я исполнил свой долг, — холодно ответил Донифан.

И он даже не дотронулся до руки, которую ему дружески протянул Бриан.



Это были два медведя.

Это были два медведя.

Глава пятая

Привал в южной части озера. – Донифан, Кросс, Феб и Уилкокс. – Разделение. – Дюны. – Восточная река. – Вниз по левому берегу. – В устье реки.

Шесть недель спустя после этих событий около пяти часов вечера четыре молодых человека остановились в южной части Семейного озера.

Было 10 октября. Весна давала себя чувствовать. Под деревьями, покрытыми свежей листвой, земля снова приняла свой весенний цвет. Легкий ветерок слегка рябил поверхность озера, освещенную последними лучами заходящего солнца, которые скользили по обширному болоту, окаймленному узким песчаным берегом.

Многочисленные птицы проносились крикливыми стаями, находя себе новое убежище в лесах или в скалах. Различные породы деревьев, не меняющих листву, — сосны, каменные дубы и ельник — нарушали однообразие этой части острова. Другой растительности не было, и, чтобы

попасть в густую чащу лесов, надо было подняться на несколько миль по тому или другому берегу.

От костра, разведенного у подножия австралийской пинии, поднимался дым и расстилался по болоту. Пара уток жарилась на очаге, сложенном из двух камней. После ужина трое мальчиков, завернувшись в одеяла, легли спать, а один из них должен был дежурить до утра.

Это были Донифан, Кросс, Феб и Уилкокс, и вот при каких обстоятельствах они решили отделиться от своих товарищей.

За последние недели этой второй зимы, проводимой в Френ-дене, отношения между Донифаном и Брианом обострились. Все помнят, с какой досадой отнесся Донифан к выборам. Сделавшись еще более завистливым и раздражительным, он с большим трудом заставлял себя подчиняться приказаниям нового начальника. Он хорошо знал, что большинство не будет на его стороне, и потому не противился открыто. Однако при всяком удобном случае обнаруживал такое нежелание повиноваться, что поневоле вызывал Бриана на справедливые замечания. После приключения на коньках, когда он превзошел себя в неповиновении, действуя, может быть, в силу

страсти к охоте или очертя голову, непокорность его продолжала возрастать, и настал момент, когда Бриан был принужден принять против него меры.

Гордона беспокоило такое положение вещей, и он взял с Бриана слово, что тот будет себя сдерживать. Но последний чувствовал, что у него больше не хватает терпения.

Напрасно пытался Гордон пробудить в Донифане его лучшие чувства. Если когда-то он и имел на него влияние, то теперь убедился, что оно окончательно было потеряно.

Донифан не прощал ему, что тот стоял на стороне его соперника, а потому посредничество Гордона ни к чему не привело, и он с глубокой грустью предвидел осложнения в ближайшем будущем.

Не было больше согласия в гроте, всех тяготила та нравственная принужденность, которая делала тягостной совместную жизнь.

Действительно, кроме часов еды, Донифан с товарищами, которые окончательно подчинились его влиянию, жили отдельно. В дурную погоду, когда нельзя было идти на охоту, они собирались в зале и там болтали потихоньку между собой.

— Бьюсь об заклад, — сказал однажды Бриан

Гордону, — эти четверо сговариваются и что-то замышляют.

— Надеюсь, не против тебя, Бриан? — ответил Гордон. — Попытаться занять твое место Донифан не посмеет. Мы будем все на твоей стороне, ты это знаешь, да и ему это тоже известно.

— Может быть, Уилкокс, Кросс, Феб и Донифан хотят отделиться от нас?

— Этого можно опасаться, Бриан, и мы не имеем права помешать им.

— Ты уверен, что они хотят это сделать?

— Они, может быть, об этом и не думают, Бриан.

— Напротив, они думают об этом! Я видел, как Уилкокс снимал копию с карты Бодуэна, очевидно с целью унести ее.

— Уилкокс это сделал?

— Да, Гордон, чтобы покончить с этими неприятностями, не лучше ли мне отказаться от своей должности в пользу другого… в твою, Гордон, или даже Донифана… Это положит конец всякому соперничеству.

— Нет, Бриан! — горячо ответил Гордон. — Нет!.. Это значило бы не выполнить своих обязанностей перед теми, которые тебя избрали… отказаться от того, чем ты обязан самому себе!

В таких раздорах прошла зима. В начале октября холода окончательно исчезли, озеро и река совершенно освободились ото льда. Вечером 9 октября Донифан объявил свое решение покинуть грот вместе с Фебом, Кроссом и Уилкоксом.

— Вы хотите нас покинуть? — спросил Гордон.

— Нет, Гордон! — ответил Донифан. — Кросс, Уилкокс, Феб и я решили поселиться в другой части острова.

— Почему же, Донифан? — удивился Бакстер.

— Просто потому, что мы хотим жить по-своему и, я говорю откровенно, потому что нам не нравится получать приказания от Бриана!

— Мне бы хотелось знать, в чем ты можешь меня упрекнуть, Донифан? — спросил Бриан.

— Ни в чем, разве только в том, что ты наш начальник, — ответил Донифан. — У нас уже стоял во главе колонии американец, а теперь нами повелевает француз!.. Теперь не хватает только провозгласить Моко…

— Ты шутишь? — спросил Гордон.

— Я говорю серьезно, — ответил Донифан надменным тоном, — если нашим товарищам нравится иметь главой не англичанина, то это не нравится ни мне, ни моим друзьям!

— Хорошо, — ответил Бриан. — Уилкокс, Феб,

Кросс и ты, Донифан, можете уйти и взять с собой по праву часть вещей.

— Мы в этом и не сомневались, Бриан; завтра же мы покидаем Френ-ден.

— Желаю, чтобы вам не пришлось раскаяться, — добавил Гордон, понимая, что всякая настойчивость здесь неуместна.

План, который Донифан решил привести в исполнение, заключался в следующем.

Несколько недель тому назад, делая описание своей экскурсии в восточную часть острова Черман, Бриан утверждал, что маленькая колония могла бы там удобно поселиться. В скалах было много пещер, леса, тянущиеся от Семейного озера, доходили до самого берега, пресная вода Восточной реки, масса дичи — словом, жизнь там должна была быть такой, как в гроте, и много лучше, чем в бухте Слау. К тому же до грота было не более двенадцати миль по прямой линии, из которых шесть приходилось на переезд через озеро и столько же, чтобы спуститься по течению Восточной реки. Так что в случае крайней необходимости будет легко общаться с гротом. Серьезно подумав обо всех этих преимуществах, Донифан решил с Уилкоксом, Кроссом и Фебом поселиться в другой части острова.

План его был такой: он не хотел добраться до бухты Обмана по воде, а решил спуститься по берегу озера до южной оконечности мыса, обогнуть его, подняться по противоположному берегу Восточной реки, исследуя при этом местность, о которой еще ничего не знали, затем продолжать идти лесом по реке до самого устья. Конечно, придется пройти пятнадцать-семнадцать миль — дорогой они будут охотиться; они не могли пользоваться яликом, для которого требовался более опытный человек, но гуттаперчевой лодки, которую Донифан хотел взять с собой, будет достаточно для переправы через Восточную реку и другие, если таковые найдутся на востоке острова.

Единственной целью этой первой экспедиции было ознакомление с побережьем бухты Обмана, чтобы избрать место, на котором захочется поселиться Донифану и его друзьям. Не желая обременять себя багажом, они решили взять только два ружья, четыре револьвера, два заступа, достаточное количество зарядов, походных одеял, карманный компас, легкую каучуковую шлюпку, немного консервов, рассчитывая на охоту и рыбную ловлю. Они полагали, что эта экспедиция не продлится больше шести или семи

дней. Избрав себе местожительство, они вернутся в грот за вещами, какие приходились на их долю, и нагрузят ими повозку. Если Гордону или кому-нибудь другому захочется их навестить, они радушно их встретят, но они окончательно отказываются вести общую жизнь в данных условиях. На другой день с восходом солнца Донифан, Кросс, Феб и Уилкокс простились с товарищами, которые, видимо, были опечалены предстоящей разлукой. Может быть, и они сами были более взволнованы, чем это казалось, хотя и решились осуществить свой проект, в котором упрямство играло немалую роль. Переехав Зеландскую реку в ялике, который Моко привел к маленькой плотине, они решили исследовать эту часть Семейного озера. Дорогой убили несколько птиц. Донифан, понимая, что должен теперь беречь заряды, расходовал их только в случае необходимости.

Погода стояла пасмурная, без дождя, ветер дул с северо-востока. В этот день мальчики сделали не больше пяти-шести миль и добрались к пяти часам вечера до конца озера, остановившись, чтобы провести там ночь.

Таковы события, происшедшие в гроте с конца августа до одиннадцатого октября.

Таким образом, Донифан, Кросс, Уилкокс и Феб были теперь далеко от своих товарищей, от которых им не следовало отделяться. Может быть, они и чувствовали себя одинокими, но, решившись до конца выполнить свой план, думали только о том, как бы найти новое жилище на другом конце острова.

На другой день, после довольно холодной ночи, которую можно было вынести благодаря огню, поддерживаемому до зари, все четверо приготовились идти дальше.

Южная точка Семейного озера образовала с обоими берегами очень острый угол, из которых правый почти перпендикулярно поднимался к северу. К востоку местность была еще болотиста, хотя вода не затопляла ее травянистой почвы, возвышающейся на несколько футов над озером. Встречались бугорки, покрытые травой и тощими деревьями. Так как эта местность, казалось, исключительно состояла из дюн, то Донифан назвал ее Доунсленд — земля Дюн. Не желая идти по незнакомой местности, он решил держаться берега до Восточной реки и до той части, которая была уже известна Бриану.

Прежде чем пуститься в путь, Донифан обсудил этот вопрос со своими товарищами.

— Если расстояния точно обозначены на карте, — сказал Донифан, — мы должны увидеть Восточную реку в шести милях от конечного пункта озера, и к вечеру без труда доберемся до него.

— Почему не направиться к северо-востоку, чтобы отыскать устье залива? — заметил Уилкокс.

— Правда, это много сократит нам путь! — добавил Феб.

— Без сомнения, — отвечал Донифан, — но к чему подвергать себя опасности среди этих болот, которые мы не знаем, и к чему возвращаться назад? Напротив, вероятнее, что, следуя по берегу озера, мы не встретим никакого препятствия.

— И потом, — прибавил Кросс, — нам интересно исследовать течение Восточной реки.

— Очевидно, — ответил Донифан, — потому что эта река служит прямым сообщением между берегом и Семейным озером. К тому же, спускаясь таким образом, у нас будет случай посетить ту часть леса, которую она пересекает.

Сказав это, они пошли бодрым шагом.

В одиннадцать часов они остановились позавтракать на берегу маленькой бухты. К востоку от них, на некотором расстоянии, виднелся лес.

Агути, убитый утром Донифаном, был подан на

завтрак, приготовленный Кроссом, заменявшим Моко. Изжарив мясо на горячих угольях, они позавтракали. Донифан с товарищами отправились по берегу Семейного озера. Прилежащий лес состоял из тех же пород, что и леса восточной части острова. Только вечнозеленые деревья росли в большом количестве. Больше было австралийских пиний, сосен и каменных дубов, чем берез или буков; все они отличались своими размерами. Донифан заметил, к своему великому удовольствию, что фауна была не менее разнообразна в этой части острова. Гуанако и викуньи появлялись несколько раз, так же как и стадо страусов; зайцы, мексиканские свиньи попадались чаще.

В шесть часов вечера сделали привал. В этом месте берег был пересечен рекой, которая и оказалась Восточной. Это было легко определить, так как Донифан нашел под группой деревьев в глубине узкой бухточки следы недавнего привала, то есть угли очага.

Здесь останавливались Бриан, Жак и Моко во время экскурсии к бухте Обмана.

Расположиться в этом месте, снова разжечь потухшие уголья, потом после ужина растянуться под теми же деревьями, которые укрывали их то-

варищей, было самое лучшее, что Донифан, Феб, Уилкокс и Кросс могли сделать. Восемь месяцев тому назад, когда Бриан здесь останавливался, он даже и не подозревал, что его четыре товарища придут сюда же, в свою очередь, с намерением поселиться отдельно в этой части острова Черман.

Возможно, что вдалеке от удобного помещения в пещере, где они могли свободно расположиться на ночлег, Кросс, Уилкокс и Феб пожалели о совершенном поступке! Но их участь была неразрывно связана с Донифаном, а Донифан был слишком горд, чтобы сознаться в своих ошибках, слишком упрям, чтобы отказаться от своего плана; слишком завистлив, чтобы согласиться покориться своему противнику.

Лодка была спущена на воду.

Лодка была спущена на воду.

На другой день Донифан предложил немедленно переехать Восточную реку.

— Сделав это, мы успеем за день достичь устья, которое не находится дальше пяти-шести миль!

— И потом, — заметил Кросс, — на левом берегу Моко собирал плоды австралийской пинии, и мы дорогой запасемся ими.

Каучуковая лодка была развернута и спущена на воду. Донифан направился к противоположному берегу. Несколькими ударами кормового весла он скоро прошел тридцать или сорок футов. Потом Уилкокс, Феб и Кросс, притянув веревку, переправили к себе лодку, в которой один за другим перебрались на другой берег.

Сделав это, Уилкокс снова разобрал лодку, сложил ее как саквояж, перекинул себе за спину, и они отправились в путь. Конечно, было бы менее утомительно плыть в ялике по течению Восточной реки, что и сделали Бриан, Жак и Моко, но каучуковая лодка могла вместить только одного, потому приходилось довольствоваться таким способом переправы.

Лесная глушь, густая трава вместе со сломанными после сильных бурь ветвями, много трясин, которые не без труда приходилось огибать, задер-

живали мальчиков. Дорогой Донифан убедился, что в этой части острова, как и в лесу, потерпевший кораблекрушение француз не оставил после своего перехода никаких следов. Однако нельзя было сомневаться в том, что он исследовал эту часть острова, так как на карте точно было обозначено течение Восточной реки до бухты Обмана.

Незадолго до полудня наскоро позавтракали именно в том месте, где росли пинии. Кросс сорвал несколько плодов, и все их съели. Далее на расстоянии двух миль пришлось скользить между густыми кустарниками и даже пролагать себе дорогу топором, чтобы не слишком отдаляться от течения реки.

Вследствие этих задержек они обогнули лес к семи часам вечера. С наступлением ночи Донифан не мог ничего разглядеть. Он видел только пенистую линию и слышал вдали сильный рев морских волн, разбивавшихся о берег.

Было решено остановиться здесь, чтобы выспаться под открытым небом. На следующую ночь, без сомнения, берег предоставит лучшее убежище в одной из пещер неподалеку от устья залива.

Устроив привал, они стали обедать или, пра-

вильнее сказать, ужинать. Несколько дроф был зажарено на очаге из хвороста и сосновых шишек, подобранных под деревьями.

Из осторожности было условлено, что огонь будут поддерживать до утра и первым об этом позаботится Донифан. Уилкокс, Кросс и Феб растянулись под ветвями большой сосны и, очень утомленные продолжительной ходьбой, немедленно заснули.

Донифану стоило большого труда бороться со сном. Однако, когда его должен был сменить другой часовой, все были погружены в такой сон, что он не мог решиться кого-нибудь разбудить.

В лесу было так же покойно и безопасно, как и в гроте. Поэтому, подбросив несколько охапок хворосту, Донифан лег под дерево и заснул. Он проснулся, когда солнце поднималось над широко расстилавшимся морем.

Глава шестая

Исследование бухты Обмана. – Медвежий утес. – На севере острова. – Северная бухта. – Буковый лес. – Ужасный шквал. – Ночь галлюцинаций. – На заре.

Первой заботой Донифана, Уилкокса, Феба и Кросса было спуститься берегом к устью реки. Оттуда их взгляд жадно устремился к морю. Но оно было таким же пустынным, как и на противоположном берегу.

— А все же, — заметил Донифан, — если, как мы предполагаем, остров Черман находится не слишком далеко от американского континента, то суда, выходящие из Магелланова пролива и идущие к портам Чили и Перу, должны проходить на востоке! Еще большее основание нам поселиться на берегу бухты Обмана и, хотя Бриан ее так назвал, я убежден, что она не оправдает этого дурного предзнаменования.

Возможно, что, делая это замечание, Донифан искал для себя оправдания или по крайней мере поводов к разрыву со своими товарищами. Действительно, корабли, отправляющиеся в порты Южной Америки, должны были проходить в этой части Тихого океана на восток от острова Черман.

Обозрев горизонт в трубу, Донифан хотел посетить устье Восточной реки. Так же как и Бриан, они открыли природную маленькую гавань, совершенно защищенную от ветра и волн. Если бы их яхта подошла к острову Черман в этом месте,

то можно бы было избежать мели и сохранить ее в целости для возвращения на родину. Позади скал, образующих гавань, шел лес, простиравшийся не только до Семейного озера, но и дальше к северу. Ничего, кроме зелени, не было видно на горизонте. Что касается углублений в прибрежных гранитных скалах, то Бриан ничего не преувеличил. Донифану осталось только выбирать. Во всяком случае, ему казалось целесообразным не удаляться от берега Восточной реки. Он вскоре нашел пещеру, устланную топким песком, в которой можно было так же удобно поместиться, как и во френ-денской. В ней нашлось бы места и на всю колонию, потому что она содержала целый ряд углублений, из которых можно сделать несколько отдельных комнат, тогда как в старой пещере было только две: зал и кладовая. Весь этот день был употреблен на осмотр берега на протяжении двух миль. Донифан и Кросс охотились, а Уилкокс и Феб измеряли глубину Восточной реки в ста шагах от устья.

Было поймано около двенадцати штук различной рыбы, между которой попались два крупных окуня. В подводных скалах, защищавших гавань на северо-востоке, было очень много раковин, из которых некоторые были очень хорошего

качества. Их можно было достать рукой. Можно было также наловить рыбы, скользившей между водорослями, так что не было необходимости отправляться на ловлю за четыре или пять миль.

Бриан, как известно, во время исследования устья Восточной реки всходил на высокую скалу, походившую на гигантского медведя. Странная форма скалы поразила и Донифана. Вот почему он и назвал маленькую гавань, прилежащую к этой скале, гаванью Медвежьего Утеса, это название можно и теперь встретить на карте острова Черман.

Днем Донифан и Уилкокс влезли на Медвежий утес, чтобы лучше осмотреть бухту. Но к востоку от острова не было видно ни корабля, ни земли. То беловатое пятно на северо-востоке, на которое Бриан обратил внимание, они даже не заметили, может быть потому, что солнце низко стояло на горизонте, а может быть, Бриан ошибся и это был оптический обман.

С наступлением вечера Донифан с товарищами поужинали под группой великолепных деревьев, низкие ветви которых склонялись к воде. Затем они принялись обсуждать вопрос, следует ли немедленно вернуться в грот, чтобы перенести необходимые предметы для окончательного пе-

реселения в пещеру у Медвежьего утеса.

— Я думаю, — сказал Феб, — что нам не следует медлить, потому что потребуется несколько дней на обратный путь.

— Но, — заметил Уилкокс, — возвращаясь сюда, не лучше ли переехать озеро, чтобы спуститься до устья Восточной реки? Бриан ехал на ялике, почему бы и нам не попробовать?

— Мы выиграем время и не так устанем! — прибавил Феб.

— Что ты на это скажешь, Донифан? — спросил Кросс. Донифан размышлял об этом предложении, имевшем большие преимущества.

— Ты прав, Уилкокс, — ответил он, — и, отправляясь в ялике, которым будет править Моко…

— Если только Моко на это согласится, — заметил Феб, сомневаясь.

— А почему же он не согласится? — спросил Донифан. — Разве я не имею права ему приказывать так же, как Бриан? Впрочем, ему только придется перевезти нас через озеро.

— Надо его заставить! — воскликнул Кросс. — Если мы будем переносить вещи сухим путем, то этому и конца не будет. Кроме того, телеге и не проехать по лесу. Итак, воспользуемся яликом.

— А если нам откажутся дать ялик? — спро-

сил Феб.

— Откажут? — воскликнул Донифан. — А кто откажет?

— Бриан!.. Ведь он начальник колонии!

— Бриан!.. Откажет!.. — повторил Донифан. — Да разве эта лодка ему одному принадлежит? Если Бриан осмелится отказать…

Донифан не кончил, но можно было чувствовать, что ни в этом, ни в каком другом вопросе надменный мальчик не подчинится приказанию своего соперника.

Впрочем, как и заметил Уилкокс, спорить об этом было бесполезно. По его мнению, Бриан поможет своим товарищам поселиться у Медвежьего утеса. Оставалось решить, нужно ли немедленно возвратиться в грот.

— Мне кажется это необходимым!.. — сказал Кросс.

— Тогда завтра? — спросил Феб.

— Нет, — ответил Донифан. — До отхода я хотел бы подняться на вершину над бухтой, чтобы ознакомиться с северной частью острова. Через двое суток мы можем вернуться к Медвежьему утесу, достигнув северного берега. Может быть, в этом направлении и есть какая-нибудь земля, которую француз не мог заметить и, следовательно, обо-

значить на карте. Неразумно будет поселиться здесь, не зная окрестностей.

Замечание было справедливо. Хотя для исследования пришлось бы потратить два или три дня, но было решено немедленно приступить к исполнению задуманного плана.

На следующий день, 14 октября, рано утром мальчики отправились на север по морскому берегу.

На протяжении трех миль тянулись скалы, у подножия которых был песчаный берег шириной в сто футов.

В полдень мальчики, обогнув последнюю скалу, остановились завтракать.

В этом месте вторая река впадала в бухту, но, видя, что она течет с юго-востока на северо-запад, можно было предположить, что она не вытекает из озера. Донифан назвал ее Северной рекой, и действительно, она заслуживала названия реки.

Нескольких ударов кормового весла было достаточно, чтобы переехать через нее. Плыли мимо леса, росшего на левом берегу реки.

Дорогой Кросс и Донифан два раза выстрелили при следующих обстоятельствах.

Было около трех часов. Следуя по течению Северной реки, Донифан отклонился к северо-за-

паду больше, чем следовало; ему надо было взять вправо, как вдруг Кросс, остановив его, внезапно закричал:

— Смотри, Донифан, смотри!

И он указал на что-то красноватое, двигавшееся в высокой траве и в камышах под деревьями. Донифан сделал знак Фебу и Уилкоксу остановиться. Потом, сопровождаемый Кроссом, с ружьем, вскинутым на плечо, без шума прокрался к двигавшейся массе.

Это громадное животное было бы похоже на носорога, если бы у него на голове был рог, а нижняя губа была вытянута.

Раздался выстрел, за ним последовал второй. Донифан и Кросс выстрелили почти в одно время.

Конечно, пуля на расстоянии ста пятидесяти футов не повредила толстокожему животному, так как последний, бросившись в камыши, быстро доплыл до берега и исчез в лесу.

Донифан успел разглядеть его. Это был совершенно безвредный анта, один из тех громадных рыжих тапиров, которые чаще всего встречаются близ рек Южной Америки.

Так как это животное для них было совершенно бесполезно, то и нечего было сожалеть об его

исчезновении.

В этой части острова Черман бесконечно тянулись зеленеющие леса, состоящие главным образом из буков, поэтому Донифан назвал их Буковыми лесами и обозначил это на карте наряду с Медвежьим утесом и Северной рекой.

К вечеру прошли девять миль. Еще столько же — и они достигнут северной части острова, но это расстояние они надеялись пройти на следующий день.

С восходом солнца снова пустились в путь. Надо было торопиться. Погода грозила измениться, западный ветер свежел, надвигались тучи, но так как они стояли высоко, то можно было надеяться, что дождя не будет. Мальчики не испугались бы ветра, если бы даже он нагнал бурю, но им было бы трудно справиться со шквалом, сопровождаемым ливнем, и пришлось бы отложить свое исследование и вернуться в Медвежью пещеру.

Они ускорили шаг, хотя приходилось бороться с сильным вихрем; день был очень тяжелый, предвещая ужасную ночь.

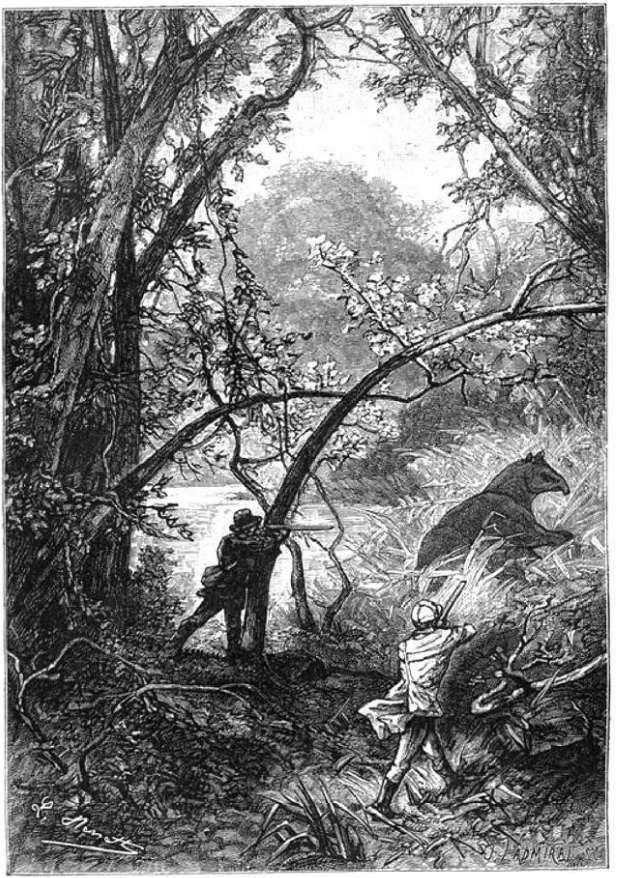
Начиналась буря. В пять часов вечера засверкали молнии, послышались раскаты грома.

Донифан с товарищами и не думали возвращаться. Мысль, что они приближаются к цели,

придавала им мужества. К тому же они находились в буковом лесу и всегда могли спрятаться под деревьями. Ветер дул с такой силой, что дождя нечего было бояться. Кроме того, берег был недалеко.

Около восьми часов послышался глухой рев прибоя, указывающий на присутствие подводных скал около острова Черман.

Небо от скоплявшихся туч становилось все темнее, и, пока еще последние лучи освещали местность, нужно было спешить. За деревьями тянулся плоский песчаный берег шириной в четверть мили, о который ударялись волны.



*Это громадное животное было бы похоже на носорога,
если бы у него на голове был рог.*

Это громадное животное было бы похоже на носорога, если бы у него на голове был рог.

Донифан, Феб, Уилкокс и Кросс, хотя и сильно устали, побежали. Им хотелось засветло увидеть эту часть Тихого океана. Было ли это безграничное море или только узкий канал, отделявший этот берег от материка или острова?

Вдруг Уилкокс, бежавший впереди, остановился. Рукой он показывал на черноватую массу, обрисовывавшуюся на краю берега. Ее можно было принять за кита, но это была лодка, снесенная течением и опрокинутая набок. И в нескольких шагах от лодки около водорослей Уилкокс увидел два трупа. Донифан, Феб и Кросс сначала остановились, затем бросились бежать от лежавших на песке трупов. Охваченные ужасом, не предполагая, что люди еще могли быть живы и что им можно оказать помощь, мальчики побежали в лес искать убежища.

Ночь была темная. Среди этого беспросветного мрака вой шквала усиливался шумом бушующего моря.

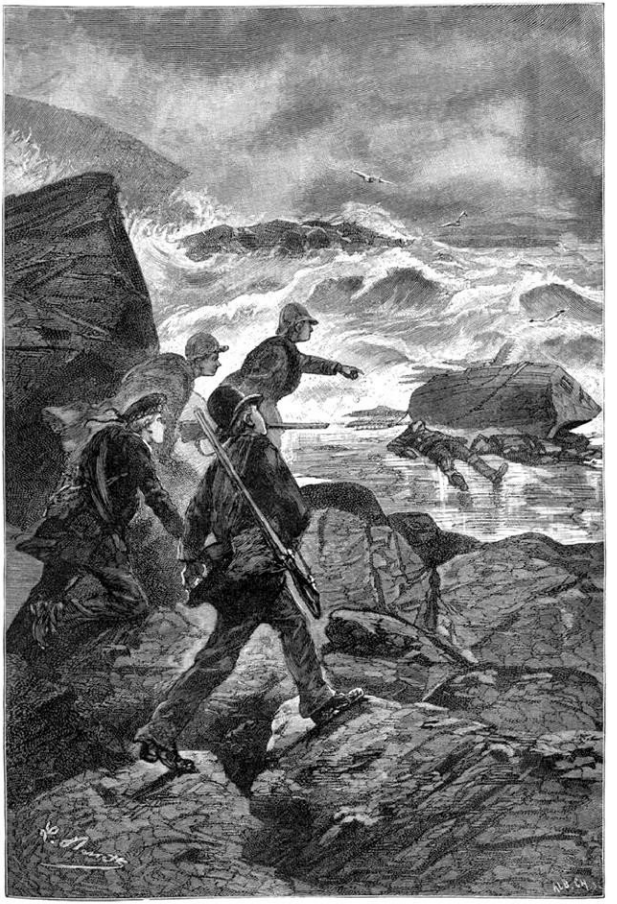
Буря свирепствовала. Деревья трещали со всех сторон не без опасности для тех, кого они укрывали, но оставаться на песке было невозможно, потому что ветер поднимал его и бил в лицо.

В продолжение всей этой ночи мальчики ни на минуту не могли сомкнуть глаз. Они страдали от холода, но развести огонь не могли, потому что ветки ветром разносило во все стороны и сухой хворост, лежащий на земле, мог загореться.

Кроме того, от волнения они не могли уснуть, спрашивая себя, откуда появилась эта лодка? Кто были потерпевшие кораблекрушение? Может быть, по соседству была земля, так как лодка пристала к берегу. Может быть, она с корабля, который разбился во время шквала.

Эти предположения были возможны, и, пользуясь наступившим затишьем, Донифан и Уилкокс, прижавшись друг к другу, обсуждали это тихим голосом. В то же время их тревожили галлюцинации, они воображали, что слышат отдаленные крики, и, когда ветер немного ослабевал, они спрашивали друг друга, не блуждают ли по берегу потерпевшие кораблекрушение? Но все это было игрой воображения, среди бури не было слышно ни одного крика о помощи. Теперь они упрекали себя в том, что поддались первому побуждению ужаса. Они хотели броситься к трупам, рискуя быть опрокинутыми шквалом! Однако в эту темную ночь на открытом берегу среди бушующих волн они не могли найти места, где села на мель

опрокинутая лодка и где лежали тела. У них не хватало ни нравственных, ни физических сил. Давно предоставленные самим себе, считавшие себя взрослыми, они снова почувствовали себя детьми в присутствии первых человеческих существ, встреченных со времени кораблекрушения «Слау», которых море выбросило на их остров.



Это была лодка, снесенная течением и опрокинутая набок.

Это была лодка, снесенная течением и опрокинутая набок.

Наконец хладнокровие взяло верх и они осознали свой долг. На следующий день, как только занялась заря, они вернутся на берег, выроют в песке могилу и похоронят в ней двух потерпевших крушение, прочтя заупокойную молитву.

Эта ночь казалась им бесконечно длинной, и они не могли дождаться рассвета, который бы рассеял их ужас! Если бы они могли узнать, сколько прошло времени, но нельзя было зажечь спички даже под одеялом. Кросс, который попробовал это, должен был отказаться. Тогда Уилкоксу пришла мысль прибегнуть к другому средству, чтобы узнать время.

Чтобы завести часы на сутки, надо было повернуть ключ двенадцать раз, то есть по обороту на каждые два часа. В этот вечер часы были заведены в восемь часов, и ему только нужно было сосчитать число оборотов, которые останутся для протекших часов. Сделав четыре оборота, он из этого заключил, что должно быть около четырех часов. Значит, скоро наступит утро.

Действительно, вскоре на востоке показалась беловатая полоса. Но прибой еще не утихал, а так как тучи нависали над морем, то можно было

опасаться дождя, прежде чем Донифан и его спутники успеют дойти.

Но прежде всего надо было отдать последний долг потерпевшим кораблекрушение. С зарей они пошли на берег, поддерживая друг друга, чтобы не быть опрокинутыми шквальным ветром.

Лодка была пуста.

Лодка была пуста.

Лодка была на том же месте, прибой не тронул ее. Что касается двух трупов, то их уже там не было.

Донифан и Уилкокс обошли все на двадцать шагов, но не нашли даже и следов их.

— Эти несчастные, — воскликнул Уилкокс, — были живы, потому что они смогли подняться!

— Где они? — спросил Кросс.

— Где они? — ответил Донифан, указывая на бушующее с яростью море. — Там, куда их унесло отливом.

Донифан дополз до рифа и направил трубу на поверхность моря.

Не было видно ни одного трупа.

Тела потерпевших кораблекрушение были унесены.

Донифан вернулся к Уилкоксу, Кроссу и Фебу, которые оставались у лодки.

Может быть, им удастся найти кого-нибудь, пережившего эту катастрофу?

Лодка была пуста.

Это была шлюпка с какого-нибудь торгового судна, длиной футов в тридцать, но на ней уже нельзя было плавать, потому что обшивная доска штирборта была проломана. Конец мачты,

разбитой у степса, несколько лохмотьев паруса, зацепившихся за крюсера планшира, остатки снастей — вот и все, что оставалось от ее оснастки. Не было ни провизии, ни посуды, ни оружия, только пустые сундуки.

На корме два слова обозначали, какому судну принадлежала шлюпка, а также гавань, в которой этот корабль стоял.

«Северн», Сан-Франциско.

Сан-Франциско! Калифорнийский порт. Значит, корабль американский.

Берег, на который были выброшены потерпевшие крушение, с севера омывался морем.

Глава седьмая

Мысль Бриана. – Радость маленьких. – Устройство змея. – Прерванный опыт. – Кэт. – Оставшиеся в живых с «Северна». – Избавление от опасности. – Самоотвержение Бриана. – Снова вместе.

Читатель помнит, при каких условиях Донифан, Феб, Кросс и Уилкокс покинули грот. Со времени их ухода жизнь оставшихся сделалась

скучной.

Конечно, Бриану не в чем было себя упрекнуть, однако он, может быть, был опечален больше других, потому что являлся поводом к разрыву.

Напрасно Гордон старался утешить его, говоря:

— Они вернутся, Бриан, и даже скорее, чем думают! Хотя Донифан упрям, но обстоятельства сильней его, и я держу пари, что они вернутся к нам до наступления холодов.

Бриан не знал, что ответить. Если явятся обстоятельства, которые заставят их вернуться, то, наверно, они будут очень важные.

Неужели им придется и третью зиму провести на острове Черман? Неужели не подоспеет никакой помощи? Может быть, летом эту часть Тихого океана посетят какие-нибудь коммерческие суда и заметят сигнал, выставленный на вершине холма Окленда.

Правда, этот шар, поднятый только на двести футов над уровнем острова, мог быть видим на довольно ограниченном расстоянии. После неудачной попытки с Бакстером сделать лодку, которая бы держалась на море, Бриан должен был придумать средства поднять сигнал на бóльшую высоту.

Он часто говорил об этом и однажды сказал

Бакстеру, что для этой цели можно было бы воспользоваться змеем.

— У нас достаточно холста и веревок, — добавил он, — и, если сделать его довольно большим, он поднимется по крайней мере на тысячу футов.

— Исключая тех дней, когда не будет ветра, — заметил Бакстер.

— Такие дни бывают редко, — ответил Брианан, — и в тихую погоду мы притянем змея к земле. Но в другое время змей будет подниматься по ветру, и нам нечего будет беспокоиться о его направлении.

— Следует попробовать, — сказал Бакстер.

— Тем более, — ответил Бриан, — если этот змей видим днем на большом расстоянии, может быть на шестьдесят миль, он будет так же видим и ночью, если мы привяжем фонарь к его хвосту.

В результате оставалось только осуществить на практике идею Бриана. Это не затруднило бы мальчиков, которые много раз запускали змеев в Новой Зеландии.

План Бриана был радостно встречен. Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар смотрели на это как на забаву и прыгали от радости при мысли о таком громадном змее, какого они еще никогда не видели. Какое наслаждение тянуть за натянутую

веревку, в то время как змей будет покачиваться в воздухе!

— Ему приделают длинный хвост! — говорил один.

— И большие уши! — прибавил другой.

— Нарисуют на нем человечка, который славно будет болтать ногами.

— И мы пошлем с ним почту.

Все радовались. Но там, где дети видели одну забаву, крылся серьезный замысел, обещавший хорошие результаты.

Бакстер и Бриан принялись за дело на другой же день по уходе из грота Донифана с товарищами.

— Они удивятся, — воскликнул Сервис, — когда увидят подобного змея! Какая жалость, что моим робинзонам не приходило в голову пустить змея.

— Его можно будет видеть со всех сторон нашего острова? — спросил Гарнетт.

— Не только с нашего острова, — ответил Бриан, — но даже на большом расстоянии с моря.

— А в Окленде его увидят? — воскликнул Доль.

— Увы, нет! — ответил Бриан, улыбаясь. — Но, может быть, Донифан с товарищами, увидя его, захотят вернуться к нам.

Как видно, добрый мальчик только и думал об отсутствующих, и ему хотелось, чтобы эта разлу-

ка кончилась как можно скорее.

В этот и последующие дни занялись устройством воздушного змея, которому Бакстер предложил придать восьмиугольную форму.

Легкая и прочная основа была сделана из камыша, росшего по берегам Семейного озера. Она была настолько крепка, что могла выносить обыкновенный ветер. На этот остов Бриан натянул легкое просмоленное полотно, которым прикрывались решетчатые отверстия шлюпки, полотно было настолько непроницаемо, что даже ветер не проникал через него. Веревка будет плотная, длиной по крайней мере в две тысячи футов, и выдержит значительное напряжение. Конечно, змея украсят великолепным хвостом, предназначенным для поддержания равновесия.

Змей был так прочно сделан, что на нем безопасно мог подняться в воздух любой из юных колонистов. Но об этом и речи не было, требовалось только, чтобы он мог выдержать напор ветра, подняться на значительную высоту и чтобы его можно было заметить на расстоянии пятидесяти — шестидесяти миль. Понятно, что такого змея нельзя было держать в руках под давлением ветра, он увлек бы каждого за собой, и даже прежде, чем тот успел бы об этом подумать.

Веревку следовало накрутить на роуленс яхты. Этот маленький горизонтальный вал был вынесен на середину спортивной площадки, крепко прикреплен к земле, чтобы сопротивляться тяге «воздушного исполина», как его назвали маленькие с общего согласия.

Окончив эту работу 15 октября к вечеру, Бриан отложил запуск до следующего дня.

Но на другой день нельзя было запускать змея. Разразилась буря, и змей был бы тотчас же разорван, если бы его запустили.

Это была та самая буря, которая застигла Донифана с товарищами в северной части острова и во время которой американская шлюпка разбилась о северные скалы, которые потом назвали Севернскими.

На следующий день наступило некоторое затишье, но ветер все еще был слишком сильный, и Бриан не решался запустить свой воздушный аппарат. Но так как погода изменилась после полудня, благодаря перемене ветра решили запустить змея на другой день.

Это было 17 октября, число, которое будет иметь огромное значение в летописи острова Черман.

Хотя это приходилось на пятницу, Бриан не считал нужным ради суеверия ждать еще сутки.

К тому же и погода переменилась к лучшему, подул ветер, такой, какой нужен для запуска змея. Благодаря наклону он мог подняться на большую высоту, а вечером его притянут, чтобы привязать фонарь, свет которого будет виден всю ночь.

Утро было посвящено последним приготовлениям, которые продлились еще час после завтрака. Затем все отправились на спортивную площадку.

— Какая чудесная мысль пришла Бриану сделать такого змея! — повторяли Айверсон и другие, хлопая в ладоши.

Было половина второго, змей лежал на земле с расправленным длинным хвостом, и все только ждали сигнала Бриана, чтобы пустить его, но последний почему-то переменил свое намерение.

Дело в том, что в эту минуту его внимание было привлечено Фанном, быстро побежавшим в лес с таким странным жалобным лаем, что можно было удивиться.

— Что с Фанном? — спросил Бриан.

— Не почуял ли он какого-нибудь зверя? — ответил Гордон.

Легкая и прочная основа была сделана из камыша.

Легкая и прочная основа была сделана из камыша.

— Нет, он бы тогда лаял иначе!

— Пойдем посмотрим! — воскликнул Сервис.

— Прежде надо вооружиться, — добавил Бриан.

Сервис и Жак побежали в пещеру, откуда вернулись с заряженными ружьями.

— Пойдемте, — сказал Бриан.

И все трое, сопровождаемые Гордоном, направились к лесу.

Фанн был уже там и продолжал лаять.

Бриан с товарищами не прошли и пятидесяти шагов, когда заметили, что собака остановилась у дерева, под которым лежал человек.

Это была женщина.

Одежда ее состояла из грубой юбки, такого же лифа и коричневого платка, завязанного у пояса.

На ее лице были видны следы страданий, хотя она была крепкого телосложения. Ей было на вид лет сорок или сорок пять. Истощенная от усталости, а может быть, и от голода, она потеряла сознание, но еще слабо дышала.

Можно себе представить волнение детей при виде первого человеческого существа, встреченного со времени их пребывания на острове

Черман.

— Она дышит! Она дышит! — воскликнул Гордон. — Конечно, голод, жажда…

Тотчас же Жак побежал в грот, откуда принес немного сухарей и фляжку с коньяком.

Бриан, наклонившись над женщиной, открыл ее сжатые губы и влил несколько капель коньяку.

Женщина пошевелилась и открыла глаза, ее взгляд оживился при виде окружавших ее детей. Увидев сухарь, она жадно поднесла его ко рту.

Видно было, что эта несчастная умирала скорее от голода, чем от усталости.

Кто была эта женщина? Можно ли будет обменяться с нею несколькими словами и понять ее?

Бриан тотчас же обратился к ней.

Незнакомка выпрямилась и произнесла по-английски:

— Благодарю вас, дети… благодарю!

— *Она дышит! Она дышит!*

— Она дышит! Она дышит!

Через полчаса Бриан и Бакстер отнесли ее в грот. Там с помощью Гордона и Сервиса они ухаживали за ней. Как только ей стало лучше, она рассказала свою историю. Она была американка и долго жила на дальнем Западе в Соединенных Штатах. Ее звали Кетрин Рэди, или просто Кэт. Уже больше двадцати лет она исполняла обязанности экономки в семье Уильяма Пенфильда, жившего в городе Альбани. Месяц тому назад семья Пенфильд, желая отправиться в Чили, где жили их родные, приехала в Сан-Франциско, главный порт Калифорнии, чтобы сесть на коммерческое судно «Северн» под командой капитана Джона Ф. Тернера. Это судно шло в Вальпараисо, на нем-то и поехали мистер и миссис Пенфильд и Кэт, которая была как бы членом их семьи.

«Северн» было хорошее судно и, наверно, совершило бы благополучно переезд, если бы не восемь недавно набранных матросов, оказавшихся негодяями.

Через девять дней после выхода из порта один из них, Уэльстон, вместе со своими товарищами — Брандтом, Рокком, Хенли, Форбсом, Копом, Буком и Пайком — взбунтовались и убили капи-

тана Тернера, его помощника и мистера и миссис Пенфильд. Цель убийц была завладеть судном и воспользоваться им для торговли невольниками, которая существовала в некоторых провинциях Южной Америки. Только двоих пощадили: Кэт, за которую просил матрос Форбс, менее жестокий, чем его соучастники, и штурмана «Северна», мужчину лет тридцати, по имени Ивенс, которого необходимо было оставить, чтобы управлять судном. Эти ужасные сцены происходили в ночь с 7 на 8 октября, тогда, когда «Северн» находился в двухстах милях от чилийского берега.

Под страхом смерти Ивенсу было приказано обогнуть мыс Горн и направиться к западу от Африки.

Спустя несколько дней неизвестно по какой причине на палубе вспыхнул пожар такой силы, что Уэльстон и его товарищи не могли спасти «Северн» от гибели. Хенли, спасаясь от огня, погиб в море. Надо было покинуть судно, спешно бросить в шлюпку какой-нибудь провизии, оружия и удалиться в тот момент, когда «Северн», объятый пламенем, начнет погружаться в воду.

Положение потерпевших крушение было крайне опасно, так как двести миль отделяли их от ближайшей земли. Если бы шлюпка с

негодяями погибла, это было бы справедливым возмездием, но в ней были Кэт и Ивенс.

На другой день поднялась сильная буря, и их положение стало ужасным. Но так как ветер дул с моря, лодку со сломанной мачтой, с разорванным парусом гнало к острову Черман. О том, как шлюпка в ночь с 15 на 16 октября была выброшена на берег с раздробленными тамберсами и оторванной бортовой обшивкой, было уже сказано.

Уэльстон с товарищами после долгой борьбы с бурей изнемогали от холода и усталости, лишившись запасов. Они уже были почти без сознания, когда шлюпка наскочила на подводные скалы.

Пятерых из них снесло силой шквала незадолго до того, как они сели на мель, а спустя несколько минут двое других были выброшены на песок, в то время как Кэт упала в противоположную сторону от шлюпки.

Эти двое мужчин долго лежали в обмороке так же, как и сама Кэт. Придя скоро в сознание, она осталась неподвижной и думала, что Уэльстон с другими погибли. Она ждала рассвета, чтобы пойти искать себе помощи в этой незнакомой стране, когда около трех часов утра послышались шаги около шлюпки. Это были Уэльстон, Брандт

и Рокк, с трудом спасшиеся до крушения лодки. Перебравшись по подводным скалам, они дошли до того места, где лежали их товарищи, Форбс и Пайк, поспешили привести их в чувство, затем они совещались, в то время как Ивенс ждал их в ста шагах под присмотром Копа и Рокка.

Кэт слышала очень ясно, как они обменялись следующими словами.

— Где мы? — спросил Рокк.

— Не знаю, Рокк. Это не важно! Мы не останемся здесь и пойдем к востоку. Днем мы это решим.

— А наше оружие? — спросил Форбс.

— Вот оно и запасы, они целы, — ответил Уэльстон.

И он вынул из сундука шлюпки пять ружей и несколько пачек патронов.

— Этого мало, — прибавил Рокк, — чтобы выбраться из этой дикой страны.

— Где Ивенс? — спросил Брандт.

— Ивенс там, — ответил Уэльстон, — под надзором Копа и Рокка. Необходимо, чтобы он был с нами, все равно, хочет он или нет. Если он будет сопротивляться, то я берусь вразумить его.

— Куда девалась Кэт? Может быть, ей удалось спастись? — заметил Рокк.

— Кэт, — переспросил Уэльстон, — ее нечего бо-

яться. Я видел, как ее перекинуло за борт, прежде чем шлюпка села на мель, и теперь она на дне.

— Хорошо, что мы от нее избавились! — ответил Рокк. — Она слишком много знала о нас.

— Ей бы долго не пришлось быть с нами, — добавил Уэльстон, в худых помыслах которого нельзя было ошибиться.

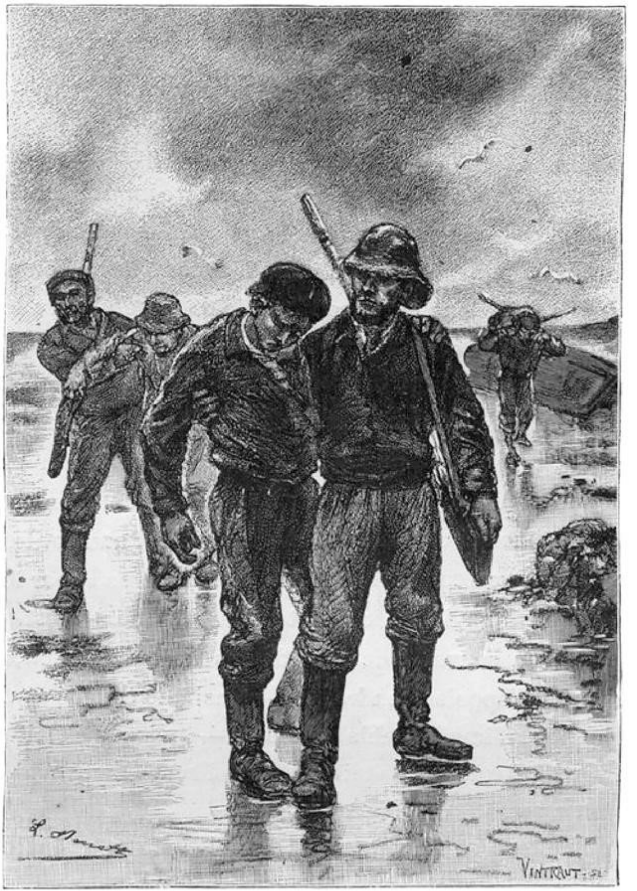
Кэт, слышавшая все это, решила бежать, как только уйдут матросы с «Северна».

Не прошло и нескольких минут, как Уэльстон с товарищами, поддерживая Форбса и Пайка, нетвердо державшихся на ногах, понесли оружие, заряды, остатки провизии, пять или шесть фунтов солонины, немного табаку и две или три фляжки джина. Они уходили в то время, как шквал продолжал бушевать.

Когда они отошли на большое расстояние, Кэт встала. Надо было торопиться, потому что прилив достигал уже берега и ее бы скоро унесло течением.

Теперь понятно, почему Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс, вернувшись отдать последний долг потерпевшим кораблекрушение, не нашли никого. В то время как Уэльстон со своей шайкой спускались по направлению к востоку, Кэт пошла в противоположную сторону и, сама того не зная,

направилась к северной оконечности Семейного озера.



Они уходили в то время, как шквал продолжал бушевать.

Они уходили в то время, как шквал продолжал бушевать.

Она пришла туда днем, изнемогая от усталости и голода; подкрепить себя она могла только дикими плодами. Она шла по левому берегу всю ночь и все утро семнадцатого числа и упала на том месте, где Бриан ее поднял полумертвую. Вот о чем рассказала Кэт.

Теперь на острове Черман, где юные поселенцы жили до того времени в полной безопасности, поселились семь человек, способных на всякие преступления. Когда они дойдут до пещеры, то нападут на нее, и их прямая выгода захватить все находящиеся там запасы оружия, особенно инструменты, без которых им было бы невозможно починить шлюпки «Северна». Бриан и его товарищи в данном случае не могли бы оказать сопротивления, так как старшим из них было по пятнадцать, а самым маленьким не было и десяти лет. Если Уэльстон останется на острове, то можно ждать нападения с его стороны.

Нетрудно себе представить, с каким вниманием все слушали рассказ Кэт.

Бриан все время только и думал о том, что если возникнет такая опасность, то прежде всего она грозит Донифану, Уилкоксу, Фебу и Кроссу, тем

более что они не могут быть настороже, не зная о присутствии на острове потерпевших крушение с «Северна» именно в той части острова, которую они исследовали в данный момент.

Достаточно будет с их стороны одного выстрела из ружья, чтобы их местопребывание было открыто Уэльстоном, и тогда все четверо попадут в руки злодеев, от которых нечего ждать пощады.

— Надо идти к ним на помощь, — сказал Бриан, — и сегодня же их предупредить.

— И привести в грот! — прибавил Гордон. — Теперь-то нам и необходимо быть вместе, так как мы должны принять меры против этих злодеев, если они нападут на нас.

— Да, — ответил Бриан, — наши товарищи должны быть здесь, и они будут. Я пойду за ними.

— Ты, Бриан?

— Я, Гордон!

— Но как же?

— Я сяду в ялик с Моко. В несколько часов мы переедем озеро и спустимся по Восточной реке, как мы это уже делали. Вернее всего, что мы встретим Донифана в устье реки.

— Когда ты рассчитываешь выехать?

— Сегодня вечером, — ответил Бриан, — так

как темнота позволит нам переехать через озеро незамеченными.

— Брат, мне надо с тобой ехать? — спросил Жак.

— Нет, — ответил Бриан. — Необходимо всем вернуться в ялике, а там и вшестером трудно поместиться.

— Итак, решено? — спросил Гордон.

— Решено, — ответил ему Бриан.

Действительно, это лучшее, что можно было предпринять не только в интересах Донифана, Уилкокса, Кросса и Феба, но также и в интересах маленькой колонии. В случае нападения не следовало пренебрегать четырьмя мальчиками. Нельзя было терять времени, если хотели, чтобы все были собраны в гроте как можно скорее.

Конечно, теперь нечего было и думать пускать змея, это было бы крайне неосторожно. Не судам, проходящим мимо острова, он служил бы сигналом, а Уэльстону с его сообщниками. Потому Бриан решил срубить сигнальную мачту, возвышавшуюся на вершине холма Окленда.

До вечера все оставались запершись в зале, Кэт слушала историю их приключений. Сердечная женщина, забыв о себе, думала только о них. Если им суждено остаться вместе на острове Черман,

она будет им преданной служанкой, будет о них заботиться и полюбит их, как мать.

Сервис в память своих избранных романов предложил называть ее Пятницей, подобно Крузо, который увековечил этим именем своего товарища, тем более что Кэт явилась в грот в пятницу.

Он прибавил:

— Эти злодеи напоминают дикарей, с которыми Робинзону постоянно приходилось иметь дело.

К восьми часам вечера приготовления к отъезду были закончены Моко, преданность которого не уменьшалась ни перед какой опасностью.

Бриан и Моко сели в лодку, запасясь провизией, вооружившись револьвером и кортиком. Попрощавшись с товарищами, которые с грустью проводили их, они скоро скрылись. При закате солнца поднялся легкий ветерок, дувший с севера, и если он продержится, то ялик на обратном пути пойдет с такой же быстротой.

Во всяком случае, этот ветер будет благоприятным для переезда с запада на восток. Ночь была очень темная — счастливое обстоятельство для Бриана, который хотел проехать незамеченным. Руководствуясь компасом, он был уверен, что достигнет противоположного берега. Все внимание

Бриана и Моко было направлено на поиски огня, что бы указало на пребывание там Уэльстона и его товарищей, потому что Донифан, наверно, расположился лагерем у устья Восточной реки.

В два часа они прошли шесть миль. Ветер хотя посвежел, но не задерживал ялика. Лодка остановилась у того места, где они причаливали в первый раз и затем плыли около полумили вдоль берега до маленькой бухты. На это потребовалось некоторое время. Так как ветер был встречный, то надо было идти на веслах. Все было спокойно, и из глубины леса не доносилось шума, нигде не было видно огней.

Однако в половине одиннадцатого Бриан, сидевший на корме ялика, схватил за руку Моко. В ста футах от Восточной реки на правом берегу сквозь деревья виднелся догорающий костер. Чей он был? Уэльстона или Донифана? Это нужно было сейчас же узнать.

— Высади меня, Моко, — сказал Бриан.

— Вы не хотите, чтобы я с вами шел? — спросил юнга тихим голосом.

— Нет, лучше я пойду один, одного меня труднее увидеть.

Ялик пристал к берегу, и Бриан прыгнул на землю, приказав Моко ждать его. В руках у него

был кортик, а за поясом револьвер, к которому он решил прибегнуть лишь в случае крайней необходимости, чтобы действовать без шума.

Выбравшись на берег, смелый мальчик пополз под деревьями.

Вдруг он остановился. В двадцати шагах при свете потухавшего костра он увидел тень, которая ползла по траве так же, как и он.

В тот же момент послышалось страшное рычание. Потом масса прыгнула вперед.

Это был больших размеров ягуар. Вслед за тем послышались крики.

— Ко мне, ко мне!

Бриан узнал голос Донифана. Это был действительно он. Товарищи его остались на берегу реки.

Донифан, опрокинутый ягуаром, отбивался, не имея возможности воспользоваться своим оружием.

Уилкокс, разбуженный его криками, подбежал с ружьем, готовый выстрелить.

— Не стреляй!.. Не стреляй!.. — закричал Бриан.

И прежде чем Уилкокс мог его заметить, Бриан бросился на ягуара, который устремился на него в то время, как Донифан ловко поднялся.

К счастью, Бриан смог отскочить в сторону, поразив ягуара кортиком. Все это было сделано так быстро, что ни Донифан, ни Уилкокс не успели вмешаться! Смертельно пораженное животное упало в ту минуту, когда Феб и Кросс бросились на помощь Донифану. Но победа дорого обошлась Бриану: из плеча его текла кровь.

— Каким образом ты очутился здесь? — воскликнул Уилкокс.

— Вы узнаете позднее, — ответил Бриан. — Идите… Идите…

— Прежде позволь тебя поблагодарить! — сказал Донифан. — Ты спас мне жизнь.

— Я сделал то, что сделал бы и ты на моем месте, — ответил Бриан. — Не будем больше об этом говорить и следуйте за мной.

Хотя рана Бриана и не была опасна, все же ее надо было перевязать носовым платком, и в то время, как Уилкокс накладывал повязку, смелый мальчик ознакомил их с положением дел.

Значит, люди, которых Донифан считал мертвецами, уже унесенными приливом, были живы! Они блуждали по острову! Это были злодеи, запятнанные кровью! Женщина, спасшаяся с ними на шлюпке, была теперь в гроте. Нет больше безопасности на острове Черман! Вот почему Бриан

кричал Уилкоксу, чтобы тот не стрелял по ягуару из боязни, что выстрел услышат.

— Ах, Бриан, ты лучше меня! — воскликнул Донифан с глубоким волнением в порыве благодарности, одержавшей верх над его надменным характером.

— Донифан, — ответил Бриан, — я держу твою руку и не выпущу до тех пор, пока ты не согласишься вернуться туда.

— Да, Бриан, надо! — ответил Донифан. — Рассчитывай на меня! С этих пор я первый буду тебе повиноваться! Завтра… с рассветом… мы поедем.

— Нет, сейчас же, — ответил Бриан, — чтобы проехать незамеченными.

— Но как? — спросил Кросс.

— Моко там! Он нас ждет в ялике. Мы собирались плыть по Восточной реке, когда я заметил отблеск вашего огня.

— И ты вовремя явился, чтобы спасти меня! — повторял Донифан.

— И также, чтобы отвезти вас в грот.

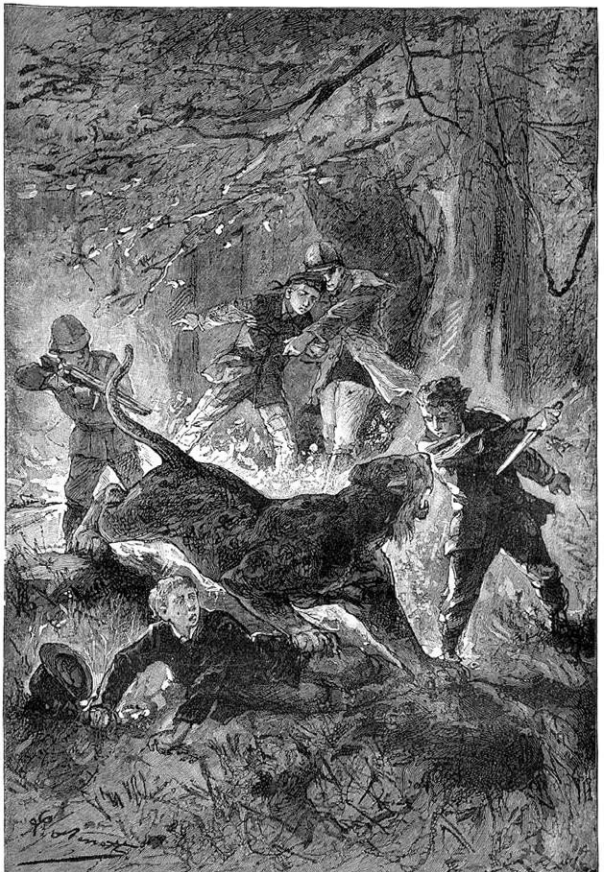
Можно в нескольких словах объяснить, почему Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс расположились лагерем в этом месте, а не в устье Восточной реки.

Покинув берег, все четверо вернулись в гавань

Медвежьего утеса вечером 16 октября. На другой день утром, как было решено, они поднялись по левому берегу Восточной реки до озера, где и остановились до утра.

Бриан с товарищами сели в ялик, и так как шестерым было тесно, то надо было править с осторожностью. Но ветер был попутный, и Моко правил лодкой так искусно, что переезд обошелся без всяких приключений.

С какой радостью Гордон и другие встретили отсутствующих, когда около четырех часов утра они высадились у плотины Зеландской реки. Хотя им и угрожала большая опасность, но зато все они были вместе.



Донифан, опрокинутый ягуаром, отбивался, не имея возможности воспользоваться своим оружием.

Донифан, опрокинутый ягуаром, отбивался, не имея возможности воспользоваться своим оружием.

Глава восьмая

Настоящее положение дел. – Предосторожности. – Изменившаяся жизнь. – Коровье дерево. – Что необходимо узнать. – Предложение Кэт. – Идея Бриана. – Его проект. – Спор. – До завтра.

Колония была вся в сборе и даже увеличена новым членом — доброй Кэт, выброшенной на берег острова Черман после ужасной драмы на море. Согласие теперь царило в Френ-дене, согласие, которого ничто отныне не должно было нарушить. Если Донифан еще и испытывал некоторое сожаление, что не стал главой юных поселенцев, то по крайней мере не показывал этого!

Да, эта трехдневная разлука принесла свою пользу.

Ничего не говоря своим товарищам, не желая сознаваться в своих заблуждениях из-за самолюбия, он все-таки понял, до какой глупости довело

бы его упрямство. Уилкокс, Кросс, Феб переживали то же самое. После самопожертвования со стороны Бриана Донифан отдался своим добрым чувствам, которым он больше никогда не должен был изменять. К тому же серьезные опасности угрожали Френ-дену в лице семи злодеев. Конечно, в интересах Уэльстона было как можно скорее покинуть остров Черман, но если он заподозрит о существовании маленькой колонии, то не остановится перед нападением, где успех будет на его стороне.

Юные поселенцы принуждены были принять всевозможные предосторожности, пока Уэльстон со своей шайкой на острове; они не должны были удаляться от Зеландской реки и без особой надобности ходить к Семейному озеру.

Донифана и других расспрашивали, не видели ли они на обратном пути от берегов Северна к Медвежьему утесу чего-нибудь, что бы указывало на присутствие матросов с «Северна».

— Ничего, — отвечал Донифан, — возвращаясь к устью Восточной реки, мы шли не по той дороге, по которой мы поднимались к северу.

— Однако очевидно, что Уэльстон направился к востоку! — заметил Гордон.

— Пожалуй, — ответил Донифан, — но он, на-

верно, шел по берегу, а мы возвращались по Буковому лесу. Возьмите карту, и вы увидите, что остров выше бухты Обмана образует выдающуюся извилину. Там злодеи могли найти себе убежище, не отдаляясь от того места, где оставили шлюпку. Может быть, Кэт сумеет сказать приблизительно, где находится остров Черман?

Кэт, которую Гордон и Бриан уже спрашивали об этом, не могла им ничего ответить. После пожара на «Северне», когда Ивенс стал управлять шлюпкой, он придерживался как можно ближе американского материка, от которого остров Черман был недалеко. Он никогда не упоминал названия этого острова, куда их выбросило бурей. Так как архипелаги должны были находиться на относительно близком расстоянии, у Уэльстона была возможность попытаться их достичь. Если ему удастся починить лодку, то он отправится в Южную Америку.

— Если только Уэльстон, — заметил Бриан, — дойдя до устья Восточной реки, найдет там твои следы, Донифан, то он продолжит свои поиски.

— Какие следы? — ответил Донифан. — Там осталась груда потухшего пепла! А по ней он может заключить, что остров обитаем, в таком случае злодеи постараются скрыться…

— Без сомнения, — ответил Бриан, — если только они не откроют, что население острова составляют дети.

— Мы не должны открыть, кто мы. Стрелял ли ты на обратном пути в бухте Обмана?

— Нет, не стрелял, — ответил Донифан, улыбаясь, — хотя я и большой любитель стрельбы. С тех пор как мы покинули берег, у нас было достаточно дичи, так что не приходилось стрелять. Вчера ночью Уилкоксу следовало стрелять по ягуару, но, к счастью, ты вовремя помешал ему, Бриан, и спас мне жизнь, жертвуя своей.

— Я повторяю тебе, что я сделал то же, что сделал бы и ты на моем месте! С этого дня больше ни одного выстрела! Перестанем ходить в лес и будем питаться нашими запасами.

По приезде в грот Бриану перевязали как следует руку, и рана скоро зажила; оставалась только некоторая неловкость в руке, которая тоже вскоре исчезла.

Между тем наступил конец октября, а Уэльстон ничем не обнаружил своего присутствия в окрестностях Зеландской реки. Может быть, он починил свою шлюпку и уехал, так как, по словам Кэт, у него были топор и кортик, который моряки всегда носят в кармане, а леса было достаточно

по берегам Северна.

Во всяком случае, жизнь мальчиков должна была измениться. Не будет больше дальних экскурсий, исключая того дня, когда Бакстер и Донифан пошли срубать сигнальную мачту, возвышавшуюся на вершине холма Окленда. С этого пункта Донифан навел подзорную трубу на массу зелени, которая тянулась к востоку. Хотя он и не мог разглядеть берега, скрытого за лесом, но если бы дымок поднимался в воздухе, то он, конечно бы, заметил его, и это бы показало, что Уэльстон со своими товарищами расположился в этой части острова. Донифан ничего не видел как в этом направлении, так и на всем пространстве бухты.

С тех пор как экскурсии были запрещены, когда не приходилось стрелять, охотники колонии были принуждены отказаться от своего любимого занятия. По счастью, силки и западни, расставленные около грота, снабжали их в достаточном количестве дичью. Кроме того, дрофы и стрепеты так размножились на птичьем дворе, что Сервис и Гарнетт должны были многими из них пожертвовать. Так как они сделали обильный сбор листьев чайного дерева, а также сока кленов, который так легко обращается в сахар, то не нужно было подниматься к Северному ручью для

возобновления запасов. И даже если зима застанет их прежде, чем они вернут себе свободу, у них хватит для еды консервов и дичи, а для освещения масла. Им придется возобновить лишь запас топлива, привозя дрова из леса и держась берега.

В это время новое открытие послужило ко благу Френ-дена. Этим открытием все обязаны были не Гордону, знатоку ботаники, а Кэт, которой принадлежала честь открытия.

На границе леса росло несколько деревьев от пятидесяти до шестидесяти футов в вышину. Их не рубили, потому что они не годились для топлива. На них были листья продолговатой формы и узлы на ветках, а верхушка была остролистая.

В первый же раз 25 октября, как только Кэт увидела одно из этих деревьев, она воскликнула:

— Ах! Вот коровье дерево «молочай»[36].

Доль и Костар, сопровождавшие ее, громко рассмеялись.

— Как — коровье дерево? — спросил один из них.

— Разве коровы его едят? — сказал другой.

---

[36] Notes: 36

Коровьим (молочным) деревом называли бросимум полезный (*лат.* Brosimum utile) семейства тутовых, чей млечный сок съедобен (хотя и не слишком полезен, особенно в сыром виде). Молочаи же в большинстве своем ядовиты.

— Нет, мои мальчуганы, нет! — ответила Кэт. — Если его так называют, то это потому, что оно дает молоко вкуснее, чем ваши викуньи.

Вернувшись в грот, Кэт рассказала о своем открытии Гордону. Гордон сейчас же позвал Сервиса, и оба вместе с Кэт пошли в лес. Осмотрев дерево, Гордон решил, что это должно быть одно из молочаев, растущих в Южной Америке, и он не ошибся.

Драгоценное открытие! Действительно, достаточно было сделать надрез на коре этих деревьев, чтобы оттуда вытек сок по виду, по вкусу и по питательным свойствам похожий на коровье молоко. Кроме того, из него можно было приготовить превосходный сыр и очень чистый воск, подобно пчелиному, из которого можно выделывать хорошие свечи.

— Итак, — воскликнул Сервис, — если это дерево коровье, то надо его доить!

И, не подозревая об этом, веселый мальчик употребил выражение индейцев, которые обыкновенно говорят: «Пойдем доить дерево».

Гордон сделал надрез на коре молочая, и оттуда потек сок, который Кэт собрала в принесенный сосуд.

Это была превосходная беловатая жидкость, на

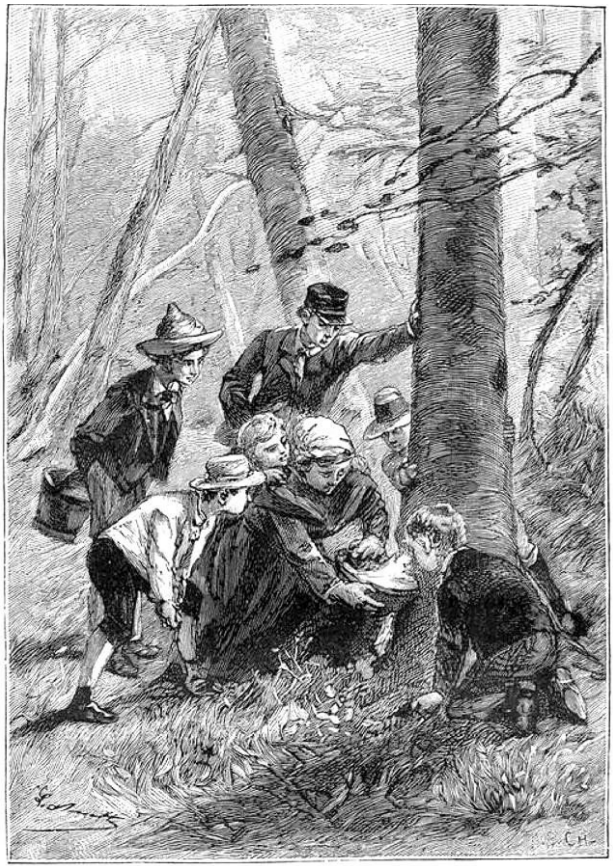
вид очень аппетитная, составные части которой были те же, что и в коровьем молоке, но она была питательнее, гуще и приятнее на вкус. Сосуд был опорожнен в одну секунду в гроте, и у Костара весь рот был в молоке, точно у котенка. Моко не скрывал своего удовольствия при мысли, что он может приготовить из этого молока. Главное, ему не придется экономить. Молочай близко, и молока будет много.

Таким образом остров Черман мог бы удовлетворить потребности многочисленной колонии. Существование мальчиков было обеспечено на долгое время. К тому же появление Кэт, ее заботы о них, любовь мальчиков к ней — все это облегчило их жизнь. Как жаль, что их покой был теперь нарушен. Сколько открытий сделал бы Бриан с товарищами, организуя исследования в неведомые части острова, от которых теперь приходилось отказаться! Неужели им никогда не удастся возобновить свои экскурсии, боясь встретиться с людьми, от которых им приходилось прятаться и днем и ночью?

Между тем до первых чисел ноября никакого подозрительного следа не было замечено в окрестностях грота. Бриан даже сомневался, что матросы еще были на острове. Однако Донифан

доказывал, что он своими собственными глазами видел, в каком состоянии была шлюпка с поломанной мачтой, изорванным парусом и сломанным бортом. Ивенс должен был знать, что если остров Черман расположен по соседству с материком или архипелагом, то на починенной шлюпке можно было совершить короткий переезд.

Очень возможно, что Уэльстон решил покинуть остров! Да, об этом надо было узнать, прежде чем вернуться к обычной жизни. Несколько раз Бриану приходила мысль пойти на разведку на восток от Семейного озера. Донифан и Уилкокс просили взять их с собой. Но вероятность попасть в руки Уэльстона и дать ему возможность узнать, с каким противником ему придется иметь дело, привела бы к печальным последствиям. Гордон, которого всегда слушались, отговаривал Бриана идти вглубь леса.



Достаточно было сделать надрез на коре этих деревьев, чтобы оттуда вытек сок по виду, по вкусу и по питательным свойствам похожий на коровье молоко.

Достаточно было сделать надрез на коре этих деревьев, чтобы оттуда вытек сок по виду, по вкусу и по питательным свойствам похожий на коровье молоко.

Тогда Кэт предложила следующее.

— Господин Бриан, — сказала она однажды вечером, когда все мальчики собрались в зале, — позвольте мне уйти завтра рано утром?

— Уйти от нас, Кэт? — переспросил Бриан.

— Да, вы не можете дольше оставаться в неизвестности, а чтобы узнать, здесь ли еще Уэльстон, я предлагаю отправиться к месту, где нас выбросило бурей. Если шлюпка еще там, значит Уэльстон не смог уехать. Если же нет — вам нечего его больше бояться.

— То, что вы хотите сделать, Кэт, хотели и мы сделать, — заметил Донифан.

— Господин Донифан, — возразила Кэт, — то, что опасно для вас, то не может быть опасно для меня.

— Однако же, Кэт, — сказал Гордон, — если вы снова попадете в руки Уэльстону?

— Что же, — ответила Кэт, — я окажусь в том же положении, что и раньше, вот и все.

— А если этот злодей лишит вас жизни, что весьма возможно? — сказал Бриан.

— Если мне удалось убежать в первый раз, — ответила Кэт, — то почему же не убегу и во второй, тем более теперь, когда я знаю дорогу в грот. И даже если мне удастся убежать с Ивенсом, которому я расскажу все о вас, то сколько пользы он принесет, если будет с нами!

— Если бы у Ивенса была возможность бежать, — ответил Донифан, — то он уже убежал бы. Ведь ему так важно спастись.

— Донифан прав, — сказал Гордон, — Ивенс знает тайну Уэльстона и его сообщников, которые не колеблясь убьют его, когда он им будет не нужен, чтобы управлять шлюпкой! Если он не убежал, значит он что-то имел в виду.

— Или он уже поплатился жизнью за свою попытку к бегству! — добавил Донифан. — Так же, как вы, Кэт, если вас захватят разбойники.

— Верьте, — заметила Кэт, — что я сделаю все, чтобы не попасться им.

— Конечно, — ответил Бриан, — но мы никогда вам не позволим подвергаться опасности. Лучше поищем средства менее опасного, чтобы узнать, на острове ли еще Уэльстон.

Предложение Кэт было отвергнуто, приходилось только остерегаться совершить какую-нибудь неосторожность. Очевидно, если Уэльстон

будет иметь возможность покинуть остров, он уедет до наступления холодного времени, чтобы достичь какой-нибудь земли, где его примут, как принимают потерпевших кораблекрушение, откуда бы они ни являлись.

Впрочем, допуская, что Уэльстон еще здесь, не представлялось возможным, что он станет исследовать внутреннюю часть острова.

Несколько раз в темные ночи Бриан, Донифан и Моко объезжали в ялике Семейное озеро, но никогда не видели огня ни на противоположном берегу, ни под деревьями на берегу Восточной реки.

Однако же было очень тяжело жить в таких условиях на пространстве, ограниченном Зеландской рекой, озером, лесом и утесом.

Поэтому Бриан постоянно думал, как бы узнать, здесь ли Уэльстон, и открыть, в каком месте он расположился.

Эти мысли не оставляли и Бриана. К несчастью, кроме утеса, самая высокая вершина которого не превышала двухсот футов, на острове Черман не было никакого другого значительного холма. Много раз Донифан и кто-нибудь другой поднимались на вершину Окленда, но оттуда они не видели даже другого берега Семейного озера, не

могли видеть ни дыма, ни огня.

Необходимо было подняться на несколько сот футов выше, чтобы кругозор расширился до скал бухты Обмана.

Тогда-то и пришла на ум Бриану такая смелая мысль, можно сказать сумасшедшая, что он ее тотчас же отверг. Но она так упорно преследовала его, что он не мог отделаться от нее.

Все помнят, что змея не удалось запустить. После появления Кэт, принесшей известие, что потерпевшие кораблекрушение с «Северна» блуждали на восточном берету, пришлось совсем отказаться от мысли запускать змея, который был бы виден отовсюду.

Но если змея нельзя было употребить в качестве сигнала, то нельзя ли его употребить с пользой, чтобы с птичьего полета осмотреть остров?

Все время Бриана преследовала эта мысль. Он припоминал, что читал в одном из английских журналов, что в конце последнего столетия одна женщина отважилась подняться в воздух, повиснув на змее, специально для того приготовленном. Мальчик мог бы сделать то же самое, что сделала эта женщина.

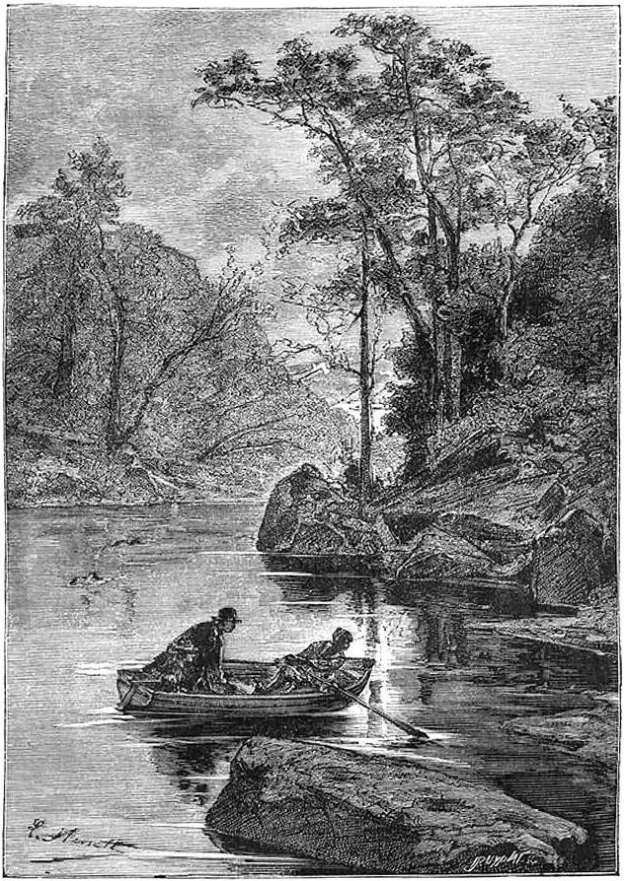
Хотя эта попытка была сопряжена с известной опасностью, но она была ничто в сравнении с

теми результатами, которых он мог достичь.

Приняв все меры предосторожности, можно было надеяться на успех. Бриан, хотя не мог математически вычислить силу, необходимую для подъема подобного змея, полагал, что он должен быть прочнее и размер его должен быть больше. И тогда ночью, поднявшись на несколько сот футов, может быть, удастся открыть отблеск огня на пространстве, заключающемся между озером и бухтой Обмана.

Под влиянием этой неотступной мысли он дошел до того, что стал верить, что его проект не только осуществим в действительности — в этом он уже не сомневался, — но что он вовсе и не так опасен, как казалось раньше.

Оставалось только, чтобы товарищи приняли его план. Вечером 4 ноября, попросив Гордона, Донифана, Уилкокса, Феба и Бакстера прийти переговорить, он сообщил, чем может быть полезен для них змей.



Несколько раз в темные ночи Бриан, Донифан и Моко объезжали в ялике Семейное озеро.

Несколько раз в темные ночи Бриан, Донифан и Моко объезжали в ялике Семейное озеро.

— Полезен? — переспросил Уилкокс. — Что ты хочешь этим сказать? Тем, что он полетит вверх?

— Очевидно, — ответил Бриан, — он для того и сделан, чтобы его запускать вверх.

— Днем? — спросил Бакстер.

— Нет, Бакстер, днем его увидит Уэльстон, тогда как ночью…

— Но если ты повесишь фонарь, он с тем же успехом привлечет его внимание!

— Я и фонаря не повешу.

— Так на что же он тогда? — спросил Гордон.

— Чтобы иметь возможность рассмотреть, здесь ли еще люди с «Северна».

И Бриан, немного взволнованный тем, что его проект могут принять недоброжелательно, изложил его в нескольких словах.

Товарищи выслушали внимательно, один Гордон сомневался в серьезности плана Бриана, другие же, казалось, охотно одобрили его. Действительно, мальчики так привыкли теперь к опасностям, что подобный ночной полет, совершенный при таких условиях, казался им вполне возможным. Они готовы были предпринять все, что угодно, чтобы только вернуть свое прежнее

спокойное житье.

— Однако, — заметил Донифан, — для нашего змея вес одного из нас не будет ли слишком тяжел?

— Очевидно, — ответил Бриан, — надо будет увеличить змея и сделать его прочнее.

— Остается узнать, мог ли бы змей устоять…

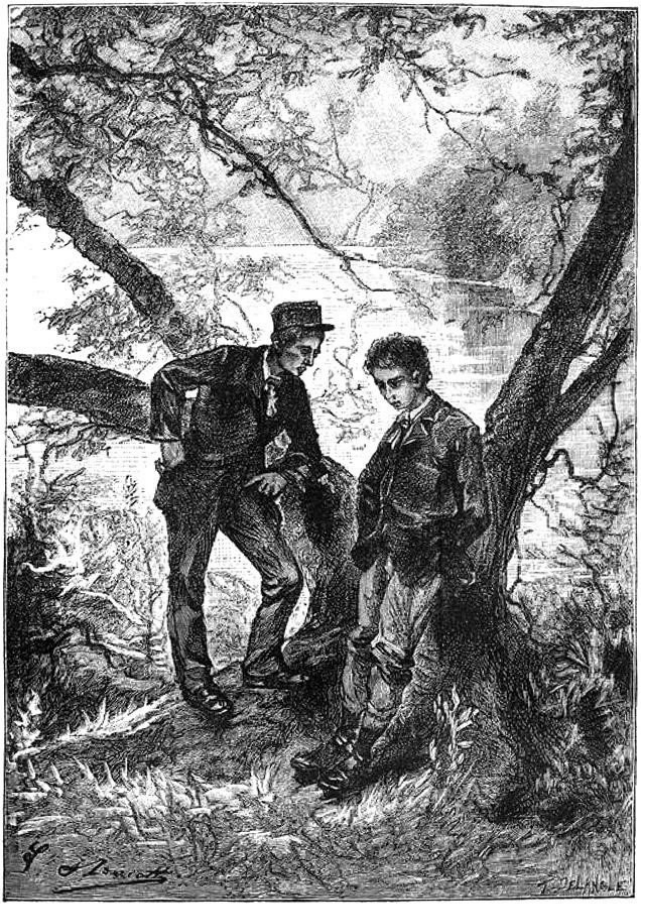
— В этом нет сомнения! — подтвердил Бакстер.

— Прежде всего, это уже было испробовано, — прибавил Бриан.

И он рассказал случай с женщиной, которая несколько лет тому назад с успехом поднялась на змее.

— Все зависит, — прибавил он, — от размеров змея и силы ветра при поднятии.

— На какую высоту, по-твоему, следовало бы подняться? — спросил Бриан Бакстера.



Твой выбор уже сделан, Бриан?

Твой выбор уже сделан, Бриан?

— Я полагаю, что, поднявшись на шестьсот — семьсот футов, — ответил Бакстер, — можно увидеть огонь, разведенный в какой угодно части острова.

— Итак, надо приступить к делу как можно скорее! — воскликнул Сервис. — Мне надоело не иметь возможности идти куда хочешь.

— А мы не можем посещать наши западни! — прибавил Уилкокс.

— А я не смею ни разу выстрелить! — дополнил Донифан.

— Значит, до завтра! — сказал Бриан.

Оставшись наедине с Брианом, Гордон спросил:

— Скажи мне, ты серьезно думаешь об этом предприятии?

— Я хочу, по крайней мере, попробовать, Гордон!

— Это опасное предприятие.

— Может быть, менее опасное, чем ты думаешь.

— А кто же из нас согласится рискнуть жизнью для этой попытки?

— Ты во всем первый, Гордон, — ответил Бриан, — ты сам, если судьба на тебя укажет.

— Ты, значит, во всем полагаешься на судьбу, Бриан?

— Нет, Гордон! Надо, чтобы кто-нибудь добровольно пожертвовал собой.

— Твой выбор уже сделан, Бриан?..

— Может быть!

И Бриан пожал руку Гордону.

Глава девятая

Первая проба. – Увеличение змея. – Вторая проба. – Отсрочка до другого дня. – Предложение Бриана. – Предложение Жака. – Признание. – Мысль Бриана. – В воздушном пространстве среди ночи. – Что было видно сверху. – Ветер посвежел. – Развязка.

Пятого ноября утром Бриан и Бакстер принялись за работу. Увеличив змея, надо было узнать, какой груз он может поднять. Этого нельзя было научно вычислить, но можно определить практически, привесив груз, который бы не превышал ста тридцати фунтов.

Для первой пробы не нужно было ожидать

наступления ночи: в это время дул юго-западный ветер, и Бриан нашел удобным им воспользоваться, чтобы поднять змея на большую высоту.

Опыт удался; змей при обыкновенном ветре поднимал мешок в двадцать фунтов. Вес точно узнали с помощью гири, взятой со «Слау». Змея снова притянули к земле и положили на площадку. Прежде всего Бакстер укрепил его оправу с помощью веревок, прикрепленных к центральному узлу, подобно пружинам у зонтика. Затем увеличил размер змея. При всем этом Кэт помогала Бриану и была очень полезна; так как в иголках и нитках не было недостатка, то она приняла на себя все работы по шитью. Если бы Бриан и Бакстер лучше бы знали механику при устройстве змея, они обратили бы внимание на вес, на поверхность, центр тяжести, центр давления ветра и, наконец, на место, куда привязать веревку. Затем они бы высчитали силу подъема змея и высоту, до которой он мог подняться. Они также могли бы вычислить, какая нужна сила веревки для сопротивления давлению, — одно из самых важных условий, чтобы обеспечить безопасность наблюдателя.

К счастью, тонкая веревка, взятая со шлюпки, по крайней мере в две тысячи футов длиной,

прекрасно подошла. К тому же при очень свежем ветре змей тянет умеренно, когда точно найдено, куда привесить баланс. Надо было с точностью проверить эту точку крепления, потому что от нее зависит наклон змея и его устойчивость.

К большому недовольству Доля и Костара, хвост отвязали: поднимаемый груз заменил его назначение.

После нескольких попыток Бриан и Бакстер заметили, что груз следовало привязать к третьей части рамы, укрепив его к одной из перекладин, на которой была натянута парусина. Две веревки, закрепленные у этой перекладины, поддерживали груз так, что он свешивался на двадцать футов.

Веревку приготовили длиной около тысяча двухсот футов, но так как часть веревки пошла на узлы, то змей мог подняться только на семьсот или восемьсот футов. Наконец, чтобы как-нибудь оградить от опасности падения в случае, если оборвется веревка или сломается рама, было решено, что поднимутся над озером. Так что хороший пловец, если и произойдет падение, может доплыть до берега. Когда аппарат был закончен, он представлял поверхность в семьдесят квадратных метров, восьмиугольной формы, радиус

равнялся почти пятнадцати футам, а каждая из сторон около четырех. При прочной оправе и плотном полотне змей свободно должен поднять груз от ста до ста двадцати фунтов.

Вместо корзинки, в которой должен был сидеть один из мальчиков, взяли бак, бывший на яхте. Он был достаточно глубок для того, чтобы мальчик среднего роста мог там поместиться и свободно двигаться, и настолько открыт, что в случае надобности из него можно было быстро выкарабкаться.

Конечно, эта работа не могла быть выполнена в один или два дня. Начатая 5-го утром, она была окончена 7-го днем. Испытание отложили до вечера, чтобы узнать силу подъема змея и его устойчивость в воздухе.

За последние дни ничего нового не произошло. Много раз то одни, то другие мальчики подолгу оставались на утесе, наблюдая, но ничего подозрительного они не видели ни к северу между лесом и гротом, ни к югу за рекой, ни к западу со стороны бухты, ни на Семейном озере, которое Уэльстон захотел бы посетить до отъезда. Кругом была полная тишина.

Могли ли Бриан и его товарищи надеяться, что злодеи окончательно покинули остров Черман и

они могут вернуться к своей прежней жизни?

Первый полет решит этот вопрос.

Теперь оставалось решить, каким образом находящийся в баке даст знать, чтобы его притянули к земле.

Вот что сказал Бриан, когда Донифан и Гордон спросили об этом.

— Сигнал фонарем немыслим, — ответил Бриан, — так как его может заметить Уэльстон. Но вот Бакстер и я пришли к следующему решению. Бечевка, по длине равная веревке змея, предварительно продетая через просверленную пулю, одним концом будет привязана к баку, тогда как другой останется в руках одного из мальчиков. Достаточно будет спустить пулю по бечевке и этим дать сигнал притянуть змея.

— Прекрасно придумано! — ответил Донифан.

Все обдумав, оставалось только приступить к предварительному опыту. Луна должна была взойти около двух часов ночи, приятный ветерок дул с юго-запада. Условия казались исключительно благоприятными, чтобы произвести пробу сегодня же вечером. В девять часов вечера было совершенно темно. Несколько густых облаков покрывали беззвездное небо. На той высоте, на которую поднимется аппарат, его уже нельзя

будет заметить в окрестностях грота.

Как большие, так и маленькие должны были присутствовать при этом опыте, и все следили с большим удовольствием за тем, что происходило.

Роуленс был помещен в середине спортивной площадки и для противодействия змею прочно прикреплен к земле. Длинная веревка, старательно уложенная кольцами, могла без труда разворачиваться одновременно с сигнальной. В бак Бриан положил мешок с землей, весивший сто тридцать фунтов, — груз, превышавший тяжесть любого из его товарищей.

Донифан, Бакстер, Уилкокс и Феб встали у змея, лежащего на земле, в ста шагах от роуленса. По команде Бриана они должны были расправлять его мало-помалу посредством канатов, привязанных к поперечникам рамы. Как только змей под влиянием ветра примет наклон, зависящий от положения баланса, Бриан, Гордон, Сервис, Кросс и Гарнетт, стоящие у роуленса, будут выпускать веревку по мере того, как змей станет подниматься кверху.

— Внимание! — закричал Бриан.

— Мы готовы! — ответил Донифан.

— Начинайте!

Змей стал тихо подниматься, содрогаясь и наклоняясь от ветра.

— Давайте, давайте! — закричал Уилкокс.

Тотчас же роуленс стал разматываться, тогда как змей медленно поднимался в воздух.

Хотя это было и неосторожно, но раздалось громкое «ура», как только «воздушный исполин» поднялся с земли. Но почти тотчас же он исчез в темноте, к невыразимому разочарованию Айверсона, Дженкинса, Доля и Костара, которые хотели не терять его из виду в то время, как он качался бы над Семейным озером. Это заставило Кэт сказать им:

— Не приходите в отчаянье, мальчики! В другой раз, когда не будет никакой опасности, его пустят днем, и вам позволят играть в почту, если вы будете хорошо себя вести.

Хотя змея не было видно, но чувствовалось, что он тянул равномерно; доказательство, что ветер дул правильно и давление уменьшилось, потому что баланс был на месте. Бриан, желая, чтобы опыт был вполне убедителен, насколько позволяли обстоятельства, дал веревке развернуться до конца. Он мог тогда определить степень напряжения. Змей в течение десяти минут поднялся на семьсот или восемьсот футов.

Опыт удался, начали наматывать веревку; на это ушло гораздо больше времени. Чтобы намотать тысячу двести футов каната, пришлось употребить около часа.

Так как ветер был постоянный, то приземление прошло успешно. Скоро змей появился в темноте и тихо упал на землю, почти на то же место, с которого поднялся.

Крики радости приветствовали его возвращение.

Оставалось только удержать змея на земле, чтобы его не подхватил ветер.

Поэтому Бакстер и Уилкокс предложили наблюдать за ним до восхода солнца.

На другой день, 8 ноября, в тот же час произведут окончательный опыт.

Бриан, казалось, был глубоко погружен в свои размышления.

О чем же он думал? Об опасностях ли, которые могли быть при полете, или же об ответственности, которую он примет на себя, позволив одному из своих товарищей подняться?

— Пойдем, — сказал Гордон. — Поздно…

— Подожди, — ответил Бриан. — Гордон, Донифан, подождите! Я хочу поговорить с вами.

— Говори, — ответил Донифан.

— Первый опыт нам удался, потому что обстоятельства благоприятствовали, ветер был правильный, не слишком слабый, не слишком сильный. Но мы не знаем, какая погода будет завтра и позволит ли ветер удержаться аппарату над озером. Не разумнее ли будет не откладывать полета?

Действительно, ничего не могло быть разумнее, как тотчас же решиться попробовать.

Однако никто не ответил на это предложение. Колебание было вполне естественно даже со стороны самых бесстрашных.

Тогда Бриан спросил:

— Кто хочет подняться?

— Я! — быстро сказал Жак.

И почти тотчас же:

— Я! — воскликнули Донифан, Бакстер, Уилкокс, Кросс и Сервис.

Потом водворилось молчание, которое Бриан не спешил нарушить.

Тогда Жак заговорил первым:

— Брат, я должен!.. Да… я!.. Я тебя прошу! Позволь мне подняться!

— А почему же именно ты, а не кто другой? — спросил Донифан.

— Да!.. Почему? — спросил Бакстер.

— Потому что я должен! — отвечал Жак.

— Ты должен? — спросил Гордон.

— Да!

Гордон схватил за руку Бриана, как бы желая этим спросить его согласия на то, что Жак хотел рассказать, и почувствовал, как задрожала его рука. И если бы ночь не была так темна, он увидел бы, что щеки его друга побледнели и на глазах выступили слезы.

— Ну что же, брат? — сказал решительно Жак, что было удивительно для ребенка его лет.

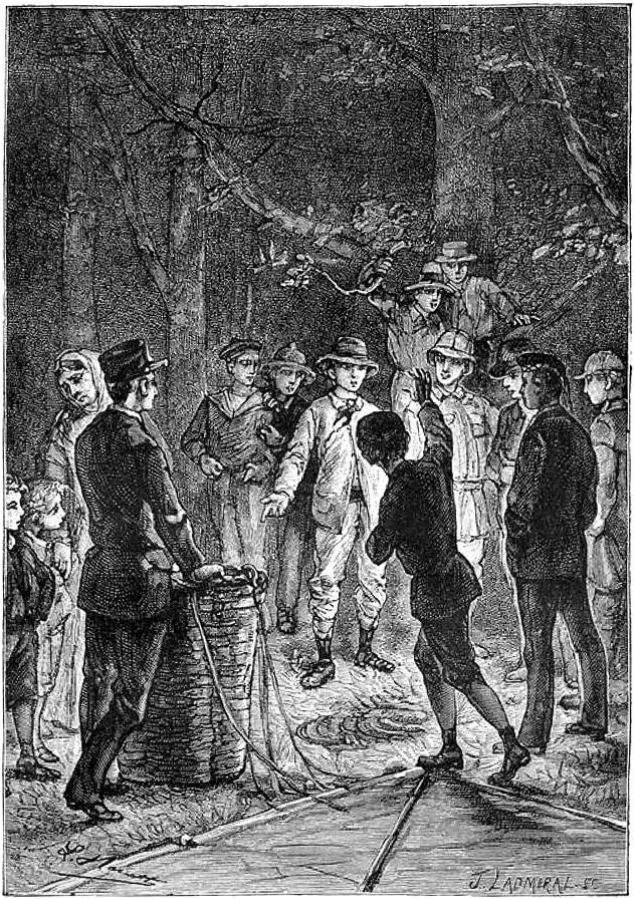
— Отвечай же, Бриан! — сказал Донифан. — Жак сказал, что он имеет право пожертвовать собой!.. Но разве это право не принадлежит столько же нам, как и ему? Что он сделал, чтобы предъявлять его?

— Что я сделал, — ответил Жак, — что я сделал… я вам скажу!

— Жак! — воскликнул Бриан, желавший остановить брата.

— Нет, — ответил Жак голосом, прерывающимся от волнения. — Дайте мне признаться. Это меня слишком тяготит!.. Гордон, Донифан, если вы здесь все вдали от ваших родителей, на этом острове, то я единственная причина всего этого!.. Яхту унесло в открытое море по моей вине: я от-

вязал канат, которым она была пришвартована к оклендскому причалу! Я хотел пошутить, а потом, когда увидел отчалившую яхту, потерял голову! Я не позвал на помощь, хотя еще было возможно!.. И только час спустя, среди ночи в открытом море!.. Простите… простите меня!..



Позволь мне подняться!

Позволь мне подняться!

И бедный мальчик рыдал, несмотря на усилия Кэт, которая тщетно старалась утешить его.

— Хорошо, Жак, — сказал тогда Бриан. — Ты признался в своей вине, и теперь ты хочешь рисковать жизнью, чтобы загладить или по крайней мере искупить часть причиненного тобой зла.

— Да разве он ее уже не искупил! — воскликнул Донифан, поддаваясь своему врожденному великодушию. — Разве он не подвергал себя опасности, раз двадцать оказывая нам услуги!.. Бриан, теперь я понимаю, почему ты выставлял своего брата, когда приходилось подвергаться опасности, и почему он всегда готов был жертвовать собой… Вот почему он бросился на поиски за Кроссом и мной среди тумана, жертвуя своей жизнью! Мой друг Жак, мы тебя охотно прощаем, и тебе нечего искупать своей вины!

Все окружили Жака, брали его за руки, а он все еще продолжал рыдать. Теперь стало ясно, почему этот ребенок, самый веселый из всего пансиона Черман, а также и самый шаловливый, сделался таким печальным и постоянно держался в стороне! А также почему его брат всегда позволял ему жертвовать собой при всяком опасном случае. Ему казалось, что он еще не искупил

своей вины, ему хотелось пожертвовать собой для других. Успокоившись, он сказал:

— Вы видите, что я один имею право подняться! Не правда ли, брат?..

— Хорошо, Жак, хорошо! — повторял Бриан, заключив брата в объятия!

Ни Донифану, ни товарищам не удалось отговорить его, он твердо стоял на своем.

Жак пожал руки своим товарищам, прежде чем сесть в бак, из которого вынули мешок с песком, и, обратясь к Бриану, который неподвижно стоял в нескольких шагах от роуленса, сказал:

— Дай я тебя поцелую, брат!

— Да! Поцелуй меня, — ответил Бриан, подавляя волнение. — Или, скорее, это я тебя поцелую, потому что я поднимусь!

— Ты?! — воскликнул Жак.

— Ты?.. Ты?.. — повторяли Донифан и Сервис.

— Да… я… Все равно, будет ли вина Жака искуплена им самим или его братом. К тому же, так как идея этой попытки принадлежит мне, неужели вы могли думать, что я позволю свой план кому-нибудь другому привести в исполнение?..

— Брат, — закричал Жак, — я прошу тебя!

— Нет, Жак.

— Тогда, — сказал Донифан, — я предъявляю

свое право.

— Нет, Донифан! — ответил Бриан тоном, не допускавшим возражения. — Это я поднимусь. Я так хочу.

— Я тебя понял, Бриан! — сказал Гордон, пожимая руку своему товарищу.

С этими словами Бриан влез в бак и, усевшись как следует, отдал приказание выпрямить змея.

Змей, наклонившись по ветру, сначала тихо поднимался. Бакстер, Уилкокс, Кросс и Сервис, поставленные у роуленса, отматывали веревку, в то время как Гарнетт, держащий сигнальную веревку, пропускал ее между пальцами.

Через десять секунд «воздушный исполин» скрылся в темноте, но не при громких криках «ура», сопровождавших пробный полет, а среди глубокой тишины.

Между тем змей медленно поднимался. Он едва покачивался из стороны в сторону. Бриан не чувствовал больше колебаний. Он стоял неподвижно, держась за веревки бака.

Какое странное чувство испытывал Бриан, когда поднялся в воздух. Ему казалось, что его подхватила какая-то призрачная хищная птица или, скорее, огромная летучая мышь. Но благодаря энергии своего характера он мог сохранить

необходимое для него хладнокровие.

Десять минут спустя подъем закончился. Значит, он был на высоте семисот футов по вертикальной линии. Бриан, вполне владея собой, протянул сначала продетую в пулю веревку, потом стал наблюдать пространство. Одной рукой он держал веревку, а другой подзорную трубу.

Внизу была глубокая темнота. Озеро, леса, утес образовали неясную массу, в которой нельзя было рассмотреть никакой подробности.

Что касается окружности острова, она обрывалась у моря, которое ее ограничивало, и Бриан с занимаемого им места мог подробно все осмотреть.

Если бы он поднялся днем и стал смотреть на освещенный горизонт, то он бы заметил другие острова, а может, и материк.

На западе, севере и юге ничего нельзя было заметить, так как небо было туманно, но на востоке, в маленьком уголке неба, на мгновение освободившемся от туч, блеснуло несколько звезд.

Именно в этой стороне довольно сильный свет, отражавшийся в низких завитках облаков, привлек внимание Бриана.

«Это отблеск огня! — сказал он себе. — Может быть, Уэльстон расположился в этом месте?..

Нет… Этот огонь слишком далеко и, наверно, находится за островом!.. Не действующий ли это вулкан и нет ли земли по соседству с островом?»

И он снова вернулся к той мысли, как и во время своей первой экспедиции к бухте Обмана, когда увидел на горизонте беловатое пятно.

— Да, — сказал он, — как раз в этой стороне. А это пятно не было ли отражением ледника?.. Наверно, земля находится очень близко от острова Черман.

Бриан навел трубу на этот отблеск, который в темноте выделялся еще больше. Никакого сомнения в том, что там была какая-нибудь огнедышащая гора по соседству с виденным глетчером, принадлежащим материку, находящемуся в тридцати милях от острова. В эту минуту Бриан заметил новую светлую точку гораздо ближе к нему, в пяти или шести милях, следовательно на поверхности озера, и другой отблеск между деревьями к западу от Семейного озера.

Между тем змей медленно поднимался.

Между тем змей медленно поднимался.

— На этот раз это в лесу, — сказал он себе, — и даже на опушке, на берегу.

Но появившийся свет исчез, и Бриан, несмотря на внимательное наблюдение, больше не видел его.

Сердце у него сильно билось, и рука так дрожала, что он едва мог навести трубу.

Между тем недалеко от устья пылал костер.

Значит, Уэльстон со своей шайкой расположился вблизи маленького порта Медвежьего утеса! Убийцы с «Северна» не покинули острова Черман! Юным поселенцам грозила опасность, и не было больше спокойствия в гроте! Очевидно, Уэльстон не починил лодку и остался на острове — в этом не было никакого сомнения!

Бриан нашел бесполезным продолжать свои наблюдения и приготовился спускаться. Ветер чувствительно свежел. Колебания становились сильнее, и покачивание бака затрудняло спуск. Убедившись, что сигнальная веревка хорошо натянута, Бриан пустил пульку, которая попала через несколько секунд в руку Гарнетта.

Тотчас же веревка роуленса начала притягивать аппарат к земле.

Можно себе представить, с каким напряже-

нием Гордон и другие ожидали сигнала спуска. Какими долгими показались им те двадцать минут, которые Бриан провел в воздухе!

Между тем Донифан, Бакстер, Уилкокс, Сервис и Феб продолжали притягивать змея. Они также заметили, что ветер крепчал и дул с меньшим постоянством, это чувствовалось по толчкам, которые испытывал канат, и они думали о Бриане, который должен был в то же самое время испытывать отражение этих ударов.

Ветер все свежел, и через три четверти часа после данного Брианом сигнала он дул уже со страшной силой.

В это время аппарат должен был находиться еще в ста футах над поверхностью озера.

Бриан бросился в воду.

Бриан бросился в воду.

Вдруг произошло сильное сотрясение. Уилкокс, Донифан, Сервис, Феб и Бакстер, потеряв точку опоры, грохнулись о землю. Веревка змея оборвалась.

И среди криков ужаса двадцать раз повторялось имя:

— Бриан!.. Бриан!..

Несколько минут спустя Бриан был уже на берегу и громко звал товарищей.

— Брат!.. Брат!.. — закричал Жак и первый заключил его в свои объятья.

— Уэльстон на острове! — сказал Бриан товарищам, когда они обступили его.

В момент, когда веревка порвалась, Бриан почувствовал, что его медленно относит к озеру. Когда бак стал погружаться, Бриан бросился в воду, и ему как хорошему пловцу не представило трудности проплыть пятьдесят футов, чтобы достичь берега.

В это время змей, лишенный балласта, исчез по направлению к северо-востоку, уносимый ветром.

Глава десятая

Шлюпка с «Северна». – Болезнь Костара. – Прилет ласточек. – Упадок духа. – Хищные птицы. – Гуанако, убитый пулей. – Курительная трубка. – Более тщательный надзор. – Сильная буря. – Выстрел. – Крик Кэт.

На следующий день после ночи, во время которой Моко сторожил грот, юные поселенцы, утомленные испытанными накануне волнениями, проснулись очень поздно. Встав, Гордон, Донифан, Бриан и Бакстер прошли в гостиную, где Кэт уже работала.

Они стали обсуждать свое положение, которое становилось все тревожнее.

Гордон заметил, что прошло уже более двух недель с тех пор, как Уэльстон с товарищами были выброшены на остров. И если они еще не починили шлюпку, то только потому, что у них не было для этого необходимых инструментов.

По словам Донифана, их лодке не требовалось много починки, и если бы яхта «Слау» была в таком же состоянии, то ее можно было бы починить

и сделать годной для плавания.

Если Уэльстон еще не уехал с острова, то это еще не означало, что он хочет поселиться на острове Черман, потому что он, предпринимая поиски, наверно напал бы на грот.

Кстати, Бриан рассказал о том, что он видел во время одной из своих экскурсий.

— Вы, конечно, не забыли, — сказал он, — что во время нашей экспедиции к устью Восточной реки я заметил беловатое пятно немного выше над горизонтом, присутствие которого я не умел объяснить.

— Однако Уилкокс и я, мы ничего подобного не нашли, — заметил Донифан, — хотя и старались отыскать это пятно…

— Моко его так же ясно видел, как и я, — ответил Бриан.

— Хорошо! Может быть! — возразил Донифан. — Но почему ты думаешь, что мы находимся поблизости от континента или от группы островов?

— Вчера, в то время как я наблюдал горизонт в этом направлении, я ясно видел свет, который можно было принять за огнедышащий вулкан. Я заключил, что по соседству с этими местами существует земля. Об этом не могут не знать

матросы с «Северна», и они постараются туда переправиться.

— В этом нечего сомневаться! — ответил Бакстер. — Что они выиграют, оставаясь здесь? Они потому еще здесь, что не починили шлюпки!

То, что сообщил Бриан своим товарищам, было чрезвычайно важно. Это было доказательством, что остров Черман не стоял одиноко, как они думали, в этой части Тихого океана.

Положение осложнилось главным образом после того, как они узнали, что Уэльстон находится в окрестностях устья Восточной реки.

Покинув берега Северна, он приблизился на десять миль; чтобы подойти к гроту, ему осталось только подняться по Восточной реке и обогнуть озеро с юга.

Бриан должен был принять меры к охране грота. С этих пор экскурсии предпринимались только в случае необходимости, причем запрещалось переходить на левый берег реки. В то же самое время Бакстер старался закрыть забор ограды кустарниками и травой, так же как и оба входа в зал и в кладовую.

Было строго запрещено показываться в той части острова, которая находилась между озером и холмом Окленда.

К этому прибавилось другое беспокойство. Костар заболел лихорадкой, и его жизнь была в опасности. Гордон прибегнул к аптечке, взятой с яхты, хотя и боялся ошибиться! К счастью, с ним была Кэт, которая отнеслась к Костару как к своему сыну. Она ухаживала за ним с благоразумной любовью, свойственной женщине, и была при нем и день и ночь. Благодаря ее самоотвержению лихорадка перестала усиливаться, и Костар стал скоро поправляться. Трудно было сказать, угрожала ли Костару опасность смерти? Но за отсутствием правильного лечения лихорадка изнурила бы больного, если бы не Кэт. Это добродушное существо относилось к детям с материнской нежностью и лаской.

Она часто повторяла, что ее призвание — шить, вязать и стряпать. Кэт главным образом заботилась о белье мальчиков. К ее большому огорчению, оно было сильно изношено, прослужив уже около двадцати месяцев! Чем его заменить, если оно откажется служить? И обувь, хотя ее и берегли, насколько возможно, и ходили больше босиком, если позволяла погода, была уже в плачевном виде! Все это сильно беспокоило предусмотрительную хозяйку.

В первой половине ноября шли продолжитель-

ные проливные дожди, но с 17 ноября барометр остановился на «ясно» и наступила жара. Деревья, кустарники и все растения скоро зазеленели, и луга покрылись цветами. Перелетные птицы снова появились в южных болотах. Донифану было досадно, что он лишен возможности охотиться по болотам. Уилкоксу тоже было неприятно, что он не имеет возможности расставлять западни из боязни, что они могут быть замечены с нижних берегов Семейного озера.

Птиц было много не только в этой части острова, но и около грота, где их много попадало в силки.

Однажды между ними Уилкокс отыскал одну из ласточек, которые на зиму улетали в северные страны. У нее под крылом был маленький мешочек. Может быть, в мешочке была записочка для мальчиков?

Увы, нет! Вестница явилась без ответа.

В эти долгие праздные дни большую часть времени проводили в зале.

Бакстер, в обязанности которого входило вести дневник, не мог записать ни одного случая, ни одного происшествия. А между тем через четыре месяца наступит третья зима, которую юные колонисты проведут на острове Черман!

Самые энергичные мальчики стали падать духом, за исключением Гордона, который был поглощен делами по управлению колонией. Сам Бриан чувствовал себя иногда удрученным, но старался не показать этого никому. Он пробовал заглушить это тяжелое чувство, побуждая своих товарищей продолжать занятия, вести духовные беседы и чтения вслух. Он беспрестанно наводил их на воспоминание о родине, об их семьях, утверждая, что в один прекрасный день они их снова увидят. Наконец, он пытался подбодрить их, но этого ему достичь не удалось, и он больше всего боялся самому впасть в отчаяние.

Ничего нельзя было поделать. Впрочем, вскоре чрезвычайно важные события принудили их постоять за себя.

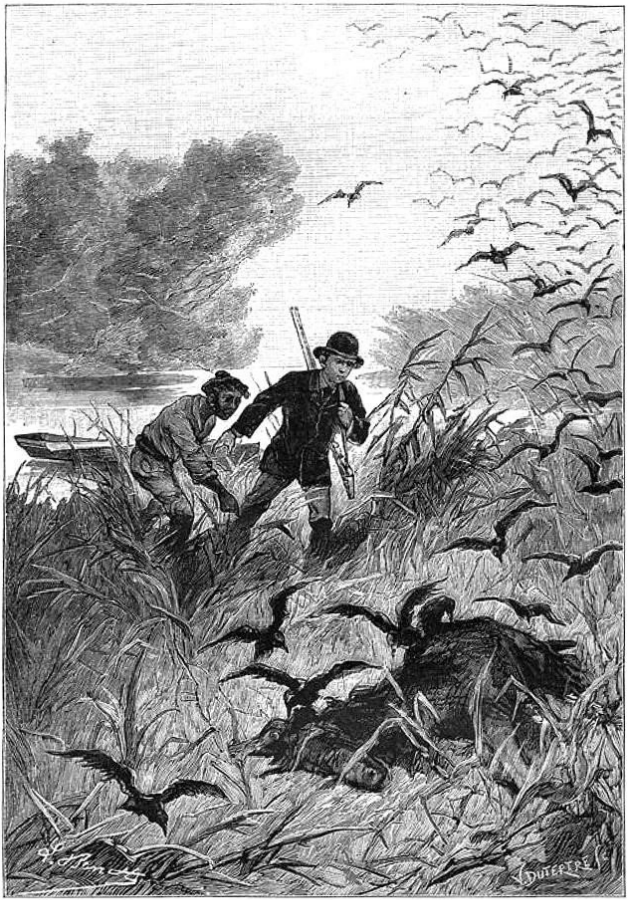
Двадцать первого ноября около двух часов пополудни Донифан ловил рыбу на берегах Семейного озера, как вдруг его внимание было привлечено резкими криками птиц, летавших над левым берегом реки. Они были очень похожи на ворон, и по прожорливости и крикливости их можно было отнести к этому семейству.

Донифан не обратил бы особенного внимания на эту крикливую стаю, но их полет удивил его. Действительно, птицы описывали широкие

круги, которые все суживались по мере приближения к земле, и, тесно сплотившись, бросились вниз; при этом крики их усилились. Донифан хотел рассмотреть их, но они исчезли в высокой траве. Тогда ему пришло в голову, что в этом месте должен быть остов какого-нибудь животного. Желая узнать, что это было, он вернулся в грот и попросил Моко перевезти его к другому берегу Зеландской реки на ялике. Они отчалили и через десять минут уже пробирались сквозь густую траву крутого берега.

Тотчас же птицы разлетелись с криком, как бы выражая протест тем, кто осмелился нарушить их угощение.

В этом месте лежал молодой гуанако, убитый несколько часов тому назад и еще теплый. Донифан и Моко не хотели воспользоваться им, но их заинтересовало, почему гуанако пал здесь, вдали от восточных лесов, зная, что они обыкновенно не выходят из леса.



В этом месте лежал молодой гуанако.

В этом месте лежал молодой гуанако.

Донифан осмотрел животное. У него была еще свежая рана.

— Несомненно, что в этого гуанако стреляли! — заметил Донифан.

— Вот доказательство! — ответил юнга, который, разрезав рану ножом, вынул пулю. Этой пулей было заряжено не охотничье ружье, а матросское. Следовательно, стрелял Уэльстон или кто-нибудь из его товарищей.

Донифан и Моко, оставив гуанако птицам, вернулись в грот и рассказали об этом своим товарищам.

Очевидно, гуанако был убит одним из матросов «Северна», потому что ни Донифан и никто другой не стреляли уже больше месяца. Особенно было важно узнать, в какое время и в каком месте произошло это. Обсудив все предположения, решили, что это было всего пять или шесть часов тому назад, — время, необходимое для перехода от дюн к реке.

Отсюда сделали заключение, что утром один из матросов Уэльстона охотился в южной части Семейного озера и что шайка, переплыв Восточную реку, мало-помалу приближалась к гроту.

Таким образом, положение ухудшалось, и опас-

ность могла быть неизбежной. На юге острова простиралась обширная равнина, пересекаемая ручьями, испещренная прудами и покрытая дюнами, где дичи не могло хватить на ежедневное пропитание шайки. Уэльстон, вероятно, не решался перейти дюны, так как не было слышно ни одного подозрительного выстрела; можно было надеяться, что местонахождение грота не было еще известно.

Однако надо было усилить меры предосторожности. Нападение можно было отразить только в том случае, если мальчики не будут застигнуты врасплох около грота.

Через три дня подтвердилось, что опасность надвигается. 24 ноября около девяти часов утра Бриан и Гордон отправились на берег Зеландской реки, чтобы посмотреть, нельзя ли устроить нечто вроде прикрывающей насыпи на узкой тропинке между озером и болотом. За этой насыпью Донифану с лучшими стрелками будет легко засесть, когда появится Уэльстон.

Оба мальчика находились в трехстах шагах от реки, как вдруг Бриан наступил на что-то и раздавил. Он не обратил на это никакого внимания, думая, что это была одна из бесчисленных раковин, валявшихся после сильных приливов,

заливающих южные болота. Но Гордон, шедший позади, остановился и сказал:

— Подожди, Бриан, подожди же.

— Что там такое?

Гордон наклонился и поднял раздавленную вещь.

— Посмотри, — сказал он.

— Это не раковина, — ответил Бриан. — Это!.. это трубка.

Действительно, Гордон держал в руке черноватую трубку, чубук которой был отломан.

— Так как никто из нас не курит, — сказал Гордон, — то эта трубка потеряна…

— Одним из шайки, — добавил Бриан, — если только она не принадлежала Бодуэну.

Она не могла принадлежать Франсуа Бодуэну, умершему уже более двадцати лет тому назад, так как видно было, что она недавно сломана, и в ней еще сохранился табак. Значит, несколько дней тому назад, а может быть и часов, один из товарищей Уэльстона, а может быть и он сам, подходил к этому берегу Семейного озера.

Гордон и Бриан сейчас же вернулись в грот. Кэт, которой Бриан показал обломок трубки, подтвердила, что видела ее в руках Уэльстона.

Не было никакого сомнения, что злодеи обо-

гнули крайнюю оконечность озера. Может быть, ночью они даже доходили до берега Зеландской реки. Если они заметят грот и Уэльстон узнает о составе маленькой колонии, то он догадается, что у детей есть орудия, инструменты, запасы, провизия — все то, чего нет у них, и семи мужчинам легко справиться с четырнадцатью мальчиками и забрать у них все, что нужно.

Во всяком случае, очевидно было то, что шайка приближалась к гроту. Ввиду этой опасности Бриан с согласия своих товарищей решил организовать еще более деятельный надзор.

Днем наблюдательный пост был устроен бессменно на вершине холма Окленда, чтобы о всяком подозрительном приближении, будет ли оно со стороны болот или со стороны озера, можно было немедленно дать сигнал. Ночью двое из старших мальчиков сторожили у входа в зал и кладовую, чтобы слышать каждый шум вне грота. Обе двери были укреплены, и в одно мгновение они могли быть завалены громадными камнями. В узких окнах, проломанных в стенах, стояли две маленькие пушки, одна могла защищать со стороны Зеландской реки, а другая со стороны Семейного озера. Кроме того, ружья и револьверы были наготове, чтобы стрелять при

малейшей тревоге.

Кэт, конечно, одобряла все эти меры. Эта энергичная женщина остерегалась в чем-либо проявить свое беспокойство, когда она думала о предстоящей неравной борьбе с матросами с «Северна». Плохо вооруженные, они стали бы действовать хитростью. Этим мальчикам немыслимо было одержать победу, партия была слишком неравная! Она жалела, что с ними не было храброго Ивенса. Может быть, он бы мог лучше организовать защиту и отразить нападение Уэльстона.

К несчастью, Ивенс был у злодеев под надзором, и, может быть, они уже от него избавились как от опасного свидетеля, в котором они более не нуждались для переезда в шлюпке на соседние земли.

Таковы были размышления Кэт. Она боялась не за себя, а за детей, о которых беспрестанно заботилась; этот страх разделял с ней Моко, который не уступал ей в самоотверженности.

Наступило 27 ноября. Уже два дня стояла удушливая жара. Мрачные тучи медленно ползли над островом, и отдаленные раскаты предвещали бурю; то же самое показывал штормовой указатель.

Гордон держал в руке черноватую трубку, чубук которой был отломан.

Гордон держал в руке черноватую трубку, чубук которой был отломан.

В этот вечер Бриан с товарищами вошел раньше обыкновения в зал, втащив ялик в кладовую. Потом, заперев крепко двери, все отправились на покой после общей молитвы, вспоминая о своих семьях, которые были так далеко.

Около десяти часов буря была в полном разгаре. Зал освещался яркой молнией, проникавшей через бойницы, раздавались беспрестанные удары грома; казалось, что холм Окленда дрожал от грохота. Это было одно из тех ужасных воздушных явлений без дождя и ветра, когда неподвижные тучи разражаются в одном месте всем накопившимся в них электричеством, и часто подобная гроза длится всю ночь.

Костар, Доль, Айверсон и Дженкинс, свернувшись в своих постельках, вздрагивали при этих страшных раскатах. А между тем грозы нечего было бояться в этой недоступной пещере. Молния не могла разрушить плотных стен грота. Время от времени Бриан, Донифан и Бакстер вставали, приоткрывали дверь и тотчас же возвращались, ослепленные яркой молнией. Все пространство было залито огнем, и по озеру, в котором отражались зарницы, как бы катилась огненная масса.

Незадолго до полуночи, казалось, наступило затишье. Промежутки между раскатами становились продолжительнее, и сами раскаты мало-помалу ослабевали. Поднялся ветер и разогнал тучи, нависшие над землей; дождь полил ручьями.

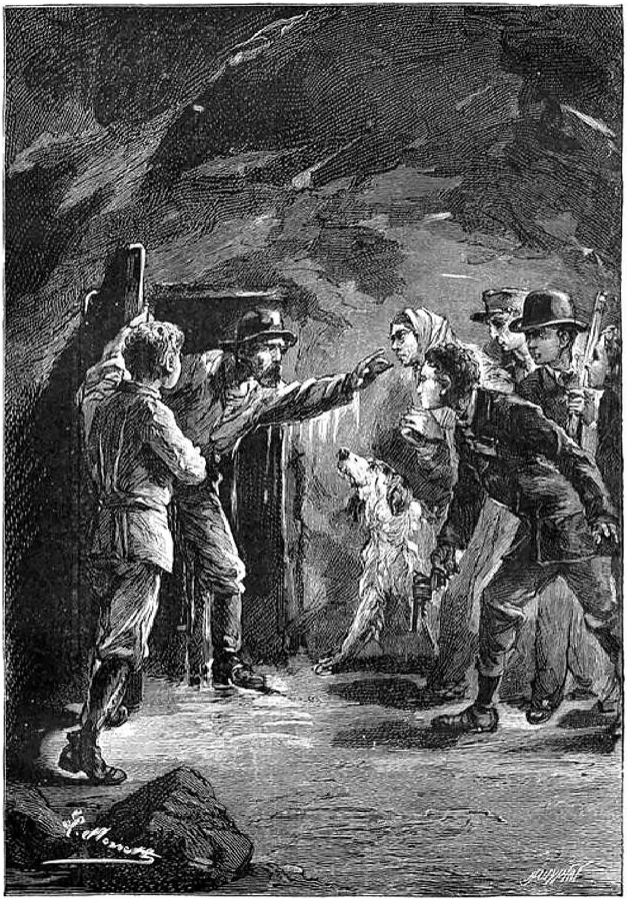
Маленькие начали успокаиваться. Две или три головки, спрятавшиеся под одеялом, выглянули, хотя уже всем было давно пора спать. Вдруг Фанн начал почему-то волноваться. Он вставал на задние лапы и бросался к двери, глухо ворча.

— Не почуял ли Фанн что-нибудь? — спросил Донифан, стараясь успокоить собаку.

— Это не первый раз, — заметил Бакстер, — и всегда его волнения оправдывались.

— Надо узнать, что это значит! — прибавил Гордон.

— Хорошо, — сказал Бриан, — но только пусть никто не выходит, надо приготовиться к защите!



Это был Ивенс, штурман «Северна».

Это был Ивенс, штурман «Северна».

Все взяли по ружью и револьверу. Донифан подошел к двери зала, а Моко к двери гостиной. Они прислушивались, но все было тихо, хотя Фанн продолжал волноваться. Он начал так сильно лаять, что Гордон не мог его успокоить. Это было очень неприятно, так как лай Фанна можно было слышать на берегу.

Вдруг раздался треск, который нельзя было принять за удар грома. Это был выстрел, по крайней мере в двухстах шагах от грота.

Все встали в оборонительное положение. Донифан, Бакстер, Кросс с ружьями стояли у обеих дверей и были готовы стрелять во всякого, кто попытается напасть на них. Другие приготовились защищаться камнями, когда снаружи раздался голос:

— Ко мне… ко мне.

Какому-то человеку угрожала опасность смерти, вне всякого сомнения, и он взывал о помощи.

— Ко мне! — повторил голос, и на этот раз всего в нескольких шагах от грота.

Кэт слушала у дверей.

— Это он! — воскликнула она.

— Он? — повторил Бриан.

— Откройте… откройте! — повторяла Кэт.

Открыли дверь, и человек, с которого вода текла ручьями, бросился в зал.

Это был Ивенс, штурман «Северна».

Глава одиннадцатая

Кэт и штурман. – Рассказ Ивенса. – После гибели шлюпки. – Уэльстон в гавани Медвежьего Утеса. – Змей. – Френ-ден открыт. – Бегство Ивенса. – Переправа через залив. – Проекты. – Предложение Гордона. – Восточные земли. – Остров Черман. – Ганновер.

Первое время Гордон, Бриан и Донифан оставались неподвижны при неожиданном появлении Ивенса. Потом инстинктивно бросились к штурману как к своему спасителю.

Это был человек лет двадцати пяти — тридцати, широкоплечий, крепкого сложения, с живым взглядом, открытым лбом, интеллигентным и симпатичным лицом, твердой и решительной походкой. Войдя в пещеру, он захлопнул дверь и приложил к ней ухо. Ничего не было слышно снаружи, он прошел на середину зала и, осмотрев

при свете висевшего на своде фонаря всех окружающих его, прошептал:

— Да, дети! Только дети…

Вдруг его взгляд оживился, лицо осветилось радостью, и он протянул руки.

Навстречу ему шла Кэт.

— Кэт! — воскликнул он. — Кэт жива!

И он схватил ее за руки, как бы желая убедиться, что это не были руки мертвеца.

— Да, жива, как и вы, Ивенс, — ответила Кэт. — Бог спас меня, как спас и вас, посылая на помощь этим детям!

Штурман взглядом сосчитал мальчиков, собравшихся вокруг стола.

— Пятнадцать, — сказал он, — и только пять или шесть могут защищаться! Ну ничего.

— Есть опасность, что на нас нападут, мистер Ивенс? — спросил Бриан.

— Нет, мой милый, по крайней мере не в данную минуту, — ответил Ивенс.

Всем хотелось узнать историю штурмана, и особенно с тех пор, как лодка была выброшена на берега Северна. Ни большие, ни маленькие не могли лечь спать, не услышав такого важного для них рассказа. Но прежде всего надо было, чтобы Ивенс снял промокшее платье и подкрепился

пищей. С его платья вода текла ручьями, потому что ему пришлось вплавь перебраться через Зеландскую реку. Он изнемогал от усталости и голода, так как не ел двенадцать часов и с утра ни минуты не отдохнул.

Бриан тотчас же провел его в кладовую, где Гордон предоставил в его распоряжение платье матроса. После чего Моко подал ему холодную дичь, сухари, несколько чашек горячего чая и большой стакан коньяку.

Четверть часа спустя Ивенс рассказывал о приключениях, происшедших с матросами «Северна» с тех пор, как их выбросило на остров.

— За несколько минут до того, как шлюпка подошла к берегу, — сказал он, — пятеро мужчин, считая меня, были выброшены на подводные скалы. Никто из нас не разбился, в то время как судно село на мель.

Мы добрались невредимы, кроме Форбса и Пайка. Мы не знали, унесло ли их волной или они спаслись, когда шлюпка достигла берега. Что касается Кэт, я думал, что она погибла, и не надеялся ее больше увидеть.

Говоря это, Ивенс не старался больше скрывать своего волнения и радости при виде храброй женщины, спасшейся вместе с ним от резни на

«Северне». Прежде они оба находились во власти этих злодеев, теперь же они были свободны, но им грозило новое нападение.

Ивенс продолжал:

— Достигнув берега, нам нужно было отыскать шлюпку. Она пристала около семи часов вечера, а было около полуночи, когда мы нашли лодку опрокинутой на песке. Мы пошли вдоль берега.

— Вдоль Севернского берега, — сказал Бриан. — Это название дал ему один из наших товарищей, открывших лодку «Северна» прежде, чем Кэт рассказала нам о кораблекрушении.

— Прежде? — удивленно переспросил Ивенс.

— Да, Ивенс, — сказал Донифан, — мы были там в тот вечер, когда ваши два товарища лежали распростертыми на песке. Но с наступлением дня, когда мы пришли, чтобы отдать им последний долг, они уже исчезли.

— Теперь многое мне делается ясным, — сказал Ивенс, — Форбс и Пайк, которых мы считали погибшими, — и это было бы хорошо, так как двумя негодяями было бы меньше, — были отброшены на небольшое расстояние от шлюпки. Там-то они были найдены Уэльстоном и другими, которые привели их в чувство несколькими глотками джина.

К счастью для них, к несчастью для нас, сундуки лодки не были разбиты во время крушения и не затонули. Заряды, оружие, пять бортовых ружей, оставшаяся провизия, наскоро нагруженные во время пожара «Северна», — все это было вынуто из шлюпки, так как можно было опасаться, что она погибнет от следующего прилива. После этого мы отправились вдоль берега на восток.

В эту минуту, кажется, Рокк заметил, что не было Кэт. На что Уэльстон ответил: «Ее унесло волной!.. И отлично!» Это дало мне повод думать, если шайка радовалась, что избавилась от Кэт теперь, когда она больше не нужна была, то же самое могло постигнуть и меня, когда я сделаюсь лишним. Но где же вы были, Кэт?

— Я была около шлюпки, со стороны моря, — ответила Кэт, — на том же месте, куда меня выбросило после крушения. Меня не было видно, но я слышала все, что говорили Уэльстон и остальные. Но после их ухода, Ивенс, я встала и, чтобы не попасть в руки Уэльстона, побежала, направляясь в противоположную сторону. Тридцать шесть часов спустя, полумертвая от голода, я была поднята этими смелыми детьми и перенесена во Френ-ден.

— Френ-ден? — повторил Ивенс.

— Мы так называем наше жилище, — ответил Гордон, — в память одного француза, потерпевшего кораблекрушение и жившего здесь за много лет до нас.

— Френ-ден? Севернские берега? — сказал Ивенс. — Я вижу, мои мальчики, вы дали названия различным частям этого острова! Это очень хорошо.

— Да, Ивенс, красивые названия, — ответил Сервис, — есть много других: Семейное озеро, Дюны, Южные болота, Зеландская река.

— Хорошо, хорошо!.. Вы все это сообщите мне завтра! Ничего не слышно снаружи?

— Ничего, — ответил Моко, стоявший настороже у двери зала.

— Слава богу! — сказал Ивенс. — Я продолжаю. Покинув шлюпку, мы через час дошли до леса, где и расположились. В последующие дни мы возвращались к тому месту, где осталась шлюпка, пытаясь ее исправить, но у нас был только один топор, а этого было слишком мало, чтобы починить лодку. К тому же место было очень неудобно для подобной работы.

Тогда отправились искать более удобное место, где бы можно было охотой добывать себе ежедневное пропитание и в то же время быть около

реки с пресной водой, так как наша провизия совершенно истощилась. Пройдя по берегу около двенадцати миль, мы наконец достигли маленькой речки.

— Восточной реки! — сказал Сервис.

— Хорошо! — ответил Ивенс. — Там, в глубине большой бухты…

— Бухты Обмана, — вставил Дженкинс.

— Отлично! — сказал, улыбаясь, Ивенс. — Там была гавань среди скал.

— Медвежий утес! — воскликнул, в свою очередь, Костар.

— У Медвежьего утеса, — повторил Ивенс, одобрительно качая головой. — Проще всего было поселиться в этом месте, и если бы мы могли переправить туда шлюпку, то, может быть, нам удалось бы ее исправить.

Отыскав лодку и разгрузив ее насколько возможно, мы пустили ее по течению. Нам пришлось тянуть ее бечевой и привести в гавань, где она и теперь находится.

— Шлюпка около Медвежьего утеса? — спросил Бриан.

— Да, и я думаю, что ее можно исправить, если бы только нашлись необходимые инструменты.

— Но эти инструменты есть у нас, Ивенс! — жи-

во ответил Донифан.

— Именно это и предполагал Уэльстон, когда благодаря случаю узнал, что остров обитаем и кто на нем живет.

— Как же он мог это узнать? — спросил Гордон.

— Вот как, — ответил Ивенс. — Восемь дней тому назад Уэльстон, его товарищи и я — меня никогда не оставляли одного — пошли на разведку в лес. Через три или четыре часа ходьбы, поднимаясь по течению Восточной реки, мы достигли берегов огромного озера, откуда вытекала река. И там, представьте наше удивление, мы нашли странный аппарат, валявшийся на берегу. Какой-то остов из тростника, обтянутый полотном.

— Наш змей! — воскликнул Донифан.

— Наш змей, упавший в озеро, — добавил Бриан, — и которого ветер отнес туда.

— А, так это ваш змей! — сказал Ивенс. — Право, мы не отгадали, а он нас сильно заинтересовал. Во всяком случае, его кто-нибудь да сделал. Без сомнения, это было сделано на острове! Значит, остров обитаем! Уэльстону было важно узнать, кем он был обитаем. В этот же день я решил бежать во что бы то ни стало. Кто бы ни были обитатели острова, даже если бы это были дикари, они не могли быть хуже убийц с «Северна».

С этих пор я был под надзором день и ночь.

— А они узнали о гроте? — спросил Бакстер.

— Сейчас услышите, — ответил Ивенс. — Но прежде чем продолжу рассказ, скажите мне, на что вам понадобился этот громадный змей. Был ли он вместо сигнала?

Гордон рассказал Ивенсу, как змей был сделан, с какой целью пущен, как Бриан рисковал жизнью для всеобщего спасения и каким образом он узнал, что Уэльстон был еще на острове.

— Вы смелый мальчик! — ответил Ивенс, взяв руку Бриана и дружески пожимая ее.

Затем он продолжал.

— Вы понимаете, — сказал он, — что теперь у Уэльстона была одна забота: узнать, кто были обитатели этого незнакомого нам острова. Если это были туземцы, возможно, что они стали бы действовать с ними заодно? Если же это были потерпевшие крушение, может быть, они нашли бы у них необходимые инструменты. В таком случае они не откажутся помочь исправить лодку. Я должен сказать, что поиски велись очень благоразумно.

Исследуя леса правого берега озера, мы приблизились к его южной оконечности. Но мы не видели ни одного человеческого существа. Ни

одного выстрела не было слышно в этой части острова.

— Это произошло оттого, что никто из нас не отлучался из грота и было дано запрещение стрелять, — сказал Бриан.

— Однако вас открыли! — ответил Ивенс. — Да иначе и не могло быть. В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое ноября, когда один из товарищей Уэльстона остановился в виду Френдена на южном берегу озера, он заметил свет, в стене утеса — вероятно, это был свет фонаря, который он увидел в полуоткрытую дверь. На следующий день сам Уэльстон направился в эту сторону и часть вечера просидел в высокой траве, в нескольких шагах от реки.

— Мы это знаем, — сказал Бриан.

— Вы это знали?

— Да, потому что в этом месте Гордон и я нашли обломки трубки, которую Кэт признала за трубку Уэльстона.

Шлюпку пришлось тянуть бечевой.

Шлюпку пришлось тянуть бечевой.

— Верно! — сказал Ивенс. — Уэльстон ее потерял во время экскурсии, что его сильно раздосадовало. Но зато он узнал о существовании колонии. Действительно, в то время как он лежал в траве, он видел, как большинство из вас ходили взад и вперед по правому берегу. Мальчики, с которыми легко можно покончить! Уэльстон рассказал своим товарищам о том, что видел. Благодаря подслушанному разговору Уэльстона с Брандтом я узнал, что они готовили Френ-дену.

— Изверги! — воскликнула Кэт. — У них не было жалости к этим детям.

— Нет, Кэт, — ответил Ивенс, — так же как не было ее к капитану и пассажирам «Северна». Изверги!.. Вы их правильно назвали, ими повелевает самый жестокий из них, Уэльстон, который, я надеюсь, не избавится от кары за свои злодеяния.

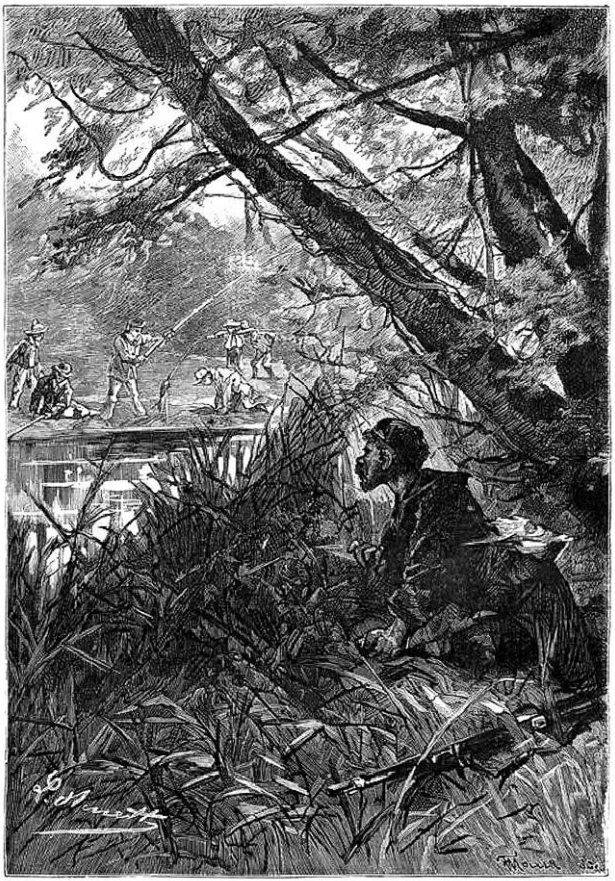
— Наконец, Ивенс, вам удалось, благодаря Богу, бежать от них! — сказала Кэт.

— Да, Кэт. Почти двенадцать часов тому назад я смог воспользоваться отсутствием Уэльстона и других. Оставленный под надзором Форбса и Рокка, я выбрал момент и около десяти часов утра убежал в лес. Почти тотчас же Форбс и Рокк

заметили это и бросились за мной вдогонку. Они были с ружьями. У меня был только кортик для защиты да мои быстрые ноги!

Преследование продолжалось весь день. Я добрался до левого берега озера. Оставалось только обогнуть его, так как я слышал из разговора, что вы жили на берегу реки, протекавшей к западу.

Никогда в жизни мне не приходилось так быстро и долго бежать; около пятнадцати миль я одолел в этот день! Злодеи бежали так же быстро, как и я, а их пули летели еще скорее. Несколько раз они со свистом пролетали мимо меня. Я знал их тайну! Если бы я от них убежал, то мог их выдать! Надо было во что бы то ни стало меня поймать! Если бы у них не было оружия, я бы их дожидался, не сходя с места, с ножом в руке! Я бы их убил или они меня!.. Да, Кэт! Я предпочел бы умереть, чем вернуться к этим разбойникам.



Уэльстон часть вечера просидел в высокой траве,
в нескольких шагах от реки.

Уэльстон часть вечера просидел в высокой траве, в нескольких шагах от реки.

Однако я надеялся, что эта проклятая погоня прекратится с наступлением ночи! Но не тут-то было. Форбс и Рокк бежали за мной по пятам. Буря разразилась. Бежать стало труднее, так как при блеске молний эти негодяи могли меня заметить в прибрежном тростнике. Наконец, мне оставалось сто шагов до реки… и если я переплыву, то — спасен.

Я достиг уже левого берега, как вдруг молния осветила пространство. Вслед за тем прогремел выстрел.

— Тот, который мы слышали? — спросил Донифан.

— Очевидно, — ответил Ивенс. — Пуля задела мне плечо… Я бросился в воду… Через несколько минут я уже был на другом берегу, спрятанный в траве, тогда как Рокк и Форбс, подойдя к противоположному берегу, говорили: «Как ты думаешь, мы его ранили?» — «Я ручаюсь!» — «В таком случае он на дне». — «Наверно, и теперь уже умер». И они ушли.

Спустя несколько минут я выбрался из травы и направился к утесу. Лай доносился до меня. Я звал на помощь. Дверь Френ-дена растворилась.

И теперь, — добавил Ивенс, протягивая руки, — мы, мои мальчики, должны покончить с этими негодяями, мы должны избавиться от них.

Он произнес эти слова с такой горячностью, что все поднялись, готовые следовать за ним.

Теперь надо было рассказать Ивенсу, что произошло за эти двадцать месяцев, при каких условиях шхуна покинула Новую Зеландию, про ее долгий переезд по Тихому океану, про открытие останков потерпевшего кораблекрушение француза и поселение маленькой колонии во Френ-дене. Они также рассказали об экскурсиях в жаркое время, о зимних работах, наконец, о жизни, которая была относительно обеспечена и избавлена от опасностей до прибытия на остров разбойников.

— Неужели в продолжение двадцати месяцев ни одно судно не показалось в виду острова? — спросил Ивенс.

Пуля задела мне плечо... Я бросился в воду...

Пуля задела мне плечо... Я бросился в воду...

— По крайней мере, мы ни одного не видели, — ответил Бриан.

— Выставляли ли вы сигналы?

— Да, была поднята мачта на самой высокой вершине утеса.

— Ее не заметили?

— Нет, Ивенс, — ответил Донифан, — но надо сказать, что вот уже шесть недель, как мы ее сняли, чтобы не привлекать внимания Уэльстона.

— И вы хорошо сделали! Теперь, правда, этот негодяй знает, как ему действовать. Поэтому мы день и ночь будем настороже!

— Как жаль, — заметил тогда Гордон, — что нам приходится иметь дело с такими негодяями, а не с честными людьми, которым мы были бы так счастливы прийти на помощь! Наша колония стала бы сильнее! Теперь же нас ждет борьба, нам придется защищать свою жизнь, а знаем ли мы, каков будет исход этой борьбы?

— Бог хранил вас до сих пор, и теперь Он вам послал смелого Ивенса, а с ним и...

— Ивенс!.. Ура, Ивенс! — закричали в один голос все мальчики.

— Рассчитывайте на меня, — ответил штурман, — а так как я также рассчитываю на вас, то

обещаю, что мы будем хорошо защищаться!

— Однако, — заметил Гордон, — если бы можно было избежать этой борьбы, если бы Уэльстон согласился покинуть остров?..

— Что ты хочешь сказать, Гордон? — спросил Бриан, не понимавший, в чем дело.

— Я хочу сказать, что разбойники уехали бы уже, если бы они могли пользоваться шлюпкой! Не правда ли, Ивенс?

— Верно.

— Хорошо! Если бы пойти с ними на переговоры, если бы их снабдить нужными инструментами, может быть, они бы приняли их? Я прекрасно знаю, как это должно быть противно! Но мы это сделаем, чтобы избавиться от них и помешать нападению, которое может привести к кровопролитию. Что вы скажете на это, Ивенс?

Ивенс внимательно слушал Гордона. Его предложение указывало на практический ум, не допускавший опрометчивых увлечений, и характер, позволявший ему со спокойствием рассматривать всякое положение. Он думал, и вполне справедливо, что это самый серьезный из всех мальчиков и его замечание достойно внимания.

— Действительно, господин Гордон, — ответил

он. — Всякое средство будет хорошо, только бы избавиться от присутствия этих злодеев. Возможно, что, починив шлюпку, они согласятся уехать, и это лучше, чем вести борьбу, результат которой может быть сомнительным. Но разве мыслимо положиться на Уэльстона? Если вы пойдете с ним на переговоры, он захочет завладеть гротом и всем, что принадлежит вам. Разве он не может вообразить, что вы взяли деньги потерпевшего кораблекрушение? Верьте мне, что эти негодяи постараются отплатить вам злом за все оказанные услуги! В этих душах нет места благодарности! Вступить с ними в соглашение — это значит выдать себя.

— Нет!.. нет!.. — закричали Бакстер и Донифан, к которым присоединились другие, к удовольствию штурмана.

— Нет, — прибавил Бриан. — Не стоит иметь ничего общего с Уэльстоном и его шайкой!

— И потом, — сказал Ивенс, — им нужны не только инструменты, но и заряды. У них еще хватит зарядов для нападения на нас, но для далекого путешествия зарядов не хватит. Они попросят у вас… даже потребуют. Разве вы им дадите?..

— Конечно нет, — ответил Гордон.

— Прекрасно, они попытаются достать силой!

Вы только отдалите борьбу, и она произойдет при условиях для вас менее выгодных.

— Вы правы, Ивенс! — ответил Гордон. — Подождем и будем защищаться.

— Да, это лучшее решение. Подождем… есть еще повод, чтобы ждать.

— Какой же?

— Слушайте, вы прекрасно знаете, что Уэльстон может уехать с острова только на шлюпке с «Северна».

— Очевидно! — ответил Бриан.

— Так как эту шлюпку можно исправить, в чем я уверен, и если этого Уэльстон не сделал, то только за неимением инструментов.

— Конечно, он бы тогда уехал, — сказал Бакстер.

— Совершенно верно, следовательно, если вы дадите Уэльстону средства починить лодку, я уверен, что он откажется от мысли ограбить Френ-ден и поспешит уехать, нисколько не заботясь о вас.

— Черт возьми, если он это сделает, на чем тогда мы уедем отсюда?

— Как, Ивенс, — спросил Гордон, — вы рассчитываете на эту лодку, чтобы покинуть остров?

— Конечно, господин Гордон!

— Чтобы вернуться в Новую Зеландию, переехав Тихий океан? — уточнил Донифан.

— Тихий океан? Нет, мои мальчики, — ответил Ивенс, — но чтобы добраться до ближайшей станции, где мы будем ждать случая вернуться в Окленд!

— Вы не шутите, господин Ивенс? — воскликнул Бриан.

— Разве эта шлюпка может годиться для переезда в несколько сотен миль? — спросил Бакстер.

— Несколько сотен миль? — ответил Ивенс. — Нет! Только тридцать.

— Но ведь вокруг море? — спросил Донифан.

— К западу, да! — ответил Ивенс. — Но к югу, северу, востоку — это каналы, которые легко можно переехать за шестьдесят часов!

— Значит, мы не ошибались, думая, что по соседству есть земля? — сказал Гордон.

— Нисколько, — ответил Ивенс, — и это обширные земли, которые простираются на восток.

— Да, на восток!.. — воскликнул Бриан. — Это беловатое пятно, потом отблеск, который я заметил в этом направлении…

— Беловатое пятно, вы говорите? — переспросил Ивенс. — Это, очевидно, какой-нибудь глетчер, а отблеск — пламя вулкана, местона-

хождение которого должно быть нанесено на карте. Ну, мои друзья, как вы думаете, где вы находитесь?

— На одном из отдельных островов Тихого океана! — ответил Гордон.

— Остров?.. да! Но не уединенный! Он принадлежит к одному из тех многочисленных архипелагов, которые лежат у берегов Южной Америки. Впрочем, если вы дали названия мысам, бухтам, течениям вашего острова, почему вы мне не сказали, как вы назвали остров?

— Мы назвали его островом Черман, в честь нашего пансиона, — ответил Донифан.

— Остров Черман! — ответил Ивенс. — Это его второе название, потому что он уже называется островом Ганновер!

Приняв после этого обычные меры предосторожности, все отправились на покой, тогда как койка штурмана была приготовлена в зале. Мальчики не могли уснуть от волнения. С одной стороны, их ждала кровавая резня, а с другой — возможность возвратиться на родину.

Ивенс отложил до другого дня объяснения о точном положении острова Ганновер. Моко и Гордон должны были дежурить. Ночь прошла спокойно.

Глава двенадцатая

Магелланов пролив. – Прилегающие к нему земли и острова. – Стоянки. – Планы на будущее. – Сила или хитрость? – Рокк и Форбс. – Мнимые потерпевшие кораблекрушение. – Гостеприимство. – Выстрел Ивенса. – Вмешательство Кэт.

Пролив длиной около трехсот восьмидесяти миль идет от мыса Девственниц в Атлантическом до мыса Пилар в Тихом океане. Берега его очень неровны: горы в три тысячи футов высоты тянутся над уровнем моря, есть много бухт, удобных гаваней, где суда могут запасаться пресной водой. Густые леса, окаймляющие канал, изобилуют дичью, множество водопадов низвергаются, шумя, в эти бесчисленные бухточки. Этот канал, открытый знаменитым испанским мореплавателем Магелланом в 1520 году, является для судов, идущих с востока или запада, более коротким путем, чем пролив Лемера между Огненной Землей и Южной Америкой.

В продолжение полувека одни только испанцы

посещали земли, прилегающие к Магелланову проливу, и основали на полуострове Брансуик факторию, называемую портом Голода. За испанцами последовали англичане: Дрейк, Кавендиш, Чидлей, Гокинс; голландцы: де-Веерт, Корд, Порт с Лемером и Скоутен, открывшие в 1610 году пролив того же имени. Наконец, в 1606–1712 годах стали появляться французы: Деженн, Бошен-Гуэн, Фрезье. Впоследствии эти страны посетили знаменитые мореплаватели: Ансон, Кук, Байрон, Бугенвилль и другие.

С этих пор корабли стали чаще ходить через Магелланов пролив — особенно со времени изобретения пароходов, для которых не имеют значения неблагоприятные ветры и течения.

На следующий день Ивенс показал мальчикам этот пролив на карте штилеровского атласа.

Патагония — последняя провинция Южной Америки, земля Короля Вильгельма и полуостров Брансуик образуют северную границу этого пролива, который окаймлен на юге Магеллановым архипелагом, состоящим из небольших островов Огненной Земли: Десоласьон, Кларенс, Осте, Гордон, Наварино, Уолленстон, Стюарт и других более мелких островов, из которых последний заканчивается мысом Горн. К востоку Магелла-

нов пролив расширяется на один или два канала между мысом Девственниц в Патагонии и мысом Святого Духа Огненной Земли. На западе полуострова, острова, архипелаги, проливы, каналы бесконечно сменяют друг друга, каналы между мысом Пилар и южной оконечностью большого острова Королевы Аделаиды соединяются в один пролив, выходящий в Тихий океан. Выше виднеется целый ряд островов от пролива лорда Нельсона до группы Чонос и Чилоэ, прилегающих к чилийскому берегу.

— А теперь, — добавил Ивенс, — обратите внимание на остров за Магеллановым проливом, он находится на пятидесятом градусе широты и отделяется простыми каналами от острова Кембридж на юге и островов Мадре-де-Диос и Чатам на севере. Это остров Ганновер, который вы назвали Черман и на котором вы живете более двадцати месяцев!

Бриан, Гордон и Донифан, склонившись над атласом, с любопытством смотрели на этот остров. Они не думали, что он лежит так близко к южноамериканскому материку.

— Как, — сказал Гордон, — мы отделены от Чили только проливом?

— Да, — ответил Ивенс. — Но между островом

Ганновер и американским континентом нет ничего, кроме таких же пустынных островов, как ваш. И, очутившись на материке, вам пришлось бы пройти сотни миль, прежде чем вы добрались до Чили или Аргентинской Республики! А сколько при этом предстоит затруднений, не считая опасностей, потому что индейцы пуэльчес, кочующие в пампасах, малогостеприимны! Хорошо, что вы не покинули остров, на котором ваше благосостояние было обеспечено. Я надеюсь, что с Божьей помощью нам удастся всем вместе вернуться на материк.

Таким образом, каналы, окружающие остров Ганновер, в некоторых местах были не более пятнадцати — двадцати миль в ширину, и Моко в хорошую погоду мог бы свободно их переезжать на своем ялике. Бриан, Гордон и Донифан во время своих экскурсий не заметили этой земли, потому что она низменна. Беловатое пятно, замеченное Брианом, было глетчером, а отблеск огня — одним из вулканов.

На своей карте Франсуа Бодуэн довольно точно определил очертание острова Ганновер, вокруг которого он объехал. Вероятно, туманы мешали ему видеть более далекие острова.

Гордон обратился к Ивенсу с вопросом: если им

удастся завладеть шлюпкой «Северна» и исправить ее, то в какую сторону они должны плыть?

— Мы не будем подниматься, — ответил Ивенс, — ни к северу, ни к востоку. Чем дальше мы пройдем морем, тем лучше. Очевидно, что при попутном ветре шлюпка может нас подвезти к какому-нибудь чилийскому берегу, где нас радушно встретят. По каналам архипелага можно легко проехать туда.

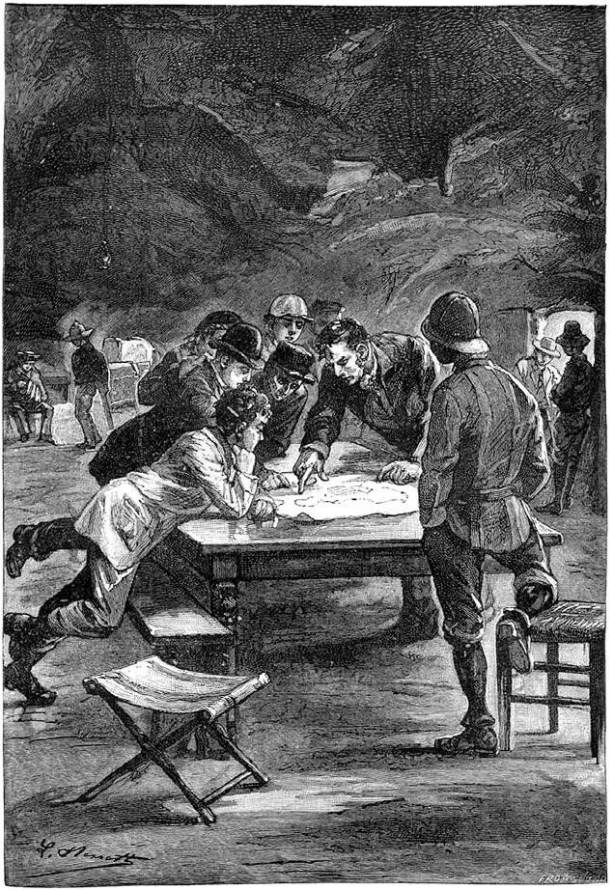
— Хорошо, — ответил Бриан. — Только найдем ли мы фактории на этих берегах и средства вернуться на родину?

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Ивенс. — Посмотрите на карту. Миновав архипелаг Королевы Аделаиды по каналу Смита, мы войдем в Магелланов пролив. Почти у входа в пролив расположена гавань Тамара, принадлежащая земле Десоласьон.

— А если мы там не встретим никакого судна? — спросил Бриан.

— Господин Бриан, видите ли вы этот большой полуостров Брансуик? Там, в глубине бухты Фортескье, в Порт-Галант, часто останавливаются суда. Следует ли туда зайти и обогнуть мыс Фроуэрд к югу от острова? Вот бухта Святого Николая, или бухта Бугенвилля, где останавливается

большинство пароходов, идущих через пролив. Наконец, еще дальше Порт-Тамино, а еще к северу — Пунта-Аренас.



Ивенс показал мальчикам этот пролив на карте.

Ивенс показал мальчикам этот пролив на карте.

Штурман был прав. Когда шлюпка будет в проливе, то ей можно остановиться во многих местах. При таких условиях возвращение на родину было обеспечено, не говоря уж о встрече пароходов, идущих в Австралию или Новую Зеландию. В Пунта-Аренас они найдут все необходимое для существования, тогда как в порте Тамара, Порт-Галанте многого могло и не быть. Порт-Тамино — большая фактория, основанная чилийским правительством, образует настоящее поселение, построенное на берегу, с хорошенькой церковью, шпиль которой виднеется среди великолепных деревьев полуострова Брансуик; здесь полное довольство во всем, тогда как Порт-Фамин, заложенный в X веке, представляет разрушенный поселок.

Впрочем, в настоящее время существуют ближе к югу другие колонии, которые посещаются ради научных целей.

Спасение юных поселенцев будет обеспечено, если им удастся достичь пролива, но, чтобы достичь его, необходимо починить шлюпку с «Северна», а чтобы починить ее, надо ею завладеть, что можно сделать, только захватив Уэльстона

с его шайкой.

Если эта лодка оставалась бы на том месте, где ее видел Донифан, то можно было бы попытаться завладеть ею. Уэльстон, находящийся в настоящее время в пятнадцати милях в глубине бухты Обмана, конечно, ничего бы не узнал об этой попытке. Ивенс мог бы подвести шлюпку не к устью Восточной реки, а к устью Зеландской реки и даже до Френ-дена. Там можно было бы начать ремонт под руководством штурмана. Потом, оснастив лодку, нагрузив ее запасами, провизией и некоторыми вещами, с которыми было жалко расставаться, они покинули бы остров, прежде чем злодеи успели напасть на них.

К несчастью, этот план нельзя было исполнить, не прибегая к силе в борьбе с шайкой разбойников.

Мальчики относились с полным доверием к Ивенсу. Кэт говорила о нем много хорошего. Он был энергичен и храбр, но чувствовалось также, что он обладал решительным характером, способным на самопожертвование.

Действительно, как сказала Кэт, его послал Бог к этим бедным детям.

Прежде всего штурман хотел знать средства, которыми мог бы пользоваться в случае сопро-

тивления злодеям.

Кладовая и зал, казалось ему, были удобны для обороны. Один фасад выходил на берег залива, а другой на спортивную площадку и берег озера. В отверстия можно было стрелять, оставаясь под прикрытием. С их восьмью ружьями осажденные могли держать нападающих на некотором расстоянии, а если бы они подошли ближе, то в них стали бы стрелять картечью, а если дойдет до рукопашной, то пустят в ход револьверы, топоры и морские кортики.

Ивенс одобрил Бриана, который завалил камнями обе двери. В гроте они могут быть сильными противниками, но на открытом месте не могут рассчитывать на успех; их было только шесть мальчиков, от тринадцати до пятнадцати лет, а приходилось отражать нападение семи храбрых мужчин, привыкших владеть оружием, которые не остановятся перед убийством.

— Вы их считаете отъявленными злодеями, Ивенс? — спросил Гордон.

— Да, господин Гордон.

— Исключая одного, который, может быть, не совсем еще погиб, — заметила Кэт, — это Форбс, спасший мне жизнь…

— Форбс? — переспросил Ивенс. — Под вли-

янием ли дурного совета или из страха перед остальными, но он принимал участие в резне пассажиров и команды «Северна». Кроме того, разве этот негодяй не пустился в погоню за мной вместе с Рокком? Разве он не стрелял в меня, как в зверя? Разве не радовался, думая, что я утонул в заливе? Кэт, добрая Кэт, я боюсь, что он не лучше других! Если он вас пощадил, то только потому, что вы нужны еще злодеям, и он не отстанет от них, когда придется идти на Френ-ден!

Однако прошло несколько дней, но мальчики, наблюдавшие окрестности с высоты холма Окленда, не заметили ничего подозрительного. Это удивляло Ивенса.

Зная планы Уэльстона и то, как ему важно торопиться, его удивляло, почему не было нападения до сих пор.

Тогда ему пришла мысль, что Уэльстон вместо нападения прибегнет к хитрости, чтобы проникнуть в грот. О чем он и предупредил Бриана, Гордона, Донифана и Бакстера, с которыми чаще всего совещался.

— Пока мы будем в гроте, — сказал ой, — Уэльстону не удастся выломать дверь, если только кто-нибудь ее не откроет, а для этого надо прибегнуть к хитрости…

— К какой же? — спросил Гордон.

— Может быть, к той самой, которая пришла мне на ум, — ответил Ивенс. — Вы знаете, что только Кэт и я могли бы донести на Уэльстона как на главу шайки негодяев, нападения которых могла страшиться маленькая колония. К тому же Уэльстон не сомневается, что Кэт погибла во время кораблекрушения, а я утонул в реке, раненный Рокком и Форбсом. Уэльстон полагает, что вы ничего не знаете о присутствии матросов на острове, так что, если один из них явится в грот, вы его примете как всякого потерпевшего крушение. Когда же один из негодяев уже будет в гроте, ему будет нетрудно ввести туда своих товарищей, и тогда всякое сопротивление будет невозможно!

— Хорошо, — ответил Бриан, — если Уэльстон или кто другой из его шайки явится просить нашего гостеприимства, мы его встретим выстрелами из ружья.

— А может быть, дело выиграет, если мы его любезно встретим, — заметил Гордон.

— Возможно, вы правы, господин Гордон! — ответил штурман. — Так будет лучше. На хитрость ответить хитростью.

Решено было действовать с величайшей осмот-

рительностью. Действительно, если дела примут хороший оборот и Ивенсу удастся завладеть шлюпкой с «Северна», можно будет надеяться, что час освобождения близок.

Утро следующего дня прошло без приключений. Штурман, сопровождаемый Донифаном и Бакстером, поднялся на полмили по направлению к лесу, скрываясь за деревьями, росшими у основания холма Окленда. Он не заметил ничего подозрительного.

Но вечером, незадолго до заката солнца, Феб и Кросс, бывшие на карауле у береговой скалы, быстро прибежали, показывая знаками приближение двоих мужчин, идущих по южному берегу озера на другой стороне Зеландской реки.

Кэт и Ивенс, не желая быть узнанными, тотчас же вошли в кладовую и в одну из бойниц увидели приближающихся людей.

Это были Рокк и Форбс.

— Очевидно, — сказал штурман, — они хотят действовать хитростью и выдать себя за матросов, потерпевших кораблекрушение!

— Что делать? — спросил Бриан.

— Гостеприимно принять их, — ответил Ивенс.

— Этих-то негодяев! — воскликнул Бриан. — Я

никогда бы не мог…

— Я беру это на себя, — ответил Гордон.

— Хорошо, господин Гордон! — заметил штурман. — Тем более что они и не подозревают о нашем присутствии! Мы выйдем, когда будет нужно.

Ивенс и Кэт спрятались в одном из отделений узкого прохода, дверь которого была за ними заперта.

Несколько минут спустя Гордон, Бриан, Донифан и Бакстер выбежали на берег Зеландской реки. Увидя их, оба человека притворились крайне удивленными, на что Гордон отвечал не меньшим удивлением.

Рокк и Форбс, казалось, изнемогали от усталости и, как только дошли до реки, обменялись с мальчиками следующими фразами:

— Кто вы?

— Потерпевшие кораблекрушение на юге острова с трехмачтовой шлюпки «Северн».

— Вы англичане?

— Нет, американцы.

— А ваши товарищи?

— Они погибли! Только мы спаслись, но мы изнемогаем от усталости! Скажите, пожалуйста, с кем мы имеем дело?

— С поселенцами острова Черман.

— Пусть же поселенцы сжалятся над нами и примут нас, так как у нас нет никаких средств…

— Потерпевшие крушение всегда имеют право на помощь подобных им! — ответил Гордон. — Вы будете желанными гостями!

По знаку Гордона Моко сел в ялик, закрепленный у маленькой плотины, и несколькими взмахами весла привез обоих матросов на правый берег Зеландской реки.

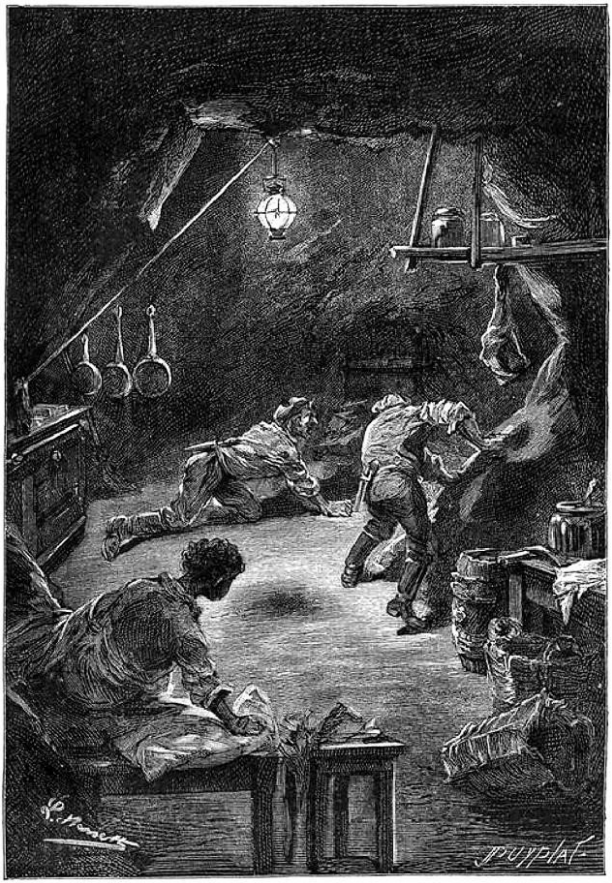
Конечно, у Уэльстона не было выбора, и надо сознаться, что лицо Рокка не внушало доверия даже детям. Хотя он и пытался придать себе скромный вид, но этого ему не удалось; он имел вид типичного разбойника. Форбс, в котором, по словам Кэт, не все человеческое чувство уже заглохло, производил лучшее впечатление. Вероятно, ввиду этого Уэльстон послал его с Рокком.

Во всяком случае, оба разыгрывали роль мнимых потерпевших крушение. Однако из боязни возбудить подозрения, если к ним будут обращаться с весьма определенными вопросами, они выдавали себя за истощенных и просили, чтобы им позволили отдохнуть и даже провести ночь в гроте. Они были туда тотчас же отведены. При входе — что не ускользнуло от Гордона, — они

не могли удержаться, чтобы не осмотреть изучающим взглядом расположение зала. Они очень удивились, увидя оборонительные снаряды, особенно пушку.

Мальчикам, которым вся эта ложь была противна, не пришлось разыгрывать роль, потому что Рокк и Форбс поторопились лечь спать, отложив до другого дня рассказ о своих приключениях.

— Нам достаточно охапки травы, — сказал Рокк. — Но так как мы не хотим вас стеснять, то нет ли у вас другой комнаты, кроме этой?



Эта дверь была загромождена грудой больших камней.

Эта дверь была загромождена грудой больших камней.

— Есть, — ответил Гордон, — та, которая нам служит кухней, и вы можете там разместиться до завтра!

Рокк с товарищем прошли в кладовую, осмотрели ее и увидели, что дверь выходит на реку.

Нельзя было быть более гостеприимными к этим несчастным, потерпевшим кораблекрушение! Эти два негодяя нашли, что мальчики так наивны, что можно было и не прибегать к хитрости.

Рокк и Форбс улеглись в углу кладовой. Они были не одни, так как там спал Моко, но вовсе не стеснялись присутствием мальчика, решив сразу удушить его, если он осмелится помешать им. В назначенный час Рокк и Форбс должны открыть дверь кладовой, и Уэльстон, бродивший по берегу с четырьмя разбойниками, тотчас же явится в грот и завладеет им.

Около девяти часов, когда Рокк и Форбс притворились спящими, вошел Моко и сразу бросился на койку, готовый во всякое время поднять тревогу.

Бриан с остальными остались в зале. Потом, когда закрыли дверь коридора, к ним пришли Ивенс и Кэт. Все шло так, как предвидел штурман,

и он не сомневался, что Уэльстон был в окрестностях Френ-дена, поджидая момента, когда можно будет проникнуть в грот.

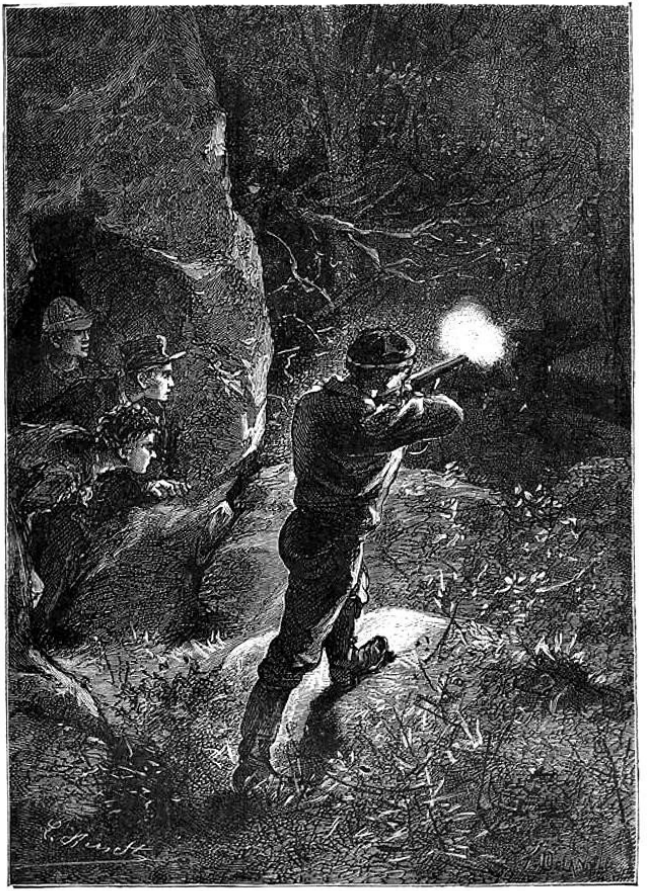
— Будем настороже! — сказал он.

Между тем прошло два часа, и Моко начал думать, что Рокк и Форбс отложили свой замысел до другой ночи, когда его внимание было привлечено легким шумом в углу гостиной.

При свете фонаря, повешенного на своде, он увидел, как Рокк и Форбс вышли из угла, в котором спали, и поползли к двери.

Эта дверь была загромождена грудой больших камней: настоящая баррикада, которую трудно, почти невозможно было бы опрокинуть.

Тогда матросы начали поднимать эти камни, складывая их друг на друга у правой стены. В несколько минут дверь была совершенно свободна, оставалось только вытащить запор, прикрепленный изнутри, и вход делался открытым.



Не сделал он и десяти шагов, как раздался выстрел.

Не сделал он и десяти шагов, как раздался выстрел.

Но в тот момент, когда Рокк вытащил засов, чья-то рука опустилась ему на плечо. Он обернулся и узнал штурмана, освещенного фонарем.

— Ивенс, — воскликнул он. — Ты здесь!

— Сюда, скорее! — закричал штурман.

Бриан с товарищами сейчас же бросились в кладовую. Бакстер, Уилкокс, Донифан и Бриан прежде всего схватили Форбса и лишили его возможности убежать.

Рокк быстрым движением оттолкнул Ивенса, нанеся ему удар ножом и слегка оцарапав штурману левую руку.

Потом через открытую дверь он бросился бежать. Не сделал он и десяти шагов, как раздался выстрел. Ивенс выстрелил в него. По всей вероятности, пуля прошла мимо, так как не послышалось крика.

— Черт возьми!.. Я не попал в этого негодяя. Но все же одним будет меньше!

И, держа нож в руке, он занес руку над Форбсом.

— Пощади! пощади!.. — сказал несчастный, которого держали мальчики.

— Да, пощадите его, Ивенс, — повторила Кэт,

бросившаяся между штурманом и Форбсом. — Он спас мне жизнь!..

— Хорошо! — ответил Ивенс. — Я согласен, Кэт, на сегодня.

И Форбс, крепко связанный, был помещен в одно из отделений коридора.

Дверь гостиной была заперта и снова завалена камнями. Ночь прошла в тревоге.

Глава тринадцатая

Допрос Форбса. – Положение дел. – Предполагаемая рекогносцировка. – Сравнение сил. – Исчезновение Бриана. – Донифан идет ему на помощь. – Тяжелая рана. – Появление Форбса. – Выстрел из пушки Моко.

На другой день после утомительной бессонной ночи никто и не думал об отдыхе. Теперь нечего было сомневаться, что Уэльстон употребит силу, так как хитрость не удалась. Рокк, в которого не попал штурман, должен был сообщить, что его действия открыты и во Френ-ден не удастся проникнуть, не взломав дверей.

На рассвете Ивенс, Бриан, Донифан и Гордон

вышли осторожно из грота. С восходом утренние туманы рассеивались, и мало-помалу озеро очистилось, колеблемое легким восточным ветерком.

Все было спокойно близ грота как со стороны Зеландской реки, так и со стороны леса. Внутри ограды домашние животные, по обыкновению, бродили взад и вперед. Фанн, бегавший по спортивной площадке, не подавал никакого признака беспокойства.

Прежде всего Ивенс стал искать на земле следы, которых оказалось очень много, особенно около грота; было видно, что ночью Уэльстон с товарищами подходили к реке, ожидая, чтобы открылась дверь грота.

На песке не было следов крови — доказательство того, что Рокк даже не был ранен штурманом.

Но возникал вопрос: пришел ли Уэльстон, как и Форбс с Рокком, с юга Семейного озера или спустился с севера? В таком случае Рокк бежал в сторону леса, чтобы присоединиться к нему.

Так как важно было выяснить этот вопрос, было решено допросить Форбса, чтобы узнать, по какой дороге шел Уэльстон. Скажет ли Форбс правду? В благодарность за то, что Кэт спасла ему

жизнь, у него в сердце должно было пробудиться доброе чувство.

Желая допросить его, Ивенс вошел в зал, открыл дверь отделения, где был заперт Форбс, развязал веревки и привел его к собравшимся.

— Форбс, — сказал Ивенс, — хитрость, задуманная Рокком и тобой, не удалась. Мне нужно знать планы Уэльстона, которые тебе должны быть известны. Отвечай!

Форбс наклонил голову и, не смея поднять глаз на Ивенса, Кэт и мальчиков, перед которыми штурман призвал его на суд, не произнес ни слова.

Кэт вмешалась.

— Форбс, — сказала она, — в первый раз вы выказали немного жалости, помешав вашим товарищам убить меня во время резни на «Северне». Не захотите ли спасти этих детей от еще более ужасной резни?

Форбс не отвечал.

— Форбс, — продолжала Кэт, — они вам даровали жизнь, когда вы заслуживали смерти! Неужели в вас умолкло всякое человеческое чувство? Сделав столько дурного, вы можете вернуться к хорошему! Подумайте, какому ужасному злодейству вы помогаете!

Форбс глубоко вздохнул.

— Что же я могу сделать, — ответил он глухим голосом.

— Ты можешь нам сказать, — продолжал Ивенс, — что должно было произойти в эту ночь и что будет потом. Ждал ли ты Уэльстона и других, которые должны были войти сюда, как только одна из дверей будет открыта?

— Да, — ответил Форбс.

— И эти дети, оказавшие тебе гостеприимство, были бы убиты?

Форбс еще ниже склонил голову, и на этот раз у него уже не было сил отвечать.

— Скажи, с какой стороны Уэльстон и другие добрались сюда? — спросил штурман.

— С северной стороны озера, — ответил Форбс.

— Но ты с Рокком пришел с юга?

— Да.

— Ходили ли они в западную часть острова?

— Нет еще.

— Где они должны быть в настоящее время?

— Не знаю…

— Ты ничего больше не можешь сказать?

— Нет, Ивенс, ничего!..

— И ты думаешь, что Уэльстон вернется сюда?

— Да…

Очевидно, Уэльстон и его товарищи, испуганные выстрелом из ружья штурмана и понимая, что хитрость их открыта, сочли благоразумным держаться в стороне, поджидая более благоприятного случая.

Ивенс, не надеясь ничего больше узнать от Форбса, отвел его в помещение, дверь которого была заперта снаружи.

Положение по-прежнему было очень серьезным. Форбс не мог или не хотел сказать, где теперь находился Уэльстон и расположился ли он лагерем в лесу. Однако это было очень важно знать. Тогда штурману пришла мысль произвести разведку в этом направлении, хотя и с опасностью для жизни.

Около полудня Моко отнес пищу пленнику. Форбс едва к ней притронулся. Неизвестно было, что происходило в душе этого несчастного и мучила ли его совесть.

После завтрака Ивенс сообщил мальчикам о своем намерении дойти до опушки леса, так ему хотелось узнать, находились ли злодеи еще в окрестностях Френ-дена. Это предложение было принято беспрекословно, все приготовления были сделаны, чтобы оградить себя от всякой неприятной случайности.

Со дня ареста Форбса злодеев оставалось шесть человек, тогда как маленькая колония состояла из пятнадцати мальчиков, не считая Кэт и Ивенса. Но из этого числа надо было исключить маленьких, которые не могли принять прямого участия в борьбе. Было решено, что в то время, как штурман будет производить разведку, Айверсон, Дженкинс, Доль и Костар останутся в зале с Кэт, Моко и Жаком под присмотром Бакстера, а старшие — Бриан, Гордон, Донифан, Кросс, Сервис, Феб, Уилкокс и Гарнетт — отправятся с Ивенсом. Восемь мальчиков против шести взрослых мужчин — неравная партия. Правда, каждый из них будет вооружен ружьем и револьвером, тогда как у Уэльстона было всего лишь пять ружей, взятых с «Северна». Поэтому в таких условиях стычка на расстоянии представляла для них более благоприятные условия, потому что Донифан, Уилкокс и Кросс были хорошими стрелками и в этом намного превосходили американских матросов. Кроме того, им хватит боевых припасов, тогда как у Уэльстона, как сказал штурман, было всего только несколько гильз.

В два часа пополудни под руководством Ивенса выступил маленький отряд. Бакстер, Жак, Моко, Кэт тотчас же вошли в грот, двери которого были

заперты, но не завалены, чтобы в случае надобности штурман и остальные могли туда укрыться.

Впрочем, нечего было бояться наступления ни с южной стороны, ни с восточной, потому что, чтобы идти в этом направлении, Уэльстону надо было добраться до бухты Слау, чтобы подняться к долине Зеландской реки, на что потребовалось бы слишком много времени. К тому же, согласно ответу Форбса, они спустились по западному берегу озера, а он совершенно не знал этой части острова. Ивенсу нечего было бояться, что на него нападут сзади, нападение могло быть совершено только лишь с северной стороны.

Мальчики и штурман осторожно продвигались вдоль подножия холма Окленда. За кустарниками и деревьями их не было заметно.

Ивенс шел во главе, сдерживая пылкого Донифана, вечно готового бежать вперед. Как только они миновали маленький холмик, покрывавший останки Франсуа Бодуэна, штурман повернул к озеру.

Фанн, которого Гордон напрасно пытался удержать, казалось, шел по следу, навострив уши, уткнув нос в землю, как будто он напал на след.

— Внимание! — сказал Бриан.

— Да, — ответил Гордон. — Это не след живот-

ного! Посмотрите на Фанна!

— Спрячемся в траву, и вы, господин Донифан, как хороший стрелок, не пропустите, если один из этих разбойников покажется на приличном расстоянии.

Несколько минут спустя достигли опушки леса.

Там оставались еще следы недавней стоянки: ветки, наполовину обгорелые, и тлеющие угли.

— Это здесь, наверно, Уэльстон провел последнюю ночь, — заметил Гордон.

— А может быть, он был здесь всего несколько часов тому назад, — ответил Ивенс. — Я думаю, что нам лучше будет повернуть к утесу…

Не успел он этого докончить, как справа раздался выстрел. Пуля, задев голову Бриана, врезалась в дерево, на которое он опирался.

Почти в то же самое время послышался другой выстрел, за которым последовал крик, и в пятидесяти шагах от них что-то внезапно упало под деревья.

Фанн бросился вперед, Донифан за ним.

— Вперед! — сказал Ивенс. — Мы не можем его оставить одного.

Через несколько минут они догнали Донифана, и все остановились над телом убитого человека.

— Это Пайк! — сказал Ивенс. — Одним злодеем меньше!

— Остальные не должны быть далеко! — заметил Бакстер.

— Нет! Не выдавайте себя!.. На колени!.. На колени!..

Раздался третий выстрел, на этот раз с левой стороны. Сервису, не опустившему сразу голову, пуля едва не попала в лоб.

— Ты ранен? — воскликнул Гордон, подбегая к нему.

— Ничего, Гордон, ничего! — ответил Сервис. — Только царапина!..

Пайк был убит, оставались еще Уэльстон и четверо других, которые должны были находиться на небольшом расстоянии за деревьями. Ивенс и мальчики, присев на корточки в траве, образовали сплоченную группу, готовую к обороне от нападения, с какой бы стороны оно ни шло.

Вдруг Гарнетт закричал:

— Где же Бриан?

— Я его больше не вижу! — ответил Уилкокс.

Действительно, Бриан исчез, и, так как лай Фанна раздавался громче, можно было опасаться, что смелый мальчик дрался с кем-нибудь из шайки.

— Бриан!.. Бриан!.. — кричал Донифан.

Все необдуманно бросились по следам Фанна. Ивенс не мог их удержать. Они перебегали от дерева к дереву.

— Берегитесь, штурман, берегитесь! — воскликнул Кросс, бросившись ничком на землю.

Инстинктивно штурман наклонил голову в тот момент, когда пуля пролетела в нескольких дюймах над ним.

Потом, выпрямившись, он заметил, как один из разбойников бежал в лес.

Это был Рокк, ускользнувший накануне.

— Твоя очередь, Рокк! — закричал Ивенс.

Он выстрелил, и Рокк исчез, как будто земля внезапно расступилась под ним.

— Неужели я опять промахнулся! — воскликнул Ивенс. — Тысячу чертей! Вот не везет-то!

Все это произошло в несколько секунд. Почти тотчас же лай собаки раздался поблизости. Внезапно послышался голос Донифана.

— Держись, Бриан! — кричал он.

Ивенс и другие бросились в ту сторону и увидели Бриана, борющегося с Копом.

Негодяй повалил на землю мальчика и поразил бы его кортиком, если бы Донифан, подоспевший вовремя, не отклонил удара, бросившись на Копа, не имея даже времени выхватить револьвер.

— Берегитесь, штурман, берегитесь! — воскликнул Кросс, бросившись ничком на землю.

— Берегитесь, штурман, берегитесь! — воскликнул Кросс, бросившись ничком на землю.

Кортик попал ему прямо в грудь… Он упал, не крикнув.

Коп, видя, что Ивенс, Гарнетт и Феб стараются отрезать ему отступление, побежал по направлению к северу. Несколько выстрелов одновременно были направлены на него. Он исчез, и Фанн вернулся, не догнав его.

Поднявшись с трудом, Бриан подошел к Донифану, он поддерживал ему голову и пытался оживить его.

К несчастью, Донифан был ранен прямо в грудь и, казалось, смертельно. С закрытыми глазами, лицом, белым как воск, он оставался недвижим, не слыша звавшего его Бриана.

Ивенс нагнулся над телом мальчика. Он расстегнул куртку, разорвал рубашку, залитую кровью. Из узкой треугольной раны у четвертого ребра на левом боку лилась кровь. Удар кортика не затронул сердца, потому что Донифан еще дышал. Но можно было опасаться, что он задел легкое, так как дыхание было чрезвычайно слабым.

— Перенесем его в грот! — сказал Гордон. — Только там мы можем позаботиться о нем.

— И спасти его! — воскликнул Бриан. — Мой бедный товарищ… Это ради меня ты подверг себя опасности.

Ивенс одобрил предложение отнести Донифана в грот, тем более что теперь нельзя было ожидать возобновления атаки. Вероятно, Уэльстон, видя, что дело принимает дурной оборот, решил отступить в глубину леса.

Более всего беспокоило Ивенса то, что он не видел ни Уэльстона, ни Брандта, а это были самые грозные силы шайки.

Надо было осторожно перенести Донифана. Костар и Сервис поспешили устроить носилки из веток, на которые и был положен мальчик, все еще не приходивший в сознание. Потом четверо из его товарищей тихо его подняли, тогда как другие окружили его, с заряженными ружьями и с револьверами в руках.

Процессия достигла подножия холма Окленда. Здесь было удобнее нести, чем по берегу озера; идя вдоль утеса, им приходилось смотреть только вправо и назад. Ничто не нарушало их шествия. Изредка Донифан испускал такие мучительные стоны, что Гордон делал знак остановиться, чтобы послушать, дышит ли он, а затем снова продолжали идти.

Оставалось всего восемьсот или девятьсот шагов до грота, дверь которого не была еще видна из-за скалы.

Вдруг раздались крики со стороны Зеландской реки. Фанн бросился по этому направлению. Очевидно, на грот напал Уэльстон с двумя разбойниками.

Действительно, вот что произошло, как это потом узнали.

В то время как Рокк, Коп и Пайк, спрятавшись за деревьями, стреляли в маленькую группу штурмана, Уэльстон, Брандт и Бук, вскарабкавшись на холм Окленда, поднялись по высохшему руслу ручья. Быстро пробежав самое высокое плоскогорье, они спустились недалеко от входа в кладовую. Им удалось выломать дверь, которая не была заставлена, и войти в грот.

Штурман быстро бросился на помощь. Тогда как Кросс, Феб и Гарнетт остались при Донифане, которого нельзя было оставить одного, Гордон, Бриан, Сервис и Уилкокс бросились по направлению к гроту по самой ближайшей дороге. Спустя несколько минут они увидели Уэльстона, выходившего из двери зала с ребенком в руках; он направлялся к реке.

Это был Жак. Напрасно Кэт, бросившаяся на

Уэльстона, пыталась вырвать Жака у него из рук.

Мгновение спустя появился Брандт, схвативший маленького Костара и уносивший его по тому же направлению.

Бакстер бросился на Брандта, но последний толкнул его с такой силой, что Бакстер упал.

Остальных детей — Доля, Дженкинса, Айверсона — не было видно, так же как и Моко.

— Неужели их убили в пещере?

Между тем Уэльстон и Брандт быстро добрались до берега реки. У них была возможность переехать ее, потому что Бук был с яликом, который он вытащил из кладовой.

На левом берегу их невозможно будет догнать, и они вернутся к себе в лагерь с Жаком и Костаром, которые станут заложниками в их руках!

Поэтому Ивенс, Бриан, Гордон и Уилкокс бежали, не переводя дыхания, надеясь достичь спортивной площадки прежде, чем Уэльстон, Бук и Брандт будут за рекой. Стрелять в них нельзя было, так как можно было попасть в Жака и Костара.

Но Фанн был там. Он бросился на Брандта и вцепился ему в плечо. Защищаясь от собаки, Брандт должен был отпустить Костара, в то время как Уэльстон спешил унести Жака в ялик.

Вдруг из зала кто-то выскочил.

Это был Форбс.

Уэльстон не сомневался, что Форбс присоединится к своим прежним товарищам.

— Ко мне, Форбс, сюда! — закричал он ему.

Ивенс остановился и собрался уже стрелять, как вдруг заметил, что Форбс бросился на Уэльстона.

Уэльстон, удивленный этим нападением, которого он никак не мог ожидать, должен был оставить Жака и, обернувшись, ударил Форбса кортиком.

Форбс упал к ногам Уэльстона.

Все это произошло так быстро, что в этот момент Ивенс, Бриан, Гордон, Сервис и Уилкокс были еще за сто шагов от них.

Уэльстон снова хотел схватить Жака, чтобы унести его в ялик, где Бук с Брандтом, освободившись от Фанна, ждали его.

Но он опоздал. Жак, вооруженный револьвером, выстрелил ему прямо в грудь. Уэльстон, тяжелораненый, с трудом дополз к своим товарищам, которые приняли его в лодку и отчалили.

В ту же самую минуту раздался сильный выстрел, ядро попало в ялик, и негодяи исчезли.

Это юнга выстрелил из маленькой пушки через амбразуру кладовой.

Теперь, за исключением двух негодяев, исчезнувших в чаще леса, остров Черман был освобожден от разбойников с «Северна», унесенных в море течением Зеландской реки.

Жак выстрелил ему прямо в грудь.

Жак выстрелил ему прямо в грудь.

Глава четырнадцатая

Реакция. – Герои битвы. – Смерть несчастного. – Экскурсия в лес. – Выздоровление Донифана. – У Медвежьего утеса. – Починка. – Отъезд 12 февраля. – Спуск по Зеландской реке. – Привет заливу Слау. – Последняя точка острова Черман.

Новая жизнь началась теперь для юных колонистов острова Черман.

Они были как бы подавлены своим успехом, которому еще не могли верить. Когда опасность прошла, то им она казалась большей, чем раньше, то есть такой, какой она была в действительности. Если бы не Форбс, то Уэльстон, Бук и Брандт ускользнули бы от них! Моко не решился бы выстрелить, боясь убить Жака с Костаром. Что бы произошло потом? На какие уступки пришлось бы пойти?

Теперь, когда опасность миновала, Бриан и его товарищи могли спокойно обсуждать это положение.

Хотя об участи Рокка и Копа никто не знал, но спокойствие снова воцарилось на острове Черман.

Героев битвы чествовали по их заслугам. Моко — за удачный выстрел из пушки, Жака — за хладнокровие, которое он выказал, выстрелив из револьвера в Уэльстона, наконец, Костара, «который поступил так же, если бы у него был пистолет!»

И на долю Фанна досталась добрая часть ласк, не считая кости, которой его наградил Моко за то, что тот так смело напал на негодяя Брандта, уносившего маленького мальчика.

Само собой разумеется, что после выстрела из пушки Бриан поспешил вернуться к месту, где его товарищи стерегли носилки. Несколько минут спустя Донифан был внесен в зал, все еще не приходя в сознание, тогда как Форбс, поднятый Ивенсом, лежал на кровати в кладовой. В продолжение всей ночи Кэт, Гордон и Бриан присматривали за обоими ранеными.

Донифан был опасно ранен, но так как он дышал довольно правильно, то это значило, что кортик не коснулся легкого. Чтобы перевязать ему рану, Кэт прибегла к известным листьям, которые обыкновенно употребляют на Дальнем

Востоке, они росли на некоторых кустарниках по берегам Зеландской реки. Это были листья ольхи. Их растирали и клали, как компресс, чтобы предупредить загноение раны, что могло быть очень опасно. Форбс, которому Уэльстон попал в живот, был смертельно ранен и, придя в сознание, в то время как Кэт ухаживала за ним, прошептал:

— Благодарю, добрая Кэт… благодарю!.. Это бесполезно!.. Я погиб.

И слезы потекли из его глаз.

Несчастного мучили угрызения совести. Он принимал участие в резне на «Северне» под влиянием дурных советов, но, узнав об ужасной участи, которая грозила мальчикам, он ради них решил пожертвовать своей жизнью.

— Не отчаивайся, Форбс! — сказал ему Ивенс. — Ты искупил злодеяния… Ты будешь жить…

Но несчастный должен был умереть! Несмотря на оказываемые заботы, ему делалось все хуже. В те минуты, когда боль утихала, его беспокойные глаза обращались к Кэт и Ивенсу!.. Он пролил кровь, и его кровь пролилась во искупление прошлого…

Около четырех часов утра Форбс скончался. Он умер кающимся в грехах, прощенный людьми, прощенный Богом, избавившим его от долгой

агонии, и почти без страдания испустил последнее дыхание.

Его похоронили на следующий день в могиле, вырытой подле места, где лежал Франсуа Бодуэн, и два креста обозначали их могилы.

Пока Рокк и Коп находились еще на острове, нельзя было считать себя вне опасности.

Потому Ивенс решил покончить с ними, прежде чем отправиться в гавань Медвежьего Утеса.

Гордон, Бриан, Бакстер, Уилкокс и он отправились в тот же день с ружьями и револьверами, сопровождаемые Фанном, благодаря чутью которого можно было напасть на след.

Поиски не были ни трудны, ни продолжительны и ни опасны. Нечего было бояться двух приятелей Уэльстона. Коп, которого можно было найти по кровавым следам, лежал мертвым в каких-нибудь ста шагах от того места, где был сражен пулей. Подняли также тело Пайка, убитого в начале схватки. Внезапное исчезновение Рокка, как будто он провалился сквозь землю, было объяснено таким образом: он упал, смертельно раненный, в одну из ям, вырытых Уилкоксом.

Три тела были погребены.

Потом штурман и его товарищи вернулись в грот и объявили всем, что больше нечего бо-

яться.

Радость была бы полная, если бы Донифан не был так серьезно ранен! Все жили надеждой на его выздоровление.

На следующий день Ивенс, Гордон, Бриан и Бакстер поставили на очередь вопросы, требовавшие немедленного решения. Особенно важно было завладеть шлюпкой с «Северна», для этого надо было идти к Медвежьему утесу и прожить там некоторое время, чтобы исправить лодку.

Было решено, что Ивенс, Бриан и Бакстер отправятся туда по озеру и по Восточной реке. Так было и безопаснее, и скорее.

Ялик, найденный в одном из водоворотов реки, нисколько не пострадал от залпа. Туда нагрузили инструменты для починки судна, провизию, заряды, и при попутном ветре утром 6 декабря ялик отчалил, управляемый Ивенсом.

Переезд через Семейное озеро совершился быстро.

В двенадцатом часу Бриан указал штурману на маленькую речку, через которую вода из озера текла в русло Восточной реки, и ялик, пользуясь отливом, спустился к устью.

Неподалеку от устья шлюпка, вытащенная на берег, лежала на песке Медвежьего утеса.

После очень подробного осмотра тех поправок, которые должны были быть сделаны, Ивенс сказал:

— У нас есть инструменты, но у нас нет материала, во Френ-дене есть доски, оставшиеся от «Слау». Не могли бы мы перевезти лодку в Зеландскую реку?

— Это именно то, о чем я думал, — ответил Бриан.

— Полагаю, это можно сделать, — сказал Ивенс. — Если шлюпка прошла от Севернских берегов до Медвежьего утеса, отчего же ей не пройти от Медвежьего утеса до Зеландской реки? Там работать много удобнее, и ведь из Френ-дена мы отправимся до бухты, а оттуда выйдем в открытое море!

Несомненно, если этот проект можно было осуществить, то ничего нельзя было представить лучше. Поэтому было решено воспользоваться приливом следующего дня, чтобы подняться в ялике вверх по Восточной реке, ведя шлюпку на буксире.

Прежде всего, Ивенс принялся заделывать пробоины в лодке затычками из пакли, и эта первая работа закончилась незадолго до вечера.

Ночь провели в том гроте, где Донифан с това-

рищами останавливались в первый раз.

На другой день рано утром Ивенс, Бриан и Бакстер, пользуясь приливом, отчалили. Сначала шли на веслах, но как только прилив усилился, они перестали грести. Лодка, отяжелевшая от проникавшей в нее воды, продвигалась с большим трудом. Было уже пять часов вечера, когда ялик достиг правого берега Семейного озера.

Штурман находил неосторожным идти ночью.

К вечеру ветер стал стихать, но к утру он снова посвежеет.

Расположились лагерем, поужинали и сладко заснули, прислонившись головой к стволу большого бука.

— Отчалим! — это были слова, произнесенные штурманом, как только первые утренние лучи осветили воды озера.

С наступлением дня, как и ожидали, поднялся северо-восточный ветер. Более благоприятной погоды нельзя было желать. Парус был поднят, и ялик, продолжая тянуть на буксире затопленную до планшира лодку, направился к востоку.

Ничего особенного не произошло во время этого переезда по Семейному озеру. Ради осторожности Ивенс был постоянно готов перерезать канат на случай, если бы шлюпка начала тонуть,

потому что она увлекла бы за собой и ялик. Этого можно было опасаться, так как тогда пришлось бы отложить отъезд на неопределенное время и, может быть, еще долго пробыть на острове Черман.

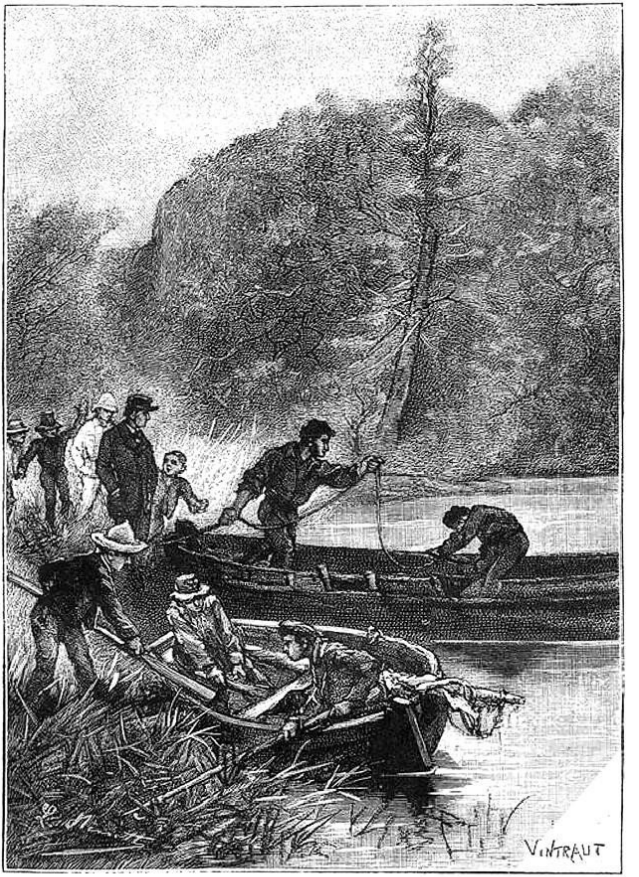
Наконец около трех часов дня на западе показались высоты холма Окленда. В пять часов ялик и шлюпка вошли в Зеландскую реку и причалили к маленькой плотине. Крики «ура» встретили Ивенса и его товарищей, которых рассчитывали увидеть только через несколько дней.

Во время их отсутствия состояние здоровья Донифана немного улучшилось. Смелый мальчик мог ответить на пожатие руки Бриана. Дыхание стало свободное. Хотя его и держали на очень строгой диете, но силы начинали возвращаться к нему, и от травяных компрессов, которые Кэт меняла каждые два часа, можно было ожидать, что его рана скоро закроется. Без сомнения, выздоровление пойдет медленно, но в Донифане было столько жизненных сил, что его полное выздоровление было вопросом времени.

Со следующего дня принялись чинить лодку. Прежде всего с большим трудом втащили ее на берег. Длиной в тридцать футов, шириной в шесть, она должна была вместить семнадцать

пассажиров.

После этого работа пошла правильным порядком. Ивенс, такой же хороший плотник, как и отличный моряк, понимал, что надо делать, и оценил ловкость Бакстера. Материала было достаточно, так же как и инструментов. Обломками бортов от шхуны можно было починить пробоины, обшивные доски, разломанные бруски; старой осмоленной паклей законопатили щели.



Было решено воспользоваться приливом следующего дня.

Было решено воспользоваться приливом следующего дня.

Шлюпка была с палубой, так что в плохую погоду было где укрыться, хотя в это время года погода стояла хорошая. Марс-мачту со «Слау» употребили на грот-мачту, и Кэт по указаниям Ивенса скроила фок, а также гик-лисель для кормы и для носа. С такой оснасткой лодка будет лучше уравновешена и может пользоваться каким угодно ветром. Эти работы, длившиеся тридцать дней, были кончены 8 января. Штурман приложил все свое старание, чтобы исправить шлюпку. Надо было, чтобы она была пригодна для плавания по каналам Магелланова архипелага и, если понадобится, была бы в состоянии пройти несколько сотен миль до фактории Пунта-Аренас на восточном берегу полуострова Брансуик.

Надо упомянуть, что в течение этого времени Рождество отпраздновали с известной торжественностью, а также и 1 января 1862 года, который юные поселенцы твердо надеялись не доживать на острове Черман.

К этому времени Донифан поправился настолько, что мог выходить из дома, хотя еще был очень слаб. Хороший воздух и более питательная пища явно возвращали ему силы. К тому же его това-

рищи не рассчитывали уехать прежде, чем он не будет в состоянии перенести переезд в несколько недель.

Жизнь вошла в свою колею.

Уроки, гулянья, собрания были более или менее восстановлены. Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар считали прошедшее время как бы каникулами.

Как и надо предполагать, Уилкокс, Кросс и Феб возобновили охоту в южных болотах и в лесу. Они теперь пренебрегали сетями и силками, несмотря на советы Гордона беречь заряды. Часто раздавались выстрелы, и кладовая Моко обогащалась свежей дичью, что позволяло приберечь консервы для путешествия.

Если бы Донифан мог снова принимать участие в охоте, с каким увлечением он отдался бы этому удовольствию. Его мучило, что он не может присоединиться к своим товарищам! Но приходилось безропотно покоряться судьбе.

Работа пошла правильным порядком.

Работа пошла правильным порядком.

Наконец в середине января Ивенс приступил к нагрузке лодки. Хотя Бриан и другие хотели увезти все, что они спасли от кораблекрушения «Слау», но это было невозможно за недостатком места, и приходилось выбирать.

Первым делом Гордон отложил в сторону деньги, взятые с яхты, которые им могут пригодиться при возвращении на родину. Моко нагрузил лодку съестными припасами в достаточном количестве для пропитания семнадцати пассажиров не только на предполагаемые три недели, но также на тот случай, если благодаря какому-нибудь приключению на море они должны будут высадиться на один из архипелагов, прежде чем достигнут Пунта-Аренас, Порта-Галант или порта Тамара.

Потом то, что оставалось от боевых запасов, было разложено в ящики шлюпки, так же как ружья и револьверы Френ-дена. Донифан просил взять две маленькие пушки.

Бриан просил также, чтобы взяли всю одежду, большую часть книг из библиотеки, посуду, а также одну из печей кладовой, наконец, необходимые для плавания инструменты, морские часы, компасы, лаги, фонари, включая и каучу-

ковую лодку. Уилкокс выбрал те сети, которыми дорогой можно было пользоваться.

Пресную воду из Зеландской реки Гордон разлил в двенадцать маленьких бочонков, которые были расставлены на дне лодки.

К 3 февраля погрузка была окончена. Оставалось только назначить день отъезда, если Донифан будет чувствовать себя в состоянии перенести путешествие.

Его рана совсем зарубцевалась, аппетит вернулся, и ему надо было остерегаться только много есть. Теперь, опершись на руки Бриана или Кэт, он прогуливался каждый день в течение нескольких часов.

— Едем, едем! — говорил он. — Я хочу уехать как можно скорее! Море меня окончательно вылечит.

Отъезд был назначен на 5 февраля.

Накануне Гордон выпустил на свободу домашних животных: гуанако, викуний, дроф и птиц, которые не выказали признательности за оказанные им заботы.

— Неблагодарные! — воскликнул Гарнетт. — После такого внимания, какое мы им оказывали!

— Вот каков мир! — заметил Сервис таким смешным тоном, что это философское рассужде-

ние было принято общим смехом.

На следующий день юные пассажиры отчалили в шлюпке, которая тянула за собой на буксире ялик.

Но прежде чем отдать канат, Бриан и его товарищи захотели собраться у могилы Франсуа Бодуэна и Форбса. С благоговением они туда отправились, и молитва была последним воспоминанием об этих несчастных.

Донифан поместился на корме лодки около Ивенса, управлявшего рулем, на носу Бриан и Моко стояли у парусов, хотя при спуске по Зеландской реке надо было больше рассчитывать на течение, чем на ветер.

Остальные вместе с Фанном разместились как хотели на передней части палубы.

Канат был отдан и весла ударили по воде.

Троекратное «ура» приветствовало гостеприимное жилище, которое в течение стольких месяцев явилось надежным убежищем для юных поселенцев и не без волнения, кроме Гордона, опечаленного тем, что приходилось покидать свой остров, они смотрели, как исчезали последние деревья на берегу холма Окленда.

Спускаясь по Зеландской реке, шлюпка не могла идти быстрее течения. В полдень Ивенс

бросил якорь.

Действительно, эта часть реки была настолько неглубока, что сильно нагруженная лодка рисковала сесть на мель. Лучше было дождаться прилива.

Стоянка длилась шесть часов. Пассажиры пообедали, а Уилкокс с Кроссом отправились на охоту и убили нескольких бекасов на опушке южных болот.

С кормы шлюпки Донифан смог застрелить двух великолепных тинамаусов, летевших над правым берегом. От одного выстрела он окончательно вылечился.

Поздно вечером лодка вошла в устье реки. Так как в темноте трудно было управлять лодкой из-за подводных скал, то Ивенс, как осторожный моряк, захотел дождаться следующего утра, чтобы пуститься в море.

Ветер стих с наступлением вечера. Полная тишина царила над бухтой.

На следующий день ветер дул с суши, море было спокойно, и надо было этим пользоваться.

С наступлением дня Ивенс поднял бизань и фок. Шлюпка, направляемая умелой рукой штурмана, вышла из Зеландской реки.

В эту минуту все взгляды обратились к вершине

холма Окленда на последние скалы, которые исчезли при повороте к Американскому мысу.

Был дан залп из пушки, сопровождаемый троекратным «ура», флаг Соединенного Королевства был поднят на корме лодки.

Через восемь часов шлюпка вошла в канал, идущий мимо Кембриджа, обогнула Южный мыс и пошла параллельно острову Королевы Аделаиды.

Остров Черман скрылся за горизонтом.

Глава пятнадцатая

По каналам. – Остановка из-за встречных ветров. – Пролив. – Пароход «Крафтон». – Возвращение в Окленд. – Встреча в столице Новой Зеландии. – Ивенс и Кэт. – Заключение.

Нет надобности подробно описывать путешествие по каналам Магелланова архипелага, так как не произошло ничего важного. Погода все время стояла прекрасная. Притом в этих каналах, шириной в шесть-семь миль, не могло быть шквала.

Все эти каналы были пустынны.

Один или два раза ночью виднелись огни на островах, но туземцев не было видно на берегу.

Одиннадцатого февраля шлюпка, сопровождаемая попутным ветром, вошла в Магелланов пролив каналом Смита между западным берегом острова Королевы Аделаиды и землей Короля Вильгельма. Направо возвышалась остроконечная гора Святой Анны. Налево, в глубине бухты Бофорт, громоздились друг над другом некоторые из тех великолепных ледников, которые Бриан видел на востоке острова Ганновер, который все еще продолжали называть островом Черман.

Все обстояло благополучно на палубе; воздух, насыщенный морским запахом, превосходно действовал на Донифана, он ел, спал и чувствовал себя достаточно сильным, чтобы выйти на сушу, когда представится случай, и снова приняться со своими товарищами за жизнь робинзонов.

Днем 12 февраля со шлюпки был виден остров Тамара на земле Короля Вильгельма, гавань или, скорее, бухточка, которая была в настоящее время непосещаема, и они, не останавливаясь, обогнули мыс Тамара и взяли направление к юго-востоку по Магелланову проливу.

С одной стороны была продолговатая земля

Десоласьон, с ее плоскими и пустынными берегами, лишенными той растительности, которой покрыт остров Черман.

С другой стороны обрисовывался причудливо изрезанный полуостров Крукер.

Здесь Ивенс рассчитывал найти проходы на юг, чтобы обогнуть мыс Фроуэрд и подняться по восточному берегу до полуострова Брансуик и Пунта-Аренас.

Дальше идти не было никакой надобности.

Утром 13 февраля Сервис, стоявший впереди, воскликнул:

— Дым с правой стороны судна!

— Дым от костра рыбаков? — спросил Гордон.

— Нет!.. Это скорей пароходный дым! — повторил Ивенс.

Действительно, в этом направлении земли лежали слишком далеко, чтобы можно было видеть дым рыбацкого костра.

Бриан тотчас же бросился к фок-мачте и с верхушки ее закричал:

— Корабль!.. корабль!..

Корабль показался скоро. Это было судно водоизмещением в восемьсот или девятьсот тонн, шедшее со скоростью от 11 до 12 миль в час.

Со шлюпки раздались крики «ура» и ружейные

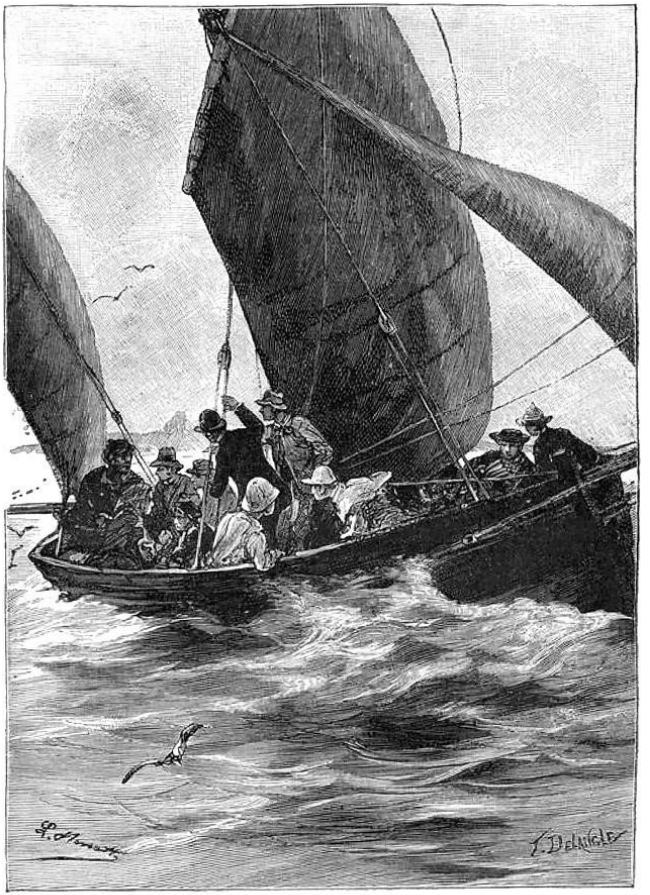
выстрелы.

Лодку увидели, и десять минут спустя она подошла к пароходу «Крафтон», который шел в Австралию.

В одну минуту капитану «Крафтона» Тому Лонгу рассказали о приключениях «Слау». К тому же о пропаже яхты знали как в Англии, так и в Америке. Том Лонг поспешил принять на корабль пассажиров яхты. Он даже предложил проводить их прямо в Окленд, что немного отклоняло его в сторону, так как местоназначением «Крафтона» был Мельбурн на юге Австралии.

Переезд совершился быстро, и «Крафтон» бросил якорь на Оклендском рейде 25 февраля.

Прошло два года с тех пор, как пятнадцать воспитанников пансиона Черман были унесены за две тысячи восемьсот лье от Новой Зеландии.



Все обстояло благополучно на палубе.

Все обстояло благополучно на палубе.

Трудно передать радость родителей, когда вернулись их дети, которых они считали погибшими.

В одно мгновение по всему городу разнеслась весть, что «Крафтон» вернул на родину потерпевших крушение. Все население сбежалось, приветствуя их радостными криками.

Все хотели подробно знать, что произошло на острове Черман!

Любопытство их было удовлетворено. Сначала Донифан прочел несколько лекций, пользовавшихся настоящим успехом, благодаря чему мальчик возгордился. Затем дневник Френ-дена, который вел Бакстер, был напечатан и разошелся в тысячах экземплярах, только чтобы удовлетворить читателей Новой Зеландии. Наконец, журналы Нового и Старого Света перепечатали его на всех языках, так как все интересовались катастрофой «Слау». Благоразумие Гордона, самоотвержение Бриана, отвага Донифана, безропотность всех маленьких и больших удивляли весь мир.

Кэт и Ивенсу был оказан восторженный прием. Разве не посвятили они себя спасению этих детей? Была сделана общественная подписка

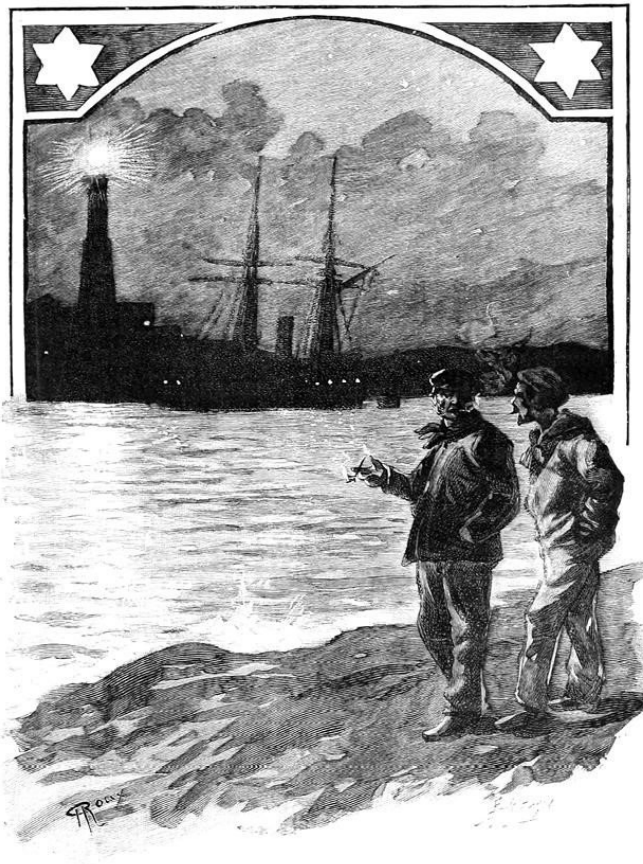
в пользу Ивенса и приобретено коммерческое судно «Черман». Ивенс сделался собственником и капитаном этого судна с условием, что Окленд будет портом приписки. И когда он приезжал в Новую Зеландию, он находил всегда самый радушный прием в семьях пятнадцати мальчиков.

Бриан, Гарнетт, Уилкокс и многие другие приглашали к себе жить Кэт, но она поселилась в доме Донифана, которому спасла жизнь.

Вот что следует запомнить из этого рассказа, который, как кажется, оправдывает свое название «Два года каникул».

Никогда, без сомнения, воспитанники пансиона Черман не подвергнутся опасности проводить свои каникулы при подобных условиях. Но пусть все дети знают, что при порядке, усердии и мужестве нет таких опасных положений, из которых нельзя было бы выйти, и что подобные испытания, закаливая, развивают силу воли.

Маяк на краю света



Глава первая
Маяк

Солнце скрывалось за цепью холмов. День был чудный. На северо-востоке и на востоке, там, где море сливается с небом, несколько маленьких облаков отражали последние лучи, догоравшие перед наступлением сумерек, довольно продолжительных под 55° широты Южного полушария.

В момент, когда виднелась уже лишь верхняя часть солнечного диска, с рассыльного судна «Санта-Фе» раздался пушечный выстрел и над бригантиной взвился флаг Аргентинской республики.

В то же время на вершине маяка, выстроенного на расстоянии ружейного выстрела от бухты Эльгор, где стоял на якоре «Санта-Фе», вспыхнул яркий свет. Два сторожа, рабочие на берегу и толпившиеся в носовой части корабля матросы приветствовали этот впервые загоревшийся на отдаленном побережье огонь громкими криками.

В ответ послышались два выстрела. Эхо повторило их. Согласно правилам военных кораблей

«Санта-Фе» спустил флаг, и на острове, лежащем там, где сливаются воды Атлантического и Тихого океанов, снова водворилась тишина.

Рабочие тотчас отбыли на корабль, и на материке остались лишь три сторожа.

Один из них стоял на вахте, другие два, прежде чем вернуться домой, стали прогуливаться по берегу.

— Завтра рассыльное судно снимается с якоря, Васкес, — сказал первый.

— Да, Фелипе, — отвечал Васкес, — надо надеяться, что оно благополучно возвратится в гавань.

— Далеко это, Васкес!

— Не дальше, чем из гавани сюда, Фелипе.

— Я думал, что дальше, — засмеялся Фелипе.

— А пожалуй, что и так, — заметил Васкес. — Когда дует противный ветер, идти обратно отсюда приходится гораздо дольше, чем сюда. Но при исправной машине и парусах пройти тысячу пятьсот миль вовсе не так трудно.

— Командир Лафайет хорошо знает дорогу, Васкес.

— Дело нехитрое, дорога прямая. Сюда он шел на юг, назад пойдет, держа курс на север. Если будет дуть береговой ветер, он пойдет под при-

крытием берега, как по реке.

— По реке с одним только берегом, — отвечал Фелипе.

— Лишь бы берег был хороший, а тут он будет расположен на ветру и потому послужит прикрытием.

— А если ветер переменится?

— Будем надеяться, Фелипе, что этого не случится и что недели через две «Санта-Фе», пройдя тысячу пятьсот миль, станет на якорь в Буэнос-Айресе.

— Ну а если ветер подует с востока?..

— То ни вдоль побережья, ни в открытом море кораблю не встретить гавани, в которой можно было бы укрыться.

— Совершенно верно. На всем протяжении берегов Патагонии и Огненной Земли нет ни одного порта. Надо сторониться берега, держаться возможно дальше от него в открытом море.

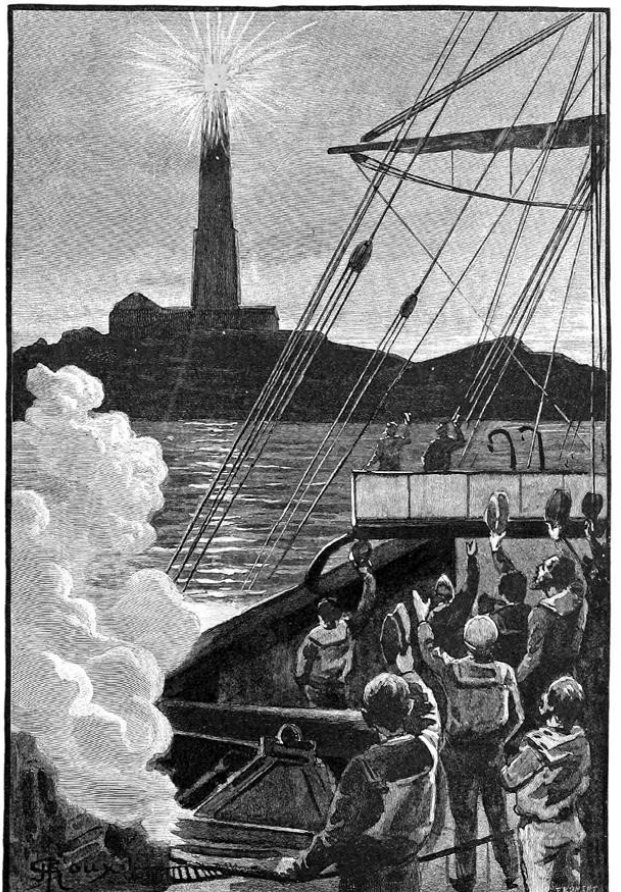
— Однако нет причин думать, Васкес, что погода переменится.

— Я тоже так полагаю, Фелипе. Теперь начинается лето. У нас впереди целых три месяца…

— Да, — согласился Васкес, — работы кончились как раз вовремя.

— Да-да, в начале декабря. Это все равно что

июнь на севере. В это время года не бывает уже таких шквалов, которые швыряют корабль, как щепку, и могут сорвать паруса. А когда «Санта-Фе» будет в гавани, пусть свистит ветер, пусть воет буря сколько угодно! Наш остров не потонет, уцелеет и маяк!



На вершине маяка вспыхнул яркий свет.

На вершине маяка вспыхнул яркий свет.

— Конечно, Васкес. Впрочем, корабль, сдав донесения, снова вернется сюда и привезет смену.

— Через три месяца, Фелипе…

— Остров будет на том же месте.

— Будем здесь и мы, — сказал Васкес, потирая руки и выпуская из трубки большую струю дыма так, что лицо его скрылось, как в облаке. — Мы здесь ведь не на корабле, который может унести шквалом. А если это даже и судно, то оно прочно прицеплено к хвосту Америки и не сорвется с якоря… Место здесь ненадежное, не спорю! Море вокруг мыса Горн пользуется дурной славой! Кораблекрушений здесь бывает множество, и любители собирать то, что выбрасывается морем, могли бы здесь обогатиться! Но все это скоро изменится, Фелипе! Вот он, остров, Остров Штатов, а на нем маяк, который не погасит никакой вихрь, хотя бы он разразился сразу со всех сторон!.. Корабли будут издали видеть огонь и обходить опасное место. Направляясь к маяку даже в самые темные ночи, они не рискуют разбиться ни о скалы мыса Сан-Хуан, ни о стрелку Сан-Диегос или Фаллоус. Поддерживать огонь мы будем.

Оживление Васкеса вдохнуло мужества и в его товарища. В самом деле, Фелипе, пожалуй, пред-

ставлял себе три месяца, которые должен был провести на этом отдаленном пустынном острове, отрезанном от остального мира, уж в чересчур мрачном свете.

— Видишь ли, друг мой, — продолжал Васкес, — уже сорок лет плаваю я по морям Старого и Нового Света. Был юнгой, матросом, был и судовладельцем. А теперь, на старости, не могу себе представить ничего лучшего, как быть сторожем маяка. Да какого маяка! Маяка на краю света!..

Название это было вполне заслуженное. Маяк стоял на необитаемом острове, далеко от материка.

— Скажи, Фелипе, — спросил Васкес, вытряхивая пепел из трубки на ладонь, — в котором часу ты сменишь Мориса?

— В десять часов.

— Ладно. А в два часа ночи я приду и сменю тебя до утра.

— Хорошо, Васкес. А теперь пойдем-ка спать: утро вечера мудренее.

— Пора на боковую, Фелипе!

Васкес и Фелипе направились к маяку и вошли в свое жилище. Дверь закрылась за ними.

Ночь прошла спокойно. На рассвете Васкес загасил горевший в течение двенадцати часов маяк.

Слабые в Тихом океане, особенно у побережья Америки и Азии, приливы очень сильны в Атлантическом океане и дают себя чувствовать даже в отдаленном Магеллановом проливе.

Отлив начался в шесть часов утра. Чтобы воспользоваться им, рассыльное судно должно было бы сняться с якоря на заре. Так как не все еще было готово, командир решил выйти из Эльгорской бухты лишь с вечерним приливом.

Военный корабль Аргентинской республики «Санта-Фе», в двести тонн водоизмещением, с машиной в сто шестьдесят лошадиных сил, находился под командой капитана и старшего офицера. На нем, вместе с рабочими, было человек пятьдесят экипажа. «Санта-Фе» нес береговую охрану от устья Рио-де-ла-Платы до пролива Лемера в Атлантическом океане. В те времена кораблестроение не знало еще быстроходных судов, крейсеров, миноносцев и т. д. Скорость винтового парохода «Санта-Фе» не превышала девяти миль в час, но этого было вполне достаточно, чтобы охранять берега Патагонии, куда и заходили-то лишь рыболовные суда.

На этот раз на рассыльное судно была возложена обязанность наблюдать за постройкой маяка, предпринятой аргентинским правительством у

входа в пролив Лемера. На этом же судне были доставлены рабочие и необходимый строительный материал.

Наконец, работы, производившиеся под руководством опытного инженера из Буэнос-Айреса, были окончены.

Уже недели три стоял «Санта-Фе» на якоре в гавани Эльгор. На берег было свезено съестных припасов на четыре месяца. Убедившись, что оставляемым на новом маяке сторожам не придется испытывать недостатка ни в чем до прибытия новой смены, командир Лафайет собирался доставить на родину рабочих. Если бы не задержали некоторые непредвиденные обстоятельства, пароход «Санта-Фе» уже месяц тому назад был бы в порту.

За все время стоянки в хорошо защищенной от северного, южного и западного ветров бухте корабль не подвергался никакой опасности. Теперь можно было опасаться бурь в открытом море. Но весна была мягкая, а в начале лета море в окрестностях Магелланова пролива еще не так грозно.

В семь часов утра капитан Лафайет и старший офицер Риегаль вышли из своих кают, находившихся в кормовой части судна. Матросы оканчивали мытье палубы. В то же время шли

приготовления к снятию с якоря: с парусов снимали чехлы, чистили медные части, нактоузы, поднимали спасательную шлюпку. Другая, маленькая шлюпка оставалась пока спущенной, чтобы поддерживать сношения с берегом.

Когда взошло солнце, на мачте подняли флаг.

Три четверти часа спустя на баке ударили четыре раза в корабельный колокол, и на вахте сменились дежурные матросы.

Позавтракав вместе, командир и его помощник вышли на ют, взглянули на довольно ясное в это утро небо и приказали спустить шлюпку.

Напоследок командиру захотелось взглянуть еще раз на маяк, жилище сторожей и магазины для хранения съестных припасов и горючих материалов, а также убедиться, хорошо ли действуют аппараты.

Выйдя на берег, оба офицера направились к маяку.

Мысль, что эти три сторожа должны остаться одни на унылом, необитаемом острове, беспокоила их.

— Это, право, тяжело, — говорил командир. — Хотя, конечно, все три сторожа — старые моряки и привыкли к суровой жизни. Может быть, для них служба на суше представляет известного

рода отдых.

— Несомненно, — отвечал Риегаль, — но быть сторожем маяка на часто посещаемых кораблями берегах или поблизости от материка и жить на этом пустынном острове, который моряки стараются обойти возможно дальше, — большая разница.

— Согласен с вами, Риегаль. Но через три месяца их сменят. Васкес, Фелипе и Морис будут первыми в очереди, и притом в самое благоприятное время года.

— Правда, им не придется пережить ужасов жестокой зимы мыса Горн.

— Да, зимы здесь бывают суровые, — подтвердил капитан. — Несколько лет назад я выходил на разведки в пролив, доходил до Огненной Земли и Земли Отчаяния, мыса Дев и мыса Пилар, и пережил самые ужасные бури, какие только можно видеть! Впрочем, у наших сторожей теплое жилье, штормы не повредят его. Им хватит и припасов и угля, если бы даже им пришлось пробыть здесь не три, а пять месяцев. Они здоровы, и надо надеяться, что, вернувшись, мы найдем их целыми и невредимыми. Воздух здесь холодный, но чистый! К тому же, помните, Риегаль, сколько охотников вызвалось на предложение морского

начальства ехать на «маяк на краю света» в качестве сторожей?

Офицеры подошли к маяку. Васкес и его товарищи уже ждали их.

Капитан Лафайет внимательно осмотрел сторожей маяка. На ногах у них были большие сапоги, на голове — капюшоны из непромокаемой ткани.

— Все ли обстояло благополучно сегодня ночью? — спросил он старшего сторожа.

— Все. Все вполне благополучно, — отвечал Васкес.

— Вы не заметили ночью никакого судна?

— Нет. Небо было безоблачно, и мы увидели бы огонь по крайней мере за четыре мили.

— А как горел фонарь?

— Отлично, до самого восхода солнца.

— Не холодно вам было в сторожке?

— Нет. Она теплая, и ветер не проникает через двойные стекла.

— Я хочу осмотреть ваше помещение, потом маяк.

— Пожалуйста, господин командир, — ответил Васкес.

Жилье сторожей помещалось в нижней части башни, толстые стены которой были способны

выдержать самые сильные штормы Магелланова пролива. Офицеры осмотрели обе очень прилично обставленные комнаты. Здесь не страшны были ни дожди, ни холод, ни столь ужасные под этой антарктической широтой снежные метели.

Комнаты разделялись коридором, в глубине которого находилась дверь на лестницу, проходящую внутри башни.

— Поднимемся, — сказал капитан Лафайет.

— К вашим услугам, — отвечал Васкес.

— Нам никого не надо в провожатые, кроме вас.

Васкес сделал знак товарищам остаться в коридоре. Затем он открыл дверь на лестницу, и оба офицера последовали за ним.

Узкая винтовая каменная лестница была вырублена в стене. Проделанные в каждом этаже окна освещали ее.

Поднявшись в верхнее помещение маяка, над которым находились фонарь и осветительные аппараты, офицеры уселись на шедшей полукругом вдоль стены скамейке. В комнате было четыре окна, выходивших на все четыре стороны горизонта.

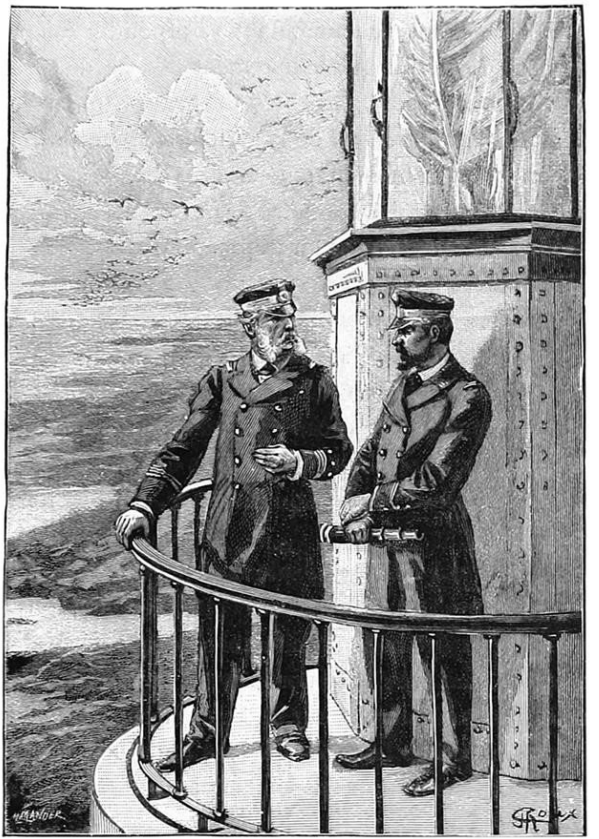
Хотя ветер был слабый, здесь, на высоте, он казался довольно свежим. Свист ветра заглушали

порой пронзительные крики широко взмахивавших крыльями чаек, фрегатов[37] и альбатросов.

Капитан Лафайет и старший офицер взобрались по лестнице на галерею, окружающую фонарь маяка, чтобы посмотреть на остров и море.

[37] Notes: 37

Фрегат — крупная тропическая птица, живущая по берегам морей.



Вся западная часть острова и океана была пустынна.

Вся западная часть острова и океана была

пустынна.

Вся западная часть острова и океана была пустынна. На северо-западе виднелся мыс Сан-Хуан. У подножия башни лежала бухта Эльгор. По берегу ходили взад и вперед матросы с «Санта-Фе».

Нигде вдали не видно было ни паруса, ни дыма. Всюду расстилалось необъятное море.

Пробыв на галерее маяка с четверть часа, оба офицера спустились вместе с Васкесом и отправились на корабль.

После обеда капитан Лафайет и старший офицер Риегаль снова высадились на берег. Перед отъездом им хотелось еще раз осмотреть северный берег бухты. Лоцманов на пустынном Острове Штатов не было, и командир уже несколько раз без их помощи входил днем в маленькую бухточку у подножия маяка и бросал там якорь. Но из осторожности он старался как можно лучше исследовать эту еще мало известную местность.

Итак, оба офицера вышли на новые разведки. Миновав узкий перешеек, соединяющий мыс Сан-Хуан с островом, они осмотрели берег порта того же имени, очень похожий на расположенный напротив мыс Эльгор.

— Это прекрасный порт, — заметил командир. — Он настолько глубок, что в него могут

войти даже большие суда. Жаль только, что доступ в него довольно труден. Но если поставить напротив эльгорского маяка другой, хотя бы и более слабый, то застигнутые бурей корабли могут спасаться в этой гавани.

— Это последняя гавань по эту сторону Магелланова пролива, — сказал Риегаль.

Оба офицера возвратились в четыре часа. Простившись со стоявшими на берету Васкесом, Фелипе и Морисом, они отбыли на корабль.

К пяти часам облака черною дыма повалили из пароходной трубы. «Санта-Фе» готовился сняться с якоря с началом прилива.

В три четверти шестого командир приказал ходить на шпиле. Избыток пара выпустили через предохранительный клапан.

Старший офицер, стоя на баке, наблюдал за поворотами корабля. Становой якорь подняли на кранбалк и взяли на фиш.

Сопровождаемый прощальными сигналами трех сторожей, «Санта-Фе» пустился в плавание. Несмотря на подбадривания Васкеса, товарищи его с волнением смотрели вслед удалявшемуся судну. В свою очередь, и бывшие на корабле с не меньшим волнением покидали на островке самой южной части Америки своих товарищей.

«Санта-Фе» медленно двинулся вдоль северо-западного побережья Эльгорской бухты. Еще не было восьми часов, когда он вышел в море. Вскоре стемнело, и маяк на краю света заблестел на горизонте, как далекая звезда.

Глава вторая
Остров Штатов

Остров, или Земля Штатов расположен у юго-восточной окраины Южной Америки. Это самый восточный клочок архипелага в Магеллановом проливе. Конвульсиями плутонической эпохи его отбросило на пятьдесят пятую параллель, всего на расстояние каких-нибудь семи градусов от Антарктического полярного круга.

Корабли, огибающие мыс Горн по пути с северо-востока на юго-запад или обратно, охотно заходят на этот островок, находящийся как бы на границе двух океанов.

Открытый в XVII веке голландским мореплавателем Лемером, канал отделяет Остров Штатов от Огненной Земли, находящейся от него в 25–30 километрах. Канал этот сокращает кораблям путь и спасает их от страшной зыби, в полосу которой неминуемо попадают суда, огибающие Остров Штатов морем. Остров этот граничит с каналом с восточной стороны на протяжении десяти миль, от мыса Сан-Антуан до мыса Кемпе, и паровые или парусные суда, защищаемые им,

проходят здесь с меньшим риском, чем с южной стороны острова.

Длина Острова Штатов с востока на запад, между мысами Сан-Бартелеми и Сан-Хуан — тридцать девять миль; ширина — от мыса Кольнета до мыса Уэбстера — одиннадцать миль.

Берега Острова Штатов очень извилисты и состоят сплошь из заливов, бухт и бухточек, вход в которые заграждается порою цепью островков или подводных рифов. Немало кораблей потерпело крушение у этих берегов, окаймленных то отвесными утесами, то огромными скалами, о которые даже в тихую погоду яростно бьются волны.

Остров необитаем, но, вероятно, на нем можно было бы жить, особенно летом, то есть в течение ноября, декабря, января и февраля. Стада нашли бы достаточный подножный корм на обширных равнинах в центре острова и в области на восток от гавани Парри, между мысами Конвей и Уэбстер. Как только толстая снежная пелена растает под лучами антарктического солнца, трава, зеленея, начинает пробиваться из земли, сохраняющей до самой зимы живительную влагу. Жвачные животные, акклиматизировавшиеся в окрестностях Магелланова пролива, вероят-

но, отлично ужились бы и на острове, только с наступлением зимних холодов пришлось бы перевести их в более мягкий климат Патагонии или хотя бы Огненной Земли.

Впрочем, на острове живут дикие олени, мясо которых, если его хорошо зажарить, довольно вкусно. Эти животные не погибают от голода в долгую суровую зиму лишь благодаря своему умению отыскивать и выкапывать из-под снега мох и корни, которыми они питаются.

Во внутренней части острова, кроме равнин, попадаются и леса с чахлой, недолговечной, чаще желтой, чем зеленой, листвой. Из древесных пород встречается антарктический бук, достигающий иногда двадцати метров в вышину, с горизонтально распростертыми ветвями, барбарис и гаультерия — растение, напоминающее по своим свойствам ваниль.

Но равнины и леса занимают только четверть поверхности Острова Штатов. Вся остальная часть покрыта скалистыми плоскогорьями. Преобладающей горной породой является кварц. Глубокие ущелья изрезывают горы, всюду тянутся длинные гряды валунов ледникового происхождения. В зимнее время под гладким снежным покровом равнины центральной части

острова похожи на степи. Но по мере того как продвигаешься на запад, почва меняет свой характер, а у самого побережья уже представляет собой массу высоких отвесных скал. Конусообразные и остроконечные морщинистые утесы достигают тысячи метров высоты над уровнем моря. С их вершины можно было бы осмотреть весь остров. Это последние отроги огромной цепи Анд, которая, словно позвоночник Американского материка, тянется с севера на юг.

При суровых климатических условиях, под резким дыханием ужасных ураганов, флора острова не блещет разнообразием. Только вблизи Магелланова пролива да на Мальвинском архипелаге, находящемся в ста милях от побережья Огненной Земли, встречается кое-какая растительность: бесцветный ракитник, бедренец, мятлица, вероника. В тени лесов, среди степной травы, бледные цветы блекнут, едва успев раскрыть свои венчики. У подножия прибрежных скал, на их склонах, всюду, где есть немного земли, растет мох, а у подножия деревьев — кое-какие съедобные корни, например корни вида азалеи, употребляемые американскими племенами вместо хлеба, но, в общем, малопитательные.

На каменистом Острове Штатов нет ни ручьев,

ни рек. Но лежащий в течение восьми месяцев в году толстым слоем снег тает в теплое время года под косыми лучами солнца и поддерживает постоянную влажность почвы. Всюду образуются небольшие озера, пруды, в которых до первых заморозков стоит вода. В то время, к которому относится наш рассказ, вода стекала с окружающих маяк высот и образовывала ручьи и водопады, которые впадали в маленький Эльгорский залив или бухту Сан-Хуан.

Но если остров беден флорой и фауной, то море вокруг него кишит рыбой. Потому-то, несмотря на опасность, которая угрожает судам в проливе Лемера, жители Огненной Земли часто приезжают сюда на рыбную ловлю. Тут ловятся мерланы, корюшка, вьюны, бониты, дорады, колбени, головли. В это время года китообразные — киты, кашалоты, тюлени и моржи — также охотно приближаются к острову, так что большие рыболовные суда нашли бы здесь обильную добычу. Животные эти спасаются в антарктических морях от безжалостных преследований рыбаков.

На всем побережье острова, в бухточках, на подводных скалах — масса съедобных и иных ракушек, устриц, морских блюдец, трубороговв, а подводные рифы так и кишат различными

ракообразными.

Белые, как лебеди, альбатросы, буревестники, лонзики, морские жаворонки и шумные, крикливые чайки являются представителями мира пернатых.

Из всего сказанного не следует, однако, заключать, что Чили и Аргентинская республика желают завладеть Островом Штатов. В общем, он представляет собой большую, почти необитаемую скалу.

Кому же принадлежал этот остров в то время, к которому относится наш рассказ? Сказать можно только одно, что он составлял часть архипелага в Магеллановом проливе, еще не разделенного между обеими республиками южной окраины Американского материка[38].

В летнее время жители Огненной Земли изредка заезжают на остров, спасаясь от бури. Коммерческие же суда проходят обыкновенно Магеллановым проливом, который точно очерчен на морских картах и которым, благодаря успехам пароходства, можно идти безопасно и с востока и с запада. На Остров Штатов заходят только корабли, которые уже обогнули или соби-

---

[38] Notes: 38

С 1881 года Остров Штатов принадлежит Аргентинской республике.

раются обогнуть мыс Горн.

Аргентинская республика, по инициативе которой был выстроен «маяк на краю света», заслуживает благодарности. До того времени сторожевой огонь не освещал этих мест от входа в Магелланов пролив, у мыса Дев в Атлантическом океане, до его выхода, у мыса Пилар, в Тихий океан. Маяк Острова Штатов значительно облегчал мореплавание в этих опасных местах. Даже на мысе Горн нет маяка, который мог бы освещать кораблям, пришедшим из Тихого океана, вход в пролив Лемера.

Аргентинское правительство решило соорудить новый маяк в бухте Эльгор. Работа продолжалась целый год, и 9 декабря 1859 года состоялось открытие маяка.

В ста пятидесяти метрах от бухты почва поднималась метров на сорок и образовывала плоскогорье в четыреста или пятьсот квадратных метров.

Эту возвышенность обнесли каменной стеной, и она послужила основанием для башни маяка.

Башня эта возвышалась над пристройками, жильем и магазинами.

В пристройке находились: 1) комната для сторожей, с кроватями, шкафами, столами, стульями

и чугунной печью, труба которой была выведена на крышу; 2) общий зал, служащий в то же время столовой, с чугунной печью, столом посредине, висячими лампами, часами, стенными шкафами, в которых хранились подзорные трубы, барометры, термометры и запасные лампы для замены фонаря в случае, если он погаснет; 3) магазины, в которых сложено было припасов больше чем на полгода, хотя возобновить их предполагалось через три месяца; тут были всякого рода консервы, солонина, сало, сушеные овощи, морские сухари, чай, кофе, сахар, бочонки с виски и водкой и наиболее часто употребляемые в обиходе медикаменты; 4) склад масла, необходимого для поддержания огня в фонаре маяка; 5) склад топлива, припасенного на долгую антарктическую зиму.

Строительные материалы добывались тут же, на острове, и отличались прочностью. Соединенные железными связями и плотно пригнанные друг к другу камни образовали крепкую стену, способную выдержать сильные бури и ужасные ураганы, так часто бушующие на далекой границе двух самых обширных океанов Земного шара. Васкес был прав, говоря, что эту башню не унесет ветром. Он и его товарищи взялись под-

держивать огонь на маяке и решили выполнить свою обязанность, несмотря ни на какие штормы Магелланова пролива.

Башня имела тридцать два метра в вышину, что вместе с вышиною террасы составляло семьдесят четыре метра над уровнем моря. Таким образом, огонь маяка должен быть виден за пятнадцать миль, на самом же деле его можно было различать лишь на расстоянии десяти миль.

В то время не могло быть и речи об электрических фонарях. К тому же на отдаленном от материка островке важно было применить такую систему, которая требовала бы как можно меньше исправлений и починок. Вот почему применили освещение посредством масла, со всеми новейшими усовершенствованиями, известными науке и промышленности.

В конце концов, хорошо было и то, что маяк можно было видеть на расстоянии десяти миль. Завидев маяк, идущие с северо-востока и юго-востока корабли еще имели возможность изменить направление, чтобы войти в пролив Лемера или обогнуть остров с юга. Надо было только в точности исполнять опубликованную морскими властями инструкцию и держаться так, чтобы маяк был на норд-норд-весте, если

корабль намеревался огибать остров с зюйда, и на зюйд-зюйд-весте, если предполагалось войти в пролив Лемера. Мыс Сан-Хуан должен был при этом остаться налево, а стрелка[39] Североземь, или Фаллоус, — направо; все эти эволюции корабль должен был проделать вовремя, чтобы не оказаться прибитым течением и ветром к берегу. Кроме того, в случае, если бы корабль захотел зайти в бухту Эльгор, держа курс на маяк, он мог легко войти в гавань.

Таким образом, на обратном пути «Санта-Фе» мог спокойно войти в бухточку даже ночью. От наиболее глубокого места бухты до мыса Сан-Хуан три мили расстояния, а так как огонь маяка виден за десять миль, то рассыльное судно могло заметить его, находясь еще в семи милях от прибрежных рифов острова.

В старину маячные фонари снабжались параболическими зеркалами[40], поглощавшими половину света. Но прогресс науки сказался и здесь. В описываемое нами время уже при-

---

[39] Notes: 39

Стрелка — узкая песчаная полоса, выдающаяся в море.

[40] Notes: 40

Параболические зеркала — выпуклые стекла, посылающие световые лучи в виде расходящегося конуса, отчего значительная часть «боковых» лучей рассеивается в пространстве.

менялись диоптрические[41] прожекторы, при которых терялась лишь небольшая часть лучей.

В фонаре маяка были установлены лампы с концентрическими фитилями. Огонь ламп, при небольших размерах, был очень интенсивен и мог быть сосредоточен почти в самом фокусе отражательного зеркала. Находящийся внутри фонаря диоптрический прибор состоял из целой системы зеркал с одним общим фокусом. Благодаря этому цилиндрический сноп параллельных лучей, отброшенных системой зеркал, передавался наружу в наилучших условиях видимости. Покидая остров в довольно ясный день, командир рассыльного судна вполне мог убедиться, что новый маяк действует исправно.

В усердии и исполнительности Васкеса и его товарищей сомневаться было нельзя. Их выбрали из огромного числа кандидатов, и на прежней службе своей они зарекомендовали себя добросовестностью, храбростью и выносливостью.

Несмотря на то что пустынный Остров Штатов находился в тысяче пятистах милях от Буэнос-Айреса, откуда могли быть присланы припасы

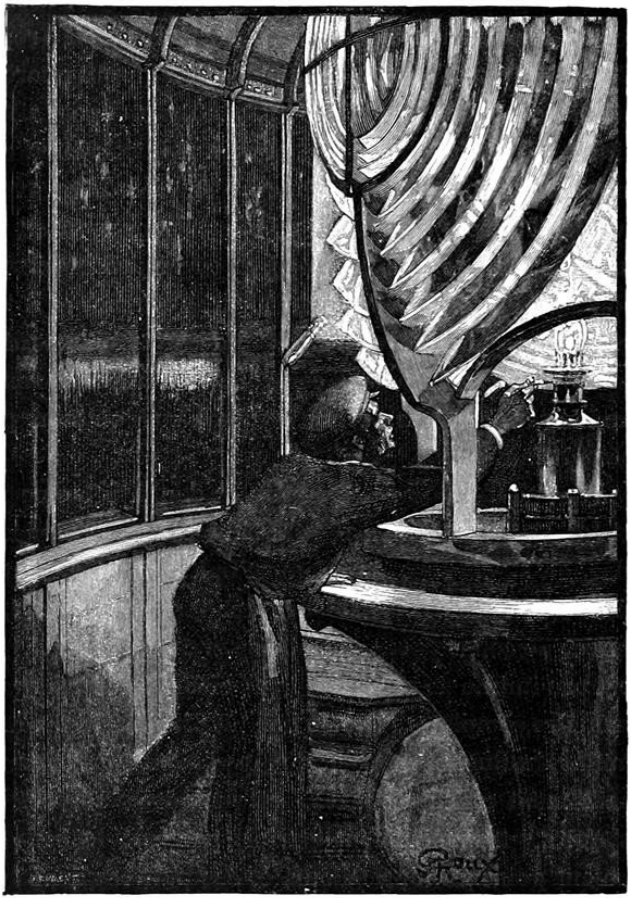
[41] Notes: 41

Диоптрические прожекторы — состоят из скомбинированных таким образом двояковыпуклых зеркал, посылающих световые лучи прямым столбом.

и помощь, сторожам маяка, по-видимому, не угрожала никакая опасность. Жители Огненной Земли заглядывают сюда только летом, к тому же это совершенно безобидные люди. Окончив ловлю рыбы, они спешно переправляются через пролив Лемера на берега Огненной Земли или на острова архипелага. За исключением этих туземных рыбаков, никто никогда не показывался на острове. Мореплаватели слишком боятся его негостеприимных берегов, чтобы какой-нибудь корабль рискнул подойти к ним.

Впрочем, на случай появления подозрительных людей в бухте Эльгор были приняты все предосторожности. Железные решетки заграждали окна жилища и магазинов, а двери запирались засовами. Кроме того, Васкес, Фелипе и Морис были вооружены винтовками и револьверами, и у них было достаточно боевых припасов.

Наконец, вход в башню закрывался массивной железной дверью, взломать которую было невозможно. Немыслимо было проникнуть в башню и через узкие, заделанные прочными решетками бойницы лестницы. На галерею же, окружающую фонарь маяка, можно было бы взобраться разве лишь по громоотводу.



Диоптрический прибор состоял из целой системы зеркал.

Диоптрический прибор состоял из целой системы зеркал.

Глава третья
Три сторожа

Движение судов вблизи Острова Штатов оживленнее всего с ноября по март. Правда, в это время года бывает сильная зыбь, но все же штормы налетают реже. Пароходы и парусные суда, пользуясь сравнительным затишьем, охотнее огибают мыс Горн и обходят новый материк.

Впрочем, корабли показываются в проливе Лемера и южнее Острова Штатов все же так редко, что почти не нарушают однообразия долгих дней этого времени года. С тех пор как были усовершенствованы пароходы, а морские карты стали точнее и плавание по Магелланову проливу — менее опасно, суда преимущественно избирают этот кратчайший и более легкий путь.

Однообразие — обычный удел жизни на маяках; но большинство сторожей — старые матросы или рыбаки, и оно не тяготит их. Они не считают часов и всегда найдут чем заняться и развлечься. Обязанности маячных сторожей не ограничиваются поддержанием огня от заката до восхода солнца. Васкесу и его товарищам было поручено

зорко осматривать окрестности бухты Эльгор, отправляться несколько раз в неделю на мыс Сан-Хуан, наблюдать за побережьем до стрелки Североваль, но никогда не отходить от маяка дальше трех-четырех миль. Они должны были вести «маячную книгу», заносить в нее обо всем происшедшем, о проходивших мимо парусных и паровых судах, их национальности, названии. В этой книге отмечалась высота приливов, сила и направление ветра, перемена погоды, продолжительность дождей, повышения и понижения барометра, сведения о грозах, температуре и других явлениях, необходимых для составления метеорологической карты.

Васкес, родом аргентинец, как Фелипе и Морис, должен был исполнять на Острове Штатов обязанности главного сторожа маяка. Ему было сорок семь лет. Сильный, здоровый, выносливый, моряк этот много раз пересекал все сто восемьдесят параллелей; решительный, энергичный, привычный к опасности, не раз видел он смерть лицом к лицу. Назначили его старшим не по летам, а за твердость характера и доверие, которое он внушал. Когда он служил в военном флоте Аргентинской республики, он пользовался всеобщим уважением, а когда оказался в числе

кандидатов на место хранителя маяка на Острове Штатов, морские власти ни минуты не поколебались предоставить ему это место.

Фелипе и Мориса взяли по рекомендации Васкеса, который знал их давно. Первому было лет сорок, второму — тридцать семь. Фелипе был холостяк. У Мориса была жена, служившая у хозяйки меблированных комнат в Буэнос-Айресе; детей у них не было.

Через три месяца «Санта-Фе» должен был доставить на Остров Штатов трех других сторожей, а Васкеса и двух его друзей отвезти обратно в Буэнос-Айрес, где они должны были отдохнуть в течение трех месяцев и потом снова вернуться — на смену маячной стражи.

Во второй раз им пришлось бы провести на маяке три зимних месяца: июнь, июль и август. Первое пребывание на острове должно было быть сравнительно сносным, но по вторичном возвращении им пришлось бы испытать много неприятного. Однако это нисколько не пугало их. Васкес и его товарищи уже настолько привыкли к переменам климата, что холод, бури и стужа антарктической зимы были им нипочем.

Точно с 10 декабря началась правильно организованная служба. Лампы горели каждую ночь

под наблюдением дежурного сторожа, в то время как два других отдыхали. Днем они осматривали и чистили лампы, меняли светильни, и к закату солнца фонарь снова бросал вдаль сильный сноп лучей.

Время от времени, согласно инструкции, Васкес с одним из товарищей отправлялся пешком или в небольшой полупалубной парусной шлюпке в Эльгорскую бухту. Шлюпка эта стояла в маленькой бухточке, где высокие береговые утесы хорошо укрывали ее от восточных ветров — единственных, которые представляли здесь опасность.

Само собой разумеется, пока двое сторожей отправлялись к бухте или в ее окрестности, третий непременно оставался на верхней галерее маяка. Могло случиться, что какой-нибудь корабль, проходя мимо Острова Штатов, вздумал бы дать сигнал. Поэтому один сторож должен был оставаться неотлучно на посту. С террасы видно было море на востоке и на северо-востоке. Высокие прибрежные скалы закрывали вид в других направлениях. Таким образом, чтобы сигнализировать проходящим кораблям, нужно было непременно находиться в дежурном помещении.

Первые дни после ухода рассыльного судна прошли без всяких событий. Было довольно тепло, и стояла хорошая погода. Стоградусный термометр[42] показывал иногда десять градусов тепла. Днем ветер дул с моря, а к вечеру переходил в северо-западный и дул с равнин Патагонии и Огненной Земли.

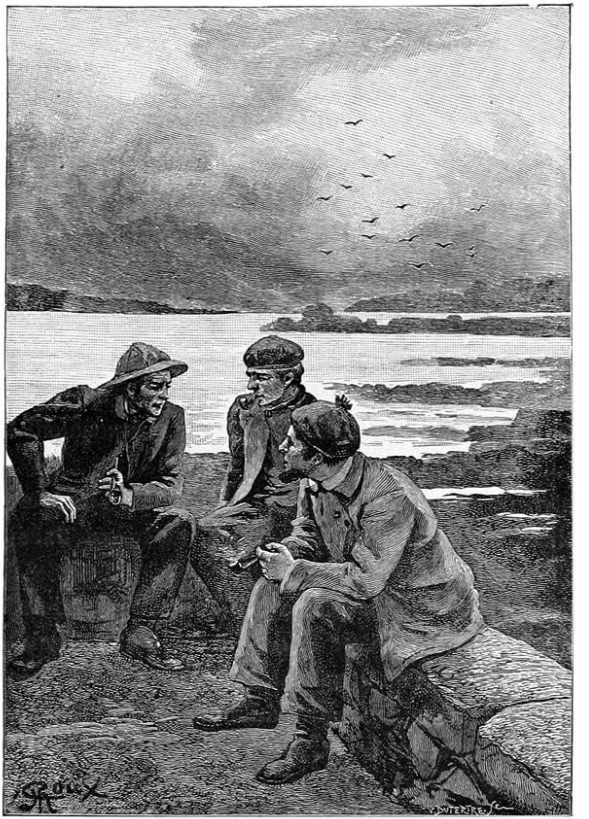
В течение нескольких часов шел дождь, парило, и можно было даже ожидать грозы.

Под влиянием живительных солнечных лучей начала пробиваться растительность. Соседний с маяком луг сбросил с себя белый снежный покров и расцветился бледной зеленью. Так и манило прилечь под свежей листвой антарктической буковой рощи. Вздувшийся от вешних вод ручей впадал в бухточку. У подножия деревьев, по склонам скал, показались мох, лишаи, ложечная трава, известная своими целебными противоцинготными свойствами. Словом, на несколько недель на окраине Американского материка наступило лето — весною это время года назвать нельзя, потому что в местности вблизи Магелланова пролива не знают, что такое весна.

---

[42] Notes: 42

Стоградусный термометр — термометр Цельсия, имеющий точку кипения воды на 100 градусах.



Васкес, Фелипе и Морис сидели на балконе, окружавшем фонарь.

Васкес, Фелипе и Морис сидели на балконе, окру-

жавшем фонарь.

День клонился к вечеру, но еще рано было зажигать огонь на маяке. Васкес, Фелипе и Морис сидели на балконе, окружавшем фонарь, и болтали.

Главный сторож направлял разговор.

— Как вам нравится жизнь на маяке, братцы? — спросил он, набивая трубку.

— Ну, соскучиться-то и устать мы не успели! — отвечал Фелипе.

— Конечно, — подтвердил Морис. — Да и все-то три месяца, я уверен, пройдут незаметно.

— Так, так, друг мой: пройдут, как корвет, несущийся под своими бом-крюйс-брамселями и лиселями[43].

— Однако мы не видели сегодня ни одного корабля, — заметил Фелипе.

— Будут и корабли, Фелипе, — возразил Васкес, смотря в кулак, словно в подзорную трубу. — Жаль было бы, если бы напрасно выстроили на Острове Штатов такой прекрасный маяк, освещающий море на расстоянии десяти миль.

— Еще никто не знает о его существовании, — сказал Морис.

---

[43] Notes: 43

Бом-крюйс-брамсели, лисели и др. — названия парусов.

— Ну конечно! — откликнулся Васкес. — Еще не всем капитанам известно, что этот берег теперь освещен. Когда они узнают это, они охотно будут подходить к берегу. Впрочем, мало знать, что здесь есть маяк, надо еще знать, что он светится от заката до восхода солнца.

— Об этом узнают лишь тогда, когда «Санта-Фе» прибудет в Буэнос-Айрес, — заметил Фелипе.

— Правильно, — одобрил Васкес, — когда опубликуют донесение Лафайета, власти поспешат распространить его среди моряков всех стран света. Многие мореплаватели и теперь уже знают обо всем, что здесь произошло.

— «Санта-Фе» ушел три дня назад, — начал высчитывать Морис, — в плавании он пробудет…

— Ну что там считать! — прервал его Васкес. — Он пробудет в дороге еще с неделю. Погода дивная, море спокойно, ветер попутный. Корабль идет день и ночь на всех парусах и, наверно, делает девять — десять узлов в час.

— Я думаю, что он теперь уже вышел из Магелланова пролива и обогнул мыс Дев, — сказал Фелипе.

— Непременно, — согласился Васкес, — а теперь он бежит вдоль берегов Патагонии быстрее патагонских лошадей. Впрочем, кто знает, бегают

ли люди и лошади в Патагонии так быстро, как фрегат первого ранга под парусами!

Нет ничего удивительного, что оставшиеся на маяке люди все еще думали о «Санта-Фе». Ведь этот корабль был как бы последним клочком их страны, который от них теперь оторвался. И вот они мысленно следили за ним.

— Что ты сегодня наловил? — спросил Васкес у Фелипе.

— Улов был довольно хороший. Я поймал на удочку десять колбеней.

— Отлично. Ты не бойся, в заливе их еще много осталось. Говорят, что чем больше ловишь рыбы, тем ее больше делается в море. А нам это на руку. Питаясь рыбой, мы сбережем свой запас солонины и овощей.

— А я был в буковом лесу, — сообщил Морис, — и открыл там кое-какие корни, которые сумею приготовить лучше, чем это делал наш корабельный кок. Увидите, как это будет вкусно!

— Очень приятно. Свежая дичь, рыба и зелень лучше всяких консервов, — сказал Васкес.

— Хорошо было бы, если бы к нам сюда забрели какие-нибудь жвачные животные, например парочка ланей! — вздохнул Фелипе.

— Я тоже не отказался бы от филе или окорока

лани, — отвечал Васкес. — Хороший кусок дичины никому не вреден. Если дичь появится, мы постараемся подстрелить ее. Только одного не забывайте, братцы: в погоне за добычей не следует забираться далеко от маяка. Так и в инструкции сказано: удаляться от маяка можно только для того, чтобы наблюдать за Эльгорской бухтой да за морем между мысом Сан-Хуан и стрелкой Диегос.

— А если на расстоянии ружейного выстрела подвернется дичь? — спросил Морис.

— На расстоянии одного, даже двух или трех выстрелов — еще туда-сюда, — сказал Васкес. — Но лань — пугливое животное, и едва ли нам придется увидеть пару ветвистых рогов вот там, на скалах, по соседству с буковым лесом.

Действительно, за все время производства работ вблизи Эльгорской бухты ни одно животное здесь не показывалось. Старший офицер с «Санта-Фе», страстный охотник, несколько раз пробовал охотиться на ланей. Он ходил за пять, за шесть миль — и напрасно.

Лани на острове хотя и водились, но не подпускали к себе на расстоянии выстрела. Может быть, охота была бы удачнее, если бы старший офицер перешел через горы, за пределы порта

Парри, на другую сторону острова. Но в западной части острова высились остроконечные, почти неприступные утесы, и никто из экипажа «Санта-Фе» не ходил на рекогносцировку к мысу Сан-Бартелеми.

В ночь с 16 на 17 декабря на башне между шестью и десятью часами вечера стоял на вахте Морис. И вот в пяти или шести милях расстояния, в восточном направлении, на море показался сигнальный огонек корабля, первый со дня открытия маяка.

Морис подумал, что это может интересовать товарищей, и пошел за ними. Они еще не спали.

Васкес и Фелипе поднялись вместе с ним на башню и стали наблюдать в подзорную трубу.

— Это белый огонь, — заметил Васкес.

Зеленые и красные огни зажигаются по правому и левому борту, белый огонь поднимается обыкновенно на штаге[44] фок-мачты[45]. Очевидно, вблизи острова находился пароход. Он держал курс на мыс Сан-Хуан. Маячные сторожа старались угадать, куда он повернет — в пролив Лемера или на юг.

---

[44] Notes: 44

Штаг — снасть, удерживающая мачту спереди.

[45] Notes: 45

Фок-мачта — первая от носовой части мачта корабля.

В течение получаса следили они за ходом приближавшегося судна и наконец поняли, куда оно идет.

Пароход направлялся на зюйд-зюйд-вест, к проливу, оставляя маяк с левого борта. После того как он миновал гавань Сан-Хуан, его красный огонек промелькнул и исчез в темноте.

— Это первый пароход, который прошел в виду «маяка на краю света»! — воскликнул Фелипе.

— Но не последний, — возразил Васкес.

На следующее утро Фелипе заметил на горизонте большое парусное судно. Легкий юго-восточный ветерок рассеял туман, и в прозрачном воздухе легко было разглядеть находившийся на расстоянии менее десяти миль корабль.

Васкес и Морис пришли на зов товарища на верхнюю галерею маяка. Корабль виднелся за последними береговыми утесами, правее Эльгорской бухты, между стрелками Диегос и Сеневраль.

Он шел полным ходом, под всеми парусами, со скоростью двенадцати-тринадцати узлов в час; но так как держал курс прямо на остров, трудно было определить, собирается ли он пройти севернее или южнее острова.

Как настоящие моряки, Васкес, Фелипе и Морис заинтересовались этим вопросом и поспорили.

Прав оказался Морис, утверждавший, что корабль вовсе не собирается входить в пролив. В самом деле, подойдя на полторы мили к берегу, он придержался к ветру, чтобы обогнуть стрелку Севераль.

Это было большое трехмачтовое судно, не меньше тысячи восьмисот тонн вместимостью, очень напоминавшее американские быстроходные клипера.

— Пусть моя подзорная труба превратится в зонтик, если этот пароход вышел не из верфей Новой Англии! — воскликнул Васкес.

— Может быть, он даст нам сигнал? — сказал Морис.

— Он исполнит только свой долг, — отвечал главный сторож.

Когда клипер обогнул стрелку Севераль, он действительно подал сигнал. На гафеле выкинули ряд флагов, значение которых Васкес немедленно выяснил, заглянув в книгу, лежавшую в дежурной комнате.

Название корабля было «Монтанк», и шел он из Бостонского порта в Новой Англии, в Соединенных Штатах Америки. Сторожа выкинули в ответ аргентинский флаг и следили за кораблем, пока верхушки его мачт не исчезли за высотами

Уэбстера на южном берегу острова.

— Счастливого пути, «Монтанк»! — воскликнул Васкес. — Благополучно миновать тебе мыс Горн!

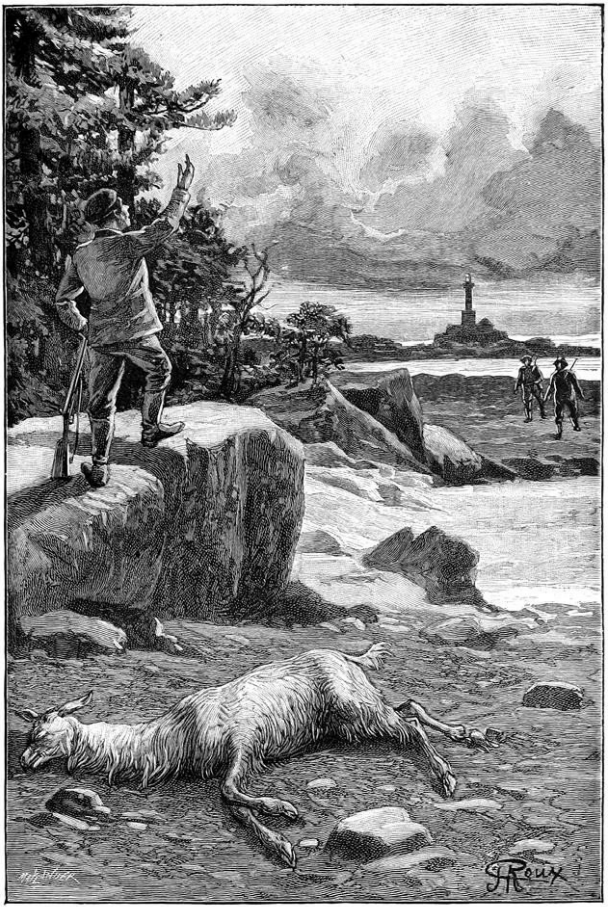
В последующие дни море оставалось пустынным. Только с восточной стороны горизонта промелькнуло несколько парусов.

Проходившие на расстоянии десяти миль от Острова Штатов корабли, по-видимому, не старались приблизиться к берегу. По мнению Васкеса, это были китобойные суда, вышедшие на ловлю в Антарктику. Сторожа заметили также несколько дельфинов-великанов, которые зашли сюда с более северных широт. Они плыли в Тихий океан и не подходили к стрелке Североаль.

До 20 декабря в книгу, исключая метеорологических наблюдений, нечего было заносить. Погода стала переменная, и ветер дул то с норда, то с зюйд-оста. Несколько раз шли сильные дожди с градом, что свидетельствовало об известной насыщенности воздуха электричеством. Можно было ожидать гроз, обычно довольно сильных в это время года.

Утром 21-го Фелипе прохаживался взад и вперед по террасе, покуривая трубку. Вдруг на опушке букового леса показалась голова животного.

Фелипе принес подзорную трубу и стал смотреть. Животное оказалось крупной ланью. Представлялся хороший случай поохотиться.



Почти в тот же момент на скале появился Морис.

Почти в тот же момент на скале появился Морис.

На крик Фелипе на террасу прибежали Васкес и Морис.

Посоветовавшись, они решили преследовать лань, мясо которой, в случае удачной охоты, могло послужить хорошим дополнением к имеющимся припасам.

Решено было, что Морис, вооружившись винтовкой, попытается незаметно обойти лань, а потом погонит ее к бухте, где будет караулить ее Фелипе.

— Будьте только осторожны, братцы, — советовал Васкес. — У лани превосходный слух и обоняние. Если только она почует Мориса, то побежит так стремительно, что ни подстрелить, ни обойти ее не удастся. Если это случится, пусть убегает, вы же не увлекайтесь охотой и не уходите далеко от башни. Слышите?

— Понимаем, — отвечал Морис.

Васкес и Фелипе остались на площадке; посмотрев в зрительную трубу, они убедились, что лань стоит все на том же месте, и сосредоточили все свое внимание на Морисе.

Морис шел к буковому лесу. Под прикрытием деревьев ему должно было удаться дойти неза-

метно до скал и, вспугнув животное, погнать его по направлению к бухте.

Товарищи следили за Морисом, пока он не скрылся в лесу.

Прошло около получаса. Лань стояла неподвижно. Морис давно уже должен был выстрелить в нее.

Васкес и Фелипе ждали, что вот-вот грянет выстрел и животное упадет раненое или пустится со всех ног бежать.

Между тем выстрела все не было слышно, а лань, к величайшему удивлению Васкеса и Фелипе, вместо того чтобы бежать, растянулась на скалах, как безжизненное тело.

Почти в тот же момент на скале появился Морис. Он бросился к лани, наклонился над нею, ощупал ее и, поднявшись, махнул товарищам рукой, как бы призывая их на помощь.

— Что-то не ладно, — сказал Васкес. — Пойдемка, Фелипе.

Оба поспешно спустились с террасы и направились к буковому лесу.

Бежали они не больше десяти минут.

— Ну что же лань? — спросил Васкес.

— Вот она! — сказал Морис, указывая на лежавшее у его ног животное.

— Мертвая? — допрашивал Фелипе.

— Мертвая, — отвечал Морис.

— От старости, что ли? — спросил Васкес.

— Нет, от ран.

— Так она ранена?

— Да, в бок, пулей.

— Пулей? — повторил Васкес.

Действительно, раненая лань дотащилась до этого места и тут издохла.

— Значит, на острове есть охотники?.. — прошептал Васкес и озабоченно оглянулся кругом.

Глава четвертая
Шайка Конгра

Если бы Васкес, Фелипе и Морис побывали на западной окраине Острова Штатов, они увидели бы, что западный берег ничуть не походит на побережье острова между мысом Сан-Хуан и стрелкой Североваль. Береговые утесы в тридцать пять метров вышиной спускались здесь отвесной стеной в воду. Даже в тихую погоду у подножия их яростно бились волны прибоя.

Перед этими бесплодными береговыми утесами, в расщелинах, скважинах и трещинах которых ютились мириады морских птиц, тянулись гряды рифов. Некоторые из этих подводных камней имели до двух миль в ширину, как это видно было во время отлива. Между этими банками[46] проходили узкие извилистые каналы, доступные разве лишь для мелких судов. На высоком песчаном берегу кое-где виднелись тощие водоросли, да всюду валялись разбитые волнами раковины. В береговых утесах можно

[46] Notes: 46

Банки — возвышения морского дна, над которыми глубина воды не превышает четырех метров.

было встретить множество глубоких, мрачных сухих гротов с узкими отверстиями. Ни во время шквалов, ни при зыби, даже в страшное время равноденствия, когда морская вода поднимается на большую высоту, эти пещеры не затоплялись. Чтобы проникнуть в них, надо было взбираться по каменистым откосам и обвалившимся скалам. Перебираясь через трещины, еще можно было достигнуть гребня гор, но, чтобы дойти до центрального плоскогорья острова, надо было подняться на вершину в девятьсот метров высотой. В общем, эта часть острова была более дикой и пустынной, чем противоположный берег у Эльгорской бухты.

Хотя горы Огненной Земли и Магелланова архипелага несколько защищают западную часть Острова Штатов от северо-западных ветров, море бушует здесь с такой же яростью, как и вблизи мыса Сан-Хуан, от стрелки Диегос до стрелки Североаль. Таким образом, кроме маяка, выстроенного со стороны Атлантического океана, было бы нелишним построить второй маяк и со стороны Тихого океана — для судов, которые, обогнув мыс Горн, направляются в пролив Лемера. Может быть, правительство Чили последует со временем примеру Аргентинской республики.

Во всяком случае, одновременное устройство маяков на двух концах Острова Штатов причинило бы много неудобств шайке разбойников, поселившихся близ мыса Сан-Бартелеми.

Грабители высадились в Эльгорской бухте несколько лет назад и приютились в глубокой пещере среди береговых утесов. Они чувствовали себя здесь в полной безопасности, потому что корабли никогда не заходили на Остров Штатов.

Шайка состояла из двенадцати человек; предводителем ее был некто по имени Конгр, а его правой рукой и помощником — Каркант.

Все они были уроженцы Южной Америки: пять — аргентинцев или чилийцев по происхождению, остальных, должно быть, Конгр завербовал среди жителей Огненной Земли; им пришлось только переехать пролив Лемера, чтобы очутиться на острове, хорошо знакомом им по рыбной ловле.

Каркант был чилиец родом, но никто не знал, в каком городе или какой деревне республики, в какой семье он родился. Ему было лет под сорок. Роста он был среднего, довольно худощавый, но с сильно развитыми мускулами. По характеру это был скрытный и жестокий человек, который не отступил бы ни перед каким злодейством или

даже убийством.

Никому не было известно и прошлое атамана разбойничьей шайки. Сам он никогда не обмолвился о своем происхождении и национальности. Трудно сказать даже, действительно ли его звали Конгром. Впрочем, имя его встречается довольно часто среди туземцев Магелланова архипелага и Огненной Земли. Когда капитан Дюмон-Дюрвиль[47] зашел во время плавания «Астролябии» и «Прилежного» в гавань Пеккет в Магеллановом проливе, к нему явился патагонец, которого звали Конгром. Но едва ли атаман Конгр принадлежал к этому племени. У патагонцев широкие челюсти, узкий лоб, продолговатые глаза, приплюснутый нос, и все они обычно высокого роста. Конгр не походил на этот тип, и в лице его не было и тени той кротости, которой отличаются представители этого племени.

Конгр был пылок и энергичен. Это можно было сказать при одном взгляде на суровые черты его лица, обросшего густой бородой, в которой уже начала пробиваться седина, хотя Конгру было не

---

[47] Notes: 47

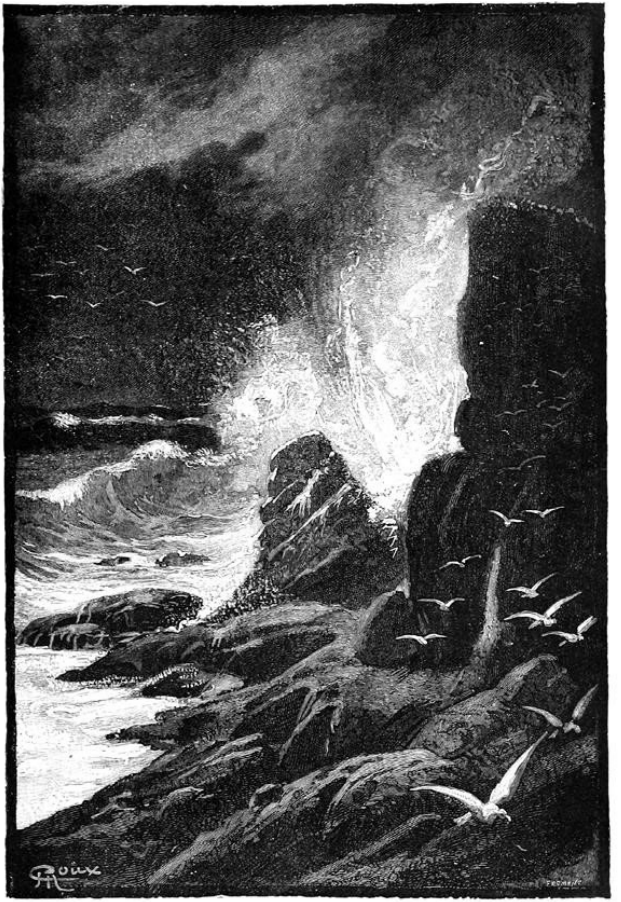
Дюмон-Дюрвиль (1790–1843) — французский мореплаватель и натуралист. В 1822–1825 годах совершил первое кругосветное путешествие, в 1826 году предпринял второе кругосветное путешествие, давшее, как и первое, богатый материал по исследованию посещаемых им мест.

больше сорока лет. Это был типичный бандит, злодей; не было преступления, которым он не запятнал бы себя; ему ничего не оставалось больше, как укрыться на этом необитаемом острове, у которого одно только побережье было до некоторой степени известно морякам.

Чем жил, однако, Конгр со своей шайкой с тех пор, как поселился на острове? Постараемся объяснить это в общих чертах.

Когда Конгр и Каркант, спасаясь от грозившей им за их преступления виселицы, бежали из Пунта-Аренас, главного порта Магелланова пролива, они направились на Огненную Землю, где трудно было бы их преследовать. Здесь они узнали от туземцев, что близ Острова Штатов, в то время еще не освещенного маяком, часто происходят кораблекрушения. Конечно, море должно было выбрасывать на берега острова груз погибших кораблей, иногда довольно ценный. Конгру и Карканту пришла мысль организовать банду для разграбления остатков погибших судов. К ним присоединились еще два-три бандита, которых они встретили на Огненной Земле, да человек десять туземцев. Они переправились на туземном судне через пролив Лемера. Конгр и Каркант были опытные моряки — они много плавали в

наиболее опасных местах Тихого океана, — но и им не удалось избежать катастрофы. Их судно отбросило на восток порывом ветра, и оно разбилось о скалы мыса Кольнег в то самое время, когда готовилось войти в тихие воды порта Парри.



Море бушует здесь с яростью...

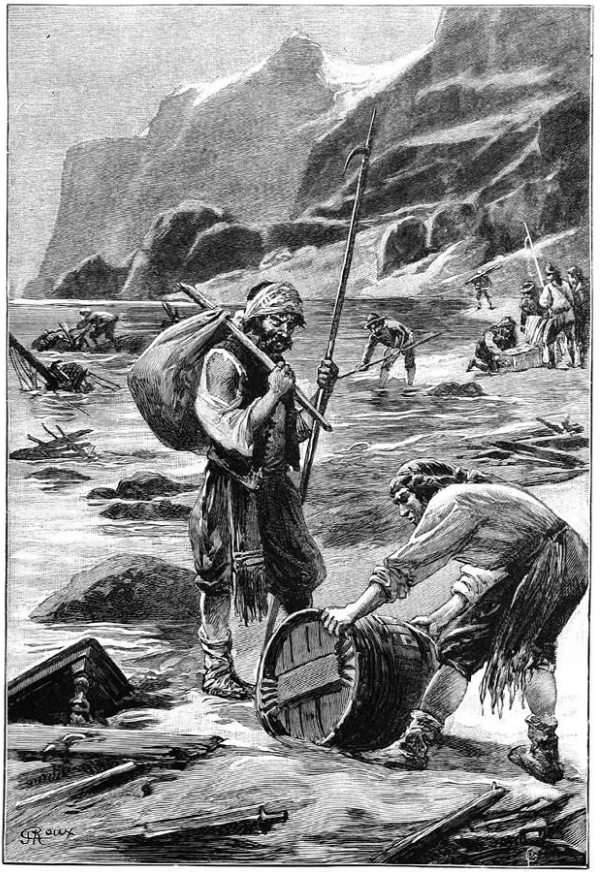
Море бушует здесь с яростью…

Бандиты добрались вброд до Эльгорской бухты. Ожидания их оправдались. Песчаный берег между мысом Сан-Хуан и стрелкой Североль был покрыт остатками давнишних и недавних кораблекрушений. Тут были целые тюки товаров, ящики со съестными припасами, которых им могло хватить на несколько месяцев, оружие, револьверы, ружья, металлические ящики с прекрасно сохранившимися патронами, ценные слитки золота и серебра, очевидно остатки груза погибших австралийских кораблей, мебель, доски от обшивки судов, разнообразные обломки и несколько скелетов; но не было ни единого живого существа, спасшегося от кораблекрушения.

Моряки хорошо знают этот ужасный Остров Штатов. Стоило буре прибить корабль к этому берегу, чтобы он погиб безвозвратно со всем экипажем и грузом.

Конгр с товарищами поселился не в глубине самой бухты, а у входа в нее, чтобы удобнее было наблюдать за мысом Сан-Хуан. Случайно он открыл большую пещеру, вход в которую зарос густыми водорослями, ламинариями и фукусами, и расположился в ней со всей бандой. Прибрежные утесы защищали пещеру от морского ветра.

Разбойники перенесли в свое новое жилище мебель, койки, одежду, съестные припасы, ящики с сухарями, бочонки с вином и водкой, — словом, все, что найдено было на берегу. Особенно ценные находки, например золото, серебро, драгоценные каменья, сложили в соседней пещере. Конгр надеялся когда-нибудь завлечь предательски какое-нибудь судно в бухту, захватить его, нагрузить драгоценной добычей и удалиться на один из островов Тихого океана, где он некогда совершал свои первые морские грабежи.



Песчаный берег был покрыт остатками давнишних и недавних кораблекрушений.

Песчаный берег был покрыт остатками давнишних и недавних кораблекрушений.

До сих пор такого случая не представилось, и пираты не могли покинуть Остров Штатов. Зато в течение двух лет богатство их увеличилось. За это время погибло несколько кораблей, и они награбили много добычи. По примеру живущих на некоторых побережьях Старого и Нового Света искателей выбрасываемых морем остатков после кораблекрушений, негодяи даже иногда завлекали суда в опасные места. Стоило показаться кораблю в виду берега ночью, когда свирепствовал восточный ветер, — и разбойники тотчас зажигали костер в направлении подводных рифов. Если кому-нибудь из потерпевших крушение удавалось спастись, злодеи немедленно убивали его.

Так жила на острове разбойничья банда. Конгру удалось погубить несколько судов, но не удалось привлечь ни одного в Эльгорскую бухту и завладеть им. По доброй воле ни одно судно не заходило в эту малоизвестную морякам бухту; да если бы случайно и попало туда, экипаж корабля мог ведь справиться с пятнадцатью разбойниками.

Время шло, и пещера все больше и больше

наполнялась ценными остатками грузов. Можно себе представить, какое нетерпение, какая ярость овладевали Конгром и его товарищами. Он и Каркант только об одном думали и говорили:

— Какая досада сидеть на этом острове с грузом, ценностью свыше ста тысяч пиастров! — говорил Каркант.

— Надо во что бы то ни стало выбраться отсюда! — отвечал Конгр.

— Когда и как? — спрашивал Каркант, и вопрос этот оставался всегда без ответа.

— Наши припасы истощаются, — продолжал Каркант. — Пока нас еще выручает рыбная ловля; а вот охота скоро перестанет давать нам добычу! И что за суровые зимы приходится нам переносить на этом острове! Неужели мы должны пережить еще несколько таких зим?

Что мог ответить на все это Конгр? По природе он был неразговорчив и необщителен; но гнев так и кипел в нем при сознании собственного бессилия!

Да, он был совершенно бессилен. Уж если шайка не может захватить корабль, то пусть бы какая-нибудь шлюпка с Огненной Земли пристала к берегу! Завладев ею, сам Конгр или Каркант с одним из чилийцев могли бы пере-

плыть Магелланов пролив, а оттуда пробраться в Буэнос-Айрес или Вальпараисо. А там — были бы лишь деньги — всегда можно купить судно в полтораста или двести тонн, которое при помощи нескольких наемных матросов можно привести в Эльгорскую бухту. В бухте легко избавиться от экипажа… Затем вся банда со своими богатствами могла бы отправиться на корабле на Соломоновы острова или на Новые Гебриды.

В таком положении было дело, когда вдруг произошло нечто неожиданное.

В начале октября 1858 года в виду острова показался пароход, на котором развевался аргентинский флаг. Он вошел в Эльгорскую бухту.

Конгр и другие разбойники тотчас же узнали, что это военный корабль, против которого они не могли ничего предпринять. Тщательно замаскировав вход в пещеру и уничтожив всякие следы своего присутствия, разбойники удалились вглубь острова, чтобы выждать, когда уйдет корабль.

Это был пришедший из Буэнос-Айреса «Санта-Фе», доставивший на Остров Штатов инженера, который должен был выбрать место для маяка.

Рассыльное судно оставалось в Эльгорской бухте всего несколько дней и ушло, не обнаружив

места, где скрылись Конгр и его приверженцы.

Впрочем, Каркант успел пробраться к бухточке и узнать, с какой целью приходил «Санта-Фе» на Остров Штатов. В Эльгорской бухте хотят выстроить маяк! Но ведь это значит, что разбойничьей шайке остается одно — убраться подобру-поздорову! Разбойники непременно так и сделали бы, если бы могли. Но Конгр не мог покинуть остров, а потому решил перебраться в западную часть его, к мысу Сан-Бартелеми, где тоже было много пещер. Рассыльное судно ушло, но оно должно было скоро вернуться с артелью рабочих, поэтому Конгр, не теряя времени, приказал перенести все необходимое в западную часть острова, в расчете на то, что, может быть, придется прожить там целый год. Он надеялся, что на таком расстоянии от мыса Сан-Хуан никто не откроет его. Перенести все, что было сложено в двух пещерах, не удалось. Пришлось ограничиться переноской съестных припасов, консервов, постельных принадлежностей, одежды и лишь некоторых драгоценных вещей. Все остальное оставили на произвол судьбы в пещерах, вход в которые старательно завалили камнями.

Через пять дней после того, как разбойники оставили старое пепелище, снова прибыл и стал

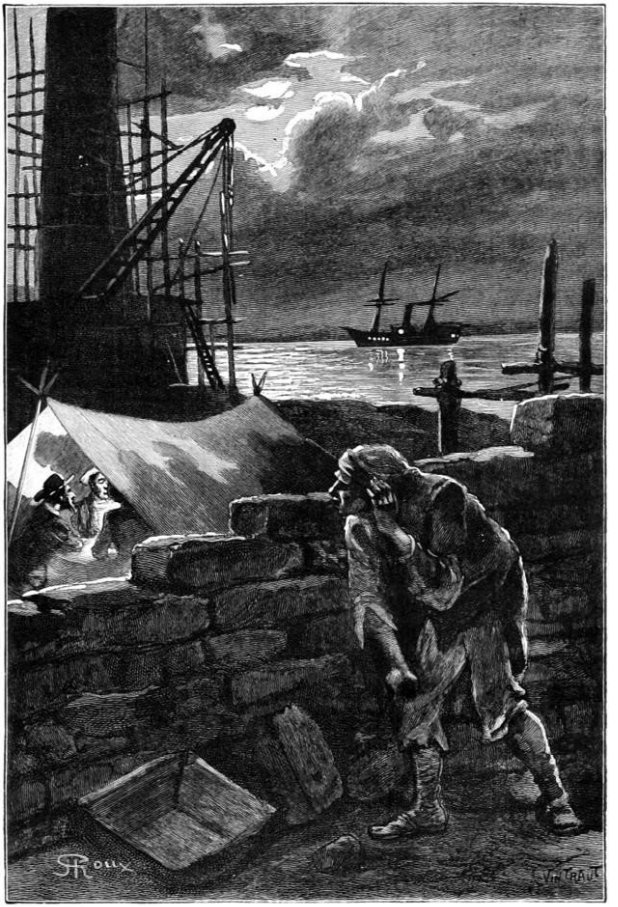
на якорь в Эльгорской бухте «Санта-Фе». Он доставил на остров рабочих и материалы. Маяк решено было строить на террасе. Начались работы, которые, как известно, были благополучно доведены до конца.

Итак, разбойничья банда Конгра приютилась близ мыса Сан-Бартелеми. Тут протекал образовавшийся от таяния снегов ручеек, который доставлял им пресную воду. Рыбная ловля, а до некоторой степени и охота давали возможность приберегать захваченные при бегстве из Эльгорской бухты съестные припасы.

Конгр и Каркант ожидали с нетерпением, когда постройка маяка будет окончена, а «Санта-Фе» уйдет, чтобы вернуться не раньше трех месяцев с новой сменой сторожей.

Следует сказать, что Конгр и Каркант прекрасно знали все, что происходит в бухте. Подкрадываясь к маяку с южного или северного побережья или из внутренней части острова или же наблюдая с высот, они составили себе понятие о ходе работ. Конгр ждал окончания работ и надеялся наконец осуществить свой давнишний план. Может быть, когда Эльгорская бухта будет освещена маяком, какой-нибудь корабль зайдет в нее, и тогда-то ему с товарищами удастся, истребив предварительно

экипаж, захватить судно.



«Санта-Фе» доставил на остров рабочих и материалы.

«Санта-Фе» доставил на остров рабочих и материалы.

Конгра нисколько не беспокоило, что офицеры «Санта-Фе» могут отправиться исследовать западную часть острова. Никому не могла прийти охота, по крайней мере в этом году, пуститься на разведку к мысу Сан-Бартелеми, по обнаженным плоскогорьям и почти неприступным оврагам. Это стоило бы неимоверных усилий. Правда, у командира рассыльного судна могла явиться мысль обойти остров с моря; но едва ли даже в этом случае он решился бы высадиться на окруженный рифами берег. Во всяком случае, разбойники сумели бы вовремя укрыться.

Ничего подобного, однако, не случилось. Наступил декабрь, постройка маяка приближалась к концу; скоро там должны были остаться одни сторожа. Первые лучи, которыми маяк осветит ночной мрак, оповестят об этом Конгра.

В течение последних недель кто-нибудь из разбойников каждый вечер взбирался на одну из конусообразных вершин, с которых можно было за семь или восемь миль видеть маяк. Наблюдавший должен был тотчас же сообщить, как только на маяке в первый раз засветится огонь.

В ночь с 9 на 10 декабря дежурил Каркант, и

на его долю выпало принести эту весть на мыс Сан-Бартелеми.

— Черт зажег огонь на маяке, пусть бы черт и загасил его! — сказал он Конгру, вернувшись в пещеру.

— Нам этот маяк не нужен! — отвечал Конгр, грозно потрясая кулаком по направлению востока.

Четыре дня спустя, в начале следующей недели, Каркант охотился в окрестностях порта Парри и подстрелил лань. Мы уже знаем, что животное убежало и упало на опушке букового леса, где его нашел Морис. Узнав, что на острове есть жители, кроме них, Васкес и его товарищи стали бдительнее наблюдать за соседней с Эльгорской бухтой местностью.

Наконец Конгр пожелал возвратиться с мыса Сан-Бартелеми к мысу Сан-Хуан. Бандиты решили оставить все свое имущество в пещере. С собой они решили взять дня на три, на четыре съестных припасов, рассчитывая найти все остальное на маяке. В первый день они должны были пройти треть расстояния, так как знали кратчайшую тропинку через центральную часть острова. Пройдя десять миль по гористой местности, они думали отдохнуть в тени деревьев или в каком-нибудь

гроте; на другой день они могли выйти до восхода солнца и пройти такое же расстояние, как накануне, а на третий день к вечеру должны были спуститься к берегу Эльгорской бухты. Конгр не знал, что на маяке три сторожа, и думал, что там только двое. Но это не имело значения. Васкес, Фелипе и Морис едва ли могли оказать сопротивление целой шайке разбойников, о близости которых они не подозревали. Убив двух сторожей в сторожке, бандиты легко могли расправиться и с третьим, стоящим на вахте.

Завладев маяком, Конгр перенес бы с мыса Сан-Бартелеми все оставленное там имущество и снова спрятал бы его в пещере близ Эльгорской бухты.

Таковы были планы бандита. Замысел должен был удаться, но что ожидало Конгра дальше — это было неизвестно.

Дальнейший ход дела зависел не от него. В Эльгорскую бухту может зайти какое-нибудь судно. С прибытием «Санта-Фе» в американский порт весть о новой якорной стоянке не замедлит распространиться среди моряков. Поэтому очень возможно, что судно, особенно небольшое, предпочтет зайти в освещенную новым маяком бухту, чем идти в бурю в пролив или огибать остров с

южной стороны. Конгр решил завладеть таким судном и бежать на нем в Тихий океан, где никто не станет преследовать его за совершенные им преступления.

Все это, однако, должно было произойти до возвращения «Санта-Фе». Если разбойники не успеют бежать до этого времени, Конгр и его товарищи должны будут вернуться на мыс Сан-Бартелеми.

А тогда уже дело будет плохо. Узнав об исчезновении трех сторожей, командир Лафайет, конечно, догадается, что их увели или убили. Начнут разыскивать их по всему острову. «Санта-Фе» уйдет не раньше, чем исследовав остров вдоль и поперек. Как избежать тогда преследования, как изыскивать средства к существованию? Ведь в случае надобности аргентинское правительство пошлет сюда и другие корабли. Даже если Конгру посчастливится захватить туземную шлюпку, — а это маловероятно, — пролив будут охранять так зорко, что едва ли удастся бежать на Огненную Землю. Или, может быть, счастье улыбнется бандитам и представится возможность покинуть остров, пока еще не поздно?

Вечером 22 декабря Конгр и Каркант беседовали, гуляя у мыса Сан-Бартелеми и, по свойствен-

ной морякам привычке, поглядывая то на небо, то на море.

День был серенький. На горизонте всплывали облачка. Дул сильный норд-ост.

Было половина седьмого вечера. Конгр и товарищи собирались уже на покой.

— Так, значит, мы оставим все свое имущество на мысе Сан-Бартелеми? — спросил вдруг Каркант.

— Да, — отвечал Конгр. — Когда мы будем хозяевами на маяке, мы перенесем все туда…

Он не докончил фразы. Взор его скользнул по морю.

— Посмотри-ка туда, Каркант, — сказал он.

Каркант взглянул по указанному направлению.

— О, это корабль! — воскликнул он. — Я не ошибаюсь.

— И кажется, он приближается к нашему острову! — заметил Конгр.

В самом деле, милях в двух от мыса Сан-Бартелеми, лавируя, шел под парусами корабль.

Несмотря на противный ветер, судно продвигалось вперед и к вечеру могло войти в пролив, если только оно направлялось именно туда.

— Это шхуна, — сказал Каркант.

— Да, шхуна в полтораста-двести тонн вместимостью, — подтвердил Конгр.

Было очевидно, что шхуна старалась войти в пролив и вовсе не собиралась огибать мыс Сан-Бартелеми. Интересно было знать, очутится ли она с наступлением ночи на высоте мыса и не рискует ли под напором ветра разбиться о подводные рифы.

Вся банда столпилась на стрелке мыса.

Уже не впервые за время своего пребывания на Острове Штатов разбойники видели на таком близком расстоянии от берега корабль. Известно, что в подобных случаях они даже умышленно завлекали судно на подводные камни.

Кто-то предложил зажечь костер и на этот раз.

— Нет, — отвечал Конгр, — постараемся захватить эту шхуну целой и невредимой. Ветер и течение встречные. Скоро совсем стемнеет. Шхуна не будет в состоянии войти в пролив. Завтра она будет еще стоять в виду мыса, и мы тогда увидим, что можно предпринять.

Час спустя непроницаемая тьма окутала шхуну, на которой не было даже зажжено огней.

Ночью ветер переменил направление и подул с зюйд-веста.

На следующее утро, когда Конгр и его товарищи

вышли на берег, они увидели, что шхуна потерпела крушение у рифов мыса Сан-Бартелеми.

Глава пятая
Шхуна «Мол»

Был ли Конгр когда-нибудь моряком? Каким судном и в каких морях командовал он? Об этом знал только Каркант, бывший при нем старшим офицером во время его разбойничьих подвигов. Чин этот он сохранил и теперь, на Острове Штатов.

Этих двух негодяев смело можно было назвать пиратами. Чем, если не пиратством, занимались они вблизи Соломоновых островов и Новых Гебрид? Спасаясь от крейсеров, высланных для их поимки Англией, Францией и Америкой, пираты удалились сначала в Магелланов пролив, потом на Остров Штатов, где превратились в простых грабителей остатков кораблекрушений.

Пятеро или шестеро товарищей Карканта и Конгра тоже были когда-то матросами на рыболовных или коммерческих судах и привыкли к морю. Туземцы Огненной Земли могли дополнить состав экипажа в случае, если шайке удастся захватить шхуну.

Судя по корпусу и рангоуту, шхуна имела не

больше ста пятидесяти — двухсот тонн водоизмещения. Западный порыв ветра отбросил ее ночью на песчаную отмель, усеянную скалами, о которые она и разбилась. Но, по-видимому, корпус ее уцелел. Накренившись на левый борт, с покосившимся форштевнем, шхуна была обращена правым бортом к морю. При таком положении шхуны было нетрудно разглядеть всю ее палубу от бака до шканцев. Грот и фок-мачты, бушприт со снастями, с наполовину взятыми на гитовы парусами, с закрепленным фоком, малым бом-брамселем и флагштоком были в порядке; словом, весь рангоут уцелел.

Накануне вечером, когда шхуна показалась в виду мыса Сан-Бартелеми, она боролась с довольно сильным норд-остом и, повернув на правый галс, старалась пройти в пролив Лемера. Когда шхуна скрылась в ночном мраке от наблюдавших за нею Конгра с товарищами, ветер начал стихать, и судно уже не могло идти с прежней скоростью. Вероятно, ночью ему пришлось повернуть через фордевинд, и сильным течением его прибило к рифам. Брасопка рей доказывала, что экипаж всячески старался перенять ветер. Но, должно быть, это было сделано слишком поздно, и шхуна села на мель.

Об участи капитана и экипажа можно было только строить догадки. Вероятно, заметив, что шхуну относит течением и ветром к опасному, усеянному рифами берегу, они спустили на море шлюпку, чтобы не быть разбитыми вместе с кораблем о подводные камни. Это была несчастная мысль. Останься экипаж на корабле, он уцелел бы. Теперь же все, от капитана до последнего матроса, должно быть, погибли, а шлюпка плавала килем вверх, в двух милях на северо-восток, и ветром ее прибило к бухте Франклина.

Добраться до шхуны во время отлива было нетрудно. Прыгая со скалы на скалу, можно было дойти до мыса Сан-Бартелеми до самого места крушения. Конгр, Каркант и еще два пирата так и сделали. Остальные остались на берегу наблюдать, не покажется ли где-нибудь спасшийся от гибели моряк.

Когда Конгр со своими спутниками достиг шхуны, он увидел, что она лежит почти на суше. С приливом, однако, вода должна была подняться на два-три метра, и, если только шхуна не была повреждена в носовой части, ее должно было поднять волнами.

Конгр не ошибся: судно было в сто шестьдесят тонн водоизмещения. Обойдя шхуну, он прочи-

тал на корме ее надпись: «Мол», Вальпараисо.

Итак, в ночь с 22 на 23 декабря вблизи Острова Штатов потерпел крушение чилийский корабль.

— Вот так находка! — сказал Каркант.

— Если только в борту шхуны нет пробоины, — заметил один из сопровождавших его людей.

— Повреждения можно починить, — отвечал Конгр.

Он осмотрел подводную часть шхуны со стороны моря.

Обшивка, по-видимому, нигде не пострадала. Вонзившийся в песок форштевень, так же как и ахтерштевень и руль оказались в исправности. О состоянии того борта, на котором лежало судно, трудно было судить; надо было дождаться, чтобы шхуну подняло приливом.

— На судно! — скомандовал Конгр.

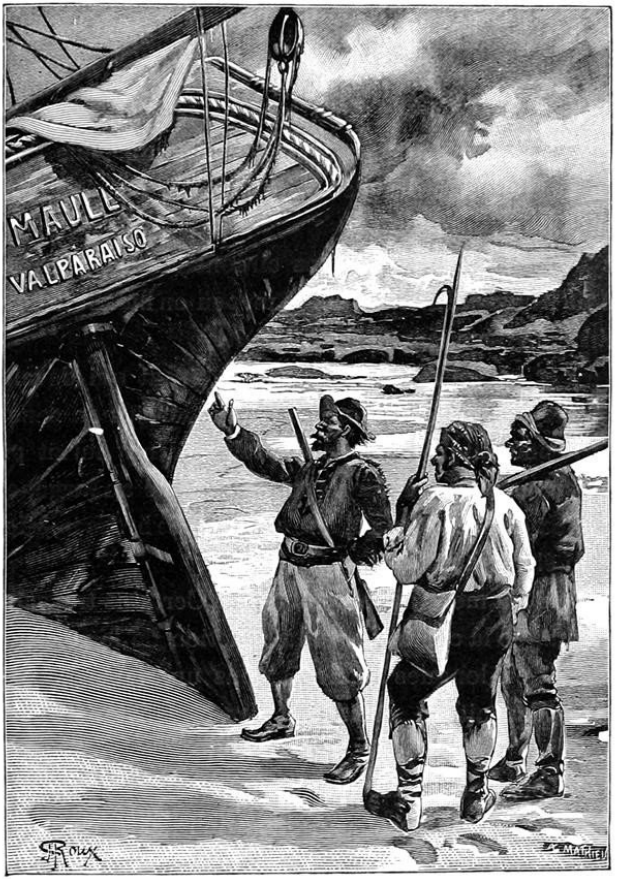
Взобраться на шхуну с накренившегося левого борта было очень легко; но ходить по палубе оказалось почти невозможно — приходилось продвигаться ползком, удерживаясь за абордажные сетки. Конгр и его спутники шли, опираясь на руслени грот-мачты. За исключением нескольких неошвартованных шестов, все осталось на своем месте. Так как шхуна обладала слишком острым килем и отвесными флортимберсами,

она должна была быстро подняться с приливом, если бы только не наполнилась водой вследствие пробоины в подводной части.

Конгр прежде всего пробрался в рубку, дверь которой открывалась с трудом. Потом вошел в капитанскую каюту, вынул из ящика судового шкафа документы и вышел на палубу, где его ожидал Каркант.

Они вместе просмотрели бумаги и узнали, что шхуна «Мол», в сто пятьдесят семь тонн водоизмещения, вышла 23 ноября из порта Вальпараисо в Чили, под командой капитана Палья, по направлению Фолклендских островов, и что на ней было шесть человек матросов.

Благополучно обогнув мыс Горн, «Мол» готовился войти в пролив Лемера, но потерпел крушение у Острова Штатов. Капитан и матросы, по-видимому, погибли в море; если бы уцелел хоть один из них, он оказался бы на мысе Сан-Бартелеми, между тем уже рассвело, а никого не было видно.



Вот так находка!

Вот так находка!

Шхуна шла без груза. Но Конгру важно было то, что он может завладеть судном и, взяв с собою награбленное, уйти на нем с острова, если только удастся сняться с мели.

Чтобы осмотреть трюм, надо было освободить его от балласта, состоявшего из старого железного лома. Но на это потребовалось бы слишком много времени, а шхуна подвергалась слишком большой опасности в том случае, если ветер станет свежее. Прежде всего необходимо было снять ее с мели, как только ее станет поднимать волной прилива. До прилива оставалось всего несколько часов.

— Надо все приготовить, чтобы сдвинуть шхуну с мели, когда под килем будет достаточно воды, — сказал Конгр. — Может быть, у нее нет повреждений и течи.

— А вот сейчас узнаем, — отвечал Каркант, — начинается прилив. А потом что нам делать, Конгр?

— Сдвинем шхуну с мели, отведем ее в бухту Пингвинов и поставим перед пещерами. Так как она сидит в воде всего на два метра, то там она не сядет на мель даже во время отлива.

— А потом?

— Потом мы нагрузим на нее все, что захватили с собой из Эльгорской бухты.

— А потом? — продолжал допрашивать Каркант.

— Потом увидим, что делать, — отвечал Конгр.

Чтобы не пропустить время прилива, они немедленно принялись за дело.

К полудню надо было во что бы то ни стало отвести шхуну в бухту, где она была бы в безопасности на случай бури и где вода была довольно глубока.

Прежде всего Конгр велел снять якорь с кранбалка правого борта и укрепить его вдали от банки, во всю длину якорной цепи. Таким способом, лишь только киль поднимет волной, шхуну можно было буксировать на более глубокое место. Разбойники успели бы достигнуть бухты раньше, чем начнется отлив, и тогда в тот же день смогли бы осмотреть трюм шхуны.

К тому времени, когда прилив могучей волной должен был покрыть всю отмель, все приготовления были окончены.

Конгр, Каркант и человек шесть разбойников взобрались на шхуну, остальные возвратились к береговым утесам.

Теперь оставалось одно — ждать. Часто ветер

свежеет с приливом, а этого следовало опасаться больше всего, так как шхуну могло отнести еще дальше на мель, тянувшуюся по направлению к берегу. Тут же была самая низкая вода во время отливов, и шхуне ни за что не удалось бы сняться с мели, если бы ее прибило хоть на полкабельтова к берегу.

Но случай благоприятствовал планам Конгра. Ветер подул на юг и даже способствовал снятию судна с мели.

Конгр и остальные бандиты стояли на носу, так как передняя часть шхуны должна была очутиться на воде раньше, чем остальная ее часть.

Если шхуна начнет вертеться на шпиле, то форштевень скоро очутится в воде, и тогда можно будет вытянуть шхуну на буксире на глубокое место.

Между тем уровень воды повышался. Корпус корабля начал вздрагивать под влиянием прилива. Волн не было, чувствовалась только зыбь. Более благоприятных обстоятельств трудно было ожидать.

Конгр уже был уверен, что ему удастся снять шхуну с мели и отвести ее в безопасную бухту Франклина. Но одно обстоятельство смущало его. Что, если левая сторона шхуны пробита?

Осмотреть ее было нельзя, потому что судно лежало на ней, а потом, если бы в ней оказалась пробоина, на последнюю некогда было бы наложить пластырь; шхуна наполнится водой, и ее придется оставить на мели, где первая же буря окончательно разобьет ее.

С волнением ожидали Конгр и его товарищи полного прилива. Если где-нибудь пробита обшивка или выпала конопатка — вода зальет трюм и шхуна не встанет.

Но мало-помалу они успокоились. Корпус шхуны погружался все больше и больше. Вода поднималась, но не заливала судна. Очевидно, оно не имело пробоин, и палуба начинала принимать горизонтальное положение.

— Течи нет! — воскликнул Каркант.

— Смотри за шпилем! — скомандовал Конгр.

Люди ожидали только приказа, чтобы привести шпиль в движение.

Наклонившись над кранбалком, Конгр наблюдал за прибывавшей уже в течение двух с половиной часов водой. Форштевень уже поднялся, и киль не касался больше дна, но ахтерштевень и руль еще не были свободны. Через полчаса, впрочем, должна была подняться на воде и корма.

Чтобы поскорее снять шхуну с мели, Конгр

скомандовал ходить в шпиле.

Шпиль завертелся. Цепь натянулась, но форштевень не повернулся к морю.

— Осторожно! — закричал Конгр.

Он боялся, как бы якорь не отцепился от грунта, укрепить же его вторично было бы трудно.

Шхуна совсем поднялась, и, осмотрев трюм, Каркант убедился, что вода не проникала в него. Итак, если даже и были в шхуне повреждения, то обшивка все же везде целая. Можно было надеяться, что «Мол» не пострадал ни во время посадившего его на мель шторма, ни в течение проведенных на банке двенадцати часов. При таких условиях можно было быстро доставить шхуну в бухту Пингвинов. Днем ее можно было нагрузить, а на следующий день она могла бы уже выйти в море. Но надо было спешить, пока дует попутный ветер, чтобы «Мол» мог войти в пролив Лемера или обогнуть южный берег Острова Штатов и выйти в Атлантический океан.

В это время года приливы довольно слабы, и в девять часов вечера вода достигла самого высокого уровня. К счастью, шхуна была плоскодонная, и можно было рассчитывать, что ее легко будет снять с мели.

Действительно, около половины девятого под-

нялась и корма. Шхуна стала бить по грунту задней частью киля, не рискуя получить повреждения.

Конгр решил, что настал благоприятный момент для буксировки. По его приказанию матросы опять заходили в шпиле. Когда навертели на шпиль несколько метров цепи, «Мол» повернулся носом к морю. Якорь не отделялся от грунта; он крепко зацепился за скалу и скорее сломался бы, чем уступил тяге шпиля.

— Смелей, ребята! — крикнул Конгр.

Все, не исключая и Карканта, налегли на ручки шпиля, а Конгр, нагнувшись над гакабортом, наблюдал за кормой.

Был момент, когда всеми овладел страх: до конца прилива оставалось всего двадцать минут, а между тем задняя часть киля все еще продолжала бить о грунт. Если не удастся сейчас же снять шхуну с мели, она останется стоять на месте до следующего прилива. Между тем в следующие дни прилив будет еще слабее и усилится лишь через двое суток.

Еще одно, последнее усилие! Люди приходили в ярость от сознания своего бессилия. Быть на корабле, которого они так долго ждали, знать, что от него зависит их свобода и спасение, — и не

быть в силах снять его с песчаной отмели!..

Посыпались ругательства, проклятия. Матросы тяжело дышали, налегая грудью на шпиль. Только бы не сломался и не отделился от грунта якорь! А то придется ждать до вечера и бросить снова якорь, и уже не один. Кто знает, что будет через двадцать четыре часа! Не переменится ли погода!..

На северо-востоке уже показались тучи. Правда, отмель была защищена высокими прибрежными утесами, но, если море взволнуется, зыбь легко может разбить севшее накануне на мель судно.

К тому же даже слабый норд-ост мог помешать шхуне войти в пролив. Вместо того чтобы идти полным ходом, «Молу» несколько дней придется лежать в бейдевинд, а в плавании опасна всякая задержка.

Море поднялось до высшего уровня; через несколько минут должен был начаться отлив. Вся банка покрылась водой. Только кое-где виднелись верхушки рифов. Исчезла под водой и стрелка мыса Сан-Бартелеми. Волны прилива омыли песчаный берег и отступили. Начинался отлив. Скоро должны были выступить из-под воды и окружающие отмель камни.

Снова посыпались проклятья. Запыхавшиеся,

утомленные люди готовы были бросить бесцельный труд.

Но Конгр, со сверкающими от бешенства глазами, с топором в руках, бросился к ним, угрожая раскроить череп первому, кто оставит свое место у шпиля. Все знали, что он не задумается исполнить угрозу.

Матросы снова навалились на ручки шпиля. Цепь натянулась так, что вот-вот готова была разорваться, и сорвала медную обшивку клюза.

Но вот послышался стук. Зубец шпиля вошел в свою вырубку. Шхуна слегка повернула к морю. Руль задвигался и освободился из грунта.

— Ура!.. Ура!.. — закричали все, почувствовав, что шхуна сдвинулась с мели.

Быстрее заходили матросы в шпиле, и несколько минут спустя вытянутое за якорь судно вышло на глубокое место.

Конгр бросился к колесу. Отдали цепь, отделили якорь от грунта и подняли его на кранбалк. Оставалось только осторожно пройти между рифами и войти в бухту Франклина.

Конгр приказал поднять фок. Глубина вокруг была вполне достаточна. Через полчаса, обойдя последние подводные камни у побережья, шхуна стала на якорь в бухте Пингвинов, в двух милях

от мыса Сан-Бартелеми.

Конгр, нагнувшись над гакабортом, наблюдал за кормой.

Конгр, нагнувшись над гакабортом, наблюдал за кормой.

Глава шестая
Бухта Эльгор

Итак, шхуну удалось снять с мели. Но это было еще не все. Надо было еще уберечь шхуну в небольшой бухте соседнего с мысом Сан-Бартелеми побережья от морского волнения и северо-западных ветров. В период равноденствия приливы очень сильны, и шхуна не могла без риска простоять и суток в этой гавани.

Конгр знал это и хотел выйти из бухты со следующим отливом, которым рассчитывал воспользоваться, чтобы войти в пролив Лемера.

Надо было, однако, еще раз тщательно осмотреть корабль снаружи и внутри. Плавание предстояло дальнее, и, хотя Конгр и думал, что в шхуне нет течи, все же, если не обшивка, то набор ее мог быть поврежден, и необходимо было починить все это.

По приказанию атамана люди стали выгружать из трюма наполнявший его до флортимберса правого и левого борта балласт. Чтобы не терять времени и трудов — особенно дорого было время, — балласт не стали переносить на берег.

Состоявший из старого железа балласт перетащили сначала с передней на кормовую часть трюма и осмотрели внутреннюю обшивку носовой части.

Конгр лично производил осмотр судна. Ему помогали Каркант и один чилиец, по имени Варгас, бывший когда-то плотником на корабельной верфи в Вальпараисо и хорошо знавший свое дело.

Никаких повреждений не было во всей части от форштевня до степса фок-мачты. Флортимберс, набор, обшивка — все было в исправности. Заклепанные медными нагелями части ничуть не пострадали от крушения.

Затем перенесли балласт в носовую часть и осмотрели корпус судна от фок– до грот-мачты — здесь тоже все оказалось в исправности: пиллерсы не погнулись, лестница осталась на своем месте.

Осмотрели и последнюю часть трюма до самого ахтерштевня.

Тут оказалось довольно серьезное повреждение. Правда, течи не было, но набор левого борта вогнулся на протяжении полутора метров. Вероятно, шхуна ударилась левым боком о скалу. Обшивка и ворса уцелели и помешали воде проникнуть в трюм, но все же повреждение при-

надлежало к числу серьезных, и моряки должны были исправить его.

Починку надо было начать тотчас же, до выхода в море, и даже при наличности всех материалов и инструментов ее нельзя было окончить раньше недели.

Восторженное настроение, овладевшее Конгром и его товарищами, когда они сняли шхуну с мели, омрачилось, едва они выяснили настоящее положение дел. Снова раздались проклятия, на этот раз основательные. Неужели нельзя будет воспользоваться шхуной? Неужели не удастся бежать с Острова Штатов?

— Повреждение правда серьезное, — сказал Конгр. — В таком состоянии шхуна может дать трещину при первой же буре, а до Тихого океана — сотни миль! Отправляться так — значило бы пойти вскоре ко дну. Но судно можно починить, и мы его починим!

— Где? — озабоченно спросил один из чилийцев.

— Надеюсь, не здесь? — сказал другой.

— Нет, в бухте Эльгор, — решительно отвечал Конгр.

Действительно, шхуна могла дойти до бухты в сорок восемь часов. Она могла обойти остров или

с южной, или с северной стороны. В пещере, где сложена была награбленная добыча, плотник, которому была поручена починка шхуны, мог найти все нужные материалы и инструменты. Если бы понадобилось, шхуна могла бы оставаться в бухте две, даже три недели. Впереди оставалось еще два летних месяца, и Конгр с товарищами имел возможность покинуть Остров Штатов на хорошо исправленном корабле.

Конгр всегда мечтал уйти с мыса Сан-Бартелеми и прожить некоторое время в Эльгорской бухте. Ни в каком случае он не желал потерять богатую добычу, сложенную в пещере и брошенную во время бегства на другой конец острова. Теперь планы его изменились лишь в вопросе о продолжительности стоянки. Он понял, что ему придется пробыть в бухте дольше, чем он рассчитывал.

Мало-помалу разбойники успокоились и стали готовиться к отплытию с наступлением завтрашнего отлива.

Присутствие на маяке сторожей ничуть не смущало пиратов. Вот что сказал Конгр по этому поводу Каркантy, когда они остались вдвоем:

— До появления шхуны я хотел завладеть Эльгорской бухтой, не изменяю своего намерения и

теперь. Но вместо того чтобы подойти незаметно с суши, мы открыто придем с моря. Шхуна станет в бухточке на якорь. Нас примут, ничего не подозревая… и…

Конгр докончил свою мысль жестом, смысл которого Каркант хорошо понял.

Счастье, казалось, улыбалось негодяю. Только случайность могла спасти Васкеса, Фелипе и Мориса от угрожавшей им гибели.

Приготовления к отъезду продолжались целый день. Конгр приказал положить балласт на прежнее место и нагрузить шхуну припасами, оружием и всем, что было в распоряжении пиратов на мысе Сан-Бартелеми.

Погрузка потребовала мало времени. Прошло уже больше года с тех пор, как Конгр с товарищами бежали из Эльгорской бухты. Все это время они питались исключительно принесенными с собой съестными припасами. Их оставалось немного, и пираты сложили их в баталер-камере. Койки, платье, домашняя утварь, золото, серебро были размещены в жилой палубе, рубке и трюме; сюда же рассчитывали погрузить и скрытую в пещере добычу.

К четырем часам дня шхуна была нагружена. Можно было бы выйти в море сейчас же, но

Конгр не хотел предпринимать плавания вдоль усеянного рифами побережья ночью. Он еще не решил, пойдет ли он проливом Лемера, чтобы достигнуть мыса Сан-Хуан. Это будет зависеть от направления ветра. Если ветер подует южный, можно будет пройти проливом, если свежий северный — это окажется невозможным. В последнем случае безопаснее будет обогнуть остров с юга, под прикрытием берега. Но и в том и другом случае идти придется не больше тридцати часов.

Наступил вечер, а никаких перемен в погоде не произошло. Солнце зашло при совершенно чистом небе. В момент, когда солнечный диск скрылся на горизонте, между небом и водой скользнул зеленоватый луч.

Можно было ожидать, что ночь будет спокойная, и это ожидание оправдалось. Почти все матросы провели эту ночь на шхуне, кто в жилой палубе, кто в трюме. Конгр занял капитанскую каюту, Каркант — каюту старшего офицера.

Несколько раз выходили они на палубу, чтобы посмотреть на небо и море и удостовериться, что даже во время полного отлива шхуне не угрожает опасность и что завтра можно будет сняться с якоря.

Утром солнце взошло во всем своем великоле-

пии. На этой широте редко приходится видеть его на таком безоблачном горизонте.

Чуть свет Конгр сел в шлюпку и пробрался по узкому каналу до прибрежных скал, находившихся почти у самого мыса Сан-Бартелеми.

С этой возвышенности он мог окинуть взглядом большую часть моря. Только на востоке, между мысами Сан-Антуан и Кемпе, виднелись горы.

На юге море было спокойно, но у входа в канал оно уже волновалось, потому что ветер свежел.

В открытом море не было видно ни паруса, ни пароходного дыма. Можно было надеяться, что на пути к мысу Сан-Хуан шхуна не встретит ни одного судна.

Конгр быстро принял решение. Опасаясь сильного ветра и не желая подвергнуть шхуну опасности, он решил войти в Эльгорскую бухту, обогнув мыс Кемпе, Уэбстер, Севераль и Диегос. Обходить остров с северной или с южной стороны безразлично — расстояние было одинаково.

Спустившись со скалы, Конгр пошел к пещере и посмотрел, не забыли ли в ней чего-нибудь, что могло изобличить присутствие людей в западной части Острова Штатов.

В восьмом часу вечера начался отлив, которым следовало воспользоваться, чтобы выйти

из бухточки.

Якорь подняли на кранбалк. Подняли кливер и штормовой латинский парус: этого было достаточно для того, чтобы северо-восточный ветер мог вывести шхуну из района отмелей.

Конгр стоял у руля, Каркант — на носу. Через десять минут шхуна вышла из архипелага подводных камней. Стала ощущаться килевая и боковая качка.

По приказанию Конгра подняли фок, бригантину, наконец марсель. Под этими парусами «Мол» взял курс на юго-запад с целью обогнуть стрелку Сан-Бартелеми.

Через полчаса «Мол» обошел скалы мыса и круто придержался к ветру. Южный берег оставался в трех милях.

Конгр и Каркант убедились, что судно легко идет под всеми парусами. На нем можно было смело пуститься в летние месяцы по Атлантическому океану, оставив за собой последние острова Магелланова архипелага.

Конгр мог бы войти в Эльгорскую бухту в тот же вечер, но он предпочитал остановиться где-нибудь у побережья, пока солнце не зашло за горизонт. Вот почему он не поднял брамселя на фок-мачте и довольствовался тем, что шхуна

делает от пяти до шести миль в час.

С этой возвышенности он мог окинуть взглядом большую часть моря.

С этой возвышенности он мог окинуть взглядом большую часть моря.

В первый день «Мол» не встретил ни одного судна. Уже смеркалось, когда он, пройдя почти половину расстояния, стал на якорь на восток от мыса Уэбстера.

В этом месте были самые высокие береговые утесы и множество громадных скал. Шхуна встала в расстоянии одного кабельтова от берега, в защищенной косою бухте. Даже в гавани судно не могло быть лучше защищено. Правда, если бы ветер был южный, было бы небезопасно и тут, так как волнуемое полярной бурей море здесь так же грозно, как и вблизи мыса Горн.

Но погода благоприятствовала Конгру и его товарищам: ветер продолжал дуть с северо-востока.

Ночь с 25 на 26 декабря была одной из самых спокойных. К десяти часам вечера ветер утих и начался снова с четырех часов утра.

Лишь только забрезжила заря, Конгр стал готовиться к отплытию. Снова подняли паруса, завертелся, вытягивая якорь, шпиль, и «Мол» двинулся в путь.

Мыс Уэбстер вдается в море на протяжении четырех или пяти миль, и шхуне пришлось вер-

нуться к берегу, который тянется на расстоянии двадцати миль на восток к стрелке Североль.

Подойдя к берегу, шхуна под прикрытием высоких береговых утесов вошла в спокойную полосу моря. Берег пролива был ужасен. Огромные каменные глыбы усеивали скалистое побережье вплоть до места, до которого доходят волны прилива. Между подводными рифами не могла бы пройти и пристать к берегу даже лодка, не только небольшое судно. Ни одной доступной бухточки, ни одной песчаной отмели, где можно было бы высадиться!

Шхуна шла средним ходом в трех милях от берега. Не зная этого побережья, Конгр избегал приближаться к суше, но в то же время он не хотел уходить и в открытое море, а старался держаться в спокойной полосе.

В десять часов шхуна дошла до бухты Блоссом и все-таки попала в район зыби. Ветер вздымал длинные волны, под напором которых шхуна стонала.

Обогнув длинную косу, заграждавшую бухту с восточной стороны, шхуна придержалась к ветру, потом повернулась левым бортом к открытому морю.

Конгр сам встал у руля. Натянув все шкоты,

он старался держаться как можно круче. Около четырех часов пополудни он стал держать курс прямо на Эльгорскую бухту, оставляя стрелку Североземь в четырех милях расстояния на северо-запад.

С этого пункта весь берег до самого мыса Сан-Хуан открывался как на ладони.

С противоположной стороны мыса Диегос показалась башня «маяка на краю света», которую Конгр видел впервые. В найденную в каюте капитана Палья подзорную трубу он разглядел даже стоявшего на галерее и смотревшего на море сторожа. До заката солнца оставалось еще три часа, так что шхуна могла дойти до якорной стоянки засветло.

Приближение шхуны к Острову Штатов не могло пройти незамеченным. Пока шхуна поднималась к ветру, Васкес и его товарищи думали, что она направляется к Мальвинским островам, но, когда она пошла правым галсом, поняли, что она идет в бухту.

Конгру было совсем не важно, что шхуну его заметили, что намерение его стать на якорь в бухте — не тайна. Это не меняло его планов.

Плавание заканчивалось при благоприятных условиях. Ветер дул с востока. Держась к ветру,

шхуна могла подняться, не поворачивая на другой галс, и обогнуть мыс Диегос. В противном случае неизвестно, выдержала ли бы поврежденная шхуна многочисленные повороты при лавировании, и не открылась ли бы в ней течь раньше, чем она вошла в бухту.

Без этого, впрочем, не обошлось даже и при наличии создавшихся благоприятных условий. Шхуна находилась всего в двух милях от бухты, как вдруг спустившийся в трюм матрос выбежал на палубу, крича, что вода проникает в щель обшивки.

Набор корабля пострадал от удара о скалы именно в этой части корпуса, и уцелевшая до сих пор обшивка дала трещину в несколько сантиметров длиной.

Повреждение было не особенно серьезное. Переместив балласт, Варгас без особенного труда законопатил трещину.

Но, само собой разумеется, шхуну надо было починить тщательно. В том виде, в каком она оказалась после крушения, она не могла бы пойти в воды Тихого океана.

В шесть часов шхуна оказалась как раз против Эльгорской бухты, в полутора милях от нее. Конгр отдал приказ закрепить верхние паруса,

без которых уже можно было обойтись. Остались только марсель, кливер и бригантина. Под этими парусами и под командой Конгра, знавшего путь лучше всякого лоцмана, шхуна могла спокойно войти в бухту и стать на якорь.

Около половины седьмого на море упал яркий сноп лучей. На маяке зажгли огонь, и первое судно, которому маяк освещал путь в бухту, оказалось чилийской, попавшей в руки пиратов шхуной.

В семь часов, когда солнце скрылось за высокими вершинами гор Острова Штатов, «Мол», оставив направо мыс Сан-Хуан, входил в бухту с попутным ветром.

Когда шхуна проходила мимо пещер, Конгр и Каркант убедились, что замаскированные растениями и засыпанные камнями отверстия остались нетронутыми. Значит, никто не заметил их присутствия на острове и они должны были найти свою добычу там, где они ее оставили.

— Дела наши идут недурно! — сказал Каркант Конгру, стоявшему рядом с ним на корме.

— А скоро пойдут и еще лучше! — отвечал тот.

До бухты, в которой пираты рассчитывали встать на якорь, оставалось каких-нибудь двадцать минут хода, как вдруг с песчаного берега

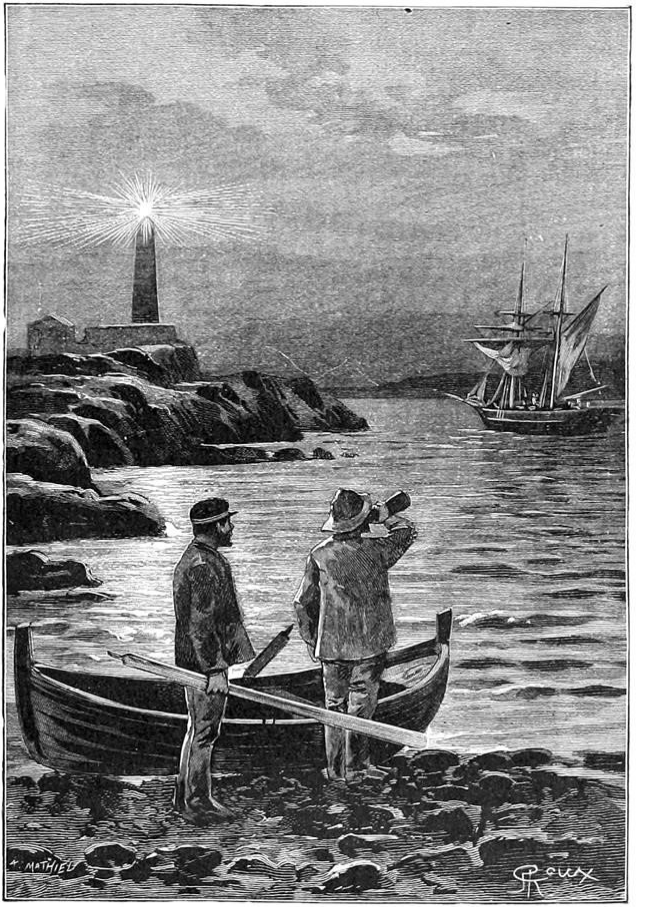
шхуну «опросили» два человека.

Это были Фелипе и Морис. Они спустили шлюпку, готовясь подойти к шхуне.

Васкес остался на вахте.

Шхуна находилась уже посреди бухты. Бригантина и марсель были взяты на гитовы: Каркант спускал и кливер.

Шхуна стала на якорь, и Морис с Фелипе взошли на палубу «Мола».



Фелипе и Морис спустили шлюпку, готовясь подойти к шхуне.

Фелипе и Морис спустили шлюпку, готовясь подойти к шхуне.

По данному Конгром знаку Мориса ударили топором по голове, а Фелипе упал почти в тот же миг рядом с товарищем, сраженный двумя пулями из револьвера. Смерть настигла обоих мгновенно.

Васкес со своего поста слышал выстрелы и видел, как убили его товарищей.

Та же участь ожидала и третьего сторожа, если им удастся захватить его. От убийц нечего было ждать пощады. Бедный Фелипе! Бедный Морис! Он не мог спасти их. Он стоял наверху, на башне, охваченный ужасом при виде этого злодеяния.

Когда прошел первый момент ошеломляющего ужаса, Васкес пришел в себя и начал лихорадочно обдумывать свое положение. Надо было как-нибудь спастись от этих злодеев. Возможно, что они и не подозревают о его существовании. Но после того как они поставят судно на якорь, некоторые из них, вероятно, придут на маяк, чтобы загасить огонь и сделать залив недоступным для других судов, по крайней мере до утра.

Васкес вышел из дежурной комнаты и сбежал по лестнице вниз.

Нельзя было терять ни минуты. Слышен был

уже всплеск отчаливавшей от шхуны шлюпки, на которой направлялись на берег несколько человек.

Васкес поспешно заткнул за пояс два револьвера, положил в ягдташ немного провизии, вышел из своего жилища, быстро спустился по склону и, никем не замеченный, исчез в темноте.

Глава седьмая
Пещера

Ужасную ночь пережил Васкес! Несчастных товарищей его убили и выбросили за борт, и теперь отлив уносит их трупы в море! Васкес забывал, что, не будь он случайно на вахте, та же участь постигла бы и его, — он думал только о своих погибших друзьях.

— Бедный Морис, бедный Фелипе! — мысленно восклицал он. — Они доверчиво вышли навстречу этим негодяям, а им ответили револьверными выстрелами! Я не увижу их больше! Не увидят и они своей родины и семьи! А жена-то Мориса ожидала, что он вернется через два месяца! Что только будет с ней, когда она узнает о его смерти.

Горе Васкеса было глубоко. Он искренно любил своих двух товарищей. Знал он их давно. По его совету их взяли на должность сторожей маяка… А теперь вот он остался один-одинешенек!

Откуда появилась эта шхуна? Что за разбойничий на ней экипаж? Под каким флагом плавает она и почему зашла в Эльгорскую бухту? Зна-

чит, пираты знают эту бухту? Зачем они сюда пришли?.. Зачем погасили огонь на маяке? Или они хотят помешать другим кораблям заходить в бухту?..

Все эти вопросы возникали в голове Васкеса, но ответа на них он не находил. Он даже забыл про опасность, которая ему угрожала. Между тем злодеи должны же были заметить, что на маяке было трое сторожей. Они станут разыскивать третьего и, конечно, найдут его…

С того места, где Васкес укрылся, на берегу бухты, он видел, как в двухстах шагах от малой бухточки замелькали фонари на самой шхуне, на маяке, в окнах жилища сторожей. Он слышал даже, как эти люди перекликались на его родном языке. Кто же они: соотечественники или же чилийцы, перуанцы, боливийцы, мексиканцы, бразильцы, так как все эти народы говорят по-испански?

Около десяти часов вечера огни потухли, и ни малейший шум не нарушал ночной тишины.

Оставаться там, где он укрылся, Васкесу было невозможно. Настанет утро, и его увидят. Бандиты не пощадят его; следовательно, надо было спасаться подальше.

Куда идти, однако? Вглубь острова, где все-таки

спокойнее? Или не лучше ли выйти поближе к бухте, в надежде, что его возьмет какой-нибудь проходящий в виду берега корабль? Но внутри ли острова или на берегу питаться чем-нибудь надо до той поры, пока не подоспеет помощь. Припасы почти все уже вышли. Через двое суток не останется ничего. А как пополнить их? Даже рыболовных снастей он не захватил! Да и огня как добыть? Придется, пожалуй, питаться моллюсками и ракушками!

Но природная энергия взяла в нем верх. Надо было на что-нибудь решиться. Он решил, что доберется до мыса Сан-Хуан и там проведет ночь, а утром будет виднее, что предпринять.

Васкес ушел с места, откуда он наблюдал за шхуной. Огни на судне погасли, и там царило молчание. Разбойники чувствовали себя в полной безопасности и не выставили даже часовых.

Васкес пошел у подножия прибрежных утесов по северному берегу. Слышны были только всплески отлива, да по временам доносился унылый крик запоздалой птицы, возвращавшейся в свое гнездо.

Было одиннадцать часов, когда Васкес остановился у стрелки мыса. На песчаном берегу он не нашел никакого пристанища и приютился до

утра в какой-то ложбине.

Раньше чем солнце осветило горизонт, Васкес спустился к самому берегу моря и осмотрел, не видно ли кого близ маяка или близ мыса Сан-Хуан.

Но все побережье по обе стороны бухты было пустынно. Не видно было также и лодок, а между тем в распоряжении экипажа шхуны, кроме собственной шлюпки, была еще и шлюпка сторожей маяка.

В открытом море тоже не было видно ни одного судна.

Васкес невольно подумал о том, как опасно будет теперь плавание для кораблей вблизи Острова Штатов, раз маяк не действует. Приходя со стороны открытого моря, корабли не будут знать своего положения. Надеясь, что огонь нового маяка предостережет их, они без опасения пойдут на запад и разобьются об утесы между мысами Сан-Хуан и Североваль.

«Негодяи погасили огонь на маяке и, конечно, не зажгут его вновь — это в их интересах!» — подумал Васкес.

В самом деле, то обстоятельство, что маяк больше не светился, могло иметь печальные последствия: крушения кораблей, из чего злодеи

могли извлечь пользу для себя, были неизбежны. Теперь незачем было привлекать суда кострами; корабли, уверенные, что где-то поблизости есть маяк, который предупредит их об опасности, сами придут к побережью.

Васкес сидел на обломке скалы и раздумывал обо всем происшедшем. Он смотрел, не прибьет ли где-нибудь волной тела несчастных товарищей. Но нет, отлив сделал свое дело: трупы были погребены на дне морском!

Действительность предстала перед ним во всем своем ужасе. Что делать? Ничего, только ждать возвращения «Санта-Фе». Но до прибытия рассыльного судна в Эльгорскую бухту оставалось еще долгих два месяца. Положим, что Васкесу даже удастся избежать встречи с пиратами. Но где он будет жить и чем питаться? Укрыться еще всегда можно в какой-нибудь прибрежной пещере в утесах; к тому же теперь время летнее. Зимой было бы хуже. Морозы доходят здесь иногда до тридцати и сорока градусов, и беглец погиб бы, конечно, от стужи даже скорее, чем от голода.

Васкес принялся прежде всего искать пристанище. Вероятно, судя по внутреннему устройству жилища сторожей, разбойники догадались, что на маяке было три сторожа. Желая отделаться от

третьего, спасшегося от них, они, наверно, станут разыскивать его в окрестностях.

Васкес почувствовал новый прилив энергии. Этому человеку с железной волей отчаяние было незнакомо.

После непродолжительных поисков он нашел узкую впадину и за ней вход в пещеру, всего в три метра глубиной и около двух метров шириной, у самого мыса Сан-Хуан. Пол пещеры был покрыт мелким песком. Сюда не доходили ни волны прилива, ни резкие морские ветры. Васкес вполз в грот и спрятал в нем немного провизии и все то, что успел захватить, убегая из дома. Воду для питья всегда можно было зачерпнуть из небольшого ручья, образовавшегося от таяния снегов.

Васкес съел сухарь и кусочек сушеного мяса и хотел было пойти к ручью напиться, как вдруг услышал вблизи какой-то шум.

«Они!» — подумал Васкес.

Он лег в пещере, прижавшись к стене, так, чтобы можно было все видеть, не будучи замеченным, и стал смотреть по направлению бухты.

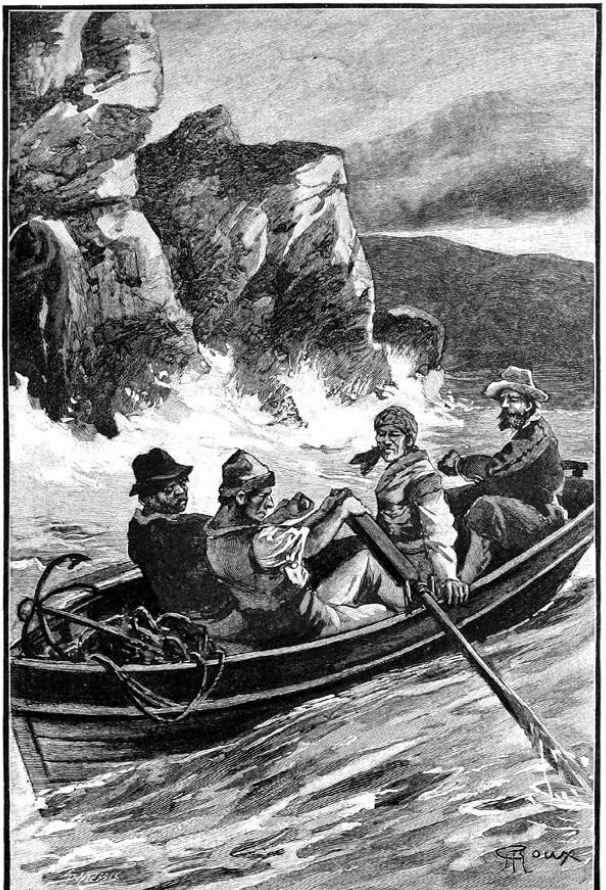
По течению скользила шлюпка. В ней сидели четверо: двое — на носу, двое — на корме, причем один из них правил рулем.

Это была шлюпка шхуны, а не та, что принад-

лежала сторожам маяка.

«Зачем пришли они сюда? — подумал Васкес. — Уж не меня ли ищут? Судя по уверенности, с которой шхуна вошла в бухту, негодяи хорошо знают здешние берега и являются на остров не впервые. Вот и сейчас они пришли сюда, уж конечно, не для того, чтобы исследовать побережье, а скорее всего, с целью разыскать меня…»

Васкес внимательно вгляделся в лица этих людей. Того из них, который сидел у руля, он принял за капитана шхуны. Его национальности он определить не мог, зато товарищи его были по типу похожи на южных американцев.



По течению скользила шлюпка.

По течению скользила шлюпка.

По знаку рулевого шлюпка остановилась и, притянутая багром, ловко причалила к берегу. Все четверо вышли на берег.

Вот что вслед за тем услышал Васкес.

— Наверно, в этом месте?

— Да. Пещера здесь. Двадцать шагов до береговых утесов.

— Вот счастье-то, что сторожа, бывшие на маяке, не напали на нее!

— Что сторожа! Еще легче могли найти эту пещеру рабочие, которые в течение пятнадцати месяцев строили маяк!

— Они были слишком заняты своими работами в бухте.

— Да и отверстие так хорошо завалено нами, что его не видно.

— Идем, — сказал капитан и вместе с двумя товарищами направился к подножию прибрежных утесов.

Васкес из своей засады следил за малейшим их движением, прислушивался к каждому слову. Усеянный раковинами песок хрустел у них под ногами. Но скоро шум шагов замолк, и Васкес видел только ходившего взад и вперед человека, оставшегося сторожить лодку.

«У них есть в этих местах какая-то пещера!» — подумал Васкес.

У него не оставалось больше никакого сомнения, что на шхуне прибыла шайка морских разбойников, поселившихся на Острове Штатов еще до начала работ. Вероятно, они спрятали свою добычу в какой-нибудь пещере, а теперь хотят ее перенести на шхуну.

В то же время у него мелькнула мысль, что где-нибудь поблизости есть склад съестных припасов, которым можно воспользоваться. Впереди забрезжил луч надежды. Пусть только шлюпка уйдет, он выйдет из засады, отыщет пещеру, проникнет туда и найдет все необходимое, чтобы иметь возможность дождаться возвращения «Санта-Фе»!..

После того как он найдет средства просуществовать эти несколько недель, у него останется лишь одно пламенное желание — чтобы негодяи не ушли с острова до прибытия корабля.

«Да-да, пусть они только останутся здесь до тех пор, пока прибудет „Санта-Фе“; пусть командир Лафайет судит их по всей строгости законов».

Возможно ли, однако, чтобы это желание исполнилось? Подумав хорошенько, Васкес решил, что шхуна зашла в Эльгорскую бухту, пожалуй,

всего на два-три дня, чтобы взять спрятанный в пещере груз, а потом она навсегда покинет Остров Штатов.

Впрочем, скоро Васкес оказался осведомленным насчет планов пиратов.

Пробыв в пещере около часа, три бандита вышли и стали прохаживаться по берегу.

Они говорили громко, и Васкес мог слышать из своей засады все от слова до слова.

— Эти молодцы, оказывается, не ограбили нас в наше отсутствие!

— И шхуна выйдет из бухты с полным грузом.

— Хорошо также и то, что съестных припасов нам хватит на все плавание.

— Да, с теми припасами, которые оказались на шхуне, мы не дошли бы до островов Тихого океана!

— Дурачье! В течение пятнадцати месяцев они не сумели найти наши сокровища и ни разу не явились к нам на мыс Сан-Бартелеми!

— Да здравствуют недогадливые люди! Не будь таких на свете, мы потеряли бы все, что добыли, устраивая крушения кораблей у рифов острова. Пропали бы наши труды!

Негодяи захохотали во все горло. Васкес, вне себя от гнева, готов был броситься на разбойни-

ков с револьвером и перестрелять их, но вовремя сдержался. Полезнее было выслушать разговор до конца. Он узнал, каким чудовищным ремеслом занимались злодеи, живя в этой части острова, и не удивился, когда услышал следующее:

— А что касается «маяка на краю света», пусть-ка судовые командиры поищут его теперь! Пусть идут, как слепые!

— Уж именно, как слепые. Они будут направляться на остров и терпеть крушение.

— Надеюсь, что раньше, чем мы оставим остров, еще несколько корабликов разобьются о скалы мыса Сан-Хуан! Шхуна должна быть нагружена до отказу.

— Нам везет!.. К мысу Сан-Бартелеми пришла шхуна, да еще вдобавок и с экипажем не пришлось возиться: на судне не оказалось ни капитана, ни матросов…

Таким образом Васкес узнал, как шхуна «Мол» попала в руки бандитов на западном берегу острова.

— Что же нам теперь делать, Конгр? — спросил один из трех достойных друзей.

— Возвратимся на шхуну, Каркант, — отвечал Конгр, в котором Васкес справедливо признал разбойничьего атамана.

— Не начать ли нам выгружать то, что сложено в пещере?

— Нет, сначала надо исправить повреждения, а на это потребуется несколько недель…

— Тогда захватим с собой кое-какие инструменты!

— Пожалуй! Варгас найдет здесь почти все, что ему нужно для починки шхуны.

— Скорее! — заторопил Каркант. — Сейчас начнется прилив, мы им воспользуемся.

— Разумеется, — сказал Конгр, — когда шхуна будет исправлена, мы перенесем на нее весь груз. Нечего опасаться, что его украдут.

— Не следует забывать, Конгр, что на маяке было три сторожа, и один из них бежал.

— Это меня ничуть не беспокоит, Каркант. Дня через два он умрет от голода. Кроме мха да раковин, ему питаться нечем… Впрочем, мы опять завалим вход в пещеру.

— Все-таки жалко, что нам надо чинить повреждения, — заметил Каркант. — Не будь этого, мы могли бы завтра же выйти в море. Впрочем, за время нашей стоянки какой-нибудь корабль может выброситься на берег, даже без всякой попытки с нашей стороны завлечь его. И то, что принесет гибель экипажу, даст нам возможность

поживиться.

Здесь почти все, что нужно для починки шхуны.

Здесь почти все, что нужно для починки шхуны.

Конгр и его приятели вынесли из пещеры инструменты, части корабельной обшивки, дерево для починки набора корабля. Тщательно завалив вход в пещеру, они сели в шлюпку и отплыли в тот момент, когда в бухте начался прилив.

Рассчитывая, что никто уже не увидит его, Васкес вышел на песчаный берег. Теперь он знал все, что ему было нужно. Прежде всего, ему было известно, где добыть съестные припасы; затем, что у шхуны есть повреждения, которые придется исправлять в течение двух недель, а то и дольше, хотя, конечно, едва ли для этого потребуется столько времени, сколько остается до прибытия «Санта-Фе».

Васкес, конечно, не мог и помышлять о том, чтобы задержать уже исправленную шхуну в бухте. Вот если бы какое-нибудь судно прошло на небольшом расстоянии от мыса Сан-Хуан! Тогда он подал бы ему сигнал, а если нужно, то бросился бы в море, чтобы добраться до него вплавь. Его возьмут на корабль, и он расскажет все капитану, а если у капитана окажется под командой многочисленный экипаж, можно будет войти в бухту и завладеть шхуной. Злодеи, вероятно, скроются

в центральной части острова. Убежать им будет некуда. А когда придет «Санта-Фе», командир Лафайет сумеет переловить и уничтожить их всех до последнего человека. Придет ли, однако, когда-нибудь корабль к мысу Сан-Хуан? А если и подойдет, заметит ли сигналы Васкеса?..

Что касается самого Васкеса, то, хотя Конгр и знал о его присутствии на острове, за себя мужественный сторож не боялся. Прежде всего надо было разузнать, хватит ли ему съестных припасов до прибытия «Санта-Фе», и он отправился к пещере.

Глава восьмая
Исправление повреждений шхуны

Конгр и его товарищи немедленно принялись за исправление повреждений шхуны. После починки судна надо было нагрузить его всем, что было спрятано в пещере, и поскорее выйти в море.

Исправление повреждений в корпусе корабля — дело серьезное. Но Вартас был опытным плотником, все необходимые материалы и инструменты имелись у него под руками, и ничто не должно было затормозить работу.

Пришлось выгружать из шхуны балласт, втащить ее на берег и положить на правый борт так, чтобы можно было произвести необходимые исправления снаружи и заменить поврежденные набор, обшивку и паруса новыми.

Все это должно было потребовать немало времени, но у Конгра его было достаточно: лето должно было продлиться еще два месяца.

Конгр был хорошо осведомлен и насчет прибытия новой смены сторожей. Из найденной на маяке книги он узнал, что смена сторожей

должна производиться через каждые три месяца; следовательно, рассыльное судно «Санта-Фе» придет в Эльгорскую бухту не раньше первых чисел марта, а теперь был только еще конец декабря.

Из книги же он узнал, что трех сторожей звали Морис, Фелипе и Васкес. По одному убранству жилища сторожей можно было судить, что их было трое.

Итак, один из них бежал. Куда? Конгр, как мы знаем, мало об этом беспокоился. Одинокий, без средств к существованию, беглец должен был погибнуть от холода и голода.

Хотя времени для починки шхуны и было достаточно, надо было все-таки рассчитывать на возможное запоздание. Уже в самом начале пришлось приостановить начатые работы.

Шхуну только что разгрузили, и Конгр собирался на следующий день перевернуть ее подводной частью вверх, как вдруг в ночь с 3 на 4 января погода неожиданно переменилась.

Масса облаков скопилась в эту ночь на южной части горизонта. Термометр показывал шестнадцать градусов тепла, а барометр предвещал бурю. В небе то и дело вспыхивали молнии, сопровождавшиеся раскатами грома. Ветер яростно ревел, море бешено вздымалось, волны перекаты-

вались через рифы и разбивались о прибрежные скалы. Хорошо, что шхуна стояла в защищенной от юго-восточного ветра Эльгорской бухте! В такую бурю даже большое парусное или паровое судно могло быть прибито к берегу, о таком же судне, как шхуна, и говорить не приходится.

Как отзвук яростного шквала и сильного волнения в море, в бухточке поднялась зыбь. Волны прилива покрыли весь песчаный берег, достигали подножия береговых утесов и бушевали у самого маяка; их брызги доносились до маленькой буковой рощи, находившейся в полумиле от башни.

Конгр и его товарищи употребляли все усилия, чтобы удержать шхуну на месте. Несколько раз она срывалась с якоря, так что пришлось бросить второй якорь. Несколько раз ей угрожала неминуемая гибель.

Не переставая наблюдать за шхуной, разбойники переселились сами в жилище сторожей, где им нечего было опасаться шторма. Они перенесли туда койки с корабля, и места хватило для всех пятнадцати человек. За все время пребывания на Острове Штатов им не приходилось еще жить с таким комфортом.

О пище заботиться было нечего. В складах

при маяке съестных припасов было вдоволь; их хватило бы и на тридцать человек. В случае же нехватки можно было взять из припасов, хранившихся в пещере. Продовольствия должно было хватить и на все плавание по Тихому океану.

Буря продолжалась до 12 января и стихла только в ночь с 12 на 13 число. Целая неделя пропала даром, так как работать было невозможно. Конгр даже распорядился, чтобы часть балласта снова перенесли на судно, которое так и бросало во все стороны. Немало труда стоило отвести шхуну от прибрежных скал, о которые она могла разбиться так же легко, как при входе в Эльгорскую бухту.

Ночью ветер внезапно переменился и подул с вест-зюйд-веста. Особенно яростно дул он и волновал море у мыса Сан-Бартелеми. Если бы шхуна была там, ей бы несдобровать.

В течение всей этой недели в виду острова прошел только один корабль.

Это было днем, а потому с корабля, конечно, не могли заметить, что маяк не освещался по ночам. На корабле развевался французский флаг. Судно шло с северо-востока и направлялось в пролив Лемера.

Впрочем, корабль шел в расстоянии трех миль от берега, и его можно было разглядеть только

в подзорную трубу. Разумеется, никто не увидел с корабля сигналов Васкеса, иначе французский капитан спустил бы в море шлюпку и послал ее за потерпевшим крушение.

Утром 13 января пираты снова выгрузили балласт и сложили его на песке. Плотник нашел повреждения более серьезными, чем ожидал. Шхуне, очевидно, пришлось выдержать не одну бурю. В корме ее тоже открылась течь. Непременно надо было заменить новыми поврежденные флортимберсы, шпангоуты и обшивку на протяжении двух метров.

Прежде всего, шхуну нужно было вытащить на берег и положить на правый борт. За неимением рычагов и других приспособлений это можно было сделать лишь во время прилива. До сильного прилива в новолуние оставалось два дня. Надо было дождаться этого момента и перетащить шхуну подальше на берег, где она могла бы лежать на суше целый месяц.

Конгр и Каркант воспользовались этой отсрочкой и отправились в пещеру. На этот раз они плыли в шлюпке сторожей маяка, которая была больше шлюпки шхуны. Они хотели перевезти и спрятать в кладовых маяка часть награбленного золота, серебра, самоцветных камней и других

драгоценностей.

Это было 14 января, утром.

Два часа тому назад начался отлив, и разбойники рассчитывали вернуться после полудня.

Погода стояла хорошая. Легкий ветерок гнал с юга облака, и лучи солнца пробивались между тучами.

Прежде чем пуститься в путь, Каркант поднялся на галерею маяка, как он это делал ежедневно, чтобы осмотреть горизонт. Нигде на однообразной поверхности моря не видно было ни одного корабля, ни даже рыболовного судна жителей Огненной Земли.

Так же безлюден и пустынен, как море, был и остров.

Шлюпка шла по течению, а Конгр внимательно осматривал берег бухты. Куда девался третий сторож, спасшийся от пиратов? Хотя мысль о нем и не особенно беспокоила атамана шайки, но все-таки лучше было бы избавиться и от него.

На берегу, как и в заливе, не было ни души. Только мириады птиц оживляли его своим криком.

В одиннадцать часов шлюпка, увлекаемая отливом и подгоняемая ветром, причалила к берегу против самой пещеры.

Оставив двух товарищей сторожить шлюпку, Конгр и Каркант вышли на берег, отправились в пещеру и возвратились через полчаса.

Им казалось, что все осталось на своем месте. Впрочем, в пещере была такая масса всевозможных вещей, что если бы некоторые из них и пропали, трудно было бы заметить это.

Конгр с товарищами принесли два тщательно закупоренных ящика, найденных пиратами после крушения английского трехмачтового судна и заключавших в себе на крупную сумму золота и драгоценных камней. Они поставили ящик в шлюпку и уже собирались отвалить от берега, как вдруг Конгру пришла мысль дойти до мыса Сан-Хуан, откуда виден был весь южный и весь северный берег.

Прежде чем пуститься в путь, Каркант поднялся на галерею маяка.

Прежде чем пуститься в путь, Каркант поднялся на галерею маяка.

Каркант и Конгр взобрались на береговые утесы и дошли до самой стрелки мыса. Все побережье до самого пролива Лемера, на расстоянии двух миль в одну сторону и до стрелки Североаль в другую, лежало как на ладони.

— Ни души! — сказал Каркант.

— Никого! — отвечал Конгр.

После этого они возвратились к шлюпке и три часа спустя были снова в Эльгорской бухте.

16 января утром Конгр и его друзья приступили к постановке шхуны на мель. В одиннадцать часов ожидали прилива и потому сделали все необходимые приготовления. На берег отнесли швартов, при помощи которого рассчитывали притянуть шхуну.

В сущности, дело было очень простое и легкое и зависело почти всецело от прилива.

Когда прилив достиг полной высоты, разбойники взялись за кабельтов и потянули «Мол» бечевой как можно дальше на берег.

Оставалось дождаться отлива. Около часа верхушки ближайших береговых утесов выступили из воды, и киль «Мола» опустился на песок. В три часа судно лежало уже совсем на суше, на правом

борту.

Можно было приняться за работу. Так как шхуну не удалось дотянуть до самого подножия береговых утесов, работу надо было прерывать каждый день на несколько часов — на время прилива. Впрочем, с каждым днем приливы должны были становиться слабее, а потому и перерывы в работе — короче, и в течение двух недель после новолуния работать можно было почти беспрерывно.

Плотник взялся за дело. Патагонцы не могли помочь ему, но зато Конгр, Каркант и остальные члены разбойничьей шайки принялись помогать кто чем мог.

Сняв медную и деревянную обшивку, плотник обнажил флортимберс и шпангоут, которые надо было заменить новыми. Досок и кусков дерева нашлось в пещере столько, что не понадобилось рубить лес и пилить его на доски, что значительно облегчило дело.

В следующие две недели Варгас и его помощники работали, не зная устали. Труднее всего было удалить флортимберсы и поврежденные части набора. Эти части были плотно сколочены медными гвоздями или нагелями. Очевидно, шхуна строилась на лучших верфях Вальпараисо.

Варгасу эта часть работы далась не без труда, и, не окажись в пещере столько полезных инструментов, дело совсем не пошло бы на лад.

Но мало-помалу приливы стали слабеть, вода перестала доходить до первых отлогостей песчаного берега, киль корабля оставался на суше, и можно было работать как внутри, так и снаружи корпуса. Надо было, однако, спешить заменить по крайней мере хоть обшивку раньше, чем начнутся сильные приливы.

Из предосторожности Конгр заставил осмотреть и починить все пазы шхуны ниже ватерлинии. Их заново проконопатили смоленой паклей, оказавшейся тоже среди сложенных в пещере припасов.

Так работа шла почти беспрерывно до конца января. Погода ей благоприятствовала. Правда, прошло несколько сильных ливней, но они были непродолжительны.

За все это время вблизи Острова Штатов появились только два корабля.

Первый оказался английским паровым судном; оно шло из Тихого океана и, пройдя проливом Лемера, направилось на северо-восток; вероятно, оно шло в один из европейских портов. Пароход прошел мимо мыса Сан-Хуан днем. Его замети-

ли после восхода солнца, а к закату он скрылся уже из вида. Командир судна не мог, таким образом, заметить, что на маяке нет больше огня по ночам.

Другой корабль был большой трехмачтовик, национальность владельца которого издали нельзя было определить. Уже смеркалось, когда он показался около мыса Сан-Хуан и стал огибать восточный берег острова до стрелки Североаль. Каркант, стоявший на вышке маяка, увидел только зеленый огонь на правом борту судна. Но если корабль находился в плавании несколько месяцев, капитан и экипаж могли и не знать, что маяк уже выстроен.

Это трехмачтовое судно прошло достаточно близко от берега, чтобы экипаж его мог заметить сигналы, хотя бы, например, огонь костра, разложенного на краю мыса. Отчего же Васкес не попытался привлечь внимание моряков? Как бы то ни было, корабль с восходом солнца удалился на юг.

Видны были на горизонте и другие парусные и паровые суда, направлявшиеся к Мальвинским островам, но они, кажется, даже не подозревали о существовании Острова Штатов.

В последний день января, во время самых силь-

ных приливов периода новолуния, погода сразу переменилась. Восточный ветер подул прямо в Эльгорскую бухту.

К счастью, хотя шхуна и не была совершенно исправлена, новые флортимберсы, обшивка, шпангоуты делали ее корпус непроницаемым для воды. Нечего было опасаться, что вода проникнет в трюм.

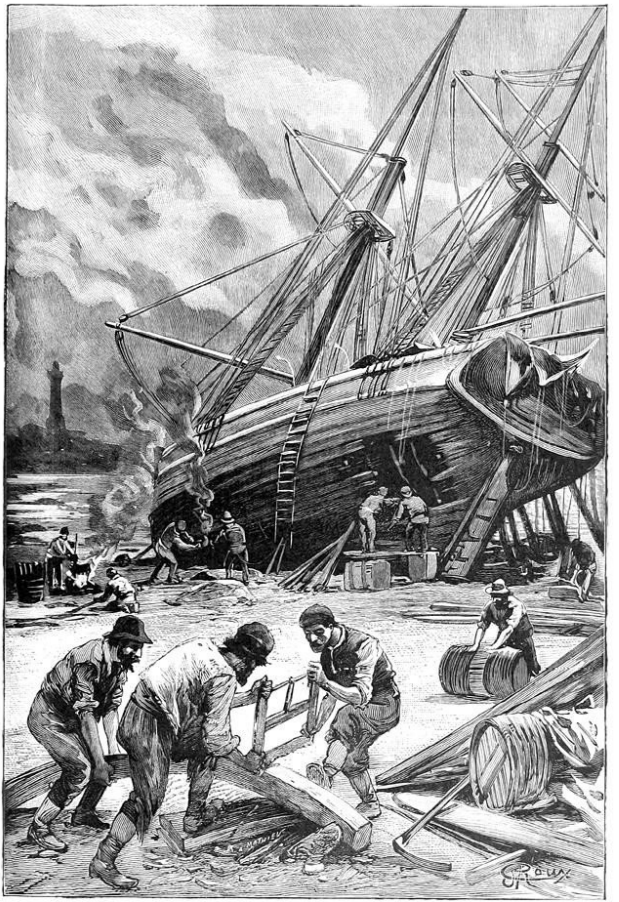
Между тем вода поднималась в течение двух суток все выше и выше; наконец шхуна выпрямилась, продолжая стоять килем на песке.

Конгр и его товарищи должны были принять большие предосторожности, чтобы шхуна не получила новых повреждений, которые могли задержать их здесь еще дольше. Благодаря счастливой случайности шхуна теперь твердо сидела килем в песке. Ее покачивало довольно сильно с боку на бок, но все-таки она не ударялась о скалы.

Впрочем, начиная со второго февраля приливы стали слабее, и шхуна снова стояла неподвижно. Тогда начали конопатить верхнюю часть корпуса, и с утра до вечера слышен был стук мушкеля.

Одновременно производилась погрузка. Шлюпка то и дело сновала между шхуной и берегом. Те из разбойников, которые не работали вместе с

Варгасом, переправлялись в пещеру то с Конгром, то с Каркантом.



Работа шла почти беспрерывно.

Работа шла почти беспрерывно.

Каждый раз шлюпка доставляла часть предметов, которые предполагалось сложить в трюм шхуны, а пока временно складывали в кладовые маяка. Таким образом, нагрузка должна была идти правильнее и легче, чем если бы шхуна грузилась перед пещерой, у входа в бухту, где могло помешать волнение. На всем побережье, со стороны мыса Сан-Хуан, кроме небольшой бухточки у подножия маяка, не было другого места, где можно было бы укрыться от непогоды.

Через несколько дней шхуна, окончательно исправленная, нагруженная, могла уже выйти в море.

Действительно, к 12 февраля последние пазы палубы были законопачены. Среди запасов, найденных на потерпевших крушение кораблях, оказалось несколько горшков краски, и Варгас окрасил заново нос и корму судна. Конгр воспользовался случаем, чтобы изменить название шхуны, и назвал ее в честь своего старшего офицера — «Каркант». Осмотрели также такелаж и починили паруса; впрочем, последние оказались в хорошем состоянии и были, вероятно, новыми, когда шхуна вышла из порта Вальпараисо.

1 февраля шхуна была готова, и ее можно было

бы уже нагрузить, если бы, к великому огорчению Конгра и его товарищей, жаждавших уйти поскорее с Острова Штатов, не надо было ожидать следующего полнолуния, чтобы воспользоваться сильным приливом и снять шхуну с мели.

Прилив этот начался 14 февраля. Вода окончательно подмыла и подняла киль, и шхуна свободно сошла с мели. Оставалось только нагрузить ее.

Итак, если не случится ничего непредвиденного, «Каркант» через несколько дней сможет выйти из Эльгорской бухты, пройти проливом Лемера и на всех парусах держать курс на юго-запад, в Тихий океан.

Глава девятая
Васкес

С самого появления шхуны в Эльгорской бухте Васкес безотлучно оставался на побережье, у мыса Сан-Хуан. Он караулил, не зайдет ли в бухту какое-нибудь судно, чтобы сигналами привлечь к себе внимание экипажа.

Его примут, думал он, на корабль, он предупредит капитана об опасности приближения к маяку, расскажет, что маяком овладела шайка злодеев, и, если экипаж корабля недостаточно силен, чтобы напасть на пиратов и прогнать их вглубь острова, корабль по крайней мере успеет благополучно уйти в открытое море.

Но было очень мало шансов на то, что какое-либо судно по доброй воле заглянет в эту малоизвестную мореплавателям бухту.

А между тем, если бы корабль отправился на Мальвинские острова, до которых было всего несколько дней плавания, он мог бы известить английские власти о разыгравшейся на Острове Штатов драме. Военное судно могло бы тогда явиться в Эльгорскую бухту раньше, чем шху-

на «Каркант» успеет сняться с якоря, захватить Конгра со всей его бандой и восстановить деятельность маяка.

— Неужели же придется ждать возвращения «Санта-Фе»? — размышлял Васкес. — К тому времени шхуна уйдет далеко. Иди ищи ее потом у островов Тихого океана.

Васкес думал не столько о себе, сколько о своих безжалостно убитых товарищах, о безнаказанности совершенного злодеями преступления и об опасности, угрожавшей близ этого побережья судоходству с тех пор, как погас огонь на «маяке на краю света».

За свою судьбу Васкесу нечего было опасаться, так как он нашел хранившиеся в пещере съестные припасы. Лишь бы пираты не накрыли его!

Пещера эта глубоко вдавалась в береговые утесы. В ней в течение нескольких лет укрывалась вся шайка пиратов. Тут же была сложена вся выброшенная морем добыча — золото, серебро, драгоценности и различные припасы.

Васкес взял из пещеры лишь самое необходимое, так что Конгр и его товарищи ничего не могли заметить, — небольшой ящик морских сухарей, бочонок солонины, жаровню для согревания пищи, котел, чашку, шерстяное одеяло,

рубашку, чулки, непромокаемый плащ, два револьвера, штук двадцать патронов, огниво, трут и фонарь. Захватил он также два фунта табаку для своей трубки. Зная, что шхуну будут чинить еще несколько недель, он рассчитывал прийти за припасами, если понадобится, вторично.

Находя, что узкий грот, в котором он приютился сначала, небезопасен ввиду его близости к пещере, он приискал себе другое жилище, в пятистах шагах от прежнего, за мысом Сан-Хуан. Этот грот находился между двумя скалами, и входа в него вовсе не было видно. Проникнуть в него было можно, только пробравшись ползком через едва заметную среди обвалившихся камней трещину. Во время прилива вода подходила до подножия утесов, но никогда не заливала пещеру, пол которой был покрыт чистым, сухим песком.

Можно было пройти сто раз мимо этого грота, не заметив его. Васкес открыл его случайно.

Он перенес туда все взятое в пещере.

Конгр, Каркант и остальные разбойники редко приходили на эту часть побережья. Они зашли сюда только раз, когда вторично посетили свою пещеру. Васкес стоял в трещине, чтобы его не заметили, и видел, как они остановились у мыса Сан-Хуан.

Выходил он больше вечером и всегда с большими предосторожностями, особенно когда шел в пещеру. Остановившись за угловым утесом, при входе в бухту, он долго смотрел, не стоит ли где-нибудь у берега шлюпка.

Время тянулось для Васкеса мучительно долго, и его угнетали печальные воспоминания. Сцена убийства Фелипе и Мориса стояла у него перед глазами. Как хотелось ему встретить атамана этой разбойничьем шайки и собственноручно отомстить ему за смерть несчастных товарищей!

— Нет!.. Нет!.. — говорил он. — Когда-нибудь они будут наказаны! Они заплатят за преступление собственной кровью.

Он забывал, какой опасности он сам подвергался, пока шхуна не покинула Эльгорской бухты.

— Ах, если бы эти негодяи не успели уйти до возвращения «Санта-Фе»! Если бы что-нибудь задержало их, — повторял он.

Суждено ли было исполниться этому пожеланию? До возвращения рассыльного корабля оставалось всего три недели.

Васкеса даже удивляло, что судно стоит в бухте так долго. Неужели повреждения его настолько значительны, что для исправления их оказалось мало месяца? Конгр должен был знать из хра-

нившейся на маяке книги, когда прибудет вторая смена сторожей. Не мог он не знать и того, что ожидает его, если шхуна не выйдет в море раньше первых чисел марта.

Наступило 16 февраля. Васкес сгорал от нетерпения узнать, что происходит.

Когда солнце село, он пошел по северному берегу в направлении бухты и маяка.

Несмотря на темноту, он мог встретить кого-нибудь из пиратов, а потому шел около самой стены береговых утесов, осторожно вглядываясь во мрак, останавливаясь, прислушиваясь при малейшем шорохе.

До бухты оставалось три мили. Васкес шел как раз той дорогой, по которой бежал с маяка в день убийства товарищей. В этот вечер, как и тогда, его никто не заметил.

Часов в девять вечера он был в двухстах шагах от маяка и увидел в окнах своего бывшего жилища свет. Гнев душил его при мысли, что бандиты поселились в доме убитых ими, в его доме!

С места, где он стоял, Васкес не мог видеть утопавшую во мраке шхуну. Он подошел шагов на сто ближе, думая, что вся шайка собралась дома и что никто из бандитов не выйдет на улицу.

Он пробрался до песчаного берега малой бух-

точки. Шхуна была снята с мели накануне и теперь слегка покачивалась, стоя на якоре.

Если бы он только мог, если бы это от него зависело, — он с радостью пробил бы корпус и потопил судно в бухте.

Итак, повреждения были исправлены. Васкес заметил, однако, что шхуна не слишком глубоко сидит в воде, ее подводная часть видна была по крайней мере на три четверти метра ниже ватерлинии. Очевидно, в ней еще не было ни балласта, ни груза. Таким образом, могло случиться, что отплытие отложат еще на несколько дней. Но, конечно, это будет уже последняя задержка. Через двое суток «Мол» снимется с якоря, обогнет мыс Сан-Хуан и навсегда исчезнет с горизонта.

Так как у Васкеса съестные припасы были на исходе, то на следующий день он решил отправиться в пещеру за новым запасом.

Еще не рассвело, когда он, опасаясь, чтобы шлюпка не перевезла днем всех припасов на шхуну, направился туда, соблюдая всяческие предосторожности.

Обойдя угол утеса, Васкес увидел, что шлюпки нет и берег безлюден.

Он вошел в пещеру.

В ней оставалось еще много предметов, но су-

харей и мяса уже не оказалось!

Пираты унесли все съестные припасы, а оставшихся у него могло хватить не больше чем на двое суток!

Не успел он прийти в себя, как послышался плеск весел. К берегу подходила шлюпка, а в ней сидели Каркант и два других бандита.

Васкес быстро подбежал к выходу пещеры и стал смотреть.

Шлюпка причалила. Он едва успел отскочить назад и спрятаться в самом темном углу пещеры, за кучей парусов и шестов, которые должны были остаться здесь, так как их не взяли на шхуну.

Васкес решил дорого продать свою жизнь, если его накроют, и собирался пустить в дело револьвер, с которым он не расставался; но все-таки их было трое против одного.

В пещеру вошли только двое, Каркант и плотник Варгас. Конгра с ними не было.

Каркант нес зажженный факел и стал отбирать вместе с Варгасом разные предметы, которыми пираты хотели пополнить груз шхуны.

Они разговаривали между собой:

— Вот и семнадцатое февраля, пора сниматься с якоря.

— Ну и снимемся, — отвечал Каркант.

— Завтра?

— Я думаю, завтра. Ведь все готово.

— Еще какая-то будет погода! — заметил Варгас.

— Да. Сегодня серенький день. Впрочем, пожалуй, тучи разойдутся.

— Только бы погода не задержала нас дней на десять, на восемь…

— Да, — сказал Каркант, — тогда мы, чего доброго, встретимся с крейсером.

— Ни за что… ни-ни! — воскликнул Варгас. — Мы не можем справиться с военным судном.

— Но оно-то с нами справится! — возразил ему Каркант и подкрепил свою речь выразительным проклятием.

— Как бы мне хотелось поскорее быть милях в ста отсюда, в открытом море! — сказал товарищ.

— Говорю тебе — завтра выйдем в море. Останемся разве лишь в том случае, если ветер будет такой, что снес бы рога с головы лани.

Васкес слушал, едва переводя дух. Каркант и Варгас прохаживались взад и вперед по пещере с факелами в руках. Они разбирали вещи, откладывали некоторые из них в сторону. Иногда они подходили так близко, что Васкес, протянув руку, мог бы выстрелить в грудь одному из них

почти в упор.

Они оставались в пещере с полчаса. Наконец Каркант позвал оставшегося у шлюпки товарища и с его помощью перетащил тюк.

Затем он заглянул в последний раз в пещеру.

— Жалко оставлять так много! — сказал Варгас.

— Ничего не поделаешь, — отвечал Каркант. — Ах, если бы шхуна была вместимостью триста тонн!.. Но мы взяли все наиболее ценное. Я уверен, что нас и в будущем ожидает богатая добыча…

С этими словами они вышли из пещеры, и шлюпка скоро скрылась за стрелкой берега.

Тогда вышел и Васкес и пошел в свое убежище.

Итак, через двое суток он останется вовсе без съестных припасов. Разбойники, уезжая, наверно, возьмут с собой и все припасы, хранившиеся в складах маяка, и Васкес ничего не найдет и там. До прихода рассыльного судна остается еще две недели. Как протянуть это время?

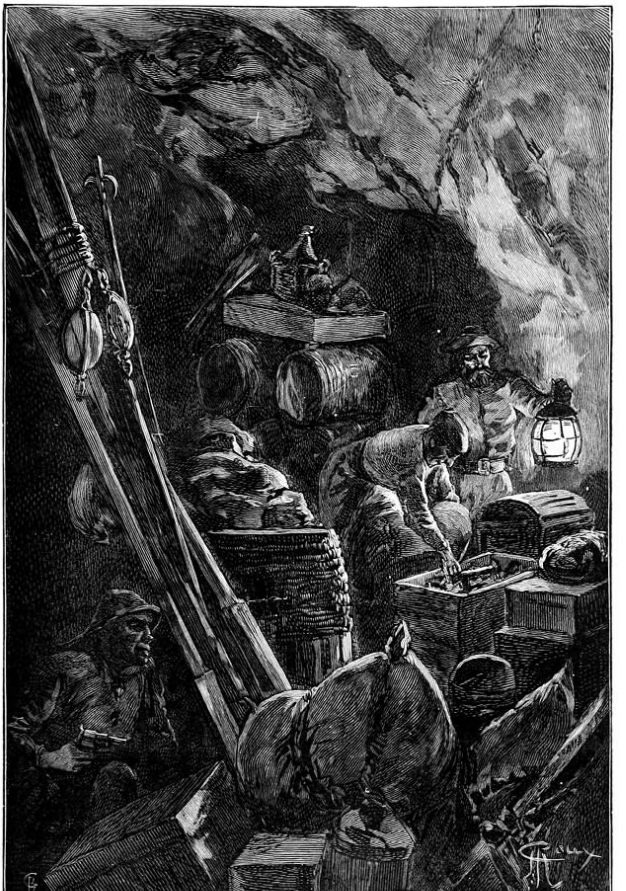
Положение было не из завидных. Ни храбрость, ни энергия тут не могли помочь. Оставалось одно: откапывать в буковом лесу коренья или ловить в заливе рыбу. Но и на это можно было решиться только тогда, когда уйдет шхуна. Если же она останется близ Острова Штатов еще несколько

дней, Васкес свалится от голода в своем гроте у мыса Сан-Хуан.

Между тем тучи все надвигались. На востоке небо заволоклось темными багровыми облаками. Ветер усиливался и превращался в шквал, поднявший на поверхности моря огромные волны с пенящимися гребнями. Волны эти вот-вот готовы были разбиться о скалы мыса.

Если буря не стихнет, шхуна не сможет выйти завтра утром…

Наступил вечер, а погода не переменилась. Шторм, пожалуй, даже усилился. Это была не гроза. Грозы хороши тем, что продолжаются всего несколько часов. Цвет неба и моря, быстро несущиеся под напором ветра облака, шум вздымаемых против течения и разбивающихся о рифы волн — все предвещало сильную бурю. Васкес был опытный моряк; он не мог ошибаться. Барометр в помещение маяка наверно предсказывал бурю.



Васкес слушал, едва переводя дух.

Васкес слушал, едва переводя дух.

Несмотря на яростный ветер, Васкес не остался в своем гроте. Он ходил по берегу и пытливо всматривался во все более и более покрывавшийся тучами горизонт. Вдруг при последних лучах заходящего солнца Васкес заметил в открытом море какую-то двигавшуюся черную массу.

— Корабль! — воскликнул он. — Корабль, который, кажется, идет к острову!

Действительно, с востока шел корабль, намереваясь войти в пролив или обогнуть остров с южной стороны.

Шторм между тем разыгрался вовсю. Это был уже не простой порыв ветра, а один из тех ураганов, во время которых гибнут самые крупные суда: если ветер застигнет их не в открытом море, а вблизи берега, им редко удается спастись, и они разбиваются о скалы.

— Эти негодяи не зажигают огня на маяке! — пробормотал Васкес. — Очевидно, капитан знает о существовании маяка, но не видит его! Он не видит, что берег всего в расстоянии нескольких миль, и корабль разобьется о подводные скалы.

Да! По вине Конгра и его товарищей судну угрожало крушение. С верхушки маяка, конечно, заметили корабль, который не мог привести

парусов к ветру, а должен был убегать от волны. Не видя маяка, который он безнадежно искал на западе, капитан не мог ни войти в пролив Лемера, ни обогнуть мыса Североаль и обойти остров с южной стороны. Самое большое через полчаса корабль должен был разбиться о подводные скалы у входа в Эльгорскую бухту…

Буря все свирепела. Ночь и весь следующий день обещали быть ужасными, так как шторм не мог успокоиться в один сутки.

Васкес и не думал о возвращении в свой грот. Взгляд его не мог оторваться от горизонта. В темноте уже нельзя было различить сам корабль, и лишь иногда меж валами виднелись его сигнальные огни. Управлять рулем при таком бешеном ходе было немыслимо. Может быть, у судна не уцелели даже мачты. Паруса, конечно, были закреплены; при таком ветре самое большее можно было оставить фор-стеньга-стаксель. Судя по тому, что на судне были только красные и зеленые огни, Васкес заключил, что оно парусное; если бы это был пароход, на стакселе фока был бы зажжен белый огонь. Без машины же бороться с ветром еще труднее.

В темноте уже нельзя было различить сам корабль.

В темноте уже нельзя было различить сам корабль.

Васкес в отчаянии ходил по берегу взад и вперед, не зная, как предупредить кораблекрушение. Надо было бы зажечь огонь на маяке. Васкес обращался к Эльгорской бухте, тщетно простирая руки к маяку. Но на маяке не было огня вот уже скоро два месяца, не зажгут его и сегодня, и корабль погибнет с пассажирами и грузом у скал мыса Сан-Хуан.

Вдруг Васкеса осенила мысль. Может быть, судну еще можно избежать гибели, если капитан заметит близость берега. Даже если не удастся привести судно к ветру, можно хоть немного изменить курс и не наскочить на берег, вся длина которого от мыса Сан-Хуан до стрелки Севераль не более восьми миль. А там — впереди уже будет открытое море…

На берегу валяется много выброшенных морем обломков погибших кораблей. Можно сложить их в костер, набросать туда сухих водорослей и зажечь, а ветер раздует пламя. Если корабль будет даже в расстоянии всего одной мили от берега, то, завидев огонь, он еще успеет уберечься.

Васкес поспешно начал таскать на конец мыса обломки дерева и сухие водоросли. Вот костер

готов. Сейчас он запылает…

Но уже было поздно… Во мраке появилась вдруг какая-то громада. Высоко взлетев на исполинских волнах, она неудержимо стремилась вперед. Не успел Васкес даже вскрикнуть, как масса на всем ходу налетела на гряду рифов.

Раздался страшный треск, послышалось несколько отчаянных криков, потом все смолкло… Слышен был только свист ветра да рев бьющихся о берег волн.

Глава десятая
После кораблекрушения

Буря продолжала бушевать и на следующее утро. Море, насколько охватывал глаз, было все покрыто пеной. У мыса белые гребни волн вздымались на высоту семи метров, и ветер переносил их брызги через прибрежные утесы. Порывы ветра и волны отлива сталкивались в Эльгорской бухте со страшной силой. Никакое судно не могло бы войти в бухту или выйти из нее при таких условиях. Хмурое небо предвещало мало хорошего; шторм мог затянуться на несколько дней; вблизи Магелланова пролива такие бури не редкость.

Шхуна не могла, конечно, сняться с якоря. Легко представить себе злобу, овладевшую Каркантом и его бандой.

Вот какая картина представилась глазам Васкеса, когда он проснулся среди целого вихря песку.

Потерпевший корабль лежал шагах в двухстах на северном откосе мыса. Это было трехмачтовое судно тонн пятьсот водоизмещением. Неизвестно, вынужден ли был сам капитан снять мачты

или они сломались во время крушения, только рангоута как не бывало. На поверхности моря не было видно никаких обломков, но силой ветра их могло отбросить в глубь Эльгорской бухты; в таком случае Конгр уже знал, что какое-то судно разбилось о рифы мыса Сан-Хуан.

Васкес шел вперед, осторожно осматриваясь, нет ли кого-нибудь из разбойников у входа в бухту.

Скоро он достиг места катастрофы; обошел разбившееся судно и прочел на корме надпись: «Столетие» («Century»), Мобил.

Итак, это было американское парусное судно, вышедшее из столицы штата Алабама, на берегу Мексиканского залива.

Экипаж и груз «Столетия» погибли безвозвратно, а от корабля остался лишь один остов. Киль распался на две части. Волны разбросали весь груз. На выступивших из-под воды рифах валялись обломки корабельной обшивки, набора, шестов, рей. На берегу лежали ящики, тюки, бочонки.

Остов «Столетия» покоился на берегу, и Васкес без труда пробрался в него.

Тут глазам его представилась картина полного разрушения. Волны разбили палубу, каюты, бак,

шканцы, рубку. Удар корабля о подводные рифы довершил разрушение.

Из экипажа не спасся, по-видимому, никто — ни офицеры, ни матросы.

Васкес громко крикнул, но ответа не получил. Он прошел в трюм, но не нашел там ни одного трупа. Несчастных или унесло волнами, или они утонули в тот момент, когда «Столетие» разбилось о скалы.

Васкес снова вышел на берег, убедился, что ни Конгр, ни кто-либо из его товарищей не приближаются к месту кораблекрушения, и дошел, несмотря на порывы ветра, до конца мыса Сан-Хуан.

— Возможно, — говорил он себе, — что я отыщу и спасу кого-нибудь из экипажа «Столетия».

Однако он никого не нашел и, вернувшись на побережье, стал внимательно осматривать выброшенные волнами обломки корабля.

«Может быть, найду хоть ящик с консервами, которые обеспечат мне существование на две-три недели», — думал он.

Действительно, он нашел выброшенные морем на берег бочонок и ящик. На них сохранились надписи, из которых видно было, что в ящике — сухари, а в бочонке — солонина. Итак, Васкес был

обеспечен по крайней мере на два месяца хлебом и мясом.

Он перенес в свой грот сначала ящик, затем бочонок, потом снова побежал на мыс, чтобы осмотреть бухту. Конгр не мог не знать о кораблекрушении. Накануне ночью он должен был заметить с башни маяка, что какое-то судно идет к берегу. Так как шхуна не могла еще выйти в море, то пираты, конечно, должны были явиться в Эльгорскую бухту поживиться добычей. Не упустят же они, в самом деле, такого случая: ведь среди обломков могут найтись ценные предметы.

Ветер чуть не свалил Васкеса с ног, когда он дошел до угловых береговых утесов.

При таком сильном встречном ветре шхуна не могла уйти дальше мыса Сан-Хуан и лишена была возможности выйти в море.

Вдруг в короткий момент затишья до слуха Васкеса донесся крик, скорее даже слабый стон, призыв о помощи.

Васкес побежал на крик к той неглубокой пещере, где он приютился в первый раз.

Едва он сделал пятьдесят шагов, как заметил у подножия скалы человека. Несчастный лежал и только шевелил рукой, как бы прося помощи.

Васкес вмиг очутился около него.

Лежавшему на песке человеку можно было дать лет тридцать — тридцать пять. Он был крепкого телосложения, и на нем был костюм моряка. Лежал он на правом боку, с закрытыми глазами, тяжело дыша и по временам вздрагивая. Ран как будто у него не было, и на платье не заметно было пятен крови.

Человек, — вероятно, единственный, уцелевший из экипажа «Столетия», — не слышал, как к нему подошел Васкес. Бывший сторож наклонился над ним, положил на грудь руку. Больной сделал усилие, чтобы приподняться, и снова беспомощно упал на песок. Он только открыл глаза и успел еще раз сказать:

— Помогите!..

Васкес опустился рядом с ним на колени, осторожно прислонил его к скале и повторил:

— Я здесь, здесь, друг мой… Взгляните на меня!.. Я вас спасу…

Несчастный протянул было ему руку, но от слабости снова лишился сознания.

Надо было как можно скорее оказать ему помощь.

«Только бы не поздно», — думал Васкес.

Прежде всего надо было перенести его в грот. Разбойники могли явиться сюда каждую минуту

на шлюпке, морем, или пешком, по берегу.

Он взвалил бесчувственное тело себе на спину, прошел метров двести до ущелья, проник в пещеру, положил там больного на одеяло, а под голову ему подложил свернутую одежду.

Потерпевший крушение еще не успел прийти в себя, но дыхание его стало уже ровнее. Васкес опасался, нет ли у него перелома рук или ног, ведь это было очень возможно, так как его, вероятно, ударило о рифы. Что тогда делать, как помочь? Васкес ощупал его члены, но переломов, к счастью, не обнаружил.

Переодев его в сухое платье, найденное в пещере пиратов, Васкес влил ему в рот воды с несколькими каплями водки и растер ему грудь.

Больше он ничего не мог сделать.

Наконец больной пришел в себя, даже приподнялся и, взглянув на поддерживавшего его Васкеса, попросил уже несколько более твердым голосом:

— Пить… пить…

Васкес протянул ему чашку с водой и водкой.

— Ну что, лучше? — спросил Васкес.

— Да! Да! — отвечал пострадавший.

Потом, словно что-то смутно припоминая, он спросил, слабо пожимая руку своего спасителя,

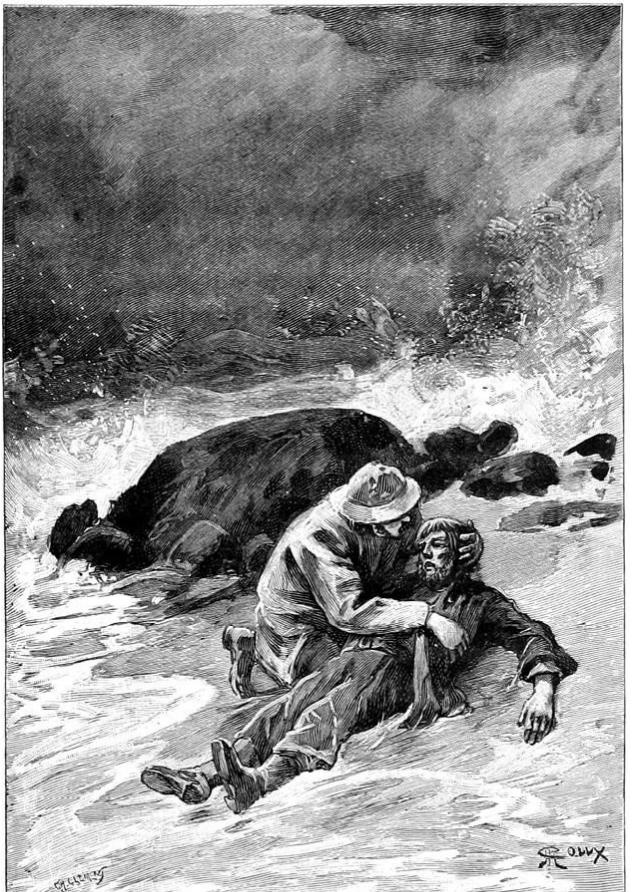
по-английски:

— Вы… здесь?.. Где я?..

— Вы здесь в безопасности, — отвечал ему Васкес на том же языке. — Я вас нашел на берегу, после крушения «Столетия».

— Ах да, помню, «Столетие»!..

— Как ваше имя?



Васкес опустился рядом с ним на колени.

Васкес опустился рядом с ним на колени.

— Дэвис… Джон Дэвис…

— Капитан трехмачтового судна?

— Нет, старший офицер!.. А другие?..

— Все погибли, — отвечал Васкес. — Вы единственный, спасшийся при кораблекрушении!

— Все?..

— Все…

Это сообщение подействовало на Дэвиса угнетающим образом. Как? Он один остался в живых? Каким образом это случилось? Он понял, что обязан своим спасением вот этому заботливо склонившемуся над ним незнакомцу.

— Благодарю!.. — сказал он, и на глазах у него навернулись слезы.

— Вы голодны?.. Хотите поесть?.. Съешьте немного мяса и сухарей! — предложил Васкес.

— Нет, нет, дайте мне еще пить!

Вода с примесью водки освежила Джона Дэвиса, и он стал отвечать на все вопросы.

Вот что он рассказал вкратце.

Двадцать дней назад трехмачтовое судно «Столетие», пятьсот пятьдесят тонн водоизмещением, вышло из американского порта Мобил. Экипаж состоял из капитана Гарри Стюарта, старшего офицера Джона Дэвиса, десяти человек матросов,

юнги и кока. Груз состоял из никеля и мелких товаров, предназначенных для Мельбурна, в Австралии. До пятьдесят пятого градуса южной широты плавание по Атлантическому океану шло благополучно; но тут корабль был настигнут бурей. Чуть ли не первым порывом ветра сломало бизань-мачту и сорвало паруса. Вслед за тем огромная волна, прокатившись по палубе, снесла ют и увлекла в море двух матросов, которых так и не удалось спасти.

Капитан Стюарт рассчитывал укрыться за Островом Штатов, в проливе Лемера. Он был уверен, что находится вблизи него, так как днем определил местонахождение судна по карте. Этот путь казался ему наилучшим для того, чтобы обогнуть мыс Горн и повернуть затем к берегам Австралии.

Ночью порывы ветра усилились. Закрепили все паруса, кроме фока и фор-марселя, и судно стало убегать от бури.

Капитан думал, что он еще в двадцати милях от острова и, рассчитывая на маяк, не видел опасности. Он надеялся, что успеет уклониться в сторону и войти в пролив Лемера, не разбившись о рифы мыса Сан-Хуан.

Итак, «Столетие» шло с попутным ветром.

Гарри Стюарт был уверен, что увидит маяк за час до приближения к нему, так как он должен освещать море на пространстве десяти миль.

Но он так и не увидел света маяка. Он думал, что находится еще далеко от острова, а между тем корабль ударился вдруг со страшной силой о скалу. Три матроса, работавшие у рангоута, исчезли вместе с грот– и фок-мачтами. Корпус корабля дал трещину; капитана, старшего офицера и оставшихся еще в живых матросов выбросило за борт, и их поглотило море.

Так погибло вместе со всем грузом и экипажем «Столетие». Только старший офицер, Джон Дэвис, спасся благодаря Васкесу.

Дэвис не мог понять, у какого побережья разбилось его судно.

— Где мы находимся? — спросил он у Васкеса.

— На Острове Штатов.

— На Острове Штатов? — удивился Джон Дэвис.

— Да, на Острове Штатов, — продолжал Васкес, — у входа в Эльгорскую бухту.

— А маяк?

— Не был зажжен.

Пораженный этим сообщением, Джон Дэвис ожидал объяснения от Васкеса, но тот вдруг встал

и прислушался. Ему почудился шум, и он хотел узнать, не разбойники ли это пришли.

Он пробрался ползком между скал и окинул взглядом все побережье до мыса Сан-Хуан.

Кругом все было пусто. Ветер продолжал яростно дуть. Волны бешено бились. Грозные тучи заволакивали и без того мрачный горизонт.

Шум, который слышал Васкес, произошел от разрушения «Столетия». Корма остова перевернулась под напором ветра. Проникнув внутрь, ветер покатил судно дальше по берегу. Оно катилось, как огромная бочка с проломанным дном, и разбилось вконец о береговые утесы. На покрытом обломками месте крушения осталась лишь вторая половина трехмачтового судна.

Васкес вернулся в грот и лег рядом с Джоном Дэвисом. Старший офицер «Столетия» мало-помалу приходил в себя. Он собирался даже встать и, опираясь на руку товарища, выйти на берег, но Васкес отговорил его. Тогда Джон Дэвис опять спросил, почему в прошлую ночь не было огня на маяке.

Васкес рассказал ему, что произошло в Эльгорской бухте семь недель назад. Недели две после ухода «Санта-Фе» все шло благополучно; он, Васкес, и его товарищи, Фелипе и Морис, которым

была поручена охрана маяка, правильно поддерживали огонь по ночам. Несколько кораблей прошли за это время мимо острова, сигнализировали и получили ответ на свои сигналы.

Но 26 декабря, около восьми часов вечера, у входа в бухту появилась шхуна. Васкес, наблюдая за нею с верхней галереи маяка, видел, как она вошла в бухту. Шхуна направлялась уверенно, и не могло быть сомнения, что дорога хорошо известна капитану…

Войдя в малую бухточку, она стала на якорь у подножия маяка.

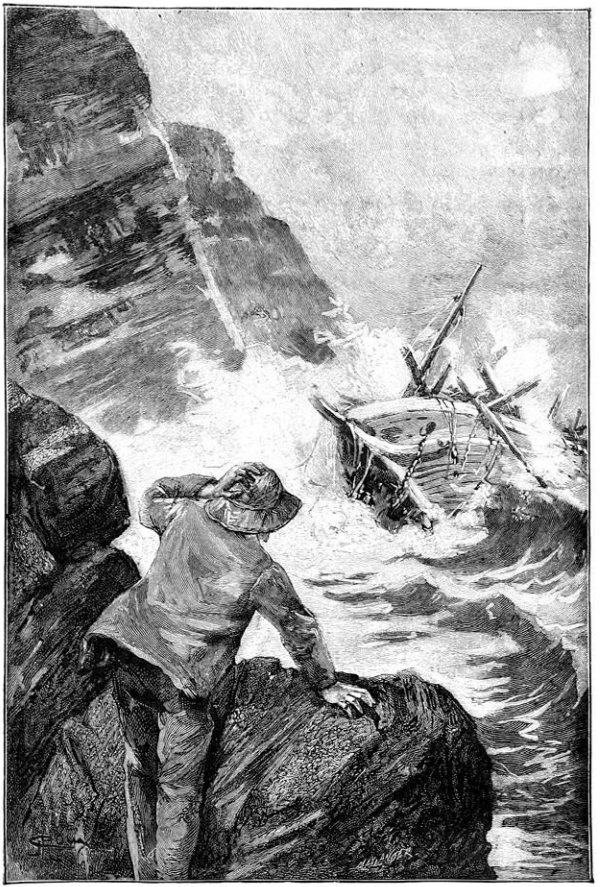
Тогда Фелипе и Морис вышли навстречу, чтобы предложить свои услуги капитану, и, беззащитные, были предательски убиты бандитами.

— Несчастные! — воскликнул Джон Дэвис…

— Да!.. Бедные, бедные друзья! — повторил Васкес, горе которого при этом воспоминании воскресло с новой силой.

— А вы, Васкес? — спросил Джон Дэвис.

— Стоя на галерее, я слышал крики товарищей… Я понял что произошло, понял, что шхуна принадлежит пиратам… Нас было только трое. Двоих разбойники убили, о третьем, думал я, они беспокоиться не станут.



Шум, который слышал Васкес, произошел от разрушения «Столетия».

Шум, который слышал Васкес, произошел от разрушения «Столетия».

— Как вам удалось спастись? — спросил Джон Дэвис.

— Я быстро спустился по лестнице маяка, — отвечал Васкес, — взял из своей комнаты немного съестных припасов и кое-какие вещи, убежал раньше, чем экипаж шхуны успел высадиться на берег, и спрятался в этой части побережья…

— Негодяи… негодяи!.. — повторял Джон Дэвис. — Значит, они, завладев маяком, нарочно не зажигают огня? Они — виновники гибели «Столетия», моего капитана и товарищей!

— Да, они хозяйничают на маяке, — сказал Васкес. — Случайно я подслушал разговор атамана с одним из них, и мне известны их планы.

Джон Дэвис узнал, что эти грабители, уже несколько лет назад поселившиеся на Острове Штатов, заманивали на скалы корабли, убивали моряков, которым удавалось спастись, а ценные части груза, выкинутого морем, складывали в пещере, в ожидании, что Конгр захватит какое-нибудь судно. Но вот начали строить маяк. Шайка вынуждена была оставить Эльгорскую бухту и спастись на мысе Сан-Бартелеми, на другом конце Острова Штатов, спрятавшись так, чтобы

никто не подозревал о ее существовании.

Полтора месяца назад, когда работы были окончены, она вернулась уже на шхуне, которую бурей прибило к мысу Сан-Бартелеми и экипаж которой погиб.

— А почему шхуна до сих пор не ушла вместе с пиратами? — спросил Дэвис.

— Потому что у нее были серьезные повреждения, которые пришлось исправлять. Но я знаю наверно, Дэвис, что теперь все повреждения исправлены, шхуна нагружена и должна была выйти сегодня утром.

— В каком направлении?

— В направлении Тихоокеанских островов, где бандиты рассчитывают безнаказанно продолжать свои подвиги.

— Шхуна не может выйти, пока не утихнет шторм…

— Разумеется, — согласился Васкес, — а между тем буря может продолжаться неделю и задержит ее.

— А пока пираты здесь, не будет огня на маяке?

— Не будет, Дэвис.

— И другие корабли могут погибнуть, как погибло «Столетие»?

— К сожалению, да.

— Разве нет способа подать кораблям сигнал, что они приближаются к берегу?

— Можно зажечь костер на краю мыса Сан-Хуан. Я сделал эту попытку, чтобы спасти «Столетие», Дэвис, попробовал развести костер из сухих обломков и водорослей. Но ветер был так силен, что это не удалось мне.

— Вам не удалось, Васкес, но теперь мы вдвоем сделаем это, — решительно сказал Джон Дэвис. — Корабельных обломков здесь много, среди них — увы! — обломки и моего бедного «Столетия». Ведь если шхуна не уйдет, проходящие суда не будут видеть огня на маяке Острова Штатов и тоже могут потерпеть крушение.

— Во всяком случае, — заметил Васкес, — Конгр и его банда не заживутся на острове долго. Шхуна снимется с якоря, лишь только погода переменится к лучшему.

— Почему вы так думаете? — спросил Джон Дэвис.

— Пираты знают, что скоро должна прибыть вторая смена сторожей.

— Вторая смена?

— Да, сегодня восемнадцатое февраля, а они должны прибыть в начале марта.

— Сюда придет корабль?

— Да, рассыльное судно «Санта-Фе» должно прийти из Буэнос-Айреса около десятого марта, а может быть, и раньше.

Тут Дэвис высказал ту же мысль, которая все время была у Васкеса.

— Ах, тогда дело меняется! — воскликнул он. — Пусть бы буря продолжалась подольше, чтобы эти негодяи не успели уйти из Эльгорской бухты до прибытия «Санта-Фе».

Глава одиннадцатая
Грабители выброшенных морем остатков кораблекрушений

Их было человек двенадцать, с Конгром и Каркантом во главе. Хищный инстинкт привел их на розыски добычи.

Накануне, незадолго до захода солнца, Каркант заметил с высоты маяка идущее с востока трехмачтовое судно. Конгр предполагал, что оно идет с попутным ветром в пролив Лемера или ищет прикрытия за западным берегом острова. Пока было светло, он следил за движением корабля, а когда стемнело, различал его огни. Он заметил, что судно потеряло почти все свои мачты и, вероятно, скоро должно было разбиться окончательно. Если бы Конгр зажег огонь на маяке, всякая опасность для судна исчезла бы. Он этого, конечно, не сделал, и, когда фонари «Столетия» погасли, он решил, что судно погибло с грузом и экипажем между мысами Сан-Хуан и Североземель.

На следующий день буря продолжала неистовствовать. Нечего было и думать о выходе шхуны в море: опять предстояла задержка, на этот раз

небезопасная, потому что тем временем могла прибыть вторая смена. Как ни досадно было Конгру, а приходилось ждать. Впрочем, было еще только 19 февраля. До конца месяца оставалось еще достаточно времени, и буря могла к тому времени уняться. При первом же затишье Каркант должен был сняться с якоря и выйти в море.

Так как буря прибила к берегу судно, надо было воспользоваться случаем и поискать, нет ли среди обломков чего-нибудь ценного, и увеличить, если можно, груз шхуны. По крайней мере, не даром шхуна будет стоять в бухте! Никто не оспаривал его предложения. Вся эта стая хищных птиц встрепенулась и полетела как по приказу.

Приготовили шлюпку. В ней поместились двенадцать человек и атаман. Грести пришлось против ветра и против течения. До последних береговых утесов шли полтора часа. Идти обратно должно было быть легче, потому что можно было идти под парусами.

Шлюпка причалила к северному берегу бухты, как раз против пещеры. Все вышли из лодки и побежали на место кораблекрушения.

Это и был тот момент, когда разговор Джона Дэвиса и Васкеса был нарушен каким-то шумом.

Васкес подполз к отверстию грота, стараясь

спрятаться так, чтобы его не могли видеть.

Скоро к нему подкрался и Джон Дэвис.

— Вы-то зачем здесь! — сказал ему Васкес. — Оставьте меня одного и ступайте отдыхать.

— Ничего, — отвечал Джон Дэвис, — мне теперь лучше. Я тоже хочу видеть бандитов.

Старший офицер «Столетия» был, очевидно, не менее энергичен, чем Васкес. Это был американец с железным темпераментом. Даже при кораблекрушении «не вышибло дух из его крепко сколоченного тела», как говорят в просторечье.

Дэвис был опытный моряк. Прежде чем поступить на коммерческое судно, он служил во флоте Соединенных Штатов. По возвращении «Столетия» в Мобил Гарри Стюарт должен был выйти в отставку, и судохозяева хотели поручить командование судном Дэвису.

Последнее обстоятельство еще больше возбуждало в нем гнев и ненависть. От корабля, которым он должен был командовать, остались одни обломки, да и теми собирается завладеть шайка грабителей.

По энергии и храбрости Дэвис был достойный товарищ Васкеса.

Но что значила их храбрость, когда им приходилось иметь дело с целой шайкой пиратов!

Притаившись за скалами, Васкес и Джон Дэвис осторожно осмотрели побережье до самого мыса Сан-Хуан.

Конгр, Каркант и остальные разбойники стояли у кучи обломков, образовавшейся от разбитой ветром об угол утеса части «Столетия».

Бандиты были всего в двухстах шагах от грота, откуда ясно можно было различить их лица. На них были клеенчатые, туго подвязанные у пояса дождевики с капюшонами. Им, видимо, трудно было бороться с ветром. Подчас им приходилось опираться о скалу или часть остова корабля, чтобы не упасть.

Васкес назвал Джону Дэвису тех пиратов, которых видел, когда они в первый раз приходили в пещеру.

— Вот тот высокий, что стоит у форштевня, — говорил он, — это Конгр.

— Атаман?

— Да, атаман.

— А с кем это он разговаривает?

— Со старшим офицером Каркантом. Это один из убийц моих товарищей. Я хорошо видел с галереи маяка, как он наносил удар.

— Вы, я думаю, охотно проломили бы ему череп? — сказал Дэвис.

— Я убил бы их обоих, его и атамана, как бешеных собак! — отвечал Васкес.

Разбойники целый час осматривали остатки корпуса корабля. Они обшарили все уголки. Никель, которым был нагружен корабль, им не был нужен, и они оставили его на берегу, но три ящика и три тюка с мелкими товарами перенесли в шлюпку, надеясь найти в них что-нибудь полезное.

— Если эти негодяи ищут золота, серебра и драгоценностей или пиастров, напрасно они трудятся, — заметил Джон Дэвис.

— О, конечно, это им было бы приятнее всего, — ответил Васкес. — В пещере было много драгоценностей; должно быть, все это было добыто с потерпевших крушение кораблей. На шхуне пиратов немало ценного груза, Дэвис.

— И я отлично понимаю, что им хочется отвезти его в безопасное место! — воскликнул Дэвис. — Надеюсь, однако, что это им не удастся.

— Для этого надо было бы, чтобы буря продолжалась две недели, — с сомнением сказал Васкес.

— Или же мы должны что-нибудь придумать…

Джон Дэвис не досказал своей мысли до конца.

В самом деле, как могут они задержать шхуну,

если буря утихнет и море успокоится?

Между тем пираты, оставив эту часть корабля, перешли к другой, на самое место крушения, у мыса.

Васкес и Джон Дэвис могли еще видеть их, хотя и на большом расстоянии.

Был отлив, и подводные рифы обнажились, так что дойти до остова трехмачтового судна было довольно легко.

Конгр и с ним человека три пиратов вошли внутрь. Джон Дэвис сказал Васкесу, что в кормовой части корабля, под ютом находится баталер-камера.

Вероятно, волны порядком опустошили ее, но все же в ней могли уцелеть кое-какие припасы.

Действительно, скоро разбойники вышли оттуда, таща к шлюпке ящики с консервами и бочонки. Из развалин юта вытащили целые узлы платья и перенесли их туда же.

Поиски продолжались часа два. После этого Каркант и два товарища его, вооруженные топорами, принялись разрушать гакаборт.

— К чему это? — удивился Васкес. — Разве корабль еще недостаточно разрушен?

— Догадываюсь, что им нужно, — отвечал Джон Дэвис, — они не хотят, чтобы кто-нибудь мог

узнать имя и место постоянной стоянки судна, погибшего в этой области Америки!

Дэвис не ошибся. Скоро Конгр вышел из юта с американским флагом, который нашел в каюте капитана, и разорвал его на клочки.

Когда шлюпка была наполнена награбленным добром, Конгр и Каркант спустились к подножию береговых утесов. Раза три прошли они мимо ущелья, где находился грот Васкеса и Дэвиса, которые могли хорошо слышать их разговор.

— Опять не удастся уйти завтра.

— Да, боюсь даже, чтобы непогода не затянулась на несколько дней.

— Ничего. Оставшись здесь, мы не прогадали.

— Конечно. Впрочем, я ожидал, что американское судно такой вместимости нагружено чем-нибудь более ценным. В последнем корабле, который мы заманили на рифы, оказалось пятьдесят тысяч долларов.

— Раз на раз не приходится, — рассудил Каркант. — Сегодня мы имеем дело с нищенским кораблем.

В гневе Джон Дэвис схватил револьвер и, не помня себя, собирался уже размозжить выстрелом голову атаману, но Васкес удержал его.

— Вы правы, — пробормотал Джон Дэвис. — Но

я никак не могу примириться с мыслью, что эти злодеи не будут наказаны. А между тем иди ищи, преследуй их, если шхуна выйдет в море.

— Буря бушует по-прежнему, — возразил Васкес. — Даже если утихнет ветер, море успокоится не сразу. Им не выйти из бухты, поверьте мне!

— Правда, Васкес; но рассыльное судно придет не раньше начала следующего месяца.

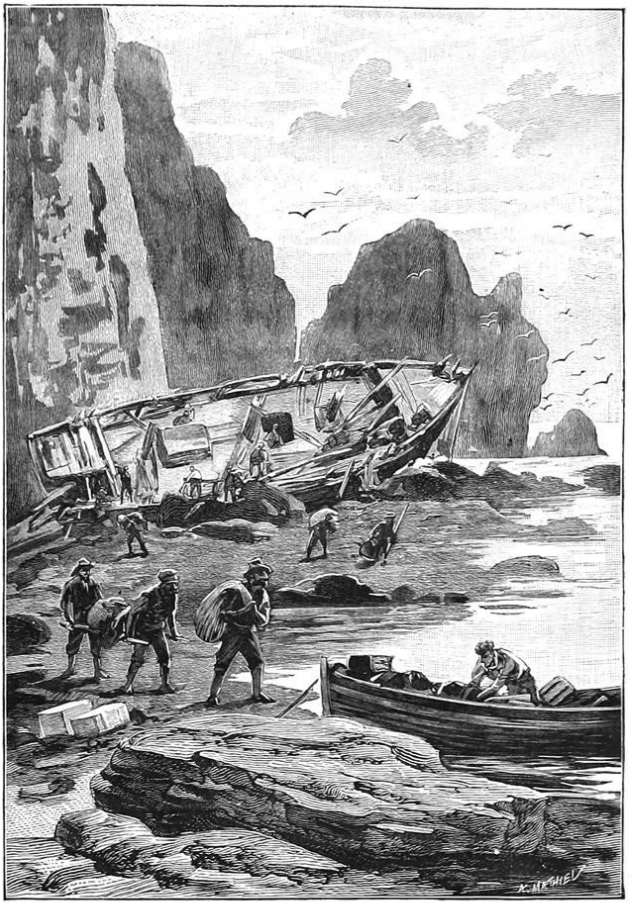
— А может быть, и раньше, Дэвис!

— Хорошо бы!..

Во всяком случае, шторм продолжал неистовствовать, а под этой широтой даже в летнее время такие бури продолжаются иногда по две недели. Если ветер подует с юга, он пригонит сюда холодные испарения Антарктического моря, где скоро начнется зима. Китобойные суда уже подумывают, должно быть, о том, чтобы уйти из полярных областей, так как с марта там уже начинают образовываться новые льды.

Можно было, впрочем, опасаться, что дней через пять наступит затишье, которым шхуна воспользуется и выйдет в море.

В четыре часа Конгр и его товарищи сели в шлюпку, подняли парус и через несколько минут исчезли в северной части бухты.



Шлюпка была наполнена награбленным добром.

Шлюпка была наполнена награбленным добром.

К вечеру ветер стал еще сильнее, порывистее. С юго-востока надвинулись тучи и полил холодный, обильный дождь.

Васкес и Джон Дэвис не могли выйти из грота. Стало довольно холодно, и, чтобы согреться, они разложили в глубине узкого ущелья огонь. На берегу не было ни души. Смеркалось. Опасаться было нечего.

Ночь была ужасная. Море билось у подножия береговых утесов, словно речное течение столкнулось с морским приливом или внезапно поднявшийся морской прилив затопил восточный берег острова. Могучая зыбь неминуемо грозила проникнуть в бухту, и Конгру стоило немалого труда удержать шхуну «Каркант» на якоре.

— Ах, если бы шхуну разбило, а щепки разметало приливом! — говорил Джон Дэвис.

Что касается корпуса «Столетия», от него скоро должны были остаться лишь занесенные между скал или разбросанные на берегу обломки.

На следующее утро Васкес и его товарищ поспешили удостовериться, достиг ли шторм наибольшей силы.

Трудно себе представить что-либо подобное

воцарившемуся на берегу хаосу. Казалось, море смешалось с облаками. Так продолжалось целый день и всю следующую ночь. Ни один корабль не показывался в виду острова за эти двое суток. Суда всячески старались держаться подальше от опасных Магеллановых островов, близ которых бушевала буря. От такого шквала не укрыться ни в Магеллановом проливе, ни в проливе Лемера. Спасение было в бегстве, и суда искали простора, открытого моря.

Как предвидели Джон Дэвис и Васкес, корпус «Столетия» был окончательно разрушен, и берег до самого подножия утесов покрылся бесчисленными обломками.

К счастью, Васкесу и его товарищу не надо было заботиться о пище. Найденных на «Столетии» консервов им могло хватить на месяц и даже больше. А между тем дней через двенадцать должна была прийти «Санта-Фе». Буря к тому времени успокоится, и рассыльное судно не побоится подойти к мысу Сан-Хуан.

Чаще всего разговор касался прибытия этого желанного корабля.

— Пусть буря продолжается подольше, чтобы шхуна не могла выйти в море, и утихнет только к прибытию «Санта-Фе»! — наивно восклицал

Васкес.

— Ах! — отвечал Джон Дэвис, — если бы мы могли повелевать ветрами!

21-го и 22-го положение почти не изменилось. Ветер как будто перешел на северо-восток, но, поколебавшись с час, стал дуть по-прежнему страшными порывами.

Ни Конгр, ни кто-либо из банды не появлялись больше на берегу — у них было немало хлопот со шхуной, которую надо было уберечь от повреждений в переполненной до краев бухточке.

Утром 23-го погода как будто стала немного лучше. Ветер подул с норд-норд-оста. На юге небо мало-помалу расчистилось.

Дождь перестал, и все еще сильный ветер начал рассеивать тучи. Море продолжало бушевать, и волны с яростью разбивались о берег. Выход из бухты был небезопасен, и шхуна не могла бы выйти ни в этот, ни в следующий день.

Конгр и Каркант, воспользовавшись временным затишьем, могли прийти посмотреть на море с мыса Сан-Хуан. Надо было поэтому соблюдать осторожность.

Впрочем, так рано они едва ли могли прийти, и Джон Дэвис с Васкесом решились выйти из грота, в котором безвыходно просидели двое суток.

— А ведь ветер, пожалуй, установится, — сказал Васкес.

— Боюсь, что да, — отвечал Джон Дэвис, которого никогда не обманывало его чутье моряка. — Надо было бы, чтобы буря продолжалась еще дней десять! А этому не бывать.

Скрестив на груди руки, он посматривал то на небо, то на море.

Васкес отошел на несколько шагов. Дэвис последовал за ним вдоль стены прибрежных утесов.

Вдруг ему под ноги попал какой-то наполовину зарывшийся в песок твердый металлический предмет. Он наклонился и увидел жестяной ящик с порохом, который держали на «Столетии» для четырех сигнальных каронад[48], а также для ружей экипажа.

— Нам этот порох ни к чему, — сказал он. — Ах, если бы можно было поджечь его в трюме шхуны бандитов и взорвать ее!

— Об этом нечего и думать, — отвечал, тряхнув головой, Васкес. — На обратном пути я все-таки захвачу на всякий случай этот ящик с порохом и спрячу его в гроте.

Они пошли дальше к мысу, но не могли дойти

---

[48] Notes: 48

Каронада — небольшая пушка.

до стрелки его: слишком яростно там бились волны. Когда они поравнялись с рифами, Васкес увидел в углублении скалы одно из артиллерийских орудий, откатившееся сюда вместе с лафетом при кораблекрушении «Столетия».

— Вот и оружие с вашего судна, — сказал он Джону Дэвису, — и даже несколько ядер.

— Они нам не нужны, — повторил опять Джон Дэвис.

— Кто знает! — возразил Васкес. — Раз есть чем зарядить каронаду, может быть, мы и воспользуемся ею когда-нибудь.

— Сомневаюсь, — отвечал его товарищ.

— Отчего бы и нет, Дэвис? Так как на маяке нет огня по ночам, мы можем подать сигнал пушечным выстрелом в случае, если какое-либо судно приблизится к острову, как это было со «Столетием».

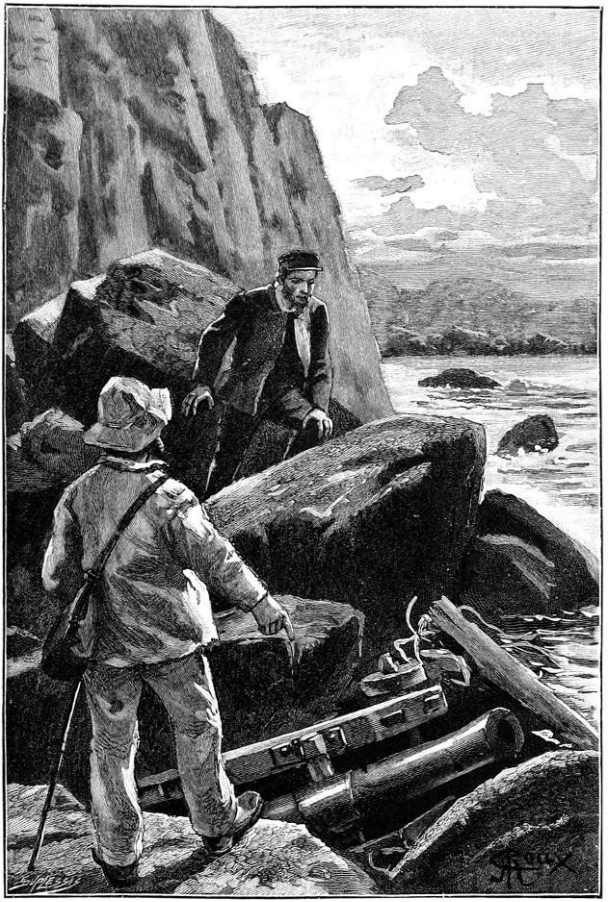
Джон Дэвис вдруг пристально взглянул на товарища. Казалось, ему пришла совсем иная мысль, но он ограничился тем, что сказал:

— Вы думаете, Васкес?

— Да, Дэвис, и мне кажется, что моя мысль недурная. Правда, в бухте услышат выстрел и узнают о нашем присутствии на острове. Бандиты станут искать и, может быть, найдут нас. Это

будет стоить нам жизни, но зато скольких людей мы спасем от гибели. И исполним в то же время свой долг!

— Есть еще способ исполнить наш долг! — прошептал Джон Дэвис, но не захотел объяснять свою мысль подробнее.



Вот и оружие с вашего судна.

Вот и оружие с вашего судна.

Он не стал спорить с Васкесом, и они вместе перетащили каронаду в грот. Туда же они перенесли лафет, ядра и ящик с порохом. Эта работа была довольно трудная и потребовала много времени. Солнце стояло довольно высоко, было, вероятно, уже около десяти часов, и Васкес с Джоном Дэвисом пошли завтракать.

Едва успели они уйти, как из-за угла береговых утесов показались Конгр, Каркант и плотник Варгас. Идти против ветра и течения на шлюпке было слишком трудно, и они пришли пешком. На этот раз они явились не за добычей.

Пираты после перемены погоды, как предчувствовал Васкес, пришли посмотреть на небо и море. Конечно, они должны были видеть, что шхуна «Каркант» не может сейчас выйти в море и бороться с такими сильными волнами. Она рисковала удариться о мыс Сан-Хуан раньше, чем успеет войти в пролив или повернуть на запад.

Так думали Конгр и Каркант. Они стояли на месте крушения «Столетия», где валялись лишь небольшие обломки кормы, и оживленно разговаривали, жестикулируя, указывая на горизонт и порою отскакивая, когда увенчанная белым гребнем волна с шумом разбивалась о мыс.

Бандиты пробыли на берегу с полчаса, и ни Васкес, ни его товарищ не спускали с них глаз. Наконец они пошли и, оглянувшись несколько раз, скрылись за утесом, по направлению к маяку.

— Ушли, — сказал Васкес. — Пусть бы они походили сюда еще несколько дней любоваться морем!

Джон Дэвис покачал головой. Он видел, что через двое суток шторм окончится. К тому времени зыбь успокоится если не совсем, то хоть настолько, что шхуна будет в состоянии обогнуть мыс Сан-Хуан.

Васкес и Джон Дэвис провели весь день на берегу. Погода все прояснялась. Дул постоянный норд-норд-ост. Судно могло бы отдать рифы фока и марселя и выйти в пролив Лемера.

Вечером Васкес и Дэвис возвратились в грот, утолили голод сухарями и солониной, а жажду — водой с водкой. Васкес уже собирался завернуться в одеяло и лечь, как вдруг товарищ сказал ему:

— Раньше, чем заснуть, выслушайте, что я хочу сказать, Васкес.

— Говорите, Дэвис.

— Вы спасли мне жизнь, Васкес, и я ничего не хочу предпринять без вашего согласия. Мне пришла в голову одна мысль, прошу вас выслушать

и сказать ваше мнение.

— Я слушаю вас, Дэвис.

— Погода переменилась. Буря успокоилась. Через двое суток шхуна может сняться с якоря.

— Все это, к сожалению, так, — отвечал Васкес и сделал рукой жест, как бы означавший: «Мы тут ни при чем!»

— Да, через два дня она выйдет из бухты, — продолжал Дэвис, — обогнет мыс, исчезнет на западе, пройдет проливом, и только мы ее и видели. Мне не удастся отомстить за смерть капитана и моих товарищей со «Столетия»!

Васкес опустил голову. Потом поднял ее и взглянул на Джона Дэвиса, на лицо которого падал свет догорающего костра.

— Есть, однако, способ помешать отплытию шхуны или, по крайней мере, задержать ее до возвращения «Санта-Фе», — продолжал Дэвис. — Авария могла бы заставить шхуну вернуться в бухту. У нас есть пушка, порох, снаряды. Поставим пушку на лафет у углового утеса, зарядим ее и выстрелим в корму шхуны, когда она будет проходить мимо нас. Пусть даже судно не затонет, все же пираты не решатся пуститься в такое плавание на шхуне с пробоиной. Негодяи вынуждены будут вернуться и снова чинить шхуну. Опять

придется разгружать ее, на это потребуется целая неделя, а тем временем прибудет и «Санта-Фе»...

Джон Дэвис замолчал; он схватил руку товарища и пожал ее.

Васкес не колебался ни минуты. Он ответил ему одним только словом:

— Сделаем это!

Глава двенадцатая
Выход из бухты

25 февраля горизонт, как часто бывает после бури, был застлан туманом. Ветер стих, и все признаки перемены погоды к лучшему были налицо.

Конгр решил, что шхуна выйдет в море, и отдал приказ, чтобы к полудню все было приготовлено к отплытию. К тому времени солнце могло рассеять туман. Шхуна должна была отплыть в шесть часов вечера, воспользовавшись отливом. Часов около семи она будет у мыса Сан-Хуан и обогнет его до наступления ночи.

Если бы не туман, она вышла бы еще с утренним отливом. На судне все было готово — груз и съестные припасы, как снятые со «Столетия», так и те, которые были в складах маяка. Не желая перегружать и без того полный трюм, Конгр оставил мебель и утварь в жилище сторожей. Хотя разбойники и выбросили часть балласта, шхуна сидела в воде на несколько сантиметров глубже своей ватерлинии; нагружать ее больше было бы рискованно.

В полдень Каркант и Конгр прогуливались у подножия маяка.

— Туман рассеивается, — сказал Каркант, — скоро мы увидим море. Такие туманы обыкновенно предвещают затишье.

— Надеюсь, на этот раз ничто не помешает нам убраться отсюда. До пролива мы дойдем беспрепятственно…

— Почему бы и не дальше, Конгр. Вот только ночь будет темная. Месяц только еще в первой своей четверти и спрячется почти одновременно с солнцем…

— Ничего, Каркант. Чтобы обогнуть остров, мне не нужно ни звезд, ни месяца! Северное побережье я знаю как свои пять пальцев. Я далеко обойду острова Нью-Ир и мыс Кольнет, чтобы не натолкнуться на рифы!..

— С этим северо-восточным ветром мы завтра далеко уйдем, Конгр.

— Завтра исчезнет из виду мыс Сан-Бартелеми, а к вечеру Остров Штатов останется у нас в двадцати милях за кормой.

— Давно пора! Довольно мы тут посидели.

— Тебе не жалко расставаться с островом, Каркант?

— Нет. Теперь мы разбогатели, имеем в своем

распоряжении хороший корабль, на котором увезем свои богатства! Чего же нам еще? А я уже думал, что все пропало, когда мы открыли течь в шхуне! Если бы нам не удалось починить пробоину, кто знает, сколько времени нам пришлось бы пробыть еще на острове. А с прибытием рассыльного судна мы должны были бы опять скрыться на мысе Сан-Бартелеми… Ох и надоел же мне этот мыс!

— Да, — отвечал Конгр, нахмурившись. — Тогда дело было бы плохо! Не найдя на маяке сторожей, командир «Санта-Фе» принял бы меры. Он обыскал бы весь остров и, может быть, нашел нас. Возможно, что уцелел и третий сторож, который спасся от нас!

— Ну, этого нечего бояться, Конгр. Мы ни разу не напали на его след. Да и как бы он мог прожить столько времени без всяких средств пропитания? Ведь шхуна уже стоит два месяца в Эльгорской бухте. Все это время сторож мог питаться только сырой рыбой да корнями.

— Мы уходим, однако, до возвращения рассыльного судна, и это очень хорошо, — сказал Конгр.

— Судя по записям в книге маяка, оно должно прийти через неделю.

— А через неделю мы будем уже за мысом Горн,

на пути к Соломоновым островам.

— Конечно, Конгр! Поднимусь-ка я еще раз на галерею, посмотрю на море, не видно ли где-нибудь корабля…

— Э, не все ли нам равно! — отвечал, пожимая плечами, Конгр. — Атлантический и Тихий океан не являются ничьей собственностью. У шхуны «Каркант» все бумаги в порядке. Я сделал все, что было нужно, можешь на меня положиться. Если даже «Санта-Фе» повстречается с нами у входа в пролив, он ответит салютом на наш салют: вежливость прежде всего!

Как видно, Конгр не сомневался в успешном выполнении своих планов. Казалось, счастье улыбалось ему.

Капитан пошел к бухточке, а Каркант поднялся по лестнице на галерею и простоял там целый час.

Небо было совершенно ясное, кругом видно было на двенадцать миль в окружности. Море продолжало еще слегка волноваться, но на волнах уже не было гребней, и зыбь не мешала плаванию шхуны. Стоило, впрочем, войти в пролив, как под прикрытием острова и при попутном ветре плавание оказалось бы спокойным, как по реке.

В открытом море виднелось только трехмачтовое судно, показавшееся около двух часов дня на востоке, на таком далеком расстоянии, что Каркант и не увидел бы его без зрительной трубы. Оно шло на север, следовательно, не в Тихий океан, и скоро исчезло.

Час спустя на норд-норд-осте показался дымок парохода, направлявшегося к Острову Штатов или к Огненной Земле. Это обеспокоило Карканта, и он решил переговорить по этому поводу с Конгром.

«Уж не рассыльное ли это судно!» — подумал он.

Было 25 февраля, а «Санта-Фе» должен был прибыть в начале марта. Уж не вышел ли он из порта раньше! Если это он, то через два часа он ляжет в дрейф у мыса Сан-Хуан… Тогда все пропало… Неужели же накануне освобождения придется отказаться от мечты о свободе и снова возвратиться на мыс Сан-Бартелеми?

А внизу, у подножия маяка, грациозно покачивалась на волнах, как бы поддразнивая Карканта, готовая сняться с якоря шхуна. Но прилив и противный ветер не позволили ей выйти раньше, как через два с половиной часа, когда уровень воды понизится.

Итак, выйти в открытое море до прихода парохода было немыслимо. А что, если это рассыльное судно!..

У Карканта вырвалось проклятие. Конгра, занятого последними приготовлениями, он решил не беспокоить раньше, чем убедится в справедливости своего предположения, поэтому он остался один на своем наблюдательном посту.

Благодаря попутному ветру и течению судно быстро приближалось. Оно шло на всех парах; из трубы валили густые клубы дыма. Паруса были поставлены, и корабль сильно накренился на правый борт. При таком быстром ходе он должен был скоро лечь в дрейф у мыса Сан-Хуан.

Каркант не отрывался от подзорной трубы. Волнение его росло по мере того, как уменьшалось отделявшее его от парохода расстояние.

Вот судно всего уже в нескольких милях. Каркант мог уже различить его корпус.

Страх Карканта достиг неимоверных размеров, но вдруг внезапно рассеялся.

Пароход неожиданно придержал к ветру: это было признаком того, что он собирается войти в пролив. При этом маневре Каркант увидел весь его такелаж.

Это было паровое судно в тысячу двести — ты-

сячу пятьсот тонн, не имевшее ничего общего с «Санта-Фе».

Каркант, Конгр и другие пираты смогли хорошо ознакомиться с рассыльным судном за время его продолжительной стоянки в Эльгорской бухте. Они знали, что у «Санта-Фе» оснастка как у шхуны, а приближавшийся пароход был трехмачтовым судном.

У Карканта отлегло от сердца. Он был рад, что не напугал понапрасну всю банду. Он простоял на галерее еще с час, видел, как пароход прошел в трех или четырех милях на север от острова, то есть слишком далеко, чтобы сигнализировать; впрочем, сигналы его все равно остались бы без ответа.

Через сорок минут пароход этот, делавший узлов двенадцать в час, исчез в открытом море за мысом Кольнет.

Убедившись, что на горизонте не видно другого корабля, Каркант спустился с вышки.

Наконец наступил момент отплытия шхуны. Все было готово. Оставалось только поставить паруса. Стоило лишь натянуть шкот у парусов, последние наполнились бы дующим с ост-зюйд-оста ветром, и корабль пошел полным ходом.

В шесть часов Конгр и вся команда были в сборе.

Шлюпка доставила пиратов, которые оставались на берегу, и затем ее подняли на борт.

Медленно начинался отлив. Вот уже обнажилось место, на котором лежала шхуна во время починки. По ту сторону бухточки показались острые вершины скал.

Настал час отплытия. Конгр отдал команду ходить в шпиле. Вот натянулась, заскрипела в клюзе цепь, а когда якорь показался, его подняли на кранбалк и взяли на фиш ввиду предстоящего дальнего плавания.

Паруса поставили по ветру, и шхуна под фоком, марселем, брамселем и кливером с правой стороны быстро направилась в открытое море.

При дувшем с ост-зюйд-оста ветре «Каркантy» легко было обогнуть мыс Сан-Хуан. Путь вдоль крутого берега не представлял никакой опасности.

Конгр это знал. Бухта была ему хорошо знакома, и он уверенно управлял рулем, стараясь увеличить скорость хода.

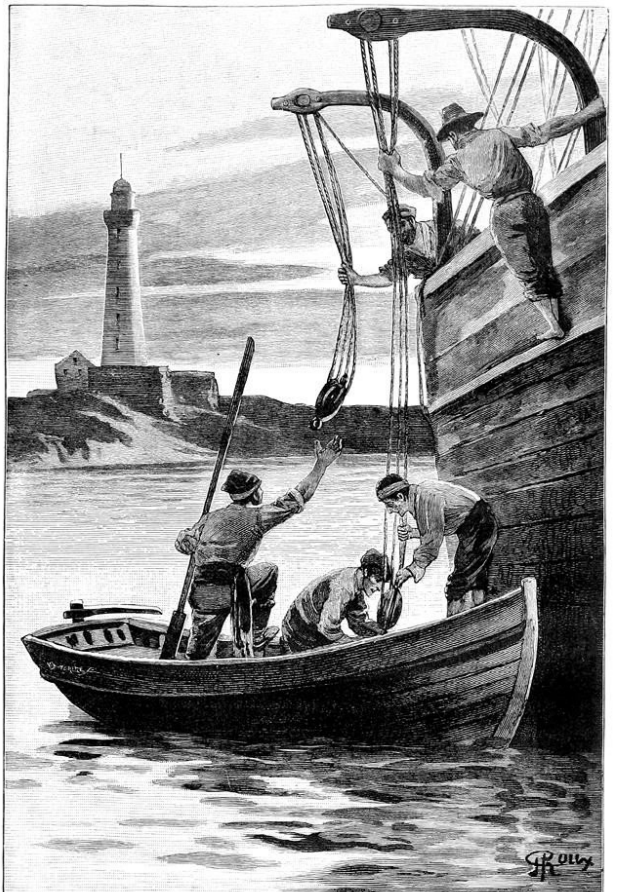
«Каркант» шел очень неравномерно, то замедляя, то ускоряя ход, в зависимости от силы ветра.

В половине седьмого шхуна была всего на расстоянии мили от стрелки мыса. Далеко на горизонте расстилалось море. Скоро солнце за-

катилось, и на потемневшем небе загорелись звезды.

— Ну вот мы наконец выйдем из бухты, — сказал Каркант, подходя к Конгру.

— Да, через двадцать минут, — отвечал Конгр, — я велю ослабить паруса и обогну мыс Сан-Хуан…



Конгр и вся команда были в сборе.

Конгр и вся команда были в сборе.

— Разве придется поворачивать на другой галс, когда войдем в пролив?

— Не думаю, — отвечал Конгр, — обогнув мыс Сан-Хуан, мы повернем на левый галс, но потом так и дойдем до мыса Горн. Настанет зима, и, кажется, можно рассчитывать, что восточные ветры будут постоянными, так что нам не придется лавировать.

Если, как надеялся Конгр, можно будет обойтись без лавирования, шхуна выиграет много времени. Можно будет спустить все паруса, кроме бригантины и фока.

— Вперед смотреть!.. — закричал вдруг стоявший у кранбалка матрос.

— Что такое? — спросил Конгр.

Каркант подбежал к борту и наклонился над абордажной сеткой.

— Сюда! — позвал он Конгра.

Шхуна легла в это время в дрейф к пещере, в которой так долго жили пираты.

В этой части залива плыла по течению часть киля «Столетия». Отлив уносил ее в море. Столкновение с нею могло иметь неприятные последствия, а избежать встречи было уже нельзя.

Конгр направил шхуну левее, и она прошла

почти рядом с килем, слегка задев его подводной частью.

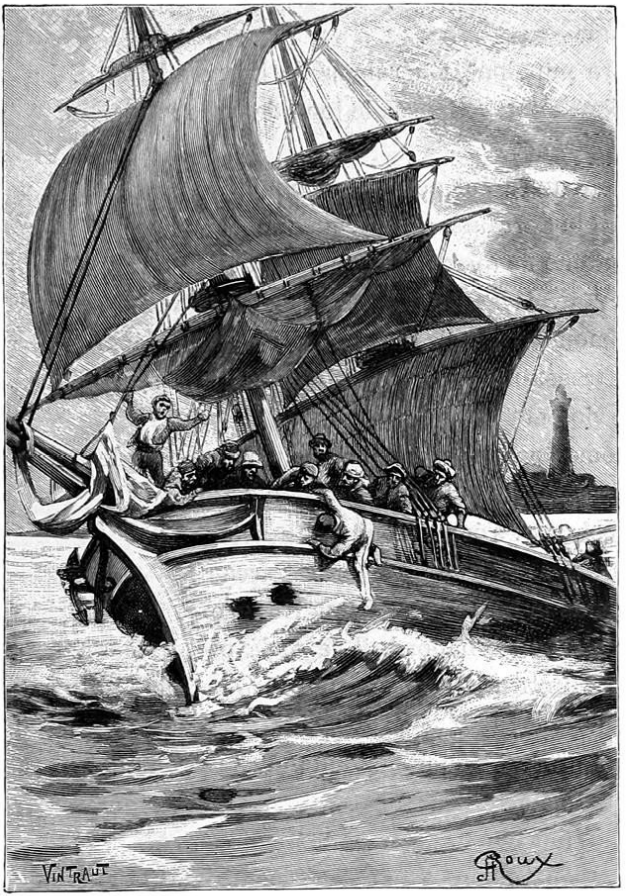
Вследствие этого поворота «Каркант» приблизился немного к северному берегу, но Конгр тотчас же придал ему прежнее направление. До береговых утесов оставалось всего метров пятьдесят, а там можно было взять курс на север и не управлять больше рулем.

Вдруг раздался выстрел. В воздухе что-то просвистело. Корпус шхуны содрогнулся.

В то же время на берегу показался белый дымок, тотчас же рассеянный ветром.

— Что это? — воскликнул Конгр.

— В нас выстелили! — отвечал Каркант.



Весь экипаж вмиг сбежался на переднюю часть шхуны.

Весь экипаж вмиг сбежался на переднюю часть шхуны.

— К рулю! — скомандовал Конгр.

Сам он бросился к левому борту, перегнулся через абордажную сетку и увидел в корпусе корабля, на полметра выше ватерлинии, пробоину.

Весь экипаж вмиг сбежался на переднюю часть шхуны.

С берега кто-то стрелял!.. В тот момент, когда «Каркант» собирался выйти из бухты, в него попало ядро. Если бы оно попало немного ниже, шхуна пошла ко дну. Неожиданное нападение испугало и удивило пиратов. Конгр и его товарищи не знали, что делать. Спустить шлюпку, сесть в нее, высадиться на берег в том месте, где был виден дымок, схватить и убить тех, кто выпустил снаряд? Однако неприятель мог быть более многочисленным, чем пираты. Не лучше ли поэтому отойти подальше от берега и внимательно осмотреть пробоину?

Последнее действительно было самым разумным, так как каронада выстрелила еще раз. Дым заклубился в том же месте. Шхуна снова вздрогнула. Второе ядро ударилось немного позади первой пробоины. Конгр начал спешно давать приказания и побежал на корму, где Каркант уже

исполнял команду.

Шхуна, послушная рулю, придержалась к ветру и накренилась на левый борт. Через пять минут она отдалилась от берега и ушла из-под обстрела направленного на нее орудия.

Выстрелов больше не было. Берег до самой стрелки мыса был пустынен. Можно было надеяться, что нападения больше не будет.

Надо было поторопиться осмотреть корпус шхуны. Изнутри это сделать было невозможно, потому что пришлось бы перемещать груз. Одно было несомненно: два ядра пробили обшивку и проникли в трюм.

Спустили шлюпку. «Каркант» лег в дрейф и покачивался на волнах отлива.

Конгр и плотник спустились в шлюпку и осмотрели корпус, чтобы узнать, можно ли исправить аварию на месте.

Они увидели, что два четырехдюймовых ядра попали в шхуну и пробили обшивку. Обе пробоины находились у самой ватерлинии, у основания обшивки. Будь они несколькими сантиметрами ниже, образовалась бы течь, которую не удалось бы заделать. Трюм наполнился бы водой, и «Каркант» пошел ко дну у самого входа в бухту.

Конечно, Конгр и его товарищи могли добрать-

ся до берега в шлюпке, но шхуна погибла бы.

Хотя повреждение и не было особенно значительным, все же оно мешало «Карканту» выйти в открытое море. При самом незначительном крене на левый борт вода могла проникнуть внутрь. Поэтому раньше, чем пуститься в путь, надо было заделать пробоины.

— Какой мерзавец сделал это? — то и дело повторял Каркант.

— Может быть, тот из трех сторожей, который спасся! — отвечал Варгас. — А может быть, этот сторож спас кого-нибудь из пассажиров «Столетия»? Однако ведь ядра-то пушечные! Не с луны же они свалились! На берегу должна быть пушка.

— Очевидно, — согласился Каркант. — Должно быть, это орудие с трехмачтовой шхуны. Жаль, что мы не нашли его среди обломков.

— Черт с нею, с этой пушкой! — резко прервал Конгр. — Нам теперь только бы поскорее починиться.

В самом деле, не время было толковать о том, как случилось нападение; надо было исправлять повреждение шхуны. В конце концов ее можно было отвести к противоположному берегу бухты, к мысу Сан-Диего. На это довольно было и часа

времени. Но этот берег до самого мыса Сеераль слишком мало защищен от ветра, который при первой же буре мог разбить шхуну о рифы. Поэтому Конгр решил возвратиться в тот же вечер в Эльгорскую бухту, где можно было быстро и в полной безопасности сделать необходимые исправления.

В это время, однако, начинался отлив, и шхуна не могла идти против течения. Пришлось ждать прилива, который должен был начаться через три часа.

Зыбь начала уже порядком покачивать шхуну, и ее могло унести отливом до мыса Сеераль, причем она могла бы зачерпнуть воды. При каждом покачивании слышно было, как в отверстия корпуса вливается вода.

Конгр вынужден был бросить якорь в нескольких кабельтовых от мыса Сан-Диего.

Положение было не из завидных. Наступала ночь. Уже совсем смеркалось. Только уверенность Конгра и знание местности могли спасти шхуну от крушения на одном из многочисленных рифов, делающих берег неприступным.

Наконец, около десяти часов начался прилив. Шхуна снялась с якоря и раньше полуночи, поминутно подвергаясь страшной опасности, воз-

вратилась на свою стоянку в Эльгорскую бухту.

Глава тринадцатая
Три дня

Нетрудно представить себе отчаяние Конгра, Карканта и остальных пиратов. Только было вышли в море, и вдруг новое препятствие!.. А через четыре или пять дней в Эльгорскую бухту могло прийти рассыльное судно! Если бы пробоины были менее серьезны, Конгр выбрал бы другую стоянку, например в бухте Сан-Хуан, по ту сторону мыса, на северном берегу острова. Но при настоящем состоянии судна предпринимать такой дальний переход было бы безумием. Шхуна на полдороге пошла бы ко дну. При кормовом ветре и боковой качке она непременно зачерпнула бы воды. В лучшем случае пришлось бы потерять весь груз.

Таким образом, возвращение в бухту маяка было неизбежным и, решив вернуться, Конгр поступил вполне благоразумно.

Никто не спал в эту ночь на шхуне. Часовые стояли на вахте. Ведь можно ожидать и нового нападения. Возможно, что недавно на острове высадился целый полк. В Буэнос-Айресе могли

узнать о шайке пиратов, и аргентинское правительство, может быть, выслало отряд для их поимки.

Обо всем этом рассуждали Конгр и Каркант, сидя на корме. Вернее, впрочем, говорил один Каркант; Конгр был мрачен и задумчив и отвечал односложно.

Карканту первому пришла мысль о возможной высадке на Острове Штатов солдат — для преследования шайки Конгра. Однако едва ли регулярное войско поступило бы таким образом. Оно открыто атаковало бы пиратов на острове или, если бы не сумело этого сделать, выслало ко входу в бухту несколько судов, которые взяли бы в тот же вечер шхуну на абордаж или повредили ее настолько, что она не в состоянии была бы продолжать путь. Во всяком случае, оно не ограничилось бы одной стычкой, как этот неведомый враг, чрезмерная осторожность которого служила признаком слабости.

Поэтому Каркант нашел свое первое предположение малоправдоподобным и склонился скорее к мысли Варгаса, думавшего, что единственной целью неприятеля было желание помешать шхуне уйти. Вероятнее всего, что несколько человек из экипажа «Столетия» спаслись и встретили

на острове сторожа, который сообщил им об отплытии шхуны и скором прибытии «Санта-Фе». Пушка найдена была ими среди обломков корабля.

— Рассыльное судно еще не пришло, — сказал Конгр, задыхаясь от гнева. — Шхуна успеет уйти до его прибытия.

Действительно, трудно было ожидать, что в такую бурю с погибшего «Столетия» спаслось больше трех человек. Если к ним присоединить еще и сторожа маяка, то, конечно, этой горстке людей не справиться с целой шайкой хорошо вооруженных пиратов. После починки шхуны надо будет держаться вдали от берега, идти посередине бухты; тогда покушение не повторится.

Вопрос в том только, сколько дней продлится исправление пробоин.

Ночь прошла спокойно, а утром экипаж принялся за работу.

Прежде всего перенесли груз из трюма на палубу, к левому борту. На это употребили половину дня. Разгружать шхуну и отводить ее оказалось излишним. Так как пробоины находились немного выше ватерлинии, то их можно было чинить со шлюпки, причаленной к шхуне. К счастью, корабельный набор вовсе не пострадал от снарядов.

Конгр спустился с плотниками в трюм, и вот что он увидел.

Оба ядра пробили только обшивку. Переместив груз, нашли две пробоины почти на одной высоте. Шпангоуты оказались лишь слегка задетыми. Края расположенных на расстоянии около метра одна от другой пробоин были ровные, словно выпиленные, так что их можно было легко заделать, прикрепив к ним деревянные доски и прикрыв металлической обшивкой.

В общем, повреждения были пустячные. Корпус уцелел, а пробоины можно было быстро зачинить.

— Когда все будет готово? — спросил Конгр.

— Я положу поперечные брусы для скрепления сегодня вечером, — отвечал Варгас.

— А затычки?

— Приготовлю завтра утром; к вечеру вся работа будет окончена.

— Так что вечером можно будет перенести груз в трюм, а послезавтра сняться с якоря?

— Непременно, — отвечал плотник.

Таким образом, на исправление пробоин должно было пойти всего шестьдесят часов, и шхуна «Каркант» могла отплыть лишь двумя днями позже, чем предполагалось.

Каркант спросил Конгра, не соберется ли он утром или днем на мыс Сан-Хуан узнать, что там происходит?

— К чему? — отвечал Конгр. — Мы не знаем своего врага. Нам пришлось бы ехать на берег десятерым и оставить только двух-трех человек для охраны шхуны, а между тем, кто знает, что может случиться в наше отсутствие…

— Правда, — согласился Каркант, — да и какая выгода? Пусть кто-нибудь другой взыщет с тех, кто в нас стрелял. Нам теперь нужно как можно скорее покинуть остров.

— Послезавтра мы выйдем в море, — сказал Конгр.

Таким образом, все шансы были за то, что рассыльное судно, которое должно прийти через несколько дней, все же не застанет шхуну в бухте.

Впрочем, если бы Конгр с товарищами пришли на мыс Сан-Хуан, они не нашли бы там больше и следа Васкеса и Джона Дэвиса.

Вот что произошло.

Накануне они до самого вечера были заняты приготовлениями. Пушку, по предложению Джона Дэвиса, поставили на самый угол прибрежного утеса. Лафет Джон Дэвис и Васкес установили

без труда, но орудие оказалось очень тяжелым. Тащить его сначала по прибрежному песку, а затем через скалы было нелегко. Понадобились рычаги, так что на это ушло немало времени.

Около шести часов вечера каронада уже стояла на лафете, и ее можно было навести на вход в гавань.

Тогда Джон Дэвис принялся заряжать пушку, вложил сильный заряд, забил его пыжом из сухих водорослей, а сверху положил ядро. Теперь оставалось только зажечь фитиль и выстрелить.

— Я хорошо обдумал план действий, — сказал Дэвис Васкесу. — Топить шхуну нам невыгодно: пираты выберутся на берег, и нам тогда не спастись. Достаточно повредить ее настолько, чтобы она возвратилась в бухту и простояла там некоторое время для починки повреждений.

— Конечно, — согласился Васкес. — Но ведь сделанную ядром пробоину можно починить в один день.

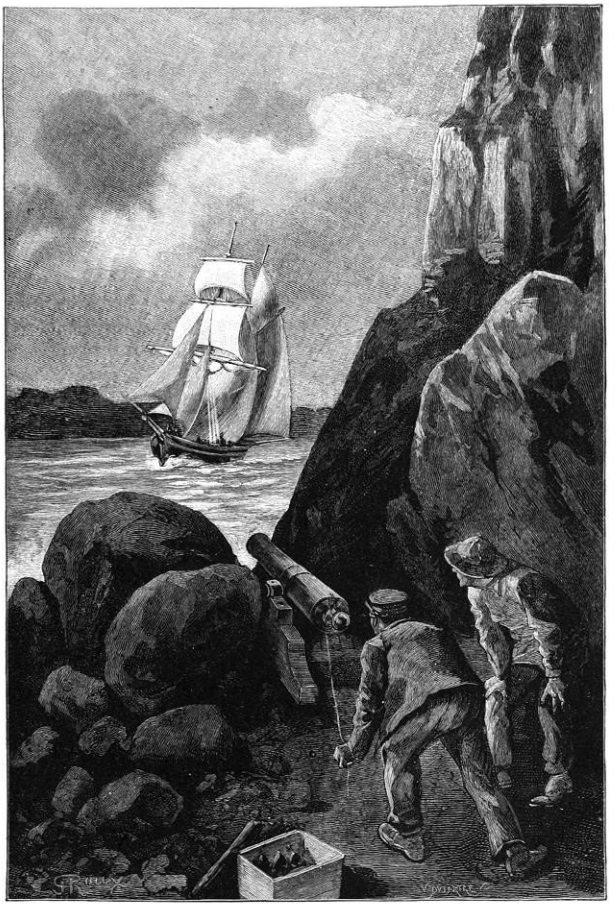
— Не так скоро, потому что им придется разгружать судно. На это потребуется не меньше двух суток, а между тем сегодня уже 28 февраля.

— А что, если рассыльное судно придет только через неделю? — сказал Васкес. — Уж не лучше ли выстрелить не в корпус, а в рангоут?

— Это было бы, конечно, лучше, Васкес. Лишившись фок– или грот-мачты, шхуна осталась бы в бухте, потому что этих мачт нечем заменить. Но в мачту труднее попасть, чем в корпус, а мы не можем давать промаха при стрельбе.

— Правда твоя, — отвечал Васкес, — тем более что, если эти негодяи выйдут из гавани с вечерним отливом, как это очень вероятно, то будет уже темно. Итак, поступайте как хотите, Дэвис.

Все было готово. Васкес и его товарищ стояли рядом с орудием и выжидали момента, когда шхуна пройдет мимо.



Оставалось только зажечь фитиль и выстрелить.

Оставалось только зажечь фитиль и выстрелить.

Мы уже знаем, каковы были результаты стрельбы и при каких условиях шхуна «Каркант» вынуждена была возвратиться на свою старую якорную стоянку. Джон Дэвис и Васкес оставались на том месте, откуда стреляли, пока не убедились, что шхуна вернулась в бухту.

Из предосторожности необходимо было спрятаться в какой-нибудь другой части острова.

Васкес был прав. Конгр мог явиться на остров с частью своей банды для преследования стрелявших в шхуну.

Друзья решили оставить грот, в котором было приютились, и приискать себе в одной или двух милях расстояния новое жилище, расположенное так, чтобы видно было каждое приближающееся с севера судно. Лишь только вдали покажется «Санта-Фе», они поспешат на мыс Сан-Хуан и станут подавать сигналы. Командир Лафайет вышлет за ними шлюпку, примет их на крейсер, и они расскажут ему о положении дела, если только шхуна еще будет в бухте. К несчастью, шхуна к тому времени могла и уйти.

— Только бы она не ушла! — твердили в волнении Джон Дэвис и Васкес.

Ночью они забрали съестные припасы, оружие, порох и пошли по берегу. Они прошли около шести миль, миновали бухту Сан-Хуан и наконец нашли на противоположной стороне залива пещеру, в которой можно было укрыться до возвращения рассыльного судна.

Если бы шхуна ушла до прибытия «Санта-Фе», они могли бы возвратиться в грот.

Васкес и Джон Дэвис целый день не сводили глаз со шхуны. Пока продолжался прилив, они знали, что шхуна не может сняться с якоря, и не беспокоились. Но когда начался отлив, их стало мучить опасение, что разбойникам удастся заделать пробоины в течение одной ночи. Как только повреждения будут исправлены, Конгр не станет медлить ни часу. Ведь если Васкес и Дэвис с нетерпением ожидают прибытия «Санта-Фе», то пираты должны думать о нем с ужасом.

С своей стороны Конгр и Каркант наблюдали за побережьем, но сами на берег не выходили. Они решили, что не стоит терять времени на поиски, которые к тому же могут оказаться бесполезными. Главное, надо было спешить починить судно. Деревянные клинья уже были вбиты плотником Варгасом в набор корабля, а наутро пробоины должны были быть заложены затычками и окон-

чательно заделаны.

Таким образом, ничто не нарушило покоя Васкеса и Джона Дэвиса в течение 1 марта — дня, показавшегося им мучительно долгим.

Вечером они еще раз убедились, что шхуна стоит на якоре, и пошли в пещеру отдохнуть. Сон был им необходим.

Наутро они проснулись чуть свет, и первой их мыслью было взглянуть на море. Ни «Санта-Фе», ни какого-либо другого судна они, однако, не увидели.

Выйдет ли шхуна в море с утренним отливом, который уже начался? Если она воспользуется отливом, то через час она уже обогнет мыс Сан-Хуан.

Нечего было и думать повторить вчерашнее нападение на шхуну. Конгр наверно примет меры, чтобы ядра не достигли судна.

Легко понять чувства, которые волновали Джона Дэвиса и Васкеса до самого конца отлива.

Наконец, около семи часов вечера начался прилив. Теперь шхуна не могла выйти до следующего дня. День был ясный. Дул легкий северо-восточный ветер. Море успокоилось после недавней бури. Солнце сияло между туч, стоявших почти неподвижно, так как в верхних слоях атмосферы

вовсе не было ветра.

Опять день показался Джону Дэвису и Васкесу нестерпимо длинным, но, как и накануне, он прошел без тревоги. Все пираты оставались в бухточке, и казалось маловероятным, чтобы кто-нибудь из них отлучился со шхуны утром или после полудня.

— Очевидно, негодяи не на шутку принялись за починку! — ворчал Васкес.

— Да, торопятся, — отвечал Джон Дэвис. — Вот заделают пробоины, и тогда ничто не удержит их больше в бухте.

— Может быть, они пустятся в путь еще сегодня вечером! — продолжал Васкес. — Правда, будет темно, но они хорошо знают бухту и найдут дорогу без огня. Вошли же они в бухту вчера ночью, ночью же могут и уйти. Ужасно жаль, что мы не сорвали со шхуны мачты!

— Мы сделали что могли, Васкес, — отвечал Дэвис.

Джон Дэвис задумался. Устремив взор на север, он молча ходил взад и вперед по берегу. Но на горизонте не было ничего.

Вдруг он подошел к товарищу.

— Васкес, — сказал он, — не сходить ли нам туда посмотреть, что они делают?

— В глубине бухты, Дэвис?

— Да, надо узнать, готова ли шхуна к отплытию.

— Какая нам от этого польза?

— Это нужно сделать, Васкес! — вскричал Джон Дэвис. — Я больше не могу оставаться в неведении, я сгораю от нетерпения!

Старший офицер «Столетия» действительно начинал терять самообладание.

— Далеко ли отсюда до маяка, Васкес? — спросил он.

— Мили три, не больше, если идти прямой дорогой, через холмы.

— Так часа в четыре я пойду, Васкес. К шести часам я буду там и постараюсь подойти поближе. Будет еще светло, и я все увижу, а меня никто не заметит!

Васкес не пытался отговаривать Джона Дэвиса; это было бы бесполезно.

— Оставайтесь здесь и наблюдайте, а я пойду один и вернусь сегодня же вечером, — продолжал Дэвис.

— Я тоже пойду с вами, — отвечал Васкес, у которого, по-видимому, были свои соображения. — Я тоже не прочь пройтись в сторону маяка.

Прежде чем пуститься в путь, Васкес оставил

товарища на берегу, а сам пошел в пещеру и занялся там какими-то таинственными приготовлениями.

Когда старший офицер «Столетия» входил в грот, он застал его один раз оттачивающим большой нож, а в другой раз — разрывающим рубашку; он рвал ее на полоски, а затем сплетал из них веревки.

На вопросы Дэвиса Васкес отвечал уклончиво, говоря, что объяснит все вечером. Джон Дэвис не стал настаивать.

В четыре часа они съели по сухарю и по куску солонины и, захватив с собой револьверы, отправились.

Пройдя по узкой лощине, они довольно легко достигли гребня холмов.

Там взорам их представилось обширное плоскогорье, на котором не было никакой растительности, кроме кустов барбариса. Нигде ни деревца. Стаи крикливых морских птиц неслись на юг.

Относительно дороги к Эльгорской бухте не могло быть никакого сомнения.

— Вот куда надо идти! — указывал Васкес на возвышавшийся в расстоянии двух миль маяк.

— Пойдем! — отвечал Джон Дэвис.

До самой бухты незачем было принимать мер

предосторожности. Васкес и Дэвис шли скорым шагом. Через полчаса они остановились, запыхавшись от быстрой ходьбы, но совсем не усталые.

До маяка оставалось еще полмили. Надо было поостеречься на случай, если Конгр или кто-нибудь из его шайки стоит на верхней галерее. На таком близком расстоянии они могли заметить приближающихся.

День был ясный, и можно было различить, что на галерее никого нет. Но кто-нибудь из пиратов мог наблюдать из дежурной комнаты маяка, узкие оконца которой выходили на все четыре стороны и позволяли видеть всю окрестную часть острова.

Джон Дэвис и Васкес начали прятаться за разбросанные всюду в беспорядке скалы, перебегали от одной к другой, по открытой местности прокрадывались даже ползком и продвигались теперь гораздо медленнее.

В шесть часов они достигли последних отрогов обрамлявших бухту холмов.

Здесь их никто не мог видеть, если только кто-нибудь из пиратов не перешел через холм. Даже с вышки маяка их трудно было бы заметить среди окружающих скал.

Они взглянули вниз. Шхуна по-прежнему покачивалась на якоре. Ее мачты, реи, снасти были в исправности. Экипаж был занят уборкой груза в трюм. Шлюпка привязана была у кормы, а не стояла у левого борта — признак, что работа окончена и пробоины заделаны.

— Они уже исправили повреждения! — прошептал Джон Дэвис, едва сдерживая душивший его гнев.

— И пожалуй, снимутся до отлива, часа через два-три.

— А мы не можем им помешать! — с отчаяньем прошептал Джон Дэвис.

Плотник Варгас действительно сдержал свое слово. Повреждения были окончательно исправлены всего в каких-нибудь два дня. Груз с палубы был водворен на свое место в трюм. «Каркант» мог смело выйти в море.

Однако время все шло да шло. Солнце склонилось к горизонту. Уже вечерело. А шхуна все еще стояла на якоре. Васкес и Джон Дэвис, притаившись, прислушивались к малейшему шороху на шхуне. Оттуда доносились смех, крики, ругань, шум перетаскиваемых по палубе тюков.

Около десяти часов вечера они услышали, как были захлопнуты люки, потом все замолкло.

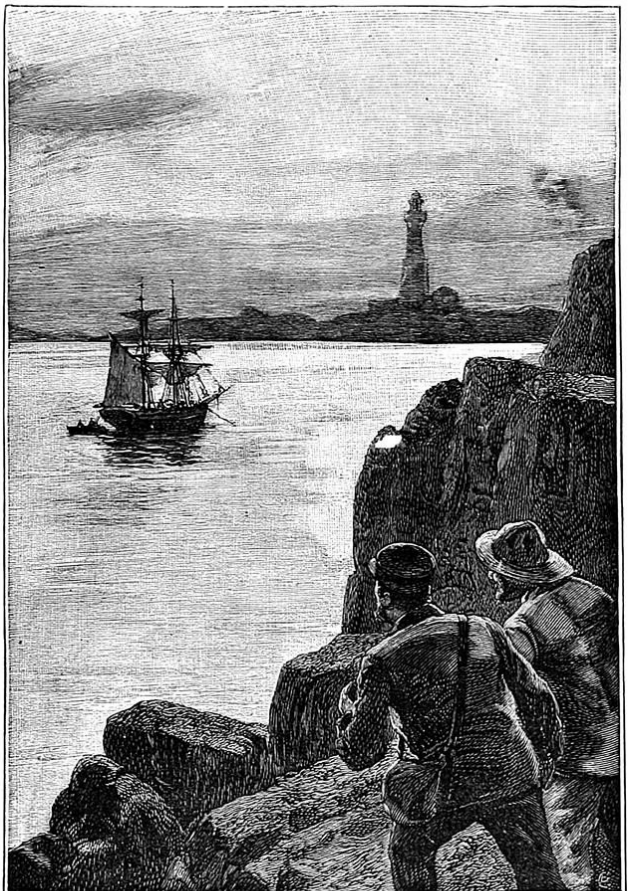
Сердца Васкеса и Джона Дэвиса сжались. Вероятно, на шхуне все было готово, и она сейчас должна была сняться с якоря. Но нет, шхуна по-прежнему покачивалась на якоре, а паруса были взяты на гитовы.

Так прошел час. Старший офицер «Столетия» схватил Васкеса за руку.

— Начинается прилив, — сказал он.

— Не уйдут они!

— Не сегодня, так завтра, но уйдут!



Шхуна по-прежнему покачивалась на якоре.

Шхуна по-прежнему покачивалась на якоре.

— Ни сегодня, ни завтра — никогда! — отвечал Васкес. — Пойдем! — И он увлек за собой товарища из ущелья, в котором они притаились.

Заинтересованный Дэвис последовал за медленно продвигавшимся к маяку Васкесом. Через несколько минут они были у подножия башни. Васкес поискал что-то, потом ухватился за обломок скалы и сдвинул его без особенного труда.

— Полезайте туда, — указал он Дэвису под скалу. — Я открыл это местечко случайно, когда жил на маяке. В то время я не подозревал, что оно когда-нибудь пригодится мне. Это не пещера, а просто углубление, в котором мы с трудом поместимся вдвоем. Но зато люди могут тысячу раз пройти мимо нашей двери, не зная, что жилье занято.

Дэвис повиновался и влез в углубление. Васкес последовал за ним. Тесно прижавшись друг к другу, они вполголоса разговаривали между собой.

— Вот что я придумал, — говорил Васкес. — Вы подождете меня здесь.

— Ждать? Зачем? — спросил Дэвис.

— Подождите, а я проберусь на шхуну.

— На шхуну? — удивился Дэвис.

— Да, я решил, что эти мерзавцы не уйдут! —

твердо сказал Васкес.

Он вытащил из своей куртки два сверточка и нож.

— Вот приготовленный мной из пороха и лоскута рубашки заряд. Из остального пороха и другого лоскута я сделал вот этот фитиль. Я положу то и другое себе на голову и доберусь до шхуны вплавь. Там, держась за руль, я просверлю ножом отверстие между рулем и ахтерштевнем, вложу туда заряд, подожгу фитиль, а сам уберусь обратно. Ничто на свете не в силах удержать меня от этого предприятия.

— Это великолепно! — восторженно воскликнул Джон Дэвис. — Но я не пущу вас одного. Я пойду с вами.

— К чему? — отвечал Васкес. — Для того чтобы исполнить мой замысел, достаточно и одного человека. Одному и пробраться легче.

Напрасно настаивал Дэвис, Васкес не уступил. Замысел принадлежал ему, он один и хотел привести его в исполнение. Дэвису пришлось покориться.

Когда совсем стемнело, Васкес разделся, вылез из засады и пополз к подошве холма. Добравшись до моря, он бросился в воду и поплыл к тихо покачивавшейся в одном кабельтове от берега

шхуне.

По мере приближения шхуна выступала из темноты черной, внушительных размеров массой. На шхуне было тихо, но пловец увидел силуэт сидевшего на баке и свесившего ноги над водой часового. Матрос насвистывал какую-то песенку, и звуки ее отчетливо раздавались в ночной тишине.

Васкес поплыл к кормовой части шхуны. Никто не заметил его в густом мраке ночи. Он подплыл под самый руль. Ценой невероятных усилий, цепляясь за оковку, он поднялся по шпилю руля и уселся верхом на его ребро, как всадник на коне. Освободив руки, он снял с головы сверток и, держа в зубах, стал разбирать его содержимое. Прежде всего он вынул нож и принялся сверлить им. Дыра между ребром руля и ахтерштевнем становилась все больше и глубже. Через час он просверлил дыру насквозь. Васкес положил в это отверстие заряд и фитиль и стал искать огниво.

Вдруг уставшие ноги его ослабели. Он почувствовал, что скользит и падает. Это было ужасно. Стоило ему свалиться в воду и намочить огниво, чтобы все дело пропало: огня негде будет добыть.

Стараясь сохранить равновесие, Васкес сде-

лал неосторожное движение и уронил мешочек вместе с его содержимым в воду. Сверток упал с плеском, брызги так и полетели во все стороны.

Песня часового внезапно оборвалась. Васкес слышал, как матрос спустился с бака, прошел по палубе, поднялся на ют. Он видел отражение его в море. Наклонившись над гакабортом, матрос старался открыть причину неожиданного шума, который привлек его внимание. Долго стоял и прислушивался часовой, а Васкес, ни жив ни мертв, сидел, судорожно сжимая руль коленями и вцепившись в него ногтями, чувствуя, что силы начинают ему изменять.

Видя, что все спокойно, матрос наконец ушел на бак и снова запел свою песню.

Васкес вынул огниво и начал высекать из кремня огонь. Посыпались искорки, и фитиль с треском загорелся.

Тогда, спустившись по скользкому рулю, Васкес снова бросился в воду и поплыл обратно к берегу.

Оставшемуся в своей засаде Джону Дэвису казалось, что время тянется мучительно долго. Прошло полчаса, три четверти часа, час. Дэвис не мог выдержать больше. Он вышел из засады и пошел посмотреть на море. Что случилось с Вас-

кесом? Удался ли его замысел? Во всяком случае, его не заметили, так как на шхуне по-прежнему царила тишина.

Вдруг в ночном безмолвии раздался глухой звук взрыва. Эхо холмов повторило его. На шхуне неистово забегали, закричали. Несколько минут спустя Дэвиса почти сшиб с ног подбежавший к нему мокрый и грязный Васкес. Он быстро забрался вместе с Дэвисом в углубление и задвинул вход в него камнем. Вслед за ним с криком пробежали какие-то люди. Слышен был стук толстых подошв по скалам и громкие крики:

— Держи, держи его! — кричал один.

— Я видел его, как вижу тебя! Он один!..

— Он всего в ста метрах впереди нас!

— Ах, негодяй! Попадется он нам в руки.

Шум утих. Пираты скрылись из виду.

— Удалось? — шепотом спросил Дэвис.

— Да, — отвечал Васкес.

Утром на шхуне застучали молотки. Это еще больше убедило Джона Дэвиса и его товарища, что замысел удался. На шхуне работают, значит есть повреждение. Неизвестно только, насколько оно серьезно.

— Я хотел бы, чтобы повреждения были достаточно велики, чтобы удержать шхуну в бухте на

целый месяц! — воскликнул Дэвис, забывая, что, если его желание исполнится, то ему с товарищем придется умереть с голода в их логовище.

— Тише! — прошептал Васкес, хватая его за руку.

Дело в том, что подходила группа пиратов. Может быть, это возвращались те же, которые преследовали Васкеса и не нашли его. На этот раз они шли молча. Слышен был только шум их шагов.

Целое утро бродили они вокруг тайника, где спрятались друзья. Они искали бесследно исчезнувшего неприятеля и наконец утомились. Все замолкло вокруг.

Вдруг около полудня три или четыре пирата остановились у самой засады Васкеса и Дэвиса.

— Положительно, точно в землю провалился! — сказал один из них, усаживаясь на каменную глыбу, которая заграждала вход в тайник.

— Нечего и искать! — отвечал другой. — Товарищи наши давно уже вернулись на шхуну.

— Да и нам ничего другого не остается. К счастью, негодяй не причинил шхуне большого вреда.

Васкес и Дэвис вздрогнули при этих словах и еще больше насторожились.

— Да, — подтвердил четвертый собеседник. — Шутка сказать, хотел испортить руль!

— Нанести шхуне удар в самое сердце!

— Хорошо бы теперь было наше положение, если бы это ему удалось!

— На наше счастье, его снаряд отдал при взрыве в правый и левый борт. Попорчен только кормовой подзор, да местами сорвана оковка. Самый руль почти не пострадал.

— Все будет приведено в порядок сегодня же, — сказал первый из говоривших. — А вечером мы будем в шпиле, молодцы! А тот мерзавец пусть остается здесь — все равно подохнет с голоду.

— Ну, Лопес, отдохнул? — прервал говорившего чей-то грубый голос. — Нечего тут болтать. Пойдем-ка лучше!

— Пойдем! — откликнулись остальные и пошли дальше.

Опечаленные тем, что они слышали, Васкес и Дэвис молча смотрели друг на друга.

Две крупные слезы навернулись на глаза Васкеса и упали с его ресниц. Суровый моряк нисколько не стыдился и даже не пробовал скрыть своего отчаяния от товарища. Так вот каков жалкий до смешного результат его героической попытки! Повреждение так незначительно, что задержит

пиратов в бухте всего на двенадцать часов. К вечеру повреждение будет уже исправлено, шхуна выйдет в море и исчезнет за горизонтом.

Доносившийся с берега оживленный стук молотков свидетельствовал о том, что пираты спешат починить шхуну. Около пяти часов вечера, к великому огорчению Васкеса и Дэвиса, стук прекратился. Они поняли, что работа окончена. Несколько минут спустя, подтверждая их предположение, в клюзах зазвенела цепь. Конгр поднимал якорь. Приближался момент отплытия.

Васкес не мог оставаться на месте. Отвалив камень от входа, он осторожно выглянул из засады.

Солнце садилось за цепью гор, преграждавших горизонт на западе. До полного заката оставалось не больше часа.

С противоположной стороны в бухте по-прежнему покачивалась на якоре шхуна. Недавнего повреждения как не бывало. Все было в исправности. Вертикальное положение цепи показывало, что незначительного усилия было достаточно, чтобы поднять якорь, как только понадобится.

Забыв всякую осторожность, Васкес наполовину высунулся из отверстия. Дэвис прижался к его

плечу. Оба смотрели, порывисто дыша.

Почти все пираты были уже на судне. На берегу оставались лишь немногие, но между ними Васкес увидел Карканта и Конгра. Они ходили взад и вперед на площадке перед маяком.

Минут через пять они расстались. Каркант подошел к двери жилища сторожей.

— Будем осторожны, — заметил Васкес, — кажется, он собирается подняться на маяк.

Дэвис и Васкес спрятались в свое логовище.

Действительно, Каркант в последний раз поднялся на маяк, чтобы посмотреть, не приближается ли к острову какое-нибудь судно.

Ночь обещала быть спокойной. К вечеру ветер стих, и все предвещало наутро великолепный восход солнца.

Джон Дэвис и Васкес прекрасно видели поднявшегося на галерею Карканта. Он обошел вокруг башни, направляя зрительную трубу во все стороны.

Вдруг у Карканта вырвался не крик, а рев. Конгр и остальные подняли голову.

— Рассыльное судно! — не своим голосом заревел Каркант.

Глава четырнадцатая
Рассыльное судно «Санта-Фе»

В бухте началось не поддающееся описанию волнение… Как гром, как смертный приговор поразил злодеев крик: «Рассыльное судно!» «Санта-Фе» являлся для них воплощением правосудия и кары за их преступления.

Но, может быть, Каркант ошибся? Может быть, приближавшийся корабль вовсе не был рассыльным судном Аргентинской республики и даже направлялся вовсе не в Эльгорскую бухту, а в пролив Лемера или к мысу Североаль, собираясь обойти остров с южной стороны?..

Услышав крик Карканта, Конгр бегом пустился к маяку и через пять минут был уже на верхней галерее его.

— Где корабль? — спросил он.

— На норд-норд-осте! Вот он!

— На каком расстоянии?

— Милях в десяти.

— Значит, едва ли он будет в бухте до наступления ночи?

— Нет, не успеет!

Конгр взял подзорную трубу и долго, молча, внимательно смотрел в нее.

Приближавшееся судно было паровое. Оно шло на всех парах, и из трубы его вырывались густые клубы дыма.

Ни Конгр, ни Каркант не сомневались, что это рассыльное судно. Они его видели много раз во время постройки маяка. Пароход шел прямо по направлению бухты. Если бы капитан намеревался направить его в пролив Лемера, он держал бы курс западнее, а если бы он собирался пойти к мысу Североземель — южнее.

— Да, — сказал наконец Конгр, — это рассыльное судно!

— Будь проклят тот, кто задержал нас здесь! — воскликнул Каркант. — Мы теперь были бы уже в Тихом океане, если бы эти мерзавцы два раза не помешали нам выйти в море.

— Упреки тут не помогут, — возразил Конгр. — Надо действовать.

— Каким образом?

— Сняться с якоря.

— Когда?

— Сейчас же.

— Но мы не успеем уйти далеко, а рассыльное судно ляжет в дрейф к бухте.

— Да, но в самую бухту оно не войдет.

— Почему?

— Потому что на маяке нет огня, а в темноте пароход не решится войти в бухту.

Это справедливое размышление пришло в голову не одному Конгру; так же думали и Васкес с Джоном Дэвисом. Опасаясь, чтобы их не увидели с галереи маяка, они притаились в засаде и думали совершенно так же, как и атаман пиратов. Солнце уже село, и на маяке должен был бы давно гореть свет. Не видя огня, командир Лафайет, хотя и знавший остров, едва ли решится подойти. Не понимая, почему маяк не освещает путь, он, наверно, всю ночь будет крейсировать в открытом море. В бухте он бывал раз десять, но всегда днем и, конечно, за отсутствием фонаря на маяке, не войдет в нее ночью и теперь. Факт, что сторожа не исполняют своей обязанности, заставит его предположить, что на Острове Штатов разыгралась какая-то драма.

— Если командир не заметит берега и подойдет без опасения, надеясь увидеть огонь маяка, — сказал Васкес, — с судном может повториться то же, что случилось со «Столетием»: оно может разбиться о рифы мыса Сан-Хуан!

Джон Дэвис вместо ответа сделал уклончивый

жест. Васкес был прав. Правда, бури не было и «Санта-Фе» находился в несколько ином положении, чем «Столетие». Но все же катастрофа была возможна.

— Побежим на побережье! — предложил Васкес. — Через два часа мы будем у мыса и, может быть, еще успеем зажечь сигнальный огонь.

— Нет, не успеем, — возразил Джон Дэвис. — Через час рассыльное судно будет уже у входа в бухту.

— Так что же делать?

— Ждать! — отвечал Дэвис.

Было шесть часов вечера, и остров начинал тонуть в вечерних сумерках.

Между тем на шхуне «Каркант» спешно готовились к отплытию. Конгр во что бы то ни стало хотел сняться с якоря. Если отправление задержится до утра, шхуна встретится с крейсером. Командир Лафайет не пропустит шхуну: он прикажет ей лечь в дрейф и допросит капитана. Конечно, он захочет узнать, почему не горит огонь на маяке. Самое присутствие в бухте шхуны «Каркант» покажется ему подозрительным. Остановив шхуну, он явится на судно, вызовет Конгра, сделает смотр экипажу, одного вида которого будет достаточно, чтобы подтвердить его

подозрения. Он заставит шхуну повернуть и следовать за ним обратно в бухту для дальнейшего расследования дела.

Не найдя на маяке сторожей, командир «Санта-Фе» поймет, что они убиты, — и кем же, как не этими людьми, которые собирались бежать при появлении крейсера.

Возможен был и другой оборот дела.

Ведь если Конгр и его шайка заметили вдали «Санта-Фе», то более чем вероятно, что его увидели и люди, которые два раза нападали на шхуну «Каркант», чтобы помешать ей выйти из бухты. Эти неведомые враги, несомненно, следят за малейшим движением рассыльного судна, встретят его при входе в бухту и, если среди них находится бежавший с маяка сторож, Конгру и его банде не избежать кары.

Все это обдумал и взвесил Конгр. Исход был один: немедленно сняться с якоря и, пользуясь попутным северным ветром, спешно выйти под покровом ночи в открытое море. Может быть, крейсер, не видя маяка и опасаясь в темноте подойти к берегу, находится еще далеко от Острова Штатов. Для большей осторожности Конгр мог, вместо того чтобы направиться в пролив Лемера, взять курс на юг, обогнуть стрелку Североаль и

скрыться за южным берегом.

Итак, он спешил сняться с якоря.

Джон Дэвис и Васкес догадались о планах пиратов и приходили в отчаяние, сознавая, что не могут помешать им.

Часов в семь вечера Каркант созвал всех пиратов, которые еще оставались на берегу. Когда весь экипаж оказался в сборе, подняли шлюпку, и Конгр отдал приказ сняться с якоря.

Джон Дэвис и Васкес услышали звон наматываемой на брашпиль цепи.

Через пять минут якорь был поднят на кранбалк; шхуна сделала поворот и, поставив все паруса, верхние и нижние, медленно вышла из бухточки.

Плавание началось не особенно удачно. Вода стояла на низком уровне, и шхуне приходилось идти очень тихо, не пользуясь даже течением. А через два часа должен был начаться прилив, который задержал бы ее еще больше. При таких условиях хорошо, если она к полуночи дойдет до мыса Сан-Хуан.

Впрочем, не все ли равно? Раз «Санта-Фе» не войдет в бухту, Конгр с ним не встретится, даже если придется ждать следующего прилива, а к утру он будет уже далеко.

Экипаж старался изо всех сил ускорить ход шхуны, но ничего не мог поделать против течения. Ветер относил шхуну к Эльгорской бухте. Конгр знал, что побережье очень опасно своими скалами. Через час после выхода из бухты ему даже показалось, что лучше было бы удалиться от берега, и он решил лечь на другой галс.

Однако ветер почти совсем стих, и сделать это было нелегко. Однако этот маневр представлялся неизбежным. Натянули задние шкоты и отпустили передние. Но вследствие медленности хода шхуне не удалось придерживаться к ветру, и она продолжала дрейфовать к берегу.

Конгр понял опасность. Оставался один способ, который он и употребил. Спустили шлюпку; в нее сели шесть человек и принялись усердно грести, ведя шхуну на буксире. Таким образом им удалось заставить судно сделать поворот на правый борт. Через четверть часа шхуна пошла по прежнему направлению, уже не опасаясь наскочить на рифы южного побережья.

К несчастью, ветра совсем не было, и паруса беспомощно повисли. Шлюпке было не под силу вести на буксире шхуну до самого входа в гавань. Все, что можно было сделать, — это выдержать напор течения, подняться же против него было

немыслимо. Неужели же Конгру предстояло встать на якорь здесь, в двух милях расстояния от бухты?

Когда шхуна снялась с якоря, Джон Дэвис и Васкес встали и побежали к морю, чтобы следить за каждым ее движением. Так как ветра вовсе не было, они поняли, что Конгр будет вынужден остановиться и ждать следующего отлива; но это не помешает ему выйти из бухты еще до рассвета, и он уйдет, никем не замеченный.

— Нет, мы их удержим! — вскричал вдруг Васкес.

— Каким образом? — спросил Джон Дэвис.

— Идем скорее!

И Васкес увлек товарища по направлению маяка.

По его мнению, «Санта-Фе» должен был крейсировать перед островом. Он мог даже быть совсем близко от берега, что при таком штиле не представляло, впрочем, опасности. Удивленный тем, что на маяке нет огня, командир Лафайет, вероятно, держит крейсер под парами и ожидает восхода солнца.

Так думал и Конгр, но он надеялся в то же время, что собьет с толку рассыльное судно. Лишь только начнется отлив, «Каркант», даже при безветрии,

в какой-нибудь час выйдет в открытое море.

В море Конгр не станет слишком удаляться от берега. Достаточно будет силы течения и самых слабых порывов ветра, какие бывают даже в тихие ночи, чтобы, не подвергаясь опасности, пройти вдоль берега даже в самую темную ночь. Обогнув расположенный в шести или семи милях мыс Севераль, шхуна очутится под прикрытием береговых утесов, и ей нечего будет опасаться. Опасность одна: быть замеченным часовыми с «Санта-Фе». Если шхуну заметят при выходе из бухты, командир Лафайет, конечно, не пропустит ее, не допросив капитана о маяке. Так как «Санта-Фе» — судно паровое, оно догонит убегающую шхуну раньше, чем та успеет скрыться за южными возвышенностями.

Было уже девять часов. Конгр решил стать на якорь и дождаться отлива, до которого оставалось еще шесть часов. Только в три часа утра должно было начаться благоприятное течение. Шхуна повернулась форштевнем к открытому морю; подняли шлюпку; когда настанет момент выйти в море, Конгр не потеряет ни минуты времени.

Вдруг у экипажа вырвался единодушный крик, который можно было бы слышать на обоих берегах бухты.

Длинный сноп света осветил ночной мрак. Маяк сиял во всем своем великолепии, освещая море!

— Ах, мерзавцы, они на маяке! — воскликнул Каркант.

— На берег! — скомандовал Конгр.

Действительно, ничего другого не оставалось делать, как, оставив на шхуне лишь несколько человек, высадиться на берег, поспешить на башню маяка, убить сторожа и его товарищей и потушить огонь. Если крейсер находится уже на пути в бухту, он остановится. Если он уже в бухте, он попытается уйти из нее, опасаясь идти без руководящего огня. В худшем случае он до рассвета простоит на якоре.

Каркант приказал спустить шлюпку и сел в нее с двенадцатью пиратами и Конгром, вооруженными ружьями, револьверами и ножами.

Через несколько минут они причалили к берегу и бросились к находившемуся в полутора милях расстояния маяку. Пираты пробежали это расстояние в каких-нибудь четверть часа. На шхуне остались только двое, все остальные разбойники были у подножия маяка.

Между тем Джон Дэвис и Васкес, не соблюдая больше никакой осторожности и зная, что они

никого не встретят, пришли к маяку. Васкес решил зажечь на маяке огонь, чтобы «Санта-Фе» мог войти в бухту до рассвета. Он боялся только одного: не разбил ли Конгр стекла иллюминатора и лампочки и не привел ли в негодность весь аппарат маяка? Если так, шхуне удастся уйти, не будучи замеченной крейсером.

Васкес с Дэвисом вошел в свое прежнее жилье; они проникли в коридор, заперли за собой дверь на замок и поднялись по лестнице в дежурную комнату.

Фонарь оказался в сохранности, в лампах были даже светильни и масло, оставшиеся с того дня, как их погасили. К счастью, Конгр не испортил диоптрического прибора фонаря. Он приостановил действие маяка только на время своего пребывания в Эльгорской бухте, так как не предвидел тогда обстоятельств, при которых ему придется покидать остров.

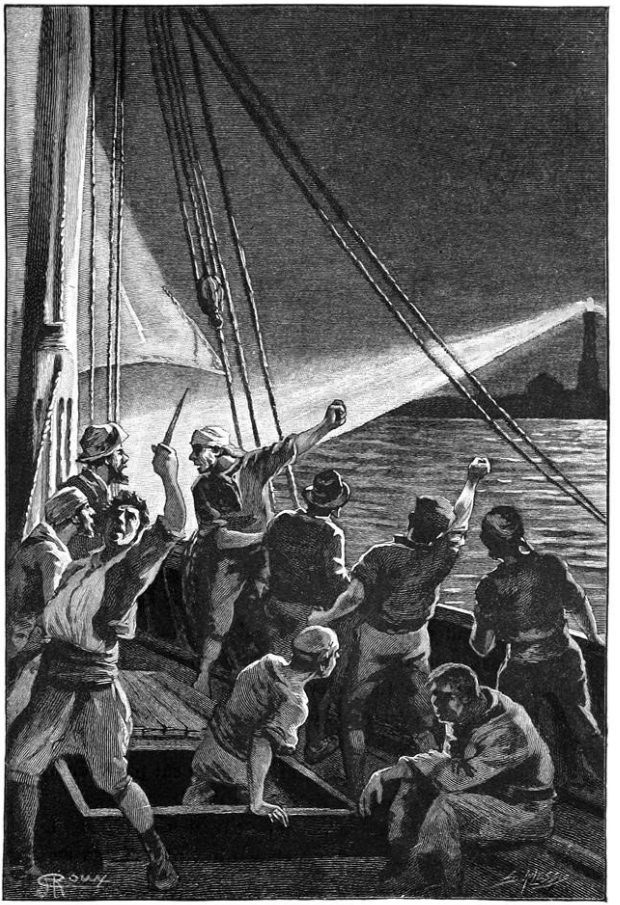
Но вот маяк светит по-прежнему. «Санта-Фе» смело может войти в бухту.

У двери в башню послышался отчаянный стук. Вся шайка ломилась в дверь, чтобы проникнуть на галерею и загасить огонь. Пираты готовы были пожертвовать жизнью, чтобы помешать прибытию «Санта-Фе». Внизу, у башни, и в жи-

лом помещении они не наши никого. Те, кто находился в дежурной комнате, не могли быть очень многочисленны; с ними нетрудно будет справиться; они убьют их и погасят ненавистный огонь на маяке.

Дверь, ведущая из коридора на лестницу, как известно, была железная. Нечего было и думать взломать ее топорами. Каркант попытался было и убедился, что это невозможно. После нескольких неудачных попыток он вернулся к Конгру и остальным пиратам.

Что делать? Нельзя ли добраться до фонаря по наружной стене маяка? Если и это невозможно, пиратам остается одно: бежать вглубь острова, чтобы не попасть в руки командира Лафайета и его экипажа. Возвращаться же на шхуну незачем и некогда. Рассыльное судно, наверно, уже успело войти в бухту…



Длинный сноп света осветил ночной мрак.

Длинный сноп света осветил ночной мрак.

Способ взобраться на галерею нашелся.

— Стержень громоотвода! — воскликнул Конгр.

Во всю высоту башни тянулся железный стержень, поддерживаемый на расстоянии каждого метра железными скобами. Цепляясь за эти скобы, можно было достигнуть галереи и напасть на людей, находящихся в дежурной комнате.

Конгр ухватился за это последнее средство спасения. Каркант и Варгас полезли первыми по цепи громоотвода, надеясь, что их не заметят в темноте. Вот они уже у перил, остается только перешагнуть балюстраду…

Но в это время раздались выстрелы. Джон Дэвис и Васкес стояли перед ними в оборонительном положении.

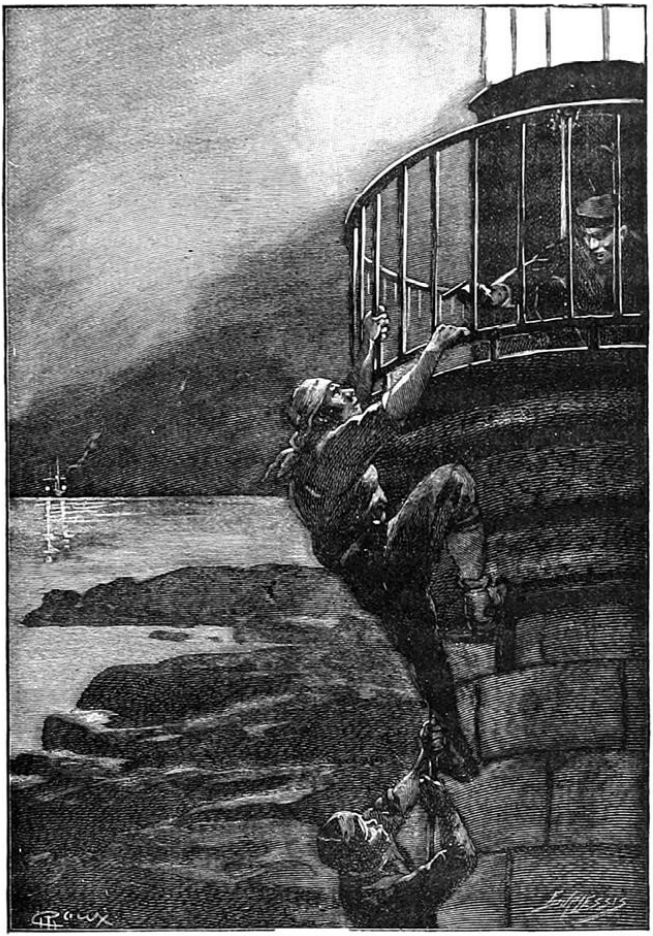
Оба бандита, раненные в голову, выпустили из рук перила и рухнули вниз, на крышу жилого помещения.

Почти в то же время у подножия маяка послышались свистки. Рассыльное судно вошло в бухту, и его сирена огласила воздух резким ревом.

Оставалось только бежать. Через несколько минут «Санта-Фе» должен был остановиться на месте своей прежней якорной стоянки.

Видя, что другого исхода нет, Конгр и его товарищи бросились бежать вглубь острова.

Четверть часа спустя командир Лафайет отдал приказ стать на якорь. К «Санта-Фе» причалила шлюпка сторожей, снова попавшая в руки Васкеса, и Джон Дэвис и Васкес взобрались по трапу на крейсер.



В это время раздались выстрелы.

Глава пятнадцатая
Развязка

Рассыльное судно «Санта-Фе» вышло 19 февраля из Буэнос-Айреса со второй сменой сторожей. Попутный ветер и тихая погода способствовали успешности плавания. Сильная семидневная буря ограничивалась лишь районом Магелланова пролива. Командир Лафайет не испытал этой бури и пришел по назначению несколькими днями раньше, чем предполагалось.

Приди судно двенадцатью часами позже, шхуна была бы уже далеко и преследовать Конгра и его шайку было бы невозможно.

Командир Лафайет в ту же ночь узнал обо всем, что произошло в Эльгорской бухте в течение последних трех месяцев.

Васкес остался в живых, но товарищей его, Фелипе и Мориса, уже не было. Его нового друга, спасенного им после кораблекрушения «Столетия», никто не знал.

Командир Лафайет позвал к себе Васкеса и Джона Дэвиса и спросил:

— Почему вы зажгли так поздно огонь на ма-

яке, Васкес?

— Он не зажигался уже целых девять недель, — отвечал Васкес.

— Девять недель? Но почему? Где ваши товарищи?

— Фелипе и Морис убиты! Через три недели после отплытия «Санта-Фе» на маяке остался один я.

И Васкес рассказал о событиях, разыгравшихся на Острове Штатов.

Выслушав рассказ Васкеса, капитан Лафайет крепко пожал руку ему и Джону Дэвису, которые так смело, так самоотверженно помогли «Санта-Фе» войти в бухту до отплытия шхуны, и в свою очередь рассказал, как рассыльное судно заметило за час до заката солнца Остров Штатов.

Еще утром командир Лафайет определил по карте положение судна. Последнему оставалось держать курс прямо на мыс Сан-Хуан, чтобы подойти к нему еще засветло.

В самом деле, уже смеркалось, когда командир Лафайет увидел вдали восточный берег острова с его высокими, поднимающимися амфитеатром холмами. До мыса оставалось всего около десяти миль, и капитан рассчитал, что будет в бухте часа через два.

В это самое время Джон Дэвис и Васкес заметили «Санта-Фе». Одновременно увидел судно и стоявший на галерее маяка Каркант. Он тотчас же сказал об этом Конгру, который начал спешно сниматься с якоря, чтобы выйти из бухты раньше, чем придет «Санта-Фе».

А рассыльное судно шло между тем к мысу Сан-Хуан. На море было тихо: ветерок чуть-чуть дышал.

До постройки «маяка на краю света» командир Лафайет не решился бы подойти так смело к Острову Штатов или войти в Эльгорскую бухту ночью.

Но он знал, что берег и бухта освещаются маяком, и не нашел нужным ждать до утра.

Итак, рассыльное судно продолжало идти на юго-запад и, когда совсем стемнело, было в какой-нибудь миле расстояния от входа в Эльгорскую бухту.

Судно остановилось, не переводя паров и выжидая момента, когда на маяке зажгут огонь.

Прошел час, а на острове все не зажигали огня. Капитан Лафайет был уверен, что точно определил местоположение судна. Перед ними должна была находиться Эльгорская бухта. Маяк должен был быть совсем близко. А между тем огня на

маяке не было видно.

Капитан подумал, что с осветительным аппаратом маяка случилась какая-нибудь беда. Может быть, буря разбила фонарь и повредила стекла иллюминатора? Ему и в голову не приходило, что шайка пиратов напала на сторожей, двоих из них убила, а третий успел бежать.

— Я положительно не знал, что делать, — рассказывал командир Лафайет. — Ночь была темная. Войти в бухту я не смел. Приходилось до рассвета оставаться в открытом море. Весь экипаж был охвачен каким-то тяжелым предчувствием. Вдруг в девять часов на маяке зажегся огонь. Должно быть, запоздание было простой случайностью. Я велел развести пары и стал держать курс на бухту. Через час «Санта-Фе» вошел в бухту. В полутора милях от бухточки мы встретили стоящую на якоре и, казалось, покинутую экипажем шхуну. Я уже собирался послать на шхуну несколько матросов, как вдруг на галерее маяка раздались выстрелы. Мы подумали, что экипаж шхуны напал на наших сторожей, а те защищаются. Чтобы испугать нападающих, мы подали сигнал сиреной, а четверть часа спустя «Санта-Фе» стала на якорь.

— И как раз вовремя, капитан! — сказал Вас-

кес.

— Чего я никак не мог бы сделать, — отвечал Лафайет, — если бы вы с опасностью для жизни не зажгли на маяке огня. Теперь шхуна была бы в море. Мы не заметили бы ее выхода из бухты, и пиратам удалось бежать.

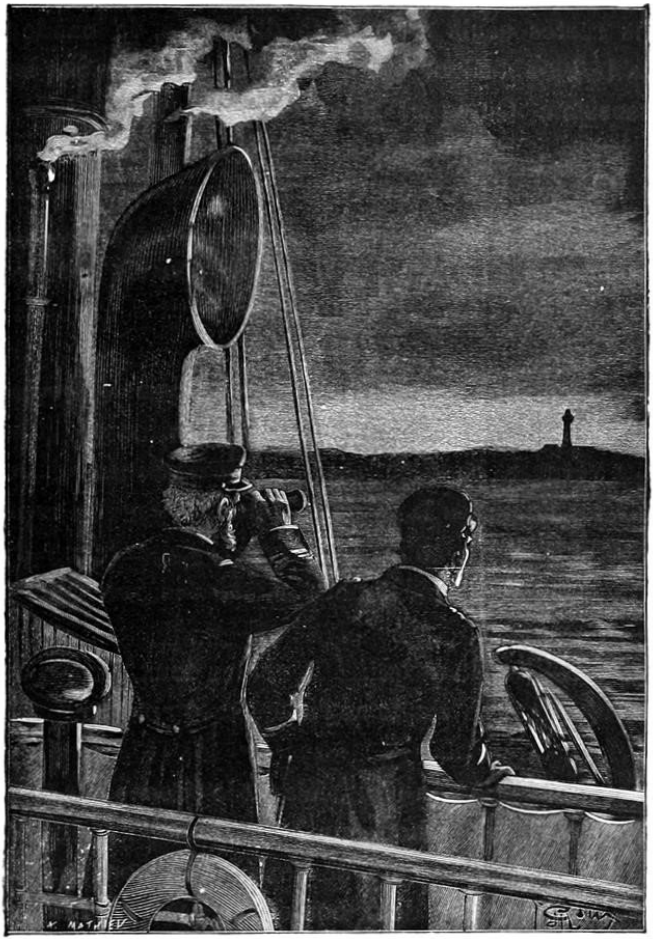
Ночь прошла спокойно. На следующий день Васкес познакомился с тремя новыми сторожами, приехавшими на «Санта-Фе».

Еще ночью сильный отряд матросов отправился на шхуну и завладел ею. Если бы не приняли этой меры предосторожности, Конгр непременно попытался бы с отливом выйти в море.

Чтобы сделать пребывание новой смены сторожей на острове безопасным, Лафайет должен был очистить его от пиратов. Со смертью Карканта и Варгаса их оставалось еще двенадцать человек, не считая атамана. Что касается последнего, то он был в отчаянии от своих неудач.

Так как остров был довольно обширен, поиски могли затянуться и даже ни к чему не привести. Удастся ли экипажу «Санта-Фе» обыскать весь остров? Уж конечно, Конгр и его друзья не вернутся на мыс Сан-Бартелеми, так как тайна их старого места пребывания могла быть обнаружена. Но остров велик: они могут прятаться недели,

месяцы, пока их всех не переловят. Между тем командир Лафайет не мог уйти с острова до тех пор, пока жизнь сторожей не будет застрахована от всяких нападений и пока маяк не начнет правильно функционировать.



Уже смеркалось, когда командир Лафайет увидел вдали восточный берег острова.

Союзником Лафайета являлось бедственное положение, в котором находились пираты. Съестных припасов не было больше ни в пещере у мыса Сан-Бартелеми, ни в гроте близ Эльгорской бухты. Относительно этой последней, по крайней мере, можно было сказать, так как Васкес и Джон Дэвис проводили к ней на следующее утро командира Лафайета. Экипаж «Санта-Фе» не оставил там ни сухарей, ни солонины, ни каких бы то ни было консервов. Все было перенесено на шхуну, которую моряки отвели обратно в бухту. В пещере нашлись лишь не имеющие цены обломки кораблей, постельные принадлежности, платье, утварь. Все это было доставлено в жилое помещение маяка. Если бы Конгр пришел ночью на старое пепелище, он не нашел бы ни крошки съестных припасов для своей банды. Очевидно, у разбойников не было и оружия, с которым они могли бы охотиться, так как на шхуне «Каркант» оказалась масса ружей и боевых припасов. Они могли заняться разве только рыбной ловлей. При таких условиях Конгру и его товарищам оставалось или сдаться, или умереть от голода.

Матросы под начальством офицера и боцма-

на пустились в погоню за разбойниками. Они разделились на два отряда, причем один направился вглубь острова, другой вдоль побережья. Командир Лафайет лично отправился к мысу Сан-Бартелеми; но бандитов там не оказалось.

Прошло несколько дней. Пиратов как не бывало. Но вот утром 10 марта к маяку пришли семь патагонцев. Они исхудали, отощали от голода, потеряли человеческий образ. Их взяли на крейсер, накормили и поместили так, чтобы они не могли бежать.

Развязка разыгравшейся на Острове Штатов драмы.

Четыре дня спустя старший офицер Риегаль, обходя южный берег в окрестностях мыса Уэбстер, наткнулся на пять трупов, среди которых Васкес узнал двух чилийцев из шайки Конгра. Судя по найденным вокруг них остаткам, они пробовали питаться рыбой и ракушками; ни потухших углей, ни пепла костра, однако, около них не было. Очевидно, они не имели возможности добыть огня.

На следующий вечер, наконец, незадолго до заката солнца, на обрамляющих бухту скалах, в пяти метрах от маяка, показался человек. Он стоял почти на том самом месте, откуда Джон Дэвис и Васкес наблюдали за шхуной накануне прибытия рассыльного судна, в тот вечер, когда Васкес решился на свой героический подвиг.

Человек этот был Конгр.

— Вот он!.. Вот он!.. — закричал узнавший его Васкес, стоявший с новыми сторожами около дома.

Командир Лафайет, прогуливавшийся взад и вперед по берегу со своим старшим офицером, прибежал на этот крик. За ним последовали Джон Дэвис и несколько матросов и, столпившись на

террасе, смотрели на пережившего свою шайку атамана бандитов.

Зачем он сюда пришел? Не затем ли, чтобы сдаться? Но ведь он знал, что его ожидает. Его отвезут в Буэнос-Айрес, где он искупит смертью все совершенные им грабежи и убийства.

Конгр стоял неподвижно на высокой скале, у подножия которой разбивались волны. Он окинул взглядом бухту. Он видел рядом с рассыльным судном ту самую шхуну, которую случай сначала послал ему у мыса Сан-Бартелеми, а потом, изменив ему, отнял. Сколько дум роилось у него в голове! Сколько сожалений! Не приди рассыльное судно, он был бы теперь в Тихом океане, где так легко было избежать и преследований, и кары!

Разумеется, командиру Лафайету очень хотелось взять Конгра в плен.

Он отдал приказание, и старший офицер Риегаль отправился с шестью матросами к буковой роще, чтобы обойти неприятеля с тыла.

Васкес вел этот взвод кратчайшим путем.

Не успели они сделать и ста шагов, как раздался выстрел, и что-то тяжелое упало со скалы в море, так что брызги полетели во все стороны. Конгр выхватил из-за пояса револьвер, приставил ду-

ло к виску… Злодей сам исполнил над собою смертный приговор, и отлив увлек в море его безжизненный труп.

Такова была развязка разыгравшейся на Острове Штатов драмы.

Начиная с 3 марта на маяке теперь по ночам неизменно горел огонь.

Джон Дэвис и Васкес собирались возвратиться на рассыльном судне в Буэнос-Айрес, откуда первый должен был отправиться на свою родину, в Мобиль.

Васкес должен был вернуться в свой родной город и отдохнуть от перенесенных им тяжелых испытаний. К сожалению, он должен был возвратиться один, без своих товарищей…

Восемнадцатого марта, после полудня, командир Лафайет, спокойный за судьбу новых сторожей, подал сигнал к отплытию.

Солнце заходило, когда крейсер покидал бухту.

Вдруг там, на берегу, вспыхнул огонек, и отражение его затрепетало в море. Удаляясь по темному морю, рассыльное судно, казалось, уносило с собой несколько лучей нового «маяка на краю света».

Словарь морских терминов, встречающихся в книге

Абордажные сетки — сетки на бортах корабля, применяющиеся в случае абордажной схватки (борт о борт) с неприятельским кораблем.

Ахтерштевень — продольный брус в задней части корабля, служащий скреплением бортов.

Бак — передняя часть верхней палубы корабля до фок-мачты.

Баталер-камера — каюта, служащая складом боеприпасов.

Бизань-мачта — задняя мачта.

Брасопка рей — поворачивание рей — поперечных брусьев, к которым прикрепляются паруса особыми снастями — брасами.

Бушприт — наклонный брус в носовой части корабля, служащий для спуска и подъема якоря.

Ватерлиния — линия, до которой судно погружено в воду.

Взять на фиш (якорь) — закрепить в гнездах.

Ворса — старая пеньковая снасть, которой конопатят корпус судна.

Гакаборт — кормовой борт на верхней палубе.

Галс — положение судна относительно ветра.

Гафель — наклонный рей, укрепляемый нижним концом к мачте судна и служащий для крепления верхней кромки косого паруса — триселя.

Гитовы — снасти, служащие для уборки парусов.

Грот-мачта — средняя мачта трехмачтового судна.

Кабельтов — морская мера длины — около 200 метров.

Килевание — ремонт подводной части судна.

Киль — продольный брус, идущий в нижней, подводной части корабля.

Клюзы — обделанные металлическими муфтами отверстия в бортах для якорных канатов.

Лежать в бейдевинд — стоять в таком направлении к ветру, чтобы он дул навстречу под некоторым углом.

Морская миля — 1 $^{1}/_{4}$ километра.

Нагель — металлический стержень.

Нактоуз — деревянная или медная башенка, служащая подставкой для компаса.

Отдать рифы — увеличить площадь парусов, развязав ряд веревок (риф-сезней), прикрепляющих свернутые паруса к реям (поперечным

брусьям на мачтах).

Ошвартованный — закрепленный.

Пиллерсы — стойки на судах, поддерживающие палубы. Расположены в трюме.

Рангоут — название всех деревянных частей корабля, несущих на себе мачты, реи и пр.

Руслени — площадки снаружи судна, по бортам, к которым прикреплены ванты — снасти, укрепляющие мачту с боков.

Степс — выемка, в которую входит мачта.

Узел — одна морская миля (1852 м).

Флортимберсы — одна из составных частей корпуса судна.

Фок, бригантина, марсель — названия парусов.

Фок-мачта — первая от носовой части мачта корабля.

Фордевинд — направление судна, когда оно идет по ветру.

Форштевень — продольный брус в передней части корабля, служащий скреплением для бортов и волнореза.

Шканцы — средняя часть верхней палубы, от грот-мачты до бизань-мачты.

Шкоты — снасти, растягивающие подветренную сторону паруса.

Шпангоуты — поперечные брусья, изогнутые

по форме судна и образующие его основу, остов.

Штаг — снасть, удерживающая мачту спереди.

Ют — задняя часть верхней палубы корабля, от бизань-мачты до кормы.